

Игорь Зимин

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
РОССИЙСКОГО
ИМПЕРАТОРСКОГО
ДВОРА

ДЕТСКИЙ МИР
ИМПЕРАТОРСКИХ РЕЗИДЕНЦИЙ
Быт монархов и их окружение

Игорь Викторович Зимин
Детский мир императорских
резиденций. Быт
монархов и их окружение
Серия «Повседневная
жизнь Российского
императорского двора», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=645445

*Повседневная жизнь Российского императорского двора.
Детский мир императорских резиденций. Быт монархов и их
окружение.: Центрполиграф; Москва; 2010
ISBN 978-5-227-02410-7*

Аннотация

Книга – тематическое продолжение исследования доктора исторических наук, профессора И.В. Зимина «Повседневная жизнь императорского двора. Взрослый мир императорских резиденций». В этом издании обстоятельно рассказывается о воспитании детей в царской семье, о повседневном окружении монархов – статс-дамах, фрейлинах, камердинерах и челяди,

о бытовых условиях жизни монархов. Множество малоизвестных сведений, несомненно, будут интересны любознательным читателям.

Содержание

Рождение детей в императорской семье	9
Рождение детей в семье Николая II	19
Рождение цесаревича Алексея	48
Крещение детей	63
Воспитание высокородных детей	80
Кормилицы и педиатры при императорской семье	81
Няни и воспитательницы	105
Воспитатели и учителя. Царские дети после семи лет	163
Одежда детей	197
Наказания детей	209
Детские игрушки	220
Образование императорских детей	242
Особенности домашнего образования Александра I	243
Домашнее образование Николая и Михаила Павловичей	246
Образовательные новации в обучении детей и внуков Николая I	254
Обучение детей Александра III	293
Обучение детей Николая II	301
Развлечения детей	321

Царское Село	323
Петергоф	340
Зимний дворец	349
Детские праздники	352
Зимние катки	355
Дни рождения детей	364
Свадьбы в императорской семье	374
Подбор невест и женихов	377
Брачные контракты	380
Быт монархов, их окружение	428
«Жилые» половины в императорских резиденциях	428
Жилая половина императорской семьи в Зимнем дворце при Николае I	428
Жилая половина императорской семьи при Александре II	444
Комнаты Александра III в Зимнем дворце	459
Жилая половина семьи Николая II в Зимнем дворце	462
«Собственные» сады императорской семьи	469
Половины Зимнего дворца	476
Подвалы Александровского дворца	480
Госпиталь в Зимнем дворце. 1915–1917 гг	487

Уровень комфорта и инженерная инфраструктура императорских резиденций	494
От статс-дам до фрейлин	614
Женские чины и должности при Императорском дворе	615
Выбор фрейлин	626
Репутация фрейлин	633
Фрейлинский коридор	638
Штат фрейлин	645
Должностные обязанности фрейлин	651
Жалованье фрейлин	656
Замужество фрейлин	660
Взаимоотношения фрейлин и членов Императорской фамилии	662
Скандалы Фрейлинского коридора	667
Придворные платья	668
Орденские дамы и знаки отличия	672
Портретные дамы и фрейлинские шифры	678
Дворцовая терминология	682
Судьбы фрейлин	683
Придворная челядь	739
Штатные должности	747
Старшие придворные чины: обер-гофмаршал, гофмаршал, камер-фурьеры	750

и гоф-фурьеры	
Камердинеры	757
Придворные арапы	767
Камер-казаки	782
Дворцовая прислуга императорской семьи	805
Наследственный характер службы	819
Слуги-специалисты	827
От крепостной к вольнонаемной прислуге	836
Жалованье прислуги	841
Форма дворцовых слуг	846
Крестники и крестницы	863
Дисциплина, кражи, наказания	871
Животные в императорской семье	901
Заключение	968
Примечания	970
«Детский мир» императорских резиденций	970
Быт монархов, их окружение	1012
Литература	1061
Законодательные акты	1061
Архивные источники	1062
Эпистолярные источники	1064
Документы и справочники	1065
Сборники воспоминаний	1067

Дневники и мемуарная литература	1069
Периодика	1073
Публицистика	1074
Научные статьи	1076
Монографии	1079
Каталоги выставок	1083
Интернет	1085

Игорь Викторович Зимин Детский мир императорских резиденций. Быт монархов и их окружение

Рождение детей в императорской семье

Рождение детей – это радость, а в императорской семье – радость двойная, особенно если на свет появился мальчик, поскольку мальчики обеспечивали «устойчивость» правящей династии. Это было важно для правящего императора и наследника-цесаревича.

ча. В целом, со времени Павла I, имевшего четырех сыновей, «проблема наследника» на протяжении всего XIX в. не являлась актуальной для императорской семьи. Всегда имелся «запас» по прямой нисходящей линии, позволявшей безболезненно для страны замещать «выбывавших» по разным причинам императоров или цесаревичей.

Все русские императрицы рожали дома, то есть в тех императорских резиденциях, в которых они оказывались на момент родов. Ни одна из особ Императорской фамилии не рожала в специализированных клиниках, которые в XIX в. уже существовали. Даже когда в 1904 г. на Васильевском острове лейб-акушер Д.О. Отт открыл роскошную акушерскую клинику, ни одна из особ Императорской фамилии ею так и не воспользовалась. Рожали по традиции дома, приспособив одну из комнат под родильную палату.

Цесаревны и императрицы, несмотря на надвигавшиеся роды, неуклонно соблюдали «график» переездов из резиденции в резиденцию вне зависимости от сроков беременности. При этом лейб-акушер неотступно следовал за беременной особой Императорской фамилии. Рожала она в той резиденции, в которой начинались схватки. Николай II родился в мае 1868 г. в правом крыле первого этажа Александровского дворца Царского Села, куда, следуя традиции,

царская семья только-только переехала на лето. Из пяти детей Николая II одна дочь родилась в Александровском дворце Царского Села, а три дочери и сын – в Нижнем (Новом) дворце в Петергофе. Для лейб-акушера Д.О. Отта поблизости от Нижнего дворца, в котором жила семья Николая II в Петергофе, во Фрейлинском доме выделили двухкомнатную квартиру, где он и жил, ожидая наступления очередных родов императрицы.

Как правило, при родах или в непосредственной близости от родильной комнаты присутствовали все родственники, которые оказывались поблизости. А муж буквально держал рожавшую жену за руку, находясь в «родильной палате». Эта традиция восходила еще к временам Средневековья. По древней европейской традиции, высшая аристократия имела право присутствовать при родах королевы, непосредственно удостоверяясь в «истинности» и родов, и наследника, их будущего властителя. Поэтому присутствие императора или цесаревича рядом с рожавшей женой преследовало цель не только поддержать жену, но и соблюсти давнюю традицию.

О рождении ребенка в императорской семье подданным сообщали изданием соответствующего «Манифеста», который «встраивал» родившегося ребенка в фамильную иерархию Романовых, официально

провозглашая младенца «Высочеством». Когда у Николая I в 1827 г. родился второй сын, то в «Манифесте» сообщалось: «Объявляем всем верным Нашим подданным, что в 9 день сего сентября любезнейшая Наша Супруга, Государыня Императрица Александра Федоровна разрешилась от бремени, рождением Нам Сына, нареченного Константином...»¹.

Кроме этого о рождении царственного младенца подданные узнавали по артиллерийским залпам орудий Петропавловской крепости. Количество залпов уведомляло о поле младенца. 101 залп означал рождение девочки, а 301 – мальчика.

Вся дворцовая прислуга, находившаяся на дежурстве в день рождения ребенка, обязательно получала памятные ценные подарки². Следует добавить, что подданных информировали не только о рождении ребенка, но и о наступлении беременности у императрицы. Такие объявления печатались в разделе официальной хроники «Правительственного вестника».

Отдельным манифестом подданные извещались о новых высокотожественных датах в имперском календаре.

В манифесте от 1 марта 1845 г. указывалось, что «рождение любезнейшего Внука Нашего Великого Князя Александра Александровича (будущего Александра III. – И. З.) повелеваем праздновать в 26 день

февраля, а тезоименитство в 30 день августа»³.

При родах цесаревны или императрицы в обязательном порядке присутствовал министр Императорского двора. Опять-таки с целью гарантировать «истинность» факта рождения ребенка. Однако в XIX в. этого требования уже не придерживались буквально, но министр Двора при родах находился «за дверью» комнаты, в которой рожала императрица или цесаревна, и у него в обязательном порядке было заготовлено *пять вариантов* манифеста, в котором официально объявлялось о рождении ребенка. Царь сам выносил министру Двора новорожденного и сам вписывал в указ заранее выбранное имя⁴. Когда императрица Александра Федоровна готовилась рожать первого ребенка в 1895 г., то, согласно принятой процедуре, в недрах канцелярии Министерства Императорского двора было заранее заготовлено *пять проектов* правительственного указа о рождении ребенка. Эти проекты предусматривали *все возможные варианты*: 1) рождение сына; 2) рождение дочери; 3) двойня из двух сыновей; 4) двойня из двух дочерей; 5) двойня из сына и дочери.

В проекте пропускалось только имя ребенка и не указывался день его рождения. Проект указа на рождение сына формулировался следующим образом: «В день сего... Любезная Супруга Наша Государы-

ня Императрица Александра Федоровна благополучно разрешилась от бремени рождением Нам сына, нареченного...»⁵.

Начиная с Павла I, императорские и великокняжеские семьи были многодетными. Ни о каком ограничении рождаемости речи не шло. Императрицы, цесаревны и великие княгини рожали сколько «бог давал». В семье Павла I императрица Мария Федоровна родила *четырёх сыновей и шестерых дочерей*. При этом первый ребенок родился в декабре 1777 г. (будущий император Александр I), а последний – в 1798 г. (великий князь Михаил), т. е. за 22 года Мария Федоровна родила 10 детей.

У Александра I не было сыновей. Жена Александра I, императрица Елизавета Алексеевна, родила *двух дочерей*, которые умерли в раннем возрасте. Надо заметить, что между супругами отношения были очень сложными и у Александра I имелись побочные дети.

ЮНЬ.	У т р о.	В е ч е р ь.
Вторник 1	В 11 часов: Родился Павел, Е. И. В. Цар. Кн. Алексей Павлович. В 12 часов: Родился Александр, Е. И. В. Цар. Кн. Алексей Павлович. В 13 часов: Родился Александр, Е. И. В. Цар. Кн. Алексей Павлович. В 14 часов: Родился Александр, Е. И. В. Цар. Кн. Алексей Павлович.	Митрофан Константинович родился в 12 часов в 12 часов. Родился Павел, Е. И. В. Цар. Кн. Алексей Павлович. В 13 часов: Родился Александр, Е. И. В. Цар. Кн. Алексей Павлович. В 14 часов: Родился Александр, Е. И. В. Цар. Кн. Алексей Павлович.
Среда 2	Родился Александр, Е. И. В. Цар. Кн. Алексей Павлович. В 12 часов: Родился Александр, Е. И. В. Цар. Кн. Алексей Павлович. В 13 часов: Родился Александр, Е. И. В. Цар. Кн. Алексей Павлович. В 14 часов: Родился Александр, Е. И. В. Цар. Кн. Алексей Павлович.	Обратил в 12 часов, родился Павел, Е. И. В. Цар. Кн. Алексей Павлович. В 13 часов: Родился Александр, Е. И. В. Цар. Кн. Алексей Павлович. В 14 часов: Родился Александр, Е. И. В. Цар. Кн. Алексей Павлович.
Четверг 3	Родился Александр, Е. И. В. Цар. Кн. Алексей Павлович. В 12 часов: Родился Александр, Е. И. В. Цар. Кн. Алексей Павлович. В 13 часов: Родился Александр, Е. И. В. Цар. Кн. Алексей Павлович. В 14 часов: Родился Александр, Е. И. В. Цар. Кн. Алексей Павлович.	Обратил в 12 часов, родился Павел, Е. И. В. Цар. Кн. Алексей Павлович. В 13 часов: Родился Александр, Е. И. В. Цар. Кн. Алексей Павлович. В 14 часов: Родился Александр, Е. И. В. Цар. Кн. Алексей Павлович.
Пятница 4	Родился Александр, Е. И. В. Цар. Кн. Алексей Павлович. В 12 часов: Родился Александр, Е. И. В. Цар. Кн. Алексей Павлович. В 13 часов: Родился Александр, Е. И. В. Цар. Кн. Алексей Павлович. В 14 часов: Родился Александр, Е. И. В. Цар. Кн. Алексей Павлович.	Обратил в 12 часов, родился Павел, Е. И. В. Цар. Кн. Алексей Павлович. В 13 часов: Родился Александр, Е. И. В. Цар. Кн. Алексей Павлович. В 14 часов: Родился Александр, Е. И. В. Цар. Кн. Алексей Павлович.
Суббота 5	Родился Александр, Е. И. В. Цар. Кн. Алексей Павлович. В 12 часов: Родился Александр, Е. И. В. Цар. Кн. Алексей Павлович. В 13 часов: Родился Александр, Е. И. В. Цар. Кн. Алексей Павлович. В 14 часов: Родился Александр, Е. И. В. Цар. Кн. Алексей Павлович.	Обратил в 12 часов, родился Павел, Е. И. В. Цар. Кн. Алексей Павлович. В 13 часов: Родился Александр, Е. И. В. Цар. Кн. Алексей Павлович. В 14 часов: Родился Александр, Е. И. В. Цар. Кн. Алексей Павлович.
ВОСКРЕСЕНЬЕ 6	В 11 часов: Родился Александр, Е. И. В. Цар. Кн. Алексей Павлович. В 12 часов: Родился Александр, Е. И. В. Цар. Кн. Алексей Павлович. В 13 часов: Родился Александр, Е. И. В. Цар. Кн. Алексей Павлович. В 14 часов: Родился Александр, Е. И. В. Цар. Кн. Алексей Павлович.	Обратил в 12 часов, родился Павел, Е. И. В. Цар. Кн. Алексей Павлович. В 13 часов: Родился Александр, Е. И. В. Цар. Кн. Алексей Павлович. В 14 часов: Родился Александр, Е. И. В. Цар. Кн. Алексей Павлович.

Памятная книга Александра III с записью о рождении дочери Ольги 1 июня 1882 г.

У образцового семейства Николая I с женой, императрицей Александрой Федоровной, было семеро детей — четыре сына и три дочери. Первый ребенок родился в 1818 г. (будущий Александр II), последний (великий князь Михаил Николаевич) — в 1832 г.

В семье Александра II и императрицы Марии Александровны, несмотря на слабое здоровье императрицы, за 18 лет родилось восемь детей — две дочери и шестеро сыновей. Первый ребенок (великая княгиня Александра Александровна) родился в 1842 г., последний (великий князь Павел Александрович) — в 1860 г.

В семье Александра III и императрицы Марии Федоровны также родилось *шестеро детей*, из них один ребенок в годовалом возрасте умер. Осталось в семье *три сына и две дочери*, Первый ребенок (Николай II) родился в 1868 г., последний (великая княгиня Ольга Александровна) – в 1882 г., т. е. за 14 лет родилось *шестеро детей*.

Романовы	Прожили в супружестве	Год рождения детей	Годы жизни умерших детей
Александр I и Елизавета Алексеевна	1793–1825, 32 года		Мария 1799–1800 Елизавета 1806–1808
Николай I и Александра Федоровна	1817–1855, 38 лет	1818 – Александр II 1819 – Мария Николаевна 1822 – Ольга Николаевна 1827 – Константин Николаевич 1831 – Николай Николаевич 1832 – Михаил Николаевич	Александра 1825–1844
Александр II и Мария Александровна	1841–1880, 39 лет	1845 – Александр Александрович 1847 – Владимир Александрович 1850 – Алексей Александрович 1853 – Мария Александровна 1857 – Сергей Александрович 1860 – Павел Александрович	Александра 1842–1849 Николай 1843–1865
Александр III и Мария Федоровна	1866–1894, 28 лет	1868 – Николай Александрович 1875 – Ксения Александровна 1878 – Михаил Александрович 1882 – Ольга Александровна	Александр 1870–1871 Георгий 1871–1899
Николай II и Александра Федоровна	1894–1918, 24 года	1895 – Ольга 1897 – Татьяна 1899 – Мария 1901 – Анастасия 1904 – Алексей	Расстреляны с родителями в июле 1918 г. в Екатеринбурге

В семье Николая II и императрицы Александры Федоровны с 1895 по 1904 г. родилось пятеро детей. Для Николая II проблема наследника обернулась серьезными политическими последствиями – многочисленные родственники мужского пола, из младших ветвей дома Романовых, были готовы с огромным желанием унаследовать трон, что, естественно, совершенно не

устроивало ни Николая II, ни Александру Федоровну.

Таким образом, рождение сыновей в императорской семье имело не только характер обычной человеческой радости, но и становилось событием большого политического значения, создавая запас прочности правящей династии.

Имп. Мария Федоровна с сыном Николаем. Осень 1868 г.

В 1817 г. бездетный император Александр I сообщил своему младшему брату Николаю Павловичу, что намерен передать трон ему. Об этом решении стало известно только братьям: великому князю Константину Павловичу и великому князю Николаю Павловичу. Позднее это решение оформили юридически. Поэтому, когда в 1818 г. в Москве родился Александр Николаевич, в семье его воспринимали уже как будущего наследника трона. При новом политическом раскладе Николай Павлович был заинтересован в рождении сыновей, и когда в августе 1819 г. его жена Александра Федоровна родила второго ребенка, великую княжну Марию Николаевну, он воспринял «не с особенной радостью: он ожидал сына; впоследствии он часто упрекал себя за это...»⁶. Однако позже Бог дал ему сыновей, потомство которых, в свою очередь, упрочило династический фундамент российского Императорского дома.

Рождение детей в семье Николая II

Проблема престолонаследия во все времена во множестве стран тесно переплеталась с закулисными интригами. Особенно остро с ней столкнулась семья последнего русского императора Николая II. Главной династической задачей любой императрицы является рождение наследника престола. Поэтому любое недомогание молодой женщины списывалось на ожидаемую всеми беременность. Достаточно характерно звучит фраза, записанная в дневнике великого князя Константина Константиновича в декабре 1894 г., менее чем через три недели после бракосочетания Николая и Александры, но более чем через полгода после помолвки в Кобурге: «Молодой императрице опять сделалось дурно в церкви. Если это происходит от причины, желанной всей Россией, то слава Богу!»⁷.

Д.О. Отт

Акушер Дмитрий Оскарович Отт был крупнейшим специалистом-гинекологом своего времени. Еще в 1893 г. он был назначен директором Императорского клинического повивального института. Впервые Николай II упоминает профессора Отта в своем дневнике 26 сентября 1895 г. За месяц до рождения первенца в императорской семье лейб-акушер лично приехал в

Зимний дворец. Об этом Николай записал в дневнике: «Отт и Гюнст приехали осмотреть мою душку!» Через день он вновь упомянул, что «Отт и Гюнст довольны». Вскоре пришло время рожать, и в дневнике Николая II упоминается, что схватки продолжались почти сутки – с часа ночи и до позднего вечера. Только в 9 часов вечера 3 ноября 1895 г. императрица родила девочку, которую родители назвали Ольгой. Все это время рядом с ней находился профессор Отт и акушерка Евгения Конрадовна Гюнст.

Первые роды императрицы Александры Федоровны были тяжелыми. Хотя их готовились принимать в Зимнем дворце, рожала императрица в Александровском дворце Царского Села. Как упоминала младшая сестра царя, великая княгиня Ксения Александровна, младенца «тащили щипцами». Крестили Ольгу 14 ноября 1895 г. в Большой церкви Екатерининского дворца в Царском Селе. Только спустя полтора месяца после родов царская семья перебралась с маленькой дочерью в Зимний дворец.

Патологические роды, видимо, обуславливались как слабым здоровьем императрицы, которой на момент родов было 23 года, так и тем, что с юношеского возраста она страдала крестцово-поясничными болями. Боли в ногах преследовали ее всю жизнь. Поэтому домочадцы часто видели императрицу в инвалидной

коляске. Однако она вопреки традициям сама начала с 5 ноября кормить дочь, чем очень гордился царь. Через несколько недель царь вновь упомянул среди врачей, которые находились во дворце при купании ребенка, Д.О. Отта. Старшая сестра императрицы, Елизавета Федоровна, писала в письме к королеве Виктории, что уход во время родов был «прекрасный». Последний раз Николай II упомянул имя Д.О. Отта 30 ноября – «присутствовал при ванне дочери. Отт тоже был там; теперь он приезжает редко». Акушерка Е.К. Гюнст простилась с царской семьей 20 декабря, пробыв в Зимнем дворце три месяца.

Успешные первые роды императрицы положили начало придворной карьере Д.О. Отта, продолжавшейся вплоть до февраля 1917 г. Именным высочайшим указом от 4 ноября 1895 г. на имя министра Императорского двора Д.О. Отт был «всемилоостивейше пожалован в лейб-акушеры Двора Его Императорского Величества с оставлением в занимаемых должностях и званиях». В формулярном списке Д.О. Отта на 1 декабря 1895 г. были зафиксированы эти должности и звания: «Директор Повивального института, лейб-акушер, консультант и почетный профессор по женским болезням при Клиническом институте Великой княгини Елены Павловны, доктор медицины, действительный статский советник». Можно доба-

вить, что на основании «Положения» Придворной медицинской части Министерства Императорского двора звание лейб-медика «производилось вне всяких правил по усмотрению Их Величеств».

После тяжелых родов императрица встает «на ноги» только 18 ноября 1895 г. и садится в инвалидное кресло: «Сидел у Алике, которая каталась в подвижном кресле и даже побывала у меня»⁸. Видимо, уже первые роды неблагоприятно сказались на ее слабом здоровье, и поэтому вновь возобновлены общеукрепляющие процедуры. Царь записал в дневнике 28 ноября 1895 г.: «Алике опять купалась – теперь она будет по-прежнему принимать ежедневно соляные ванны»⁹.

Слабое здоровье императрицы¹⁰ и рождение девочки сразу же повлекло за собой различные слухи. Даже старшая сестра Александры Федоровны, великая княгиня Елизавета Федоровна, в письме к королеве Виктории сочла нужным упомянуть, что «вы знаете об ужасных слухах, которые неизвестно кто распускает, будто Алике опасно больна и не может иметь детей и что нужны операции».

Вновь императрица родила менее чем через два года. В письме к матери в январе 1897 г. Николай II сообщал, что «вчера Алике решительно почувствова-

ла движение – прыжки и толчки»¹¹. Эта беременность тоже оказалась не простой. Видимо, на ранних сроках беременности медики опасались выкидыша, поскольку в документах глухо упоминается, что императрица встала с постели только 22 января 1897 г., пролежав, не вставая, семь недель. Все это время рядом с ней был лейб-акушер Д.О. Отт. В тех же документах упоминается, что он сам катал в коляске императрицу по саду рядом с Зимним дворцом. Угроза выкидыша подтверждается и упоминанием Николая II в письме к матери о том, что «мы более чем осторожны при движении и при всякой перемене положения на диване»¹². Тем не менее буквально накануне родов, по традиции, царская семья переехала на лето в Александровский дворец Царского Села, где 29 мая 1897 г. родилась Татьяна. В этот день великий князь Константин Константинович записал в дневнике: «Утром Бог дал Их Величествам... дочь. Известие быстро распространилось, и все были разочарованы, т. к. ждали сына»¹³.

В ноябре 1898 г. выяснилось, что императрица беременна в третий раз. Как и при первых родах, она немедленно усаживается в свою коляску, так как не могла ходить из-за боли в ногах и ездила по залам Зимнего дворца «в креслах». 14 июня 1899 г. в Петергофе

родилась третья дочь – Мария.

Чередой дочерей в царской семье вызвала устойчивое настроение разочарования в обществе. В 1913 г. кадет Обнинский писал: «Свет встречал бедных малюток хохотом... Оба родителя становились, суеверны... и когда умер чахоточный Георгий, у нового наследника, был отнят традиционный титул «цесаревича» из суеверной боязни, как говорили, что титул этот мешает появлению на свет мальчика»¹⁴. Граф В.Э. Шуленбург, служивший в лейб-гвардии Уланском полку, вспоминал, что рождение Ольги было встречено «со злорадством», а после рождения других великих княжон среди офицеров начались бесчисленные «недостойные остроты и обвинения»¹⁵.

Даже ближайшие родственники царя в своих дневниках неоднократно отмечали, что известие о рождении очередной дочери вызвало вздох разочарования по всей стране. Ксения Александровна, младшая сестра Николая II, записала в дневнике еще в ноябре 1895 г.: «Рождение дочери Ники и Алике – большое счастье, хотя жалко, что не сын»¹⁶. Сестра императрицы Елизавета Федоровна писала английской королеве Виктории: «Радость огромная и разочарование, что это девочка, меркнет от сознания, что все хорошо»¹⁷. Что характерно, такие записи появились в ин-

тимной переписке царских родственников уже при рождении первой дочери царской четы – Ольги Николаевны.

Начало четвертой беременности придворные медики подтвердили осенью 1900 г. Ожидание стало нестерпимым. В дневнике великого князя Константина Константиновича записано: «Она очень похорошела... все поэтому трепетно надеются, что на этот раз будет сын»¹⁸. В июне 1901 г. акушерка императрицы Е.К. Гюнст «ошибочно предположила» наступление преждевременных родов¹⁹ и поэтому экстренно вызвали из своего имения в Курской области профессора Попова. Его трижды приглашали для осмотра императрицы в Новый Петергоф²⁰. Приглашение нового акушера косвенно свидетельствовало о том, что у императрицы к этому времени отношения с лейб-акушером Д.О. Оттом изменились. Дело в том, что императрица терпела около себя только тех медиков, которые подтверждали ее собственные диагнозы. 5 июня 1901 г. в Петергофе родилась четвертая дочь царя – Анастасия.

После рождения четвертой дочери сдержанные вначале интонации недовольства прорываются. В июне 1901 г. в дневнике Ксении Александровны появляется запись: «Алике чувствует себя отлично – но, Бо-

же мой! Какое разочарование!.. 4-я девочка!»²¹ Дядя императора, знаменитый «К. Р.» – великий князь Константин Константинович – записал тогда же в дневнике: «Прости, Господи! Все вместо радости почувствовали разочарование, так ждали наследника и вот – четвертая дочь»²².

Разочарование было общим. Сама Александра Федоровна впала в отчаяние. Отсутствие прямого наследника у царя оживило «проект» осени 1900 г., когда прорабатывались юридические возможности передачи власти в обход существующих законов старшей дочери царя – Ольге Николаевне. А. В. Богданович записала в дневнике 9 июля 1901 г.: «Мясоедов-Иванов говорил, что Витте с Сольским проводят мысль об изменении престолонаследия, чтобы сделать наследницей дочь царя Ольгу»²³. И поэтому неслучайно, что именно в 1901 г. около трона начинает появляться череда шарлатанов, которые обещали помочь царской семье решить эту деликатную проблему.

К 1901 г. в семье Николая II родились четыре девочки подряд, подобное уже бывало в семье Романовых. Жена Павла I, подряд родила пятерых дочерей, но перед этим у нее родилось два мальчика – Александр и Константин Павловичи.

День рождения	Место рождения	Имя	Рост, см	Вес, фунтов
3 (15) ноября 1895 г.	Царское Село. Александровский дворец	Ольга	55	10
20 мая (10 июня) 1897 г.	Петергоф. Нижний дворец	Татьяна	54	9
14 (26) июня 1899 г.	Петергоф. Нижний дворец	Мария	54	10
5 (18) июня 1901 г.	Петергоф. Нижний дворец	Анастасия	55	11,5

Проблема наследника

Отсутствие прямого наследника у императорской четы волновало не только придворные круги. После рождения третьей дочери, начиная с 1899 г., в Министерство Императорского двора начинают поступать письма из различных стран: Англии, Франции, Бельгии, США, Латинской Америки и Японии с предложениями сообщить секрет, гарантирующий рождение наследника.

Советы были не бескорыстны. Суммы назывались разные, в некоторых письмах в несколько десятков тысяч долларов. Примечательно, что российские по-

данные давали советы своему царю «даром». Но при этом советы иностранцев, как правило, основывались на известной в то время теории австрийского эмбриолога профессора Венского университета Шенка. Он опубликовал целый ряд исследований по развитию яйца и органов чувств у низших позвоночных и стал известен своими опытами по определению пола зародыша у млекопитающих и человека при помощи соответствующего кормления родителей²⁴.

Советы российских подданных выглядели попроще. Среди авторов были люди самого различного общественного положения: командир 2-й роты 8-го понтонного батальона Адам-Генрих Гласко из Тирасполя, отставной подполковник Ф.Ф. Лихачев из Могилевской губернии, помощник для ведения судебных дел из Владивостока И.В. Мясников, контролер-механик службы телеграфа Л. Зандман из Омска, таганрогский мещанин И.В. Ткаченко, жена генерал-лейтенанта Энгельгардта, мещанин Давид Сацевич из Ковенского уезда, земский фельдшер Н. Любский из Новгородской губернии и многие другие.

Для того чтобы представить содержание этих «простых» советов, обратимся к одному из них, написанному относительно сведущим в медицине человеком, фельдшером Н. Любским: «Можно предсказать, какого пола отделяется яйцо у женщины в данную мен-

струацию и, следовательно, можно иметь ребенка желаемого пола. Такую строгую последовательность в выделении яичек у женщин я осмеливаюсь назвать законом природы»²⁵. Давались и такие: «попросите Государя, Вашего Супруга, лечь с левой стороны или, иначе сказать, к левому боку Вашего Величества, и надеюсь, что не пройдет и года, как вся Россия возликует появлением желанного наследника»²⁶.

Вследствие обильного потока подобных писем (архивное дело насчитывает более 260 листов) сложился определенный порядок работы с ними. Заведующий Канцелярией Министерства Императорского двора полковник А.А. Мосолов писал: «что по установленному в Министерстве Императорского Двора порядку письма и ходатайства, заключающие в себе подобного рода советы, оставляются без ответа и без дальнейшего движения»²⁷. Однако, как следует из этого же дела, некоторые письма все же принимались во внимание. В письме от 28 апреля 1905 г. крестьянин Тульской губернии деревни Хотунки Д.А. Кирюшкин пишет В.Б. Фредериксу о том, что «в 1902 г., 7 января я имел счастье быть во дворце у Вашего Высокопревосходительства по поводу рождения наследника престола. Я ходатайствовал перед Вашим Высокопревосходительством о допущении меня и до-

клада Его Императорскому Величеству Все милостивейшему Государю Императору». В 1907 г. он вновь письмом напомнил о себе: «Я был во вверенном Вам дворце, для объяснения, почему рождаются мальчики и девочки»²⁸. Крестьянин напористо требовал от министра Двора гонорара, поскольку рождение цесаревича Алексея он связывал со своими советами.

Таким образом, особенности внутривластной ситуации, отношения в Императорской фамилии, особенности характера императрицы Александры Федоровны подготовили появление при Дворе французского шарлатана Филиппа. Об истории его появления при русском Дворе подробно пишет в «Воспоминаниях» С.Ю. Витте. По его словам, с Филиппом познакомилась за границей жена великого князя Петра Николаевича, Милица – «черногорка № 1», через нее Филипп «влез» к их великим князьям Николаевичам и затем к Их Величествам²⁹.

Дело в том, что Филипп вылечил сына Милицы – Романа. Витте упоминал, что черногорки ходатайствовали о том, чтобы Филиппу разрешили медицинскую практику в России и выдали ему медицинский диплом. Пожалуй, это единственный случай в истории присуждения ученых степеней в России, когда «вопреки всем законам при военном министре Куропаткине ему дали доктора медицины от Петербургской Военно-ме-

дицинской академии и чин действительного статского советника. Все это без всяких оглашений. Святой Филипп пошел к военному портному и заказал себе военно-медицинскую форму»³⁰.

При этом надо заметить, что информация об экстрасенсе поступала во дворец из различных источников. Заведующий парижской и женеvской агентурой П. И. Рачковский по просьбе дворцового коменданта П.П. Гессе собрал на Филиппа досье, где представил его шарлатаном. Но вера императорской семьи в Филиппа оказалась столь сильна, что руководителя заграничной агентуры Департамента полиции с 1882 г. немедленно отстранили от должности в 1902 г.

Великий князь Александр Михайлович в «Воспоминаниях» писал, что «французский посланник предостерегал русское правительство против этого вкрадчивого иностранца, но Царь и Царица придерживались другого мнения... Он утверждал, что обладает силой внушения, которая может оказывать влияние на пол развивающегося в утробе матери ребенка. Он не прописывал никаких лекарств, которые могли бы быть проверены придворными медиками. Секрет его искусства заключался в серии гипнотических сеансов. После двух месяцев лечения он объявил, что Императрица находится в ожидании ребенка»³¹.

Пятая беременность Александры Федоровны нача-

лась в ноябре 1901 г. Поскольку эту беременность царская чета связывала исключительно с загадочными «пассажами» Филиппа, то ее скрывали даже от ближайших родственников. Сестра Николая II Ксения Александровна только в апреле 1902 г. узнала от императрицы о ее беременности. В своем письме к ней Александра Федоровна писала: «Сейчас это уже трудно скрыть. Не пиши Матушке, так как я хочу сказать ей, когда она вернется на будущей неделе. Я так хорошо себя чувствую, слава Богу, в августе!»³².

По рекомендации Филиппа императрица не допускала к себе медиков вплоть до августа 1902 г. К весне все заметили, что она сильно потолстела и перестала носить корсет. О ее беременности было объявлено официально. Как писал Витте: «Императрица перестала ходить, все время лежала. Лейб-акушер Отт со своими ассистентами переселился в Петергоф, ожидая с часу на час это событие. Между тем роды не наступали. Тогда профессор Отт начал уговаривать Императрицу и Государя, чтобы ему позволили исследовать Императрицу. Императрица по понятным причинам вообще не давала себя исследовать до родов. Наконец она согласилась. Отт исследовал и объявил, что Императрица не беременна и не была беременна, что затем в соответствующей форме было объявлено России»³³.

Это известие обрушилось страшным ударом на психику Александры Федоровны. Ребенка, которого она вынашивала с ноября 1901 г. просто не было. Это было потрясением для всех. Новость моментально стала известна среди аристократического бомонда. Ксения Александровна в письме от 19 августа 1902 г. к княгине А.А. Оболенской, ближайшей фрейлине и подруге императрицы

Марии Федоровны, писала: «Мы все ходим, как в воду опущенные со вчерашнего дня... бедная А.Ф. оказалась вовсе не беременна – 9 месяцев у нее ничего не было и вдруг пришло, но совершенно нормально, без болей. Третьего дня Отт ее видел в первый раз и констатировал, что беременности никакой нет, но, к счастью, внутри все хорошо. Он говорит, что такие случаи бывают и что это происходит вследствие малокровия»³⁴. Великий князь Константин Константинович записал в своем дневнике 20 августа 1902 г.: «С 8 августа ежедневно ждали разрешения от бремени Императрицы... Алике очень плакала. Когда, наконец, допущенные к ней доктор Отт и Гюнст определили, что беременности нет, но и не существовало»³⁵.

Кроме этого, надо было внятно объяснить всей стране, куда делся ребенок императрицы. Из этой щекотливой ситуации надо было как-то выходить. Поэтому в официальном «Правительственном вестни-

ке» 21 августа 1902 г. было опубликовано сообщение: «Несколько месяцев назад в состоянии здоровья Ея Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны произошли перемены, указывающие на беременность. В настоящее время, благодаря отклонению от нормального течения, прекратившаяся беременность окончилась выкидышем, совершившемся без всяких осложнений при нормальной температуре и пульсе. Лейб-акушер Д.О. Отт. Лейб-хирург Гирш. Петергоф 20 августа 1902 г.». 27 августа 1902 г. последовал еще один бюллетень, в котором сообщалось, что Ее Величество «находится на пути к полному выздоровлению».

Это событие породило в народе множество слухов о том, что царица родила «неведому зверушку». Государственный секретарь А.А. Половцев в августе 1902 г. писал: «Во всех классах населения распространились самые нелепые слухи, как например, что императрица родила урода с рогами»³⁶. Он называл произошедшее «постыдным приключением императрицыных лжеродов». В аристократической среде эта информация также вызвала самые различные толки. Да и власть давала для критики серьезные основания. В Нижнем Новгороде полиция конфисковала календарь, на первом листе которого была изображена особа женского пола, несущая в корзине четырех ма-

леньких поросят. После «выкидыша» полиция приказала исключить из оперы «Царь Салтан» слова: «Родила царица в ночь не то сына, не то дочь, не собачку, не лягушку, так – неведому зверушку»³⁷.

В августе 1902 г. великий князь Константин Константинович записал в дневнике: «Вчера за подписями лейб-акушера Дм. Отта и лейб-хирурга Гирша объявлен в газетах бюллетень... Текст бюллетеня критикуют, особенно слово «благодаря»»³⁸. В результате этой в общем-то трагической для царской семьи истории за императрицей окончательно закрепляется диагноз истерички. Великий князь Александр Михайлович писал об «остром нервном расстройстве»³⁹, С.Ю. Витте называет ее «ненормальной истеричной особой»⁴⁰.

Однако назвать произошедшее выкидышем, наверное, нельзя, так как царица выносила положенное время, не было это и ложной беременностью. Объективная медицинская информация содержится в архивном деле Кабинета Его Императорского Величества Николая II: «Объяснения лейб-медика акушера Гирша о причинах ложной беременности Александры Федоровны». На конверте стоит гриф «совершенно секретно» и «Высочайше поведено хранить не распечатывая в Кабинете Его Величества». Поскольку

об этом эпизоде упоминается во многих мемуарах и эти события во многом объясняют особенности характера императрицы, мы позволим привести обширные цитаты из этого, ранее не публиковавшегося документа: «Ея Величество последний раз имела месячные крови на первый день ноября месяца. С этого времени крови больше не появлялись, что заставило Ея Величество считать себя беременной с этого времени, ожидая разрешения в первых числах августа, т. е. к нормальному сроку беременности. Хотя в этот раз беременность по своему течению и отличалась от предыдущих незначительным размером живота, тем не менее, чувствуя Себя вполне хорошо и не испытывая никаких болевых или неприятных ощущений, Ея Величество считала, что беременность протекает правильно и не находила поэтому нужным обращаться за врачебным советом до ожидаемого разрешения от бремени. Между тем установленный срок прошел и к тому же 16 августа с утра показалось кровотечение, по своему количеству и характеру появления не отличавшегося от обычных месячных очищений (незначительное кровоотделение было, впрочем, отмечено Ея Величеством еще в июле месяце).

Указанные выше обстоятельства побудили Ея Величество обратиться за медицинским советом к состоящему при Ея Величестве Лейб-акушеру профес-

сору Отт, который, будучи приглашен к Ея Величеству около 10 часов утра 16 августа, осмотрел Ее Величество в присутствии повивальной бабки Гюнст и установил, что на основании данного исследования исключаются всякая мысль о беременности, и не только в конечном ее сроке, но и вообще в такой стадии развития, которая признается акушерской наукой поддающейся распознаванию. К такому заключению давало право весь комплекс объективных исследований и в особенности почти не измененный противу нормы размер самой матки.

В течение последующих дней: 17-го, 18-го, 19-го августа кровотечения Ея Величества продолжались в очень умеренной степени, причем к вечеру 19-го числа Ея Величество почувствовала боли по характеру, напоминавшие собою родовые схватки, которые к утру следующего дня утихли, причем во время утреннего туалета обнаружено было произвольно вывалившееся из половых органов мясистое образование величиной с грецкий орех, сферически – продолговатой слегка сплюснутой формы и с относительно гладкой поверхностью. По внешнему виду описанное образование (что подтверждено и микроскопическим исследованием) можно принять за отмершее плодовое яйцо не более 4-недельного развития. По вскрытии разрезом выделенного яйца в его полости ясных призна-

ков зародыша обнаружить не удалось, водная и ворсистая оболочка достаточно хорошо выражена; последняя сильно утолщена и в одном отделе пропитана кровоизлиянием. Все яйцо носит признаки мацерации и некоторой отечности, представляя собой так называемый Мясистый закос (*Mole carnosum*). Выделившееся яйцо, вскрытое профессором Оттом, показано было лейб-хирургу Гиршу и госпоже Гюнст.

На основании всего вышеизложенного следует признать, что задержка в месячных кровях у Ея Величества была обусловлена произошедшим зачатием, причем беременность прекратилась в ранней стадии развития плодового яйца, а обмершее яйцо в качестве так называемого «запаса» оставалось в полости матки вплоть до его выделения из нея, произошедшее лишь 20 августа.

Помимо указанного нахождения в полости матки обмершего яйца на продолжительную задержку месячных отделений не могло не повлиять малокровие и связанное с ним нарушение обмена веществ в организме Ея Величества.

Петергоф августа 26 дня 1902 г. Лейб-акушер Двора Ея Императорского Величества, профессор Дм. Отт. Лейб-хирург, Ея Величества Доктор Медицины Гирш»⁴¹.

Этот документ находился на особом режиме хра-

нения в архиве Министерства Императорского двора. Министр двора Фредерике, учитывая щекотливый характер «заболевания», предложил царю несколько вариантов хранения документации, связанной с событиями лета 1902 г. Николай II выбрал самый «закрытый» вариант, по которому все медицинские материалы должны были хранить в особом пакете, «не вскрывая»⁴².

Об этом эпизоде упоминала также великая княгиня Ксения Александровна в письме от 20 августа 1902 г.: «Сегодня утром у А.Ф. произошел маленький выкидыш (если только можно это назвать выкидышем!), т. е. просто вышло крошечное яйцо! Вчера вечером у нее были боли и ночью тоже, а утром все кончилось, когда эта история вышла! Теперь, наконец, можно будет объявить об этом и завтра в газетах появится бюллетень – с сообщением о том, что произошло. Наконец, найден единственный выход из этого грустного случая»⁴³.

В 1928 г. сам Д.О. Отт рассказывал об этой истории следующее: «Это была пятая беременность императрицы. Императрица переходила на два месяца тот срок, в который она, по ее расчетам, должна была родить. Чувствовала она себя хорошо, и я ее не осматривал, да и увидел я ее беременной впервые на седьмом месяце. Роды приближались, и меня при-

гласили жить в Петергофе. Поражал вид императрицы, фигура ничуть не изменилась, живот отсутствовал. Я ей указал на это и просил разрешения ее осмотреть. Она мне ответила: «Bleiben sie ruhig, das kind ist dahinten» (Будьте спокойны, ребенок там). Образ жизни она вела малоподходящий, почти ежедневно часов в одиннадцать уезжала в Знаменку к великому князю Николаю Николаевичу и возвращалась часа в три ночи, но я не вмешивался. В один прекрасный день меня спешно зовут к императрице: она сидит взволнованная, на рубашке капли крови. Государь ходит по комнате, очень волнуется и просит ее осмотреть. Осмотр показал, что беременность была, но яйцо не развилось. Это то, что называется мясистый, или кровяной, закос. Благодаря кровотечению он вышел. Я объяснил, в чем дело. Государь просил меня спешно поехать к великому князю Владимиру Александровичу, где был весь двор на «целовании руки» по случаю бракосочетания Елены Владимировны, и поставить в известность министра Двора Фредерикса. Я это сделал. Фредерике спросил: «Quel est le mot d'ordre?» (Какие распоряжения?). Я сказал, что не знаю. Фредерике просил меня написать бюллетень. Я написал так, что всякий между строк мог понять, о чем шла речь. На другой день меня вновь вызывают во дворец. Там меня ждут Фредерике и личный врач

императрицы доктор Гирш, немец, и дают читать глупо составленную бумажку. Я говорю, что это никуда не годится, что я иначе писал. Мне говорят, что государь приказал, чтобы я подписал эту бумажку. Ну я и подписал. Так появилось то извещение, которое всем известно»⁴⁴.

Как мы видим, вся «беременность» императрицы патронировалась «святым» Филиппом, который жил в имени великого князя Николая Николаевича Знаменка, и Александра Федоровна ежедневно его посещала. О Филиппе окружение царя знало очень немного, поскольку знакомство с ним не афишировалось. Великий князь Константин Константинович называл его в дневнике в августе 1901 г. «неким Филипповым, не то доктором, не то ученым, занимающимся прививкой и лечением различных болезней». Но спустя несколько дней он с ним знакомится лично: «Мы пили чай у Милицы и увидели его. Это небольшого роста, черноволосый, с черными усами человек лет 50, очень невзрачной наружности, с дурным южнофранцузским выговором»⁴⁵.

В действительности Филипп Низье-Вашо, уроженец Лиона, окончил только три курса медицинского факультета Лионского университета. Обнаружив у себя способности экстрасенса, он оставил университет и начал специализироваться на лечении нервных бо-

лезней. Особенно часто его клиентами были женщины, и, как правило, весьма состоятельные. На этом поприще он приобрел весьма широкую известность. Но поскольку у него не было медицинского диплома, то Филиппа неоднократно привлекали к уголовной ответственности за незаконную медицинскую практику. Со временем он сумел обойти это препятствие, взяв к себе в качестве «компаньона» дипломированного врача.

В дневнике Николая II и переписке императорской четы его называют «нашим дорогим Другом». О степени влияния Филиппа на царя красноречиво говорит следующая запись в дневнике Николая II за июль 1902 г.: «Mr. Philippe говорил и поучал нас. Что за чудные часы!!!». Такой характер дневниковых записей царя довольно редок, так как Николай II отличался крайней скупостью на эмоции. Кроме этого, видимо, учитель вмешивался не только в личные дела царя. 22 июля 1902 г. императрица пишет царю, отбывавшему на яхте в Германию для встречи с императором Вильгельмом II: «Рядом с тобой будет наш дорогой друг, он поможет тебе отвечать на вопросы Вильгельма». Видимо, лето 1902 г., когда императорская чета ожидала появления на свет «чудесно» зачатого мальчика-наследника, было временем наибольшего влияния Филиппа. И вновь необходимо подчеркнуть,

что это влияние начало принимать политический характер. Все это не могло не беспокоить ближайшее окружение царской семьи. О политической деятельности Филиппа упоминала также Н. Берберова в книге «Люди и ложи». Она писала: «В России оживилась деятельность «мартинистов» с помощью двух шарлатанов, Папюса и Филиппа»⁴⁶.

Среди окружения Николая II было достаточно широко известно, что царь легко соглашается с мнением последнего собеседника. Историк и политик П.Н. Милюков в «Воспоминаниях» даже пытался классифицировать эти влияния. В начале царствования на принятие решений влияли мать императора и его дядья, с 1901 г. начинается этап влияния «черногорок» и Филиппа, и «этот период ознаменовался столоверчением и переходом от Monsier Филиппа к собственным национальным юродивым, таким как фанатик Илиодор, идиотик Митя Козельский или – самый последний – сибирский «варнак» – Григорий Распутин, окончательно овладевший волей царя»⁴⁷. Об этом же пишет министр иностранных дел (1906–1910 гг.) А.П. Извольский: «Разве можно удивляться тому, что император мог попасть под влияние такого вульгарного проходимца, каким был известный Филипп, начавший свою карьеру в качестве мясника в Лионе, сделавшийся позже спиритом, гипнотизером и шарлатаном, кото-

рый был осужден во Франции за различные мошенничества и кончил тем, что превратился в желанного гостя при русском Императорском дворе и сделался советником императрицы и императора не только по делам личного характера, но даже по делам большой государственной важности»⁴⁸. Все попытки ближайшего окружения царя (императрица Мария Федоровна, сестра царя Ксения, сестра императрицы Елизавета Федоровна) нейтрализовать влияние Филиппа были безуспешны. В этом контексте можно упомянуть, что, по мнению некоторых исследователей, издание С.А. Нилусом известных «Протоколов сионских мудрецов» связано с попытками императрицы Марии Федоровны, фрейлиной которой являлась Озерова (супруга С.А. Нилуса), дискредитировать представителя ложи мартинистов Филиппа⁴⁹.

Парадоксально, но и после замершей беременности императрица не утратила в него веры. В конце 1902 г. Филипп объявил ей, что она родит сына, если обратится к покровительству Св. Серафима Саровского. После этого Филипп уехал во Францию, где умер в 1905 г.

Несмотря на возражения обер-прокурора Синода К.П. Победоносцева, Серафима Саровского срочно канонизировали. В июле 1903 г. царская семья, следуя совету Филиппа, посетила Саровскую пустынь.

После посещения села Дивеева (Саровской пустыни) императрица забеременела в шестой раз. Эта беременность закончилась благополучным рождением в июле 1904 г. цесаревича Алексея.

В переписке между царем и царицей за 1914–1916 гг. имя Филиппа неоднократно упоминалось с благоговением. Как позже вспоминала А.А. Вырубова: «Когда я только что ближе познакомилась с Ее Величеством, я была удивлена Ее мистическим рассказам про М. Philippe, который недавно умер». До конца жизни в царской семье бережно хранились, как святыни, подарки французского ясновидца. Вырубова упоминала: «У Их Величеств в спальне всегда стояла картонная рамка с засушенными цветами, данная им М. Philippe, которые, по его словам, были тронуты рукой самого Спасителя»⁵⁰.

Столь трепетное отношение к Филиппу объясняется тем, что Николай II и Александра Федоровна были абсолютно убеждены в том, что рождение цесаревича Алексея есть результат чудесного влияния экстрасенса. Об этом свидетельствует записка, написанная царем к одной из черногорок, Милице Николаевне, в день рождения долгожданного наследника: «Дорогая Милица! Не хватает слов, чтобы достаточно благодарить Господа за Его великую милость. Пожалуйста, передай каким-нибудь образом нашу благодарность и

радость... Ему. Все случилось так скоро, что я до сих пор не понимаю, что произошло. Ребенок огромный, с черными волосами и голубыми глазами. Он наречен Алексеем. Господь со всеми вами. Ники»⁵¹. «Он» – это, безусловно, Филипп, и именно ему царь передавал «нашу благодарность и радость».

Таким образом, эпизод лета 1902 г. имел значительные политические последствия. Во-первых, подготовлена почва для появления нового «дорогого Друга». Во-вторых, царская семья созрела к различным «влияниям», замешанным на мистицизме. В-третьих, наметился разрыв царя, и особенно царицы, с Императорской фамилией. В-четвертых, за императрицей закрепились репутация истерички с железной волей. Все это во многом подготовило стремительное падение авторитета Императорской фамилии и сравнительную легкость падения 300-летней династии Романовых.

Рождение цесаревича Алексея

Долгожданный цесаревич Алексей Николаевич родился 30 июля 1904 г. в Петергофе. Надо отметить, что царская семья еще в феврале 1904 г. окончательно покинула Зимний дворец, в котором они прожили около 9 лет, и переселилась в Царское Село.

В этот день Николай II писал в дневнике: «Незабвенный великий для нас день, в кот. так явно посетила нас милость Божья. В 1^{1/4} дня у Алике родился сын, кот. при молитве нарекли Алексеем. Все произошло замечательно скоро – для меня, по крайней мере. Утром побывал как всегда у Мама, затем принял доклад Коковцова и раненного при Вафангоу арт. офицера Клепикова и пошел к Алике, чтобы завтракать. Она уже была наверху, и полчаса спустя произошло это счастливое событие. Нет слов, чтобы уметь достаточно благодарить Бога за ниспосланное нам утешение в эту годину трудных испытаний! Дорогая Алике чувствовала себя очень хорошо. Мама приехала в 2 часа и долго просидела со мною, до первого свидания с новым внуком. В 5 час. поехал к молебну с детьми, к кот. собралось все семейство. Писал массу телеграмм. Миша приехал из лагеря; он уверяет, что подал «в отставку». Обедал в спальне».

Императрица родила наследника очень легко – «за полчаса». В своей записной книжке она записала: «Вес 4660, длина 58, окружность головы 38, груди 39...в пятницу 30 июля в 1 ч. 15 м. пополудни»⁵²

На следующий день, 1 августа, в газетах начали печататься бюллетени о состоянии здоровья императрицы и наследника. Всего вышло девять бюллетеней, которые публиковались в газетах с 1 по 8 августа 1904 г. В них отмечалось, что «состояние здоровья Наследника Цесаревича во всех отношениях удовлетворительно». Подчеркивалось, что императрица сама кормит грудью наследника. 8 августа в газетах было напечатано, что «кормление Наследника Цесаревича Самой Августейшей родительницей идет успешно». 1 августа 1904 г. был опубликован указ, по которому регентом «на случай кончины Нашей... до совершеннолетия Его, назначается Нами Любимый Брат Наш, Великий Князь Михаил Александрович». Крестником цесаревича стал германский император Вильгельм II⁵³. В день крещения наследника опубликован манифест с обычными милостями и льготами.

На фоне этой праздничной суеты царственных родителей снедало беспокойство, не покажутся ли тревожные признаки страшной болезни. Обычно в исследованиях, посвященных этой теме, пишется, что о гемофилии стало известно через пять недель после его

рождения. 8 сентября 1904 г. царь записал в дневнике: «Алике и я были очень обеспокоены кровотечением у маленького Алексея, которое продолжалось с перерывами до вечера из пуповины... около 7 часов они наложили повязку»⁵⁴. Затем он на протяжении последующих трех дней с глубокой тревогой констатировал: «Утром опять на повязке была кровь; с 12 часов до вечера ничего не было»; «Сегодня целый день у Алексея не показывалась кровь; на сердце так и отлегла щемящая забота»; «Кончилось кровотечение уже двое суток».

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ.

Божією милостію,

МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,

Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій,

царь польскій и великій князь финляндскій,

и проч., и проч., и проч.,

объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ:

Въ 30-й день сего іюля любезнѣйшая супруга Наша Государыня Александра Феодоровна благополучно разрѣшилась отъ бремени рожденіемъ Намъ сына, нареченнаго Алексѣемъ. Пріемля сіе радостное событіе какъ знаменованіе благодати Божіей, на Насъ и Имперію Нашу изливаемой, возносимъ вмѣстѣ съ вѣрными Нашими подданными горячія молитвы ко Всевышнему о благополучномъ возрастаніи и преуспѣяніи Нашего первороднаго сына, призываемаго быть наслѣдникомъ Богомъ врученной Намъ державы и Великаго Нашего служенія. Манифестомъ отъ 28 іюня 1899 года призвали мы любезнѣйшаго брата Нашего Великаго Князя Михаила Александровича къ наслѣдованію Намъ до рожденія у Насъ сына. Отнынѣ, въ силу основныхъ Государственныхъ законовъ Имперіи, сыну Нашему Алексѣю принадлежитъ высокое званіе и

Манифест о рождении цесаревича Алексея

Вместе с тем ряд документов свидетельствует, что о гемофилии у наследника родители узнали буквально в день его рождения. Поскольку рождение наследника родители напрямую связывали с магическим влиянием Филиппа, то у них не было секретов от великой княгини Милицы, которая поддерживала связь с экстрасенсом. Уже 1 августа 1904 г. Николай II писал ей: «Дорогая Милица. Пишу тебе со слов Алике: слава Богу день прошел спокойно. После перевязки в 12 часов и до 9 часов 30 мин вечера не было ни капли крови. Доктора надеются, что так будет продолжаться. Коровин остается на ночь. Федоров уезжает в город и вернется завтра. Он нам обоим чрезвычайно нравится! Маленькое «сокровище» удивительно спокойно, а когда ему делают перевязку, или оно спит, или лежит и смеется. У родителей теперь немного отлегло от сердца. Федоров говорит, что по приближительному исчислению потеря крови за двое суток составляет от $\frac{1}{8}$ до $\frac{1}{9}$ всего количества крови»⁵⁵.

Видимо, появление записи о кровотечении в дневнике царя за 8 сентября объясняется тем, что весь август родители надеялись, что кровотечение больше не повторится. Но после того как диагноз был окончательно поставлен, царь сделал эту страшную для него запись.

Таким образом, документально зафиксированы два кровотечения. Первое сразу же после родов и второе в начале сентября 1904 г., которое все расставило по местам. Рядом с наследником постоянно находился хирург С.П. Федоров, который «обоим чрезвычайно понравился» и «оставался во дворце двое с половиной суток безвыездно»⁵⁶. С этого времени болезнь наследника превращается в постоянно действующий дестабилизирующий политический фактор, обусловленный высокой степенью персонификации политической жизни самодержавной России.

Для императрицы свершившаяся трагедия становится очевидной. Поскольку она, видимо, неоднократно говорила на эту тему со своей старшей сестрой Ирэнной, то для нее уже тогда, в сентябре, совершенно очевидно было и бессилие медиков в борьбе против этой болезни. И хотя немедленно привлекаются лучшие врачи из Военно-медицинской академии, она уже тогда, в сентябре 1904 г., больше надеется на чудо, чем на медицинскую помощь. Об этих настроениях императрицы свидетельствует ее фраза в письме к царю от 15 сентября 1904 г., написанном в Петергофе: «Я уверена, что наш Друг оберегает тебя так же, как он берег маленького на прошлой неделе»⁵⁷.

Эта фраза знаменательна тем, что в ней уже прочитывается весь будущий сценарий трагедии этой се-

мы. «Друг» – это еще не Распутин, а Филипп, его сразу же уведомили о заболевании цесаревича, и надежда на помощь «Друга» в заботе о «маленьком» значительно больше, чем на помощь врачей. В ноябре 1904 г. наследнику вновь понадобилась медицинская помощь. Лекарский помощник Поляков сообщал, что хирург С.П. Федоров нанес «еще два визита».

Болезнь ребенка сразу же приобрела характер государственной тайны, и даже ближайшие родственники далеко не сразу узнали об этом страшном заболевании. О том, насколько тщательно оберегалась тайна, говорит то, что великий князь Константин Константинович только в январе 1909 г. записал в дневнике о наследнике: «У него болит нога, поговаривают, что это воспаление коленного сустава, но наверно не знаю»⁵⁸. Вероятно, эти безобидные слухи о «воспалении коленного сустава» сознательно распространялись для того, чтобы скрыть страшную правду о гемофилии. О «разнообразии» слухов, связанных с «диагностированием» заболевания цесаревича, свидетельствуют многочисленные мемуарные упоминания. В январе 1911 г. А.А. Бобринский записал в дневнике: «У наследника нечто вроде аппендицита на почве ошибочного доморощенного медицинского диагноза»⁵⁹. Впрочем, степень осведомленности столичного бомонда была разной. Удивителен разрыв в сте-

пени информированности различных людей во властной элите Петербурга. С одной стороны, уже в ноябре 1904 г. А.В. Богданович записала в дневнике: «Про наследника говорил сегодня Штюмер, что якобы у него есть одна болезнь, с которой он и родился, и что теперь один хирург находится неотлучно во дворце»⁶⁰, а с другой стороны, американский посол в России Дж. Мэрей писал в конце 1916 г.: «Мы слышали много различного рода историй о состоянии наследника. Самой правдоподобной нам кажется версия о том, что у Алексея существуют какие-то трудности с кровообращением. Кровь как будто находится слишком близко от поверхности кожи»⁶¹.

А. Вырубова замечает в мемуарах, что «Их Величества скрывали болезнь Алексея Николаевича от всех, кроме самых близких родственников и друзей»⁶². Болезнь скрывали так тщательно, что, видимо, к этим «близким родственникам» не относилась даже сестра царя Ксения Александровна, которая узнала о заболевании племянника от своей сестры, великой княгини Ольги Александровны, только в марте 1912 г.: «В вагоне Ольга нам рассказала про свой разговор с ней»⁶³. Она в первый раз сказала, что у бедного маленького эта ужасная болезнь и от этого она сама больна и никогда окончательно не поправится»⁶⁴.

В царской семье росли еще четыре дочери, а поскольку именно женщины являлись носителями мутантного гена, то, естественно, возникал вопрос: не будут ли дочери так же несчастны, как их мать, родив неизлечимо больного ребенка? Старшая Ольга была уже невестой, но ей не торопились выбирать жениха. Впрочем, возможно, и женихи не торопились, хорошо представляя последствия гемофилии. Периодически назывались различные имена, от румынского принца до великого князя Дмитрия Павловича. Но все эти намерения остались только в планах. Не было ли здесь опасения за судьбы дочерей?

По свидетельству Й. Ворреса, великая княгиня Ольга Александровна была уверена, что ее племянницы являются носительницами мутантного гена. И если бы они вышли замуж, то передали бы эту болезнь своим детям. Она утверждала, что «у них бывали сильные кровотечения. Она вспоминала, какая поднялась паника в Царском Селе, когда великой княжне Марии Николаевне удаляли гланды. Доктор Скляр, которого великая княгиня представила императрице, рассчитывал, что предстоит обычная несложная операция. Но едва она началась, как у юной великой княжны обильно хлынула кровь... Несмотря на то, что кровотечение продолжалось, ему удалось успешно завершить операцию»⁶⁵.

Об этой тайне и порожденных ею слухах позже писали многие мемуаристы и историки. Отношение к этой ситуации среди них было разное. Промонархически настроенные авторы оправдывали действия царской семьи. Например, Е.Е. Алферьев в своей книге писал, что «по политическим и династическим соображениям, чтобы не давать возможность врагам России использовать болезнь Наследника в своих, преступных целях Они были *вынуждены ее скрывать*»⁶⁶. Историк С.С. Ольденбург в своей двухтомной истории царствования Николая II просто констатировал, что «болезнь наследника считалась государственной тайной, но толки о ней тем не менее были широко распространены»⁶⁷.

Критики династии отмечали катастрофические последствия закрытости царской семьи и бесперспективность этой позиции. Например, Феликс Юсупов отмечал, что «болезнь наследника старались скрыть. Скрыть до конца ее было нельзя, и скрытность только увеличивала всевозможные слухи, которые вообще порождались в обществе благодаря уединенной жизни государя»⁶⁸. Говорили о том, что Алексей умственно отсталый, эпилептик, что «будто бы нигилисты изувечили ребенка на борту императорской яхты»⁶⁹.

По впечатлениям П. Жильяра, который видел цеса-

ревича в феврале 1906 г., он не производил впечатления больного ребенка: «У него был свежий и розовый цвет лица здорового ребенка, и когда он улыбался, на его круглых щечках вырисовывались две ямочки»⁷⁰. Многочисленные фотографии подтверждают это.

Не все так по-доброму воспринимали Алексея. На него смотрели не как на больного ребенка, а как на наследника огромной державы и будущего властителя. Многие задавались вопросом: а какое будущее ожидает их страну, когда во главе ее окажется калека? Эти настроения отражены в воспоминаниях графини М. Клейнмихель: «Стали говорить, что ребенок слаб и недолговечен. Говорили, что у ребенка отсутствует покров кожи, отсутствие которого должно вызвать постоянные кровоизлияния, так что жизнь его могла угаснуть от самого незначительного недомогания... Благодаря тщательному уходу за ним, ребенок выжил, стал поправляться, хорошет, был умен, но долго не мог ходить, и вид этого маленького существа, постоянно на руках у здорового казака, производил на народ удручающее впечатление... Этот маленький калека – в нем грядущее великой России?»⁷¹. Кроме этого монархистов заботила чрезмерная близость Распутина не только к императрице, но и к наследнику. М.В. Родзянко писал, что «не без основания, являлось опасение, что постоянная проповедь сектант-

ства может оказать влияние на впечатлительную детскую душу... привьет его мирозозерцанию вредный мистицизм и может сделать из него в будущем нервного и неуравновешенного человека»⁷².

Первый серьезный кризис в развитии болезни произошел в конце 1907 г., когда цесаревичу уже было три с половиной года⁷³. Он в первый раз серьезно травмировал ногу. Как писал великий князь Александр Михайлович: «Трех лет от роду, играя в парке, цесаревич Алексей упал и получил ранение»⁷⁴. По свидетельству великой княгини Ольги Александровны, именно во время этого кризиса Распутин впервые стабилизировал положение больного ребенка. По ее словам, «от докторов не было совершенно никакого проку. Перепуганные больше нас, они все время перешептывались. По-видимому, они просто не могли ничего сделать». Она пишет, что только после появления Распутина, ситуация изменилась, и «малыш был не только жив, но и здоров»⁷⁵. А. Вырубова, коротко упомянув о кризисе 1907 г., ни словом не обмолвилась о вмешательстве Распутина, наоборот, она подчеркивала, что «когда осенью заболел наследник... Ничто не помогало ему, кроме ухода и забот его матери»⁷⁶.

Во время первого серьезного кризиса в состоянии здоровья цесаревича в Александровский дворец Цар-

ского Села впервые пригласили иностранного специалиста. Это был профессор ортопедии Берлинского университета доктор Альберт Гофф⁷⁷. Его приглашение стало, видимо, связано с первой и последней попыткой обратиться к опыту европейских специалистов. Поскольку больше их не приглашали, этот опыт оказался не особенно удачным. Впрочем, возможно, его консультации потребовались для квалифицированного заказа в Берлинском ортопедическом институте специальной кровати для больного цесаревича. Одно можно утверждать с уверенностью, что с 1907 г. для европейских медиков и политиков тайны заболевания русского цесаревича уже не существовало.

В марте 1908 г. очередная травма цесаревича стала поводом для переписки царя и императрицы Марии Федоровны. Алексей упал, ударился лбом, в результате чего на его лице появились страшные отеки. Императрица Мария Федоровна с беспокойством писала сыну из Лондона: «Я слышала, бедный маленький Алексей ударился лбом, и на лице появились такие отеки, что смотреть страшно, а глаза совсем закрылись»⁷⁸. Для того чтобы последствия травмы прошли, потребовалось три недели. В ответ Николай писал матери в Лондон: «Ты спрашиваешь про маленького Алексея – слава Богу, шишка и синяки у него про-

шли без следа. Он весел и здоров, как и его сестры»⁷⁹. Это были первые серьезные звонки, но далеко не последние.

Цесаревича Алексея несет на руках вахмистр Пилипенко. 1913 г.

Позже все они слились в некий тревожный фон, к которому царская семья привыкла и приспособилась, но не забывала о нем ни на минуту. Из документов мы узнаем об этих «незаметных» кризисах. О серьезности их говорит то, что хирург С.П. Федоров «в декабре (на рождество) 1908 г. был экстренно вызван из Москвы»⁸⁰ к цесаревичу.

В августе 1912 г. в Москве состоялось празднова-

ние 100-летия Бородинской битвы. Император очень хотел показать народу здорового наследника и хотя бы частично развеять те слухи, которые были с ним связаны, но очередное недомогание сделало это невозможным. Во время всех церемоний его носил на руках его дядька – боцман А.Е. Деревенько. Московский губернатор, в то время В.Ф. Джунковский, заметил: «Больно было видеть наследника в таком положении»⁸¹.

Крещение детей

Крещение родившегося ребенка являлось важной частью не только религиозной обрядности, но повседневной жизни. Понятия «крестный отец» или «крестная мать» в России никогда не были пустым звуком.

Крестильная рубашка Алексея

Процедура крещения ребенка – одна из отработанных придворных церемоний с четким, раз и навсегда определенным ритуалом. Естественно, на торжественную церемонию собиралось все наличное «семейство». Естественно, крещение обставлялось со всей возможной традиционной пышностью. Ребенка укладывали на подушку из золотой парчи и укрывали тяжелой золотой императорской мантией, подбитой горностаем. При этом крестильные рубашки потенциальных самодержцев, розовые у девочек и синие у мальчиков, бережно сохранялись. До нас дошла крестильная рубашка цесаревича Алексея, окрещенного в Петергофе летом 1904 г.

Примечательно, что важность события прекрасно осознавалась, и саму процедуру крещения старались зафиксировать. Причем не только в камер-фурьерских журналах, но и изобразительными средствами. До нас дошли акварели придворного художника Михая Зичи, на которых он запечатлел процедуру крещения будущего Николая II в мае 1868 г. В архиве хранится официальный фотоальбом, посвященный крещению первой дочери Николая II Ольги в 1895 г.

Крестили через две недели после родов. Как правило, там, где случалось рожать матерям. Процедура крещения начиналась с торжественного шествия

в храм. Если крещение происходило в домовой церкви, то это было торжественное шествие по дворцовым залам. Если же церковь находилась вне жилой резиденции – использовались парадные кареты. Золоченые кареты образовывали торжественный поезд, который конвоировали гвардейцы. Поскольку Александр II родился в Москве, то и обряд крещения над ним совершался также в Москве, в церкви Чудова монастыря. Примечательно, что восприемница младенца вдовствующая императрица Мария Федоровна, следуя примеру матери Петра Великого, положила младенца на раку, где находились нетленные мощи Св. Алексия, митрополита Московского.

Родителей, конечно, волновало состояние здоровья младенца, как бы его не простудили и не уронили во время церемонии. Тем более, что по традиции мать ребенка не присутствовала на крещении. Спокойствие ребенка во время процедуры крещения воспринималось как благоприятный знак в его судьбе. Примечательно, что у высочайших родильниц периодически отмечались психозы, описанные сегодня в медицинской литературе. В мае 1857 г., когда крестили Сергея Александровича, императрица Мария Александровна поделилась со своей фрейлиной опасениями, что младенца «утопят или задушат во время крестин»⁸².

Матери получали подарки по случаю крещения своих детей. В апреле 1875 г. при крещении великой княжны Ксении Александровны ее мать, цесаревна Мария Федоровна, получила от Александра II две крупные жемчужины в серьгах⁸³.

Во время процедуры крещения младенца на руках несла статс-дама, которую страховали «ассистенты». Некоторым из статс-дам удавалось принять участие в крещении двух императоров. В 1796 г. будущего Николая I на руках несла статс-дама Шарлотта Карловна Ливен, которую сопровождали обер-шталмейстер Л.А. Нарышкин¹ и граф Н.И. Салтыков⁸⁴. Через 22 года, когда в Москве 5 мая 1818 г. крестили будущего Александра II, та же Шарлотта Ливен внесла в храм на своих руках будущего императора. Надо заметить, что статс-дамы в полной мере понимали свою ответственность. Поскольку они, как правило, были уже пожилыми женщинами, то, страхуясь, они прибегали к различным ухищрениям. Например, когда в 1904 г. крестили сына Николая II, статс-дама Голицына несла подушку из золотой материи, на которой лежал ребенок, прикрепив ее к своим плечам широкой золотой

¹ Нарышкин Лев Александрович (1733–1799) – обер-шталмейстер. Службу начал в лейб-гвардии Преображенском полку. С 1751 г. – камер-юнкер, с 1756 г. – камергер. В день коронации Екатерины II 22 сентября 1762 г. пожалован в обер-шталмейстеры.

лентой. Кроме этого, к своим парадным туфлям она приказала приклеить каучуковые подошвы, чтобы не поскользнуться. При этом ее поддерживали под руки церемониймейстер А.С. Долгорукий и граф П.К. Бенкендорф⁸⁵.

Немаловажной частью процедуры крещения был подбор крестных матерей и отцов. Как правило, этот вопрос решался не только с учетом дворцовых раскладов, но и высокой политики. Приглашение в крестные являлось знаком не только хороших личностных отношений, но и демонстрировало прочность политических отношений. В 1818 г. восприемниками будущего императора Александра II стали сам Александр I, вдовствующая императрица Мария Федоровна и дед по матери Фридрих-Вильгельм III, король Прусский. В 1857 г. восприемниками родившегося великого князя Сергея Александровича были старший брат цесаревич Николай Александрович, великая княгиня Екатерина Михайловна⁸⁶, великий герцог Гессенский Людвиг III и вдовствующая королева Нидерландов Анна Павловна. В 1904 г. в число многих крестных матерей цесаревича Алексея входила его старшая сестра – 9-летняя Ольга. Поскольку Алексей – единственный сын российского монарха, то у него были «серьезные» крестные отцы – король Англии Георг V и германский император Вильгельм II, датский король Христиан IX

и великий князь Алексей Александрович.

В процедуре крещения участвовали старшие братья и сестры новорожденного. Для детей это становилось важным опытом участия в торжественных дворцовых церемониях. К ним готовились, особенно девочки. Одна из дочерей Николая I вспоминала, как они готовились к крестинам Константина Николаевича, родившегося в сентябре 1827 г.: «К крестинам нам завили локоны, надели платья – декольте, белые туфли и Екатерининские ленты через плечо. Мы находили себя очень эффектными и внушающими уважение. Но – о разочарование! – когда Папа увидел нас издали, он воскликнул: «Что за обезьяны! Сейчас же снять ленты и прочие украшения!» Мы были очень опечалены»⁸⁷.

Немаловажной частью обряда крещения было возложение на младенца «статусных» орденов. По традиции в конце церковной службы императору на золотом блюде подносился орден Св. Андрея Первозванного, который он возлагал на новорожденного. Кроме этого ордена младенец «награждался» орденами Св. Александра Невского, Белого Орла, а также высшей степенью орденов Св. Анны и Станислава, производился в прапорщики и зачислялся в один из лейб-гвардейских полков. Девочки при крещении получали знаки ордена Св. Екатерины. Завершался обряд кре-

щения вечерним торжественным обедом и иногда иллюминацией.

Кортеж в день крещения цесаревича Алексея 11 августа 1904 г. Шествие от Нижней дачи к Большому Петергофскому дворцу

День крещения цесаревича Алексея 11 августа 1904 г. Прибытие имп. Марии Федоровны

День крещения цесаревича Алексея 11 августа 1904 г. Прибытие новорожденного

Кортеж в день крещения цесаревича Алексея 11 августа 1904 г. Шествие к Нижней даче от Большого Петергофского дворца

Когда в 1840-х гг. начали появляться дети у будущего Александра II, обряд их крещения повторился до деталей. Первая дочь Александра II родилась 19 августа 1842 г. 30 августа состоялся обряд ее крещения в церкви Большого Екатерининского дворца Царского Села. Нести новорожденного по статусу полагалось первой придворной даме, которой тогда была статс-дама княгиня Е.В. Салтыкова. Согласно требованиям церемониала, на ней было «русское» придворное платье, кокошник с нашитыми на него бриллианта-

ми, перекрытый фатой. По традиции, новорожденную положили на парчовую подушку, которую держала в руках статс-дама, и покрыли парчовым покрывалом, прикрепленным на плечах и груди графини. Подушку и покрывало придерживали двое знатных придворных.

Примечательно, что на процедуре крещения, но за ширмами, присутствовали также лица, которые обеспечивали «техническую сторону» происходящего на случаи различных «детских неожиданностей»: англичанка-бонна, кормилица и акушерка. Как упоминала мемуаристка, акушерка была в дорогом шелковом платье и блондовом чепце, украшенная бриллиантовым фермуаром² и серьгами⁸⁸. Традиция присутствия при крещении «технического персонала» сложилась значительно раньше. Николай I, описывая свое крещение, упоминает, что «во время церемонии крещения вся женская прислуга была одета в фижмы и платья с корсетами, не исключая даже кормилицы. Представьте себе странную фигуру простой русской крестьянки из окрестностей Петербурга в фижмах, в корсете до удушия. Тем не менее это находили необходимым. Лишь только отец мой, при рождении Михаила, освободил этих несчастных от этой смешной пыт-

² Фермуар (от фр. *fermoir*) – в данном контексте ожерелье с такой застежкой.

ки»⁸⁹. Однако присутствие няни на церемонии крещения было обязательным, поскольку только профессиональная няня могла нейтрализовать «неожиданности» со стороны младенца. Аристократки такой «квалификацией» не обладали, да и не по статусу это было...

Няня-англичанка детей Николая II описывает в воспоминаниях, как она присутствовала в качестве «технического персонала» на крестинах двухнедельной Марии Николаевны в 1899 г. в домовая церкви Большого Петергофского дворца. По ее воспоминаниям, торжественная церемония продолжалась более двух часов. Няню провели в служебные помещения рядом с церковью, причем один из священников проконсультировался у няни, спросив, какой температуры должна быть вода в купели для великой княжны. Мемуаристка указывает, что родители не участвовали в процедуре крещения, а Мария Николаевна была одета в крестильную рубашку, в которой в мае 1868 г. крестили самого Николая II.

Примечательно, что хотя процедура крещения совершалась со всей положенной помпой, но певчие в этом случае пели очень тихо, чтобы не испугать младенца⁹⁰.

Крещение будущего Александра III состоялось 13 марта 1845 г. в Большой церкви Зимнего дворца. По-

сколько гофмейстрина цесаревны княгиня Е.В. Салтыкова была больна, то младенца несла на подушке статс-дама М.Д. Нессельроде, по сторонам ее шли, поддерживая подушку и покрывало, два знатнейших сановника Империи: генерал-фельдмаршал князь Варшавский Паскевич-Эриванский и статс-секретарь граф Нессельроде, возведенный в этот же день в звание государственного канцлера⁹¹.

Крещение будущего Николая II состоялось 20 мая 1868 г. в Большой церкви Зимнего дворца. Судя по акварели М. Зичи, в этой процедуре самое активное участие принимал дедушка, Александр II, который, как и все остальные, отчетливо понимал, что совершается крещение не просто его первого внука, но, возможно, будущего императора. На акварели изображены четыре сцены крещения, и на двух из них Александр II держит своего внука на руках. Примечательно, что во время крещения в качестве ассистентов статс-дамы выступали два императора – Александр II и отец – великий князь Александр Александрович (будущий) Александр III. То, что отец, нарушая традиции, принимал активное участие в крещении, видимо, было связано с важностью происходящего. Два императора, действующий и потенциальный, держали на руках своего очередного преемника, укрепляя фундамент его легитимности.

М. Зичи. Крещение вел. кн. Николая Александровича. 1868 г.

Современник описал это событие следующим образом: «Крестины новорожденного происходили 20 мая в Царском Селе с особенной торжественностью. При церемониальном шествии через все залы Большого Царскосельского дворца в церковь дворцовую новорожденного несла гофмейстрина княгиня Куракина, поддерживаемая с одной стороны государственным канцлером князем Горчаковым, с другой – фельдмаршалом князем Барятинским (поддержка не очень надежная, так как оба сановника сами плохо держа-

лись на ногах). Восприемниками были Государь и великая княгиня Елена Павловна, а, кроме того, заочными – королева и наследный принц Датские»⁹².

Примечательно, что и в 1845 г., и в 1868 г. в крещении будущих императоров принимали участие главы внешнеполитического ведомства (граф Нессельроде и князь Горчаков) и два фельдмаршала (генерал-фельдмаршал князь Варшавский Паскевич-Эриванский и фельдмаршал князь Барятинский).

Совершенно очевидно, что это не было случайностью, это отчетливый «след» соблюдения традиции «прежних лет».

Впоследствии, в августе 1904 г., Николай II в день крещения своего сына Алексея записал в дневнике: «11-го августа. Среда. Знаменательный день крещения нашего дорогого сына». Конечно, и факт рождения, и крещения первенца для любого монарха был «знаменательным», поскольку «перекидывал мостик» к следующему царствованию. Процедура крещения цесаревича отличалась от процедуры крещения его сестер только несколько большей пышностью. Карету с младенцем везли 8 лошадей, а не 6, как у его сестер. Этим все статусные различия и ограничивались.

По традиции, процедура крещения завершалась большим обедом, на котором присутствовали особы

первых трех классов. В 1857 г. после крещения великого князя Сергея Александровича на «трехклассном обеде» присутствовало 800 человек.

Конечно, во время ответственной и многолюдной процедуры крещения не обходилось без суеты и накладок. Во время крещения Анастасии, четвертой дочери Николая II, при подготовке торжества «отстали от графика», и золотая карета, в которой находилась княгиня Голицына с ребенком и ее ассистенты, буквально неслась по улицам. «Золотая же карета, которая обычно употребляется для этой церемонии, – старой конструкции, поэтому бока у обоих стариков были сильно помяты»⁹³.

Воспитание высокородных детей

Родители во все времена старались дать детям лучшее, в первую очередь здоровье, образование и воспитание. Огромное значение «дошкольному» воспитательному процессу придавалось и в императорской семье. Все совершенно отчетливо понимали, что со временем эти мальчики будут управлять огромной империей, а девочки станут женами владельцев персон.

Кормилицы и педиатры при императорской семье

С рождения у детей постепенно формировался *собственный штат*, отвечавший за их здоровье и благополучие.

Фундамент здоровья детей закладывался вскармливанием. Высокородные матери своих детей, конечно, не кормили. Кормилиц подбирали очень тщательно. Как правило, это были крестьянки из деревень. Ответственность за подбор кормилиц и состояние их здоровья целиком лежала на придворных медиках. Поскольку детей в царской семье рождалось много, то и кормилиц требовалось много. Поэтому императрица Мария Федоровна внимательно заботилась не только о санитарном состоянии пригородных резиденций, но и близлежащих деревень, которые были «рассадником кормилиц для царских и городских детей». Например, под Павловском таким «рассадником» кормилиц стала деревня Федоровская. Лейб-медик Рюль отмечал, что в деревне народ был «резвый, здоровый, постояя никогда не было, а все знают, что постоя войск портит женщин и нравственно»⁹⁴.

Подбор кормилиц «из народа» имел еще одну очень важную сторону – политическую. То, что российского⁹⁵ императора вскармливала простая русская крестьянка и у царя имелись молочные братья и сестры из крестьянской среды, было очень важным кирпичиком в фундаменте неразрывно-мистической связи царя и народа.

Имена кормилиц оставались в истории. Для самих кормилиц, кроме статуса, наверное, была очень важна пожизненная пенсия и денежные подарки к тезоименитству, Рождеству и Пасхе.

Кормилицей Николая I стала красносельская крестьянка Ефросинья Ершова. История «взаимоотношений» Николая I и кормилицы с ее детьми продолжалась с 1796 по 1853 г., то есть 57 лет, фактически всю жизнь императора. История этих «взаимоотношений» реконструируется по «Гардеробным суммам» Николая I.

Николай I родился 25 июня 1796 г. Ему сразу же подобрали кормилицу, положив ей жалованье в 800 руб. в год. Жалованье кормилице выплачивалось «по третям», то есть раз в три месяца. 16 февраля 1797 г. кормилица Ефросинья Ершова получила 200 руб. Естественно, она была неграмотна, и в «ведомости» за нее расписалась няня Сеницына⁹⁶. Кормила императора Ефросинья около года, по крайней мере, в сен-

тябре 1797 г. она, «по повелению императрицы», получала «положенный пансион, принадлежащий ей за прошедшие полгода, считая с марта по 1 сентября 300 руб.»⁹⁷.

Пенсию в 800 руб. в год Ефросинье Ершовой установили в размере жалованья, и она получала ее, так же как и жалованье, по 200 руб. каждые три месяца⁹⁸.

В декабре 1797 г. у Николая I появилась молочная сестра, поскольку по ведомости кормилице выдали «за окрещение у ней младенца 100 руб.». В 1803 г. кормилица получила еще 100 руб., также «за крещение у нее младенца». Наверняка у Ефросиньи Ершовой и до 1896 г. был, по крайней мере, один ребенок, но молочными сестрами Николая I считались только дети кормилицы (Авдотья и Анна), рожденные в 1797 и 1803 гг. Позже у кормилицы родился сын Николай, его также зачислили в молочные братья царя.

Царская кормилица

Умерла кормилица Николая I, видимо, в 1832 г., по-

скольку к Новому 1833 году «детям умершей кормилицы Авдотье и Анне» выплатили «поздравление с Новым годом – 50 руб.»⁹⁹. С 1833 г. начинаются «отношения» Николая I с молочными сестрами. В бухгалтерских документах они так и назывались – «дочери умершей кормилицы». Примечательно, что деньги им выплачивались по четко фиксированным поводам и только в случае их личной «явки» во дворец. Дочери кормилицы являлись в «свои дни», «как часы», а молочный брат царя только изредка. «Свои» 25 руб. за поздравление с Новым годом он получил единственный раз в 1837 г.

Поводы к выплате денег были следующие. Во-первых, «именинные» самих молочных сестер Авдотьи и Анны. 1 марта 1833 г. Авдотье выделили 25 руб. «именинных». Во-вторых, это ежегодные поздравления императора с Новым годом. В 1835 г. дочерям «умершей кормилицы» за «счастье поздравить» Николая I с Новым годом выплатили 50 руб. на двоих. В-третьих, это поздравление императора на Пасху «Тариф» был стандартный – 50 руб. на двоих. В-четвертых, поздравление Николая I с днем рождения и, в-пятых, в декабре поздравления с тезоименитством. Таким образом сестры «снимали» с императора ежегодно по 125 руб. каждая. Без сомнения, для крестьянской семьи такой гарантированный доход являл-

ся очень важным. Кроме этого молочные сестры императора занимали особое место в крестьянской общине, да и местные власти к ним относились весьма бережно.

Когда в России, начале 1840-х гг. ассигнации пересчитали на серебро, то пересчитали и деньги дочерей «умершей кормилицы». Анна и Авдотья стали «за поздравления» получать 14 руб. 28 $\frac{4}{7}$ коп. на двоих.

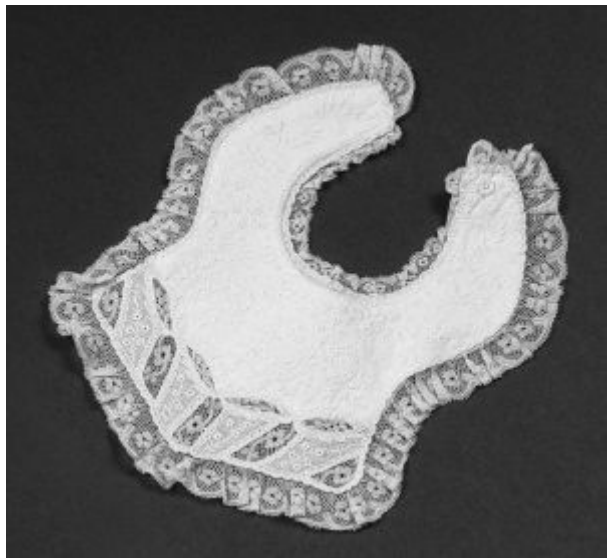

Спальня Ники в Аничковом дворце

В 1844 г. число крестьянских «родственников» Николая I увеличилось в связи с тем, что он стал крестным отцом родившегося у Анны сына. Анна Ершова, по мужу Горохова, в награду «по случаю соизволения Его Величества о восприятии от имени Его Величества от купели новокрещенного ее сына Алексея» получила очень приличную сумму в 28 руб. 58 коп.¹⁰⁰

Иногда по какой-то житейской причине «на поздравления» являлась только одна из сестер и, согласно «железным правилам», она получала только «свои» деньги. На тезоименитство в декабре 1853 г. явилась только Анна Ершова и поэтому она получила только 7 руб. 15 коп. Эти деньги стали последней выплатой Николая I семье кормилицы Ефросиньи Ершовой.

Следует отметить, что у кормилиц со времен Николая I появилась своя «форма одежды». До 1798 г. «форма» кормилиц включала в себя «парадный» и «повседневный» варианты. «Парадный» вариант одевался на торжественные мероприятия, где предполагалось присутствие царственного младенца. В этом случае кормилицы-крестьянки надевали совершенно непривычные для них фижмы и корсеты.

Нагрудники детские. 1900-е гг.

При рождении Михаила, последнего сына Павла I, эта традиция была ликвидирована. «Повседневный» вариант предполагал роскошный русский традиционный сарафан с кокошником. Эта «форма» соблюдалась при Дворе вплоть до 1917 г. Поскольку «русские» сарафаны были дорогими и шились на средства казны, то их продолжали хранить во дворце как реликвию даже после того, как дети выросли. В Александровском дворце Царского Села, на втором этаже детской половины, в коридоре вдоль стен стояли шкафы с одеждой царских детей. Там, в шкафу № 1, хра-

нились все костюмы кормилиц детей Николая II.

О кормилицах других императоров известно значительно меньше. Кормилицей Александра III была крестьянка села Пулково Царскосельского уезда Екатерина Лужникова. «По примеру прежних лет» по отнятии Александра от груди ей пожалована пожизненная пенсия в 100 руб. в год, сверх которой она ежегодно получала денежные выдачи в упомянутые выше праздники.

Платье для младенца. 1900-е гг.

Мемуаристы упоминали, как к Александру III по

«своим дням» приходила его престарелая кормилица: «Она неизменно являлась в своем наряде и отношении к ней государя были трогательны»¹⁰¹.

В 1847 г. в Петергофе проводил свое первое лето Владимир, младший брат Александра III, которому тогда было несколько месяцев. Один из воспитателей писал родителям, что его «кормилица здоровая женщина, но для поддержания ее здоровья в надлежащем равновесии, на будущее время надо, чтобы она делала еще больше движения, о чем я говорил и няне, и доктору»¹⁰², что «обе няни опрятные в своем деле женщины, чрезвычайно усердны и рачительны к своему делу. Мамка тихая, а главное, здоровая женщина»¹⁰³.

Интересен вопрос об организации *педиатрической службы* при Императорском дворе, тем более, что во всех императорских семьях на протяжении XIX в. дети умирали от тех или иных заболеваний. Например, умерли в детском возрасте обе дочери Александра I, в семье Николая I – 18-летняя дочь, в семье Александра II – дочь и сын, в семье Александра III – два сына.

За здоровьем детей медики, конечно, наблюдали всегда. Медиков в обязательном порядке включали в штат всех царских детей. При рождении Николая I к нему в штат были определены: лейб-медик И.Ф. Бек

с годовым жалованьем в 500 руб.; придворный аптекарь Гетьман с жалованьем в 100 руб.; придворный лекарь Эблинг (100 руб.) и зубной лекарь Понгиарт. Следует заметить, что Бек обладал значительным опытом службы при Дворе, поскольку еще в 1773 г. его назначили гофхирургом к будущему Павлу I. В ноябре 1786 г. И.Ф. Бека назначили врачом при великих князьях и княжнах. Примерно по этой же схеме медики включались в штат и других царских детей.

В середине 1870-х гг. при Императорском дворе сформировалась специализированная педиатрическая служба. С 1876 по 1915 г. ее возглавлял Карл Андреевич Раухфус, который первым получил должность лейб-педиатра.

Особое внимание с учетом изменившегося уровня медицинских знаний уделялось здоровью детей в семье Николая II. Особенно опекали больного царевича Алексея. Поскольку все, что было связано с рождением и ростом наследника Алексея, имело важное государственное значение, то и подбор кормилиц для него считался важным государственным делом.

И.Н. Крамской. Портрет доктора К.А. Раухфуса. 1887 г.

В августе 1896 г. должность врача при детях Николая II занял почетный лейб-педиатр доктор И.П. Коровин. До этого он с 1877 г. состоял при детях великого князя Владимира Александровича, получая жа-

лованье в 1800 руб. в год. Любопытно, что при назначении его врачом царских детей жалованье существенно уменьшили – до 1500 руб. в год. И только в 1899 г., после рождения третьей дочери в семье царя, ему увеличили жалованье до 3000 руб. в год. В декабре 1902 г. высочайшим указом постановили уже пожилому «доктору медицины, действительному статскому советнику Ивану Коровину выдавать пожизненно по три тысячи рублей в год из Кабинета Его Величества... безразлично, будет ли доктор Коровин состоять на службе или выйдет в отставку а равно будет ли он продолжать пользоваться Августейших детей или нет»¹⁰⁴. После рождения в 1904 г. Алексея содержание доктора вновь увеличили до 4500 руб. «ввиду того, что лейб-педиатр Коровин был приглашаем весьма часто, иногда ежедневно для пользования Наследника Цесаревича, со дня рождения»¹⁰⁵.

Шли годы, и с сентября 1907 г. лечение наследника и дочерей было возложено на профессора Симановского и старшего врача Николаевского кадетского корпуса доктора медицины Острогорского. 25 августа 1908 г. императрица, отдыхавшая в финских шхерах на борту яхты «Штандарт», получила телеграмму в которой сообщалось, что «лейб-педиатр доктор Коровин скончался сегодня утром» в своей квартире. Надо заметить, что его вдова получила достаточно прилич-

ное содержание из различных источников: за мужа из Военно-медицинского управления – 423 руб.; из эмириательной кассы – 860 руб.; из Кабинета Его Величества – 1500 руб.; из сумм августейших детей – 500 руб. Всего 3283 руб. в год.

Кормилиц к наследнику подбирали в «Приюте кормилиц и грудных детей С.С. Защегринской». Еще в июле 1904 г. акушерка София Сергеевна Защегринская отправилась, по традиции, в глубинку, в Тверскую губернию, на поиски здоровых кормилиц. Об объеме проделанной ею работы говорит то, что она объездила 108 деревень Новоторжковского уезда, где отобрала четырех кормилиц. Поскольку она забирала их в Петербург в период страды, то ей пришлось выплатить семьям кормилиц по 15 руб. для найма работниц, которые должны были заменить их. По приезде, несмотря на жесткий первичный отбор, двоих отправили обратно после осмотра их доктором Коровиным и профессором Д.О. Оттом. Был проведен тщательный медицинский осмотр кормилиц, сделаны анализы мочи и молока. Отобраннным кормилицам установили содержание в 150 руб. Став кормилицами, они обеспечили свое будущее, поскольку, по традиции, первая кормилица, пользовалась покровительством царской семьи на протяжении всей своей жизни.

Императрица Александра Федоровна *сама начала*

кормить своего сына, но основная нагрузка легла на отобранных кормилиц. Ими последовательно были: Александра Негодова-Крот (30 июля – 19 октября 1904 г.); Наталья Зиновьева (19 октября – 20 ноября 1904 г.); Мария Кошелькова (28 ноября – 3 января 1905 г.); Дарья Иванова (с 8 января 1905 г.).

Следует подчеркнуть, что Николай II гордился тем, что его жена сама кормит единственного сына. Конечно, это не было полноценным кормлением, скорее, это было просто прикладывание к груди, но тем не менее...

Следует иметь в виду то, что кормление грудью при Императорском дворе имело свою историю. Общеизвестно, что в аристократической среде не в обычае было матерям самим кормить детей грудью. Первой такое желание в 1842 г. выразила жена цесаревича Александра – цесаревна Мария Александровна. Однако это желание настолько выбивалось из традиций, что цесаревич Александр Николаевич решительно воспротивился этому¹⁰⁶. «Пионером» в деле кормления своих детей стала великая княгиня Мария Павловна, жена великого князя

Владимира Александровича. Еще в августе 1875 г. Михень сама стала кормить своего новорожденного сына – великого князя Александра Владимировича. Это явилось маленькой сенсацией, и об этом гово-

рили в гостиных. По крайней мере, даже 18-летний Сергей Александрович отметил в дневнике (21 августа 1875 г.), что «Михен сама кормит своего сына»¹⁰⁷. Императрица Мария Федоровна ни на йоту не отступала от традиций в воспитании детей, поэтому ни о каком кормлении грудью не было и речи. В результате жена Николая II стала первой российской императрицей, которая кормила грудью своих детей.

Подбор кормилиц был не только очень престижным, но и хлопотным и дорогим делом. В связи с жестким контролем за состоянием молока профессор Отт требовал от Защегринской все новых и новых кормилиц. В ноябре «при дурной погоде и дороге» ей пришлось объехать деревни Царскосельского, Лужского, Петергофского уездов. Из этой поездки было привезено пять кормилиц, из них четырех медики забраковали. Как пишет Защегринская, «по желанию доктора Коровина вторично поехала на поиски кормилицы в Псковскую губернию», откуда было привезено еще четыре кормилицы. После трех осмотров кормилиц и их детей отобрали двоих. Но доктора продолжали требовать «как можно больше кормилиц», поэтому уже в декабре 1904 г. она вновь привозит еще 11 кормилиц из деревень, расположенных в пригородах Петербурга, из них отобрали «для наблюдений» четыре кормилицы.

В конце декабря 1904 г. Защегринская отправляет камер-фрау императрицы М.Ф. Герингер письмо, в котором подробно перечисляет и описывает все свои труды по подбору кормилиц для цесаревича и подчеркивает, что оплата ее трудов не соответствует расходам. И констатирует, что «дошла до того, что заложила свой приют и потеряла здоровье», что «доктор Раухфус последнюю поездку назвал подвигом»¹⁰⁸. Любопытно, что проблемы с кормилицами Защегринская связывала с политической ситуацией в стране: «В неудаче кормилиц... виною время... если бы Вы знали. Что делается по деревням... какое горе переживает народ, когда берут из запаса на войну»¹⁰⁹ ... я прямо даже удивилась, что я нашла 10 человек». В своем следующем письме на имя личного секретаря императрицы графа Я.Н. Ростовцева в январе 1905 г. она упоминает, в чем заключались, собственно, проблемы с кормилицами. Первая кормилица цесаревича Александра Негодова-Крот забраксована в середине октября 1904 г. «вследствие зажирения молока»¹¹⁰. За все труды Защегринской заплатили 500 руб., но она представила подробную калькуляцию своих расходов, заявив, что «это вознаграждение решительно не соответствует тем трудам и лишениям в поездках», и напористо потребовала по 500 руб. за каждую отобран-

ную кормилицу. В этот же день ее требования были доложены императрице, которая распорядилась выплатить требуемые деньги. Всего поиски и оплата труда кормилиц обошлись казне (с июля 1904 г. по январь 1905 г.) в 5291 руб. 15 коп.¹¹¹

По традиции, покровительство первой кормилице со стороны царской семьи продолжалось годами. Ко времени рождения наследника в многодетной царской семье было уже несколько таких кормилиц. И сложились определенные традиции их оплаты. Великую княжну Ольгу Николаевну выкормила Ксения Воронцова. Императрица периодически кормила Ольгу сама, но во время обеда ее отсасывал сын кормилицы. Как писала Ксения Александровна: «Кормилица стояла рядом, очень довольная». Ей установили пожизненную пенсию в 132 руб. в год и произвели единовременную выплату в 835 руб. Всем последующим кормилицам устанавливались такие же пенсии, но размеры единовременных выплат были различными, кроме этого им доплачивались «прибавочные деньги»¹¹².

Сведений о кормилицах сохранилось немного. Например, Ксения Антоновна Воронцова, дочь крестьянина, стала кормилицей в 22 года и находилась на этом месте с 4 ноября 1895 г. по 8 августа 1896 г. После окончания службы ее мужа назначили продавцом

в казенную винную лавку. В 1901 г. сам император Николай II становится крестником ее ребенка. Примечательно, что роды бывшей кормилицы проходили в петергофском Дворцовом госпитале¹¹³.

Говоря о крестниках императора, надо заметить, что существовала определенная процедура отбора младенцев. Сначала родители подавали просьбу на имя министра Императорского двора, ее докладывали царю, а уже затем он принимал участие в крестинах. Царь, по свидетельству мемуаристов, чрезвычайно редко отказывал, считая поощрение чадолюбия своим долгом.

Да он и сам был многодетным любящим отцом. При этом родители младенца могли рассчитывать и на определенные выгоды: подарок матери ребенка, воспитание и обучения ребенка за государственный счет, возможная служба по Министерству Императорского двора¹¹⁴.

Характерным примером традиционной связи царской семьи с первыми кормилицами была судьба Александры Негодовой-Крот. Поскольку крестьянка Каменец-Подольской губернии Винницкого уезда Александра Негодова-Крот кормила наследника только около трех месяцев, то ей определили неполную пенсию в 100 руб. в год. Кроме этого каждой из кормилиц по традиции собиралось весьма солидное «при-

даное». Для Негодовой-Крот приобрели вещи более чем на тысячу рублей: кровать, две подушки, сорок аршин полотна, серебряные часы, полотенца и совершенно необходимый в деревне зонтик. Всего на одежду и «приклад» для гардероба пяти кормилиц и их детей потратили только по одному из счетов почти две тысячи рублей¹¹⁵.

Все последующие годы Негодова-Крот регулярно обращалась к императрице с различными просьбами. Например, в 1905 г. она просит устроить своего мужа в дворцовую полицию. В 1908 г. по ее ходатайству Филиппу Негодову-Крот предоставили место сидельца в казенной винной лавке первого разряда в Петербурге в связи с болезнью ног. Для решения этого вопроса императрица через своего секретаря обращалась к министру финансов. Позже, учитывая Высочайшее покровительство этой семье, Министерство финансов закрывает глаза на крупную недостачу в 700 руб. в винной лавке в 1911 г. В 1913 г. дочь Негодовой-Крот поместили в Петровскую женскую гимназию, и плату за ее обучение, 100 руб. в год, императрица принимает на себя.

В октябре 1913 г. министр финансов направил императрице сообщение, в котором информировал ее, что муж кормилицы пропал без вести, похитив из кассы лавки 1213 руб. казенных денег. Он добавляет в

конец документа, что не имеет в виду «возбуждать против Негодова-Крот уголовного преследования»¹¹⁶. Несмотря на этот скандал, уже в ноябре 1913 г. императрица удовлетворяет очередное прошение кормилицы цесаревича об определении ее детей, Марии 11 лет и Олега 9 лет, в приют принца Ольденбургского на полное содержание. Кроме этого, в нарушение всех правил и инструкций помогает в назначении неграмотной кормилицы на место продавца в винной лавке и вносит за нее залог в 900 руб. В феврале 1914 г. беглый муж возвращается к жене и тут же пишет письмо секретарю императрицы графу Ростовцеву, в котором просит прощения «за сделанный мною поступок... расстроенный и убитый горем совести», просит разрешения «занять должность помощника моей жены в казенной винной лавке». Как ни странно, но его просьбу удовлетворили. Из архивного дела, связанного с судьбой первой кормилицы цесаревича, складывается впечатление, что это семейство просто эксплуатировало жизненную удачу трех месяцев 1904 г.

В Интернете автор обнаружил упоминание о другой кормилице цесаревича – Дарье Ивановой. В 1904 г. она жила в поселке Елашки Маловишерского района. Ее выбрали из 18 молодых кормящих женщин. Предпочтение отдали ей из-за ее спокойного, доброго и приветливого характера и грудного молока, отвечаю-

щего необходимым требованиям. Умерла Д. Иванова, по воспоминаниям односельчан, уже после войны в 1947–1948 гг. Те несколько месяцев, которые она кормила цесаревича, так и остались для нее главным событием в жизни.

Няни и воспитательницы

Традиции последовательного элитарного воспитания в России сложились во второй половине XVIII в. Императрица Екатерина II фактически реализовывала свой материнский инстинкт, воспитывая старших внуков – Александра и Константина. Естественно, особое внимание уделялось воспитанию преемника. Исходя из своих взглядов на будущее, Екатерина II готовила себе в преемники не сына Павла Петровича, а старшего внука Александра. Поэтому именно царственная бабушка, а не родители определяли стратегию воспитания будущего Александра I.

Будучи прагматиком, Екатерина II составила так называемую «Бабушкину азбуку», проникнутую педагогическими идеями просветителей XVIII в. В наставлениях, данных воспитателю Александра графу И. Салтыкову при высочайшем рескрипте от 13 марта 1784 г., Екатерина II излагала свои мысли «касательно здоровья и сохранения оногo; касательно продолжения и подкрепления умонаклонения к добру, касательно добродетели, учтивости и знания» и правила «приставникам касательно их поведения с воспитанниками». Наставления эти были построены на началах либерализма и проникнуты педагогическими идеями в духе

знаменитого «Эмиля» Ж. – Ж. Руссо.

В соответствии с этими идеями Александра и Константина не кутали, они спали на твердых волосяных матрасах, в детской комнате всегда было много света и свежего воздуха. Под окнами детской даже стреляли из пушки, чтобы приучить мальчиков к резким и громким звукам с детства. Великих князей категорически запрещалось перекармливать. Кормили мальчиков только в строго отведенные часы. Большое значение уделялось «трудовому воспитанию». В детстве Александр I красил, смешивал и растирал краски, рубил дрова, пахал, косил, вскапывал грядки, исполнял обязанности кучера и столярничал. Только столярное ремесло Александр изучал два года под руководством краснодеревщика Х. Мейера¹¹⁷. Следует подчеркнуть, что традиции «трудового воспитания», заложенные в XVIII в. в период взросления Александра I, воспроизводились вплоть до начала XX в. Несколько поколений царских детей работали в саду и знакомились с разными ремеслами¹¹⁸. Но до семи лет мальчики, рожденные в царской семье, находились в женских руках и до трех лет донашивали платья старших сестер.

Раннее детство Николая I

Младший брат Александра I, великий князь Николай Павлович, был третьим сыном императора Павла I. Он родился за несколько месяцев до смерти Екатерины II, поэтому стратегию его воспитания определяла уже мать – императрица Мария Федоровна. Немаловажным было и то, что как третий сын в императорской семье Николай практически не имел надежд когда-либо занять императорский трон.

Возглавляла персонал, ухаживающий за младенцем, Шарлотта Карловна Ливен. На эту должность ее назначила Екатерина II. Николай I назвал ее в воспоминаниях «уважаемой и прекрасной» женщиной, «которая была всегда образцом неподкупной правдивости, справедливости и привязанности к своим обязанностям и которую мы страшно любили»¹¹⁹. Как руководитель персонала обслуживавшего великого князя, она получала жалованье в 1500 руб. в год. Пока Николаю не исполнилось 4 года, она полностью контролировала процесс взросления ребенка.

Ш.К. Ливен

Шарлотте Ливен подчинялись две «полковницы» с жалованьем по 900 руб. в год. Фактически это были гувернантки, бедные вдовы офицеров, которых, по чину

их мужей, называли «полковницами». Они неотлучно состояли при ребенке, давали отчет доктору о состоянии здоровья ребенка, приучали его молиться и пр., и пр.¹²⁰ Поскольку «полковницы» входили в «ближний круг» императорской семьи, то связь между ними и царственным воспитанником поддерживалась всю жизнь.

Первой из «полковниц» была Юлия¹²¹ Федоровна Адлерберг, утвержденная в должности Павлом I в 1797 г. Николай I упоминал, что «вскоре после кончины Императрицы Екатерины ко мне приставили в виде старшей госпожу Адлерберг»¹²². В должности «старшей» она оставалась вплоть до 1802 г., пока не перевели на должность директрисы привилегированного Смольного института. О начале карьеры Юлии Федоровны Адлерберг, урожденной Багговут (сестра генерала, погибшего в 1812 г.), вдовы Выборгского коменданта, один из современников писал: «Шарлотта Карловна Ливен определила Юлию Федоровну Адлерберг нянюшкой: сперва к великому князю Николаю Павловичу, а потом к великому князю Михаилу Павловичу. Юлия Федоровна усердно мыла и обтирала этих двух индивидуумов, а между тем, будучи женщиной хитрой и ловкой и под личиной холодного добродушия весьма вкрадчивой, втерлась в доверие к им-

ператрице Марии Федоровне»¹²³. Таким образом, начав карьеру «полковницей» – гувернанткой при великом князе, Ю.Ф. Адлерберг впоследствии сумела занять весьма важный пост директрисы Смольного института. Но самое главное, ей удалось заложить прочный фундамент для придворной карьеры своих детей Владимира и Юлии, которые стали друзьями детства Николая I. Эту дружбу они пронесли через всю жизнь, и в своем духовном завещании Николай I счел необходимым упомянуть о них: «С моего детства два лица были мне друзьями и товарищами: дружба их ко мне никогда не изменялась. Г. – А. Адлерберга любил я как родного брата и надеюсь под конец жизни иметь в нем неизменного и правдивого друга. Сестра его, Юлия Федоровна Баранова, воспитала троих моих дочерей, как добрая и рачительная родная... В последний раз благодарю их за братскую любовь, Г. – А. Адлербергу оставляю часы, что всегда ношу с 1815 г.... а сыну его Александру – портрет Владимира Федоровича, что в Аничкове...»¹²⁴. Династия Адлербергов находилась непосредственно при Дворе с 1797 по 1881 г., то есть 84 года.

Второй «полковницей» была Екатерина Синицына, также получавшая 900 руб. в год. Несколько ниже по положению, но также примыкая к «полковницам», шла надворная советница Екатерина Панаева,

получавшая 750 руб. в год. Должностные полномочия «полковниц» были различными. Ю.Ф. Адлерберг была, по сути, правой рукой Ш.К. Ливен, а задачи Е. Синицыной и Е. Панаевой сводились к ночным дежурствам при кровати маленького Николая. Судя по воспоминаниям Николая I, ночные дежурства продолжались только в течение года, позже «полковницы» оставались лишь в течение дня – ночью же присутствовали лишь няньки с одной горничной¹²⁵.

Значительную роль в окружении Николая I играла няня – «англичанка» мисс Лайон. Как утверждают мемуаристы, на должность ее назначила Екатериной II. До 7 лет именно мисс Лайон была самым близким человеком для будущего Николая I. На уровне сознания и подсознания она дала ему многое. Николай Павлович впоследствии говорил, что ненависть к полякам он унаследовал именно от няни, та в 1794 г. провела у поляков в заключении 7 месяцев. О характере няни дает представление прозвище, данное ей Николаем I, – Няня-львица¹²⁶. Шотландка Лайон была дочерью «лепного мастера».

Впоследствии Николай I, описывая свою прислугу, упоминал еще о четырех безымянных горничных «для услуг»¹²⁷. Следовательно, по воспоминаниям императора, весь его «детский» штат состоял из 11 чело-

век. Император почти не ошибается. В действительности штат лиц, отвечавших за обслуживание и взращивание Николая I, составлял 12 человек¹²⁸. Это следует из денежных ведомостей. Правда, в другой части своих детских воспоминаний Николай Павлович расширяет круг своего обслуживающего персонала: «Образ нашей детской жизни был довольно схож с жизнью прочих детей, за исключением этикета, которому тогда придавали необычайную важность. С момента рождения каждого ребенка к нему приставляли английскую бонну, двух дам для ночного дежурства, четырех нянек или горничных, кормилицу, двух камердинеров, двух камер-лакеев, восемь лакеев и восемь истопников»¹²⁹.

Раннее детство императора прошло в покоях Зимнего дворца. Как вспоминал Николай Павлович: «Спали мы на железных кроватях, которые были окружены обычной занавеской; занавески эти, так же как и покрывала кроватей, были из белого канифаса и держались на железных треугольниках таким образом, чтобы ребенку, стоя в кровати, едва представлялось возможным из нее выглядывать; два громадных валика из белой тафты лежали по обоим концам кроватей. Два волосяных матраса, обтянутые холстом, и третий матрас, обтянутый кожей, составляли саму постель; две подушки набитые перьями; одеяло летом было

из канифаса, а зимой ватное, из белой тафты. Полагался также белый бумажный ночной колпак, которого мы, однако, никогда не надевали, ненавидя его уже в те времена. Ночной костюм, кроме длинной рубашки, наподобие женской, состоял из платья с полудлинными рукавами, застегивавшегося на спине и доходившего до шеи»¹³⁰.

В конце 1800 г. семья Павла I с маленькими детьми переехала в только что законченный и еще не просохший Михайловский замок. Во дворце спальня маленьких великих князей Николая и Михаила располагалась точно над спальней Павла I. В замке было настолько сыро, что это врезалось в память четырехлетнего Николая: «Помню, всюду было очень сыро и что на подоконники клали свежее испеченный хлеб, чтобы уменьшить сырость»¹³¹. Одновременно с переездом в Михайловский замок, по решению Павла I, главным воспитателем великих князей Николая и Михаила Павловичей назначается Матвей Иванович Ламсдорф, хотя учиться мальчики начали только в 1802 г. Граф Ламсдорф, суровый и строгий до жестокости, был разительной противоположностью Шарлотты Ливен.

При этом назначении Шарлотта Карловна Ливен не была ни обойдена, ни забыта. Еще в 1794 г. ее пожаловали в статс-дамы и наградили орденом Св. Екатерины I степени. Накануне отставки – 22 февраля

1799 г. Павел I возвел ее с потомством в графское достоинство. В день коронации императора Александра I, Ш.К. Ливен наградили драгоценными браслетами с портретами императорской четы, а в 1824 г. – портретом императора с цепью для ношения на шее. В коронацию императора Николая I графиню Ливен возвели с ее потомством в княжеское достоинство, а затем в декабре того же года получила титул светлости.

Надо заметить, что Николай I с уважением и любовью относился к своим воспитательницам. Его мать императрица Мария Федоровна была далека от детей, поскольку придворный этикет не предполагал постоянного общения матери с детьми. Когда в 1839 г. Ю.Ф. Адлерберг умерла, Николай I в личном письме к И.Ф. Паскевичу, которого ценил и уважал, писал: «Лишились мы нашей почтенной генеральши Адлерберг, бывшей моей наставницы, и которую я привык любить, как родную мать, что меня крайне огорчило»¹³². Наверное, редко кто из нас с такой благодарностью может вспомнить даже первую учительницу.

Когда во второй половине 1830-х гг. подросток, принял присягу и начал светскую жизнь цесаревич Александр Николаевич, старший сын Николая I, родители продолжали его «шлифовать». По желанию Николая Павловича в ближайшее окружение цесаревича включили княгиню Дарью Христофоровну Ливен, уро-

жденную Бенкендорф, жену дипломата, которая была хозяйкой известного дипломатического салона в Лондоне. Предполагалось, что она, встав во главе салона цесаревича, должна была отшлифовать его речь и манеры.

Раннее детство Александра II

Когда у Николая I родился первенец, то для его воспитания привлекли «кадровый костяк», сложившийся в период малолетства самого императора. В 1818 г., для того чтобы растить будущего Александра II, пригласили в качестве консультанта директрису Смольного института Ю.Ф. Адлерберг, которой тогда было 58 лет. Естественно, мать подключила к воспитательному процессу свою дочь, тоже Юлию Федоровну, в замужестве Баранову, которой тогда было 29 лет. Еще в 1806 г. (в 17 лет) ее пожаловали во фрейлины Высочайшего двора. Именно Ю.Ф. Баранова и возглавила штат няnek и гувернанток при младенце.

Непосредственно за младенцем ухаживала надзирательница Н.В. Тауберт, ей подчинялись три бонны-англичанки – А.А. Кристи, Е.И. Кристи и М.В. Касовская. Этот «состав» практически без изменений вынянчил всех детей Николая I. Одна из фрейлин императрицы Александры Федоровны упоминала, что в

1826 г. она видела в Царском Селе, как дочь Николая I, великая княжна Александра Николаевна, «каталась в своей маленькой коляске еще с мамкой, няней Коссовой, а вез ее камердинер Тутукин»¹³³. Женщины оставались рядом с Александром до 12 июня 1824 г., то есть до шестилетнего возраста, после чего воспитание перешло в руки мужчин. Семья Николая I была большой, и сложившийся женский персонал сосредоточился на его подрастающих трех дочерях. С 1831 г. многочисленным штатом великих княжон, который включал как английских бонн, так и русских кормилиц и комнатных работников, руководила Ю.Ф. Баранова.

Надо заметить, что подбор воспитателей велся достаточно тщательно. Тем не менее и при тщательном подборе случались промахи. Например, в 1824 г., когда дочь Николая I, великая княжна Ольга Николаевна, перешла из ведения английской няни на попечение гувернантки-воспитательницы, к ней назначили Шарлотту Дункер, шведку по происхождению и протестантку по вероисповеданию. Судя по всему, ее жизненный опыт был весьма скуден. Она получила образование в шведском монастыре в Петербурге, в котором затем некоторое время учительствовала¹³⁴.

Шарлотта Дункер продержалась при Ольге Николаевне достаточно долго – до 1835 г., то есть 9 лет. Од-

нако, несмотря на проработанные «при семье» годы, ее пришлось убрать из детской. Дело в том, что летом 1831 г. воспитательницей к старшей дочери Николая I великой княжне Марии Николаевне назначили Юлию Федоровну Баранову. Являясь гувернанткой старшей дочери царя, она по должности «курировала» работу остальных воспитательниц, в том числе и Шарлоты Дункер. Тут, безусловно, проявилось влияние Ю.Ф. Адлерберг, матери Юлии Барановой. Видимо, «профессиональная воспитательница» Дункер тяжело переживала вмешательство в ее епархию «блатной» Жюли Барановой, отсутствие педагогического опыта которой ощущали даже ее подопечные. Спустя годы Ольга Николаевна вспоминала, что Жюли Баранова «не имела и тени авторитета. Очень добрая, очень боязливая, в частной жизни обремененная заботами о большой семье, на службе, кроме воспитания Мэри, еще ответственная за наши расходы и раздачу пожертвований, она не умела следить за порядком в нашей классной»¹³⁵. Тем не менее, незлобивая и неконфликтная Баранова удержалась при дочерях, в первую очередь, потому, что к ней хорошо относился Николай I и императрица Александра Федоровна.

О взаимоотношениях двух воспитательниц сохранились и более резкие отзывы «со стороны». Одна из

фрейлин императрицы Александры Федоровны, наблюдая этот конфликт, в резких выражениях отмечает как сложный характер Дункер («Дункер, презлая, препротивная и глупая скотина»¹³⁶), так и невеликие педагогические способности Жюли Барановой: «Очень добрая и честная женщина, но очень ограниченная, притом слабого здоровья. У великой княжны Ольги Николаевны была m-lle Dunker, злое существо с романтическими наклонностями; она любила слушать с Мердером пенье соловья по вечерам около дворца в кустах. Система Дункер была совершенно овладеть умом своей воспитанницы и ссорить двух сестер... что ей вполне удалось, и то детское чувство охлаждения осталось на всю жизнь. Сестры любили друг друга, но не ладили»¹³⁷.

Между начальницей и подчиненной начались конфликты, особенно когда в 1834 г., после 15-летия великой княжны Марии Николаевны, воспитательница Ю.Ф. Баранова получила орден Св. Екатерины. Шарлотта Дункер стала «вспыльчивой и склонной к сценам». В результате Николай I личным решением удалил Шарлотту Дункер из дворца. Как писала Ольга Николаевна: «Он не любил половинчатых мер и считал, что только радикальное решение может восстановить мир в детских»¹³⁸.

В 1835 г. на место уволенной гувернантки к великой княжне Ольге Николаевне «взяли на пробу» еще одну «крепкую специалистку» – «мадам Дудину, начальницу одного приюта». Однако и она не прижилась, поскольку «ослепленная жизнью при Дворе... она спрашивала всех и вся, что это или то обозначает. Ее мещанская манера и ее неразвитость давили меня...»¹³⁹. Ради справедливости стоит отметить, что великая княжна Ольга Николаевна, по мнению современников, отличалась на редкость стервозным характером и уживаться с ней гувернанткам приходилось очень непросто.

Тем не менее, такая гувернантка нашлась. С 5 декабря 1836 г. ею стала Анна Алексеевна Окулова. Еще раз следует подчеркнуть, что это был опять личный выбор Николая I. Видимо, он знал новую гувернантку еще с тех времен, когда она была воспитанницей Екатерининского института. Уверенность царя в «педагогических перспективах» А.А. Окуловой проявилась в том, что ее положение при Дворе, в том числе и содержание, утвердили сразу, без испытательного срока. Ее назначили на должность штатной фрейлины, по рангу она следовала за статс-дамами и получила, как Ю.Ф. Баранова, «русское платье» *синего цвета*^ш с золотом, собственный выезд и ложу в театре¹⁴¹.

Карьера этих воспитательниц-гувернанток сложилась беспрецедентно. Дочь Ю.Ф. Адлерберг, в замужестве Ю.Ф. Баранова, в год смерти своей матери в 1839 г. стала статс-дамой, а с 1855 г. – гофмейстриной императрицы Александры Федоровны. Проработала она при царской семье с 1818 до смерти императрицы Александры Федоровны в 1860 г., то есть более 40 лет.

В год замужества великой княжны Ольги Николаевны в 1845 г. ее воспитательница Анна Алексеевна Окулова получила орден Св. Екатерины.

У третьей дочери Николая I, великой княжны Александры Николаевны (Адини), воспитательницей также была англичанка. Она практиковала английские методы воспитания. В частности, она пыталась закалять девочку и выходила с ней на прогулку «во всякую погоду». Результатом этого закаливания стал сильный бронхит¹⁴². А с учетом того, что Адини умерла в 1842 г. в результате скоротечного туберкулеза, то многие современники приписывали его начало именно бронхиту 1839 г.

Николай I, несмотря на всю свою занятость, охотно привечал многочисленных внуков. На время отсутствия своего второго сына Константина Николаевича он взял в Зимний дворец его детей, «под крылышко к доброй бабушке, и поместили там, в бывших комна-

тах великой княгини Ольги Николаевны»¹⁴³.

Примечательно, что родители и воспитатели рано начинали приучать царских детей к их будущей «профессии». Детям очень рано давали понять, что вся их последующая жизнь будет проходить на глазах сотен людей. Когда в 1832 г. детей вывезли на море в Прибалтику, они «должны были проходить через публику, собравшуюся, чтобы видеть царских детей». Для детей первые опыты публичности не были легкими, и одна из дочерей императора заметила: «Должна сказать, что мне было гораздо приятнее смотреть самой, чем давать себя разглядывать. Такие прогулки были обязанностью»¹⁴⁴.

Николай I лично вводил подросших детей и внуков в сложный мир придворных церемоний. При этом опять-таки учитывалась необходимая публичность царской «профессии», когда малейших промах даже со стороны детей мог стать предметом длительных сплетен и «итоговых выводов». Ольга Николаевна вспоминала, как во время поездки в Москву в 1837 г. Николай I лично «очень следил за тем, чтобы мы все проделывали неспешно, степенно, постоянно показывая нам, как надо ходить, кланяться и делать реверанс. Мы могли танцевать только с генералами или с адъютантами. Генералы всегда были немолоды, а адъютанты – прекрасные солдаты, а потому плохие

танцоры... Об удовольствии не могло быть и речи»¹⁴⁵. При этом надо иметь в виду, что в 1837 г. Ольге Николаевне исполнилось 15 лет и она в силу возраста уже вошла в круг парадной жизни императорских резиденций.

Тогда же детей царя познакомили с достопримечательностями Москвы. Посетили они и Оружейную палату. Дети оставались детьми, и 10-летний сын царя, великий князь Константин Николаевич шалил: примерял сапоги Петра Великого, садился на трон Ивана Грозного и надел бы шапку Мономаха, если бы ему не помешал воспитатель адмирал Литке¹⁴⁶.

Надо заметить, что и позже царским детям разрешали «трогать руками» бесценные экспонаты. Для них это были не просто драгоценные или уникальные вещи. Это была овеществленная память об их предках, и это на подсознательном уровне «вбивалось» в головы детей. В 1901 г. во время посещения Москвы, 6-летняя Ольга Николаевна, старшая дочь Николая II, не только «посидела» во всех каретах, хранившихся в Оружейной палате, но и «выбрала» себе одну из карет, серьезно приказав прислать экипаж в Царское Село для ежедневного пользования. Служащие Оружейной палаты, позволявшие ребенку ползать по уникальным каретам ее предков, твердо объяснили девочке, что это невозможно.

Следует подчеркнуть, что усвоение дворцового церемониала царскими детьми не обходилось без накладок. А поскольку дети осознавали и меру своей ответственности, и то, что на них неотрывно смотрели сотни глаз, то свои неизбежные «промахи» они воспринимали очень болезненно. Например, после одного из церемониальных «промахов» 12-летнего цесаревича Николая Александровича в августе 1855 г. фрейлина А.Ф. Тютчева немедленно заметила в одном из своих писем: «Первого у нас было водосвятие и после него парад, на котором великий князь наследник допустил оплошность, начав маршировать с правой ноги. Он был так огорчен, что даже горько расплакался»¹⁴⁷.

Как видим, Николай I отслеживал положение в детской и многие назначения, как воспитателей, так и учителей, были результатом его личного выбора и вмешательства. Возникает вопрос, насколько вникала в дела детской императрица Александра Федоровна? Видимо, это вмешательство оставалось в рамках женских аристократических традиций XVIII в., когда аристократки, родив ребенка, полностью передавали его на руки воспитателей. Конечно, дети росли «при матери», но реально Александра Федоровна в дела детской фактически не вмешивалась. Правда, она воспитывала детей самым фактом своего присут-

ствия поблизости от них, будучи центром большой и дружной семьи. Ольга Николаевна писала: «Что касается общения с нами, детьми, то в нем не было никакой предвзятости, никаких особых начал, никакой системы. Мы просто делили с ней жизнь»¹⁴⁸.

Раннее детство Александра III

Когда в 1840-х гг. у Александра II начали появляться дети, то по традиции сформировали штат женщин-воспитательниц. Сначала его возглавила «надзирательница» С.Я. Поггенполь, затем руководство перешло к «наставнице» Вере Николаевне Срыпицыной. Штат нянь-англичанок состоял из Марии Юз, Томасины Ишервуд и Екатерины Стуттон. Поскольку у Александра II подряд родилось три сына (1843 г. – Николай, 1845 г. – Александр, 1847 г. – Владимир), то фактически их обслуживал общий штат с распределением «по детям». Мария Юз «ходила» за Никсой, первую няней Александра была Екатерина Стуттон. Через два года она перешла к другому сыну Александра II – Владимиру Александровичу. Ее заменила Ишервуд, которая ходила за Александром III до 7-летнего возраста¹⁴⁹.

К этому времени сложился довольно четкий поряд-

док, когда царские дети до 3–3,5 лет находились на попечении няней, с 3–3,5 и до 6–7 лет дети – под контролем воспитательниц и только после 7 лет мальчики переходили под контроль воспитателей-мужчин. У цесаревичей возрастные рубежи могли смещаться на более ранние сроки.

Следует отметить, что руководство воспитанием детей Александра II было достаточно рано поставлено под контроль мужчин. Еще летом 1847 г. неофициальным руководителем штата воспитателей становится бывший воспитатель Александра II С.А. Юрьевич. Он прожил лето 1847 г. в Петергофе, присматривая за женским штатом и регулярно отчитываясь перед родителями, которые в это время находились в Европе. В это лето императорский Коттедж в парке Александрия был перенаселен, поскольку в нем жили, кроме Николая I и императрицы Александры Федоровны, трое сыновей Александра II и дети старшей дочери Николая I – великой княгини Марии Николаевны. По комнатам Коттеджа детей расселял сам император, показывая «куда ставить кровати».

В 1848 г., когда старшему сыну цесаревича Александра Николаевича исполнилось 5 лет, во главе воспитательного процесса был поставлен генерал-майор Б.Н. Зиновьев, он начал подбирать штат офицеров-воспитателей для сыновей цесаревича.

С. А. Юрьевич

А няни-англичанки продолжали нянчить других детей, рождавшихся в царской семье. Самой долгой оказалась карьера няни Екатерины (Китти) Стуттон. Она прожила при семье Александра II 25 лет, воспитывая его сыновей и дочерей с 1843 по 1868 г. В 1865 г. няня Китти Стуттон находилась в Ницце с императрицей Марией Александровной при пятилетнем Павле Александровиче. Тогда, в апреле 1865 г., в очень тяжелое для императорской четы время, когда они прощались с умершим первенцем, великим князем Николаем Александровичем, Александр II передал К. Стуттон благодарность за то, что она вынянчила всех детей. Об отношении детей Александра II к няне красноречиво говорят строки из дневника 20-летнего (!!!) великого князя Сергея Александровича. Когда летом 1877 г. он уезжал на фронт (Русско-турецкая война 1877–1878 гг.), то его провожала и старая няня: «Китти, милая, со слезами прощалась со мной, добрая Китти»¹⁵⁰.

Даже после отставки не прерывалась связь старой няни с ее воспитанниками. За няней присматривали, обеспечивая ей спокойную старость. Жила она в казенной квартире в Зимнем дворце. Когда няня умерла, Александр III счел своим долгом присутствовать на ее похоронах. Обычно этой чести удостоивались

только члены семьи и высшие государственные деятели¹⁵¹. Александр III счел необходимым сообщить эту печальную новость своему старшему сыну (С. – Петербург, 5 марта 1891 г.): «Как раз в день моего рождения умерла бедная старушка Кити, прожившая в нашем доме 46 лет, из которых 22 года подряд нянчила нас шестерых. Нам всем братьям было очень грустно, и мы проводили ее из Зимнего дворца в Английскую церковь, а потом поехали на Смоленское кладбище, где ее и схоронили»¹⁵².

Няня Мари Юз была уволена от должности в сентябре 1850 г., обеспечив себе пожизненную пенсию в 652 руб., в дополнение к той, в 171 руб., которую она получала как бывшая няня великих князей Николая и Михаила Николаевичей. Сверх того ей в пожизненное пользование была отведена квартира в Аничковом дворце¹⁵³.

Раннее детство Николая II

О младенчестве и раннем детстве Николая II материалов немного. По крайней мере, имен кормилиц никто не упоминает, хотя на гравюрах, изображающих спальню будущего императора в Аничковом дворце, видна крестьянка в сарафане, держащая на

руках младенца. До семилетнего возраста будущего Николая II обслуживал штат из 24 человек. Непосредственно ребенка обслуживали: наставница (А.П. Оллонгрэн), доктор, няня-англичанка (мисс Орчи), две камер-юнгферы, две камер-медхен, гладильщица и два камердинера. Технический персонал при младенце включал в себя: камер-лакея, четырех лакеев, четырех истопников, двух поваров, двух работников при комнатах и женщину «при комнате»¹⁵⁴.

А.П. Оллонгрэн учила Николая II грамоте. Со своей «первой учительницей» Николай II поддерживал отношения вплоть до ее кончины. Об успехах первой учительницы и ее ученика мы можем судить по тому, что в полные семь лет Николай II только начал «немножко читать по слогам»¹⁵⁵.

Няни-англичанки были и у других детей Александра III и Марии Федоровны. Для самой младшей, по рекомендации старшей сестры Марии Федоровны – принцессы Уэльской, к Императорскому двору пригласили Элизабет Франклин, домашние называли ее Нана¹⁵⁶. Элизабет Франклин оказалась из тех нянь, которые не только «пришлись ко двору», но и сумели завоевать сердца своих питомцев. Это, наверное, было не особенно сложно, поскольку императрица Мария Федоровна очень редко для своих детей оказыва-

лась просто матерью, по большей части она оставалась для них императрицей. Нана осталась рядом с воспитанницей, даже когда она не только выросла, но и вышла замуж. При великой княгине Ольге Александровне Элизабет Франклин прожила до своей смерти в 1916 г.

Когда в императорской семье происходили трагедии, такие как смерть после родов в 1891 г. жены великого князя Павла Александровича, родственники «подставляли плечо». Недоношенного Дмитрия Павловича выхаживали в семье старших братьев Павла – великого князя Сергея Александровича и императора Александра III. Мемуарист упоминает, как он был свидетелем сцены в Гатчинском дворце, когда к Александру III «принесли маленького великого князя Дмитрия Павловича: нянька, конечно, англичанка, стояла у дверей и процеживала сквозь зубы свои ответы. Только слышно было: «Yes, Your Magestry». (Да, ваше величество)»¹⁵⁷.

Дети Николая II

Когда в семье Николая II с промежутком в два года начали одна за другой рождаться дочери, то, естественно, стали немедленно решаться кадровые про-

блемы, связанные с подбором бонн, нянь и воспитательниц. В результате традиция нянь-англичанок при царских детях была возрождена. Русские няни находились на положении помощниц при нянях-англичанках.

Сначала, следуя традиции, из Англии выписали няню-англичанку мисс Орчи, которая прибыла в Зимний дворец в середине декабря 1895 г. Особый статус этой няне придавало то, что ее прислала своей правнучке английская королева Виктория. Мисс Орчи осуществляла общий надзор за детской.

Надо заметить, что няня Орчи была чрезвычайно властолюбива. Для этого у нее имелись все основания, поскольку в начале 1870-х гг. королева Виктория отправила ее в Дармштадт нанять будущую русскую императрицу Александру Федоровну¹⁵⁸.

Несмотря на заслуги мисс Орчи, вокруг «детской» сразу же начались конфликты. Дело в том, что императрица Александра Федоровна «проявила характер», нарушив традиции, десятилетиями формировавшиеся вокруг детских не только в России, но и в Европе. Императрица Александра Федоровна хотела быть, прежде всего, матерью для своих детей, а это не принято в аристократической среде. Она первой из российских императриц начала кормить детей грудью. Она вмешивалась в мелочи воспитания детей, она сама хотела купать их. В результате нача-

лись конфликты между няней-англичанкой «от Виктории» и Александрой Федоровной. При этом няня заставила «немало поволноваться саму императрицу, высокомерно отвергая с высоты своего опыта ее советы и предложения»¹⁵⁹. В результате уже 29 апреля 1896 г. Николай II зафиксировал в дневнике: «Сегодня нас покинула несносная няня-англичанка; радовались, что, наконец, отделались от нее!».

Но, удалив из детской одну англичанку, ее немедленно заменили другой, взяв по рекомендации великой княгини Елизаветы Федоровны, старшей сестры императрицы Александры Федоровны. Новая англичанка появилась в семье буквально через два дня – 1 мая 1896 г. Николай II с долей иронии фиксировал в дневнике эти «битвы», вокруг «детской»: «Со вчерашнего дня при ней состоит новая няня – сестра Ксениной, с длиннейшим носом, взятая напрокат, пока не отыщется другая. Mrs. Coster». Надо заметить, что царь, как и всякий отец, внимательно следил за взрослением своей первой дочери. Он регулярно ходил смотреть, как ее купают, фиксировал прибавление веса, 10 марта 1896 г. он записал: «С этого дня наша дочь облеклась в короткие платьица!», а 8 апреля «дочку впервые вынесли на воздух».

В 1898 г. няню, взятую «на прокат», заменила следующая англичанка (ирландка) Маргарет Эггер, кото-

рая прожила в царской семье 6 лет и, вернувшись в Англию, написала в целом доброжелательные воспоминания.

После удаления няни-англичанки «от королевы Виктории» персонал сделал выводы, и с императрицей больше не спорили. В результате все, что касалось жизни при Дворе или «воспитания детей (которое император передал в ее руки), слово Александры Федоровны было законом»¹⁶⁰.

Русские няни оставались «на вторых ролях» вплоть до 1904 г. Только после рождения долгожданного наследника императрица Александра Федоровна решила сломать столетние каноны ухода за младенцами. Делить вымоленного у Бога сына она не собиралась ни с кем. «Революция» в детской оказалась столь значительной, что Николай II уделил ей место в дневнике. 29 сентября 1904 г. он записал: «Сегодня после многих недель колебаний Алике, сильно поддержанная мною и княг. Голицыной, наконец, решила уволить англичанку-няню детей мисс Игер, что и было ей объявлено Марией Михайловной!» На следующий день царь с облегчением отметил в дневнике: «Сегодня англ. няня уехала к себе на родину». Английскую няню рассчитали и выслали из России за день после шести лет ее работы в детской!

О причинах удаления няни писала Ольга Алексан-

дровна: «...Я помню мисс Игер, няню Марии, которая была помешана на политике и постоянно обсуждала дело Дрейфуса. Как-то раз, забыв о том, что Мария находится в ванне, она принялась спорить о нем с одной из своих знакомых. Мария, с которой ручьями лилась вода, выбралась из ванны и принялась бегать голышом по коридору дворца. К счастью, в этот момент появилась я. Подняв на руки, я отнесла ее к мисс Игер». Такой «прокол» для профессиональной няни был непростителен¹⁶¹.

Пожалуй, императрица Александра Федоровна была первой и последней императрицей, столь «плотно» вникавшей в проблемы детской. Фактически она заняла должность главного воспитателя своих детей, ту должность, которую до нее занимали «полковницы» и генералы. Постепенно под ее руководством сложился штат нянь и воспитательниц, она руководила им железной рукой. Ее мнение по организационным и прочим вопросам носило окончательный характер.

А.А. Вырубова, очерчивая штат, обслуживавший царских детей, писала: «У императрицы при детях была сперва няня англичанка и три русские няни, ее помощницы. С появлением наследника она рассталась с англичанкой и назначила ею вторую няню М.И. Вишнякову»¹⁶². Из тех, кто окружал дочерей царя и сына,

пожалуй, наиболее часто упоминается няня царских дочерей Мария Вишнякова и «дядька» цесаревича Андрей Деревенко. В результате решения Александры Федоровны цесаревич Алексей стал первым русским великим князем-цесаревичем, которого растило *только русское окружение*.

Мария Ивановна Вишнякова родилась в 1872 г. Она была причислена к мещанскому сословию Петербурга и воспитывалась в Петербургском Воспитательном доме. После окончания школы нянь Воспитательного дома со званием «няня» в мае 1897 г. она тут же зачисляется на должность помощницы няни «при Ее императорском Высочестве Великой Княгине Ольге Николаевне». Вишняковой положили жалованье в 900 руб. в год. Надо заметить, что женщины-врачи в это время имели жалованье в 600–800 руб. в год. В марте 1905 г. ее повысили в должности и назначили няней цесаревича с жалованьем 2000 руб. в год. В июле 1911 г. М.И. Вишнякову возвели в звание почетного гражданина Петербурга.

Вел. кн. Ольга в коляске на прогулке с М.И. Вишняковой

Отношения ее с взрослеющими царскими дочерьми не были безоблачными, но поскольку она фактически входила в состав царской семьи, вырастив четырех дочерей, то императрица всячески старалась сглаживать все возникающие неровности в их отношениях. К январю 1909 г. относится записка императрицы к Ольге Николаевне: «Подумай о Мари, как она вынянчила всех вас, как делает для вас все, что может, и когда она устала и плохо себя чувствует, ты не должна еще и волновать ее». На следующий день

дочь отвечала матери: «С Мари бывает не всегда легко, потому, что она иногда сердится без всякой причины и поднимает шум из-за пустяков»¹⁶³. Вишнякова имела еще одно домашнее имя – Меричка¹⁶⁴.

На тот момент Вишняковой исполнилось 37 лет, она была не замужем, и ее характер действительно оставял желать лучшего. Все ее воспитанницы уже выросли, и, видимо, она начала ощущать некую жизненную пустоту. Отношение ее к Распутину было, вероятно, более чем лояльным, так как она видела отношение к нему царских детей. Это подтверждается записью Ксении Александровны в дневнике в марте 1910 г.: «Все няни под его влиянием и на него молятся»¹⁶⁵.

Имя Марии Вишняковой становится известно широкой публике в связи с шумным скандалом, связанным с именем Распутина. М.В. Родзянко в своем докладе в феврале 1912 г. сообщил царю, что Распутин «соблазнил нянюшку царских детей... она каялась своему духовному отцу, призналась ему, что ходила со своим соблазнителем в баню, потом одумалась, поняла свой глубокий грех и во всем призналась молодой императрице, умоляя ее не верить Распутину, защитить детей от его ужасного влияния, называя его «дьяволом». Нянюшка эта, однако, вскоре

была объявлена ненормальной, нервнобольной, и ее отправили для излечения на Кавказ»¹⁶⁶.

Однако, на самом деле, после скандала, поднятого в прессе в начале 1912 г., Вишнякову не сразу уволили. Это произошло только через год – в июне 1913 г. К этому появились формальные основания. Младшему воспитаннику Вишняковой было уже почти 9 лет. При этом весь интерес заключается в том, как увольняли няню царских детей, проработавшую «при семье» 16 лет. Вишняковой предоставили в пожизненное пользование трехкомнатную квартиру в Комендантском корпусе Зимнего дворца. Квартира была полностью обставлена и все издержки оплачены «из сумм Августейших Детей». Ей была назначена пенсия в размере 2000 руб. в год, которая соответствовала ее жалованью в должности няни. После увольнения связь Вишняковой с царской семьей не прекратилась. Например, в сентябре 1915 г. ей выдали «деньги на дорогу в Крым, куда она поедет по совету Ее Величества, чтобы отдохнуть. Устройство поездки Ее Величество поручила доктору Боткину»¹⁶⁷. Проблемы со здоровьем, естественно, были, но это не была ссылка. Вишнякова ездила в Крым на лечение и в 1916 г., получая деньги из Министерства Императорского двора. Последний раз она получила деньги на такую поездку 21 января 1917 г.

Цесаревич Алексей и ОТМА³

Судя по воспоминаниям мемуаристов, мальчик был буквально «светом в окне» для родителей. Особенно для матери. Тем более, что единственный, вымоленный у Бога сын был глубоким инвалидом, которому врачи ничем помочь не могли. В результате мальчика, конечно, забаловали. Воспитатели могли строить с ним отношения только на зыбком фундаменте своих с ним личных отношений своего авторитета. Это не всегда срабатывало с маленьким, очень живым цесаревичем. Кроме этого, сказывалось и его положение наследника огромной империи. Слушался цесаревич только отца. Слово матери для него носило рекомендательный характер. Даже повзрослев, он позволял себе такие «шутки», которые не только не вписывались в элементарные нормы приличия, но и выходили за все мыслимые границы. Во время обеда в Ставке Верховного главнокомандующего, на котором присутствовал дядя царя – великий князь Сергей Михайлович, наследник «пошутил» над родственником следующим образом. Причем это произошло осенью 1915 г., когда цесаревичу шел 12 год. Во вре-

³ ОТМА – так подписывались дочери Николая II под совместными открытками-поздравлениями: Ольга, Татьяна, Мария, Анастасия.

мя обеда Алексей подкрался к дяде сзади, держа в руках выдолбленную половинку арбуза. Дядя «продолжал есть, не подозревая о грозящей ему опасности. Вдруг наследник поднял руки, в которых оказалась половина арбуза без мякоти, и этот сосуд быстро нахлобучил на голову великого князя. По лицу последнего потекла оставшаяся в арбузе жидкость, а стенки его так плотно пристали к голове, что великий князь с трудом освободился от непрошенной шапки. Как ни крепились присутствующие, многие не удержались от смеха. Государь еле сдерживался. Проказник же быстро исчез из столовой»¹⁶⁸. Можно только представить, какие чувства испытывал выставленный на всеобщее посмешище пожилой уважаемый человек. Добавим, что на момент «события» великому князю, генерал-адъютанту, генералу-инспектору артиллерии Сергею Михайловичу было 46 лет.

Воспитание четырех дочерей Александра Федоровна тоже «поставила» по-своему. Во-первых, девочек довольно редко выводили в свет. Бабушка, вдовствующая императрица Мария Федоровна, несколько раз устраивала балы у себя в Аничковом дворце для старших внучек. Тетя, великая княгиня Ольга Александровна, привозила по воскресеньям племянниц к себе домой и туда же приглашались сверстницы великих княжон. В Ливадии, бывшая фрейлина импера-

трицы, Мария Бярятинская устраивала для старших танцевальные вечера. Тем не менее жизнь девочек по сравнению с их предшественницами была крайне бедна на полуофициальные светские мероприятия.

*Цесаревич Алексей на палубе «Штандарта».
1906 г.*

Во-вторых, девочки не имели подруг «со стороны». Александра Федоровна была убеждена, что подруги-аристократки могут научить ее девочек только «плохому». Поэтому четыре девочки росли в своем собственном замкнутом мире Александровского дворца.

В-третьих, у девочек не было официальной воспитательницы. Их воспитанием руководила сама Александра Федоровна.

В-четвертых, повседневная жизнь царских дочерей складывалась довольно аскетично. Мать воспитывала дочерей так же, как воспитывали ее саму – по английской «викторианской» модели. Одна из мемуаристок, часто бывавшая в комнатах великих княжон, упоминала, что «сестры спали на походных кроватях – так было заведено еще в царствование императора Александра III, который полагал, что царские дочери не должны спать на более удобных постелях, пока не выйдут замуж»¹⁶⁹. На эти походные кровати укладывались волосяные матрацы с тощими подушками под голову. Надо заметить, что «английский воспитательный аскетизм» сложился уже при детях Николая I, когда детям в обязательном порядке на завтрак подавалась овсяная каша, в их спальнях было много свежего воздуха и обязательный холодный душ в ваннных комнатах.

О воспитательнице дочерей следует сказать несколько подробнее. Замкнутость жизни царской семьи рождала бесчисленные слухи и порождала скрытое недовольство, поскольку при Николае II с 1903–1904 г. такое понятие, как придворная светская жизнь, постепенно исчезает. Светская жизнь сводилась к бездушным протокольным мероприятиям, что, конечно, не устраивало дам-аристократок, которые по примеру своих матерей и бабушек страстно хотели «блистать» в большом свете. На Александру Федоровну, конечно, пытались влиять, чтобы она «по примеру прежних лет» пригласила ко Двору воспитательницу для своих подросших дочерей.

Александра Федоровна пошла на уступки, и в 1911 г. одну из фрейлин Александры Федоровны – Софию Ивановну Тютчеву назначили на должность воспитательницы. София Ивановна была женщиной с тяжелым характером, с собственной схемой воспитания царских дочерей. После мелких столкновений с Александрой Федоровной они основательно «схватились» по поводу Распутина. Тютчева совершенно не желала понимать, почему простой мужик имеет доступ не только в Александровский дворец, но и в комнаты взрослых девушек-принцесс. Своей позиции она не скрывала и смело «выносила сор из избы»: «Воспитательница великих княжон крайне негодовала на

то, что Распутин бывает в их комнате и даже кладет свою шапку на их кровати. Императрица же заявила, что она не видит в этом ничего дурного. Тогда возмущенная С.И. Тютчева обратилась к государю. Он согласился с ее мнением и сказал, что переговорит по этому поводу с государыней. Результатом же переговоров царя и царицы явилось немедленное удаление Тютчевой от Двора»¹⁷⁰.

Это событие, произошедшее весной 1912 г., стало поводом к «раскручиванию» антираспутинской компании в прессе. Светские гостиные бурлили, получив массу «компромата из первых рук» по поводу особенностей частной жизни царской семьи. Все эти слухи прилежно фиксировала в дневнике осведомленная генеральша А. Богданович: «Рассказывал также Джунковский, что великая княгиня Елизавета Федоровна с грустью говорила, что ее племянницы очень дурно воспитаны»¹⁷¹ (20 марта 1912 г.); «Шамшина сказала, что в городе говорят, что вместо Тютчевой к царским детям будет назначена Головина, которая возила Распутина по домам и с ним путалась, а над ней главной – Вырубова. Это прямо позор – назначение этих двух женщин»¹⁷² (10 июня 1912 г.); «Был у нас Ломан. Сказал он, что тяжелое впечатление выносишь от близости ко двору. Вот как он объясняет уход

или отставку С.И. Тютчевой. Она не подчинялась требованиям старших, вела с детьми царскими свою линию. Возможно, что ее воспитательное направление и было более рациональным, но оно было не по вкусу, а она упорствовала, как все Тютчевы, была упряма и стойка, верила, как все ее однофамильцы, в свои познания и свой авторитет, так что детям приходилось играть две игры, что приучило их лгать и проч. Являлась всегда Тютчева на все сборища и приемы не в духе. Она говорила, что не все разговоры можно вести при детях. В этом с ней не соглашались, и вот развязка – пришлось ей покинуть свой пост. Мое соображение: из этого видно, что при дворе правду не любят и не хотят слушать. При этом Ломан вспомнил, как воспитательница вел. кн. Марии Александровны Кобург-Готской, тоже Тютчева, после катастрофы на Ходыньском поле при встрече со своим бывшим воспитанником вел. кн. Сергеем Александровичем не подала ему руки, обвиняя его в случившемся. Такова и С.И. Тютчева»¹⁷³ (20 июня 1912 г.).

Собственно, на этом скандальном эпизоде весны 1912 г. и закончилась история женщин-воспитателей при российском Императорском дворе.

Боцман А.Е. Деревенько

Говоря о наследнике цесаревича Алексея, необходимо сказать несколько слов и о людях, чьи обязанности непосредственно заключались в заботе о здоровье Алексея Николаевича. Болезнь цесаревича Алексея наложила тяжелый отпечаток на жизнь последней императорской семьи. Гемофилия, которой был болен наследник, заставляла его царственных родителей делать все для того, чтобы спасти ребенка от смерти. В результате их забот вокруг цесаревича сформировался круг лиц, непосредственно отвечавших за состояние его здоровья. К их числу принадлежали и лучшие медики империи, и знахарь Распутин, и множество других людей, повседневно окружавших наследника. Одной из таких фигур был «дядька» наследника – матрос Андрей Еремеевич Деревенько. На множестве фотографий цесаревича на заднем плане виден коренастый силуэт матроса-дядьки.

Появление Деревенько среди ближайшего окружения царевича было необходимо и вместе с тем случайно. Объективная необходимость заключалась в том, что ребенок отличался подвижностью и уследить за ним окружавшие его женщины не всегда могли, а малейшая травма грозила привести к самым трагич-

ческим последствиям. Объяснить же непоседливому ребенку необходимость крайней осторожности в повседневных играх было трудно. Поэтому требовался физически крепкий человек, который заботился бы о безопасности цесаревича, выполняя функцию его «ног». Судьба указала на матроса Деревенько, и он не упустил своего шанса. На глазах императрицы он сделал все, чтобы обезопасить наследника Алексея Николаевича во время паники на императорской яхте «Штандарт» в финских шхерах в сентябре 1907 г.

Во время традиционного плавания по финским шхерам к малолетним царским детям персонально приставлялись матросы, присматривавшие за детьми, когда они находились на палубе. Дети много двигались и даже катались по палубе на роликовых коньках. Поэтому уже в мае 1906 г. Деревенько официально внесли в списки придворной челяди с главной задачей опекать наследника во время нахождения царской семьи на яхте. 14 мая 1906 г. Деревенько представлялся Николаю II в Петергофе. Впервые он исполнял свои обязанности в августе 1906 г. во время плавания «Штандарта» по финским шхерам. В перечне лиц, значившихся в окружении «августейших детей», наряду с няньками Вишняковой, Дорониной, Тегелевой и др., значился и матрос Деревенько¹⁷⁴.

Видимо, он показал себя надежным человеком. Им

были довольны и поэтому, для того чтобы придать ему некий официальный статус, в недрах дворцовой канцелярии попытались найти прецеденты, которые могли бы объяснить появление при цесаревиче бравого матроса. В октябре 1906 г. делопроизводитель Канцелярии императрицы Александры Федоровны А. Никитин подготовил справку о том, что «Бывший Делопроизводитель Конторы Августейших Детей почивающего Императора Александра III, нынче Действительный Статский Советник Сигель сообщил, что при Августейших Сыновьях почивающего

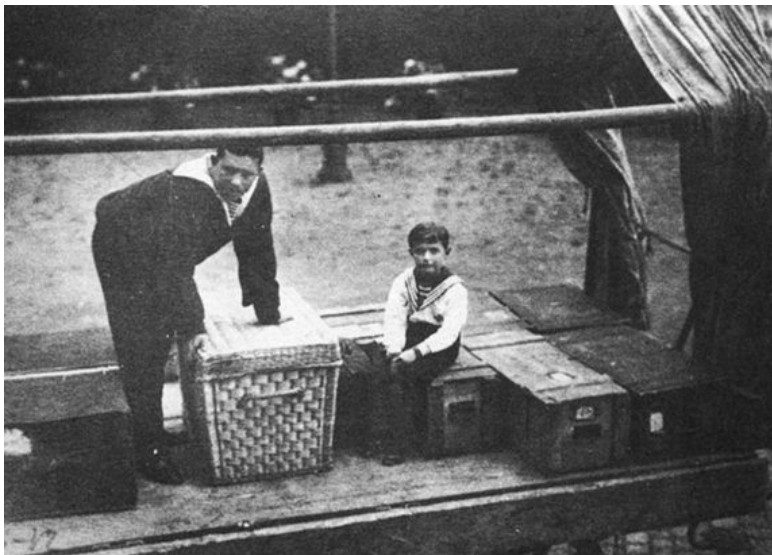
Императора Александра III «дядек» никогда не стояло... До 1888 г. состоял при них матрос Гвардейского экипажа Букин около 5 лет... по выходе в отставку из военной службы определен был лакеем к Их Императорским Высочествам с жалованьем 30 руб. в месяц»¹⁷⁵. Но, видимо, к этому времени термин «дядька» уже прижился, и начальник Канцелярии императрицы граф Я.Н. Ростовцов в записке от 12 ноября 1906 г. к камер-фрау императрицы М.Ф. Герингер сообщал, что «Ея Величеству императрице Александровне Федоровне угодно, чтобы состоящему с 13-го мая 1906 г. при комнатах Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича Алексея Николаевича квартирмейстера Гвардейского Экипажа Андрея Деревенько называли «дядькою» при Его Импе-

раторском Высочестве»¹⁷⁶. Таким образом, процедура «оформления» матроса при дворце заняла период с мая по ноябрь 1906 г., а наименование «дядька» приобрело официальный характер.

Окончательно свое положение при Дворе Деревенько укрепил летом 1907 г. Во время традиционной прогулки по финским шхерам императорская яхта «Штандарт» наскочила на подводную скалу, не указанную в лоциях. Товарищ министра внутренних дел В.Ф. Джунковский, очень точный в деталях, поскольку в его распоряжении находились материалы следствия, связанного с этим эпизодом, описывает это событие следующим образом: «Яхта государя «Штандарт», огибая остров Гроншер, наскочила на подводный камень, не обозначенный на карте, и плотно села посередине. Удар был настолько силен, что котлы сдвинулись с мест. Государь с Государыней и августейшими детьми перешли на посыльное судно «Азия», на котором и провели ночь. На другой день прибыла яхта «Александрия», на которой их Величества и продолжили плавание»¹⁷⁷. Удар действительно был силен настолько, что яхту удалось снять с камня только спустя 10 дней. Ее немедленно отбуксировали в док для капитального ремонта.

Во время катастрофы Деревенько проявил себя с лучшей стороны. На глазах императрицы он сде-

лал все, чтобы обезопасить двухлетнего наследника. Впоследствии А.А. Вырубова описывала катастрофу в финских шхерах следующим образом: «Мы почувствовали ужасный толчок. Казалось, что судно подскочило в воздух и упало опять на воду. Потом оно остановилось, и левый борт его стал крениться.

А.Е. Деревенько и цесаревич Алексей

Все произошло мгновенно. Посуда и вазы с цветами оказались на полу. Государыня в ужасе вскрикнула, испуганные дети дрожали и плакали; государь же хранил спокойствие. Он объяснил, что мы натолкнулись на риф. Послышались звуки набата, и вся коман-

да из двухсот человек выбежала на палубу. Матрос огромного роста, Деревенько, занялся наследником. Он был нанят, чтобы оберегать наследника от возможных ушибов. Деревенько схватил мальчика и побежал с ним на нос яхты. Он сообразил, что котлы находятся как раз под столовой и первой может пострадать эта часть судна. Мы же стояли все на палубе»¹⁷⁸.

Впоследствии этот эпизод оброс множеством вымыслов. В качестве характерного примера мифологизации события можно привести изложение произошедшего офицером Ставки М. Лемке спустя 10 лет. Он утверждал, что именно Деревенько спас цесаревича во время крушения «Штандарта»: «Когда раздался треск судна и все подумали, что сели на мину, матрос яхты Деревенько схватил мальчика и бросился с ним в воду»¹⁷⁹. Как это бывает в легендах, скала превратилась в мину, а храбрый матрос прыгнул с 2-летним мальчиком за борт. В.С. Пикуль в романе «Нечистая сила» воспроизвел эту легенду: «В этот момент некто вырывает из ее рук сына и заодно с ним скрывается... в пучине! Не скоро на поверхности моря, уже далеко от шлюпки, показалась усатая морда матроса, который, держа мальчика над водой, поплыл обратно к «Штандарту», пробоину на котором уже заделали»¹⁸⁰.

Со временем положение «дядьки» упрочилось. Его комната располагалась рядом со спальней цесаревича во всех императорских резиденциях. Цесаревич называл его Диной. Он получал приличное жалование. На январь 1914 г. оно складывалось: из сумм Его Императорского Высочества – 360 руб., жалования Гвардейского экипажа – 444 руб., дополнительных выдач Гвардейского Экипажа – 579 руб., что составляло 1383 руб. в год¹⁸¹. Кроме этого, существовали различные косвенные выплаты. Например, сына Деревенько в марте 1912 г. бесплатно прооперировали в больнице Крестовоздвиженской общины, «за что туда было переведено 18 руб. канцелярией Императрицы Александры Федоровны»¹⁸². Императрица входила и в другие семейные заботы «дядьки». В ноябре 1910 г. «Ея Величество, осведомились о том, что у него на родине больна сестра, и повелеть изволила ему уволиться в отпуск для посещения сестры». Для проезда ему и его жене выделили деньги на дорогу. В декабре 1915 г. матрос обратился к императрице с ходатайством о назначении ежегодного пособия на воспитание его детей (Алексея – 9 лет, Сергея – 7,5, Александра – 3), которые были крестниками императрицы и цесаревича. «Дядька» обучал своих детей французскому языку и приходящей учительнице платил по 20 руб. в месяц. Всего же на обучение де-

тей Деревенько тратил «около 350 руб. в год». Простые деньги ему немедленно выделили¹⁸³. Но иногда Андрея Еремеевича «били» по карману. В апреле 1912 г. в Канцелярию императрицы поступило письмо, подписанное генерал-лейтенантом, заведующим хозяйством Гофмаршальской части, в котором предлагалось матросу Деревенько вернуть 32 коп., за невозвращенные в Ливадийскую сервизную кладовую осенью 1911 г. ложку столовую простую ценой в 12 коп. и две столовых простых вилки по 10 коп. за штуку.

По мере того как цесаревич вырослел, круг забот «дядьки» расширялся, и в декабре 1913 г. произошли некоторые «кадровые перемещения». Об этом пишет Е.С. Боткин, лейб-медик Николая II, в письме к графу Ростовцову: «О назначении только что принятого на службу к Высочайшему Двору матроса Нагорного – помощником боцмана Деревенки. Из сказанного мне Ея Величеством я понял, что фактически боцман Деревенко будет по-прежнему называться «дядькой» Его Высочества Наследника Цесаревича. Но юридически он должен занимать место камердинера, а его помощник, Нагорный, гардеробщика»¹⁸⁴.

А.Е. Деревенько был достаточно заметной фигурой в окружении императорской семьи, о нем непременно упоминали мемуаристы, и все по-разному. Вот одно из таких впечатлений: «Матрос разухабистого вида,

с нахальной рожей... он – персона; с ним все очень внимательны, заискивают, угощают папиросами»¹⁸⁵. С ним старались ладить, и он ладил с весьма высокими персонами. Тот же автор пишет, что, «по-видимому, лейб-хирург проф. С.П. Федоров пользуется особым расположением Деревенько. Тот сегодня очень долго суетился: «Где профессор?» – кричал он, когда усаживал в автомобиль дворцовую челядь при выходе ее из штабного кинематографа»¹⁸⁶. Столь же иронично упоминает о «дядьке» В.В. Шульгин в книге «Дни»: «Матрос Деревенько, который был дядькой у наследника цесаревича и который услышал, что волынские крестьяне представляются, захотел повидать своих... И вот он тоже – «вышел»... Красивый, совсем как первый любовник из малорусской труппы (воронова крыла волосы, а лицо белое, как будто он употреблял creme Simon), он, скользя по паркету, вышел, протянув руки – «милостиво»: Здравствуйте, земляки! Ну, как же вы там?.. Очень было смешно...»¹⁸⁷. В.С. Пикуль в целом верно охарактеризовал матроса. По его словам: «Попав на дармовые харчи, Деревенько, сын украинца-хуторянина, сразу показал, на что способен. В одну неделю отожрался так, что форменка трещала, и появились у матроса даже груди, словно у бабы-кормилицы. За сытую кормежку он дал се-

бя оседлать под «лошадку» цесаревича. Деревенько сажал мальчика к себе на шею и часами носился как угорелый по аллеям царских парков, выжимая свою тельняшку потом будто после стирки. Но зато цесаревичу теперь не грозили царапины и ушибы!»¹⁸⁸

Будучи «дядькой» цесаревича он, видимо, понимал значимость своего положения и, несмотря на свою малограмотность, пытался вести дневник. Дневниковые записи охватывают очень короткий период с 1 сентября по 28 октября 1912 г. Тогда он явно ощутил, свою близость к истории. В это время в Спале умирал цесаревич, и Деревенько, на своем уровне, фиксировал происходившие события. 6 сентября 1912 г. он записал: «Утром сидели дома, ножка болела. Компресс был, играли в карты»¹⁸⁹.

А.Е. Деревенько катает цесаревича Алексея на велосипеде

В глазах царской семьи он выглядел незаменимой фигурой прежде всего потому что умел ладить с наследником. Как свидетельствует Вырубова: «На... велосипеде матрос возил Алексея по парку в Царском Селе. Часто приходили играть с Наследником и дети Деревенько, и вся одежда Алексея обычно переходила к ним. Когда Наследник бывал болен и плакал по ночам, Деревенько сидел у его кровати. У бедного ребенка никогда не было аппетита, но Деревенько умел уговорить его. Когда Наследнику исполнилось шесть или семь лет, его воспитание поручили учителю, а Деревенько остался при нем как слуга»¹⁹⁰. Кроме этого, что было очень важно для родителей наследника, он его «не так баловал, хотя был очень предан и обладал большим терпением»¹⁹¹.

В послужном списке «дядьки» наследника отражены важнейшие этапы его биографии. Андрей Еремеевич Деревенько родился 19 августа 1878 г. в крестьянской семье, православного вероисповедания, в Волынской губернии Новоград-Волынского уезда Черторибской волости в селе Горонай. В 1899 г. был призван на действительную службу на флот, отсчет которой начался с 1 января 1900 г. Уже 5 января 1900 г. он был определен в Гвардейский экипаж. Через 1,5 года в сентябре 1901 г. он становится гимнастом-инструктором, 1 января 1902 г. – матросом 1-й статьи.

Цесаревич Алексей с М.И. Вишняковой и А.Е. Деревенько. Финляндские шхеры. 1910–1911 и.

12 октября 1905 г. к концу службы Деревенько наградили серебряными часами с государственным гербом и в ноябре 1905 г. произвели в квартирмейстеры. В декабре 1905 г. Деревенько зачисляется на сверхсрочную службу. 13 мая 1906 г. состоялось назначение «дядькою» «при Его Императорском Высочестве Наследнике Цесаревича и Великом Князе Алексее Николаевиче». В апреле 1911 г. его производят в боцманы, и в 1914 г. он получает звание личного почетно-

го гражданина. В мае 1916 г. Деревенько назначается кондуктором флота. Крестниками троих сыновей матроса были члены Императорской фамилии. Его регулярно награждали орденами и медалями. В 1909 г. он награждается серебряной Великобританской и Французской золотыми медалями, в 1910 г. – серебряной медалью и Гессенским серебряным крестом ордена Филиппа Великодушного, в 1912 г. получает золотую медаль для ношения на Владимирской ленте¹⁹².

После февраля 1917 г. царская семья сделала много неприятных открытий, связанных с изменами в их ближайшем окружении. Определенные нарекания вызвало и поведение матроса. А. Вырубова в мемуарах упрекала его в том, что дядька «понукал» Алексея Николаевича. Некоторые из мемуаристов упоминают, что в дни Февральской революции он ушел из Александровского дворца Царского Села вместе с матросами Гвардейского экипажа. Тем не менее 1 июля 1917 г. «с соизволения бывшего Императора» Деревенько назначается камердинером «при бывшем Наследнике Алексее Николаевиче». Однако в августе 1917 г. его не включили в список лиц, сопровождавших царскую семью в Тобольск. Это было связано со скандальной историей. По словам комиссара Временного правительства В.С. Панкратова, «при наследнике Алексее состоял дядька, матрос Деревенько, по-

луграмотный, но хитрый хохол, который пользовался большим доверием Александры Федоровны. Перед самым отъездом он подал счет (полковнику Кобылинскому) расходов. В счете оказалось, что сын Николая II за июль 1917 г. износил сапог более чем на 700 руб. Полковник Кобылинский возмутился и заявил матросу Деревенько, что в Тобольск его не пустят»¹⁹³. Эта «история» спасла жизнь «хитрого хохла». Вместо него в Тобольск отправляется матрос Гвардейского экипажа К.Г. Нагорный¹⁹⁴.

После того как царская семья уехала в Тобольск, Деревенько с семьей также уехал подальше от беспокойного Петрограда в отпуск, в Олонецкую губернию. При этом Деревенько продолжал поддерживать регулярную связь как с чинами бывшей Канцелярии императрицы Александры Федоровны, так и с Тобольском. Сохранилось несколько его писем, направленных в Петроград к камер-фрау императрицы Герингер и делопроизводителю Канцелярии императрицы Никитину. Они охватывают период с сентября 1917 г. по март 1918 г. В основном они посвящены просьбам о высылке денег и описаниям различных материальных трудностей, но там есть упоминания и о Тобольске. Например, в письме к Герингер от 21 сентября 1917 г., Деревенько писал: «Получил письмо из Тобольска, все здоровы, некоторые хотели ехать, но им сказали, что

нет свободного помещения. Не знаю, когда я попаду в Тобольск? На дежурстве Мария Федоровна!». В письме от 14 ноября 1917 г. он писал: «Получил письмо от Нагорного 10 ноября. Все здоровы. Он пишет, что до весны не будет никакой смены никому... Мне сейчас тяжело жить. Жаль, что я не уехал в Сибирь!». В письмах к Никитину, написанных в январе, феврале и марте 1918 г. он сообщает, что «письма из Тобольска получаю все, слава Богу, благополучно, не знаю когда я туда попаду? Жду приказа»¹⁹⁵.

Дальнейшая судьба А.Е. Деревенько теряется в смуте Гражданской войны, но на глухой станции Олонецкой губернии у него было больше шансов сохранить свою жизнь, и ему не пришлось разделить трагическую судьбу царской семьи. По некоторым данным, А.Е. Деревенько умер от тифа в Петрограде в 1921 г.

Воспитатели и учителя. Царские дети после семи лет

По достижении 6–7 лет мальчики в царской семье переходили из женских рук в мужские. У сыновей Павла I Николая и Михаила это произошло несколько ранее, когда в 1799 г. воспитательный процесс возглавил генерал М.И. Ламсдорф, но при этом женщины продолжали окружать мальчиков вплоть до 1802 г.

В 1802 г. Николая и Михаила Павловичей усадили за парту. С этого времени их гувернерами и преподавателями стали исключительно мужчины, в основном с эполетами на плечах: генерал-майор Н.И. Ахвердов, полковники К.И. Арсеньев и П.А. Ушаков. С 1805 г. к ним присоединился майор А.П. Алединский, действительный статский советник Н.А. Дивов (с 1811 г. заменен Г.А. Глинкой) и коллежский советник Вольф. С этого времени воспитание великих князей было неразрывно связано с их образованием. Однако попробуем разграничить *воспитательный* и *образовательный* процессы.

Главным воспитателем великих князей Николая и Михаила Павловичей стал директор Сухопутного шляхетского корпуса Матвей Иванович Ламсдорф. Это был личный выбор Павла I. И хотя М.И. Лам-

сдорф состоял свояком республиканца-воспитателя Александра I – Цезаря Лагарпа¹⁹⁶, он реализовывал совершенно иную педагогическую парадигму, которая имела давние корни и широко внедрялась при Павле I.

Если Екатерина II пыталась на практике реализовать педагогические идеи Ж. – Ж. Руссо, то в основу педагогических методов Ламсдорфа было положено насилие в самых его разнообразных формах.

К. Брюллов. Портрет А.В. Жуковского. 1838 г.

При этом император Павел I и императрица Мария Федоровна прекрасно знали о том, что воспитатель добивается послушания от своих воспитанников методами насилия. Это была изощренная система холодных приказаний, выговоров и наказаний, доходивших до жестокости. М.И. Ламсдорф лично бил

мальчиков линейкой, ружейным шомполом, хватал за грудь или воротник и ударял об стену так, что они лишались чувств, или привязывал к ручке кровати, а потом порол розгами. При этом все эти действия фиксировались в специальных журналах¹⁹⁷.

После убийства Павла I в марте 1801 г. стратегия воспитательного процесса стала полностью определяться вдовствующей императрицей Марией Федоровной. Но для мальчиков фактически ничего не изменилось, их пороли по-прежнему Молодой император Александр I практически не проявлял интереса к своим подрастающим братьям. Камер-фурьерские журналы зафиксировали только один его визит к младшим братьям на детскую половину Зимнего дворца – 28 октября 1803 г.¹⁹⁸

Как водится, насилие давало очень сомнительные педагогические результаты, калеча характеры. Николай I стал скрытным и довольно замкнутым человеком. Он очень мало кому доверял и именно этим отчасти объясняется его стремление взять под полный контроль управление страной, не доверяя никому. Однако Николай Павлович был умным человеком и к своему детству обращался неоднократно. Тяжелые воспоминания детства этого жесткого человека заставили сделать определенные выводы и совершенно изменить характер воспитания своих детей. Только

сам факт приглашения *поэта* В.А. Жуковского (поэта, а не генерала!!!) ко Двору для составления образовательной программы цесаревича заслуживает самой высокой оценки педагогических талантов императора.

Воспитание цесаревича Александра Николаевича

Воспитание мальчиков в царской семье имело свою специфику. Девочки «уходили» из дома в семьи владетельных особ по всей Европе, а мальчики должны были служить России. По традиции, для них была возможна только одна карьера – карьера русского офицера, поэтому их воспитателями назначались только офицеры. Учителями могли быть и статские специалисты, но воспитателями только военные.

Поскольку воспитанию цесаревича уделялось особое внимание, то и подбор воспитателя к нему велся с особым тщанием. В июле 1824 г. воспитателем шестилетнего великого князя Александра Николаевича назначается капитан Карл Карлович Мердер, «прирожденный педагог, тактичный и внимательный»¹⁹⁹. Надо отметить, что Николай Павлович тогда еще не был императором и мало кто предполагал, что он

им когда-либо будет. Но 30-летний Николай Павлович знал о своих перспективах и считал, что его старший сын рано или поздно станет цесаревичем. Тем не менее выбор К.К. Мердера лично Николаем Павловичем удивил петербургскую публику. Впоследствии все единодушно признали, насколько удачен оказался этот выбор. Редкий случай, когда большинство межуаристов единодушно сошлись в высокой оценке К.К. Мердера. А.С. Пушкин, который, бывая в Зимнем дворце, знал Мердера, отметил в дневнике: «Мердер умер, – человек добрый и честный, незаменимый»²⁰⁰.

К.К. Мердер на протяжении всей своей службы (12 июня 1824 г. – 24 марта 1834 г.) тщательно отслеживал особенности характера цесаревича, стараясь развивать те из них, которые могли бы пригодиться Александру Николаевичу в роли самодержавного владыки. Надо заметить, что Александр II сохранил о своем воспитателе благодарную память, приказав соорудить памятник К.К. Мердеру на Детском острове Александровского парка Царского Села.

К.К. Мердер

Самой лучшей характеристикой полученного Александром II воспитания могут служить слова В.А. Жуковского о генерале Мердере: «В данном им воспитании не было ничего искусственного; вся тайна состояла в благодетельном, тихом, но беспрестанном действии прекрасной души его... Его питомец... слышал один голос правды, видел одно бескорыстие... могла ли душа его не полюбить добра, могла ли в то же вре-

мя не приобрести и уважение к человечеству столь необходимого во всякой жизни, особливо в жизни близ трона и на троне».

Примечательно, что К.К. Мердер в своей педагогической практике тесно увязывал воспитание и образование цесаревича. Например, в 1829 г. он осуществил проект, названный «кассой благотворения». Смысл заключался в том, что успехи в науках и поведении цесаревича и его двух приятелей оценивались в денежной форме. Но накопленные личные деньги должны были идти не на собственные нужды, а на благотворительность. Два раза в год предполагалось считать собранные деньги и тратить их на какое-либо полезное дело или благотворительность. Николай I одобрил идею, и касса действовала во все время обучения наследника.

Очень сильное влияние на воспитание цесаревича Александра Николаевича, на формирование его характера, оказал отец император Николай I. Железный характер этого человека, его чувство долга, его представление о справедливости во многом были усвоены Александром II. Иногда, решая свои педагогические задачи, Николай Павлович прибегал к весьма оригинальным приемам. По воспоминаниям врача Калининской больницы Реймера, в 1835 г. Николай Павлович обратился к нему при обходе: «Я пришлю сюда

своего сына, и ты покажи ему самые ужасные примеры сифилитической болезни на мужчинах и женщинах.

И. И. Шарлемань. Детская сыновей Николая I, или Корабельная. 1856 г.

Когда я был молод и еще не женат, мой доктор Крейтон тоже водил меня по военному госпиталю, больные, которых я увидел, произвели во мне такой ужас, что я до самой женитьбы своей не знал женщин»²⁰¹. Цесаревичу в 1835 г. исполнилось 17 лет и отец счел необходимым познакомить сына и с неприглядной изнанкой «любви».

Когда весной 1837 г. цесаревич отправился в путешествие по России, то Николай I постоянно писал сы-

ну, внушая ему те истины, которые, по его мнению, были просто необходимы будущему царю. В одном из писем Николай Павлович писал: «Не любишь ли отныне еще сильнее нашу славную, добрую Родину, нашу матушку Россию. Люби ее нежно; люби с гордостью, что ей принадлежит и родиной называть смейся, ею править, когда Бог сие определит для ее славы, для ее счастья!»²⁰².

Для младших сыновей Николай I подбирал других воспитателей-офицеров. При этом учитывалась будущая «профессия» детей императора. Вторым сыном Николая I великий князь Константин с детства был определен в моряки. Соответственно и воспитателя ему подобрали из моряков. Им стал адмирал Федор Петрович Литке (с 3 ноября 1832 г.)²⁰³.

Об отношении к воспитателям своих детей красноречиво говорят строки из завещания Николая I: «п. 16. Завещаю сыновьям моим всегда любить и уважать бывших при их воспитании г-а Кавелина, Литке и Философова и г. Юрьевича, Корфа и Лутковского. Благодарю их искренне за их попечение, заменявшее мой отцовский надзор, отвлеченный делами. Сыну моему предоставляю упрочить их благосостояние, равно как и прочих лиц при воспитании бывших, как у братьев, так и сестер»²⁰⁴.

Воспитание детей Александра II

Когда в 1840-х гг. у Александра II и Марии Александровны подряд родилось три мальчика, схема их воспитания была очевидна. Сам Александр II тогда оставался еще молодым человеком, прекрасно помнившим свое взросление. Да и «у руля» продолжал оставаться Николай I, который не собирался «ломать» оправдавшую себя воспитательную схему. Мужчины-офицеры впервые появились в детской летом 1847 г., когда старшим сыновьям цесаревича шел четвертый и третий год. В Зимнем дворце сыновья цесаревича жили на детской половине на первом этаже Зимнего дворца. Трех старших (Николая, Александра и Владимира) утром мыли и одевали няни-англичанки, и они же вечером укладывали их в постель. Но днем все трое поступали под надзор военных воспитателей или, как их называли при Дворе, «гувернеров»²⁰⁵.

Весной 1849 г. воспитательницу Скрипицыну сменил (17 апреля) генерал-майор Николай Васильевич Зиновьев. Это был выбор Николая I, который желал, чтобы его внуки как можно раньше перешли под контроль мужчины-офицера, который должен был при-

дать их воспитанию военизированный характер. Сам Зиновьев считал себя не готовым к должности воспитателя царских внуков, хотя до этого занимал должность директора Пажеского корпуса, поэтому он принял должность воспитателя только де-факто, но де-юре этого звания не носил. Сверх содержания ему определялось жалованье по чину в 1500 руб. в год, помещение в Зимнем и других дворцах, а также придворный экипаж²⁰⁶.

Постепенно вокруг Зиновьева начал формироваться круг офицеров-воспитателей, которых он подбирал сам. В августе 1849 г. Зиновьев получил помощника в лице полковника

Григория Федоровича Гогеля. Однако для детей мало что изменилось в их жизни. Тогда, летом в 1849 г., распорядок дня детей в Царском Селе был следующим.

В 7 часов утра дети (Николай – семь лет, Александр – пятый год, Владимир – четвертый год) вставали и, помолясь Богу, шли здороваться к отцу. Потом они играли в парке, где, как правило, встречали Николая I, совершавшего свою обычную утреннюю прогулку. Дети выстраивались перед дедушкой «во фронт», снимали фуражки и получали от него по поцелую.

Н.В. Зиновьев

В 9 часов пробуждалась цесаревна Мария Александровна. Дети шли здороваться к матери. После этого начинались «уроки». Первыми уроками детей стала строевая подготовка (маршировка и ружейные приемы), которой обучал старших мальчиков унтер-офицер Хренов. Этот урок был ежедневным и занимал около часа. После чего дети завтракали. Воспитатели-офицеры дежурили посменно. Первую половину дня, как правило, дежурил Гогель.

В 11 часов цесаревна Мария Александровна отводила детей (из Зубовского флигеля Большого Екатерининского дворца) в Александровский дворец здороваться с бабушкой, императрицей Александрой Федоровной. Потом возобновлялись «уроки». Генерал Зиновьев проводил занятия по артиллерийской стрельбе (2 раза в неделю) или дети занимались гимнастикой на сетке-батуте (два дня в неделю). Остальные дни в это время дети гуляли.

С 12 до 14 часов воспитательница Скрыпицына учила старших мальчиков читать и писать.

В 14 часов мальчики обедали. После обеда вновь гуляли. Во время этих прогулок их обучали началам верховой езды на маленьких лошадях.

Г.Ф. Гоголь

В 16 часов дети пили чай. После чаепития дважды

в неделю брали уроки танцев и дважды проводились занятия со Скрипицыной. В другие дни в это время они пускали змея, играли в кегли или катались в лодке по озеру. Если погода была плохой, то мальчики дома играли друг с другом в шашки, в лото или другую игру, очень ими любимую, которая называлась «Храм счастья».

В 19 часов мальчики шли к матери и «проводили у нее целый час». В Китайской комнате Большого Екатерининского дворца Мария Александровна «сидела, окруженная детьми за чайным столом, поучала, наставляла их, хвалила или журила за их поведение, слушала их признания, разъясняла их недоумения и сомнения»²⁰⁷. Чай разливала одна из фрейлин, и тут же цесаревич играл в вист со «своими», как называл он адъютантов и вообще состоявших при нем лиц.

В 20 часов после благословения родителей дети отправлялись спать.

Рассматривая это расписание, следует отметить следующее. Во-первых, дети рано ложились (21 час) и рано вставали (в 7 часов), следовательно, на сон отводилось 9—10 часов. Во-вторых, дети весь день были заняты и их ни на минуту не выпускали из поля зрения дежурные воспитатели. В-третьих, военизированные уроки детей начались одновременно с обучением их грамоте и письму. В-четвертых, при самом

удачном раскладе дети виделись с родителями не более двух часов в день. И хотя биографы уверяли, что «Мария Александровна сама руководила воспитанием детей», проводя в детской «большую часть своего времени»²⁰⁸, это не более чем комплиментарное преувеличение.

Военное образование, когда пятилетнего ребенка приучали к стреляющей пушке, показывали, как сменять караулы и разводить часовых, было довольно рано востребовано. В 1850 г. шестилетний Никса впервые разводил настоящий караул²⁰⁹. В сентябре 1850 г., после того как старшему внуку Николая I исполнилось 7 лет, началась его «действительная» военная служба. Следует отметить, что для мальчиков семилетний возраст был рубежным. После дня рождения они окончательно переходили в мужские руки и, кроме этого, происходило еще много сопутствующих изменений:

- в этот день Никсу произвели в первый офицерский чин;
- отделили от братьев и поместили в Собственные комнаты;
- за Никсой был прекращен уход нянь и к нему был приставлен камердинер Костин, который прослужил ему с 1850 по 1865 г. Никса окончательно перешел в руки военных воспитателей;

- в его спальне была поставлена кровать воспитателя полковника Гегеля;
- умываться и одеваться он должен был сам, без прислуги;
- русскую рубашку заменила гусарская куртка;
- на придворных церемониях он стал появляться в качестве офицера²¹⁰.

Когда 26 февраля 1852 г. второму сыну Александра II Александру Александровичу исполнилось 7 лет, с ним произошли аналогичные изменения. Его произвели в чин гвардии прапорщика и корнета. Мальчика переселили в комнаты старшего брата. Койка воспитателя стояла между кроватями мальчиков, и он не оставлял мальчиков ни днем, ни ночью²¹¹. Примечательно, что практика, когда воспитатели спали в одной комнате со своими воспитанниками, сохранялась вплоть до конца XIX в. Воспитатель обязан был находиться в одной комнате со своим воспитанником до тех пор, пока тот не засыпал. Уходя домой, воспитатель великого князя обязательно оставлял вместо себя одного из камердинеров²¹².

После того как в феврале 1855 г. цесаревич Александр Николаевич стал императором Александром II, положение его

старшего сына изменилось, поскольку мальчик

Никса стал цесаревичем Николаем Александровичем. Его отделили не только от младших братьев, но и стали учить по особой программе. При этом военизированный характер и воспитания, и образования по требованию Александра II полностью сохранялся.

Одним из воспитательных новшеств стало появление рядом с цесаревичем молодого боевого офицера, 28-летнего адъютанта князя И.А. Барятинского – Оттона Борисовича Рихтера, что было неслучайно.

О.Б. Рихтер

О своих намерениях и планах относительно наследника Александр II писал в мае 1858 г. «покорителю Кавказа» князю И.А. Барятинскому. В этом письме царь ссылался на генералов В.В. Зиновьева и А.А. Ливена, которые отвечали за весь круг вопросов, связанных с воспитанием цесаревича Николая Александровича. Александр II спрашивал мнение князя И.А. Барятинского о его адъютанте О. Б. Рихтере и сообщал, что он предполагает назначить его «заместителем гувернера при нашем старшем сыне, но прежде, чем мы это решим, желательно узнать Ваше мнение о его характере, чтобы понять, сможет ли он нам подойти. Речь идет о *молодом человеке* с надежным характером, который был бы *другом и советчиком* нашему сыну и развивал в нем своими занятиями и общением жажду к обучению. Важен ежедневный контакт с человеком, наиболее близким по возрасту к нашему сыну, из тех, кто его окружает. Вот пока все, что я хотел Вам сказать»²¹³. В этом письме Александр II сформулировал основные требования, которые он лично предъявлял к воспитателям наследника-цесаревича.

Видимо, Барятинский дал Рихтеру самые лестные характеристики. Для этого были все основания. О.Б. Рихтер образование получил в Пажеском корпусе, по окончании которого в 1848 г. поступил на службу кор-

нетом аристократического лейб-гвардии Конного полка. В 1853 г. уже как ротмистр Ахтырского гусарского полка принимал участие в Крымской войне, в осаде крепости Силистрия. По окончании войны Рихтера назначили адъютантом к главнокомандующему Отдельным Кавказским корпусом генерал-адъютанту А.И. Барятинскому. В 1856–1858 гг. Рихтер принимал участие в военных действиях против горцев в Большой Чечне, занятии долины реки Мичик, рубке просек и разработке дорог. В 1857 г. его произвели в полковники и назначили в Куринский пехотный полк. В 1858 г. Рихтер принимал участие во взятии Аргунского ущелья, командуя первой штурмовой колонной, за что получил золотое оружие с георгиевским темляком.

Такой послужной список 28-летнего полковника дорогого стоил, и в июле 1858 г. Рихтер прибыл в Петергоф для представления императору и принятия «окончательных решений». Смотрины прошли благополучно, и приказ с назначением состоять при наследнике-цесаревиче Рихтер получил 30 августа 1858 г.²¹⁴

В 1859 г. у цесаревича появился персональный *воспитатель-опекун* — граф С.Г. Строганов. Тогда же для цесаревича был сформирован «Штат Двора Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича»²¹⁵. Всего в состав его штата вошло 85 человек. Непосредственно обслуживали цесаревича

36 человек²¹⁶. Кроме этого, по Конюшенному ведомству цесаревича обслуживали еще 49 человек²¹⁷.

Согласно законам Российской империи, «достигший совершеннолетия вступает сам в управление своим имуществом; но с того времени до двадцатипятилетнего возраста при каждом лице Императорского дома, носящем титул Императорского Высочества или Высочества, состоит особый попечитель». Задачи попечителя состояли в том, чтобы давать «советы по всем делам, до имени его касающимся, и утверждает его волю, без чего она никогда не может быть действительною».

Познакомившись с прекрасно образованным юношей, граф Строганов изумился тому, что в цесаревиче он обнаружил «холодное и равнодушное отношение, если не отвращение к военному делу»²¹⁸. Это было совершенно не типично для Романовых, искренне преданных офицерской службе. Такие настроения цесаревича вызвали недовольство Александра II.

Следует отметить, что отношения Александра II со старшим сыном складывались далеко не безоблачно. Современники упоминали, что царь был «строг к своему наследнику, скажу даже, в некоторых случаях, немилосерден...». Есть упоминания, что Александр II испытывал определенную ревность к свое-

му старшему сыну как к преемнику и, возможно, поэтому позволял себе резкие замечания с запрещением выражать свое мнение «молокососу, как он его называл»²¹⁹. Неоднократно Александр II упрекал хрупкого, интеллигентного сына в отсутствии мужественности и, возможно, травма спины цесаревича, полученная на скачках в Царском Селе, была результатом стремления цесаревича показать свою «мужественность».

Молодой цесаревич Николай Александрович, по единодушным отзывам воспитателей и преподавателей, подавал большие надежды. Его интеллектуальные качества были неоспоримы. Однако в апреле 1865 г. цесаревич после тяжелой болезни умер.

Его преемником «по должности» цесаревича стал второй сын императора – великий князь Александр Александрович. Преподаватели, «навалившись» на цесаревича, с удивлением выяснили, что программа его воспитания и обучения была на порядок ниже, чем у его старшего брата. Мемуаристы объясняли этот факт влиянием императрицы Марии Александровны, которая сознательно снижала образовательные стандарты младших сыновей, чтобы они не заслоняли своего блестящего старшего брата, будущего российского императора.

Если это действительно так, то создавала она эти

образовательные преимущества весьма и весьма тактично. Дети ее любили. Для них она была в первую очередь мамой, а уже затем императрицей. Такое в царской семье бывало далеко не всегда. Александр III вспоминал впоследствии: «Сколько было разговоров самых разнообразных, задушевных, всегда Мама выслушивала спокойно, давала время все высказать и всегда находила, что ответить, успокоить, побранить, одобрить и всегда с возвышенной христианской точки зрения»²²⁰.

Второй и третий сын Александра II – великие князья Александр и Владимир росли вместе. Они жили в одной комнате, у них были одни воспитатели, они вместе делали уроки и отвечали преподавателям. Перед сном они совершали обязательные прогулки по Дворцовой набережной. Эту близость братья сохранили на протяжении всей жизни.

У воспитателей, наблюдавших за будущим Александром III и его братом, подчас возникали недоуменные вопросы. В ноябре 1861 г. один из воспитателей с удивлением записал в дневнике: «Я всегда удивлялся, смотря на Александра Александровича, и думаю, как юношу почти в 17 лет могут занимать детские игры, как, например, перекидывание снега лопатой»²²¹. А между тем из этого «перекидывания снега» выросла целая традиция, и уже никто не удивлял-

ся, когда Николай II за зиму, «здоровья ради», перекидывал тонны снега. Конечно, представить Николая I с лопатой, разгребающего дорожки в парке, трудно, но для Александра III и Николая II этот образ был уже вполне органичен.

Вызывало удивление воспитателя и несколько инфантильное отношение молодых великих князей к девушкам: «Они почти с ними никогда не говорят, а если случится перемолвить слово, то совершенно так же, как с каким-нибудь товарищем, как с Гришей Гогелем, например, разве что немного покороче, чтобы скорее отделаться»²²². А между тем впоследствии, после весьма кратковременных юношеских увлечений, Александр III и Владимир Александрович превращаются в самых верных мужей.

Были у молодых людей и редкие экстремальные приключения, воспоминания о которых бережно хранились долгие годы. В июне 1864 г. состоялся пеший «поход» компании великих князей и их ровесников из Царского Села в Гатчину. Все произошло довольно спонтанно, поскольку они вышли в 4 часа пополудни и пришли в Гатчину только вечером, в половине десятого. При этом молодые люди чувствовали себя настолько хорошо, что на следующий день вернулись пешком в Царское Село через Ропшу. Александр III потом всю жизнь хранил в своем рабочем столе аль-

бом с зарисовками сценок этого «похода». Из этого приключения у двух императоров – Александра III и Николая II выросла прочная привычка к длительным пешим прогулкам в хорошем темпе. Эти прогулки позволяли отключиться от бесконечной рутинной работы, которая занимала все время самодержцев.

Следует отметить, что до 17–18 лет воспитатели сохраняли жесткий контроль за всеми сторонами жизни великих князей, единолично определяя уровень их личной свободы. Поскольку эта практика соблюдалась с детства, то великие князья беспрекословно слушались воспитателей, став почти взрослыми. Например, в 1862 г., когда Александру было уже 17 лет, воспитатель потребовал от молодых людей очистить учебные комнаты в Зимнем дворце от «разного хлама», который там неизбежно набирался: «Сперва я очистил от всех этих вещей комнату Владимира Александровича, который добровольно подался на это требование, но Александр Александрович ослушался, и я должен был настоятельно потребовать от него исполнения заведенного порядка»²²³.

Конечно, столь жесткий контроль со стороны воспитателей не вызывал восторга у великих князей. Они подчинялись, но осадок несправедливости происшедшего у них сохранялся на долгие годы. Следует признать, что в отношении родителей к детям присут-

ствовал элемент здорового прагматизма, учитывавший их будущее положение в родовой иерархии Романовых. Эта некоторая отчужденность во взаимоотношениях с родителями тяжело переживалась детьми, спустя много лет, в 1878 г. великий князь Владимир Александрович рассказывал окружающим о «равнодушии своих родителей» к ним и без всякого уважения говорил о своих воспитателях²²⁴. Присутствовавший при этом великий князь цесаревич Александр Александрович соглашался с ним, называя свое детство «отвратительным воспоминанием»²²⁵.

Наличие негативных детских впечатлений подтверждает и граф С.Д. Шереметев, который был одним из адъютантов цесаревича Александра Александровича. Он пишет, что ему не раз приходилось слышать от великого князя Александра Александровича упоминания о том, что «почти не было у него хороших воспоминаний отрочества....Пребывание в Зимнем дворце для него всегда было мрачное время, и он даже раздражался вспоминать о нем. Счастлирое время для него началось с переездом из Зимнего дворца в Аничков....Почему он не любил вспоминать про свое детство и почему он раздражался, говоря об этом времени, – не знаю»²²⁶.

Видимо, детские воспоминания действительно для

Александра и Владимира не доставляли радости. Наблюдая за взрослением своих младших братьев, разница в возрасте с которыми доходила до 15 лет, они констатировали, что детство братьев счастливее их собственного²²⁷.

Детство Николая II

У Александра III и императрицы Марии Федоровны родилось пятеро детей. Первый ребенок, будущий Николай II, родился в мае 1868 г., когда отцу было 23 года, а матери 20 лет. Естественно, «по образцу прошлых лет» воспитательную стратегию внуков определял Александр II. Ранний возраст для внуков Александра II проходил по отработанной схеме: русские кормилицы в кокошниках, няни-англичанки, короткие платица и женское окружение. Когда цесаревич подрос, родители поставили задачу перед воспитателями сформировать из великих князей «нормальных», не забалованных детей. В мемуарах часто приводятся слова Александра III: «Повторяю, что мне фарфора не нужно. Мне нужны нормальные, здоровые, русские дети».

Главным воспитателем к Николаю в 1877 г. назначается генерал Григорий Григорьевич Данилович. В этой

должности он состоял до 1891 г., то есть 14 лет. Это было решение Александра II.

Впоследствии, после гибели империи, многие из современников, анализируя особенности сложного характера Николая II, предъявили «счета» Г.Г. Даниловичу. Некоторые из мемуаристов упоминали, что воспитательные методы Даниловича «изломали» характер Николая II, сделав его скрытным и замкнутым. Предъявляли претензии и к Александру III, который не сумел передать детям свою харизму власти: «Их слишком настойчиво учили быть «прежде всего людьми» и слишком мало подготавливали к их трудной сверхчеловеческой роли»²²⁸.

Рассуждая на эту тему, следует иметь в виду, что Данилович был профессиональным военным педагогом. Свою педагогическую карьеру он начал в Дворянском полку, а затем служил под началом талантливого руководителя военно-учебных заведений Я.И. Ростовцева. Данилович принимал участие в реформе военно-учебных заведений в 1860-х гг., многие годы возглавлял аристократический Второй кадетский корпус. Это был опытный военный педагог, соответствующий уровню требований своего времени.

Классная комната вел. кн. Николая и Георгия Александровичей в Гатчинском дворце

Трое сыновей Александра III не были забалованными детьми. Родители держали их «в руках». Каждый и по-разному. Отец охотно разделял детские забавы не только своих детей, но и их ровесников. Сохранилось несколько фотографий Александра III с клюшкой в руках на катке у Аничкового дворца, рядом со своими подростками сыновьями. Императрица Мария Федоровна строила свои отношения с детьми по-иному. Это были отношения, не выходящие за рамки дворцового этикета. Естественно, отношение царственных родителей к своим детям обсуждалось в свете. Мно-

гие сходились в том, что любимым сыном Александра III был младший Михаил, что Георгий – самый талантливый и способный, что старший сын Николай довольно бесцветен как личность. Досужим разговорам не было конца...

Доставалось и императрице Марии Федоровне. Например, генеральша Богданович в своем дневнике, со ссылкой на камердинера Николая II, писала, что «детей своих Мария Федоровна совсем не любит. Она детей никогда не ласкала. Покойный Александр III был гораздо нежнее с детьми, чем мать. Несмотря на свою суровость, бывало, царь обнимет сыновей, но мать никогда. Иногда, совсем неожиданно, царь заходил в спальню детей, но мать, как заведенные часы, заходила аккуратно в один и тот же час, так же, как в одно и то же время дети являлись к ней – поздороваться утром, поблагодарить после завтрака и обеда и проч. Радциг говорит, что он был полным хозяином в спальне наследника, никакого контроля за ним не было»²²⁹.

Вмешивалась в воспитательный процесс и ближайшая родня. Мальчишки оставались мальчишками и, естественно, шалили. По рассказам мемуариста, однажды на вокзале, во время торжественных проводов Александра III, его сыновья страшно расшалились, бегая между ногами сановной публики. Видимо, они совершенно не реагировали на замечания, и

выведенный из терпения младший брат царя, великий князь Владимир Александрович, схватил будущего Николая II за уши и публично выдрал его, говоря: «Я тебе говорю – перестань шалить»²³⁰.

Но наряду со многочисленными воспитателями «по должности» рядом с цесаревичем Николаем оказался редкий человек, который являлся воспитателем по призванию. Это был его преподаватель английского языка Карл Иосифович Хис. Он появился рядом с цесаревичем, когда тому исполнилось 10 лет. Благодаря Хису все дети Александра III получили прекрасную физическую подготовку. Генерал Н.А. Епанчин писал об этом в мемуарах: «Физическое развитие наладилось случайно. Дело в том, что для занятий по английскому языку был приглашен мистер Хис... Именно Хис обратил внимание на недостаточность физических упражнений цесаревича и занимался этим делом и, между прочим, закаливанием цесаревича, в чем достиг превосходных результатов». Говоря о результатах этого воспитания, Н.А. Епанчин подчеркивал, что царь «был очень вынослив в физическом смысле, не боялся сквозного ветра, не был подвержен простуде и обладал прекрасным здоровьем»²³¹.

Об этом же упоминают и другие мемуаристы. А.П. Извольский писал, что «действительным руководителем его занятий был англичанин Хетс, занимавший

место частного учителя в Императорской семье... особенную склонность он чувствовал к спорту и затратил много труда, чтобы воспитать в своих учениках любовь ко всем видам спорта. Ему Николай II обязан совершенным знанием английского языка и увлечением спортом»²³². Негативно относившийся к царю кадет и масон В.П. Обнинский также счел необходимым упомянуть об этом – «англичанин Mr. Heath, «Карл Осипович» как его обыкновенно называли... прекрасный художник и спортсмен... В юношеские годы первое место занял спорт всех видов, и царские сыновья хорошо скакали, стреляли, ловили лососей... подвижность и любовь к спорту отличали всех детей Александра III»²³³.

Видимо, не без влияния Хиса в 1879 г. будущий император писал отцу: «Я не умею еще плавать, но скоро научусь»²³⁴. После переезда семьи в марте 1881 г. в Гатчинский дворец, в одной из его комнат, для подрастающих наследников оборудовали гимнастическую комнату, в которой были установлены турник и параллельные брусья²³⁵.

Одежда детей

Внешний вид детей в императорской семье был не менее важен, чем внешний вид взрослых. Следует иметь в виду, что на протяжении большей части XVIII в. детской одежды как таковой не было. Дело в том, что на детей смотрели как на маленьких взрослых. Поэтому для детей шили одежду по взрослой моде, но меньшего размера. Только на рубеже XVIII–XIX вв. наметилась тенденция к появлению детской одежды, но только тенденция. Известно, что Екатерина II лично проектировала одежду для своих внуков Александра и Константина. У нее получилось нечто вроде детского комбинезона, которым она очень гордилась.

Вел. кн. Александр, Владимир и Николай Александровичи. 1849 г.

Поскольку царские дети с момента рождения зачислялись на военную службу, то им очень рано приходилось облачаться в военную форму. Например, летом 1847 г. император Николай I приказал своему старшему внуку Николаю, которому тогда шел четвер-

тый год, «быть в форме» на разводе лейб-гвардии Конного полка. Выполняя приказ императора, воспитательница одела на мальчика «имеющуюся шинель Преображенского полка и фуражку». При этом император предполагал, что у трехлетнего мальчика должно быть несколько комплектов военной формы. Когда же он увидел, что на внучке одета пехотная, а не кавалерийская фуражка, он немедленно выговорил воспитателям за нарушение формы одежды трехлетним ребенком. Воспитатель мальчика был вынужден доложить цесаревичу Александру Николаевичу, что ему «досталось от его величества на другой день. Его величество изволил выговорить мне»²³⁶.

Фактически дети росли в военной форме. Однако в конце 1840-х гг. Николай Павлович несколько модифицировал детскую одежду. Самые маленькие внуки, лет до трех, донашивали платья своих старших сестер. Под платьями мальчики носили широкие панталончики. Эта странная традиция сохранялась в дворянской среде повсеместно вплоть до начала XX в. Остались гравюры маленького Александра II, одетого в платьица с декольте, украшенные «жуткими розочками»; фотографии 1870-х гг. маленького Николая II, одетого в платьице; фотографии начала XX в., на которых цесаревич Алексей запечатлен в таких же платьицах, что и его отец в 1870-х гг.

Вел. кн. Александр Николаевич

Вел. кн. Сергей Александрович, 1861 г.

*Вел. кн. Сергей Александрович с братом Павлом.
1862 г.*

Где-то лет с трех-четырех мальчиков облачали в

«русские» кумачовые или белые рубахи-косоворотки и шаровары, заправленные в сапоги. Это был «народный стиль», принятый при дворе Николая I. При этом у мальчиков для особо парадных случаев уже появлялись первые комплекты военной формы.

Окончательно в военную форму мальчики переоделись после достижения семи лет. С этого времени они, перейдя от женщин-воспитательниц к воспитателям-офицерам, уже считались на действительной службе. С 1850 г. старшие сыновья наследника-цесаревича начинают участвовать в придворных и военных торжествах. Тогда Никсе было семь, а Александру – пять лет. 5 сентября 1850 г. на полковом празднике Кавалергардского полка, проходившем на лугу перед Елагиным дворцом, по желанию Николая I с мальчиков сняли красные русские рубашки, в которых они обыкновенно ходили. Старших внуков царя переодели в полную парадную офицерскую форму лейб-гвардии Гродненского гусарского полка (Николая) и в лейб-гусарскую солдатскую шинель (Александра)²³⁷.

Детский костюм Александра Павловича. 1784 г.
Однако наряду с настоящей военной формой у де-

тей имелись комплекты домашней одежды, стилизованной под военную форму. Это были так называемые «гусарские курточки». Такие же курточки дозволялось носить всем товарищам по детским играм, приехавшим в Зимний дворец. Как вспоминал граф С.Д. Шереметев: «Меня облекали в гусарскую курточку (гусарские курточки были изобретены императором Николаем, и так как великие князья их постоянно носили, то и нам дано было позволение их надевать во всякое время, меня забавляло всегда, что по фуражке солдаты на улице, а иногда и офицеры принимали меня за Великого Князя и отдавали честь; в сущности, это было не что иное, как ливрея)»²³⁸. Но даже эти стилизованные под форму домашние курточки напоминали великим князьям об их предназначении. У Александра на куртке были самые настоящие погоны Финского стрелкового батальона, шефом которого он состоял²³⁹. А Владимир Александрович всегда носил «драгунскую куртку», поскольку состоял шефом лейб-гвардейского Драгунского полка²⁴⁰.

Судя по фотографиям 1860-х гг., у великих князей был еще один вариант домашней одежды: удлиненный сюртук с погончиками и красными выпушками, его носили застегнутым только на верхнюю пуговицу. Под сюртук одевалась белая рубашка с отложным во-

ротником. Сюртук носили с форменными брюками на штрипках. При этом если гусарская курточка предполагала сапоги, то брюки носились с ботинками.

Судя по воспоминаниям, отложной воротничок белой рубашки поверх воротника сюртука был нарушением формы одежды, и это пресекалось. С.Д. Шереметев упоминает: «Мне всегда бросались в глаза безукоризненной белизны воротнички его рубашки, незаконно появлявшиеся из-за воротника мундира и сюртука. За эти воротнички ему не раз доставалось от государя»²⁴¹.

И.Н. Крамской. Портрет вел. кн. Сергея Александровича

Это «воспитание формой» приводило к тому, что все Романовы были, мягко говоря, равнодушны к форме. Они буквально срастались с военной формой и чувствовали себя в ней естественно и свободно. Когда в 1864 г. встал вопрос о поездке за границу сыно-

вей Александра II Александра и Владимира, то наряду с радостью от свидания с родителями и старшим братом, их очень волновал вопрос, как будут они носить штатское платье²⁴².

Наказания детей

Воспитательный и образовательный процесс невозможен без наказаний в той или иной форме. Поскольку царские дети были далеко не ангелами, то детей наказывали и во дворцах. Поводом к наказанию, как обычно, служили либо обычные детские шалости, либо неуспехи в учебе. При этом следует иметь в виду, что детей ни на минуту не оставлял без присмотра многочисленный штат воспитателей. Возможность расшалиться как следует, у них практически отсутствовала. Поэтому именно учеба была для них главным источником «неприятностей».

Характер наказаний детей разительно изменился при Николае I. Когда сам Николай I был маленьким, его наказывали бранью, толчками, щипками, ударами линейки и даже розгами. По свидетельству современников, главный воспитатель Ламсдорф мог в ярости ударить будущего Николая I головой об стену²⁴³. Один из мемуаристов писал: «Время было такое: били людей по убеждению, а не из злобы. Даже царственные лица не были от этого изъяты»²⁴⁴.

Спустя много лет Николай I оценивал эти педагогические методы следующим образом: «Граф Лам-

сдорф сумел вселить в нас одно чувство – страх, и такой страх уверенность в его могуществе, что лицо ма-тушки было для нас второе в степени важности по-нятий... Употреблял строгость с запальчивостью, ко-торая отнимала у нас чувство вины своей, оставляя одну досаду за грубое обращение, а часто и незаслу-женное»²⁴⁵.

Когда у самого Николая I появились дети, то их на-казывали совершенно по-иному. Методы физического воздействия *совершенно изъяли* из воспитательного процесса. Воспитатель цесаревича Александра Нико-лаевича К.К. Мердер упоминает, что наказывали де-тей либо запретом встречаться с родителями, либо ограничениями в еде. При этом воспитатель цесаре-вича поддерживал связь с императором, имея постоян-ную возможность «прямого выхода» на самодержж-ца.

Следует заметить, что системные физические на-казания действительно изъяли. Однако царских де-тей, видимо, все-таки периодически пороли. Правда, об этом до нас дошли только глухие упоминания. В 1863 г. шестилетнего великого князя Сергея Алексан-дровича выпороли розгами²⁴⁶.

В марте 1829 г. за выказанную на уроке истории «необыкновенную апатию» Николай I запретил цеса-

ревичу «подходить к нему при прощании вечером»²⁴⁷. Были и наказания несколько парадоксального характера. В 1829 г. 11-летнего цесаревича за «плаксивость и апатичность» наказали лишением права входить в учебную комнату в воскресенье. В январе 1832 г. за невыученное наизусть стихотворение цесаревич «за обедом кушал один суп»²⁴⁸. Спустя несколько дней, когда цесаревич получил отметки хуже, чем его товарищи, и за это «получил выговор от государя императора», то опять за обедом он ел один суп²⁴⁹. Если поведение и успеваемость мальчиков была хорошая, то К.К. Мердер мог себе позволить обратиться к Николаю I с просьбой «о помиловании» цесаревича и его товарищей²⁵⁰.

Наказывали цесаревича не только за учебу, но и за промахи во время военных упражнений. Когда в мае 1832 г. 14-летний цесаревич во время парада «опозорился», проскакав галопом вместо рыси, то по распоряжению отца его посадили «под арест» на дворцовую гауптвахту²⁵¹.

Остальные дети Николая I были обычными детьми, то есть далеко не ангелами. Например, мемуаристы упоминают о «выходящей за рамки» шалости второго сына царя – великого князя Константина Николаевича. Однажды он во время карточной игры родителей и

их гостей потихоньку выдернул стул из-под одного из гостей, когда тот собирался сесть за карточный стол. Грузный И.М. Толстой упал на пол и, огорошенный этим падением, с трудом поднялся с помощью М.Ю. Вильегорского. При этом маленький великий князь со смехом выбежал из комнаты. Николай I, побелев от гнева, положил на стол свои карты и, обращаясь к императрице, сидевшей невдалеке, произнес: «Мадам, встаньте». Императрица поднялась. «Просим извинения у Ивана Матвеевича в том, что так плохо воспитали нашего сына!» После чего мальчика наказали²⁵².

В семье самого Александра II эти традиции соблюдались в полной мере. Осуждение со стороны императора-отца и императрицы-матери имело для детей огромное значение. Тем более следует учесть, что общение детей и родителей не было постоянным. Детские комнаты были совершенно изолированы от половин императора и императрицы. Поэтому контакты родителей и детей сводились к кратковременным «визитам» родителей в детскую или «визитам» детей на родительскую половину. Иногда родители и дети «пересекались» во время светских мероприятий. Одна из фрейлин описывает визит детей Александра II на половину императрицы Марии Александровны в июле 1855 г. следующим образом: «Сегодня утром я была у императрицы. К ней вошли ее четыре сына,

все крупные, красивые, хорошо сложенные мальчики, смотреть на которых доставляет удовольствие. Императрица спросила у них отчет о их уроках; младший сознался, что он плохо учился. Императрица очень строго посмотрела на него и сказала: «Это меня очень огорчает»»²⁵³.

Дети учились по-разному. Старший сын Александра II, Николай, учился очень хорошо. Александр и Владимир – «упертые» троечники и учились откровенно плохо. Для учителей и воспитателей это была серьезная проблема, которую они пытались решать, в том числе используя те или иные наказания.

Если систематизировать эти наказания, то они оказались достаточно стандартны, поскольку педагогика вещь довольно консервативная по природе. *Во-первых*, самой серьезной формой наказания было обращение воспитателей к родителям мальчиков. Иногда устно, иногда в форме писем и докладных. Надо заметить, что «стукачеством» воспитатели не злоупотребляли, поскольку хорошо понимали, что тем самым расписываются в собственной несостоятельности. Чаще они прибегали к угрозе обратиться к родителям. Этот «педагогический шантаж» оказывался достаточно действенным для всех поколений Романовых. Детей больше страшил не сам факт наказания, а то, что их неуспехи в учебе огорчат царственных

родителей. Но иногда нервы воспитателей не выдерживали. И как это ни странно, в «забавах» принимал участие и «отличник» – 19-летний цесаревич Николай Александрович: «Александр Александрович и Николай Александрович начали приставать к маленькому брату Алексею Александровичу; дело началось шуткой, а кончилось очень неприятно для старших братьев. Алексея Александровича так облили водой и измучили, что он пожаловался императрице и государю. Всех старших братьев государь позвал к себе и сделал им строгий выговор»²⁵⁴. Доставалось мальчикам от родителей и после «ревизии» их успеваемости: «Владимир Александрович получил сегодня от императрицы строгий выговор за его «О» баллов»²⁵⁵. Когда осенью 1865 г. воспитатель великого князя семилетнего Сергея Александровича напомнил, что «их Величествам будет известно все, что он делает, то немедленно стал послушен и уже больше не шалил»²⁵⁶.

Во-вторых, это были традиционные *ограничения в еде*: лишение за чаем хлеба с маслом или сладкого блюда за обедом. Один из воспитателей девятилетнего великого князя Сергея Александровича описывает типичную ситуацию (31 августа 1866 г., Ливадия), которая воспроизводилась несколькими поколениями воспитателей царских детей: «Я ограничился упре-

ком, обещав в следующий раз лишить его сладкого блюда за обедом. Наказание это, в котором лишение соединено с унижением (т. к. ежедневно обедает с великим князем один из учителей), будет, полагаю, действенным»²⁵⁷. И такое наказание было в самом деле действенным. Надо заметить, что в отношении еды маленьких великих князей держали буквально в ежовых рукавицах. В сентябре 1866 г. девятилетнего Сергея Александровича поставили в угол перед обедом только за то, что он хотел без позволения съесть кусок малиновой лепешки²⁵⁸. А через несколько дней на невинный вопрос мальчика «Что будет у нас к ужину?» воспитатель жестко ответил: «Если вы голодны, ужинайте, в противном случае, идите спать»²⁵⁹.

В-третьих, это различные дисциплинарные наказания, когда мальчиков могли поставить «на несколько минут в угол»²⁶⁰. Любые формы физических наказаний были, конечно, исключены.

В-четвертых, это были запреты на какие-либо игры и развлечения. Например, когда поздней осенью 1861 г. Александру Александровичу запретили кататься на лыжах рядом с Александровским дворцом, то он «был сильно огорчен тем, что я не позволил ему этого без особого разрешения графа»²⁶¹. Иногда поводы для запретов возникали серьезные. Воспитатель

зафиксировал следующую ситуацию: «После обеда Александр Александрович и Владимир Александрович поссорились друг с другом. Владимир Александрович спрятался в камердинерскую и боялся оттуда выходить, потому что Александр Александрович не на шутку угрожал ему. Я велел Владимиру Александровичу выйти из засады и обещал, что никто его не тронет, а Александру Александровичу сказал, что если он только дотронется до него, то не пойдет вечером к великому князю Константину Николаевичу. Этим средством я обоих успокоил»²⁶².

В опубликованных дневниках воспитателей Александра и Владимира Александровичей встречается множество упоминаний самого обычного мальчишеского поведения. Это поведение буквально прорывалось сквозь пристальную опеку воспитателей и, возможно, было неосознанной формой протеста против этой чрезмерной опеки. Воспитатели же в свою очередь использовали весь свой «арсенал» для того, чтобы держать мальчиков «в рамках». Конечно, когда в 1854 г. девятилетний Александр Александрович «шалил во время урока, прыгал по стульям или прятался под стол»²⁶³, воспитателям приходилось принимать меры. А 5 сентября 1861 г., встав «в шесть с четвертью часов... Александр Александрович был как-то особенно в духе с самого утра, что он выражал, ис-

пуская дикие горловые звуки. Впрочем, он прилежно приготовил уроки до 8 часов»²⁶⁴.

15 сентября братья играли после обеда в крокет и входили «в такой азарт, что со стороны ничего не слышно, кроме ругательств и насмешек»²⁶⁵. Видимо, это было обычной манерой игры братьев, поскольку через несколько дней воспитатель отметил, что «великие князья ужасно неприлично ведут себя во время игры; они решительно не могут играть спокойно и мирно и беспрестанно ругаются»²⁶⁶. Воспитатель, конечно, пытался бороться с таким поведением воспитанников: «Во время игры он больше ничего не делал, как ругался. Я вызвал Александра Александровича в особую комнату и при Николае Александровиче же довольно долго распекал его за это, обещая, что его в другой раз не допустят до игры за подобное невежество»²⁶⁷. Ради справедливости следует отметить, что не лучше вели себя и двоюродные братья сыновей царя. Когда в игре принял участие 11-летний великий князь Николай Константинович, то воспитатели буквально схватились за голову, поскольку этот воспитанник Мраморного дворца «так кривлялся и паясничал, что я был сам не рад, что взял его с собою»²⁶⁸. Иногда мальчики обзывались: «За чаем мне пришлось сделать выговор Александру Александровичу»²⁶⁹.

вичу за это несчастное слово «цинготный»»²⁶⁹.

Следует отметить, что даже после того как дети вырастали, они до своего совершеннолетия оставались жестко подчинены в своих действиях родителям, воспитателям, а после совершеннолетия и наставникам-попечителям. В качестве примера можно привести эпизод, мимоходом упомянутый в дневнике великого князя Сергея Александровича, которому в феврале 1877 г. шел двадцатый год. Тогда он отпрашивался у матери для того, чтобы поехать в театр посмотреть известного итальянского трагика, играющего в «Гамлете». Ему было разрешено²⁷⁰.

В семье Николая II практика наказаний детей оставались в целом традиционной. «Узаконенных» физических наказаний, конечно, не было, но детей периодически шлепали. И не обязательно родители. Сестра Николая II упоминала, что она сама «влепила затрещину племяннице Анастасии»²⁷¹. Примечательно, что Николай II также лично участвовал в «воспитательном процессе». Сохранились упоминания, что дочерям от отца, периодически «доставалось». Однако цесаревича Алексея, не смотря на все его выходки, никто и пальцем не трогал. А.А. Вырубова упоминает, что частенько доставалось самой шкодливой из дочерей Николая II – Анастасии. Однажды во время

обеда на «Штандарте», пятилетняя Анастасия залезла под стол и там начала щипать гостей: «Государь, поняв в чем дело, вытащил ее за волосы, и ей жестоко досталось»²⁷².

Детские игрушки

Взросление любого ребенка связано с игрушками. Причем для ребенка игрушкой может стать любая, даже случайная вещь. «Взрослая» или «детская», без разницы. При этом взрослые, конечно, стараются, чтобы ребенок получал игрушки «по возрасту» и чтобы они по возможности носили развивающий характер.

Игрушки бывают у всех детей, имели их и дети царя. Но в играх именитых детей присутствовала определенная специфика, обусловленная их высоким происхождением. Проще говоря, у царских детей и игрушки были «царские». Это совсем не значит, что они являлись дорогими. Многие из этих игрушек на почти подсознательном уровне воспитывали у детей то, что сейчас принято называть «чувством историзма».

Цесаревич Николай Александрович с погремушкой. 1869 г.

Например, сохранилась литография, на которой годовалый Николай II изображен с детской погремушкой в спальне Аничкового дворца. Конечно, это была не простая, а парадная погремушка. Усыпанную драгоценными камнями парадную погремушку изготови-

ли придворные ювелиры еще при Екатерине II. В качестве реликвии она передавалась каждому новорожденному наследнику престола. В 1869 г. ее подарила «милому Ники» бабушка – императрица Мария Александровна²⁷³. Ныне эта погремушка хранится в Алмазном фонде Московского Кремля.

Вел. кн. Александр Павлович с погремушкой

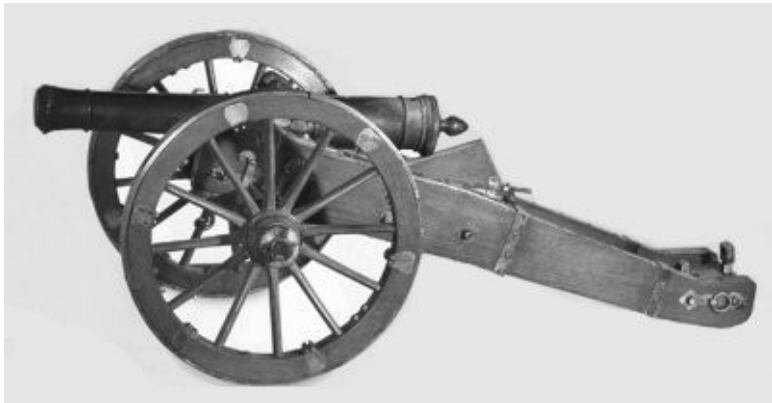
В свою очередь, сын Николая II цесаревич Алексей в 1910-х гг. играл лошадкой, которую еще в конце 1750-х гг. подарила Екатерина II своему сыну Павлу Петровичу. Конечно, забавляясь драгоценной погремушкой и облезлой лошадкой, они вряд ли осознавали то, что этими же игрушками когда-то играли их царственные предки. Но «войдя в возраст», они с удивлением узнавали, что с «их» любимой старой лошадкой играл еще император Павел I.

Следует отметить, что «по примеру прежних лет» вышедшие из употребления личные вещи, в том числе и игрушки, бережно хранились в дворцовых кладовках. Более того, их передавали по наследству, вне зависимости от их материальной стоимости и внешнего вида. Для членов семьи это были не просто старые игрушки, а ИГРУШКИ Александра I, Николая I и других российских императоров. В Аничковом дворце вплоть до революции 1917 г. хранились детские игрушки Николая II. И. Бабель так описывал свое «посещение» дворца в дни революции: «На столе горою лежали детские игрушки, разорванные тряпицы, изорванные книги с картинками... Остаток ночи мы провели, разбирая игрушки Николая II, его барабаны и паровозы, крестильные его рубашки и тетрадки с ребячьей мазней»²⁷⁴. В результате дети буквально с молоком матери впитывали чувство историзма и осозна-

ние своей преимствениости в череде правителей Рос-
сии.

Лошадка. Середина XIX в.

Модель полевой пушки. Россия. XIX в.

Как это обычно бывает, игрушки детям покупали родители, дарили бабушки и дедушки, многочисленные родственники. Игрушки мальчиков из рода Романовых так или иначе были связаны с армией. В 70-х гг. XVIII в. первыми игрушками великого князя Александра Павловича, будущего Александра I, стала миниатюрная шпага, сделанная Екатериной II из булавки, и маленькая шпага с деревянным клинком. Позже ему подарили детскую саблю «с рукоятью и оправой из золота с финифтью» в «ножнах из белого шагрин». Затем подарена маленькая турецкая сабля «с рукояткой и оправой золотом, с черною насечкою», в «ножнах из черного шагрин». Дарили и игрушечное огнестрельное оружие: «ящик с пятью маленькими детскими ружьями и парю маленьких пистолетов» с двумя ма-

ленькими детскими барабанами²⁷⁵.

Детский барабан Александра I. 1782 г.

Когда подросли младшие сыновья Павла I, Николай и Михаил, процесс их воспитания контролировался уже матерью – вдовствующей императрицей Марией Федоровной. Она приложила массу усилий, для того чтобы нейтрализовать «милитаристскую наследственность», столь характерную для мужской полови-

ны дома Романовых. Поэтому «военные» игрушки исключили из их обихода.

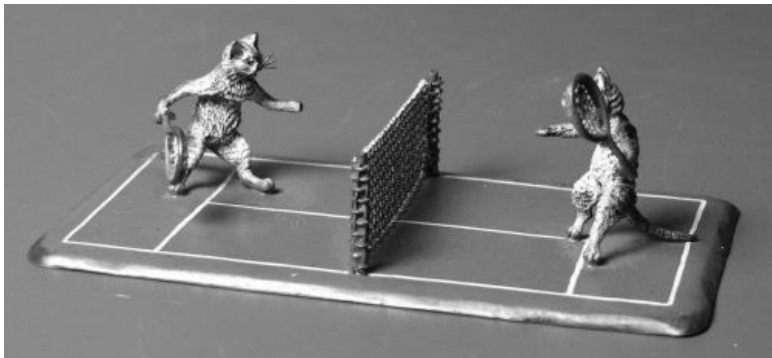
Солдатики. Западная Европа. Россия. XIX в.

До глубокой осени 1800 г. семья Павла I жила в Зимнем дворце, где для игр детей оборудовали специальную игровую комнату. Поскольку там же дети учились ходить, то «Зал для игр» был обтянут в нижней части стены, так же как и пол, стегаными шерстяными подушками зеленого цвета. Когда дети подросли, подушки убрали²⁷⁶. Некоторые из подаренных «игрушек» запоминались на всю жизнь. Спустя годы, Николай I, вспоминая свое детство, упомянул, что обершталмейстер граф Ростопчин от имени отца подарил ему «маленькую золоченую коляску с парой шотландских вороных лошадок с жокеем»²⁷⁷.

Даже детские игрушечные деревянные лошадки становились частью образовательного процесса, поскольку позволяли привить мальчикам основы верховой езды. Поэтому в феврале 1803 г. седельному мастеру Карлу Коссову выплатили деньги «за сделанные им убор, для деревянной лошади английское седло и принадлежности к ней»²⁷⁸.

Когда у Николая I появились дети, то он сам начал покупать им игрушки. Осенью 1824 г., находясь в Пруссии, он на 7 талеров купил у купца Гарнета игрушки для своих детей²⁷⁹.

Игрушки для детей покупались, конечно, «по возрасту». О том, что собой представляли эти игрушки, дают некоторое представление расходы по «Гардеробной сумме» Николая I. В марте 1834 г. англичанке «Его высочества Великого князя Константина Николаевича» выдали 300 руб. «за купленную чрез ее старинную пушку для его величества»²⁸⁰. В феврале 1835 г. в таможенную отправили пошлины 21 руб. 08 коп. «за военную игру, полученную из-за границы». В апреле 1838 г. уплатили деньги «механику Белау за взятый у него чрез графа Вильегорского циркуль для военной игры».

Игра в теннис. Австрия. Конец XIX в.

В 1840-х гг. Николай I начал оплачивать детские подарки уже для своих внуков. В декабре 1844 г. он, выбирая подарки к Рождеству, оплатил мастеру Орлову два детских ружья. В январе 1849 г. в магазин Вольфа отправлено 32 рубля «за игрушки». Последний «игрушечный счет» Николая I оплачен в ноябре 1851 г., когда в игрушечный магазин Пассажа «за 26 коробок нюрнбергских игрушек» отправили 13 руб. из расчета по 50 коп. за коробку²⁸¹.

Дети любили игры «в войну» или «в черкесских ординарцев». Летом 1849 г., когда маленькие сыновья Александра II были «на море» в Ревеле (Таллине), то они при помощи саперов построили в саду Екатериненталя настоящее земляное укрепление, торжественное названное ими фортом «Дебречин»²⁸².

Когда Николай, Александр и Владимир зимой проживали во дворце, то это были игры в солдатики, они раскрашивали картинки, складывали географические карты, золотили деревянные вещицы сусальным золотом²⁸³. По воскресеньям к ним приглашали ровесников, для достаточно серьезных игр «в мяч», тогда нередко случались травмы от «окаменевших» резиновых мячей, попадавших в лицо. Иногда с детьми играл и Николай I. Но были и тихие камерные игры в бирюльки.

К.А. Ухтомский. Детская дочерей Николая I. 1837 г.

Примечательно, что прогресс эпохи, как и сегодня, сопровождался «прогрессом игрушек». Наряду с «традиционными» игрушками в дворцовых игровых комнатах быстро появлялись и «технические новинки». Уже в сентябре 1861 г. 16-летний Александр Александрович «занимался пусканием в ход маленькой модели паровой машины»²⁸⁴. В 1863 г., когда младшие сыновья Александра II Сергей и Павел жили с матерью в Ницце, то в саду виллы Пельон для детей создали традиционную «игровую зону»: там, у маленького ручейка, для детей устроили целый мирок: домик, железная дорога, домики для их фарфоровых мопсов, заменявших им кукол²⁸⁵.

Были у царских детей, как и у всех детей, «свои» игрушки, которые они придумывали сами. Когда в 1860—1870-х гг. детей и внуков Александра II начали вывозить в Крым, то они, как и сегодняшние дети, собирали на берегу «камушки». Чтобы сохранить прелесть и яркость «мокрого» камушка, они покрывали их лаком и раскладывали на листах бумаги в шкафах²⁸⁶.

На эти «самопальные» игры накладывали отпечаток заботы родителей. А эти заботы носили преимущественно политический характер. К концу Крымской войны относится игра «Мопсополь», в которую будущий Александр III играл со своим старшим братом

Никсой. Собственно игра представляла серию рисунков выдуманного города под названием Мопсополь, в котором жили мопсы. Многие из этих мопсов очень походили на политических деятелей того времени. Видимо, о них часто упоминали во «взрослых» разговорах. Примечательно, что Александр III сохранил этот альбом как память о своем детстве и спустя многие годы показывал его своей маленькой дочери Ольге²⁸⁷.

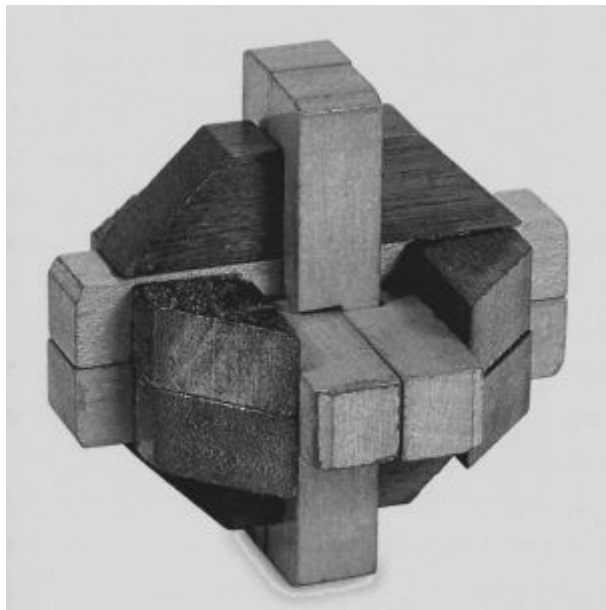
Один из друзей сыновей Александра III, описывая игровую комнату маленьких великих князей «образца» середины 1870-х гг. в Аничковом дворце, вспоминал: «Игровая комната великих князей волшебная. Во-первых, по полу идет железная дорога, маленькая, но настоящая, с тремя классами вагонов, стоят полки солдат с киверами, с касками, казаки в шапках, а вот лошади с гривами, верблюды с горбами, а вот Петрушка, вот медведь, вот Иван-дурак в клетчатых брюках, барабан, ружья в козлах, трубка с кисточкой, гора песку»²⁸⁸.

Сохранились счета, которые оплачивала императрица Мария Федоровна, покупая своим детям игрушки. 28 марта 1881 г. в «Игрушечном магазине Фохта» куплены: карета (14 руб.), три куклы (по 5 руб.), кукла (4 руб.), картинка для складывания (5 руб.), игра «Зоологический сад» (15 руб.), разных кукольных украше-

ний (2 руб. 50 коп.). Всего игрушек куплено на 60 руб. 50 коп.²⁸⁹ Надо сказать, что этот «детский счет» имеет непосредственное отношение к «большой истории». Дело в том, что 27 марта 1881 г. семья Александра III переехала в Гатчинский дворец, где начала обстраиваться в низких и сырых комнатах антресольного этажа Арсенального корпуса. Видимо, игрушек во дворце не оказалось, поэтому их срочно купили 28 марта и привезли в Гатчинский дворец для детей.

На Пасху для детей Александра III даже традиционные яйца покупались в магазинах, торгующих игрушками. Например, в «Магазине детских игрушек С.И. Дойникова» (Гостиный двор, № 73) на Пасху куплены: яйцо с мебелью (16 руб. 50 коп.), яйцо с куклой (10 руб.), яйцо с музыкой, яйцо плетеное, яйцо красное, яйцо с гардеробом, яйцо с музыкантами. Всего на 138 руб.

Когда будущий Николай II подросток, он стал принимать участие в различных представительских мероприятиях со своим отцом Александром III.

Головоломки. Начало XX в.

В этих случаях подарки подростку соответствовали его официальному положению и чину. В ноябре 1881 г. 12-летнему Николаю Александровичу преподнесли детскую казачью шашку образца 1881 г. (общая длина 76,5 мм, длина клинка – 67 см, резной вензель с буквами «НА» под императорской короной) по случаю его назначения атаманом Казачьих войск России. Для подобных подарков соблюдалось обязательное

требование – подарок должен был во всем соответствовать стандартному образцу, за исключением размеров²⁹⁰. Когда наследнику исполнилось 20 лет, поднесли последний «подростковый» подарок – детскую казачью винтовку «Бердана № 2» (без спусковой скобы и с уменьшенным стволом, была на вооружении с 1870 по 1891 г., общая длина – 82 см). Ее преподнесли цесаревичу великому князю Николаю Александровичу 22 сентября 1888 г. в Екатеринодаре во время его визита (вместе с отцом) в земли Кубанского казачьего войска. Винтовка выполнена «детской» потому, что визит этот предполагался много раньше, и ее изготовили «под подростка»²⁹¹.

Когда в семье Николая II появились дети, то и им начали дарить игрушки. Здесь следует упомянуть еще об одной категории детских игрушек. Это игрушки подаренные, «на государственном уровне» во время официальных визитов. Например, во время первого официального визита Николая II и Александры Федоровны во Францию в 1896 г., восторженно встречавшую российских монархов, хозяева не забыли и годовалую великую княжну Ольгу Николаевну, которую родители взяли с собой в поездку. От лица президента Французской республики княжне подарили «на вырост» сундук для кукольного приданого и игрушечный

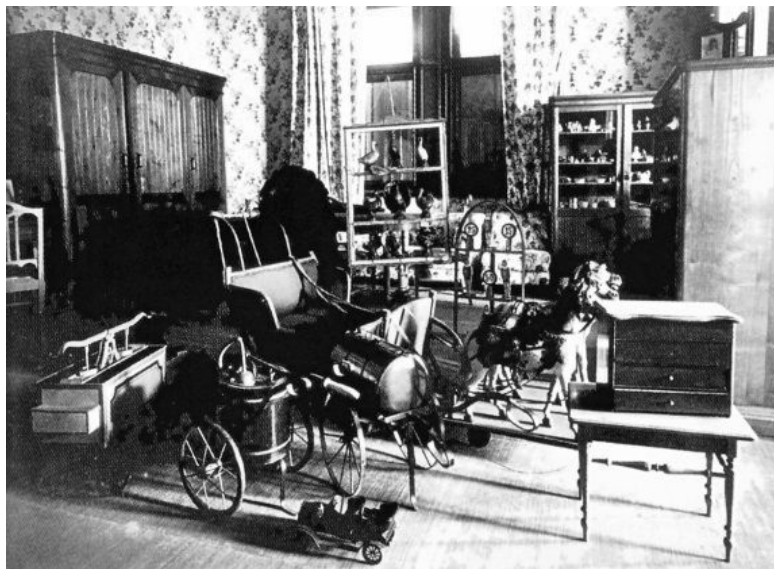

Игровая комната цесаревича Алексея в Александровском дворце

Очень редко дети имели возможность сами выбирать себе игрушки. Это могли делать дочери Николая II либо в Ялте, либо за границей. Няня-англичанка упоминает, как в 1900 г. в Дармштадте она зашла с 5-летней великой княжной Ольгой Николаевной в магазин игрушек. Ольга долго выбирала и, наконец, попросила купить ей самую маленькую игрушку. Когда ее просили выбрать что-нибудь еще, то она отказалась это сделать, заявив, что другие красивые игруш-

ки купят другие девочки.

Большая часть игрушек оказывалась в игровых комнатах царских детей в качестве подарков. Иногда детям дарили игрушки простолюдины. «Простолюдин» Г.Е. Распутин в 1913 г. подарил цесаревичу Алексею подарочный набор: шашку в ножнах, портупею и газыри. Подарок был очень дорогой, поскольку оружие изготовили знаменитые мастера дагестанского села Кубачи.

Игровая комната Алексея на Нижней даче Царского Села

По мере того как росли дети, во всех император-

ских резиденциях Николая II возобновлялись игральные комнаты. При этом игрушки девочек хранились в их комнатах, а цесаревичу Алексею «по статусу» выделили «свою» отдельную игровую комнату.

Сохранилось несколько фотографий и описание игровой комнаты цесаревича Алексея в Александровском дворце Царского Села. Большая угловая комната на втором этаже Александровского дворца была буквально забита игрушками. В одном из углов комнаты находилось возвышение – подиум. Там был устроен уголок из детской и игрушечной мебели. Из этого множества игрушек следует упомянуть золоченый стул с музыкальным ящиком. Музыка начинала играть, когда ребенок садился на стул. У подиума находилась стойка с детскими ружьями. Там же хранилась настоящая ручная граната системы Лишина, присланная наследнику с фронта в 1916 г. В игровой находились доспехи средневекового рыцаря, индейское снаряжение – две пироги, луки, головной убор и вигвам. Множество моделей было расставлено вдоль стен: модель четырех трубного миноносца, модель госпитального фургона, модель пулемета и пушки. Под потолком крепились модели самолетов. На фотографии хорошо видна большая собака из белого шерстяного плюша с рыжими ушами, на колесах с механизмом. Это – подарок наследнику от кайзера Гер-

манской империи Вильгельма II. Имелись в комнате и игрушки с политическим подтекстом. Один из клоунов-паяцев был изготовлен с лицом известного германского революционера Бебеля.

При подборе игрушек в игровых комнатах цесаревича учитывалась и «география» резиденции. В Ливадийском дворце в Крыму у цесаревича Алексея в «собственной» игровой преобладала морская тематика, учитывая, что сам дворец расположен на морском побережье. Там хранилась целая флотилия подводных лодок и военных кораблей. Разноцветные сигнальные флажки знакомили наследника с морской азбукой.

У каждого из детей постепенно формировалась своя библиотека. Книги отмечались личными экслибрисами, выполненными для каждого из детей художником и хранителем Отдела драгоценностей Императорского Эрмитажа бароном А.Е. Фелькерзамом²⁹³.

Образование императорских детей

Не всегда российских императоров можно включить в интеллектуальную элиту своего времени, но то, что они получали добротное образование на уровне своей эпохи, бесспорно. Родители, конечно, могли себе позволить пригласить лучших преподавателей и методистов, которые и выстраивали образовательный процесс.

Особенности домашнего образования Александра I

Все без исключения российские императоры и великие князья получили *домашнее образование*. Это было нормой для золотого века русского дворянства XVIII первой половины XIX вв. Во второй половине XIX в., когда разночинцы, выходцы из купеческих и буржуазных семейств, пошли в университеты, вынашивались планы образования великих князей в университетах, однако, вплоть до 1917 г. молодая поросль Романовых в целом продолжала получать высшее образование в домашних условиях. Конечно, великим князьям лекции читали лучшие университетские профессора. Только некоторые из великих князей последней поросли Романовых накануне Первой мировой войны позволили себе посещение такого привилегированного учебного заведения, как Училище правоведения. Первым из них стал сын великого князя Константина Константиновича Романова Олег Константинович.

На протяжении XIX в. сложились свои традиции в домашнем образовательном процессе, проходившем в императорских резиденциях. Этот процесс имел множество граней.

Образование российских монархов в XVIII в. носило фрагментарный характер или явилось результатом самообразования. Начиная с внуков Екатерины II, *домашнее образование* великих князей принимает *системный характер* в духе новаций, привнесенных в систему образования России И.И. Бецким. Реализовывали эти новации в Зимнем дворце различные преподаватели, но самой заметной фигурой среди педагогов Александра I стал швейцарец Фридрих Цезарь Лагарп.

Сначала Лагарп (воспитанники называли его Петром Ивановичем) с 1784 г. преподавал французский язык. Позже он стал преподавать всеобщую историю, арифметику, географию, философию, законоведение. Со временем Лагарп превратился для Александра не столько в авторитетного наставника, сколько в старшего друга. Педагогическая деятельность Лагарпа при Императорском дворе продолжалась десять лет, с 1784 по 1794 г. Добрую память о своем учителе Александр I пронес через всю жизнь. Свидетельством тому было то, что в 1814 г. Александр I произвел Лагарпа в генерал-лейтенанты, наградив при этом высшим орденом Империи – орденом Андрея Первозванного.

Другие учителя не оставили столь заметного следа в душе Александра I, но все они были, безуслов-

но, профессионалами. Коллегами Лагарпа служили профессор физики Крафт, знаменитый академик Паллас, читавший ботанику, и математик Массой. Русский язык преподавал известный писатель и моралист М.Н. Муравьев, а закон Божий – протоиерей А.А. Самборский. Координировал образовательный процесс главный воспитатель великих князей граф Н.И. Салтыков.

Сроки завершения образования процесса определялись не только возрастом, но и политическими соображениями. Для Александра I образование завершилось достаточно рано, что было связано с ранней женитьбой великого князя (в 16 лет) на 14-летней принцессе Луизе Баденской, в православии великой княгине Елизавете Алексеевне.

Домашнее образование Николая и Михаила Павловичей

По-иному получали образование младшие братья Александра I – великие князья Николай и Михаил Павловичи. Это связано не только с тем, что у старших и младших братьев была большая разница в возрасте, а, прежде всего, с тем, что в начале XIX в. в образовательной практике отказались от гуманистических идей Бецкого и вернулись к универсальному образовательному методу – насилию. Характерно, что насилие, как методическую основу преподавания, полностью разделяли родители мальчиков – император Павел I и императрица Мария Федоровна.

Образовательный процесс для великого князя Николая Павловича начался в 1802 г., т. е. когда ему исполнилось 6 лет. Образование будущего Николая I началось с «легких» уроков. Первой регулярной учебной дисциплиной стали уроки танцев. Занятия шли довольно успешно, и уже в 1803 г. семилетний Николай танцевал с сестрою Анной сочиненный ею небольшой балет²⁹⁴. Уроки танцев для великих князей давал французский балетмейстер Лепик, а с 1807 г. – Гуар. Наряду с танцами мальчиков начали учить му-

зыка (англичанин пианист Теппер фон Фергюссон) и верховой езде. Позже в расписании появились уроки гимнастики и фехтования.

Постепенно число уроков увеличивалось. Именным указом 14 января 1802 г. генерал-майору И.И. Ахвердову поручается преподавать великим князьям русскую словесность, историю, географию и статистику. Однако регулярные занятия по этим дисциплинам начались только с 1804 г. Причем новые дисциплины вводились постепенно: с 1804 г. – русская история, география и арифметика, с 1806 г. – геометрия и с 1808 г. – алгебра. С 1807 г. великим князьям начали преподавать физику.

Генерал Иван Исаевич Ахвердов, который вел пять предметов, имел серьезный педагогический опыт, поскольку 12 лет (1764–1776 гг.) преподавал в Шляхетском кадетском корпусе. Своих воспитанников он знал еще с октября 1799 г., когда его определили «кавалером при воспитании Великих Князей Николая и Михаила Павловичей».

Надо заметить, что педагогическая деятельность при Императорском дворе приносила весомые служебные дивиденды.

При первом экзамене 22 мая 1806 г. император Александр I, довольный успехами своих августейших братьев, выразил наставнику «Свою признательность

и особенное благоволение» и пожаловал Ахвердову «при милостивом рескрипте» орден Св. Анны I степени, а 12 октября 1807 г. произвел его в чин генерал-лейтенанта.

К перечисленным выше урокам мальчики относились по-разному. Одни нравились меньше, другие – больше. Однако самые большие трудности у Николая Павловича вызывали древние языки²⁹⁵. С русским языком (П.А. Ушаков) и новыми иностранными языками²⁹⁶ особых проблем не возникало, тем более что их вели «носители языка» и, кроме того, часть предметов (всеобщая история и география) читались на французском языке швейцарцем бароном Дю-Пюже.

С 1802 по 1809 г. великие князья Николай и Михаил учились по программе начального и среднего образования начала XIX в. С 1809 г. 13-летнего Николая Павловича начали учить по университетской программе. Такое форсирование не было случайным, поскольку именно тогда старшие братья Александр I и Константин Павлович сделали первую «прикидку» на возможную передачу власти именно в руки третьего сына Павла I. С этого времени получение добротного образования великим князем Николаем становится важнейшей государственной задачей.

Именно тогда впервые в семье Романовых начина-

ет просчитываться возможность получения образования великими князьями Николаем и Михаилом в стенах государственного учебного заведения. Этот вариант рассматривался в период, когда одним из ближайших советников Александра I еще оставался отец русского либерализма М.М. Сперанский. Сначала вынашивалась идея отправить великих князей в один из германских университетов, однако от этой идеи быстро отказались, поскольку политическая ситуация в Европе осложнилась. Потом появилась идея создать для великих князей элитарное учебное заведение, своеобразный университет для великих князей, в котором вместе с ними будут учиться представители только высшей российской аристократии. Императрица Мария Федоровна отнеслась к этой идее благожелательно. Замысел начал воплощаться в жизнь на уровне документов и, не без влияния Марии Федоровны, из программ проектируемого Царскосельского лицея изгнали все, имеющее отношение к военному делу. Однако Александр I решительно воспротивился этим проектам, поскольку он считал совершенно абсурдным воспитывать великих князей в общественном учебном заведении. В результате великие князья продолжили свое домашнее образование. Но идея об элитарном учебном заведении не умерла, а воплотилась в знаменитый Царскосельский лицей, открытый

19 октября 1811 г.²⁹⁷

Образование Николая Павловича по «университетской программе» продолжалось с 1809 по 1814 г. Из преподавателей «университетского» периода можно упомянуть И.И. Ахвердова (русская история), Дю-Пюже (всеобщая история), академика А. К. Шторха (политическая экономия), М.А. Балугьянского (история права), профессора Педагогического института В. Г. Кукольника (римское, гражданское и естественное право).

Особую роль в образовании Николая I сыграли преподаватели Первого кадетского корпуса: академик В.Л. Крафт (математика, физика и инженерное искусство), генерал К. И. Опперман (тактика), полковник Маркевич (артиллерия) и полковник Джанотти (инженерное дело)²⁹⁸. Следует отметить, что Николай I, повзрослев, позиционировал себя именно как *военного инженера*, говоря о себе «Мы, инженеры». Это был первый и, пожалуй, последний российский самодержец XIX в., который говорил о себе так, с полным на то правом. Остальные монархи имели универсальное гуманитарно-юридическое образование.

Примечательно, что теоретические занятия по военным дисциплинам дополнялись практическими занятиями. В 14 лет Николай Павлович вместе с младшим братом, великим князем Михаилом зачисляются

в сформированную в 1810 г. из пажей лейб-гвардии Дворянскую роту «потешного» характера. Как следует из названия, роту сформировали специально «под великих князей». В ней Николай исполнял обязанности командира полувзвода и ротного адъютанта, носил чин штабс-капитана и именовался Романов 3-й (первым был Александр I, вторым – великий князь Константин Павлович). Его рано увлекла внешняя сторона военной службы: караулы, придворные церемонии, особенности формы. Впоследствии он не раз называл себя ротным командиром, а отношения с людьми строил на началах военной дисциплины. Это далеко не всем нравилось, и Николай Павлович, поначалу, не был популярен в гвардии.

Насколько эффективна была система образования великих князей? Как сам император Николай I впоследствии оценивал уровень собственного образования?

Следует признать, что, несмотря на достаточно высокий для своего времени уровень преподавателей, эффективность учебного процесса оказалась достаточно низкой. Схоластическая метода преподавания, основанная на бездумном зазубривании материала, характерна и общепринята для всей системы военно-учебных заведений того времени.

На усвоении материала сказывался и непростой

характер великого князя. Гуманитарные науки мало интересовали Николая Павловича, пожалуй, за исключением истории. Особенно ненавистны были древние языки – латынь и греческий. Юридические науки для великого князя не соотносились с повседневной реальностью и также отторгались им. Николай I, вспоминая о годах своего ученичества, не раз говорил, что «на уроках этих господ мы или дремали, или рисовали какой-нибудь вздор, иногда их собственные карикатурные портреты, а потом к экзаменам выучили кое-что в долбежку. Без плода и пользы для будущего»²⁹⁹.

С другой стороны, будущего императора с детства привлекали прикладные науки. Он охотно занимался физикой, прекрасно рисовал и гравировал на меди, с увлечением учился военным наукам. Однако в целом научное образование великого князя было поставлено слабо, и он сам называл его «бедным».

Учебные занятия продолжались с 1802 по 1814 г. В целом, учителя, занимавшиеся с Николаем Павловичем, оставили очень слабый след в его душе. Став взрослым, он часто ощущал пробелы в полученном образовании, и это вызывало у него искреннюю досаду и на учителей, и на «потерянные годы».

Образование великого князя завершилось в 1814 г. Однако «шлифовка» продолжалась фактически до

женитьбы. В 1814 г. Николай отправился в побежденную наполеоновскую Европу. В 1816 г. предпринял путешествие по России с образовательной целью. В 1817 г. Николай Павлович в возрасте 24 лет женился, и с этого времени началась его взрослая жизнь.

Образовательные новации в обучении детей и внуков Николая I

Собственный печальный опыт Николая I и понимание того, что его сын должен стать преемником, заставили императора крайне серьезно отнестись к организации учебного процесса старшего сына, как к образовательной программе, так и подбору преподавательских кадров.

Прежде всего стоит отметить, что «солдафон» Николай I в качестве «методиста», отвечавшего за образовательный процесс, с правом определения программы и подбора кадров назначил поэта В.А. Жуковского. Поэта, а не генерала!!! Безусловно, это стало прорывом в подходе к образованию детей при Императорском дворе. Однако традиция оставалась традицией, и «по образцу прежних лет» главным воспитателем к наследнику-цесаревичу назначен генерал П.П. Ушаков.

Общеизвестно, что В.А. Жуковский потратил на составление «Плана учения» около полугода, закончив его к осени 1826 г. В «Плане» весь период обучения будущего императора разделялся на три периода. Первый – с 8 до 13 лет – предполагал «приготовительное учение», то есть изучение общеобразова-

тельных дисциплин. Второй период – с 13 до 18 лет – предусматривал «учение подробное» и третий период – с 18 до 20 лет – «учение применительное». Николай I утвердил план учения, представленный В.А. Жуковским. Он внес только одну поправку, исключив из образовательной программы сына латинский язык.

Личным решением Николай Павлович изменил и систему военной подготовки своих сыновей. Вместо создания «потешной» роты «под цесаревича» он приказал зачислить в июне 1827 г. девятилетнего великого князя цесаревича Александра Николаевича в списки кадет Первого кадетского корпуса, отложив начало практического обучения сына в петергофских лагерях на 2 года.

Все время цесаревича, как учебные, так и не учебные часы, было расписано буквально по минутам. *Летние каникулы* у цесаревича продолжались *полтора месяца*, с середины июня по 1 августа. При этом эти «каникулы» цесаревич проводил в петергофских лагерях с кадетами. В.А. Жуковский, борясь с фамильной чертой Романовых, предложил военную подготовку мальчика ограничить только этим временем. Впервые в лагеря вместе с кадетами цесаревич вышел из Петербурга в 1829 г. в возрасте 11 лет. Вышел в буквальном смысле в одном строю с кадетами. Позже военные лагеря дополнили изучением ружейных

приемов в залах Зимнего дворца.

В 1860—1870-х гг. у сыновей Александра II *каникулы* приобретают несколько размытый характер. Поскольку учебный процесс часто прерывался представительскими обязанностями и поездками, то у детей учеба стала идти фактически без перерывов, в течение всего года. Занятия полностью прекращались лишь при поездках за границу или в Крым. Однако прекращение занятий компенсировалось широкой гуманитарной программой поездок. Дети активно посещали галереи, музеи, осматривали различные достопримечательности³⁰⁰.

Обычно В.А. Жуковскому приписывают главные заслуги в прекрасном образовании Александра II. Роль В.А. Жуковского в этом была действительно велика, но вместе с тем это не совсем так. Сами царственные воспитанники впоследствии весьма критически оценивали педагогические способности поэта, да и конкретные методические новации носили достаточно спорный характер. Поэтому правильнее считать главной заслугой В.А. Жуковского то, что он изменил образовательную концепцию, а честь ее практического воплощения с существенными коррективами принадлежит капитану К.К. Мердеру и главному воспитателю генералу П.П. Ушакову.

Одна из дочерей Николая I писала о В.А. Жуков-

ском: «На его долю выпала незаслуженная слава составления плана воспитания наследника престола... я склонна признать за ним красоту чистой души, изображение поэта, человеколюбивые чувства и трогательную веру. Но в детях он ничего не понимал»³⁰¹. По ее же свидетельству, при выборе учителей больше следовали советам пастора Мульрата, возглавлявшего лучшее частное учебное заведение Петербурга: «Благодаря прекрасным преподавателям и Мердеру с его практическим умом влияние Жуковского не принесло вреда»³⁰².

Императрица Александра Федоровна, хорошо зная В.А. Жуковского, писала о воплощении его методов на практике. В августе 1826 г. императрица сообщала В.А. Жуковскому, что «занятия идут хорошо; г. Жилль мне понравился с первого взгляда. В Царском Селе я иногда присутствовала на уроках»³⁰³. В августе 1827 г.: «...Он целый день играл в саду с двадцатью кадетами, выбранными за хорошее поведение и умеющими прилично держать себя»³⁰⁴. В феврале 1833 г. сообщала, что «наш чудный Мердер скоро покинет нас; вы чувствуете, какое это будет горе для вашего Александра и для всех нас. Сашею очень довольны, он готовится к экзамену перед своим отцом... не забывайте меня, пишите мне и берегите себя, мой ми-

лый Жуковский, так как вы очень нужны³⁰⁵.

Поскольку физические наказания исключались по отношению к цесаревичу, то воспитатели пытались повышать его мотивацию к занятиям самыми разнообразными методами. *Во-первых*, для цесаревича подобрали двух ровесников³⁰⁶, которые должны были пробудить дух конкуренции и соревновательности. *Во-вторых*, Николай I внимательно следил за успехами сына и, как правило, присутствовал на всех экзаменах. Он даже как-то высказал намерение самому читать сыну курс российской истории: «Учителем русской истории был Арсеньев. Император ему сказал: «До Петра – вы, а с Петра – я»»³⁰⁷. *В-третьих*, использовались различные педагогические игры. Для оценки знаний цесаревича были изготовлены деревянные шары и ящик. За хороший ответ в ящик опускался белый шар, за плохой – черный. В конце недели подводились итоги. Тот, у кого оказывалось больше белых шаров, получал право истратить определенную сумму на благотворительность³⁰⁸.

Следует учитывать и специфику образования в самой императорской резиденции. Это была не «чистая» учеба, она тесно переплеталась с придворными церемониями и обязанностями. В придворных торжествах наследник начал принимать участие с 11 лет. Во

время больших и малых выходов цесаревич обычно шел в паре со своим дядей – великим князем Михаилом Павловичем.

Например, в праздник, 6 января 1829 г., в день традиционного водосвятия, наследника подняли, как обычно, в 6 часов утра. До 7 часов он приводил себя в порядок и завтракал. С 7 до 8 часов утра он читал избранные места в Евангелии, относящиеся к празднику водосвятия. Затем с 8 до 9 часов цесаревичу было предоставлено «личное время», а в 9 часов утра великий князь надел офицерский мундир лейб-гвардии Павловского полка и пошел к отцу Николаю I, с которым прошел в парадные залы дворца, где уже выстроились гренадерские взводы от всех батальонов гвардейских полков. Николай I, проходя мимо Павловского взвода, приказал 11-летнему великому князю встать «во фронт» на место поручика. После церемонии Николай I поручил цесаревичу угостить всех нижних чинов чаем³⁰⁹. Это тоже были уроки «по профессии».

Будние дни, как правило, проходили следующим образом. Цесаревич Александр Николаевич и его товарищи-ровесники, граф Иосиф Виельгорский и Александр Паткуль, которых поселили в Зимнем дворце, поднимались в 6 утра. Затем они завтракали, молились и готовились к урокам. Уроки, или, как тогда го-

ворили «классы», начинались в 7 утра и продолжались до 12 часов. Для мальчиков предусматривалась «большая перемена» (с 9 до 10 часов утра) для отдыха. После 12 часов два часа выделялось на прогулку. С 14 до 15 часов дети обедали. Затем до 5 часов играли, гуляли и отдыхали. С 5 часов до 7 вечера вновь были «классы». С 7 до 8 вечера мальчики занимались гимнастикой и различными играми. В 8 часов они ужинали. Два часа выделялось на личные нужды, причем в это время входило обязательное писание дневника. В 10 часов – отбой. В воскресные и праздничные дни вместо уроков оставалась гимнастика, игры, чтение и ручная работа.

Учебные занятия по плану В.А. Жуковского начались осенью 1826 г. Постепенно сложился костяк преподавателей-предметников, которые вели занятия у трех мальчиков. Всеобщую историю и французский язык вел женеvский швейцарец мосье Жилль³¹⁰. Как вспоминала Ольга Николаевна, говорил он не слишком понятно, зато писал очень отчетливым и ясным языком и «требовал от нас, чтобы мы записывали его лекции, чем приучил нас к быстрому писанию»³¹¹. После окончания курса наук Николай I назначил его заведующим библиотекой и хранителем арсенала в Царском Селе. Немецкий язык вел секретарь импера-

трицы Александры Федоровны Шамбо³¹²; английский – Альфри.

Арифметику преподавал академик Коллинс. Затем ему на смену пришел профессор Академии наук Ленц, он преподавал физику и в нем «Соединились большие знания и добродушие».

Видимо, в отличие от преподавателя истории, Коллинс и Ленц могли заинтересовать и учеников и учениц своим предметом. По крайней мере, Ольга Николаевна упоминает, что «была страстно увлечена химией и следила с большим интересом за опытами, которые производил некто Кеммерер, его помощник. Он показывал нам первые опыты электрической телеграфии, изобретателем которой был Якоби». Более того, «уже в то время мы получили понятие о подводных снарядах, впоследствии торпедах»³¹³.

Вскоре помощником К.К. Мердера назначается его товарищ по Первому кадетскому корпусу капитан Юрьевич, он преподавал польский язык, выполнял репетиторские обязанности по арифметике и организовывал гимнастические игры внутри Зимнего дворца. В.А. Жуковский преподавал русский язык, общую грамматику, основы физики и химии. В последующие годы состав учителей менялся мало. Например, учителя немецкого языка Шамбо заменил Эртель.

После двух лет учебы в июле 1828 г. состоялись

первые «полугодовые» экзамены, они продолжались 4 дня. Поскольку экзамен носил домашний характер, то их принимали сами учителя, но при этом на экзаменах присутствовала бабушка – вдовствующая императрица Мария Федоровна. В целом учителя остались довольны, отметив хорошую наследственную память цесаревича. После сдачи экзаменов на протяжении целых шести недель были каникулы. В это лето мальчик научился хорошо стрелять и плавать.

В конце января 1829 г. провели первый «годовой» экзамен. Поскольку экзамены сдавались по всем проходным предметам, процедура заняла 10 дней (с 24 января по 2 февраля). На этих экзаменах присутствовали родители цесаревича. Результатами экзамена Николай I остался доволен.

В 1829 г. число преподавателей увеличили, что связано с расширением программы. В курс обучения цесаревича включили «Всеобщую историю», которую читал на французском языке преподаватель частного пансиона Липман, «Химию» – академик Кеммерер и «Естественную историю» – академик Триниус. «Отечественную историю» будущему императору преподавал Жуковский. Царским дочерям «Отечественную историю» читал М.М. Тимаев. Ольга Николаевна называет его педантом и сухарем. Она пишет, что он «был единственным нашим преподавателем, который

экзаменовал нас и наказывал, заставляя переписывать что-либо, за малейший проступок. Нужно было принести в жертву свою любовь к Отечеству, чтобы учить его уроки»³¹⁴.

Кроме этого среди преподавателей были учитель чистописания Рейнгольд, фехтования – Сивербрик и танцев – Огюст. Детей продолжали активно развивать физически: шли регулярные уроки фехтования, занятия верховой ездой, гимнастикой. Мальчики совершали пешие прогулки, катались с ледяных гор в саду Аничкова дворца.

В 1830 г. в курс обучения ввели географию со статистикой России (преподаватель Арсеньев) и русскую словесность (преподаватель Плетнев). По характеристике Ольги Николаевны, «он (Плетнев. – И. З.) был очень посредственным педагогом», но «его влияние на наши души и умы было самым благодатным»³¹⁵.

Следует отметить, что преподавание царским детям являлось делом не только профессионального престижа, но и весьма хорошо оплачиваемым занятием. Конечно, все они совмещали преподавание в Зимнем дворце со своей основной работой, но при этом в Зимнем дворце все они получали 300 руб. серебром в год и после окончания курса получали эту же сумму пожизненно, как пенсию³¹⁶. Причем пенсия шла за

каждого из высокорожденных учеников отдельно. Например, преподавателю русской истории М.М. Тимаву за занятия с великой княжной Марией Николаевной пожаловали пенсию в 1000 руб. и такую же пенсию «положили» по прекращении занятий с великой княжной Ольгой Николаевной.

В 1831 г. образовательный курс не претерпел изменений, но в организации досуга, кроме первых охот на зайцев и уток, началось издание рукописного журнала «Муравейник». Этот журнал издавал цесаревич со своими товарищами.

Те же самые преподаватели занимались в 1840-х гг. со вторым сыном Николая I, великим князем Константином Николаевичем. Второй сын был порфирородным, то есть родившимся в то время, когда его отец уже стал императором. Мальчик отличался непомерным честолюбием и оказался очень способным. Барон М.А. Корф читал Константину право. В 1844 г. в присутствии родителей для Константина провели экзамены, «продолжавшиеся несколько недель сряду», на которых, по сложившейся традиции, присутствовали Николай I и Александра Федоровна³¹⁷.

В 1830-х гг. по несколько облегченной программе занимались и с тремя дочерьми Николая I. Ольга Николаевна упоминает, как в 1835 г., во время поездки в экипаже, «пока Мама читала», она зубрила «истори-

ческие даты по картинкам Жуковского»³¹⁸. За курсом ее учения еще в 1837 г. внимательно следила воспитательница Анна Алексеевна Окулова. Девочке торопились дать базовый образовательный курс, поскольку предполагалось, что она выйдет замуж в 16 лет.³¹⁹

Николай I, организовав подобную систему образования своих детей, рассчитывал, что его личный пример подвигнет российских аристократов применить для образования собственных детей подобные методики. Главной же целью образования детей он считал их честное служение России. В письме к своему постоянному корреспонденту И.Ф. Паскевичу Николай I в июле 1836 г. писал: «Сегодня отправляю сына Константина с флотом в море на 15 дней; и хотя ему только еще 9 лет, но оно нужно для подобного ремесла начинать с самых юных лет; хотя и тяжело нам, но должно другим дать пример»³²⁰.

Во второй половине 1840-х гг. уже дети цесаревича Александра Николаевича один за другим стали усаживаться за парты. Кроме этого, появились дети и у старшей дочери Николая I – великой княгини Марии Николаевны. Семья разрасталась. Николай I, подготавливая место для уроков детей, в 1842 г. распорядился пристроить к восточному фасаду Коттеджа так называемый «учебный балкон»³²¹, где его младшие

дети и внуки могли бы готовить уроки. Позже, в 1879 г. потолок этого балкона затянули полосатой материей, а стены расписали «под ткань», чтобы облик помещения напоминал шатер³²².

Старшего внука Николая I – Никсу усадили «за парту» в мае 1846 г., когда мальчику шел только третий год. На многие годы «первой учительницей» для детей Александра II стала вдова ярославского помещика Вера Николаевна Скрыпицына. У нее был богатый педагогический опыт, поскольку она являлась инспектрисой Воспитательного общества благородных девиц. Она обучала детей Александра II первоначальным молитвам, грамоте и начальному счету³²³. Вторым учителем Николая и Александра был, приставленный осенью 1848 г. «в комнаты» унтер-офицер лейб-гвардии Семеновского полка Тимофей Хренов. «Военный дядька»³²⁴ положил начало военной подготовке внуков Николая I, обучая их фронту, маршировке и ружейным приемам³²⁵. Военная подготовка мальчиков должна была вестись по программе кадетских корпусов. Примечательно, что Тимофей Хренов так и остался при дворце, последовательно обучая «фронту» всех сыновей Александра II. Когда он состарился, его оставили при дворце на положении камердинера³²⁶.

Собственно обучение старших сыновей Александра II началось в 1850 г., когда Никсе шел восьмой год, а Александру исполнилось шесть лет. Мальчики учились вместе. К этому времени Никса благодаря усилиям В.Н. Скрыпицыной уже умел читать и писать. Летом 1850 г. цесаревич Александр Николаевич получил первое письмо от Никсы, которому еще не исполнилось семи лет³³⁷.

В 1850 г., кроме занятий со Скрыпицыной и Хреновым, у Никсы и Александра появились новые учебные предметы: гимнастика (два раза в неделю, Август Линден, преподаватель Горного института, жалование за каждого ученика по 250 руб. в год); танцы (танцовщик Огюст по 144 руб. за каждого ученика и музыканту при танцовщице по 40 руб. в год) и верховая езда (г. Барш по 85 руб. за каждого из братьев)³²⁸.

У подраставших детей сложился свой распорядок дня. Летом 1852 г., когда дети вместе с матерью цесаревны Марией Александровной находились на отдыхе в Ревеле (Таллине), оно было следующим: в 7 часов дети вставали и шли купаться. Домой возвращались пешком и пили чай. Подъем детей в 6–7 часов утра был прочной традицией в доме Романовых. Купались в Балтийском море «здоровья ради», но купание, в 7 часов утра в холодном Балтийском море вряд ли могло вызвать восторг у детей. С 8.30 до 11

часов три дня в неделю протоиерей Рождественский проводил уроки Закона Божьего и церковного чтения на славянском языке. Другие три дня в это время дети посвящали изучению французского языка (преподаватель Куриар). С 11 до 11.30 дети завтракали. С 11.30 до 12.30 два раза в неделю под руководством дядьки Хренова мальчики обучались фронту, ружейным приемам, маршировке, «офицерским приемам с саблей» и стрельбе в цель. Были у мальчиков и «практические занятия». Периодически их вывозили на охоту на воробьев и куликов. Уже в этом возрасте они хорошо стреляли из ружья. С 12.30 до 14 часов ежедневно преподаватель Классовский проводил уроки русского языка. Примечательно, что в это время, по оценке преподавателя, семилетний Александр читал и писал «весьма порядочно» по-русски. В 15 часов дети обедали за столом цесаревны Марии Александровны. После обеда с 16–17 часов мальчики гуляли в саду. В 17 часов проводились повторные морские купания. Затем следовал вечерний чай, прогулка верхом или в экипажах. С 20 до 21 часа дети проводили вместе с матерью. В 21 час мальчики укладывались спать³²⁹.

После возвращения из Ревеля осенью 1852 г. система обучения детей меняется. Дети закончили *начальное образование*: русский язык, счет, француз-

ский язык, физические упражнения, военная подготовка, танцы, верховая езда и перешли к *образованию гимназическому*.

Осенью 1852 г. главным преподавателем детей цесаревича Александра Николаевича становится Яков Карлович Грот – зав. кафедрой русской словесности и истории Финляндского университета, выпускник Александровского Царскосельского лицея, личный секретарь М.А. Корфа. Начался подбор преподавателей для гимназического курса, этим занимался ректор Санкт-Петербургского университета профессор П.А. Плетнев.

Ведущим преподавателем становится Я.К. Грот, который вел шесть предметов: русский и церковнославянский языки, историю всеобщую и русскую, географию и немецкий язык. За ведение уроков (за каждый предмет) он получал по 285 руб. в год за каждого великого князя. Это была стандартная высшая педагогическая ставка в то время. Всего он зарабатывал «на великих князьях» 3420 руб. в год.

Наряду с Гротом приглашаются и другие учителя: математики, английского языка (лектор университета Шау), чистописания, рисования (академик Тихобразов), музыки (фортепиано), Закона Божьего (Бажанов), французского языка (Куриар), гимнастики, танцев, фехтования и верховой езды. Из «старых» учи-

телей остались Скрыпицына, которая помогала готовить уроки, и Хренов, по-прежнему обучавший мальчиков ружейным приемам и маршировке.

Любопытно, что должность учителя фехтования у великих князей занимал директор Института корпуса инженеров путей сообщения генерал-майор Сивербрик, он, единственный из преподавателей, отказался от платы за свою работу. Видимо, фехтование было семейным делом, поскольку отец Сивербрика преподавал фехтование еще маленькому Николаю I.

Естественно, новая учебная нагрузка изменила детский распорядок дня. Детей поднимали очень рано – в 6 часов утра. Их «рабочий день» делился на две части. На *утреннюю часть* (4,5 часа) приходились более трудные уроки, на *вечернюю часть* (1,5 часа) приходились легкие уроки. Соответственно ежедневно на уроки отводилось 6 «астрономических» часов. Кроме этого в «сетке часов» были запланированы часы на подготовку уроков (всего 3 часа, из них 1 час утром и 2 часа вечером). Следовательно, на «учебный процесс» ежедневно отводилось 9 часов. При этом надо учитывать, что в сентябре в 1852 г. Никсе исполнилось 9 лет, а Александру шел восьмой год.

Каникулы были. Маленькие – на Рождество и большие – в июле-августе – 6 недель. Как правило, их проводили в Петергофе, где в это время обычно жила

царская семья. В декабре 1852 г. Никса и Александр впервые сдавали «годовые экзамены» по всем предметам, которые они проходили с сентября. Потом эти экзамены стали проводиться ежегодно. Примечательно, что хорошая учеба способствовала «карьерному росту» маленьких великих князей. В декабре 1855 г., после блестяще сданного экзамена по географии, великого князя Александра Александровича произвели в поручики «за успехи в науках» и в 10 лет зачислили в Конную гвардию.

По семейной традиции, сложившейся еще во времена ученичества Александра I, учебная программа предусматривала «уроки труда». Осенью 1852 г., пока семья жила в Царском Селе, мальчики рисовали на пленэре, столярничали, возделывали каждый свой огород, учились точить на станке³³⁰.

Весной 1854 г. третьему сыну Александра II великому князю Владимиру минуло 7 лет и он, как и старшие братья, стал «ходить в школу». Преподавали ему те же учителя и по той же программе.

Важная особенность домашнего образования в Зимнем дворце состояла в том, что занятия с каждым из мальчиков шли *отдельно* или в крайнем случае в классе сидело два ученика. Но и при этом раскладе «отсидеться» на уроке было невозможно, поскольку каждый из мальчиков на каждом из уроков оказы-

вался с глазу на глаз с преподавателем. Им задавали домашние задания каждый день и контролировали их выполнение каждый день тоже. Взаимоотношения учеников и учителей предполагали, что и те и другие обращались друг к другу по имени-отчеству. Учителям сразу же запретили называть мальчиков «высочеством», разрешалось спрашивать своих учеников и ставить им самые жесткие оценки. Более того, родители просили учителей не баловать мальчиков, а обходиться с ними поостроже³³¹.

Конечно, учителя получали очень хорошее жалование и в перспективе им полагалась пожизненная пенсия, равная получаемому жалованью. Но при этом учителей в начале 1850-х гг. относили «к обслуге», образованной, но обслуге. Их положение стало совершенно иным по сравнению с тем положением, которое занимал В.А. Жуковский в 1830-х гг. Например, в отличие от Жуковского учителей только изредка приглашали к императорскому столу.

Иногда уроки детей посещали родители. Трудно сказать, знали учителя о предстоящем посещении или нет. Однако этих «внезапных» посещений, видимо, случалось очень немного. Осенью 1855 г. императрица Мария Александровна пришла на урок истории. По собственному выбору 10-летний Саша довольно внятно рассказал матери о Троянской войне³³². Это

посещение, скорее всего, не было случайным. Дело в том, что до февраля 1855 г. «окончательные решения», в том числе и по порядку обучения внуков, принимал император Николай I. В феврале 1855 г., после того как цесаревна превратилась в императрицу, Мария Александровна сама начинает принимать решения по всем вопросам, касавшимся обучения ее сыновей. Ей понадобилось некоторое время, для того чтобы разобраться в деталях, и уже весной 1856 г. образование ее сыновей решительно перестраивается.

Главное изменение заключалось в том, что образование цесаревича Николая Александровича (Никсы) решительно отделилось от учебного процесса его младших братьев. Следует отметить, что старший сын был любимцем матери. С ним она связывала самые радужные надежды. Образовательная стратегия стала следующей: с 1856 г. все лучшие учителя переходили исключительно к наследнику, а младшим сыновьям были предоставлены обычные гимназические учителя-предметники «средней руки».

Здесь необходимы пояснения. Конечно, Мария Александровна любила всех своих сыновей. Но при этом она – императрица, которая понимала, что должна обеспечить своему старшему сыну, будущему императору, безусловное лидерство, в том числе интеллектуальное. Она все время видела рядом со своим

мужем его младшего брата, блестящего и талантливового великого князя Константина Николаевича, которого молва постоянно прочила в императоры. Достаточно широко было распространено мнение, что Константин умнее и лучше подготовлен к правлению, чем его старший брат. Именно этой ситуации она, видимо, стремилась избежать.

Несмотря на положение Александра II, негласная конкуренция между братьями существовала всегда. В общественном сознании твердо сложилось мнение о существовании так называемой «партии Константина», с которой отчасти связывали покушения на его старшего брата. Поэтому императрица Мария Александровна, тщательно занимаясь со старшим сыном, «с некоторой ревностью относилась ко второму, словно опасаясь вреда от сравнений при одинаковой подготовке обоих братьев. Вероятно, не без влияния Марии Александровны при Дворе сложилось скорее неблагоприятное мнение об Александре Александровиче. Его считали неразвитым, недаренным, неутонченным, упрямым и непокладистым»³³³.

По мере взросления мальчиков их дневное расписание время от времени корректировалось. Осенью 1856 г. оно было следующим: подъем в 6.45. Затем дети приводили себя в порядок, завтракали и в 7.30 приступали к повторению уроков. В 9 часов они шли

здороваться с родителями и затем сопровождали отца на утренней прогулке. В 10 часов утра начинались «классы». Первый урок (с 10 до 11 и с 11 до 12 часов) отводился либо под верховую езду (раз в неделю) или гимнастику (четыре раза в неделю). Затем следовали еще два урока (с 12 до 13 и с 13 до 14 часов), отведенные для серьезных предметов. После 14 часов мальчики час или полтора могли поиграть. В 15.30 подавали обед, после которого с 16 до 17 часов они могли провести время с родителями. В 17 часов начинались вечерние уроки (фронтное учение, фехтование, гимнастика и танцы), которые продолжались до 19 часов. Иногда вечерние уроки заменялись беседами с учителями трех иностранных языков. С 19 до 20 часов у мальчиков наступало «личное время», когда они могли заниматься тем, чем хотели. Но при этом воспитатели очень настоятельно советовали часть «личного времени» отвести для чтения и ведения своих дневников. В 20 часов мальчики отправлялись на половину родителей, где в обществе отца и матери могли провести час. В 21 час они начинали готовиться ко сну.

Перечень уроков включал: два урока Закона Божьего, два урока русского, французского, английского и немецкого языков, два урока математики, рисования и верховой езды. По одному часу отводилось на историю, географию, чистописание, фехтование и фронт-

товое учение. Особое внимание уделялось физической подготовке, поскольку на гимнастику выделялось 6 часов в неделю.

А.М. Горчаков

Таким образом, с осени 1856 г. «классы» ежедневно занимали три часа, и от 2,5 до 3,5 часа мальчики готовили уроки. Остальное время отводилось на физические упражнения и прогулки. Некоторое время по-прежнему отводилось на беседы с носителями языка. Всего набиралось 45 учебных часов в неделю, включая время приготовления уроков и бесед с учителями иностранных языков³³⁴.

Кроме этого императрица Мария Александровна, определяя стратегию высшего образования своих сыновей, и прежде всего старшего, в 1856 г. привлекла авторитетных для нее людей, которые составили альтернативные образовательные проекты.

М.П. Погодин

Один проект составил светлейший князь, министр иностранных дел, выпускник Царскосельского лицея «пушкинского» набора А.М. Горчаков. По его мнению, великие князья должны были получить *универсальное образование университетского типа*. Программа Горчакова окончательно закрепила возрастные стандарты получения образования великими князьями. Первый период обучения (*гимназический курс*) продолжался с 7 до 16 лет, второй – с 16 до 19 лет

{университетский курс) и третий с 19 до 21 года (курс практический)³³⁵. Таким образом, на образование великих князей отводилось 14 лет.

Другой проект составил профессор Московского университета историк М.П. Погодин. По его мнению, в основу образования юношей должно было быть положено *национально ориентированное образование*, базировавшееся на ценностях славянофилов. Надо заметить, что Погодин очень скептически отзывался об уровне образования великих князей: «Любознательности не было развито ни у кого, русского языка и словесности никто не знал, читать никто не любил. В одном покойном государе³³⁶ было еще более русского элемента, которым он, впрочем, был обязан единственно себе, а не воспитанию. Воспитание развивало в них одни способности военные, и те только с самой нижней их степени»³³⁷.

Из событий, связанных с образованием великих князей в конце 1850-х гг., следует отметить зачисление старших мальчиков в Первый кадетский корпус. Великие князья вместе с ровесниками обучались строевой службе в Петергофских кадетских лагерях. У цесаревича появились новые учителя, такие как писатель И.А. Гончаров (8 руб. за урок) и профессор К.Д. Кавелин. Однако известный историк и публицист

либерального толка Кавелин, получивший должность преподавателя цесаревича при содействии великой княгини Елены Павловны, не долго задержался в Зимнем дворце. За преподавателями внимательно приглядывало III Отделение, и по представлению шефа III Отделения князя Долгорукова Кавелина убрали из Зимнего дворца. По мнению князя, такой «вольнодумец» и крайний радикал, как Кавелин, мог иметь самое вредное влияние на склад и образ мыслей цесаревича. Александр II лично разговаривал с императрицей Марией Александровной, на которую ее славянофильское окружение имело сильное влияние, и настоял на удалении Кавелина.

В 1857 г. среди преподавателей цесаревича (с подачи Кавелина) вновь начинается обсуждаться идея возможности получения высшего образования цесаревичем в одном из российских университетов. Более того, были сделаны первые шаги в этом направлении. Весной 1858 г. цесаревич Николай Александрович присутствовал на нескольких лекциях по математике в Пажеском корпусе, где сидел на одной скамейке с пажами³³⁸. Это была сенсация и первый случай подобного рода. Позже состоялось еще несколько попыток усадить цесаревича за одну парту со студентами. Летом 1861 г., во время поездки Никсы по России, он присутствовал на лекциях в Казанском универси-

тете. При этом для него было подготовлено отдельное кресло около кафедры, однако цесаревич сидел на скамьях, занятых студентами. Предполагалось, что он прослушает ряд лекций и в Московском университете, однако эти планы не осуществились, поскольку осенью 1861 г. по университетам России прокатилась волна студенческих выступлений.

В 1859–1860 гг. вокруг цесаревича были собраны действительно сильные педагоги. Лекции Закона Божьего читал протоиерей Рождественский (3 лекции в неделю), курс русской истории, рассчитанный на три года, – профессор Московского университета С.М. Соловьев (до него этот курс читали Грот и Кавелин). Профессор Ф.И. Буслаев читал курс истории русского слова (до него этот курс читали Грот, Гончаров и Классовский), рассчитанный на 1 год. Примечательно, что за профессорами сохранили кафедры в Московском университете и в Петербурге им платили жалование по 3000 руб. в год. Без всякого сомнения, «славянофильский элемент» в окружении цесаревича появился «с подачи» влиятельных фрейлин императрицы Марии Александровны – Анны Тютчевой и Антонины Блудовой.

В конце 1860 г. Никса завершил *среднее образование*, пройдя гимназический курс. Большая часть преподавателей получила пожизненные пенсии, равные

их жалованью, или ценные подарки. Примечательно, что последняя лекция профессора Ф.И. Буслаева состоялась 31 декабря 1860 г.³³⁹

С начала 1861 г. наследник начал слушать лекции, входившие в курс его высшего образования. Профессор С.М. Соловьев возобновил чтение курса русской истории уже 4 января 1861 г. Примечательно, что для профессоров, которых привозили в Зимний дворец в каретах, установили форму одежды – форменный фрак, они должны были быть при орденах с белым галстуком.

Курс *высшего образования* для наследника был рассчитан на 3,5 года. Богословие и церковную историю читал протоиерей Рождественский, философию, с благословения митрополита Московского Филарета, – профессор Московской духовной академии Кудрявцев. Число лекций в день не превышало трех, остальные часы отводились на повторение пройденного. Теоретические лекции дополнялись чтением и фехтованием. Надо заметить, что преподаватели были очень довольны своим единственным «студентом». Никса был действительно талантливым мальчиком, и все схватывал буквально на лету.

Проблемы с учебой имелись у его младших братьев Александра и Владимира. Это были типичные «крепкие» и ленивые «троечники». Относительно

объективный уровень знаний будущего Александра III можно представить по оценкам «годового экзамена», который сдавался в июле 1861 г. Оценки выставлялись по привычной нам пятибалльной системе: математика, география, естественные науки – 4; русский язык – 3; иностранные языки (французский, английский, немецкий) – 3; Закон Божий – 3 «с минусом». Соответственно средний балл за все экзамены (8 предметов) составил 3,3 балла. 16-летний юноша был действительно «крепким» троечником.

Такой уровень оценок становится более понятен, когда знакомишься с дневниковыми записями воспитателей великих князей, в которых образ юноши Александра Александровича плохо соотносится с тем образом Александра III, к которому мы привыкли. Но следует иметь в виду, что в истории дома Романовых такие случаи не были единичными. Образ Петра I московского периода, когда он вел образ жизни «золотой молодежи», пьянствуя на «Всеппянейшем соборе», мало соответствует с образом царя-труженика петербургского периода.

Эти записи относятся ко второй половине 1861 – первой половине 1862 гг. Несколько цитат из дневника воспитателя: «Урок от 8–9 из русского был так нехорош, что учитель почти в взбешенном состоянии вышел от него»; «его заставили писать сравнитель-

ную хронологическую таблицу на доске; при этом он жаловался и визжал, как ребенок, что все это трудно и скучно»; «становится страшно за Александра Александровича, когда подумаешь, что переставление запятой в десятичных дробях представляет ему до сих пор еще трудности непреодолимые. Он не мог одолеть сегодня самого пустого примера десятичных дробей, уверяя, что это для него слишком трудно. Слово *трудно* играет в соображении Александра Александровича весьма важную роль. Он находится в каком-то странном заблуждении, что если заявить трудность предмета, то непременно последует за этим облегчение со стороны преподавателей»; «в половине класса пришел Государь, спросил, как идет, и, получив от м-ра Реми очень неудовлетворительный ответ, сделал Александру Александровичу строгий выговор, так что он заплакал, а потом укорял м-ра Реми в том, что он на него жаловался»³⁴⁰. Все вышесказанное относилось к юноше, которому в феврале 1862 г. исполнилось 17 лет.

Примечательно, что у юношей продолжались «уроки труда». Однако и здесь воспитатель особого восторга способностями воспитанника не выказывает: «Встали в семь часов. После чаю Александр Александрович хотел точить, но токарь не пришел, и он не знал, как приняться за дело». Когда воспитатель по-

советовал приняться за дело самому, то «Александр Александрович сказал, что он не умеет точить, если ему кто-нибудь не вертит колеса; да и установить патрона не может без мастера... Хорошо точенье!»³⁴¹. Вероятно, великих князей специализировали в работе на токарном станке в память страстного увлечения Петра I, который действительно в зрелые годы стал высококлассным токарем.

Позже уроки «труда» были включены в курс естественных наук. После того как великие князья Сергей и Павел прослушали теоретическую часть курса, летом 1875 г. в Царском Селе и Петергофе для них был организован практический курс земледелия. Великий князь Сергей Александрович сам проделал весь цикл полевых работ: от распашки земли, посева и до уборки хлеба. Этими занятиями руководил начальник Земледельческой академии³⁴².

В свободное от занятий время юноши ставили «электрические» опыты. Все, что было связано с электричеством, вызывало тогда повышенный интерес, и великие князья не остались в стороне от этого научного веяния: «После чаю великие князья пошли ко мне в комнату, где устроили гальваническую батарею; опыты ограничились нагреванием платиновой проволоки и отклонением магнитной стрелки»³⁴³.

Еще раз отметим, что обучали Александра и Владимира преподаватели гимназий, опытные предметники. И весьма сомнительным является мнение, что профессор, читающий лекции в университете, всегда лучше крепкого «предметника» из гимназии, через чьи руки прошли сотни очень разных учеников. Наверное, все во многом упиралось в умение учителя установить контакт с единственным учеником, в весьма средние способности юношей и их нежелание учиться, а не в ученые степени преподавателей. Конечно, с великими князьями приходилось очень сложно работать. Иногда скандалы происходили там, где их и ожидать было нельзя. Будущий Александр III отказался на уроке географии отвечать у карты, как этого требовал учитель, предпочитая во время ответа сидеть за столом. И подобных ситуаций возникало довольно много.

Отметки выставлялись педагогами на каждом уроке. Система оценок знаний великих князей выглядела весьма дифференцированной. В середине 1860-х гг. отметки обозначались словами «отлично», «очень хорошо», «хорошо», «довольно хорошо», «посредственно» и «дурно». Всего шесть позиций. Фактически эта система оценок учитывала те нюансы, которые сегодня в школах неофициально выражаются оценками «четыре с минусом» или «с плюсом». Кроме этого, по

русскому языку отдельно оценивалось чтение, письмо, рассказ и внимание³⁴⁴.

Во время весеннего экзамена 1864 г. великий князь Александр Александрович показал следующие результаты по 8 предметам: популярная астрономия, физика и география – «хорошо»; французский язык – «довольно хорошо», немецкий и французский – «порядочно», русский язык и история – «неудовлетворительно»³⁴⁵. Соответственно средний балл будущего императора Александра III, которому на момент экзамена шел 19 год составил 3,1.

«Двойки» по русскому языку и истории хотелось бы прокомментировать. Судя по письмам Александра Александровича этого периода, писал он довольно грамотно, хорошим разборчивым почерком. Однако умения четко сформулировать мысль у него еще не появилось. Например, в письме, написанном к князю В.П. Мещерскому в день смерти старшего брата (апрель 1865 г.), которого Александр, вне всяких сомнений, очень любил, можно встретить такие строки: «Ужасный день смерти брата и моего единственного друга. Этот день останется для меня лучшим днем моей жизни. Приятно было быть все время у постели умирающего. Я и его невеста стояли все время на коленях у его постели»³⁴⁶. Такие формулировки, когда в

одном предложении «ужасный день» мирно уживался с «лучшим днем», можно объяснить только пережитым волнением...

Что касается «двойки» по истории, то объяснить ее можно как «чехардой» преподавателей, так и тем, что ее либо читали на французском языке, либо вообще некоторое время не читали. Впоследствии Александр III будет покровительствовать историческим исследованиям. А в Аничковом дворце станет регулярно собираться «на чтения» историческое общество во главе с цесаревичем.

Возвращаясь к наследнику Николаю Александровичу, следует добавить, что в 1864 г. он завершил курс высшего образования. Однако для расширения кругозора цесаревича и дальнейшей подготовки к будущей «профессии» пригласили еще двух профессоров, читавших курс лекций по военной администрации и финансовому праву. По традиции, после завершения образования наследник должен был отправиться в длительную поездку по Европе. Николай Александрович уехал из России летом 1864 г. Во время этой поездки он нашел себе невесту – датскую принцессу Дагмар, однако болезнь наследника поставила крест на всех планах императорской семьи. В апреле 1865 г. в Ницце цесаревич Николай скончался с диагнозом «спинномозговой туберкулезный менингит».

После внезапной смерти цесаревича Николая Александровича его место занял второй сын Александра II – великий князь Александр Александрович. Преподаватели, перенеся на нового цесаревича положенный ему по статусу курс наук, ужаснулись его «педагогической запущенности». Как мы знаем, для этого были все основания. Генеральша А.В. Богданович упомянула в 1894 г., со ссылкой на профессора военного дела Эгерштрема, который преподавал у покойного цесаревича Николая Александровича, а затем по желанию цесаревича учил его братьев Александра III и Владимира, что они были «очень ленивы, плохо учились, получали постоянно единицы»³⁴⁷. В это время по Петербургу ходило множество анекдотов о цесаревиче. На все попытки засадить его за учебу он, якобы, отвечал следующей фразой: «Зачем мне все это? У меня будут грамотные министры». За Александра III «принялись» с весны 1865 г., когда ему шел 21 год и он уже был обременен многочисленными светскими обязанностями. Поэтому профессорам удалось только «подлатать» некоторые пробелы в его высшем образовании. Осенью 1866 г. цесаревич женился, и его образование на этом завершилось.

Когда в марте 1881 г. цесаревич стал Александром III, он привлек к государственной деятельности некоторых из своих педагогов. Наиболее влиятелен был

в 1880-х гг. преподаватель права К.П. Победоносцев. К этому времени он уже около 20 лет преподавал курс права всем сыновьям Александра II³⁴⁸, а затем и Александра III. Карьеру К.П. Победоносцев обеспечил своими прекрасными познаниями в юриспруденции, блестящей эрудицией и жесткой промонархической жизненной позицией. Но и близость к императорской семье также способствовала развитию его карьеры: в 1865 г. Победоносцев был назначен членом консультации Министерства юстиции, в 1868 г. – сенатором, в 1872 г. – членом Государственного совета, в 1880 г. – обер-прокурором Святейшего синода.

Таким образом, в 1850—1860-х гг. сложилась трехзвенная система образования царских детей, из *начального, среднего*³⁴⁹ и *высшего* образования. При этом образовательная подготовка каждого ребенка носила сугубо индивидуальный характер и переход с одной ступени на другую определялся личностными особенностями и способностями детей. Сергей, пятый сын Александра II, закончил начальное образование и перешел к среднему, когда ему было 8 лет и 8 месяцев, хотя по большей части это обычно происходило в 10–11 лет. К этому времени великий князь Сергей Александрович уже не только умел бегло читать по-русски, но и писал под диктовку. Кроме этого он мог читать и по-церковнославянски. В результате великий

князь, которому еще не было 9 лет, знал три языка и учился четвертому. И на педагогическом консилиуме было принято решение перейти к «правильному курсу» образования³⁵⁰.

Обучение детей Александра III

Когда у Александра III появилась семья и дети, то для подросших детей были воспроизведены все сложившиеся со времен Николая I образовательно-воспитательные традиции. Однако об образовании Николая II сведений дошло очень мало. Известно, что осенью 1875 г. для начального образования Николая (семь лет) и Георгия (пять лет) Александровичей приглашена Александра Петровна Олленгрэн. Она научила мальчиков читать, писать и считать. В 1877 г. на пост воспитателя великих князей Николая и Георгия назначен опытный военный педагог Григорий Григорьевич Данилович. Именно он подбирал штат преподавателей, должных обеспечить «гимназический» уровень образования великих князей.

Когда в 1877 г. цесаревич Александр Александрович уехал на войну, то он с большой радостью получал письма 9-летнего сына, сообщавшего о своих учебных делах. В свою очередь цесаревич считал долгом ответить на каждое письмо сына: «Благодарю тебя, мой милый Ники, за твое письмо. Очень рад, что ты хорошо учишься и что тобой довольны»³⁵¹.

В целом все было традиционно, но без некоторых новаций не обошлось. При изучении блока естествен-

ных наук цесаревичу преподавалась анатомия человека, поэтому в его учебной комнате в Гатчинском дворце появился в качестве учебного пособия человеческий скелет. Об этом стало немедленно известно в свете, и эта новость вызвала раздражение педагогическими новациями генерала. Воспитатель Александра III генерал Зиновьев буквально выходил из себя: «Что он его готовит в повивальные бабки, что ли?»³⁵² – говорил он запальчиво и чуть ли не в глаза самому Даниловичу.

Обучали детей Александра III и танцам. При этом предмет «танцы» считался весьма значимым и ему уделялось большое внимание. Детей учили по возможности парами. Великая княгиня Ольга Александровна училась танцам вместе со своим старшим братом Михаилом³⁵³.

Два старших брата – Николай и Георгий – жили вместе. Судя по дошедшим до нас планам второго этажа Арсенального каре Гатчинского дворца, комнаты мальчиков включали в себя: переднюю и спальную комнаты, два рабочих кабинета и общую классную комнату.

Судя по дошедшей фотографии, сделанной в 1940 г., классной комнаты, в помещении находились два рабочих стола (наклон столешницы, как у обычной парты), карта Российской империи на стене, ка-

раульная будка, у которой отрабатывались строевые приемы, и какой-то физический прибор у стены (см. с. 103).

О высшем образовании цесаревича Николая мы можем судить по нескольким вариантам расписаний занятий, дошедших до нас. По расписанию на январь 1887 г. занятия 19-летнего цесаревича начинались в 8.15 и заканчивались в 18.30 вечера. Занятия длились по 60 минут без перерыва. Сетка часов менялась по дням недели.

В *понедельник* у цесаревича было четыре утренние «часовые пары» (с 8.15 до 13 часов), с 15-минутными перерывами: фортификация, история, артиллерия, верховая езда. После часового перерыва на обед с 14 часов начиналось «приготовление к тактике», и заканчивался день часовым уроком рисования. Всего 5 учебных часов и 1 час подготовки к занятиям.

Во *вторник* с утра было две часовые «пары» по истории русской словесности и немецкий язык, затем следовало двухчасовое занятие по тактике. После обеда два часа отводилось на «приготовление по истории» и «по артиллерии». Всего 4 учебных часа и 2 часа на подготовку уроков на следующий день.

Расписание

учебных занятий Государя Императора Николая Александровича Цесаревича, во Петербурге, со 2го января 1887 года,

	отъ 8 ^{1/2} — 9 ^{1/2} ч.	отъ 9 ^{1/2} — 10 ^{1/2} ч.	отъ 10 ^{1/2} — 11 ^{1/2} ч.	отъ 12 — 1 ч.	отъ 2 — 3 ч.	отъ 4 ^{1/2} — 5 ^{1/2} ч.
Понедельникъ	Географическая, в М. Сикс,	Натюрм., в Замоскворецкой	Артиллерия, в Замоскворецкой	Верховая езда	Кристовича по Полковнику	Кристовича по в Ливадий
Вторникъ	Натюрм. Бюрократическая, в Дворцовой	Коллекция рисунков, в Кристовича	Тактика Т. М. Суворова, в Ливадий	Кристовича по Натюрму	Кристовича по Артиллерии	
Среда	Натюрм. в Замоскворецкой		Артиллерия, в Замоскворецкой	Лекция в Академии в С. С. Бунге	Кристовича по Военной Науке	Кристовича по в Морской Академии
Четвергъ	Географическая, в М. Сикс	Военная Наука, в С. С. Бунге		Верховая езда	Кристовича по Законоу	Кристовича по в Троицкой
Пятница	Кристовича по Лекции в Академии	Законоу в С. С. Бунге		Лекция в Академии в С. С. Бунге	Коллекция рисунков, в Кристовича	Кристовича по Натюрму в Ливадий, в Академии
Суббота	Законъ в Академии, в Натюрму	Натюрм. Бюрократическая, в Дворцовой	Кристовича по в Верховой езде	Тактика, в Ливадий	Лекция в Академии, в С. С. Бунге	Кристовича по Географической
Воскресенье	во Дворцовой и Субботу в Академии, отъ 6 ^{1/2} до 7 ^{1/2} часовъ, а во среду, отъ 6 ^{1/2} до 7 часовъ; во пятницу — в Академию, отъ 7 до 7 ^{1/2} часовъ.					

Расписание занятий цесаревича Николая Александровича на 2 января 1887 г.

В среду с утра читалась двухчасовая лекция по истории и по часовой лекции по артиллерии и политической экономии. После обеда час отводился на приготовление «по военной истории» и завершился день уроком французского языка. Всего 5 учебных часов и 1 час на подготовку уроков.

В четверг с утра шла часовая лекция по фортификации и двухчасовая лекция по военной истории. Перед обедом час отводился на верховую езду, после обеда час на подготовку к лекции «по законоведе-

нию», заканчивался день французским языком. Всего 5 учебных часов и 1 час на подготовку занятий.

В *пятницу* учебный первый час отводился на «приготовление по политэкономии», затем двухчасовую лекцию по законоведению читал К.П. Победоносцев, потом следовала часовая лекция по политэкономии, которую читал проф. Н.Х. Бунге. После обеда следовал немецкий язык и завершался день подготовкой к лекции по истории русской словесности. Всего 5 учебных часов и 1 час на подготовку.

В *субботу* с утра проводилось четыре часовых занятия по Закону Божьему, истории русской словесности, тактике и фехтованию. После обеда следовал урок английского языка, завершался день «приготовлением по фортификации». Всего 5 учебных часов и 1 час на подготовку.

Кроме этого, были предусмотрены и вечерние занятия музыкой, которые во вторник и субботу продолжались с 18.30 до 19.30, а в среду с 18.30 до 20.00. По пятницам цесаревич с 18.30 до 19.30 занимался танцами. То есть это прибавляло еще 4,5 часа занятий.

Таким образом, учебные занятия занимали у цесаревича 29 учебных часов, 7 часов на подготовку уроков и 4,5 часа вечерних занятий. Следовательно, общая учебная нагрузка цесаревича составляла 40,5 часа в неделю.

Хотелось бы обратить внимание на детали. Императору давали широкое образование управленца высшего звена – такова была его профессия. Поэтому в сетке учебных часов мы видим политэкономии и законоведение. Профессор Николай Христианович Бунге еще в начале 1860-х гг. читал лекции по политэкономии и статистике цесаревичу Николаю Александровичу, а затем его преемнику Александру III. Когда в 1881 г. его ученик стал императором, то назначил его на пост министра финансов (1881–1886 гг.). Законоведение читал Константин Петрович Победоносцев, который в 1870-х гг. эту же дисциплину читал еще отцу Николая II.

Примечательно, что в расписании цесаревича на курс Российской истории выделено 4 часа в неделю. Это был особый предмет для детей императора. Великая княгиня Ольга Александровна вспоминала: «Русская история... представлялась как бы частью нашей жизни – чем-то близким и родным, – и мы погружались в нее без малейших усилий»³⁵⁴. Читал историю России будущему императору профессор Санкт-Петербургского университета Егор Егорович Замысловский, специализировавшийся на проблемах XVI–XVII вв. Впоследствии Николай II не раз удивлял своих собеседников знанием деталей российской истории. Когда он принимал в Александров-

ском дворце одного из лидеров думской фракции кадетов Ф.А. Головина, то искренне удивил либерала, спросив: «Не его ли предок один из сподвижников Петра Великого, Федор Головин. Далее он заметил, что первый договор русских с Китаем был заключен Головиным, и спросил, как звали того Головина»³⁵⁵.

В расписании цесаревича значатся четыре военные дисциплины: фортификация, артиллерия, тактика и военная история. Российские императоры в пределах империи носили только офицерскую форму и числились по Военному ведомству. Но главное, они внутренне идентифицировали себя с российским офицерством, поскольку за годы своей учебы проходили основательную военную школу.

В филологический блок расписания цесаревича входили немецкий (2 часа), английский (1 час), французский (2 часа) языки и история русской словесности (3 часа). Примечательно, что к 19 годам на английский язык цесаревичу был выделен только один час, так как он с детства прекрасно говорил по-английски. Блок «общего развития» включал занятия рисованием, верховой ездой, музыкой и фехтованием.

Таким образом, мы можем констатировать, что Николай II получил добротное и достаточно гармоничное образование, включавшее в себя не только основы юридического, экономического и гуманитарного обра-

зования, но и основательное знание военного дела. Он был образованным и эрудированным человеком, о чем единодушно пишут мемуаристы, хорошо знавшие его «по работе». При этом следует иметь в виду, что учителя весьма слабо представляли себе, насколько прочно их ученик усваивает лекционный материал. Дело в том, что на стадии «высшего образования» лекторы не имели права спрашивать что-либо у своих учеников с целью контроля усвоения знаний. Ну, а Николай II был довольно обычным молодым человеком с неплохими данными, в меру ленивым, которого подчас вгоняли в сон лекции его учителей.

Выдающихся государственных деятелей приглашали для «университетских чтений» и к младшим детям Александра III. Крупнейший реформатор начала XX в. С.Ю. Витте преподавал (с 1900 по 1902 г.) великому князю Михаилу Александровичу «народное и государственное хозяйство», другими словами, политическую экономию и финансы. По воспоминаниям С.Ю. Витте: «Великий князь очень охотно со мною занимался, и мне часто после лекции, во время антракта от одной лекции до другой, приходилось с ним разговаривать, иногда завтракать, а иногда и ездить на автомобиле по парку»³⁵⁶.

Обучение детей Николая II

Сведений об организации учебного процесса дочерей Николая II сохранилось немного. Фактически это отрывочные данные, из них с трудом можно составить цельную картину. Вместе с тем хорошо известна организация учебы цесаревича Алексея. Поэтому с уверенностью можно предположить, что большинство преподавателей, учивших Алексея, начали свою педагогическую карьеру еще при царских дочерях. Кроме этого младшие дочери «доучивались» при преподавателях Алексея.

Известно, что в учебном процессе первой дочери Ольги императрица Александра Федоровна участвовала лично³⁵⁷. Когда Николай II уезжал из дома, то жена в письмах регулярно сообщала ему об учебе детей. В июне 1905 г. Александра Федоровна писала о старших дочерях Ольге (десятый год) и Татьяне (семь лет): «Дети прекрасно справляются со своими уроками, у них есть также преподаватели английского и французского. Они много ездят верхом, что доставляет им огромное удовольствие»³⁵⁸.

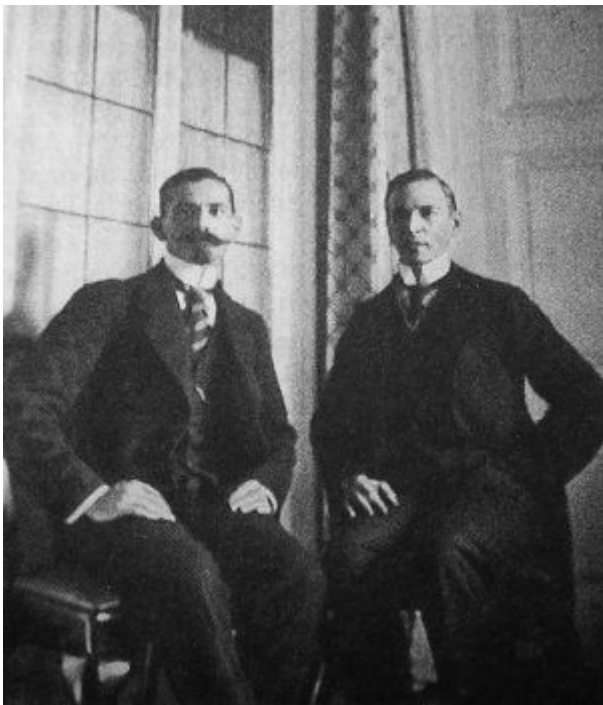
У великой княжны Марии Николаевны учебный процесс начался в 6 лет, в том числе занятия по ариф-

метике с 29 июля 1905 г. Вел занятия коллежский советник Соболев. Поскольку к этому времени она еще плохо читала и очень мало писала, то в первые месяцы арифметику изучали только устно. Пособиями служили разноцветные косточки, русские медные и серебряные монеты, кубики, а также первые выпуски задачников Аржанникова и Паульсона³⁵⁹. Примечательно, что преподаватель регулярно писал отчеты «о проделанной работе» по инстанциям. Естественно, весь педагогический процесс жестко контролировался императрицей Александрой Федоровной, она, как правило, присутствовала на первых уроках, знакомясь с преподавателями.

Поскольку детство девочек прошло в Александровском дворце Царского Села, то несколько слов надо сказать о классных комнатах дворца. Их было четыре. Все они располагались на втором этаже дворца, на так называемой «детской половине». Поскольку девочки жили парами, то и классные комнаты были для них отдельные. Помещения объединяла удивительная для дворца скромность жилых интерьеров.

По свидетельству мемуариста: «Дети вставали в 8 часов, пили чай и занимались до 11 часов. Учителя приезжали из Петрограда. В Царском Селе жили только Гиббс и Жильяр. Иногда после уроков перед завтраком совершалась недолгая прогулка. После зав-

трака – занятия музыкой и рукоделием»³⁶⁰.

П. Жильяр и С. Гиббс

В классной комнате старших великих княжон Ольги и Татьяны стены были оклеены матовыми обоями оливкового цвета, пол закрыт бобриковым ковром цвета морской волны. Вся мебель изготовлена из ясеня. Большой учебный стол находился посередине комнаты и освещался шестирожковой люстрой,

которую можно было опускать. На одной из полочек стоял бюст И.В. Гоголя. На боковой стене висело расписание уроков. В шкафах хранились книги, в основном религиозного и патриотического содержания, а также учебники. В библиотеке девочек было много книг на английском языке. Вместе с книгами хранился человеческий череп, он остался в классной, видимо, после занятий анатомией в августе 1914 г., когда девочки готовились к экзаменам на звание медсестер военного времени. Преподаватели вели журнал, куда записывались домашние задания и выставлялись оценки по пятибалльной шкале.

В классной комнате младших княжон Марии и Анастасии стены покрашены белой краской. Мебель – ясеневая. В комнате хранились чучела птиц, детские книги русских и французских авторов. Особенно много было книг известной детской писательницы Л.А. Чарской. На стенах – религиозные рисунки и акварели, расписание уроков, пара детских объявлений шуточного характера. Поскольку девочки были еще маленькими, то в классной комнате хранились и куклы с их туалетами. За перегородкой – игрушечная мебель, игры. На стене классной висела картина Шишкина «Дорога в сосновом лесу в Спале». Естественно, подлинник.

Классная комната вел. кн. Ольги и Татьяны в Александровском дворце

На втором этаже находилась и классная комната цесаревича Алексея. Ее стены были покрашены белой мастичной краской, на окнах были стандартные для дворца тройные занавески (кисейные, белые капусовые и чинц). Мебель, как и везде, была из простого крашеного ясеневоего дерева. В качестве «элементов роскоши» стояли мягкий диван и кресло. Собственно классная мебель состояла из учебного стола из серого бука, специально сконструированного в

1913 г. студентом Технологического института Шварцем. Крышка стола регулировалась по высоте, как и спинка стула. Напротив стола располагалась двухсторонняя классная доска с электрической подсветкой, над партой – бронзовая лампа, высота которой регулировалась. На полушкафах, тянувшихся вдоль, стен находились учебные пособия, счеты, карта разрастания России при Романовых, учебная коллекция уральских минералов и пород, микроскоп. В шкафах хранились книги учебного и военного содержания. Особенно много было книг по истории дома Романовых, изданных к 300-летию династии. Кроме этого там хранилось собрание диапозитивов по истории России, репродукции художников, альбомы и различные подарки. На двери – расписание уроков и завет Суворова.

Классная комната цесаревича Алексея в Александровском дворце

На «детской половине» находилась также комната, которую использовали как учительскую и одновременно музыкальную комнату. В ней стояли два прекрасных пианино Санкт-Петербургской фабрики Оффенбахера. В комнате хранились многочисленные коллекции различных кустарных и ботанических изделий.

Немаловажную роль в образовательном процессе играли «собственные» библиотеки девочек. Общее количество книг, находившихся в «детских библиотеках» на Детской половине Александровского дворца

ца Царского Села, оценивается в 3500–4000 тысяч экземпляров. Сейчас эти книги хранятся в Москве в Российской государственной библиотеке. Очень много книг детям дарили, книга была почти обязательным подарком во время семейных праздников. И эти роскошные подарочные издания составляют значительную часть библиотеки. Постепенно у каждой из дочерей Николая II сложилась собственная библиотека. Для каждой из девочек, следуя давней дворцовой традиции, были разработаны собственные экслибрисы, которыми они помечали «собственные» книги. Следует подчеркнуть, что эти книги читали и с ними работали. В книжке «Иванушка дурачок» (СПб., 1903) все непонятные слова подчеркнуты, и пояснения к ним даны на полях³⁶¹.

Ливадия. П. Жильяр и вел. кн. Татьяна

Особое место при царской семье занимали преподаватели цесаревича. Из них наиболее известен швейцарец Пьер Жильяр, или, как его называла в своих письмах императрица, – Жилик. Ему удалось уцелеть в Екатеринбурге в 1918 г., и он написал впоследствии несколько книг воспоминаний, где очень тепло отзывался о своем воспитаннике. Имена других преподавателей менее известны.

Из мемуаров мы знаем, что наладить полноценное

обучение наследника так и не удалось из-за его заболевания. Проблемы, связанные со здоровьем, всегда выходили на первое место, да и характер избалованного мальчика был достаточно сложен, что также сказывалось на учебном процессе. Поэтому занятия велись от случая к случаю, хотя существовала и определенная программа занятий.

С. Гиббс и вел. кн. Татьяна

Основной костяк педагогов сложился еще при пре-

подавании гимназических дисциплин царским дочерям. Например, в 1908/09 учебном году им преподавались: русский язык (Петров, 9 уроков в неделю, 1800 руб.); английский язык (Гиббс, 6 уроков в неделю, 1200 руб.); французский язык (Жильяр, 8 уроков в неделю, 1600 руб.); арифметика (Соболев, 6 уроков в неделю, 1200 руб.); история и география (Иванов, 2 урока в неделю, 400 руб.).

Таким образом, на неделю приходился 31 урок, то есть при пятидневном режиме занятий по 6 уроков в день. Преподаватели обычно, как и врачи, подбирались по рекомендациям. Наиболее часто после П. Жильяра в мемуарной литературе упоминается преподаватель английского языка, выпускник Кембриджа Сидней Гиббс. Протежировала ему фрейлина С. И. Тютчева. В октябре 1908 г. она направляет секретарю императрицы графу Ростовцеву письмо, с просьбой сообщить ей «какое он на Вас произведет впечатление»³⁶².

Цесаревич Алексей с учителями: П. Жильяр, Дворцовый комендант В. Воейков, С. Гиббс, П. Петров

К этому письму прилагались рекомендации г-жи Бобрищевой-Пушкиной, в чьем учебном заведении Гиббс преподавал английский язык. Директриса писала о нем как о «чрезвычайно талантливом» преподавателе, работающем в классах училища правоведения. В ноябре 1908 г. С. Гиббса назначили учителем английского языка царских детей. Поскольку царская семья постоянно проживала в дворцовых пригородах Петербурга, то ему ежемесячно доплачивали деньги на транспортные расходы³⁶³. Говоря об изучении ино-

странных языков, необходимо заметить, что наследника достаточно поздно начали обучать им. С одной стороны, это связывалось с его постоянными недомоганиями и длительными реабилитационными периодами, а с другой стороны, царская семья сознательно откладывала обучение наследника иностранным языкам. Николай II и Александра Федоровна считали, что у Алексея должен был, прежде всего, выработаться чистый русский выговор³⁶⁴.

В 1909/10 учебном году учебная нагрузка значительно увеличилась. Это соответственно отразилось и на жалованье преподавателей: русский язык (Петров, 11 уроков в неделю, 2200 руб.); английский язык (Гибс, 13 уроков в неделю, 2600 руб.); французский язык (Жильяр, 13 уроков в неделю, 2600 руб.); арифметика (Соболев, 7 уроков в неделю, 1400 руб.); история и география (Иванов, 10 уроков в неделю, 2000 руб.).

Цесаревич Алексей с учителем русского языка П. Петровым. Петергоф

Недельная учебная нагрузка увеличилась с 31 урока до 54 уроков, то есть при пятидневной неделе бо-

лее 10 уроков в день. Это расписание, конечно, не было фиксированным, поскольку светские обязанности и переезды, безусловно, уменьшали фактический объем занятий. Кроме этого продолжительность одного урока составляла 30 минут³⁶⁵.

Первый урок французского языка П. Жильяр дал цесаревичу 2 октября 1912 г. в Спале, но в связи с болезнью занятия прервались. Относительно регулярные занятия с цесаревичем начались со второй половины 1913 г. Педагогические способности преподавателей французского и английского языков высоко оценивала Вырубова: «Первыми учителями были швейцарец мсье Жильяр и англичанин мистер Гиббс. Лучший выбор едва ли был возможен. Совершенно чудесным казалось, как изменился мальчик под влиянием этих двух людей, как улучшились его манеры и как хорошо он стал обращаться с людьми»³⁶⁶. Эти добрые отношения сохранялись буквально до последних дней жизни цесаревича. В 1918 г. в письме в Екатеринбургский исполком лейб-медик Е.С. Боткин просил оставить рядом с цесаревичем его воспитателей Гиббса и Жильяра, подчеркивая, что «они зачастую приносят более облегчения больному, чем медицинские средства, запас которых для таких случаев, к сожалению, крайне ограничен»³⁶⁷.

В мае 1913 г. подданный Великобритании Чарльз Сидней Гиббс награждается орденом Св. Анны III степени. В марте 1914 г. у него состоялось последнее занятие с семнадцатилетней Ольгой Николаевной. По этому случаю ему пожаловали золотые запонки. По мере того как выросл Алексей, внимание С. Гиббса сосредоточивалось на нем, и поэтому в сентябре

1916 г. «в связи... с усилением его занятий с Его Императорским Высочеством Наследником Цесаревичем» оплата его занятий возросла до 6000 руб. в год³⁶⁸. После Февральской революции

1917 г. С. Гиббс сохранил свое место преподавателя, а затем в сентябре, вслед за царской семьей, уехал в Тобольск. Только английское подданство спасло его в Екатеринбурге от гибели.

По мере взросления цесаревича Алексея учебная нагрузка постепенно увеличивалась. В относительно спокойный от «болячек» 1914/15 учебный год распорядок дня цесаревича строился следующим образом. В отличие от своего прадеда, которого поднимали в 6 часов утра, цесаревича поднимали в 8 часов утра. 45 минут ему давали на молитву и приведение себя в порядок. С 8.45 до 9.15 подавали утренний чай, который он пил в одиночестве. Девочки и родители пили утренний чай отдельно. Далее ему давали 5 минут (!!!), чтобы поздороваться с мамой – императрицей Александ

дой Федоровной. В расписание это время было обозначено как «пребывание у Ея Величества».

*Переносная чернильница цесаревича Алексея.
1910–1911 и.*

С 9.20 до 10.50 было два первых урока (первый урок – 40 минут, второй – 50 минут) с переменой в 10 минут. Большая перемена с прогулкой продолжалась

1 час 20 минут (10.50–12.10), затем еще был один 40-минутный урок (12.10–12.50). Чуть более часа отводилось на завтрак (12.50–14.00). Как правило, на завтрак вся семья первый раз собиралась за одним столом, если только в этот день не было официальных мероприятий. После завтрака полтора часа 10-летний цесаревич отдыхал (14–14.30). Затем опять следовала прогулка, занятия и игры на свежем воздухе (14.30–16.40). В это время у него был шанс пообщаться с отцом, который гулял по парку, или матерью. Затем следовал четвертый урок, продолжавшийся 55 минут (16.45–17.40). На обед цесаревичу отпускалось 45 минут (17.45–18.30). Обедал он один или с сестрами. Родители обедали значительно позже. После обеда цесаревич полтора часа готовил уроки (18.30–19.00). Обязательной частью «рабочего дня» цесаревича был получасовой массаж (19.00–19.30). После массажа следовали игры и легкий ужин (19.30–20.30). Потом цесаревич готовился ко сну (20.30–21.00), молился и ложился спать (21.00–21.30).

Как мы видим, учебная нагрузка для 10-летнего мальчика не была запредельной, всего три урока в день общей продолжительностью полтора часа, да еще подготовка к урокам в полтора часа. Снижение учебной нагрузки по сравнению с предыдущими годами объясняется тем, что в конце 1912 г. мальчик пере-

нес тяжелую травму, которая едва не свела его в могилу, в буквальном смысле. Поэтому в 1914/15 учебном году продолжал сохраняться щадящий режим обучения.

Примечательно, что, живя с родителями в одном дворце (родители на первом этаже, а дети на втором), контактировали они, судя по официальному расписанию, очень мало. У детей имелся свой штат воспитателей, которым по должности приходилось воспитывать и учить детей. Конечно, реально родители и дети виделись значительно чаще, но все равно это было очень непродолжительное время.

В 1914 г. началась Первая мировая война. В августе 1915 г. Николай II принял на себя обязанности Верховного главнокомандующего и переехал из Царского Села в Ставку. Через некоторое время в Ставку к отцу переехал и цесаревич Алексей. Учителя и воспитатели отправились вслед за цесаревичем.

Расписание на 1915/16 учебный год было составлено более плотно. Алексею тогда исполнилось 12 лет и его учебную программу адаптировали к 4–5 классу классической гимназии.

Занятия продолжались шесть дней в неделю, по 4 урока в день. Всего было 22 урока в неделю. Особый упор делался на изучении языков. По количеству часов они распределялись следующим образом: фран-

цузский язык – 6 уроков в неделю; русский язык – 5 уроков в неделю; английский язык – 4 урока. Остальные предметы: Закон Божий – 3 урока; арифметика – 3 урока и география – 2 урока в неделю.

После отречения в марте 1917 г. Николая II и изоляции всей семьи в Александровском дворце образование младших детей продолжалось усилиями тех, кто остался при семье. Буквально до последних дней жизни Александра Федоровна преподавала Алексею катехизис, гоф-лектрисса Трина Шнейдер – математику, лейб-медик Е.С. Боткин – русский язык. Фрейлины также занимались преподаванием. Графиня Гендрикова давала Татьяне уроки искусства, а баронесса С.К. Буксгевден обучала трех младших сестер игре на фортепиано и давала Алексею уроки английского языка³⁶⁹. Кроме этого, с семьей остались учителя П. Жильяр и С. Гиббс, которые продолжали заниматься с мальчиком. Расстрел всей семьи со слугами остановил эту учебу...

Развлечения детей

Поскольку императорские семьи на протяжении всего XIX в. были многодетными, то для родителей и воспитателей всегда актуальной становилась проблема организации здорового досуга детей. Как правило, ежегодно с мая по ноябрь императорская семья жила вне Санкт-Петербурга, в пригородных резиденциях, или выезжала на курорты.

Дети остаются детьми вне зависимости от социального и материального положения их родителей. Им всем надо дружить со сверстниками, играть, развлекаться и учиться, драться и дурачиться. Другое дело, что у состоятельных родителей возможностей для того, чтобы обеспечить все необходимое своим детям, значительно больше. Так было и в царской семье. Детей буквально с момента рождения окружал внушительный штат слуг и воспитателей, одной из задач которых было обеспечение царственным детям досуга. Конечно, этот досуг жесточайшим образом контролировался, и детей ни на минуту не оставляли вне поля зрения. В досуг царских детей все время стремились внести различные воспитательно-развивающие элементы, что, наверное, стало бы для «обычного» ребенка весьма утомительным.

Для того чтобы дети отдыхали, учились и развивались, в каждой из императорских резиденций сознательно формировались «детские зоны отдыха». Проще говоря, родители и воспитатели создавали детские уголки, по возможности внешне изолированные от взрослого влияния. Это были своеобразные «детские территории», где они чувствовали себя полноправными хозяевами, куда они могли «пригласить в гости» своих родителей. Во всех пригородных резиденциях отводилась специальная территория, на которой для детей строились различные сооружения для детских игр. Как правило, это были достаточно

капитальные сооружения, игры на них должны были не только развлекать, но и образовывать детей. В основу всех игр закладывался принцип «Обучать играя». Следует отметить весьма высокий уровень преемственности в детских играх царских детей. Фактически каждое новое поколение, с теми или иными изменениями, воспроизводило игры своих, ставших взрослыми предшественников. И подчас дети играли теми же игрушками, которыми играли их родители.

Не менее важным для родителей и воспитателей становился подбор для их детей компании ровесников, способных разделить с ними эти игры. При этом родители царственных детей хорошо понимали, что детская дружба легко перерастает в дружбу на всю

взрослую жизнь, со всеми вытекающими карьерными последствиями. Поэтому товарищи детских игр не только тщательно подбирались, но и безжалостно «выбраковывались». Когда осенью 1865 г. великого князя Сергея Александровича, «здоровья ради», оставили на три месяца в Москве, то его мать, императрица Мария Александровна, лично назначила, кого из детей московского общества, сверстников Сергея Александровича, можно к нему приглашать для игр³⁷⁰.

Царское Село

В Царском Селе для игр детей отводились значительные парковые территории. На территории Александровского парка таких игровых «пятен» имелось несколько. Еще во времена детства младших сыновей Павла I Николая и Михаила для них возвели традиционную крепость с земляными бастионами и куртинами. Несмотря на «детские размеры», с точки зрения фортификации это сооружение построили безупречно, и мальчики буквально на подсознательном уровне впитывали основы фортификации. Эту игрушечную крепость они попеременно то брали штурмом, то обороняли. Для того чтобы дети занимались гимнастикой, рядом с Александровским дворцом

установили сетку-батут с лестницами, канатами и высокими мачтами «гигантских шагов».

При Николае I на территории Александровского парка для детей выделили специальную изолированную «детскую территорию», названную Детским островом.

Царское Село. Детский остров. Фото начала XX в.

Как вспоминала дочь Николая I Ольга Николаевна, в 1824 г. «Папа подарил нам остров»³⁷¹, на котором «Саша и товарищи его соорудили... домик из четырех комнат с салоном... нам подарили лодки. Матрос следил за нашей маленькой гаванью и учил нас морским обычаям. В кухне мы готовили настоящие обеды... Небольшое возвышение было названо «мысом

Доброго Саши»»³⁷².

Конечно, Ольга Николаевна «слегка» преувеличила, написав, что домик был «сооружен Сашей». В действительности небольшой домик с комнатами, обставленными миниатюрной мебелью, в 1830 г. построили профессионалы по проекту архитектора В. Горностаева. Этот домик сохранился по сей день.

Дети, как могли, обустроивали «собственный» остров. Не все воспитатели были довольны таким положением, поскольку дети, играя, невольно нарушали правила этикета. Воспитатели пожаловались на детей отцу – Николаю I, однако тот со свойственным ему прагматизмом заметил: «Предоставьте детям забавы их возраста, достаточно рано им придется научиться обособленности от всех остальных»³⁷³.

Детский остров каждое лето становился местом детских игр, которые по мере взросления детей менялись. Там не только играли, но и справляли детские праздники. В июне 1829 г. по случаю возвращения наследника Александра Николаевича из-за границы, где он провел два месяца, на Детском острове устроили праздник.

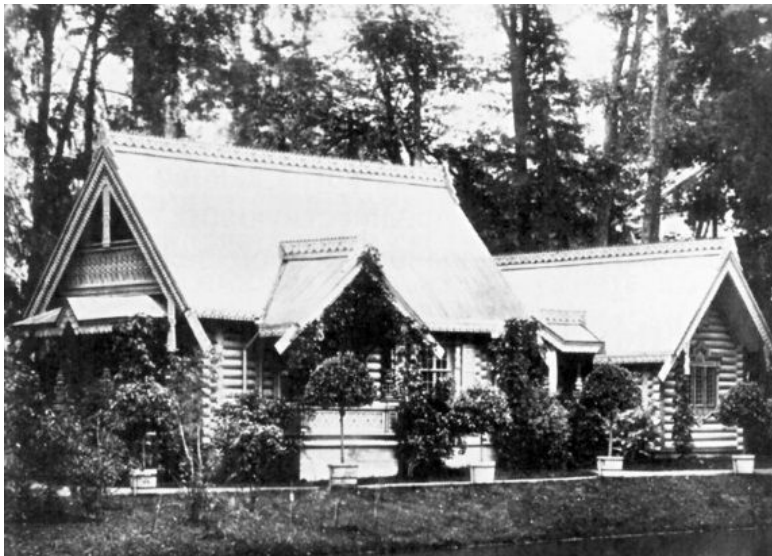
Царское Село. Детский остров. Современное фото

В 1830 г. воспитатель цесаревича К.К. Мердер предложил составить девиз для ставшего родным Детского острова. В результате совместного творчества родился рисунок с изображениями «промытой скалы, муравья и якоря», что символизировало «постоянство, деятельность и надежду». Видимо, муравей, как символ Детского острова, дал название рукописному журналу «Муравей», который начал «издавать» цесаревич с друзьями в 1831 г.

Когда у Александра II и его братьев подросли соб-

ственные дети, то они немедленно начали осваивать территорию, которую ранее «занимали» их родители. И новое поколение так же любило Детский остров, как и их родители. В 1860-е гг. на острове сохранялся домик, «собственноручно» выстроенный Александром II и его товарищами. Там бережно сохранялась мебель, сделанная руками Александра II во время его занятий «по ремеслу». Но происходили и изменения. На Детском острове в 1854–1855 гг., по приказанию Александра II, установили мраморные бюсты К.К. Мердера и В.А. Жуковского³⁷⁴.

Судя по воспоминаниям Ольги Николаевны, в 1830-х гг. на Детском острове уже существовал павильон «Фермочка».

Царское Село. Детский остров. «Фермочка»

Она писала о событиях 1831 г.: «По воскресеньям мы обедали на Сашиной молочной ферме со всеми нашими друзьями, гофмейстерами и гувернантками, за длинным столом на 30 приборов»³⁷⁵.

Стоит напомнить, что увлечение «сельскими пасторалями» в загородных императорских резиденциях распространилось в XVIII в., когда в обществе широкую популярность приобрели идеи Ж. – Ж. Руссо. В подобных молочных фермах в сельскую жизнь играли придворные. Например, в парке Павловского дворца в конце XVIII в. сооружается павильон «Молочный до-

мик» с небольшим скотным двором и птичником. При этом все овечки и голландские коровы на скотном дворе были всегда тщательно вымыты и надушены³⁷⁶. И только в XIX в. сельская пастораль превратилась в «игрушку» для детей, став частью воспитательного процесса.

Летом 1861 г. на Детском острове Малого пруда в Царском Селе архитектор И. Монигетти возобновил для восьмилетней дочери Александра II Марии Александровны детскую «Фермочку», состоявшую из двух изб, коровника и птичника. Аналогичную «Фермочку» уже построили для княжны

в Александрии, поблизости от Коттеджа. Небольшую усадьбу возвели в русском стиле: чистая изба состояла из одной комнаты и кухни, обставленных дубовой резной мебелью детских размеров, в красном углу находился образ Знамения в дубовой раме, с шитым русским полотенцем и т. д. До нас дошли несколько фотографий Детской фермы, двух ухоженных «игрушечных» домиков, обильно украшенных резьбой.

В детской усадьбе было предусмотрено все для ведения «молочного» хозяйства: под крышей чистой избы помещалась светелка с наружной лестницей со двора; в темной кладовой молочной избышки хранились дубовые ведра для молока; под кладовой создан небольшой ледник; за «молочной» избой постро-

ен маленький коровник; дворик фермы занят птичником с голубятней. На чистой половине «Фермочки» хранились столовый, чайный и стеклянный сервизы, изготовленные на императорском Фарфоровом и Стеклянном заводах, также по эскизам Монигетти. Эта «Фермочка» была разрушена до основания в период немецкой оккупации Детского Села (Царского Села) в 1941–1943 гг.

Кроме Марии Александровны новую «игрушку» регулярно посещали и сыновья Александра II. Не забывали они и «взрослую» ферму, построенную в Александровском парке еще при Александре I. Один из воспитателей великих князей упоминает, что осенью 1861 г. «после классов мы пошли пешком на ферму, где великие князья достали сыру и смотрели новую корову»³⁷⁷.

В конце 1860-х гг. вдоль берега Детского острова для императорских детей проложили игрушечные рельсы, сделали тоннели, мосты и шлагбаумы железной дороги, приводящие к порту на берегу³⁷⁸.

Даже когда сыновья Александра II подросли, они продолжали с удовольствием посещать свой Детский остров. Например, осенью 1864 г. на острове устроили «широкомасштабные» танцы³⁷⁹. В это же время на Детском острове играли два младших сына Алек-

сандра II – Сергей и Павел. Их воспитатель писал, что «в свободные часы я ходил, когда погода позволяла, играть с великими князьями на ферму (на островке в «Собственном саду»)». ³⁸⁰

Иногда Детский остров получал совершенно неожиданные подарки от своих выросших хозяев. В ходе Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. цесаревич Александр Александрович посетил мусульманское кладбище. Осмотрев надгробия, он приказал выкопать одно из них и «перевезти в Царское Село на островок фермы, где он постоянно пребывал» ³⁸¹.

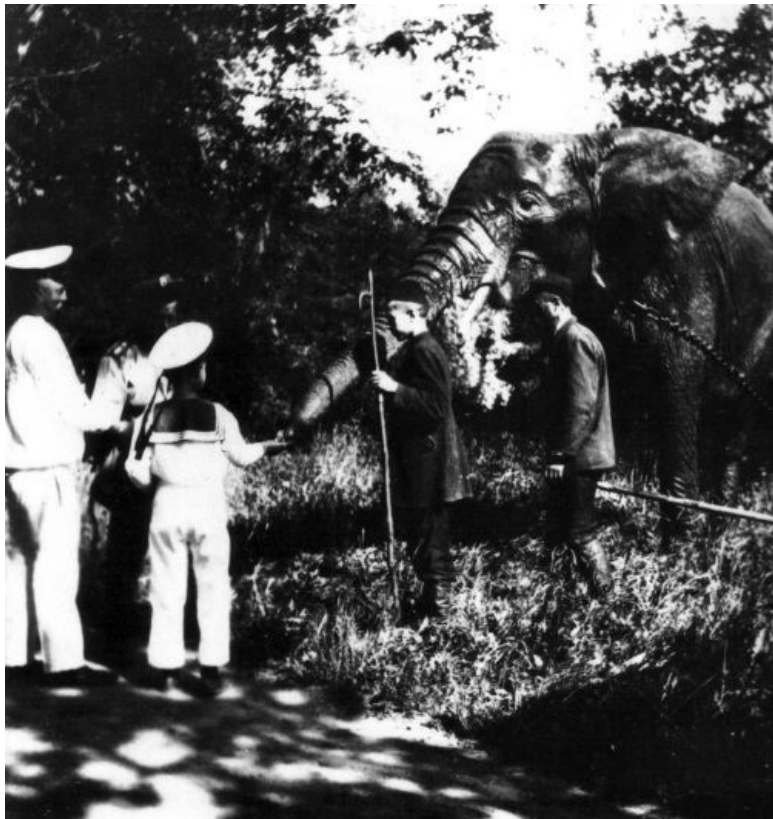

Цесаревич Алексей на берегу Детского острова

бухты Питко-Пас. 1907 г.

Детский остров Александровского парка был востребован всеми поколениями Романовых. И не только детьми. В апреле 1895 г. Николай II с молодой женой «встали рано и долго сидели на Детском острове, наслаждаясь погодой». Через несколько дней молодые супруги, покатавшись в шлюпке по каналам Александровского парка, «трогательно пили чай вдвоем на Детском острове. Благодать стояла неописанная». В апреле 1896 г. Николай II записал в дневнике: «Работал на Детском острове в снегу». Примечательно, что когда с 1905 г. царская семья стала регулярно отдыхать в финляндских шхерах, то и там появились свои любимые места – один из безымянных островков в бухте Питко-Пас получил привычное название Детский остров, поскольку дети Николая II там купались, играли, собирали ягоды и грибы...

Кроме того, в Александровском парке имелся свой зоопарк-зверинец. Со времен Николая I и вплоть до 1917 г. в Царскосельском слоновнике содержали слонов.

Царское Село. Цесаревич Алексей кормит слона

Например, осенью 1860 г. в Царскосельском слоновнике появился новый слон. Визиты в слоновник старались вписывать в образовательную программу великих князей. Дети просто ходили туда навестить

и покормить старого любимого слона, а воспитатели желали, чтобы дети «в учебных целях» осмотрели зубы и ступни слона³⁸².

Дети Николая II часто посещали с родителями Царскосельский слоновник. Царь многократно фиксировал эти посещения в дневнике: «Привел с Алексеем слона к нашему пруду и потешался его купанию» (9 июня 1914 г.); «Снова было купание слона, этот раз присутствовали Алике и все дети» (10 июня 1914 г.); «Смотрели на купание слона» (14 июля 1915 г.).

Царское Село. Купание слона

В Царском Селе построили отдельный павильон для лам – Ламский павильон. Его возвел архитектор А. Менелас в 1820–1822 гг. для помещения южно-американских лам. Комплекс включал конюшню, небольшой манеж для животных, квартиру для смотрителя, склад фуража и башню с небольшим кабинетом

для отдыха, откуда можно было обозревать окрестности. При его восстановлении И. Монигетти все сохранил. Впоследствии по проекту Монигетти «на месте галереи, находившейся над фуражным сараем... был устроен фотографический павильон, пристроена лестница и еще одна комната перед павильоном, а рядом с кабинетом, в башне, фотографическая лаборатория»³⁸³.

По традиции, каждому из детей отводились «свои» садики и огороды, где они сажали цветы и овощи. На планах Александровского парка, изданных в 1920-х гг., указан Собственный садик цесаревича Алексея, а на фотографиях, сделанных П. Жильяром, можно увидеть цесаревича Алексея, который серпом жнет рожь на «своем» участке.

Царское Село. Руины Дамского павильона

Сохранился до наших дней такой уникальный документ, как сочинение, написанное старшим сыном Александра II 11-летним Николаем Александровичем 19 октября 1854 г. и названное им «Царское Село». Этот документ, позволяет взглянуть на Царское Село глазами ребенка. Крупным, еще не устоявшимся почерком, со множеством ошибок, мальчик описывает свои впечатления от очередного летнего сезона «на даче». Он отмечает ухоженность резиденции: «Вы не найдете ни одного засохшего листика не только на до-

рожках, но даже и на лужках». Он описывает «свой флот», хранившийся в башне Адмиралтейства на озере в парке Екатерининского дворца: «Одна турецкая большая лодка, длинная индейская байдарка... и старый буер». Он перечисляет тех, кто «на постах» обслуживал детские сооружения и одновременно присматривал за детьми: «на сетке» – два человека, на Детском острове – четыре, на трех паромах – по одному. Следовательно, только на Детском острове, не считая обслуги «Фермочки», «на постах» находилось семь матросов.

Цесаревич Алексей в Александровском парке

Мальчик добросовестно перечисляет все «интересные предметы», которые окружали его в Царском Селе на протяжении нескольких весенних и осенних месяцев: «Слоны, ламы, кролики, птичий двор, черные лебеди и сетка с играми и крепостью». Он отмечает, что бабушка императрица Александра Федоровна периодически посещала их детские «объекты»: ферму,

домик черных лебедей, чтобы там «кушать кофе».

Будущий цесаревич (с 1855 по 1865 г.) сравнивает Царское Село и Петергоф, приводя почти взрослые аргументы. Он пишет, что в Петергофе почти тот же набор развлечений: «Море (в оригинале зачеркнуто. – И. З.), сетка, игры, кролики, олени, фазаны, охотный двор и наши куры, цыплята и голуби». Но при этом в Царском Селе больше возможности для игр при плохой погоде: «Есть большие залы, гора и разные телеги и игрушки, а в Петергофе их нет, и то нам теперь стало просторнее, а прежде негде было пошевелиться, только можно было выйти в сад. В Царском Селе у нас самое бедное помещение, но зато сухо и тепло, а в Петергофе все сыро. В Царском мы не оставили по себе памяти, кроме полуразвалившейся скамейки, сделанной в валу, и лестницы, идущей на вал... В Петергофе мы построили крепость, очистили и сделали куртину и устроили собственный садик подле мельницы»³⁸⁴.

Петергоф

В Петергоф царская семья переезжала после наступления летней жары и жила там с конца июня до конца августа. Большая семья Николая I размещалась в Коттедже в парке Александрия, близ Большого

Петергофского дворца. Переезд в Петергоф из Царского Села означал переезд на море.

Когда росли дети Николая I, стационарных развлекательных комплексов на территории парка Александрия не было. Конечно, имелись детские площадки с веревочными лестницами и прочими развлечениями. Младшая сестра цесаревича вспоминала, что в 1831 г. дети Николая I «без шляп и перчаток» гуляли «по всей территории нашего Летнего дворца в Петергофе, где мы играли на своих детских площадках, прыгали через веревку, лазали по веревочным лестницам трапеций и даже прыгали через заборы»³⁸⁵.

О том, как дети цесаревича Александра Николаевича провели лето 1847 г. в Петергофе, дают представление обширные письма их воспитателя С.А. Юрьевича. Сыновьям будущего Александра II летом 1847 г. было: Николаю – четвертый год, Александру (будущему Александру III) шел третий и Владимиру было несколько месяцев. Конечно, развлечения были «по возрасту». Воспитатель с умилением отмечал «необыкновенное постоянство в избранном» Александром занятии, когда он «в продолжении более часа не покидал своей лопаточки, которою насыпал песок в тачку». Старших братьев воспитатель в письмах называл «вашими молодцами», они уже играют в войну – «в черкесские ординарцы». В письмах воспитатель со-

общал цесаревичу, что дедушка Николай I, ежеутренне заходит к внукам поздороваться, после чего берет старшего на прогулку от Коттеджа до Монплезира. При этом дедушка старается занимать внуков: «На террасе Монплезира Государь сам изволил показать, как бросать камушки в море». Там же, на террасе Монплезира, дедушка «несколько раз заставлял Николая Александровича перелезть через ограду», а когда трехлетний внук воспротивился и не захотел слушаться, то «Государь сам показал ему пример».

Возможно, именно летом 1847 г. в Петергофе зародилась у Александра III любовь к рыбалке. Воспитатель пишет: «Теперь у нас появилась новая забава: кормить и удить рыбу в Марли. Эта забава так занимает их, что старший, как только увидит меня поутру, то уже и спрашивает: «когда пойдем в Марли?» ...надобно видеть их удовольствие, их радость, когда удастся вытянуть рыбку. Каждый выбрал себе особую удочку, и хотя сам и не держит ее постоянно, но рыбка считается того, чья удочка»³⁸⁶.

По традиции у кадет была практика летом в петергофских лагерях. После завершения практики обычно проходил парад, который принимал лично Николай I.

И. Мейер. Коттедж

После этого парада кадетам позволяли целый день гулять в парке Александрия. Конечно, все они толпились возле Коттеджа. Воспитатель писал цесаревичу, что его старший сын, трехлетний Никса, «выйдя из залы, зазвал большую их толпу к себе в домик (избушка, стоявшая прежде возле Фермы, по приказанию императрицы поставлена противу подъезда к Коттеджу в большой клумбе, на газоне, неподалеку от медной статуи). Он тут как хозяин, показывал им картинки, мебель, транспаранты, вновь подаренную ему водовозную бочку... я боялся, что домик не

развалился от тесноты гостей, и вывел всех и хозяев, и гостей на лужок»³⁸⁷. Любопытно, что «детская избушка», видимо, была транспортабельна, поскольку несколько позже, – императрица Александра Федоровна, «изволила удостоить избушку Ея внуков (что в куртине перед Коттеджем), расположившись в ней кушать свой утренний кофе»³⁸⁸. Около Коттеджа для маленьких детей установили сетку-батут, на которой они регулярно скакали.

С начала 1850-х гг., когда начали подрастать многочисленные внуки Николая I, на территории парка Александрия возводятся стационарные «развлекательно-обучающие» сооружения.

Во-первых, в 1851 г. построена *детская крепость*, по образцу и подобию крепостей, соорудившихся в Царском Селе. Ее разместили у северного фасада Фермерского дворца для увеселения и обучения военному делу детей, тогда еще наследника цесаревича Александра Николаевича, великих князей Николая, Александра, Владимира и Алексея.

Эту крепость называли Батареей на Ферме. Вокруг нее был ров и широкий вал, обращенный к заливу, с пандусом для подъема пушек, брустверы и южный бастион с блиндажиком. Общие параметры «фортеции» составляли около 21 на 21,5 м.

Примечательно, что все последующие поколения

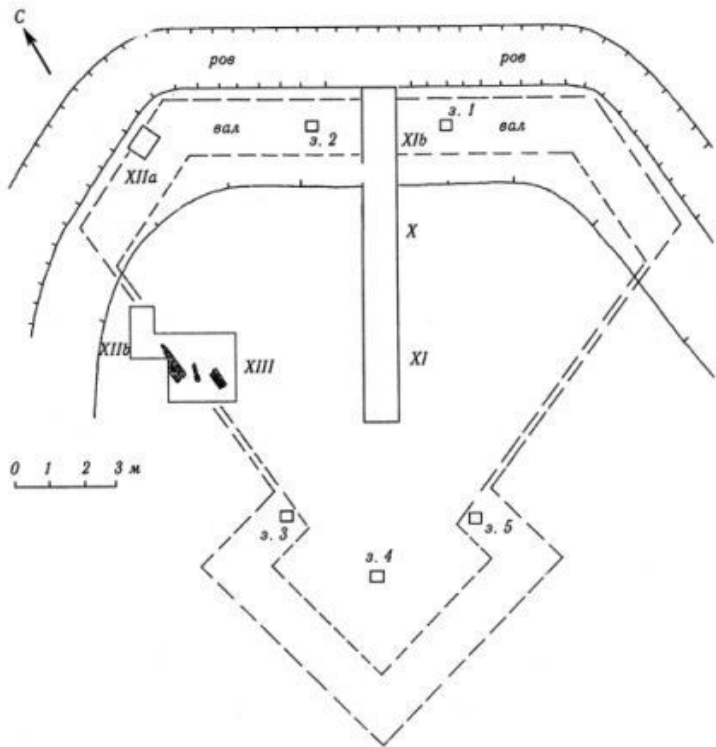
детей из императорской фамилии играли в этой крепости. Ее поддерживали «в рабочем» состоянии вплоть до 1917 г., и она присутствует на планах Александрии в начале XX в. Остатки оплывших рва и вала до сих пор читаются на местности³⁸⁹.

Во-вторых, в 1850-х гг. для детей построена *детская пожарная каланча*. Обучающая функция этого сооружения заключалась в том, что это была действующая модель настоящего сооружения. Комплекс пожарной каланчи, построенный у западного фасада Фермерского дворца, включал в себя резной сарайчик на три экипажа с вышкой на крыше. Размеры «пожарки», согласно документации к ремонту 1895–1896 гг., составляли около 6 на 2,5 м в плане и 6,5 м общей высоты со смотровой башней³⁹⁰.

Самым крупным детским сооружением в парке Александрия стала *детская водяная мельница*, построенная в 1854 г. в овраге на берегу ручья юго-восточнее Фермерского дворца. Сооружение представляло собой украшенный резьбой деревянный домик с балконом, обведенный галереей на каменном столбчатом фундаменте, плотину со шлюзом и механизм водяного колеса, приводящий в движение жернова из полированного гранита. Помимо помещения с мельничным механизмом, дававшим муку превосходного качества, имелась еще комната с детской ме-

белью в крестьянском стиле. Поблизости находился огород, на котором дети сажали овощи и цветы.

Эти сооружения использовались по определенному «плану мероприятий». В конце июля в Александрии устраивали так называемый сельский праздник, и царские дети, одетые в традиционные крестьянские костюмы – полосатые шаровары, красные кумачовые «русские» рубашки, перетянутые черными лакированными ремнями, сапожки с красными отворотами, ямщицкие круглые шляпы, – веселились вместе со сверстниками³⁹¹.

Петергоф. Детская крепость. Схема расположения шурфов

Детская водяная мельница, как и остальные «детские» постройки, содержались в порядке, но периодически ремонтировались. Известно, что мельница последний раз ремонтировалась в 1912 г. и исправно действовала до 1917 г. Здесь любил бывать цесаре-

вич Алексей. Точная дата разрушения постройки неизвестна³⁹².

Для спортивных игр детей отводилась достаточно большая площадка, названная «Игры» у Коттеджа. Этот комплекс спортивно-игровых площадок, включавший в себя беговую дорожку, качели, карусель, кегельбан и др., присутствует во всех планах Александрии второй половины XIX – начала XX вв. Круговая беговая дорожка размером 30 на 30 м вымощена мелким камнем на мятой глине и песке. Параметры площадки бегового серпантина – 30 на 30 м. Совсем недавно археологи раскрыли парную площадку для игры в мяч (кольца или бадминтон?)³⁹³.

Была в парке Александрия и своя детская «Фермочка», построенная по образцу «Фермочки» в Царском Селе. Примечательно, что детские фермы, устроенные фактически во всех загородных резиденциях, оставили свой след в детских душах. Спустя десятилетия граф С.Д. Шереметев, товарищ по детским играм Александра III, вспоминал: «На дачах на Каменном острове и в Петергофе в саду были выстроены небольшие образцовые детские фермы; небольшой домик в два этажа деревянный, все чисто и уютно, даже кровать приготовлена и умывальник. Тут же стойло на четыре коровы, куры и морские свинки, которые купались в корыте. Перед домом небольшой ого-

род, кругом изгородь. Это подобие деревни было любимым для всех нас местом. Здесь мы сходились и засиживались. Особенно мне памятна Каменноостровская ферма, она была лучше и удобнее Петергофской. За хозяйством наблюдала старушка-крестьянка, имя ее было Аксинья Ивановна, по прозвищу Худякова»³⁹⁴.

Зимний дворец

В Зимнем дворце не было возможности устроить развлекательные комплексы для детей снаружи дворца, поскольку его окружали площади и плацы. А с учетом того, что в этой резиденции императорская семья жила с ноября по май, то для детей Николая I выделили две игровые комнаты: для мальчиков и для девочек. Это произошло на рубеже 1829–1830 гг. Следует подчеркнуть, что семейная жизнь в полном понимании этого слова сложилась в этой резиденции впервые только при Николае I.

Судя по дошедшей до нас акварели Ухтомского (1837 г.) (см. с. 120) центром девичьей игровой комнаты стал игрушечный домик, подаренный Николаем I своим дочерям. Когда-то игравшая в этой комнате Ольга Николаевна вспоминала, что в 1834 г. «Папа подарил нам двухэтажный домик, который поставили

в нашем детском зале. В нем не было крыши, чтобы можно было без опасности зажигать лампы и подсвечники. Этот домик мы любили больше всех остальных игрушек. Это было наше царство... туда я пряталась, если хотела быть одна»³⁹⁵.

Ампирный игрушечный домик был «о двух этажах», с пятью открывавшимися окнами по фасаду и небольшим игрушечным балкончиком. Внутри вели две небольшие двери. Судя по приведенному отрывку, домик освещался изнутри лампами и наверняка был обставлен детской мебелью.

На акварели Ухтомского в пустоватом зале видны клавикорды. Под их звуки «нас учила танцам Роз Колинетт... мы упражнялись в гавоте, менуэте и контрдансе вместе с Сашей и его сверстниками»³⁹⁶.

Игровая комната для мальчиков оборудовалась поиному. Главным ее украшением стал фрегат, выполненный по меркам дворцовых залов, но со всеми деталями оснастки. Поэтому этот зал называли «Корабельной» (см. стр. 92). Корабль там появился совершенно не случайно. Второй сын Николая I великий князь Константин Николаевич буквально с рождения «планировался» отцом для морской карьеры, и его на уровне игрушек готовили для будущей морской службы.

Следует заметить, что сооружение «комнатной ях-

ты» в одном из залов Зимнего дворца оказалось достаточно сложной инженерной задачей, тем более, что, как обычно, поджимали сроки. Яхту начали строить весной 1839 г., когда семья выехала в Царское Село, и предполагалось закончить ее к осени этого же года, по возвращении семьи «на зиму» в Зимний дворец.

Эта «игрушка» строилась «под особенным наблюдением» главного воспитателя великого князя Константина Николаевича – адмирала Ф.П. Литке. По ходу строительства решались многочисленные организационные проблемы: от подбора грамотного морского офицера для оснащения яхты штатным рангоутом до подбора квалифицированных мастеров³⁹⁷. Когда комнатную яхту построили, радости мальчиков не было предела. Такой «игрушки» не имел никто.

Для физического развития мальчиков в углу этого зала соорудили спортивный комплекс, включавший канат, веревочную и деревянную лестницы. Вдоль стены располагалась стойка с различными видами стрелкового оружия, оснащенного штыками. Там же хранились эспадроны для обучения детей фехтованию. На большом полированном столе располагалась модель бревенчатой крепости-блокгауза, а на полупушкафах стояли модели понтонов, различные физические приборы. Стены в изобилии украшала батальная

живопись.

Другими словами, комнаты для дочерей и сыновей Николая I были разумно профилизованы, с учетом дальнейших жизненных путей, которые родители планировали для своих детей.

Но иногда дети просто играли. Играли в парадных залах Зимнего дворца, совершенно не обращая внимания на уникальные интерьеры, ведь они были для них обычным и совершенно привычным фоном. В начале 1850-х гг. по воскресеньям в залах Зимнего дворца разворачивались целые «баталии», когда из подручной утвари внуками Николая I сооружалась баррикада и дети ожесточенно «бомбардировали» друг друга резиновыми мячами. Там же играли в «казаки-разбойники». Один из участников этих игр вспоминал, что Николай I «весьма часто приходил к великим князьям и принимал иногда деятельное участие в играх, присутствовал при смене караулов, играл вместе в мяч...»³⁹⁸.

Детские праздники

Наряду с традиционными детскими балами для детей устраивали и другие праздники. Очень любим детьми при Николае I был так называемый «Праздник Боба». По традиции, его устраивали ежегодно на-

кануне Крещения 5 января. Ключевым элементом этого праздника – поиск боба в праздничном пироге. Тот, кто находил в пироге боб, становился королем или королевой праздника.

Этот праздник, как и многое при Дворе, имел европейские корни. Императрицы, в девичестве немецкие принцессы, привносили в мир своих детей многое из своего детства. Ольга Николаевна вспоминала, что зима 1835 г. «началась весело, были празднества, даже для нас, детей, и между ними так называемый «Праздник Боб» с орденами и подарками, на котором Адини и Кости³⁹⁹ появились как бобовые королева и король, с напудренными волосами и в костюмах прошлой эпохи»⁴⁰⁰. Фактически «Праздник Боба» становился детским маскарадом, по традиционному сценарию.

Я. Йордане. Бобовый король. Около 1638 г.

Как развлечение детьми воспринимались их первые опыты участия в различных торжественных церемониях. Маленькие дети оставались детьми, и их непосредственность порой приводила к различным казусам. Во время представления императрице Александре Федоровне (жене Николая II) принца Сиама присутствовала 4-летняя Татьяна Николаевна. Императрица предложила дочери пожать руку «этому джентльмену». На что дочь, смеясь, ответила: «Это не джентльмен, мама; это – только обезьяна». Импе-

ратрица в замешательстве оборвала дочь: «Вы сама обезьяна, Татьяна», но принц не обиделся, и они вместе только посмеялись.

Зимние катки

На рубеже 1850—1860-х гг. в Петербурге появилось новое модное место. Это был закрытый «режимный» каток Таврического сада, он быстро стал самым популярным местом зимнего отдыха среди петербургской «золотой молодежи».

Появление нового для аристократии увлечения связывали с цесаревичем Николаем Александровичем и его младшими братьями. Для подрастающих сыновей Александра II в качестве зимнего развлечения был устроен каток с горками в охраняемом Таврическом саду, который стал местом неформального знакомства и общения молодых великих князей с их ровесниками.

Князь В.П. Мещерский вспоминал: «В те годы главной сценою для знакомств и для сношений бывали зимние катанья на коньках в Таврическом саду, введенные в моду покойным цесаревичем. Буквально весь бомонд катался на коньках, чтобы ежедневно бывать от 2 до 4 часов на Таврическом катке в обществе великих князей. Другой, более оживленной сце-

ны для знакомств великих князей в то время не было»⁴⁰¹.

В дневниковых записках воспитателей великих князей встречается множество упоминаний о визитах великих князей на каток Таврического сада: «Поехали в Таврический сад. Там, на катке, было много посетителей...»; «отправились в Таврический сад. Туда приехал государь с великой княжной Марией Александровной, великий князь Константин Николаевич, и было много других посетителей. Великие князья очень весело провели время и с сожалением расстались с горами в четыре часа»⁴⁰².

Коньки стали тогда так популярны, что в Петербурге даже возникло аристократическое «Английское общество конькобежцев». Это общество устраивало свои праздники, в том числе практиковались и ночные катания на льду Невы у Николаевского моста.

Великих князей обучали катанию на коньках наемные учителя. В ноябре 1865 г. семилетний великий князь Сергей Александрович «взял первый урок катания на коньках (у нанятого учителя этого дела Пузыревского)». В первый раз мальчик учился кататься 15 минут⁴⁰³.

Георгий, Ксения, Михаил, Николай на катке Аничкова дворца

Каток в повседневных разговорах называли Тавридой. На этом катке «откатались» все дети Александра II. Один из воспитателей царских детей описывал каток второй половины 1860-х гг. следующим образом: «Мало-помалу туда же стали ездить и двоюродные братья великих князей, дети великого князя Константина Николаевича и великого князя Николая Никола-

евича, а также великая княжна Мария Александровна и некоторые ее другие подруги, с детства приглашавшиеся к ней для игр, а затем также и товарищи игр великих князей. Таким образом, на катке Таврического сада собиралось целое общество, в первый год не очень многолюдное, но потом все более и более многочисленное. Зимой 1868 г. там уже бывал целый раут молодежи, близкой к великим князьям, которые эти поездки очень любили»⁴⁰⁴.

Поскольку Таврический дворец и сад входили в число дворцовых зданий, то они соответствующим образом охранялись и публику на каток пускали только по специальным билетам. Билеты выдавались на один сезон Канцелярией Министерства Императорского двора. Поскольку на катке собирался весь столичный бомонд, то его посещала не только молодежь, но и почтенные отцы семейств. Дело в том, что на катке не только отдыхали, но и обсуждали деловые вопросы в неформальной обстановке, а молодежь завязывала знакомства и флиртовала. Каток стал своеобразным зимним филиалом петербургского яхт-клуба. Великий князь Александр Михайлович упоминает в своих воспоминаниях, что он познакомился с красавицей княгиней Зинаидой Юсуповой в 1870-х гг. именно на этом катке, где они «по воскресеньям катались вместе на коньках»⁴⁰⁵.

Каток Таврического сада сохранял свою популярность и в 1870—1880-х гг., там довольно часто катались на коньках цесаревич Александр Александрович с молодой женой Марией Федоровной. Став императрицей, Мария Федоровна и в последующие годы с удовольствием каталась на коньках по льду гатчинских озер⁴⁰⁶. Она охотно каталась и на горках Таврического сада. Причем каталась так, что периодически «расшибалась» и потом ходила с «порядочным синяком на лице»⁴⁰⁷. Вероятнее всего, Мария Федоровна «заработала» синяк на одной из снежных гор Таврического сада, с которых золотая молодежь каталась и на специальных креслах, и просто на коньках: «Были в «Тавриде». Катался с гор на коньках с наслаждением! Чудо как хорошо»⁴⁰⁸.

Когда в январе 1874 г. в Петербурге шли торжества, связанные с замужеством дочери Александра II, то «Тавриду» несколько раз посетили английские гости. Вся золотая молодежь Петербурга участвовала в этих катаниях. Великий князь Сергей Александрович записал в дневнике: «Катание на коньках, огромное общество! Alix с мужем и масса всевозможных англичан, очень было весело... Катание на коньках, очень a la mode...»⁴⁰⁹

На охраняемый «режимный» каток, «для своих»,

билеты выдавались чиновниками Придворной конторы Министерства Императорского двора. Первыми номерами в «Списке» шли дамы, которые делились на: *гофмейстрин* и *фрейлин* (в том числе зимой 1887/88 гг. катались гр. Блудова, гр. Сумарокова-Эльстон), *девиц* (дочери члена Государственного совета Грейга), *замужних дам* (баронесса В.И. Иксуль, кн. Урсова (ур. Абаза), Родзянко (ур. Черевина), кн. Орбелиани) и *супруг офицеров* Кавалергардского ее величества полка.

Вел. кн. Ольга и Анастасия на Кухонном пруду

Александровского парка

Затем в списке шли мужчины. Иногда «с семействами». Сначала члены Государственного совета (12 чел., в том числе И.К. Гире, А.Е. Тимашев, гр. И.П. Игнатъев, О.Б. Рихтер), затем сенаторы (6 чел.), генерал-адъютанты, свиты генерал-майоры (бар. В.Б. Фредерике), флигель-адъютанты, адъютанты, различные дворцовые чины (гофмейстеры, шталмейстеры, егермейстер, церемониймейстер), генерал-лейтенанты, генерал-майоры, камергеры, камер-юнкеры (А. Столыпин с супругой ур. Нейгарт), полковники, офицеры лейб-гвардейских полков и пажи⁴¹⁰. Примечательно, что к концу XIX в. сложилась определенная традиция, когда считалось приличным знакомиться и флиртовать не только на великосветских балах, но и на катке Таврического сада. В мемуарах баронессы С.К. Буксгевден упоминается и «модный в ту пору каток в Таврическом дворце»⁴¹¹.

Однако жизнь неизбежно вносила свои коррективы и в зимние забавы. Политический терроризм постоянно сужал «свободную территорию» для членов императорской семьи. И постепенно их поездки на каток Таврического сада прекратились. Однако привычка к этой зимней забаве уже сформировалась. Поэтому после расширения сада Аничкова дворца каток стали заливать там. Устраивали каток и на льду озер Гат-

чинского парка. Именно там учился кататься на коньках будущий Николай II. Мемуарист упоминал: «В саду Аничкова дворца устроены были ледяные горы и каток, то же и в Гатчине. Сюда собирались его дети с приглашенными товарищами, и государь охотно с ними возился и играл»⁴¹². Николай II умел кататься на коньках, но большим любителем этой забавы не был, предпочитая хоккей. Играли в хоккей без коньков, в сапогах, гнутыми клюшками, гоня резиновый мячик.

Даже после того как Николай Александрович стал императором, он несколько лет выкраивал время для того, чтобы посетить каток. В первую «императорскую» зиму 1894–1895 г., когда на 26-летнего царя свалилось множество дел, которыми он не занимался раньше, времени на каток уже не находилось. Да и молодая жена требовала внимания. Тем не менее он трижды (13 и 20 января и 8 февраля 1895 г.) за зиму сумел покататься на коньках на катке Аничкова дворца. Николай II был буквально изумлен, когда увидел, что его любимая Алике тоже умеет кататься на коньках, тем более, что 23-летняя жена постоянно жаловалась на боль в ногах. Царь записал: «Катались на коньках, Алике очень порядочно бегать на оных». Правда, впоследствии Александра Федоровна уже больше никогда не становилась на коньки.

В январе 1896 г. молодая семья начала обживать-

ся в своей новой «квартире» в Зимнем дворце. Но как любящий сын император ежедневно с женой ездил к чаю в Аничков дворец к матери, где находил возможность пару часов побегать на катке со старыми друзьями. 4 января 1896 г. Николай II записал в дневнике. «Поехали к завтраку в Аничков. Гуляли в саду и играли по-прежнему на катке; Ксения и Сандро катались на коньках». В эту зиму на катке Николай II бывал часто. За январь 1896 г. он посетил каток 13 раз. Пропускал свои забавы только уж по случаю совсем плохой погоды – «снег с дождем». Да и в плохую погоду играл охотно: «На катке была метель, так что едва можно было видеть мячи»; «Дул сильный ветер, мешавший полету мячиков»; «Был очень густой туман, так что на катке трудно было играть, потому что мячей не было видно».

Однако жизнь брала свое. Император мужал, семья быстро росла. Нарастали политические проблемы, и к началу 1900-х гг. зимние катки отошли в область преданий.

Дни рождения детей

В любой семье день рождения ребенка – это повод для праздника, на который собираются родственники и друзья. Не была исключением и царская семья. Но

обычно отмечали не только собственно день рождения, но и тезоименитство. В словаре В.И. Даля тезоименитство определяется как «именины, день ангела» применительно к «высоким особам». Естественно, подносились и многочисленные подарки. Характер подарков был также «царский».

Например, в детстве будущего Николая I его мать императрица Мария Федоровна дважды в год одаривала сына очень незатейливо – деньгами «на бриллианты». Николай Павлович родился 25 июня, и впервые в 1801 г. еще 20 июня Мария Федоровна «перевела на счет» великого князя 10 000 руб. «на покупку бриллиантов». Тезоименитство будущего императора ежегодно отмечалось 6 декабря, однако она заранее, 12 ноября, «перевела» тоже 10 000 руб. на счет сына на те же бриллианты⁴¹³. Но наряду с деньгами мальчику дарили и обычные подарки – многочисленные игрушки. А деньги на день рождения и тезоименитство служили только поводом для увеличения личного капитала великого князя.

Дни рождения и ангела отмечались «как у всех». Например, 31 августа 1826 г., день ангела восьмилетнего цесаревича Александра Николаевича описал его воспитатель К.К. Мердер. На праздник пригласили 10 мальчиков и столько же девочек. Сначала дети пили чай, а затем «в саду играли в зайцы, в комнатах в дру-

гие игры». Что касается подарков, то Мердер упомянул только самый «большой» подарок – прекрасную арабскую лошадь, которую цесаревич получил от бабушки императрицы Марии Федоровны⁴¹⁴.

Видимо, настоящая лошадь считалась традиционным и достойным подарком для мальчика, поскольку дети с семи лет начинали брать уроки верховой езды. В 1847 г. старшему сыну Александра II, четырехлетнему Никсе, принц Петр Георгиевич Ольденбургский подарил на день рождения маленькую лошадь. Глядя на сына, Александр Николаевич вспомнил и себя: «Он уже ездил на ней в саду и даже в комнате, и это напоминает мне, как и я катался на моей маленькой Пашке, которую мне подарил Левашов в 1821 г., когда мне было три года»⁴¹⁵.

Вообще, подарки детям родные и близкие дарили очень разные. Причем детям, наряду с игрушками, старались дарить и полезные вещи. 30 августа 1852 г. в день именин семилетний Александр Александрович получил в подарок от дедушки

Николая I детское оружие – ящик с ружьем, пистолетом и прибором к ним работы тульского мастера Большакова. От бабушки императрицы Александры Федоровны именинник получил славянское Евангелие в русском переводе в бархатном переплете, с бронзовыми украшениями, золотые карманные часы

с маленькою цепочкою, перламутровый портмоне и 4 английские раскрашенные гравюры; от своих дядей – великих князей Николая и Михаила Николаевичей – художественно вырезанную из дерева группу, изображающую итальянских охотников; от старшего брата Никсы – охотничий арапник с костяным свистком. Кроме этого, старый и изломанный егерский рожок именинника старший брат «починил и отделал заново за свой счет». Примечательно, что когда отмечали день рождения Николая Александровича, Александр Александрович «в ответ» подарил старшему брату не только «весь снаряд трубочиста», но и «на свой счет исправил его старую валторну»⁴¹⁶.

В 1857 г. ко дню именин 14-летний Никса получил от отца императора Александра II его фотографию в мундире лейб-гвардии Гродненского гусарского полка, охотничий прибор из оленьего рога, серебряную порошницу, фляжки, лук со стрелами, ягдташ, кожаные штиблеты и нарукавники, серебряное портмоне, альбом Российской гвардии и армии в 3 частях с рисунками, а бабушка императрица Александра Федоровна подарила внуку большую лодку.

Второй сын императора, 12-летний великий князь Александр Александрович, на именины получил от отца-императора примерно такой же набор «мужских» подарков: два акварельных рисунка, фотогра-

фию отца в мундире лейб-гвардии Финского стрелкового батальона, бронзовые столовые часы, серебряное портмоне, старинный русский бердыш, две картины, 24 раскрашенные литографии, изображающие войска гвардии, французское иллюстрированное издание⁴¹⁷. По поводу фотографий Александра II следует иметь в виду, что Никса был шефом лейб-гвардии Гродненского гусарского полка, а Саша – лейб-гвардии Финского стрелкового батальона.

Поскольку именины и день рождения Никсы и Саши приходились на конец августа – начало сентября, то собственно праздник в 1857 г. шумно отмечался на любимом несколькими поколениями детей Детском острове Александровского парка Царского Села. Сначала был фейерверк, а затем дети сами приготовили себе очень простое угощение – ленивые щи и изжарили бифштекс с картофелем. Этим закончилось лето 1857 г.⁴¹⁸

Когда мальчики в семье Александра II стали почти взрослыми, но еще не имели своих семей, родители по-прежнему дарили им подарки, учитывая их возраст. 26 февраля 1865 г., когда будущему Александру III исполнилось 20 лет, отец подарил ему картину художника Трутовского, приобретенную на выставке в Академии художеств, большую фотографию с картины Коцебу «Полтавская битва». От матери, которая в

1865 г. находилась в Ницце, фельдъегерь привез подарок – альбом с новыми фотографиями. Через несколько дней Саша получил второй подарок от матери – любимый музыкальный инструмент – cornet a pistons⁴¹⁹.

По большому счету дни рождения детей в царской семье праздновали довольно скромно и традиционно. Когда в сентябре 1866 г. самому младшему сыну Александра II – великому князю Павлу Александровичу исполнилось 6 лет, то отец прислал в Ливадию телеграмму имениннику. Взрослые выпили шампанского за его здоровье, расставили игрушки, присланные из Петербурга. В их числе был и игрушечный кукольный театр, купленный девятилетним Сергеем Александровичем для младшего брата на свои деньги. Конечно, подавался традиционный пирог, окруженный 6 свечками. К 18 часам, когда все приготовления закончились, раздался звонок, Павла Александровича ввели в комнату с закрытыми глазами и поставили перед столом, на котором лежали подарки⁴²⁰. Восторгу мальчишки не было предела.

Естественно, дни рождения и тезоименитства многочисленных царских детей – часть парадной стороны жизни императорских дворцов, важный повод для того, чтобы собрать вместе многочисленную родню.

Но иногда дни рождения детей становились пово-

дом для публичной демонстрации непростых отношений между ближайшими родственниками. Например, в мае 1875 г., за день до наступления дня рождения старшего сына цесаревича Александра Александровича, его семья переехала в Царское Село. Тогда будущему Николаю II должно было исполниться 7 лет, а это – рубежная дата в жизни царских детей и внуков.

Младший брат цесаревича Сергей, видимо, был «не в курсе» особенностей взаимоотношений между семьей цесаревича и Александра II, испытал полнейшее недоумение. Тогда он записал в дневнике: «Это удивительно, что они не могли подождать до завтра! И даже у них не было обедни сегодня! Боже мой, куда все это поведет? Мы не были у них»⁴²¹. Возможно, в этом из ряда вон демарше проявилось недовольство цесаревича и его жены Марии Федоровны взаимоотношениями Александра II и его пассии Екатерины Долгоруковой.

Еще раз следует подчеркнуть, что, по большому счету, дни рождения царских детей проходили довольно скромно даже по нынешним меркам: бесконечные утренние поздравления, скромные для царской семьи подарки (29 апреля 1876 г. на 19-летие великого князя Сергея Александровича среди подарков упоминаются запонки, которые ему подарила цесаревна Мария Федоровна, и корзинка с розами из

Царскосельских оранжерей от великого князя Николая Николаевича (младшего). Остальное фиксируется, как «много маленьких подарочков»), и скромный семейный ужин («Обедали у Мама с несколькими близкими») ⁴²².

Александр III и императрица Мария Федоровна дарили детям подарки на дни рождения в соответствии с устоявшейся традицией. Обычно это были различные бытовые пустяки, но случались и серьезные подарки. Например, 6 мая 1881 г. родители подарили будущему Николаю II байдарку. В результате царь ежегодно, вплоть до весны 1917 г., плывал на своей байдарке. Тогда же императрица Мария Федоровна подарила сыну книги, перечень названий которых весьма показателен с учетом того, что книги были предназначены для 13-летнего мальчика: Французско-русский словарь; Русско-французский словарь; Штоль. Герои Греции; Олимп; Гомер. Одиссея (пер. Жуковского); Авенариус. Книга Былин ⁴²³.

Обязательно детям дарили подарки и на тезоименитство. В том же 1881 г. будущий Николай II на тезоименитство, оно отмечалось, как и у Николая I, в декабре, получил из оружейного магазина Шафа набор принадлежностей для фехтования: пару рапир; пару масок; пару нагрудников; пару перчаток. Всего на 37 рублей. К этому «военному подарку» родители доба-

вили собрание сочинений Тургенева в 10 томах и собрание сочинений Григоровича в 8 томах⁴²⁴.

При Николае II фактически прервались традиции «блестящей жизни» российского Императорского двора, дни рождения проходили следующим образом.

29 мая 1905 г. в 11 утра родители с тремя дочерьми (Ольга, Татьяна и Мария)⁴²⁵ присутствовали на Божественной литургии в церкви Большого Екатерининского дворца Царского Села. Затем в Александровском дворце состоялся парадный завтрак, он начался в 12 часов 25 минут в честь дня рождения второй дочери царя – великой княжны Татьяны Николаевны. Столы накрыли в Портретном зале Александровского дворца. Собственно «для семьи» предназначался стол на 10 персон. В центре зала помещались столы для гостей – два круглых стола на 10 человек и два на 8 человек. Следовательно, семейный праздник по случаю дня рождения 7-летней Татьяны собрал около 50 человек. Обслуживали завтрак 64 лакея в парадных ливреях. Надо заметить, что у каждого «гостевого» стола, по протоколу, один стул оставался свободным. Он предназначался для царя, который в обязательном порядке, на правах хозяина, обходил все столы, присаживаясь и беседуя с гостями.

Что касается подарков, то они были очень разными. Императрица Александра Федоровна, по тради-

ции, дарила дочерям по крупной жемчужине для их будущего ожерелья. Цесаревичу Алексею по статусу подарки полагались богаче. Например, 30 июля 1914 г. вдовствующая императрица Мария Федоровна после официального завтрака подарила «маленькому Алексею» маленького ослика Ваньку, «чему он был очень рад»⁴²⁶. А на тезоименитство, 5 октября 1914 г., бабушка-императрица подарила десятилетнему внуку настоящий маленький автомобиль, что «его необычайно обрадовало»⁴²⁷.

Свадьбы в императорской семье

Дети рано или поздно вырастают и начинают жить своей жизнью. Таким рубежным моментом для царских детей становились женитьба или замужество, очень важное событие в жизни не только императорской семьи, но и всего «большого света». В этом событии переплеталось множество факторов: личные симпатии молодых, надежды и планы родителей, политические расчеты, организационная подготовка свадьбы, подбор и ремонт «квартиры» для молодых, комплектация приданого для невест и женихов и множество других забот.

Все те, кто проходил через это для своих детей, хорошо понимают, какое множество забот обрушивалось на головы самодержцев. Конечно, при этом для императорской семьи «снямался» ряд обычных забот от материальных до организационных, поскольку «на свадьбу» работало множество специалистов из гофмаршальской части. Однако надо учитывать, что за нюансами свадебного торжества следил буквально весь свет, не только российский, но и многочисленная европейская родня. Все неизбежные проколы с удовольствием обсуждались и становились поводом для «весомых» выводов и «долгосрочных» прогнозов. По-

этому в «работе» по подготовке свадьбы участвовала вся семья.

Замужество или женитьба во все времена являлись важной частью повседневной жизни Императорского двора. До Петра I судьба русских царевен была печальной. Взросление в царском тереме, в любви, неге и внимании, в затем – монашество. Мотивировалось это особенностями сложившейся системы политической власти. «За своих» выдавать было нельзя. «Свой» – это холоп царской семьи, неровня. Да и появление побочных ветвей в царском роду было чревато ожесточенной борьбой за власть. Петр I в детстве пережил это, когда пьяные стрельцы в 1682 г. на глазах десятилетнего мальчика рубили бердышами братьев его матери. «За чужих» тоже выдавать не принято, да и по каноническим православным традициям – не за кого. Православных царевичей после падения Византии просто не было, а выходить замуж за католика – совершенно неприемлемо.

Петр I, взяв курс на европеизацию страны, сломал этот порядок. Именно в период его правления начали заключаться браки с представителями европейских аристократических фамилий. Сына Алексея он женил на немецкой принцессе Софии-Шарлотте Вольфенбюттельской. Сводную племянницу Анну Иоанновну он выдал замуж за герцога Курляндского, а ее сестру

Екатерину – за герцога Мекленбургского. Все эти браки носили политический характер. Личные склонности не принимались во внимание, что вполне вписывалось в традиции эпохи. Другое дело, что все эти браки оказывались неудачными и ни о какой личной симпатии между супругами не шло и речи.

Подбор невест и женихов

Ситуация изменилась в XIX в. При заключении браков, конечно, тщательно просчитывались престиж и положение семьи, которая должна была породниться с российским Императорским домом. Но при этом родители, российские венценосцы, стремились к тому, чтобы в основе браков их детей лежала любовь или, по крайней мере, взаимная симпатия. Россия могла себе это позволить. И хотя, на том или ином этапе семейной жизни венценосцев и их ближайших родственников происходили семейные драмы, но к женитьбе или замужеству никого не принуждали.

Когда 20-летний старший сын Николая I великий князь Александр Николаевич совершал поездку по Европе и неожиданно в Дармштадте познакомился с 14-летней принцессой Максимилианой-Вильгельминой-Августой-Софией-Марией, то российская сторона немедленно навела справки об очередной немецкой принцессе. При этом в России пренебрегли слухами о том, что возможный отец девочки не имеет отношения к герцогам Дармштадта. Главным было то, что девочка понравилась российскому принцу. Немедленно началась переписка между императором Николаем I и свитой цесаревича, в которой императо-

ра интересовали следующие «позиции»: «Какой ей год? Каков ее рост, ее сложение? Кто имел наблюдение за ее воспитанием после кончины августейшей ее матери? Каковы вообще ее нравственные достоинства?»⁴²⁸.

Когда женихи приезжали в Россию, подбирая себе жен из великокняжеских семей, они также имели на руках подробное «досье» на потенциальных невест. Как правило, значительная часть сведений о невестах и женихах печаталась в знаменитом Готском альманахе. Одна из дочерей Николая I, которая довольно долго не могла выйти замуж, а «смотрели» ее неоднократно, с раздражением заметила, что «в Готском альманахе указывается год твоего рождения, тебя приезжают смотреть, как лошадь, которая продается»⁴²⁹.

Надо заметить, что «рынок» царственных женихов и невест не был широким. Поэтому подчас приходилось выбирать из того, «что было». Иногда возникали довольно забавные коллизии. В 1860-х гг. семилетний великий князь Сергей Александрович несколько раз присутствовал в Дармштадте при купании своей будущей жены великой княгини Елизаветы Федоровны, тогда маленькой принцессы Эллы⁴³⁰.

Когда в 1873 г. выдавали замуж единственную дочь Александра II великую княжну Марию Александров-

ну, то многим бросилась в глаза незначительность ее будущего супруга принца Уэльского. Конечно, с точки зрения династических «раскладов» принц Уэльский был достойной парой для дочери российского императора, однако, по мнению современников, родители не могли не видеть «пошлой» натуры герцога. Но отмечали, что, «с одной стороны, дело зашло уже слишком далеко, а с другой – и все возможные партии между германскими принцами были нисколько не лучше»⁴³¹.

Во второй половине XIX в. возникают прецеденты, когда браки начинают заключаться внутри большой российской императорской семьи. В мемуарной литературе упоминается о любви принцессы Екатерины Петровны Ольденбургской к старшему сыну Александра II Никсе. Однако родители молодых людей не сочли возможным пойти на этот брак, хотя императрица Мария Александровна и готова была рассмотреть данный «вариант»: «На предложение императрицы принцесса-мать отвечала отказом, и тогда Мария Александровна стала думать о другом сочетании»⁴³².

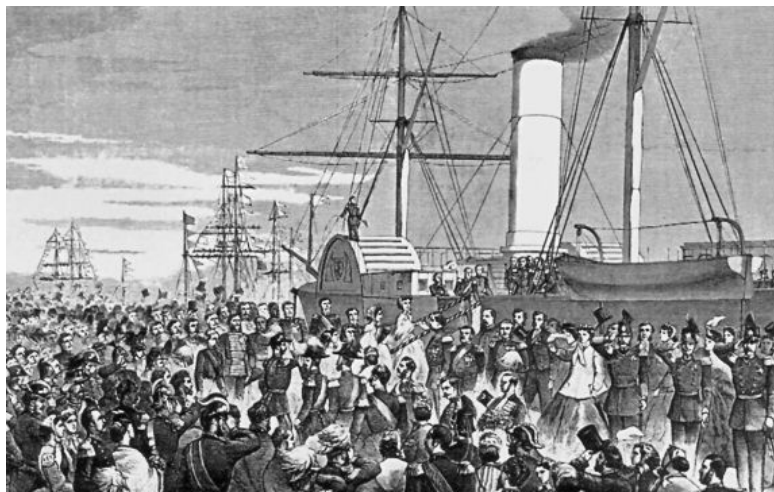
Брачные контракты

Важным этапом на пути к свадьбе было обязательное подписание *брачного контракта* между «высокими» договаривающимися сторонами. Например, российский Императорский двор в XVIII–XIX вв. трижды подписывал брачные контракты с Гессен-Дармштадтским двором. В 1840 г. брачный контракт подписал принц Август Витгенштейн, который в звании главноуполномоченного Гессенского двора прибыл в Петербург именно для подписания брачного контракта⁴³³. Третий раз подобный брачный контракт был подписан при заключении брака Николая II.

Когда улаживались все брачно-бюрократические проблемы, начиналась подготовка к *переезду невесты* на новую родину. Датскую принцессу Дагмар в сентябре 1866 г. провожала в Россию буквально вся Дания. Ее торжественно встречали в Петергофе, куда она прибыла на российском военном корабле, перейдя на него с датского судна, по достижении российских территориальных вод. В Петергофе невесту встречали жених – наследник цесаревич Александр Александрович и император Александр II. Затем огромная кавалькада карет и почетного караула из различных кавалерийских подразделений потяну-

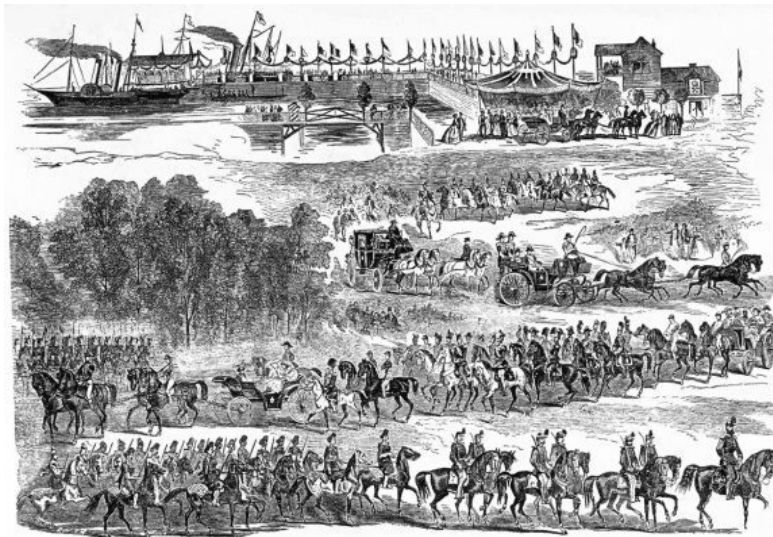
лась в Царское Село для представления невесты императрице Марии Александровне.

Приезд гессенской принцессы Алисы в Россию в октябре 1894 г. прошел значительно скромнее. Это связано с тем, что ее срочно потребовали в Ливадию, где в это время умирал Александр III. Будущая императрица доехала до Симферополя в обычном пассажирском поезде, как простая смертная. На платформе вокзала в Симферополе ее встречали старшая сестра, великая княгиня Елизавета Федоровна с мужем Сергеем Александровичем и, конечно, жених – цесаревич Николай.

Проводы принцессы Дагмар из Копенгагена. 14

сентября 1866 г.

Прибытие принцессы Дагмар в Петергоф. 17 сентября 1866 г.

М. Зичи. Приезд принцессы Алисы в Ливадию

Поскольку тогда было не до торжественных встреч, то невесту везли в Ливадийский дворец в простой открытой карете. Ехали двумя каретами: в первой – дамы, во второй – мужчины. Судя по акварели очевидца событий, придворного художника М. Зичи, придворные, конечно, собрались у дворца, но ни о какой торжественной встречи невесты цесаревича не было и речи.

После прибытия в Россию проходило *знакомство с будущими родственниками*. Мемуаристы в один голос утверждают, что Николай I сразу же очень расположился к своей невестке – цесаревне Марии Алек-

сандровне, которую он впервые увидел в 1840 г. Жене Александра III Марию Федоровну «действующая» императрица Мария Александровна держала на расстоянии, подсознательно не прощая ей «измену» ее старшему, любимому, сыну. Жена Николая II – Александра Федоровна так и не сумела поладить со свекровью, и их отношения от холодной сдержанности в рамках железного этикета со временем переросли в откровенную неприязнь.

Для родителей самым важным было счастье своих детей. Они оценивали женихов и невест именно с этой точки зрения. В июне 1843 г. Николай I писал своему брату Михаилу Павловичу:

«Принц гессенский скромный и милый малый. Гессенит полюбил Адину, и она его; мы согласились и ждем согласие родителей, чтоб объявить об этом официально. Мы им очень довольны; он скромный и милый малый»⁴³⁴.

Очень важное место в готовящейся свадебной церемонии *занимала процедура подготовки и демонстрации приданого*. Невесты привозили свои вещи, и российской стороне оставалось только принимать это приданое по описи и закладывать на хранение, используя его по мере необходимости. И в том, и другом случае процедура демонстрации и «приемки» вещей происходила накануне свадьбы. Надо заметить, что и

для цесаревичей готовился определенный комплект необходимых вещей, для того чтобы после свадьбы молодая семья могла сразу же зажить своим домом. По воспоминаниям камер-юнгферы Марии Александровны, в 1841 г. накануне свадьбы молодых слугам «стали выдавать часть белья и вещей из приданого от Гессенского двора (приданое делал не отец, а дядя, кажется, принц Карл), также и из приданого от русского двора; все остальное отдавали камер-фрау на хранение. Вещи, выданные нам, мы стали размещать по шкафам в новом помещении; вследствие этого дежурная исполняла свою обязанность при невесте, а свободная должна была принимать вещи, записывать и убирать»⁴³⁵.

Когда готовили приданое для российских принцесс, это принимало совсем иной характер. По воспоминаниям Ольги Николаевны, дочери Николая I, приданое ее старшей сестры Марии Николаевны летом 1839 г. выставлялось в трех залах Зимнего дворца: «целые батареи фарфора, стекла, серебра, столовое белье, словом, все, что нужно для стола, в одном зале; в другом – серебряные и золотые принадлежности туалета, белье, шубы, кружева, платья, и в третьем зале – русские костюмы, в количестве двенадцати, и между ними подвенечное платье, воскресный туалет, так же как и парадные платья со всеми к ним полагающимися-

ся драгоценностями, которые были выставлены в стеклянных шкафах: ожерелья из сапфиров и изумрудов, драгоценности из бирюзы и рубинов»⁴³⁶.

Традицию системной подготовки приданого для царских дочерей в России заложила жена Павла I императрица Мария Федоровна. У нее было пять дочерей, и поэтому с немецкой педантичностью был выработан стандартный комплект приданого. 13 июня 1797 г. супруга Павла I распорядилась «впредь ежегодно откладывать по 30 000 руб. для заготовления приданого для наших детей, то есть чтобы можно было помаленьку готовить белье и запасать кружева и другие вещи, кои исподволь покупая, обойдутся гораздо дешевле, нежели когда вдруг в них нужда будет»⁴³⁷.

Эту традицию упрочили в 1840 г., когда по предложению министра Императорского двора П.М. Волконского на изготовление приданого для невест Императорской фамилии был выделен особый фонд, складывавшийся из ежемесячных поступлений в 50 000 руб. в ассигнациях.

Установленная тогда процедура комплектации приданого и перечень вещей стали почти обязательными для всех последующих поколений невест из рода Романовых. Российский Императорский двор был достаточно консервативен, и если что-то в перечне при-

даного и менялось, то только внешний вид вещей, согласно господствующий на тот момент моде. Примечательно, что материальное благосостояние жениха совершенно не принималось во внимание. В любой ситуации приданое комплектовалось в полном объеме, согласно традициям, поскольку речь шла о национальном престиже. Все дети и племянники были равны, в мире им всем судьбой назначено представлять российскую корону. Незыблемой суммой являлся по этой же причине и приданный капитал в один миллион рублей серебром, наполовину выдаваемый после свадьбы, наполовину депонируемый в государственном заемном банке на родине невесты с годовой выплатой ей процентов.

В номенклатуру предметов обязательно входил комплект предметов церковной утвари для походной церкви, поскольку русская православная княгиня сохраняла свою веру и после отъезда на чужбину. Обязательны были самые разнообразные предметы роскоши: русские меха, драгоценности, мебельные гарнитуры и экипажи, серебряные обеденные и туалетные сервизы, фарфор и стекло, столовое и постельное белье, настольные украшения, оловянная кухонная посуда, вазы монументальные и вазы ночные. Огромное место в приданом занимал гардероб, включавший ткани, кружева и т. д. – вплоть до туфель и

сорочек для жениха.

Несмотря на первое впечатление невероятной роскоши приготовленного приданого – все эти вещи предназначались только для *первоначального обзаведения* молодой семьи, необходимым для еды, сна, одежды, передвижения и молитвы. Правда, все предметы были отменного качества и исчислялись сотнями штук.

В Министерстве Императорского двора приданое «строили» на основании прецедентов. Эти извлеченные из архивов прецеденты определяли фирмы, среди которых распределялись престижные заказы. Фирмы-производители, как правило, состояли «поставщиками Императорского двора». Для сохранения престижной марки «поставщика Императорского Двора» фирмы подчас шли на заведомые убытки, поскольку Министерство Двора требовало от них представить «такое же количество предметов и за такую же цену», при этом инфляция совершенно не принималась во внимание. Мотив «стоимости не превышать» проходит через многие документы. Если же превышение стоимости и происходило, то, как правило, поставщиками прилагалось тщательное обоснование «излишних» денежных затрат. Иногда для этих документов был характерен деловой стиль, изредка эмоциональный. Парижский фабрикант Дениер, веду-

щий французский бронзовщик эпохи историзма, работая над приданным для великой княжны Ольги Николаевны, написал следующую «объяснительную»: «В пылу работы, увлеченный желанием исполнить к лучшему, я превзошел указанные мною... цены, но признаюсь, что работая для одного из богатейших и пышнейших европейских дворов, мне трудно было быть остановленным экономией нескольких лишних тысяч франков»⁴³⁸.

Но при комплектации приданого принимались во внимание и личные вкусы «заказчика», поскольку все образцы проходили через процедуру обязательного личного утверждения.

При заказах вещей внимательнейшим образом отслеживалась конъюнктура рынка и множество сопутствующих деталей. Патриотизм во внимание не принимался, поскольку главное внимание уделялось качеству и художественной стороне изделий. В 1840-х гг. при формировании приданных для дочерей Николая I выяснилось, что заказывать фаянсовый сервиз в Англии у знаменитого Веджвуда было дешевле, чем в России. Кареты было выгоднее заказать мастерам Придворного ведомства. Заказывая столовое белье, приходилось выбирать между Александровской мануфактурой и голландским торговым домом в Петербурге «Гармсен, Ланганс и К°». Выбрали голландцев, они,

при всех прочих равных условиях, предлагали более короткие сроки выполнения заказа.

Хотя соблюдался жесткий контроль за ценами, художественная сторона заказа в таком деликатном деле, как приданое, все-таки доминировала. При отборе поставщиков ориентировались в первую очередь на многолетних партнеров Министерства Императорского двора: Императорский фарфоровый и стекольный завод, Выборгский стекольный завод, Шпалерную мануфактуру, мебельную фирму братьев Гамбс и Английский магазин «Никольс и Плинке».

Привлекали и живописцев. Профессора Академии художеств по предварительно составленным эскизам писали образа для иконостаса походной церкви. В 1843 г. для подготовки приданого великой княжны Александры Николаевны заслуженному петербургскому златокузнецу, автору русских орденов и короны 1826 г. Вильгельму Кейбелю доверяется самое дорогое: исполнить «для церкви утварь серебрянную густо вызолоченную». Серебряную без позолоты поручают изготовить мастеру Кудряшеву. Придворным ювелирам Кемереру, Янашу и вдове ювелира Ян надлежало кроме обручальных колец создать заново или переделать из старого девять гарнитуров из жемчуга, бриллиантов и всех родов драгоценных камней. Примечательно, что уровень вмешательства заказчиков

был таков, что мать невесты, императрица Александра Федоровна, лично сделала эскиз для бирюзовой диадемы.

Для драпировки стен (при составлении приданого в 1843 г.) поручили купцу и «почетному гражданину Погребову по выбранным у него образцам заказать на лучших московских фабриках шелковые обойные материи». 9 июля 1843 г. Кабинет испрашивал разрешения «заказать мастеру Гамбсу в спальню Ея Высочества точно такую же и в том же числе золоченую мебель, какая была приготовлена в спальню же для Е.И.В. Вел. Кн. Марии Николаевны, подтвердив Гамбсу, чтобы позолота была сделана лучше и прочнее первой»⁴³⁹. На это последовала резолюция министра Императорского двора князя П.М. Волконского: «Высочайше поведено исполнить и заказать Гамбсу сделать мебель сверх спальни и в уборную... но наперед представить рисунки... для выбора Ея Высочества». Рядом с резолюцией министра приписка, видимо, вызванная прошлым опытом работы с поставщиком: «Гамбса обязать подпискою отвечать за прочность мебели в течение года со времени поставки». Другими словами, от поставщика потребовали письменных гарантий.

При комплектации набора кухонной посуды министерство обратилось к «цеховому мастеру медных

дел» Александру Юрину, исполнившему ранее эту же часть приданого для старшей дочери Николая I Марии Николаевны.

Надо подчеркнуть, что никакие многолетние связи придворных поставщиков не гарантировали получения престижного заказа. Эскизы, образцы, реестры могли идти в работу только после прохождения обязательной процедуры «высочайшего утверждения». Особенно значимым было мнение самих царственных невест.

При распределении заказов регулярно прибегали к тендеру. Например, в 1843 г. разгорелась борьба между фирмой «Никольс и Плинке» и петербургским бронзовщиком Феликсом Шопеном за право изготовления бронзового плато. Каждая из сторон стремилась склонить Министерство Двора в свою сторону дополнительными «бонусами». Шопен предложил три варианта изделия и при этом брался бесплатно вычистить плато великой княжны Ольги Николаевны (изготовлено в 1840 г.), которое уже было сделано в качестве элемента приданого и ожидало своего часа на складах министерства. В результате министерство, решая свои задачи, передало плато из приданого Ольги в приданое Александры, но при этом немедленно заказало аналогичное плато для Ольги повторно. В результате к началу августа 1843 г. было

роздано большинство заказов для подготовки приданого Александры Николаевны.

К осени 1843 г. приданое начинает формироваться. Быстрее всего укомплектовали гардероб. Отвечала за эту позицию статс-дама Ю.Ф. Баранова. Через ее руки бесконечным потоком шли счета от берлинской фирмы братьев Римплер за шелковые ткани, от Августа Матиаса – за 7 аршин кашемиру из Москвы, выплату в школу Императорского человеколюбивого общества – за шитье блуз и 20 аршин вышивки для туалета, истопнику Воробьеву – за разьезды, футлярному мастеру Дюдитеру – за сделанные сундуки и картоны, жене капельдинера Сундукова – за шитье 18 наволочек, модному магазину «Этьен и Вед ель» на Большой Морской – за мантилью, банкиру барону Штиглицу – за вексель для уплаты шелков по счетам парижского магазина «Шардон Лагаш», магазину персиянина Хаджи Ханова в Петербурге – за турецкие шали, в магазин «Дюшон» на Невском проспекте – за помаду, мыло и одеколон, фабриканту Сапожникову – за 23 аршина марселина, фабриканту Шульцу – за булавки и шпильки, начальнице сиротского приюта – за разное шитье, в голландский магазин «Крюйс» – за 27 кусков батиста, почетному гражданину Ивану Лихачеву – за два русских парадных платья, вышитых серебром и золотом, дочери губернского секретаря Ильина Анне

– за метки на 34 платках и т. д. и т. п.⁴⁴⁰

Примечательно, что если деньги, отведенные на закупку приданого, не выбирались до конца, то они автоматически возвращались в фонд приданого Императорской фамилии, но не переходили в собственность молодоженов. Поэтому матери для своих дочерей старались «выжать» этот фонд «досуха».

Все поставки для Императорского двора, шедшие из-за границы, пропускались беспошлинно. Прибывший из Англии с фабрики Веджвуда, фаянсовый сервиз на 100 персон не облагался никакими таможенными сборами. Но предписывалось жестко контролировать этот канал поступления вещей в Россию, «чтобы под сим предлогом никому из-за границы не привозилось контрабанды»⁴⁴¹. А 19 мая 1843 г. таможня получает распоряжение о беспрепятственном пропуске приданого Адини за границу.

Наконец, когда приданое Александры Николаевны было полностью укомплектовано, оно, по традиции, выставлялось на несколько дней на обозрение в парадных залах Зимнего дворца.

Описанная практика действовала вплоть до начала XX в. Одна из последних «больших» великокняжеских свадеб состоялась летом 1894 г., когда великий князь Александр Михайлович женился на дочери Александра III Ксении. Поскольку решение о свадь-

бе принималось довольно внезапно, то приданое для Ксении пришлось «доукомплектовывать» срочными темпами. Фактически из-за этого свадьбу отложили на шесть месяцев. Великий князь вспоминал, что когда он попробовал протестовать против отсрочки, то его «попросили помолчать и лишь молить Провидение, чтобы портнихи успели к тому времени сшить приданое Ксении».

22.000.000 1894

1894

1894

Spuziale golia la 27.000.000

М. Зичи. Венчание вел. кн. Ксении Александровны в Большой церкви Петергофского дворца 25 июля 1894 г.

Все, конечно, было готово к сроку, и молодые, не без интереса, посетили выставку приданого, устроенную в Зимнем дворце: «В конце зала стоял стол, покрытый приданым жениха. Я не ожидал, что обо мне позаботятся также, и был удивлен. Оказалось, однако, что, по семейной традиции, Государь дарил мне известное количество белья. Среди моих вещей оказались четыре дюжины дневных рубах, четыре ночных и т. д. – всего по четыре дюжины. Особое мое внимание обратил на себя ночной халат и туфли из серебряной парчи. Меня удивила тяжесть халата. «Этот халат весит шестнадцать фунтов», – объяснил мне церемониймейстер «Шестнадцать фунтов? Кто же его наденет?» Мое невежество смутило его. Церемониймейстер объяснил мне, что этот халат и туфли по традиции должен надеть новобрачный пред тем, как войти в день венчания в спальную своей молодой жены. Этот забавный обычай фигурировал в перечне правил церемониала нашего венчания наряду с еще более нелепым запрещением жениху видеть невесту накануне свадьбы. Мне не оставалось ничего другого, как вздохнуть и подчиниться. Дом Романовых не собирался отступать от выработанных веками традиций

ради автора этих строк».

Последними большими «императорскими» свадьбами стали браки младших сестер Николая II – Ксении в 1894 г. и Ольги в 1901 г. К этим свадьбам в последний раз на полную мощность запускался механизм подготовки приданого для российских принцесс. О малой толике этого процесса можно поведать следующее...

Необходимой частью приданого дочерей российских императоров были различные ювелирные изделия, которые в конце XIX в. заказывалась поставщику Высочайшего двора Болину, и столовое серебро, сработанное мастерами фирмы К. Фаберже. Со второй половины XVIII в. русским великим князьям и княжнам, выходявшим замуж, дарились массивные серебряные столовые наборы, так называемые «Surtout de table». Фирма Фаберже изготовила три серебряных столовых набора: для великой княжны Ксении Александровны, Николая II и великой княжны Ольги Александровны.

Первый серебряный столовый сервиз был заказан в качестве приданого для дочери Александра III Ксении Александровны, которая вышла замуж весной 1894 г. О степени важности заказа свидетельствует то, что эскизы столового серебра утверждал лично Александр III. Поэтому отступления от утвержденного чертежа исключались, но мастера, исходя из особен-

ностей технологического процесса, могли себе позволить незначительные изменения в деталях.

Как правило, эти парадные украшения стола состояли из центральной вазы для цветов (жардиньерка), нескольких парных ваз для фруктов разных размеров, канделябров, холодильников для шампанского и других предметов. Общее число предметов не превышало 30.

Свадебный серебряный сервиз Ксении Александровны, обошедшийся Кабинету Е.И.В. в 50 000 руб., состоял из 29 предметов чеканного серебра в стиле ампир. Об уровне художественной стороны изделий говорит то, что, по некоторым предположениям, эскизы к серебряному сервизу Ксении Александровны делал Леонтий Бенуа.

Поскольку при Императорском дворе незыблемо соблюдался принцип прецедента, то ко дню свадьбы великой княжны Ольги Николаевны было приказано сделать такой же сервиз. О сложности заказа говорит то, что работа над сервизом продолжалась с апреля 1901 г. по март 1911 г.

Первый проект свадебного сервиза представили на рассмотрение императорской семьи весной 1901 г. Проект действительно обсуждался, поскольку в мае 1901 г. «Его Императорское Величество изволил заметить, что цвет фона 4-х медальонов на блюде...

следовало бы изменить». В свою очередь К. Фаберже, по свидетельству Ф. Бирбаума, предлагал сделать фон не красным, а темно-зеленым, так как цвет этот встречается в орнаменте блюда, подчеркивая, что это цвет «надежды», хорошо сочетаемый с цветом серебра. Все эти нюансы позволяют понять, как тяжело приходилось художникам фирмы Фаберже, которые стремились, как могли, отстаивать свое видение вещи.

Но «тягаться» с царственными заказчиками было очень тяжело, а подчас и невозможно. В результате изготовление сервиза затянулось, поскольку императрица Мария Федоровна полностью забраковала представленные рисунки и их пришлось переделывать. В конечном итоге Карл Фаберже представил на рассмотрение заказчиков новые рисунки: три варианта в стиле Людовика XV и три в стиле Людовика XVI. Наконец, в декабре 1908 г. проектные рисунки свадебного сервиза были Высочайше утверждены, и к марту 1911 г. сервиз «Surtout de table» в стиле Людовика XVI с вензелями «О.А.» и царской короной был готов. Стоил сервиз «по образцу прежних лет» также 50 000 руб. В «комплект» входили: одно плато с зеркалом большое; два плато с зеркалами, боковые; четыре вазы для фруктов большие с тарелками граненого хрусталя; восемь ваз для конфет; восемь холодильь-

ников для шампанского; четыре вазы для компота; четыре канделябра с электрическими проводами на 10 свечей каждый в 12 дубовых футлярах.

Императрице Александре Федоровне не пришлось всерьез озаботиться подготовкой приданого для своих дочерей, хотя Ольге на момент гибели исполнилось уже 23 года. В 1914 и 1916 гг. предпринимались попытки познакомить ее с румынским принцем Каролем, но не сложилось... При этом известно, что Александра Федоровна все-таки начала с 1910 г. готовить приданое для своих старших дочерей.

Еще одной очень важной предсвадебной церемонией было *торжественное миропомазание* невест цесаревичей. Приезжали в Россию протестантки, однако накануне свадьбы *они принимали православие и меняли имена*. 5 декабря 1840 г. дочь герцога Людвига Гессен-Дармштадтского принцесса Максимилиана-Вильгельмина-Августа-София-Мария в ходе церемонии миропомазания превратилась в цесаревну Марию Александровну, а в октябре 1866 г. датская принцесса Дагмар – в цесаревну Марию Федоровну. В октябре 1866 г. после торжественного «большого выхода» императорской семьи в большой церкви Зимнего дворца митрополит провел церемонию миропомазания. В России сохранили ее первое имя – Мария, отчество было дано в честь иконы Феодоровской Бо-

жией Матери. Как свидетельствует очевидец: «Государь, взяв за руку принцессу, подвел ее к митрополиту; по установленному церковному обряду, она прочла твердым и громким голосом и с довольно чистым произношением установленные молитвы и правила, после чего она была введена в церковь, где и совершен обряд миропомазания, а затем отслужена литургия. Принцесса, нареченная великою княжною Марией Федоровной, приобщилась Святых Тайн по православному обряду, а по окончании службы принимала в церкви поздравления от высшего духовенства и членов Императорской фамилии. При этом Государь обратился к протоиерею Рождественскому как законоучителю принцессы с лестными выражениями благодарности. Процессия возвратилась прежним порядком через те же залы во внутренние покои»⁴⁴².

Е. Мошков.

Миропомазание вел. кн. Елизаветы Алексеевны

После этой процедуры Мария Федоровна приобрела статус «полной невесты» русского цесаревича. За-

тем последовала божественная литургия, и после нее императрица Мария Александровна подвела уже Марию Федоровну к целованию Святых икон и ко Святому причащению⁴⁴³.

Следует напомнить, что миропомазание является одним из христианских таинств. Обычно обряд миропомазания совершается при обряде крещения. Также обряд миропомазания совершается над теми, у кого по прежнему вероучению (протестанты, русские раскольники разных сект) не существует непрерывного иерархического преемства от апостолов и, следовательно, нет законного священства, необходимого для преподавания даров Святого Духа. Из католичества присоединяются к православию через миропомазание только те, кто не успел еще принять конфирмацию. *Для протестанток, вступивших в брак с российскими великими князьями, обряд миропомазания не был обязателен.* Одни из великих княгинь принимали православие сразу, другие – спустя некоторое время, а иные так и оставались протестантками.

После процедуры миропомазания следовал *обряд обручения*. Временные промежутки между этими обрядами определялись конкретной ситуацией. Например, миропомазание великой княжны Марии Александровны состоялось 5 декабря 1840 г., а обряд обручения последовал уже 6 декабря 1840 г. Эти да-

ты не случайны. Дело в том, что 6 декабря отмечалось тезоименитство императора Николая I. Церемония же бракосочетания молодых состоялась 16 апреля 1841 г.

Естественно, церемония обручения была в деталях отработана придворными церемониймейстерами. Например, 19 декабря 1842 г. граф К.В. Нессельроде составил проект церемониала обручения Александры Николаевны с принцем Фридрихом Вильгельмом Гессен-Кассельским. Поскольку православная великая княжна выходила замуж за лютеранина, то сначала состоялось венчание по православному обряду в Большой церкви Зимнего дворца, а уже затем такую же процедуру проводил в очень узком кругу лютеранский пастор.

Через три дня утвержденный церемониал опубликовали в «Санкт-Петербургских ведомостях». Там описывалось все, от формы одежды до места, где каждому надлежало идти или стоять. Все роли в этом придворном «спектакле» были тщательно расписаны, вплоть до того, что петь придворному хору во время совершения обряда, какому пастору совершать церемонию по лютеранскому обычаю, на каком языке читать ему проповедь, включать ли в свадебные торжества «по примеру прошлого» театральное представление.

Следует еще раз подчеркнуть, что вся жизнь Императорского двора строилась на основании прецедентов. По аналогии с предыдущими торжествами ассигновались такие же суммы на раздачу бедным и выкуп из тюрьмы должников, учителям и гувернанткам по составленному невестой списку выплачивались пенсии и награды, а для обслуживания гостей на праздничных балах и ужинах мобилизовывалось множество слуг из всех дворцов, включая пригородные и великокняжеские.

Естественно, такое событие, как обручение, нашло свое отражение в мемуарах. Жена Николая I вспоминала, как проходило ее *обручение* 25 июня 1817 г.: «Я впервые надела розовый сарафан, брильянты и немного подрумянилась, что оказалось мне очень к лицу; горничная императрицы, Яковлева, одела меня, а ее парикмахер причесал меня; эта церемония сопровождалась обедом и балом с полонезами»⁴⁴⁴. Во время церемонии Александр I подвел к алтарю младшего брата Николая, а вдовствующая императрица Мария Федоровна – «высокобрачную невесту». Митрополит Амвросий, приняв вынесенные из алтаря кольца, возложил их при обычной молитве на руки обручающихся, а императрица Мария Федоровна обменяла их перстнями⁴⁴⁵.

Когда в 1838 г. выдавали замуж старшую дочь Ни-

колая I Марию Николаевну, то помолвка также состоялась в Большой церкви Зимнего дворца: «Мэри в русском парадном платье была очень хороша: белый тюль, затканый серебром и осыпанный розами, обволакивал ее. Мама сама придумала ее наряд. Он был так прекрасен, что с тех пор стало традицией надевать его во всех парадных случаях»⁴⁴⁶.

Очень важной деталью церемонии обручения *царских дочерей* была *процедура отречения*. Когда в 1845 г. великая княжна Ольга Николаевна выходила замуж, она утром, пред обручением, подписала «отречение, как это полагается в нашем Законе. Его подписывает каждая Великая княжна перед своим браком»⁴⁴⁷. Под «отречением» имелся в виду отказ от каких-либо претензий на императорскую корону, как со стороны самой невесты, так и ее потомства. Это отречение, фактически превращало невесту в «отрезанный ломоть» для всей императорской семьи и отношения с близкими поддерживались только на личном уровне⁴⁴⁸.

Императрица Мария Федоровна прошла через церемонию обручения 13 октября 1866 г. Из алтаря вынесли на золотых блюдах обручальные перстни, для цесаревича – духовником Их Величеств, протоиереем В.Б. Бажановым, а для невесты – ее законоучите-

лем протоиереем И.В. Рождественским. Митрополит совершил обряд обручения, возложив перстни на руки обручаемым, а императрица Мария Александровна, подойдя к аналою, разменяла перстни три раза установленным порядком. По окончании этого обряда обрученные подошли к Их Величествам, которые обняли их, и затем подходили с поздравлениями все члены царской фамилии⁴⁴⁹.

Затем наступала пора самого *обряд венчания*. Поскольку это событие, как правило, занимало целый день, то обряд венчания проходил в несколько этапов.

Сначала проходила семейная церемония *обеда*⁴⁵⁰. На обеде, как правило, проходившей в Малой церкви Зимнего дворца, присутствовала только семья. Родители последний раз молились со *своей* дочерью. Продолжением обеда становился семейный завтрак, на котором присутствовали только «свои».

После завтрака начиналась старинная русская церемония одевания невесты. Обряд *одевания невесты* происходил в присутствии всей женской половины императорской семьи и вновь назначенных придворных дам и фрейлин. Одна из камер-фрейлин императрицы Марии Александровны упомянула, что 23 апреля 1841 г. во время одевания будущей императрицы ей была представлена «новая камер-фрау,

баронесса Каролина Карловна Рааль, урожденная Бронзарт, бывшая начальница в институте глухонемых»⁴⁵¹.

До пожара 1837 г. *церемония одевания невесты* происходила в Бриллиантовой комнате, прилегавшей к спальне вдовствующей императрицы Марии Федоровны. Именно там одевали жену Николая I – Александру Федоровну. Именно во время процедуры одевания бедненькие немецкие принцессы впервые надевали на себя столько драгоценностей, сколько они не видели за всю свою жизнь. Александра Федоровна вспоминала, что накануне свадьбы, которую приурочили ко дню ее рождения – 1 июля 1817 г., она «получила прекрасные подарки, жемчуг, брильянты; меня все это занимало. Так как я не носила ни одного брильянта в Берлине, где отец воспитывал нас с редкой простотой»⁴⁵²... Мне надели на голову корону и кроме того бесчисленное множество крупных коронарных украшений, под тяжестью которых я была едва жива»⁴⁵³.

Зимний дворец. Малахитовая гостиная

Камер-юнгфера Марии Александровны также описала свадебный наряд невесты: «Мне пришлось снимать с ее головы и шеи драгоценнейшие бриллиантовые уборы, какие я видела в первый раз в жизни. На принцессе был голубого цвета шлейф, весь вышитый серебром, и белый шелковый сарафан, перед которого тоже был вышит серебром, а вместо пуговиц нашиты бриллианты с рубинами; повязка темно-малинового бархата, обшитая бриллиантами; с головы спадала серебром вышитая вуаль»⁴⁵⁴.

После того как Зимний дворец восстановили после

пожара 1837 г., церемонию одевания невесты перенесли на половину императрицы Александры Федоровны в Малахитовую гостиную. Именно там с 1839 по 1894 г. одевали всех царских невест.

Невесты, как и все невесты, выглядели, конечно, ослепительно, тем более что вся инфраструктура Министерства Двора несколько недель «работала» на этот блеск. 28 октября 1866 г. во время бракосочетания цесаревича Александра и датской принцессы Дагмар только около часу пополудни была окончена процедура одевания невесты. Когда она вышла со всем царским семейством в Концертный зал, все глаза устремились на нее: она была действительно прелестна в своем блестящем наряде, с бархатной малиновой, подбитой горностаем мантией и с короною на голове. Длинный шлейф ее поддерживали гофмаршал Двора наследника цесаревича Скарятин и четыре камергера... Другой очевидец упоминает, что высоконараченная невеста была в сарафане из серебряной парчи и в малиновой бархатной мантии, обшитой горностаем, и имела на голове корону, блиставшую бриллиантами⁴⁵⁵.

Несмотря на весь блеск, лоск, церемониальность и пышность Императорского двора, в обряде одевания невесты сохранились глубинные народные традиции, которые шли от естественных человеческих чувств.

Особенно это было характерно, когда выдавали замуж царских дочерей. Они не только уходили из семьи, но и покидали Россию. Поэтому органичной частью этого обряда были *плачи*. Когда в январе 1874 г. выдавали замуж единственную дочь Александра II, ее младший брат отметил в дневнике, что невесту окружали *плачущие женщины*¹⁵⁶.

О неизменности этой традиции говорят и воспоминания великого князя Александра Михайловича, тот, описывая *церемонию одевания* своей жены Ксении Александровны в 1894 г., упоминал, что «за обрядом одевания невесты наблюдала сама Государыня при участии наиболее заслуженных статс-дам и фрейлин. Волосы Ксении были положены длинными локонами, и на голове укреплена очень сложным способом драгоценная корона. Я помню, что она была одета в такое же серебряное платье, что и моя сестра Анастасия Михайловна и как все Великие Княжны в день их венчания. Я помню также бриллиантовую корону на ее голове, несколько рядов жемчуга вокруг шеи и несколько бриллиантовых украшений на ее груди».

После завершения церемонии одевания невесты начиналось *торжественное шествие всей императорской семьи* и ближайшей свиты в Большую церковь Зимнего дворца. Официально церемония именовалась «Высочайшим выходом перед свадьбой». Все

обряды венчания российских императоров в XIX – начале XX вв. происходили именно в Большой церкви Зимнего дворца.

М. Зичи. Венчание вел. кн. Александра Александровича и вел. кн. Марии Федоровны. 1866 г.

Родители, конечно, переживали за своих детей и желали им счастья. Волнение проявлялось по-разному. В январе 1844 г. во время свадьбы дочери Николая I Александры Николаевны император, перед началом торжественного шествия, приказал «по народному обычаю, всем сесть, а потом опять встали и каждый перекрестился, вместе с императрицею, в слезах, благословил невесту»⁴⁵⁷.

В 1866 г. цесаревича Александра Александровича венчали на следующий день после миропомазания невесты. Обручальные перстни молодых были уложены в алтаре заранее. Во время торжественного венчания перстень цесаревича вынес из алтара духовник императора, а перстень невесты – ее законоучитель, протоиерей Рождественский. Митрополит передал перстни на руки молодым. Затем подошли Александр II и Мария Александровна и «разменяли их перстнями». В этот момент начался салют в 51 выстрел. Брачные венцы держали поочередно: над женихом – великие князья Владимир и Алексей Александровичи, а над невестой – ее брат, наследный принц Датский, и герцог Н.М. Лейхтенбергский.

После венчания все приглашенные и молодые направились в Николаевский зал за обеденный стол. Во время торжественного свадебного обеда произносились традиционные тосты, под которые звучали традиционные салюты⁴⁵⁸.

В 8 часов вечера начался съезд на бал в Гербовый и Георгиевский зал. Целый день над Петербургом плыл колокольный звон, а вечером была устроена иллюминация. В 10 часов вечера начался торжественный переезд молодых в Аничков дворец, где молодых встретили наверху парадной лестницы великий князь Константин Николаевич и великая княгиня Алексан-

дра Иосифовна, прибывшие во дворец заранее и ожидавшие с иконою и хлебом-солью, чтобы, по русскому обычаю, благословить молодых на пороге их нового жилья. Затем царская фамилия и некоторые из придворных дам, назначенные для раздевания новобрачной, вошли во внутренние покои, а прочие лица остановились в парадных комнатах. Вся церемония окончилась около полуночи⁴⁵⁹.

Сама процедура венчания *царских дочерей*, как и их обручения, носила *двухэтапный характер*. Сначала венчание шло *по православному обряду*, а затем процедура венчания повторялась *по лютеранскому обряду* в одном из зал дворца. Александру Николаевну венчали по лютеранскому обряду в узком кругу приглашенных в Александровском зале у протестантского алтаря. Эта скромная церемония завершила духовную часть торжеств.

В 1874 г. после русской свадьбы состоялась «английская», проведенная по обрядам англиканской церкви в Александровском зале Зимнего дворца. При этом великий князь Сергей Александрович отметил в дневнике, что ему «очень понравилась следующая фраза «Кто отдает эту женщину этому мужчине?»». После окончания этой церемонии, уже в Малахитовом зале, Александр II, императрица Мария Александровна и даже младшие братья Сергей и Павел, как

свидетели, подписались под свадебными документами, «это у них, то есть у англичан, такой обычай»⁴⁶⁰.

Во время свадебной церемонии старались избежать каких-то почти неизбежных накладок, способных бросить тень на торжественную церемонию. Публика во дворец пускалась далеко не случайная, но и за ней внимательно присматривали. Во время свадьбы Александра II и Марии Александровны в апреле 1841 г. на хорах в одном из залов Зимнего дворца заметили, что «у одной дамы была надета черная кружевная накидка: тотчас явился скороход, отыскивает даму и просит от имени гофмаршала Олсуфьева снять черную накидку. Дама, конечно, моментально исполняет желание гофмаршала, сбрасывает накидку и держит ее на руках; вторично появляется скороход, прося унести или так спрятать, чтобы вовсе не было видно ничего черного»⁴⁶¹. Современники отмечали и необычных гостей, присутствовавших на свадьбе. В октябре 1866 г. на свадьбе цесаревича Александра и датской принцессы Дагмар присутствовал плененный вождь кавказских горцев Шамиль⁴⁶².

Традиция торжественного шествия по залам Зимнего дворца в Большую церковь Зимнего дворца сохранялась с железной неизменностью. Даже если императорская свадьба проводилась в другой резиден-

ции, традиция соблюдалась до мельчайших деталей. Великий князь Александр Михайлович, женившийся в 1894 г. на Ксении Александровне в церкви Большого Петергофского дворца, вспоминал: «Наконец, мне показали невесту, и процессия двинулась. Сам Государь Император вел к венцу Ксению. Я следовал под руку с Императрицей, а за нами вся остальная Царская фамилия в порядке старшинства. Миша и Ольга, младшие брат и сестра Ксении, мне подмигивали, и я должен был прилагать все усилия, чтобы не рассмеяться. Мне рассказывали впоследствии, что «хор пел божественно». Я же был слишком погружен в мои мысли о предстоящем свадебном путешествии в Ай-Тодор, чтобы обращать внимание на церковную службу и наших придворных певчих».

Как и всякая церемония, венчание было довольно утомительной процедурой. После венчания молодые уже супругами возвращались во дворец. При этом расстановка мест в торжественном шествии несколько изменилась. Впереди шли уже молодожены, а позади – Александр III с императрицей Марией Федоровной.

Пожалуй, это была последняя «нормальная» свадьба среди членов «малой» императорской семьи. Через полгода, 14 ноября, состоится свадьба Николая II и Александры Федоровны. Однако над этой,

в общем-то, любящей парой изначально витали черные тучи. Гессенская принцесса приехала в Ливадию 10 октября 1894 г., а через 10 дней, 20 октября, умер Александр III. Когда гроб с телом Александра III привезли в Петербург, Александра Федоровна с семьей шла за гробом по Невскому проспекту. По Петербургу немедленно поползли слухи о том, что молодая императрица явилась в Россию вслед за гробом Александра III. Не без влияния Александры Федоровны Николай II настоял на немедленном венчании, хотя по традиции в Империи должен был соблюдаться годичный траур. Траур прервали на один день. 14 ноября был днем рождения вдовствующей императрицы Марии Федоровны, и именно в этот день состоялось венчание Николая II и Александры Федоровны. Чего это стоило императрице-матери, можно только догадываться. А в сознании современников свадьба смешалась с похоронами, да и сама скромная скоротечная свадьба не оставила особого следа в памяти современников.

Тем не менее отлаженный механизм торжественных церемоний отработал без сбоев. Все прошло гладко, до мелочей. Например, по традиции из Материальной кладовой Зимнего дворца служителям выдали двадцать флаконов духов «Парфюм-для-кур» для курения по Зимнему дворцу «в подъездах по

случаю Высочайшего торжественного дня Бракосочетания Его Императорского Величества»⁴⁶³. Этими духами обрызгивались раскаленные чугунные лопатки, для интенсивного «курения духов».

Важным звеном свадебных торжеств являлся *торжественный «трехклассный» обед*. Такое название было связано с тем, что на свадебный обед допускалась военно-бюрократическая элита Российской империи, отобранная по принципу принадлежности к первым трем классам по Табели о рангах. В особых случаях, например при свадьбе цесаревича, круг гостей расширялся за счет купцов первых двух гильдий. Ну и, конечно, приглашался дипломатический корпус⁴⁶⁴. Как правило, после окончания венчания молодые шли через живой коридор сановников, приглашенных во дворец на торжественный ужин.

В апреле 1841 г. на свадьбе цесаревича торжественный банкет начался в три часа дня. Примерно 400 человек разместились в Николаевском зале Зимнего дворца за тремя громадными столами. Праздничный ужин сопровождался музыкой. В 1843 г. свадебный ужин открылся увертюрой из «Эврианты» Вебера. Посередине зала располагалась царская семья и духовенство, которое открывало банкет молитвой и благословением. За столом, по правую руку от императорской семьи, сидели дамы, по левую – кавале-

ры. Каждый тост сопровождался пушечными залпами. Цифра в 400–500 гостей была обычной для подобных мероприятий.

В октябре 1866 г. на свадьбе цесаревича Александра парадный «трехклассный» обед в Николаевском зале начался в пять часов пополудни. На эту свадьбу для «музыкального сопровождения» собрали отечественных и европейских звезд: Трелли, Блюдель, Барбо, Леонова, Тамберлик, Грациани, Кальцолари и др.⁴⁶⁵

И.Е. Репин. Венчание цесаревича Николая Алек-

сандровича и вел. кн. Александры Федоровны. 14 ноября 1894 г.

Завершающим аккордом свадебного дня становился обязательный бал. На свадьбе цесаревича в 1841 г. бал начался в восемь часов вечера. Торжественный бал открылся традиционным полонезом в Георгиевском зале. Примечательно, что во время бала круг приглашенных расширялся. Например, в январе 1843 г. на свадьбе Александры Николаевны на торжественном ужине присутствовало 416 гостей, а на балу было уже 565 персон. Такое увеличение происходило за счет приглашенных кавалеров, которые, как правило, подбирались из молодых офицеров лейб-гвардейских полков.

На свадьбах во время полонеза первый парой шли император и невеста. В 1841 г. первой парой шли Николай I и его молодая невестка Мария Александровна. Только в десять часов вечера молодые удалились в покои, где был накрыт стол для ужина только «для семьи»⁴⁶⁶. Наконец, уже в двенадцатом часу ночи обессиленные молодые остались одни.

На свадьбе цесаревича в 1866 г. бал начался в девять часов вечера. Он состоял только из торжественного полонеза (или, как его называли, – польского) и завершился уже к десяти часам вечера, после чего молодые отъехали в Аничков дворец.

Свадьба в императорской семье не ограничивалась одним днем. После церемонии венчания начиналась целая череда дворцовых празднеств. Требовалось быть очень здоровым человеком, чтобы выдержать их напряженный ритм и значительные физические нагрузки.

Последующие балы не ограничивались торжественными полонезами. Свадьба есть свадьба, и молодежь веселилась от души. Одна из участниц подобных балов вспоминала, как в 1841 г. они таким бешеным галопом неслись по залам «с Папа во главе», что «камер-пажи с трудом поспевали за нашими шлейфами»⁴⁶⁷.

При Николае I на особо торжественные свадьбы, такие как свадьба наследника цесаревича, в Зимний дворец пускали «народ». Фактически это празднество превращалось в бал «с мужиками». К примеру, во время свадьбы наследника Александра Николаевича, когда свадьба закончилась «народным празднеством в национальных костюмах», в Зимний дворец было допущено «тридцать тысяч человек. Зимний дворец освещался всю ночь напролет и в залах толкалась невообразимая толпа. В Белом зале для Мама было устроено спокойное место за балюстрадой, где она могла сидя принимать приветствующих их. Папа с одной из нас, дочерей, под руку ходил, насколько это

было возможно, среди толпы; празднество длилось бесконечные часы. Мы совершенно обессилели под конец»⁴⁶⁸, – вспоминала дочь Николая I. О свадьбе старшего брата Ольга Николаевна пишет, что на большом приеме при Дворе присутствовало множество городских дам и их мужей, как и купцов с женами. Все они имели право быть представленными невесте, и залы дворца были поэтому переполнены⁴⁶⁹.

Торжества, связанные со свадьбой цесаревича Александра в 1866 г., начались в сентябре и продолжались до второй половины ноября. 8 ноября 1866 г. состоялся парадный спектакль в Петербургском Большом театре, 9 ноября состоялся бал в Зимнем дворце и закончились торжества 21 ноября балом от дворянства.

«Проколы» во время свадеб, конечно, бывали. Трудно организовать столь сложную церемонию с участием сотен людей без тех или иных недочетов. Промашки случались, и некоторые из них входили в историю. Эпизод, когда во время свадьбы Николая II протодиакон Исаакиевского собора на торжественной ектеньи назвал принцессу «Даршматской» вместо «Дармштадтской», упоминается во множестве мемуаров⁴⁷⁰.

Важным этапом свадебного церемониала был *при-*

ем поздравлений дипломатического корпуса в Зимнем дворце. Затем молодые отправлялись к «могилам предков» в Петропавловском соборе, и завершались церемониальные торжества поклонением чудотворной иконе Спасителя в домике Петра Великого.

Затем молодожены могли располагать сами собой. Уже в XIX в. в царской семье сложилась традиция свадебных путешествий. В 1894 г. младшая сестра Николая II Ксения после завершения свадебных торжеств отправилась в имение жениха Ай-Тодор.

Наряду со свадьбами молодоженов в XIX в. были отмечены три *серебряные императорские свадьбы*. Следует подчеркнуть, что серебряные свадьбы отмечали в домашнем кругу. Это был праздник «для своих», когда рядом с юбилярами собирались многочисленные дети и родственники. Празднование серебряного юбилея не выливалось в какие-либо серьезные официальные мероприятия.

Николай I и императрица Александра Федоровна заключили брак 1 июля 1817 г., и, следовательно, в 1842 г. исполнилось 25 лет их брака. Собственно праздники при Дворе, посвященные серебряной свадьбе императорской четы, начались еще в апреле 1842 г., когда в Михайловском манеже прошел первый тур «рыцарской карусели», повторенный «набело» в мае 1842 г. перед Александровским двор-

цом. Эти праздники были зримым проявлением культа «прекрасной дамы», который создавал Николай I вокруг своей жены на протяжении всего своего царствования.

Непосредственно перед юбилеем Николай I провел камерный, семейный праздник. Великая княгиня Ольга Николаевна вспоминала: «Папа, любивший семейные торжества без свидетелей, устроил так, что накануне торжества семья, без придворных, в самом тесном кругу собралась вместе. Тут он появился с подарками для Мама, со шляпой в каждой руке, третья на голове, футляр во рту, другой под пуговицами его мундира, за ним следовала камер-фрау с платьями на руках, чудесными туалетами, подобных которым мы еще не видели... в день свадьбы – мы, семеро детей, поднесли Мама накануне браслет с семью сердечками, из драгоценных камней, которые составляли слово «respect» (почтение). От Папа она получила ожерелье из 25 отборных бриллиантов. Каждой из нас, сестер, он подарил по браслету из синей эмали со словом «bonheur» (счастье) в цветных камнях, которые отделялись друг от друга жемчужинами. «Такова жизнь, – сказал он, – вперемешку со слезами. Эти браслеты вы должны носить на семейных торжествах»»⁴⁷¹. Конечно, трудно представить себе грозного императора в модной женской шляпке на голове,

но Николай I в кругу семьи мог себе это позволить.

Вторая императорская серебряная свадьба состоялась в 1866 г. Официальная церемония торжеств выглядела очень скромной. Юбилейную дату едва обозначили, поскольку еще продолжался годичный траур по цесаревичу Николаю Александровичу, умершему в 1865 г. До нас дошла фотография императора Александра II и императрицы Марии Александровны, сделанная в день их юбилея. На этой фотографии Мария Александровна в глубоком трауре, только зонтик и чепец светлые. И лицо ее сохраняло глубокую скорбь. Эта скорбь была по-человечески понятна: 25-летие брака императрица встретила, потеряв не только своего старшего любимого сына, но и мужа, который не делал особой тайны из своих взаимоотношений с молоденькой княжной Екатериной Долгоруковой. Судя по тому, что Александр II на этой фотографии одет в партикулярный сюртук, празднование свадьбы прошло в семейном кругу за границей, где императрица ежегодно проходила курс лечения.

Третья серебряная свадьба была скромно отмечена Александром III и императрицей Марией Федоровной в Ливадии осенью 1891 г. в кругу родных. На юбилей собрались не только все великие князья и княгини, но и из Дании приехали родственники со стороны императрицы Марии Федоровны. Родственни-

ки заказали в фирме К. Фаберже в качестве подарка большие серебряные каминные часы, которые и преподнесли юбилярам. Кроме этого изготовили по двум проектам юбилейные медали, посвященные 25-летию свадьбы императора.

Последняя императорская семья не отметила своего юбилея. Однако в ноябре 1914 г. Николай II записал в дневнике: «Не верится, что сегодня двадцатилетие нашей свадьбы! Редким семейным счастьем Господь благословил нас; лишь бы суметь в течение оставшейся жизни оказаться достойным столь великой Его милости!».

Быт монархов, их окружение

«Жилые» половины в императорских резиденциях

Жилая половина императорской семьи в Зимнем дворце при Николае I

Императорские дворцы представляли собой огромные жилые комплексы, населенные тысячами людей, которые жили в императорских резиденциях по-разному: одни в подвалах дворцов в комнатах-общежитиях, другие занимали десятки роскошных комнат.

Говоря о роскошных интерьерах императорских резиденций, следует иметь в виду, что для Романовых пышный дворцовый антураж был естественной частью повседневной жизни. В их представлении о самодержавии органично входила мысль о необходимости поддержания богатства и пышности Императорского двора, как лица власти. Поэтому роскошные дворцовые интерьеры, среди которых проходила жизнь императорских семей, являлись для них

обыденным жилым и рабочим интерьером, и на нем взгляд не фиксировался.

Императорские резиденции традиционно делились на зоны, каждая из которых выполняла свои функции. Безусловно, «сердцем» дворца была та часть, где жила императорская семья. Семью монарха обслуживали сотни людей, сосредоточенных в хозяйственных и служебных помещениях дворцов. *Личные, жилые комнаты, императорской семьи являлись своеобразными квартирами, которые назывались «половины».* Половины включали в себя несколько групп помещений, выполнявших различные функции: *парадные апартаменты, личные и служебные* помещения. При этом парадные покои несли представительскую функцию в состав половин входили не всегда.

Таким образом, дворцовые *половины* — это комплексы жилых помещений, *связанных топографическим единством, общим назначением или владельцем, с единым архитектурно-декоративным решением.* Это были *личные покои* императорской семьи, в целом *отделенные от парадных залов.* Им присуща своеобразная среда обитания первых лиц империи, со своими традициями и порядками, сознательно культивируемыми и передаваемыми из поколения в поколение. Уклад жизни первых лиц на их дворцовой половине также служил сознательному формиро-

ванию определенного образа владельцев. При смене владельца границы половины, как правило, сохранялись. Но это не мешало новым владельцам половины производить ее полный ремонт с заменой декоративного убранства.

В Зимнем дворце дворцовые половины сформировались еще в XVIII в. В первой четверти XIX в., естественно, происходили некоторые изменения и в их топографии, и архитектурном убранстве. Однако самые серьезные изменения в конфигурации дворцовых половин были осуществлены во второй четверти XIX в. в период правления Николая I.

Пожар Зимнего дворца в декабре 1837 г. оставил после себя относительно уцелевший первый этаж и выгоревшие второй и третий этажи. Сам Николай I оценивал произошедшее следующим образом (запись от 3 января 1838 г.): «Надо благодарить Бога, что пожар случился не ночью... Эрмитаж мы отстояли и спасли почти все из горевшего дворца. Жаль старика, хорош был... надеюсь к будущему году его возобновить не хуже прошедшего, и надеюсь без больших издержек... Одно здешнее дворянство на другой же день хотело мне представить 12 миллионов, также купечество и даже бедные люди. Эти чувства для меня дороже Зимнего дворца; разумеется, однако, что я ничего не принял и не приму: у русского царя доволь-

но и своего»¹.

Дворец восстанавливали авральными темпами, работали круглосуточно, и к апрелю (к Пасхе) 1839 г. работы по возрождению Зимнего дворца в целом закончились. Семья Николая I переехала в Зимний дворец в ноябре 1839 г.

В процессе восстановления дворцовые половины подверглись не только значительному обновлению, но и была произведена их некоторая перепланировка.

Традиционным «районом» размещения личных покоев императорской семьи оставались три этажа северо-западного ризалита Зимнего дворца. На *втором этаже* размещались покои императрицы Александры Федоровны. На *третьем этаже* жилые покои появились впервые в 1826–1827 гг., когда здесь устроили половину Николая I, с его знаменитым кабинетом. Его планировка сохранилась и после пожара.

Первый этаж северо-западного ризалита отвели под покои великих княжон Ольги и Александры. Ольга Николаевна упоминает в воспоминаниях, что «помещения для нас, детей, были в нижнем этаже, под апартаментами родителей». Такая планировка, в сочетании с созданием здесь вертикальной, сквозной коммуникации от первого до третьего этажа – лестницы с подъемной машиной – наметила существенную для жизни царствующей фамилии во дворце тенден-

цию к локализации ризалита, которая развивалась до 1880-х гг.²

Терминологически все три этажа северо-западного ризалита в литературе называют единой половиной, в которой жила императорская семья. Вместе с тем ее деление на *детские покои* (первый этаж), *покои императрицы* (второй этаж) и *комнаты Николая I* (третий этаж) позволяет также называть их самостоятельными половинами, поскольку они имели свое особое функциональное назначение, четкую топографию и специфическое декоративное убранство, отвечавшее личным вкусам их владельцев.

В период правления Николая I в семейной жизни императорской семьи наметились противоречивые тенденции. С одной стороны, полностью сохранялась традиция публичности в приватной жизни императорской семьи. Примеров тому множество. Например, во время пребывания в Петергофской Александрии императорская семья сознательно и привычно выставляла идиллию своей семейной жизни на всеобщее обозрение. Окна в Коттедже не закрывались и не занавешивались. Кадетам, периодически приглашаемым в Александрийский парк, позволялось заглядывать в окна и наблюдать за повседневной жизнью императорской семьи. Вероятно, психологически это было тяжело. Но сам император и его жена воспри-

нимали публичность как неизбежную и очень важную часть своей «работы», к которой они очень ответственно относились.

С другой стороны, с 30-х гг. XIX в. в императорской семье постепенно начинают вызревать иные поведенческие стереотипы, связанные с соотношением публичности и закрытости своей жизни, развивавшаяся в социально-поведенческой сфере тенденция осознания потребности разделения быта императорской семьи и ритуала официальных и светских приемов, что было связано с изменением самого понятия частной жизни императорской семьи, привела к его новому содержанию.

Покои императрицы Александры Федоровны на втором парадном этаже Зимнего дворца служили продолжением парадной анфилады Невской линии. *Парадная часть апартаментов* императрицы Александры Федоровны включала в себя три гостиные: *Малехитовую* (ныне зал № 189), *Розовую* (№ 187) и *Малиновую* (№ 186). Там же располагались две столовые: *Арапская* (№ 155) и *Помпейская* (№ 188). Наряду с парадными, представительскими залами, половина императрицы включала в себя и *личную часть апартаментов*. К ним относился *Кабинет*³ (№ 185), *Синяя спальная* (№ 184), *Розовая уборная* (№ 183) и *Будуар* (№ 182). Все эти *личные* помещения были пе-

репрофилированы в ходе ремонта 1895–1896 гг., и ни одно из них не сохранилось до настоящего времени. Третьей частью жилых помещений на половине императрицы Александры Федоровны были *служебные помещения*. К ним относилась *Проходная комната* (№ 180), *Большая столовая* (ныне залы № 178, 179), *Бриллиантовая* (№ 176) и *Ванная комнаты* (№ 670). Вместе с тем необходимо отметить, что деление половины на парадные, личные и служебные помещения весьма относительно. Примером тому служит Ванная комната императрицы. Она была отделана архитектором А. Брюлловым с пышной мавританской роскошью. Мемуаристы упоминают, что Ванная комната Александры Федоровны служила для приемов близких ко Двору людей.

Набор помещений, размещенных на половинах, свидетельствовал о совершенно определенном «домашнем» статусе каждого члена семьи. На этаже императрицы Александры Федоровны располагались три парадные гостиные. На этаже Николая I – две, а у великих княжон на первом этаже – одна парадная гостиная на двоих. На остальных половинах гостиных не было. У наследника Александра Николаевича своя гостиная появилась только после женитьбы в 1841 г. Аналогично обстояло дело и со столовыми. На этаже императрицы – три столовых, на остальных этажах

императорской половины столовых не было вообще. Столовые императрицы служили местом сбора большой семьи императора Николая Павловича.

К.А. Ухтомский. Арапский зал. Середина XIX в.

К.Л. Ухтомский. Помпейская столовая. 1874 г.

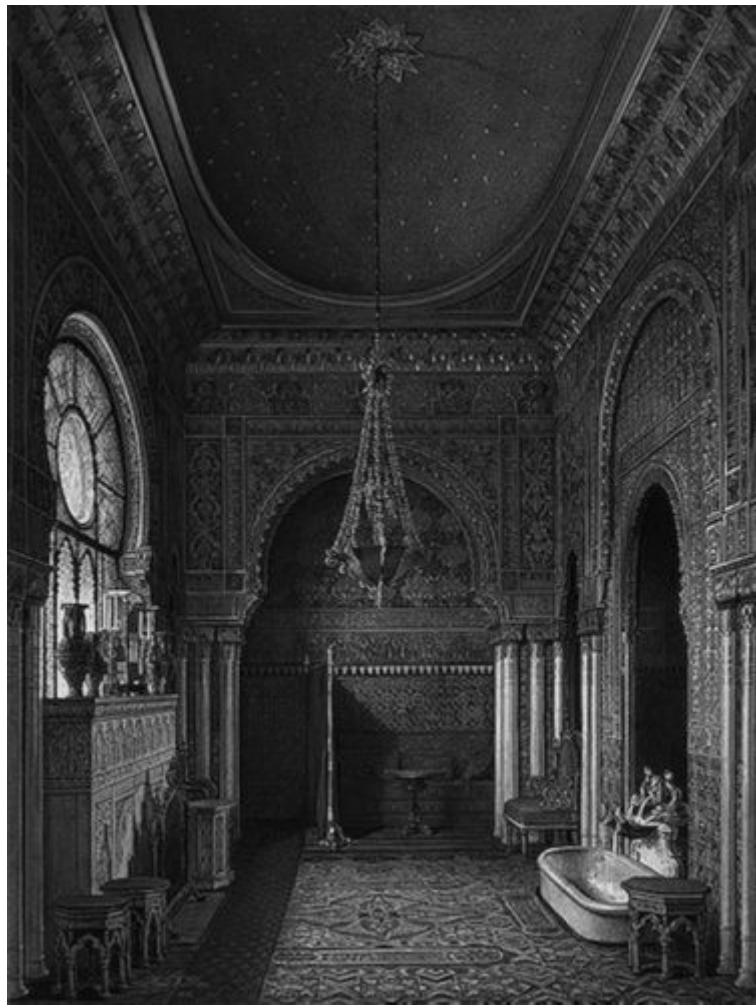
Э.П. Гау. Белая гостиная имп. Александры Федоровны. 1860 г.

Э.П. Гау. Большая гостиная.

Э.П. Гау. Будуар имп. Александры Федоровны.
1871 г.

Э.П. Гау. Ванная и туалетная комнаты имп. Алек-

сандры Федоровны. 1871 г.

Э.П. Гау. Спальня имп. Александры Федоровны. 1859 г.

Из перепланировок императорской половины можно упомянуть о появлении второго кабинета императора Николая Павловича, который оборудовали на первом этаже северозападного ризалита Зимнего дворца.

Говоря о жилых половинах императорской семьи, следует упомянуть об одной устойчивой традиции, со-

блюдавшейся, по крайней мере, почти 200 лет в императорском Петербурге. После переезда в пригородные резиденции или после возвращения в Зимний дворец в обязательном порядке проводился обряд освящения жилых комнат. Сначала придворное духовенство отслуживало молебствие, после которого священник кропил все жилые комнаты⁴. Видимо, этот обряд восходил к традициям борьбы со «сглазом».

Жилая половина императорской семьи при Александре II

Как правило, с началом нового царствования или после женитьбы цесаревича на дворцовых половинах происходили серьезные изменения. После женитьбы в 1841 г. старшего сына Николая I цесаревича Александра Николаевича для его семьи была оборудована «квартира» в юго-западном ризалите Зимнего дворца. Там находились преимущественно комнаты цесаревны, а впоследствии императрицы Марии Александровны.

Одна из камер-юнгфер Марии Александровны оставила довольно подробное описание этих комнат. По ее словам, квартира, предназначенная молодым в Зимнем дворце, выходила частью на Адмиралтейство, частью на Дворцовую площадь. Комнаты цеса-

ревича были напротив Адмиралтейства, начиная от балкона с зеленой палаткой, с которого царская фамилия смотрела обыкновенно разводы караула.

Говоря о половине семьи цесаревича Александра Николаевича и Марии Александровны, следует иметь в виду, что каждый из хозяев собственной половины, располагая определенным, стандартным набором помещений, мог их обустраивать, следуя своим вкусам и предпочтениям. В наборе этих помещений нашли отражения индивидуальные представления российских императоров о повседневном комфорте. В начале 1840-х гг. решающим словом при планировке и оформлении интерьера было слово «действующих монархов» – Николая I и Александры Федоровны. Однако впоследствии, особенно после воцарения Александра II в 1855 г., интерьеры во многом изменялись согласно пожеланиям новых монархов.

Жилые помещения на половине Александра II, расположенные вдоль Темного коридора, включали в себя шесть комнат: *Бильярдную, Приемную, Учебную комнату, Кабинет, Камердинерскую* и *Библиотеку*. К этим помещениям примыкала еще одна *Камердинерская* комната, над ней размещалась антресоль. Рядом с Камердинерской находилась *Буфетная*⁵.

Мемуаристка уточняет, что в *Кабинете* цесаревича, в алькове за колоннами, «находилась спальня».

Однако на дошедших до нас шести акварелях, изображающих кабинет Александра II в разные годы, никакой спальни в алькове не просматривается. Кушетка в кабинете была, однако она стояла либо у стены с колоннами, либо позади рабочего кресла императора. Но то, что Александр II часто использовал рабочий кабинет как спальню, особенно начиная с 1860-х гг., это факт. Мемуаристка оставила описание *Библиотеки*, или *Второго кабинета*: «Эта комната была огромная, заставленная по стенам высокими шкафами красного дерева с надписями на каждом, какого отдела находятся в нем книги, и столами, заваленными бумагами, планами»⁶. На одном из шкафов стоял черный бюст папы римского Григория XVI.

Примечательно, что ранее на месте половины Александра II в конце XVIII в. были помещения, в которых проживал будущий император Александр I. Его спальня впоследствии превратилась в кабинет Александра II. Кабинет Александра I в начале XIX в. находился там, где в конце XIX в. был расположен кабинет Николая II. Непарадная жизнь Александра I проходила в комнатах, занятых в 1895–1896 гг. Николаем II в бельэтаже⁷.

Личные помещения императрицы Марии Александровны, жены Александра II, находились в юго-западном ризалите.

Э.П. Гау. Бильярдная имп. Александра II

Э.П. Гау. Кабинет имп. Александра II

Окна ее комнат выходили на Дворцовую площадь и Адмиралтейство. Перечень ее личных комнат включал в себя «стандартный набор» из *Уборной, Ванной, Опочивальной комнаты, Будуара, Кабинета, Золотой гостиной, Столовой, Буфета, Камер-юнгферской и Ванной комнаты на антресолях*. Всего 10 помещений, включавших в себя парадные, личные и служебные помещения. Интерьеры всех этих помещений были полностью утрачены в последующие годы.

Камер-юнгфера императрицы подробно описала все помещения своей хозяйки: «*Первая комната* (здесь и далее в цитате выделения мои. – И. З.) была *уборная*, в два окна; стены покрыты драпировкой из розового дама, разукрашены снурками и кистями; портьеры, занавесы и вся мебель покрыта той же матернею; чехол на туалетном столе и покрывало на зеркале – из цельного брюссельского кружева на розовой подкладке, прибор туалетный и зеркало серебряные.... Впоследствии переменили розовую обивку на светло-лиловую и предпочли соединить уборную и кабинет в одной комнате; в этом новом кабинете в последнее время императрица Мария Александровна постоянно находилась, а секретаря принимала в первоначально устроенном кабинете.

Вторая комната, в одно окно, с матовым стеклом, была *ванная*. Белая мраморная ванна отделялась от остальной части комнаты драпировкой из синего сукна, и вся мебель крыта им же.

Третья — очень большая *спальня*; три окна выходили на маленький дворик, а в другой стене, в выступе дворца, одно окно, из которого через площадь видна Нева: ...Стены, занавесы вокруг кровати, покрывало, валики на кровати, занавесы у окон, портьеры, диваны, кушетки, табуреты, стулья с очень высокими прямыми спинками, корзина для подушек, экран у ка-

мина – все крыто дама василькового цвета с белыми букетами; вся названная мебель и еще два трюмо, витрины для бриллиантов, шкафики у кровати, столы, парадный туалетный стол с золотым туалетным прибором, киот со столиком для молитвенника и скамейкою для колен – были отделаны черепаховую фанеркою с инкрустацией.

Четвертая комната – кабинет: стены и мебель крыты светло-голубым дама с белыми узорами; задняя стена полукруглая и по всей стене полукруглый диван; перед ним с одного конца стояли столик и кресла, с другого – стулья и табуретки, посредине комнаты довольно близко к дивану – кушетка, на которой великая княгиня постоянно отдыхала.

Э.П. Гау. Библиотека имп. Александра II. 1867 г.

Э.П. Гау. Гардеробная имп. Александра II. 1871 г.

Л. Премацци. Гардеробная имп. Марии Александровны. 1857 г.

Л. Премацци. Малиновый кабинет имп. Марии Александровны. 1857 г.

Э.П. Гау. Будуар имп. Марш Александровны. 1861 г.

Эл. Гау. Ванная комната имп. Марии Александровны. 1850-е гг.

На кушетке лежал валик длиной $\frac{3}{4}$ аршина, на розовом чехле надета батистовая вышивка и обшитая кружевами наволочка: его подкладывали под спину, а маленький такой же валик клали на подушку кушетки под голову. Письменный стол стоял у стены около двери, ведущей в спальню... В противоположной стене – камин....Библиотеки не было вовсе. Впоследствии, с правой стороны круглого дивана, была сделана небольшая дверь, скрытая под драпировкой, ведущая на лестницу в нижний этаж, в комнаты детей; по стенам этой лестницы устроены были полки для книг; лестница освещалась днем и ночью карселевскими лампами, так как была устроена внутри стен и была совершенно темная.

Пятая комната, очень большая, угловая, крыта красною с золотыми арабесками материею; большой письменный стол, с золотым письменным прибором, тут же стоял рояль и круглый прекрасный мозаичный стол ...Эта комната называлась – парадный кабинет. Столовой не было, и когда цесаревна обедала дома или были приглашенные к столу, то обедали в этой комнате. В первых четырех комнатах полы были устланы коврами.

Шестая, золотая комната: белые стюковые стены

с легкими золочеными лепными разводами, вся мебель вызолоченная. *Седьмая* — огромное белое зало в два света; в углах колоссальные хрустальные канделябры, на вершине их киликсы, то есть плоские стеклянные чаши; в них помещены газовые рожки, свет от которых переливался тысячами разноцветных огней в гранях канделябров.... В уступе над подъездом, крытый балкон, так называемый фонарчик, посередине которого стояла белая мраморная Венера Медицейская, а по стенам были устроены полки, обтянутые красным сукном... Впоследствии была уничтожена широкая лестница, ведущая с улицы до третьего этажа. Во втором этаже в этом пространстве сделана столовая, обитая зеленым с цветами мокетом; свет проникал из огромного стеклянного колпака на крыше»⁸.

Прежде чем говорить о новых «жильцах» Зимнего дворца, следует упомянуть, что в 1858 г., когда старшему сыну Александра II цесаревичу Николаю осенью минуло 15 лет, для него начали оборудовать Собственную половину в так называемом

Шепелевском дворце, который с XVIII в. входил в комплекс зданий Зимнего дворца. Для цесаревича в соответствии с его статусом оборудовали три комнаты: *Гостиную, Кабинет и Спальню*⁹. Николай Александрович прожил на своей половине пять лет, пока

осенью 1864 г. он не отправился в путешествие по Европе, из которого вернуться ему было не суждено.

Комнаты младших сыновей Александра II, Сергея и Павла, пока они были маленькими, находились на первом этаже Зимнего дворца под комнатами императрицы Марии Александровны, окнами на Собственный сад. В этих комнатах ранее жили старшие сыновья Александра II, которые по мере взросления получали другие комнаты в Зимнем дворце¹⁰.

Когда великие князья выросли (как правило, в 10–11 лет), их переводили из «детских комнат» во взрослые покои. Так десятилетнего Сергея Александровича переселили из детских комнат во взрослые в 1867 г. Эти комнаты находились на втором этаже и выходили окнами на Адмиралтейскую площадь. В них он прожил с 1867 по 1880 г. В начале XIX в. это были внутренние покои императора Александра I. Несколько позже младшего брата Сергея – великого князя Павла также переселили на эту половину Зимнего дворца, только его комнаты находились на первом этаже¹¹.

Комнаты Александра III в Зимнем дворце

В 1865 г. цесаревичем был объявлен великий князь

Александр Александрович, который унаследовал от старшего брата не только его невесту, но и Аничков дворец, где он и поселился осенью 1866 г. после свадьбы. Поэтому у Александра III в Зимнем дворце своей половины до 1887 г. не было.

Александр III до 1881 г. с семьей жил в Аничковом дворце. После гибели Александра II 1 марта 1881 г. новый император 27 марта 1881 г. с семьей переехал в Гатчинский дворец, который, наряду с Аничковым, стал постоянной жилой резиденцией императорской семьи. Зимний дворец Александр III не любил и в нем практически не жил. Но, тем не менее, Зимний дворец продолжал оставаться главной императорской резиденцией, и там по протоколу проходило множество официальных мероприятий, на которых обязан был присутствовать император.

Именно поэтому в 1887 г. Александр III выразил желание устроить в Зимнем дворце Собственную половину, где он мог бы останавливаться во время приездов в Зимний дворец. Поскольку, по традиции дети не трогали половин своих умерших родителей, то за основу половины Александра III использовались бывшие комнаты его младшего брата великого князя Алексея Александровича.

В результате ремонтных работ новую императорскую половину оборудовали в течение года. К 1888 г.

половина императора Александра III в Зимнем дворце включала в себя следующие помещения: *Передняя, Проходная первая, Проходная вторая, Проходная третья, Уборная Его Величества, Уборная и Ванная, Кабинет, Гостиная угловая, Гостиная вторая, Библиотека, Гардероб, Две проходные комнаты за гардеробом, Дежурная и Буфет*. Всего 15 комнат¹².

Топографически все эти комнаты располагались на третьем этаже северо-западного ризалита дворца, причем их большая часть выходила окнами на Неву. Впоследствии, 7 февраля 1895 г., после прогулки Николай II и Александра Федоровна специально заехали в Зимний дворец, чтобы осмотреть «верхние комнаты Папа, которые Алике еще не видела».

Из событий, связанных со штурмом Зимнего дворца в октябре 1917 г., известно, что один из снарядов попал в Библиотеку Александра III, занимавшую угловое помещение, выходя окнами на Адмиралтейство и на Неву. На половине Александра III находился и «Собственный Их Величества подъезд», который выходил на Неву¹³.

Жилая половина семьи Николая II в Зимнем дворце

После того как в октябре 1894 г. императором стал Николай II, в Зимнем дворце с ноября 1894 г. начались масштабные работы по оборудованию жилой половины для молодого императора. Одновременно в Зимнем дворце обустроивалась половина для младшей сестры Николая II великой княгини

Ксении Александровны и ее мужа великого князя Александра Михайловича. Эти работы велись по проектам архитектора АФ. Красовского¹⁴. Затем в 1899 г. его сменил архитектор Н.И. Крамской. С 1905 г. ведущим архитектором становится А.С. Данини – архитектор Царскосельского дворцового управления.

В ходе этих работ помещения на втором этаже северозападного ризалита, ранее принадлежавшие императрице Александре Федоровне, жене Николая I, полностью утратили свой первоначальный декор.

Надо отметить, что оформление интерьеров царской половины Николая II шло на совершенно иной основе, чем у его предшественников. Ранее интерьерно-декоративная часть убранства была результатом индивидуальной проработки архитекторами облика каждого из помещений. В конце XIX в. отделка поме-

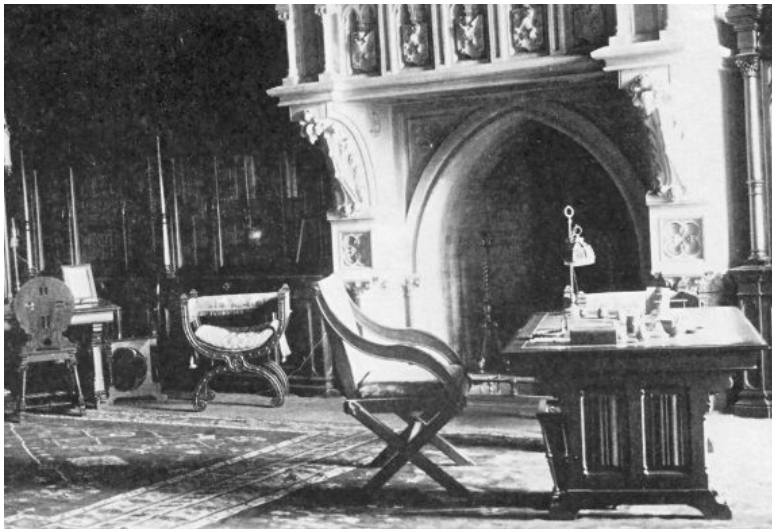
щений велась на основе каталогов и образцов, которые представлялись ведущими строительными и интерьерными фирмами. Буржуазные стандарты, связанные с оформлением комнат и созданием соответствующего уровня комфорта, вытесняют традиционные представления о дворцовой пышности императорских резиденций.

Молодое поколение совершенно не устраивали прежние стандарты дворцовой жизни и представления об уровне комфорта личных помещений царской семьи. Великий князь Александр Михайлович заметил, что даже после проведенного ремонта, комнаты Зимнего дворца подавляли «своими размерами, с громадными, неудобными спальнями»¹⁵.

Детали интерьера новой половины утверждались лично императрицей Александрой Федоровной. К весне 1895 г. все интерьеры царских комнат окончательно утверждаются. Николай II отметил в дневнике 26 апреля 1895 г.: «Заехали в Зимний, где окончательно решили все в последних подробностях».

Но решающую роль в оформлении интерьеров играла не императорская чета, а старшая сестра императрицы – великая княгиня Елизавета Федоровна, или Элла, как ее называли родные. Именно Элла «курировала» отделку помещений на императорской половине в Зимнем дворце. Николай II в дневнике не-

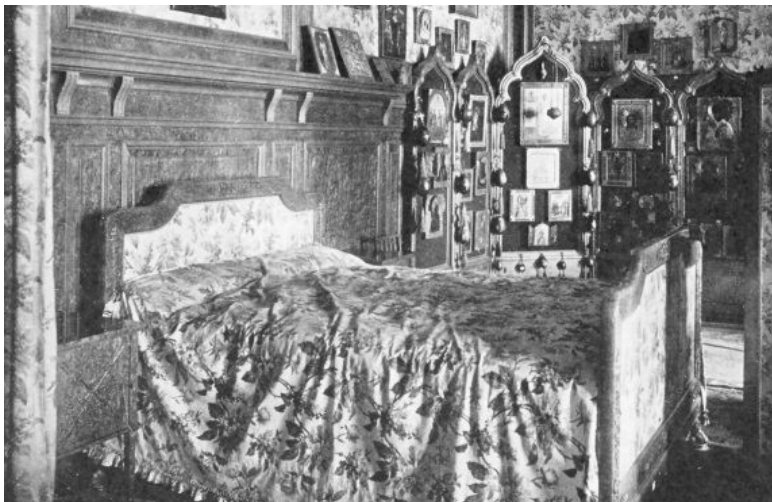
сколько раз отметил дизайнерские заслуги Елизаветы Федоровны: «Элла переехала к нам из Большого дворца; она ездила в город осматривать наши помещения в Зимнем, которых отделка близится к окончанию» (5 октября 1895 г.); «Поехал в Зимний, где осмотрел с Эллой наши комнаты, которые почти готовы» (8 ноября 1895 г.). В результате царь прямо заявил: «Элла – автор наших комнат. Показали им все наше устройство» (11 января 1896 г.). Надо добавить, что Елизавета Федоровна распространила свою дизайнерскую практику и на Александровский дворец Царского Села, на Свитской половине которого по ее указаниям отделялось несколько комнат в так называемом английском стиле.

Библиотека имп. Николая II

Приемная имп. Николая II

Спальня имп. Николая II и имп. Александры Федоровны

Стилем, столь любимым молодой императорской четой, стал модерн. Ведущей фирмой, разрабатывавшей интерьерные эскизы и поставлявшей предметы интерьера, выбрали фирму Ф. Мельцера. Срочность заказа по оформлению жилых комнат в Зимнем дворце оказалась столь строгой, что фирма Ф. Мельцера за каждый день просрочки обязывалась выплачивать по 500 руб. пеней. Это очень крупная сумма по тем временам.

Императорская половина по традиции делилась на две части – мужскую и женскую. Эти части соединя-

лись общим помещением – *Передним залом*. Единственным отступлением от традиций было то, что у молодых супругов появилась общая спальня с большой двуспальной кроватью. Это «исключение» соблюдалось и в Александровском дворце Царского Села.

Комнаты Николая II включали в себя: *Адъютантскую, Бильярдную, Библиотеку, Первое и Второе проходные помещения, Кабинет и Уборную с бассейном*. Любимым помещением императора была *Библиотека*, оформленная в готическом стиле.

Комнаты Александры Федоровны размещались на месте бывших покоев другой Александры Федоровны – жены Николая I: *Столовая, Малахитовая гостиная, Первая (Розовая) и Вторая (Малиновая) гостиные, Угловой (Зеленый) кабинет, Спальня и Ванная комната*. Часть этих помещений сохранила оформление в стиле рококо¹⁶.

Детские комнаты царских дочерей устроили на первом этаже северо-западного ризалита, пятьдесят лет назад в тех же комнатах жили дочери Николая I – Ольга и Александра. Окна их комнат выходили на Неву, продолжаясь от Детского до Иорданского подъезда.

30 декабря 1895 г. император Николай II и императрица Александра Федоровна вместе с новорожден-

ной Ольгой переехали в Зимний дворец. Их обустройство в Зимнем дворце сопровождалось дальнейшими ремонтными работами. Николай II записал в дневнике: «В 2 ³/₄ ч. простились с милым Царским и сели в поезд, с кот. Мама приехала из Гатчины. Со станции в Питере поехали прямо в Зимний в наши новые комнаты. В библиотеке отслужили молебен, все комнаты, наши и детские, были окроплены. После двухчасовой работы я устроился и все вещи расставил на места, им соответствующие». В новой квартире в Зимнем дворце семья Николая II прожила до апреля 1904 г.¹⁷

«Собственные» сады императорской семьи

Следует сказать еще об одной традиции, связанной с императорскими резиденциями. Дело в том, что рядом с императорскими половинами во всех пригородных резиденциях разбивались так называемые «Собственные сады». Они действительно были «Собственными», поскольку, как правило, обносились решетками и соответствующим образом охранялись. Собственные сады являлись непосредственным продолжением императорских половин на откры-

Неизвестный художник. Камеронова галерея и Фрейлинский садик в Царском Селе

Как правило, Собственные сады были особым предметом забот со стороны императриц. Мужья и дети императриц в меру своих сил помогали им в этом занятии. Например, осенью 1824 г. будущий император Николай I, возвращаясь из Пруссии, вез матери, императрице Марии Федоровне, цветочные луковицы, купленные у садовника Туссена за 37 талеров¹⁸.

Став императором, Николай I особенно любов-

но обустроивал петергофский парк Александрию, поскольку это был действительно его «собственный» парк. Периодически, из личных «Гардеробных сумм» Николай Павлович выделял значительные средства на содержание парка Александрия. В сентябре 1841 г. по высочайшему повелению садовнику Эрслеру за купленные в 1841 г. цветы для украшения «Дачи в Александрии» было выплачено 160 руб. 38 коп.¹⁹ В марте 1842 г. «на содержание парка в Александрии» было выплачено 506 руб. 57 коп. В декабре 1844 г. «на покрытие расходов в парке Александрия по ремонту и содержанию дорог – 1065 руб.». В этом же месяце «на вырубку сухих и посадку новых деревьев в Александрии – 688 руб. 64 коп.», а также «по смете садового мастера Эрслера» выплатили 988 руб. 40 коп.²⁰

Царское Село. Зубовский флигель

Счетов подобного рода было достаточно много²¹. Следует еще раз подчеркнуть, что это были дополнительные средства «из кармана» императора на содержание его любимого парка.

Подобные любимые Собственные сады были и у других российских императоров и императриц. Александр II считал своим Собственным сад у Зубовского флигеля в Царском Селе. В 1865 г. архитектор И. Монигетти составил проект Вензельных ворот для Собственного сада, расположенного рядом с Зубовским флигелем Большого Царскосельского дворца. Своё название ворота, выполненные из чугуна и ковального железа, получили благодаря массивным вензелям императора Александра II и его супруги. Ворота бы-

ли «утверждены к постройке» 10 июня 1868 г. и установлены на Большом спуске (пандусе) при выходе от Камероновой галереи в Собственный сад.

«Собственный сад» Александра III находился в Гатчинском парке и также любовно обустроивался императором.

Когда Николай II стал императором и поселился в Зимнем дворце, то сначала у него такого Собственного сада не было. Ранее российские монархи могли позволить себе гулять по набережным или прогуливаться в Летнем саду. Правда, с этой традицией было покончено еще при Александре II, когда в него стреляли в апреле 1866 г. у ворот Летнего сада, а в апреле 1879 г. выстрелы раздались уже близ Певческого моста. Последние полтора года своей жизни Александр II гулял по бесконечным залам Зимнего дворца, а «для здоровья» – открывали окна дворцовых залов.

Садик у западного фасада Зимнего дворца. Фото 1910-х гг.

Для обеспечения безопасности прогулок Николая II со стороны северо-западного ризалита разбили Собственный сад. Безопасность царя обеспечивалась не только охраной, но и двухметровой оградой из темно-красного гранита. По верху ограды в 1901 г. была укреплена красивейшая решетка с императорскими орлами. Для Николая II, привыкшего к обширным паркам пригородных резиденций, маленький Собственный сад около Зимнего дворца казался клеткой. Он так и записал в дневнике 31 марта 1895 г.: «Утром

погуляли в саду, который теперь нам кажется узкою клеткою после приволья в Царском».

Кроме Собственного сада император Николай II, в целях безопасности, частенько гулял по крыше Зимнего дворца. Последний раз он со своими дочерьми посетил крыши Зимнего дворца 25 февраля 1913 г., когда по случаю празднования 300-летия династии он на несколько дней со всей семьей переехал в главную императорскую резиденцию.

Именно тогда императорская семья впервые после весны 1904 г. несколько дней прожила на своей половине в Зимнем дворце. Из царской семьи только цесаревич Алексей никогда не жил в этой резиденции, но спустя девять лет и девочки успели забыть свои детские комнаты. Царь писал: «В 4 часа всей семьей переехали на жительство в Петербург. Со станции отправились к Спасителю, где застали молебен, и затем приехали около 5 час. в Зимний дв. Дети с радостью осматривали свои и наши комнаты. Пили чай и обедали в угловой гостиной Алике». Во дворце они прожили неделю (с 19 по 26 февраля 1913 г.) и уже больше в него не возвращались.

Для нужд императорской семьи использовались два подъезда: Их Императорских Величеств (Салтыковский) – со стороны Адмиралтейского проезда и подъезд со стороны северного фасада – Детский

подъезд. Эти два подъезда были нужны для выхода императорской семьи из личных комнат.

Следует отметить, что подъезды в Зимнем дворце были специализированны, поскольку существовал четкий перечень лиц, которые могли проходить через них. А.А. Мосолов писал: «Каждый должен был сам знать, к какому из подъездов надо было явиться. Для великих князей открывался подъезд Салтыковский, придворные лица входили через подъезд Их Величеств, гражданские чины являлись к Иорданскому, а военные – к Комендантскому»²².

Поскольку император был молод, то для него и его друзей в большом внутреннем дворе Зимнего дворца заливался каток. Всю зиму 1896 г. император ежедневно играл в русский вариант хоккея – в сапогах, гнутой клюшкой он часами гонял мячик.

Половины Зимнего дворца

Кроме императорской половины, расположенной в северо-западном ризалите, в Зимнем дворце существовали другие половины. В 1895 г. одновременно с ремонтом императорской половины велись работы и на Пятой половине. Эта *Пятая половина* предназначалась в качестве «квартиры» для младшей сестры Николая II – Ксении и ее мужа великого князя Михаила

Александровича. Они поженились на полгода раньше императорской четы и, что называется, «дружили семьями». Эта половина находилась на первом этаже дворца. Царь записал в дневнике в январе 1896 г.: «Пошли вниз к Ксении, куда приехала Мама, и затем отправились в Малую церковь».

«Квартиры» брата и сестры отделялись по единым стандартам и оснащались по последнему слову тогдашней бытовой техники. Например, Дворцовое ведомство закупило телефоны Белла (стоимостью 22 руб. 15 коп.), в буфетной оборудовали дубовый ледник «на роликах с краном и ведром». Устанавливала его фирма Сан-Галли, давний деловой партнер Министерства Императорского двора. Счет за эту техническую новинку – прообраз холодильника, составил 400 руб. Умывальный прибор из 16 предметов обошелся в 125 руб. Его поставил торговый дом А. Марсера, специализировавшийся на продаже фарфора, фаянса и хрусталя.

Поскольку работы проводились самым срочным порядком, то для них, с разрешения министра Императорского двора, дозволялось нанимать нижних чинов лейб-гвардии Преображенского полка, с платою каждому из солдат по 60 коп. в день «в виду усиленных работ по отделке помещений на пятой половине»²³.

Кроме этого, была *Вторая дворцовая половина*.

Она находилась в южном корпусе Зимнего дворца и шла вдоль Дворцовой площади, от Александровского зала до перехода в Эрмитаж. На этой половине при Николае II периодически отводились помещения для временного проживания. В период первой русской революции, когда политический терроризм приобрел необычайный размах, для того, чтобы уберечь сановников, ставших объектами террористической охоты, их прятали на Второй половине в хорошо охраняемом дворце. Среди этих сановников были великий князь Николай Николаевич (Младший), генерал-губернатор Петербурга Д.Ф. Трепов, министр внутренних дел П.А. Столыпин. На *Шестой половине*, которая располагалась в юго-западном ризалите, над комнатами Александра II, с начала 1880 г. жила княжна Е.М. Долгорукова, вышедшая замуж за императора в июле 1880 г. и превратившаяся, как уже указывалось, в княгиню Юрьевскую. По весьма достоверной легенде, комнаты Долгоруковой были соединены с кабинетом императора винтовой лестницей.

Кроме императорской семьи в Зимнем дворце жили самые разные люди. Их право на получение «метров» в императорской резиденции было связано либо с близостью к царской семье, либо с определенным служебным статусом. Когда в 1912 г. Марию Вишнякову, вынянчившую всех царских детей, отправили

на «заслуженный отдых», то ей выделили в Зимнем дворце трехкомнатную квартиру по Комендантскому коридору и полностью обставили за счет средств императорских детей. С другой стороны, с 1895 по 1901 г. в Зимнем дворце имел постоянную квартиру И.В. Гурко «по званию генерал-фельдмаршала».

Любопытно, что даже императорские половины не были избавлены от бытовых проблем. Одной из таких «застарелых» дворцовых проблем – обилие насекомых, нашествиям клопов, периодически подвергались и царские половины. В XVIII в. блохи и клопы были обычным явлением даже в императорских дворцах. В первой половине XIX в. появление блох и клопов стало восприниматься как чрезвычайное событие. Например, после «возобновления» Зимнего дворца в 1838–1839 гг. пришлось бороться с клопами. Вероятнее всего, что насекомых во вновь отстроенный дворец занесли мастера, восстанавливавшие этот дворец. В мае 1838 г. распоряжением Николая I из его «Гардеробной суммы» было выдано «камердинеру Гримму за заготовку травы против клопов для гардероба Его Величества» – 50 руб.²⁴ На следующее лето «нашествие» клопов на императорскую половину повторилось, поскольку камердинеру Гримму вновь выделили 50 руб. На травы, видимо, уже не надеялись и деньги потратили на порошок

для истребления клопов, выписанный из Тифлиса²⁵. В дневниках Николая II также отмечены факты клопных «атак». Поэтому клопов травили в Зимнем дворце ежегодно, отпуская на это достаточно крупные суммы. В 1904 г. на истребление насекомых в Зимнем дворце потратили 1830 руб.

Царская половина, расположенная в северо-западном ризалите, серьезно пострадала в октябрьские дни 1917 г. Но поскольку дворцы после 1917 г. стали собственностью народа, то личные комнаты царской семьи восстановили и открыли для публики в 1922 г. Однако вскоре выяснилось, что эта экспозиция вызывает «нездоровый» интерес публики. Народ буквально валом валил в Зимний дворец, чтобы посмотреть, «как жили цари». Поэтому 1 августа 1926 г. решением Главнауки «царскую экспозицию» закрыли. Последующие годы были временем превращения Зимнего дворца в Эрмитаж, расширения выставочных площадей и т. д. Все это привело к необратимым утратам «художественно малоценных интерьеров». До настоящего времени сохранилась только Библиотека Николая II, да и то с серьезными утратами.

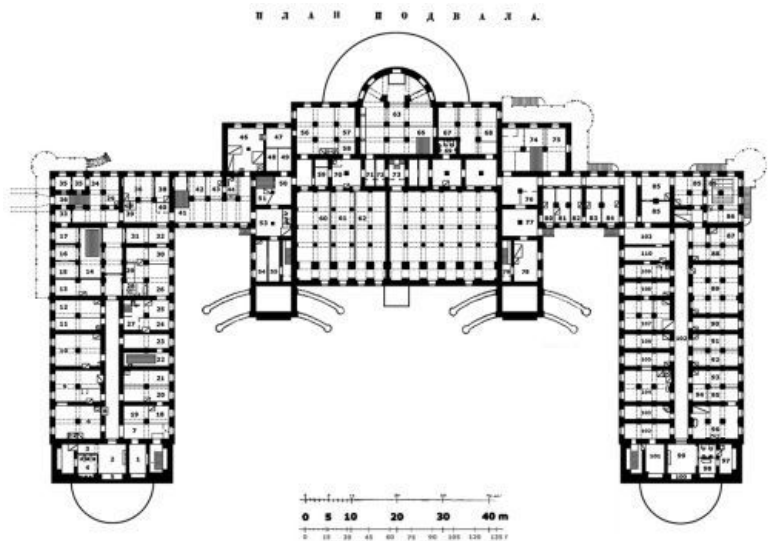
Подвалы Александровского дворца

Все императорские резиденции имели подвалы,

где сосредотачивались различные дворцовые службы. Как правило, ни какой документации о планах подвалов в архивных фондах не откладывалось. Хотя о некоторых эпизодах, связанных с дворцовыми подвалами, сохранялась долгая память. 5 февраля 1880 г. в подвале Зимнего дворца прогремел взрыв, унесший жизни 12 человек и ранивший более 50 человек. Как выяснило следствие, это было одно из покушений на Александра II, организованное членом террористической организации «Народная воля». С этого времени дворцовым подвалам в императорских резиденциях начали уделять особое внимание. Под личными покоями императорской семьи стали размещать дворцовые спецслужбы.

В отличие от других императорских резиденций до нас дошли планы подвалов Александровского дворца. Особенно важно то, что на основании документов можно точно узнать, какие службы располагались в подвальном этаже. Надо отметить, что до перенесения постоянной императорской резиденции в Александровский дворец подвалы стояли полупустые. Об этом свидетельствует старая нумерация подвальных помещений, которая, видимо, существовала до 1905 г. По этой нумерации в подвале было задействовано всего 44 помещения. После переезда императорской семьи в Александровский дворец, использовалось

уже 110 помещений. В подвале еще оставались пустые комнаты, расположенные под внутренним двором дворца. Из-за этого общая площадь подвала значительно превосходила площадь помещений первого этажа дворца.

План подвалов Александровского дворца

Подвальные помещения представляли собой невысокие комнаты со сводчатыми потолками и массивными несущими пилонами. Стены побелены клеевой краской. Только некоторые из помещений (царская кухня, комнаты дежурных офицеров) были покрашены эмалевой краской. Пол в подвале в боль-

шей части помещений дощатый, покрашенный желтой масляной краской. Иногда его покрывал линолеум. В комнате дежурных офицеров пол – паркетный. В коридорах полы выстланы каменными плитами, в уборных, кухнях и буфетах – кафельной плиткой. Мебель в подвалах была подчас достаточно дорогая, поскольку туда отправляли часть дворцовой мебели, вышедшей из моды. Так в подвале можно было увидеть мебель красного дерева в стиле ампир, изготовленную во времена Николая I.

Как правило, в подвалах располагались *технические службы, части охраны, дворцовая прислуга, различные складские помещения и кладовые*. Из 110 помещений подвала больше всего комнат (28 или 25,4 %) отводилось под различные *кладовки и кладовые*. Под *комнаты для прислуги* выделено 25 помещений (22,7 %). По приведенным данным можно приблизительно установить число и специальность прислуги, которая либо постоянно жила в Александровском дворце, либо находилась там на дежурстве.

Офицеры охраны в подвале Александровского дворца

Помещения, занятые различными техническими службами (отопление, вентиляция, телефоны, электрические машины), также занимали значительную часть подвальных помещений дворца.

Для размещения различных отопительных систем в подвале использовалось 9 помещений (8 %). Примечательно, что единой системы парового отопления во дворце не было. В подвале установлено семь отопительных котлов различной мощности, каждый из них отапливал по несколько залов²⁶.

Но и при такой локальной отопительной системе некоторые из важных дворцовых помещений продол-

жали отапливаться печами и электрическими грелками. Спальня наследника на Детской половине второго этажа отапливалась именно таким способом. Жаровыми печами, расположенными в подвале, отапливались парадные подъезды дворца. Печами отапливались все помещения правой части подвала.

Для размещения механизмов, обеспечивавших вентиляцию помещений Собственной и Детской половины, в подвале отводилось 3 помещения. В одном из помещений установили «нагнетательный электромотор», при этом подаваемый в машину воздух предварительно пропускаться через систему бумажных фильтров и при необходимости подогревался.

Александровский дворец электрифицировали еще в конце XIX в. и электричество во дворец подавалось с городской электростанции. Тем не менее в подвале располагалось несколько электрических механизмов – машина для вентиляции воздуха и трансформатор для нее, трансформатор для придворного кинематографа и электромотор переменного тока фирмы «Сименс – Шукерт» для подъемной электрической машины (лифта). Электрические звонки работали от аккумуляторных батарей. Для дежурных электриков отводилось специальное помещение.

Система водоснабжения, канализации и отопления требовала постоянного контроля. Только для водо-

проводчиков выделялось 6 подвальных помещений. Работы у них было много, поскольку только в подвальной части дворца располагалось 10 помещений, где находились одна ванная, три больших умывальника и пять туалетов (WC).

Все население императорской резиденции необходимо было регулярно кормить. Готовили для императорской семьи в Кухонном корпусе, недалеко от Александровского дворца. От него для сообщения с дворцом построили специальный подземный туннель. Тем не менее в подвале дворца располагались семь кухонь и буфетов²⁷.

Для дворцовой телефонной станции отводилось два подвальных помещения. На телефонной станции дежурили чины Дворцовой полиции, они *прослушивали все телефонные разговоры*. Кроме этого в подвале находились две телефонные будки для персонала.

Для охраны императорской семьи под Собственной половиной Александровского дворца было выделено 6 обширных помещений. При этом Дежурная комната офицеров Сводного полка располагалась точно под спальней императорской семьи. Кроме этого охрана занимала Пропускной пост Сводного полка у тоннеля, там же находился «присмотрщик» от Сводного полка. Его задачей было сопровождение всех проходящих во дворец через тоннель из Кухонного корпуса двор-

ца. Поблизости находилась Комната офицеров Собственного конвоя, Караульное помещение Сводного полка, Караульное помещение конвойцев. Для офицеров Сводного полка и Конвоя устроили два особых туалета и собственный буфет.

Во дворце действовали два лифта разных конструкций. Поскольку у Александры Федоровны были больные ноги, то для нее еще в ходе ремонта в 1895–1896 гг. на Собственной половине соорудили гидравлический лифт. После окончательного переезда императорской семьи во дворец в 1905 г. на Свитской половине установили электрический лифт. Оба лифта связывали первый и второй этажи дворца.

Таким образом, обширные подвальные помещения Александровского дворца быстро заполнили и обжили. Там ежедневно находилось с учетом охраны, по меньшей мере, 200–250 человек, подвал был постоянно полон движения и в нем кипела жизнь, совершенно незаметная для обитателей верхних этажей дворца.

Госпиталь в Зимнем дворце. 1915–1917 гг

Следуя давним традициям, после начала Первой мировой войны начался процесс создания част-

ных лазаретов. Их деятельность финансировалась за счет широкой благотворительности. Не остались в стороне и члены Императорской фамилии. Как правило, эти лазареты располагались в приспособленных помещениях. В Царском Селе открылись лазареты императрицы Александры Федоровны и великих княжон Марии и Анастасии.

В 1915 г. в императорской семье вызрело решение открыть лазарет в главной императорской резиденции – Зимнем дворце под патронажем цесаревича Алексея. Это было беспрецедентное решение. Дело в том, что в XIX в. в Зимнем дворце периодически разворачивали небольшие временные лазареты. Но это происходило только во время эпидемий. В 1915 г. состоялось совершенно иное решение. В главной императорской резиденции предполагалось открыть крупный лазарет «для нижних чинов» на 1000 мест. Причем под лазаретные палаты отводились *все парадные залы*, кроме Георгиевского.

С медицинской точки зрения это решение выглядело весьма спорным. Огромные торжественные залы, заставленные плотными рядами кроватей для раненых, были мало приспособлены для нужд столь крупного лазарета. Да и драгоценные интерьеры могли не выдержать столь интенсивной нагрузки. Вместе с тем политические дивиденды были очевидны.

Гербовый зал Зимнего дворца. Приготовление чехлов и наволочек

Персонал госпиталя. Февраль 1915 г.

Перевязочная. Доктор И.А. Тихомиров накладывает гипс

Николаевский зал. Госпитальная палата

Императорская семья, передавшая «народу» свою резиденцию, хотела вызвать очередной всплеск патриотического восторга. Да и патронат со стороны цесаревича Алексея предполагал сделать его имя более популярным.

Торжественное открытие лазарета состоялось 10 октября 1915 г. С учетом того, что в лазарете должны были лечиться порядка 1000 раненых, то и персонал достаточно большой: главный врач, 34 врача (преимущественно хирурги), 50 сестер милосердия, 120 сани-

таров и 26 человек хозяйственного персонала. Главным врачом лазарета назначили А.В. Рутковского. Однако фактически внутреннюю жизнь лазарета определял его заместитель – главный хирург профессор Н.Н. Петров, один из основателей отечественной онкологии.

Дворцовый лазарет проработал два года. Надежды на рост популярности императорской семьи в связи с организацией лазарета в Зимнем дворце совершенно не оправдались. Жест императорской семьи не вызвал особенного резонанса в обществе.

После Февральской революции 1917 г. госпиталь остался во дворце. Во время артиллерийского обстрела и штурма Зимнего дворца большевиками в октябре 1917 г. раненые оставались во дворце. Никто из них не пострадал. Когда ворвавшиеся во дворец революционные матросы и солдаты арестовали министров Временного правительства, они отправились в госпиталь искать А.Ф. Керенского. Кто-то пустил слух, что Керенский, обмотав лицо бинтами, скрывается среди раненых. Однако попытки обыска в палатах фронтовиков резко пресекли сами раненые.

27 октября 1917 г. после штурма Зимнего раненых начали отправлять в другие госпитали. 28 октября 1917 г. лазарет расформировали.

Уровень комфорта и инженерная инфраструктура императорских резиденций

Уровню повседневного комфорта правящих особ везде и во все времена уделялось повышенное внимание. О древних цивилизациях подчас известно благодаря сохранившимся фрагментам дворцовых канализаций, водопроводов, бассейнов и бань. Материалы археологических и письменных источников довольно часто связаны именно с хозяйственными структурами дворцовых комплексов, поскольку именно эти сооружения появлялись в первую очередь и постоянно совершенствовались. То же самое было и в России.

Вместе с тем следует иметь в виду, что не только каждая эпоха рождает свои стандарты комфортности жилых помещений, но и у каждой социальной группы также существуют свои представления об уровне комфорта жилья. Это очевидно, поскольку уровень материальных возможностей у разных социальных групп различен. Однако не все определяется и решается деньгами. В императорских дворцах с XVIII в. сложились свои прочные традиции, которые с большим трудом приспособлялись к новым требованиям ком-

фортности жилья, характерного для буржуазной эпохи. Менялись и представления об уюте. Строгие классицистические интерьеры дворцовых помещений с огромными потолками и площадью залов было трудно совместить с представлениями об уюте буржуазного жилья. Поэтому можно согласиться с утверждением крупного чиновника Министерства Императорского двора о том, что «на самом деле царская семья, как это ни покажется странным, не пользовалась в некотором отношении тем комфортом, который был доступен просто состоятельным людям... На обстановке чисто семейных царских помещений лежал отпечаток какой-то казенной сухости, трафаретности, отсутствия уюта и художественной домовитости»²⁸. Действительно, на всех предметах интерьера стояли инвентарные номера и они были вписаны в соответствующие книги. И, тем не менее, дворцовая инфраструктура, обеспечивавшая соответствующий уровень комфорта, менялась из десятилетия в десятилетие.

Дворцовый водопровод

Важнейшей частью инженерных сетей дворцов стал *водопровод*. В каждом из императорских дворцов формирование водопроводной сети имело свою

историю. В *Зимнем дворце* в период проектирования здания единой системы водоснабжения не предусматривалось. Однако можно с уверенностью предположить, что и в то время воду на кухни и в бани накачивали с помощью механизмов. Технические возможности для этого имелись, поскольку в это время только в Летнем саду насчитывалось более 70 фонтанов, снабженных водометными механизмами. В документах фиксируется, что в банном комплексе, сооруженном в 1785 г. в *Мраморном дворце*, для обеспечения водой бани и бассейна установлена машина, которая «подавала воду снизу»²⁹. О наличии подобной машины в Зимнем дворце свидетельствуют данные 1820-х гг. о деревянном резервуаре на 4000 ведер, сооруженном на чердаке дворца. Вода в него закачивалась специальной паровой машиной³⁰. О деревянном резервуаре стало известно из материалов, связанных с пожаром 1837 г., поскольку воду для тушения пожара брали из этого бака, наполненного в начале пожара водой. Можно предположить, что сооружение локальных водопроводных систем в императорских дворцах началось после 1826 г., когда на трон вступил император Николай I. Он был первый русский император, получивший элементы инженерного образования.

После пожара 1837 г., фактически уничтожившего большую часть Зимнего дворца, требовалось наря-

ду с парадными интерьерами восстанавливать и его инженерные коммуникации. В 1838 г. во дворце положили единую систему водоснабжения. В подвале установили паровую машину, которая по специально проложенной трубе под набережной закачивала невскую воду в три свинцовых резервуара, находившихся на чердаке Зимнего дворца. Из этих резервуаров вода самотеком по свинцовым трубам поступала в туалетные комнаты и на кухню. Поначалу вода не подвергалась специальной очистке, поскольку Нева в то время еще справлялась с отходами растущего Петербурга. Тем не менее в конце 1840-х гг. в Зимнем дворце установили *водоочистительные машины*. Такие же машины установили и в пригородных дворцах. Об этом позволяет говорить то обстоятельство, что в 1859 г. «мастеру Жохову за исправление водоочистительных машин в Гатчинском дворце» уплатили 100 руб. 40 коп.³¹

В 1830—1840-х гг. эпидемии холеры в Петербурге повторялись регулярно, что связано с резко ухудшившимся качеством питьевой воды. После того как летом 1848 г. в нижнем этаже Зимнего дворца пришлось развернуть холерную больницу³², в ноябре этого же года по личному указанию Николая I вводится постоянный контроль за состоянием воды, «посредством химического разложения». Для проведения анализов

создали специальную комиссию, в которую вошли известные медики во главе с управляющим Придворной медицинской частью Я.В. Виллие. Результаты анализов показали отсутствие в воде свинца, меди и других вредных для здоровья примесей. Несмотря на это, по настоянию лейб-медика М.А. Маркуса, был поднят вопрос о замене свинцовых резервуаров и труб на железные³³. Но, видимо, полную замену так и не провели, и свинцовые трубы и резервуары, установленные в Зимнем дворце в 1838 г., продолжали действовать. Периодически медики Придворной медицинской части брали воду из резервуаров на анализ. Они же наладили процедуру регулярной, еженедельной чистки всей системы подачи воды во дворец. Раз в неделю, ночью, вся вода спускалась из дворцовых резервуаров в Неву, а затем баки тщательно промывались³⁴.

На какое-то время эти меры позволяли обеспечить должные санитарные требования, но город стремительно рос, и качество воды продолжало ухудшаться. В июле 1862 г. 35 человек нижних чинов лейб-гвардии Измайловского полка, несших караульную службу во дворце, внезапно заболели. В качестве главной причины массового заболевания рассматривалась и версия о недоброкачественной невской воде. И хотя анализы не выявили никаких отклонений в ее составе, принимается решение о полной замене всех

свинцовых труб на железные. Тогда же водопроводную сеть Зимнего дворца расширили за счет ее соединения с резервуарами Нового Эрмитажа и Набережного павильона. В 1868 г. в Зимнем дворце отказались от использования невиской воды для питья и кухни. Основной причиной этого шага стало резкое ухудшение ее качества. Для этих целей начали использовать воду, которую получали через городскую водопроводную сеть, поскольку она подвергалась очистке. При этом невиский водозабор сохранили и даже модернизировали. Закачиваемая через него невиская вода использовалась для различных хозяйственных нужд.

К 1860-м гг. практика химических анализов воды во дворце стала традицией. Но изменение политической ситуации вокруг дворца диктовало уже иные причины для анализов состава воды. Прежде всего – соблюдение безопасности Императорской фамилии. После взрыва в Зимнем дворце в феврале 1880 г., организованного С. Халтуриным, возникло обоснованное подозрение о возможной попытке отравить воду, находящуюся в резервуарах дворца. Основания к этому имелись, поскольку у многих арестованных народовольцев при обысках обнаружили различные яды, которые они также предполагали использовать в революционной борьбе. В связи с этим министр Императорского двора направил в начале марта 1880 г.

распоряжение управляющему Придворной медицинской частью провести химический анализ воды в главных баках Зимнего дворца и анализ воздуха в личных покоях императорской семьи. Распоряжение имело гриф «секретно», и в нем подчеркивалось, что анализы должны проводиться не менее одного раза в неделю. Первый анализ воды произвели 8 марта 1880 г. Он показал, что в воде «не найдено никаких минеральных и органических ядов»³⁵. На следующий день после смерти императрицы Марии Александровны в мае 1880 г. главный аптекарь Гросс запросил разрешение на прекращение анализов воды во дворце. В ответ министр Императорского дворца достаточно резко ответил, что он не видит причин прекращать анализы, а считает полезным делать те же исследования и в Царском Селе³⁶.

При Александре III инженерные сети Зимнего дворца активно перестраивались. Эти работы затронули и водопроводную систему. Весной 1886 г. реконструировали дворцовый водозабор, построенный в 1838 г. Из Невы под набережной проложили две чугунные 11-дюймовые трубы. Во многом это было связано с тем, что в это время дворцовые лифты модернизировались и переводились с ручной тяги на гидравлический привод. На электрической станции Зимнего дворца установили две водоподъемные помпы, подававшие

воду во все баки дворца, служившие как для гидравлических подъемных машин, так и для водоснабжения дворца и пожарных кранов³⁷. Тогда же для Зимнего дворца закупили новые умывальные приборы³⁸.

Особую актуальность проблема санитарного контроля приобретает в конце XIX в. в связи с общим ухудшением санитарного состояния Санкт-Петербурга, которое даже в Дворцовом ведомстве было настолько неудовлетворительным, что иногда приводило к трагедиям, непосредственно затрагивающим престиж Императорской фамилии. После традиционного торжественного обеда, устроенного для Георгиевских кавалеров в Зимнем дворце 26 ноября 1895 г., погибло 63 человека, причем заболевшие «умирали так быстро, другие же так скоро переходили в алгидную форму, что ...их не успели даже опросить»³⁹. Была немедленно образована комиссия, которую возглавил лейб-медик Ф.А. Рощинин. Члены комиссии осмотрели все помещения Зимнего дворца, где находились с момента прибытия Георгиевские кавалеры, тщательно проверили воду из всех кранов дворца. Анализ позволил исключить ее как фактор заражения, хотя «она по анализу дала огромный процент органических веществ». Комиссия пришла к выводу, что причиной трагедии стали рыбные блюда, подававши-

еся на празднике, способ приготовления которых не выдерживал «самой снисходительной критики». В рыбе содержался рыбный яд, кроме этого выявлен «холерный яд, еще не погасшей холерной эпидемии в Петербурге». Проще говоря, Георгиевских кавалеров накормили во дворце тухлой рыбой. Об этом эпизоде помнили очень долго. В ноябре 1900 г. генеральша А.В. Богданович писала в дневнике: «Говорят, солдатики опасливо ели царский обед после прискорбного случая, когда несколько человек в этот день поплатились жизнью – были отравлены там гнилой рыбой». Примечательны эти «несколько человек»⁴⁰. Видимо, дворцовые службы сумели скрыть истинное количество погибших – 63 человека, поскольку столь значительная цифра прямо «била» по престижу царского дома.

Надо заметить, что в то время инфекционные заболевания членов императорской семьи не были редкостью. Александр III в 1876 г. переболел брюшным тифом. Его сын, Николай II едва не умер от тифа в Ливадии в ноябре 1900 г. Осенью 1903 г. в Спале скоропостижно скончалась от брюшного тифа младшая сестра императрицы Александры Федоровны. Поэтому опасность заражения через некачественную воду постоянно учитывалась придворными медиками. Для того чтобы обезопасить царскую семью, пере-

ехавшую в 1904 г. из Зимнего дворца в *Александровский дворец* Царского Села, там полностью переоборудовали водопроводную сеть. Надо заметить, что водопровод в Александровском дворце проложили еще в 1842 г. Более того, в ходе ремонта водопроводной сети все раковины дворца, откуда могли брать питьевую воду, снабдили фильтрами Пастера, состоявшими «из небольших цилиндров (вершков 9—10 высоты) с пористыми фаянсовыми трубками, проходя через которые вода под напором освобождалась от механических примесей»⁴¹.

Александровский парк. Подземное хранилище во-

ды

Эти же меры безопасности принимались и в Зимнем дворце. В декабре 1910 г., накануне приезда Двора в Зимний дворец, были установлены «фильтры Беркефальда» на всех водопроводных кранах дворца, автоматические кипяtilьники воды привели «в беспрерывное состояние», кухню обеспечили фильтрованной и кипяченой водой «не только для питья»⁴².

Таким образом, водопроводная система императорских дворцов постоянно модернизировалась. Главной целью этих модернизаций было обеспечение максимальной комфортности в повседневной жизни Императорской фамилии и ее санитарная безопасность.

Дворцовые ванны и бани

Важной частью дворцовых комплексов были ванны и бани. По европейской традиции в XVIII в. «взятие ванны» могло сопровождаться приемом посетителей, поскольку было принято мыться в простыне, как правило – это роскошные комнаты, включенные в череду парадных дворцовых интерьеров, с тщательно продуманной отделкой.

В России соблюдались иные традиции, связанные с народными обычаями допетровской Руси. Поэтому даже во дворцах сооружали традиционные парные бани. Осенью 1762 – весной 1763 гг. под руководством архитектора Баллен-Деламота под церковным аналоем, на антресолях первого этажа Зимнего дворца близ личных покоев Екатерины II началось сооружение обширной царской бани, состоявшей из трех помещений. По описаниям 1790-х гг. в банный комплекс входили: *Купальня* (ныне зал № 272), под ризницей Большой церкви (зал № 701) находилась *Уборная* и непосредственно под алтарем – обширная *Баня* с бассейном. *Баня*, или *Мыльня*, была обита «столярством» (деревянными панелями) от пола до потолка. В *Купальню*, обитую сукном палевого цвета, можно было спускаться по небольшой деревянной лесенке из личных покоев императрицы. Эти помещения выходили окнами на Дворцовую площадь и Миллионную улицу⁴³. Отдельно располагались «вмазанные котлы для нагревания воды» и резервуар для холодной воды⁴⁴.

Несколько позже, в 1788–1793 гг., под руководством архитектора И.Е. Старова, рядом с покоем будущего Александра I, в Зимнем дворце началось сооружение новой бани с тщательно продуманной планировкой. Она размещалась в угловых помещениях, выхо-

дивших на Салтыковский подъезд и Адмиралтейство. В первой угловой комнате (зал № 17) находилось отгороженное место «для поклажи вещей». Далее следовала сложной конфигурации с утолщенными стенами *Мыльня* (зал № 18) и *Купальня* великого князя (залы № 19–20), в центре которой помещался овальный *бассейн*. К Мыльне и Купальне примыкали подсобные помещения, в одном из них (зал № 411, северная часть) находилась большая печь, обогревавшая Мыльню, в другом котлы для подогрева воды для бассейна (зал № 411, южная часть)⁴⁵. В 1816 г. архитектор Л.И. Руска капитально перестроил эту баню. Видимо, это связано с изменением гигиенических требований в высшем свете. На смену омовениям и обтираниям приходит классическая русская парная, устроенная рядом с бассейном. В документах упоминается, что столяр Иван Копачев обшил парилку липовым деревом⁴⁶.

Все эти помещения уничтожил пожар в декабре 1837 г. В возобновленном дворце в новых интерьерах традиционно большое внимание уделялось парадным ванным комнатам. Их описывали и демонстрировали. На половине императрицы Александры Федоровны – жены Николая I, архитектор А.П. Брюллов спроектировал *Ванную* (зал № 670) в стиле мауританской испанской архитектуры. На акварели Э.

Гау видна роскошная комната, у одной из стен которой находилась мраморная ванна с двумя кранами. В описании возобновленного Зимнего дворца об этом помещении говорилось, как о небольшой комнате «около 13,5 аршин в длину и не более шести в ширину», где сосредоточена «вся роскошь гренадских мавров», с мраморной углубленной ванной под самым зеркалом, где из кранов «бьет хрустальным ключом горячая или холодная вода, сперва в огромную раковину, а из нее каскадами в ванную»⁴⁷. Расходы на сооружение этой ванной шли отдельной строкой и обошлись казне 42 000 руб.⁴⁸

Как ни покажется странным сейчас, в парадных ваннных комнатах устраивались приемы для избранного общества. В 1834 г. автора гимна «Боже, царя храни» А.Ф. Львова пригласили на вечер к императрице Александре Федоровне, она приняла его в своей *купальне*. Судя по воспоминаниям, это была небольшая комната, изящно отделанная, «где бьет ключ в большую, необыкновенной красоты, раковину и оттуда вода льется уже в белого мрамора ванну»⁴⁹.

Надо отметить, что если ванная комната императрицы традиционно вписывалась в череду парадных дворцовых интерьеров, то у Николая I, отличавшегося крайней неприязательностью в повседневной жизни,

ванная комната выглядела гораздо скромнее. Собственно, это был «купальный снаряд», оборудованный в 1854 г. «в шкафу» в кабинете императора, расположенном на третьем этаже дворца в северо-западном ризалите. До нас дошла редкая фотография упомянутого «купального снаряда», на ней видна медная лохань, к которой подведены два крана для горячей и холодной воды.

Сохранились уникальные архивные материалы по так называемой «Гардеробной сумме» императора Николая I. В этих тетрадях зафиксирована оплата буквально *каждой* ванны и бани. Эти документы позволяют восстановить реалии повседневной жизни.

Когда великий князь Николай Павлович был ребенком, его *еженедельно* мыли в дворцовой бане – Мыльне. Причем двум истопникам «при Мыльне» из средств мальчика каждые четыре месяца платили по 20 руб. жалованья. Когда мальчик превратился в молодого человека, баню заменила ванна и значительно реже баня. Их приготовление оплачивалось и имело стандартные расценки: каждая ванна «обходилось» императору в 25 руб., а баня в 100 руб. ассигнациями. В 1841 г., когда ассигнации были пересчитаны на серебро, одна ванна «стоила» 7 руб. 15 коп. серебром. Потом эту сумму округлили до 8 руб. серебром. Оплачивалось только «ношение воды», поскольку до

1838 г. в Зимнем дворце водопровода не было. Для дворцовой прислуги это был важный источник доходов и все было «поделено». Как правило, готовили ванны и бани либо камердинеры, либо дворцовые инвалиды (при этом следует иметь в виду, что тогда инвалидами называли обычных военных пенсионеров, выполнявших при императорских дворцах хозяйственные обязанности).

В 1830-х гг. император Николай Павлович в зимние месяцы мылся в ванне 1–2 раза в месяц. Например, за весь 1833 г. император 11 раз (раз в феврале, два раза в марте, три раза в мае, два раза в июне, по разу в октябре, ноябре и декабре) мылся в ванной и 4 раза в бане (по разу в феврале, мае, июле и августе)⁵⁰. Если попытаться как-то объяснить эту периодичность, то можно предположить, что ванна и баня в феврале потребовались для 37-летнего императора, поскольку он принимал самое активное участие в череде дворцовых балов и маскарадов и, соответственно, много потел в дворцовых залах, освещавшихся свечами. Летом император мылся чаще, поскольку этому способствовали и жара, и пыль на традиционных маневрах в Красном Селе. С наступлением осени Николай Павлович ограничивался одной ванной в месяц. Обращает на себя внимание то, что царь вообще не мылся в январе, апреле и сентябре.

Когда Николай I возвратился с семьей в отстроенный после пожара Зимний дворец, то там была уже проложена единая водопроводная сеть и необходимость платить «за носку воды» отпала. Воду изредка носили, когда ломалась сантехника или когда император находился в резиденциях, не оборудованных водопроводом. Поэтому резкое снижение фиксированных данных свидетельствует только о том, что дворцовый комфорт вышел на новый уровень, а не о том, что император стал меньше мыться.

Во-вторых, еще до пожара в декабре 1837 г. на половине Николая Павловича, видимо, предпринимались попытки механизировать процесс «носки воды» для ванны императора. Об этом свидетельствуют счета за 1836–1837 гг. В декабре 1836 г. бандажнику Остерлову заплатили «за трубу с насосом» довольно крупную сумму в 360 руб. Вероятно, конструкция получилась «сырая» и ее требовалось постоянно ремонтировать. Поэтому уже в феврале 1837 г. перчаточнику Остерлову за ремонт «рукава к насосу» заплатили 30 руб. В мае перчаточник вновь «поправлял трубу» за 35 руб. Потом пришла очередь механики. В июне «физик Гоипини», видимо, поменял насос за 333 руб. В июне «оптику Боде за починку газовой огненной горелки» заплатили 29 руб. В сентябре механик Роспини (ранее в документах он проходил как

Гоипини) «за починку насоса» получил 65 руб.⁵¹ То, что при установке трубы обращались к «бандажнику» или «перчаточнику», свидетельствует о том, что труба была гибкой и, вероятно, изготовленной из кожи. То, что для ремонта механики обращались к «физику», «оптику» и «механику» свидетельствует, что в целом конструкция для снабжения царской ванной невской водой оказалась крайне неудачной. Скорее всего, в подвале был установлен насос, который по гибкой кожаной трубе закачивал воду на третий этаж Зимнего дворца в ванну царя. Эта вода подогревалась «огненной горелкой».

В-третьих, после монтажа в Зимнем дворце водопроводной сети, подведенной и к ванной царя, из его «Гардеробных сумм» исчезают счета «за носку воды». Ванная царя благоустраивалась и в июне 1839 г., механику Роспини уплатили за термометры. Позже счета «за носку воды» встречаются, но этими деньгами оплачивались ванны на Елагином острове, Царском Селе, Александрии, где водопровод еще не провели.

Весной 1842 г. Николай Павлович стал обустривать Коттедж в Александрии. Видимо, активные работы в Коттедже инициировались приездом тестя – короля Пруссии. В мае 1842 г. механик Вестберг получил 200 руб. за установку «березового шкапа, находящегося в Александрии». В июле Вестберг устанавливает

в Коттедже еще один «купальный шкаф для Его Величества короля Прусского» за 35 руб. Такая дешевизна, наверное, связана с тем, что сантехнические коммуникации там уже проложены и требовалось установить только «шкап», или, как принято говорить, по современным стандартам, – «душевую кабину». В сентябре механику за починку ваннных термометров уплатили 11 руб. И, наконец, в декабре «за поправку купального шкапа» 50 руб.⁵²

С этого времени Николай I платил из своих «Гардеробных сумм» не за банальную «носку воды для ванны», а за сантехнические работы. И обходилось это ему довольно дорого. Примечательно, что сантехнические работы из года в год повторялись: либо конструкции этих «купальных шкапов» были несовершенны, либо комплектующие, либо работа оставляла желать лучшего.

В 1843 г. механик Вебстерг дважды переделывал «купальный шкаф» в Александрии (июнь – 60 руб. и декабрь – 21 руб.), ремонтировал сантехнику в Зимнем дворце (ноябрь – 21 руб.), переделывал купальный шкаф в Собственном (Аничковом) дворце (декабрь – 25 руб.).

В 1844 г. Вебстерг продолжал неустанно трудиться, ремонтируя дворцовую сантехнику. Он в очередной раз ремонтировал термометры, переделывал «ку-

пальный шкаф» «для Его Величества в Собственном дворце и Александрии с доставкой на место всего» и вновь переделывал «по высочайшему повелению бронзовую ванну, находящуюся в комнате Его Величества, что в Собственном дворце»⁵³. В 1844 г. был привлечен новый специалист – медных дел мастер Юргенс, он установил новый медный ящик с трубами и починил краны в «купальном шкафу».

В 1845 г. сантехнических работ стало значительно меньше. В апреле механик Вестберг в очередной раз получил 50 руб. «за переделку ванного шкапа на даче Александрия» и еще 50 руб. «за поправку купальной машины в комнате Собственного дворца». В 1846 г. Вестберг ремонтировал «ванны в Зимнем дворце» и чинил «купальный шкаф в Собственном дворце». В 1847 г. дважды поправлен «шкап в Зимнем дворце». В 1848 г. «рабочим людям за носку купального шкапа в Александрии» были уплачены сушие пустяки – всего 2 руб. 25 коп. И в сентябре 1854 г. «слесарю при даче Александрии Якову

Рыжникову» были выплачены наградные – 15 руб. Это последняя по времени «сантехническая сумма», уплаченная из «Гардеробных сумм» Николая I.

Вместе с тем возникали и разовые расходы. В 1834 г. жестянщику «за сделанную для Его Величества в Красном Селе ванну из белого железа» упла-

тили 140 руб. В 1835 г. у купца Иконникова оптом приобретено 50 аршин фламандского полотна «для ванн-ных простынь Его Величества» за 150 руб. В 1842 г. жестянщику уплачено за ножную ванну 8 руб. 57 коп.

Упомянув о сантехнических работах в Коттедже, построенном в 1829–1830 гг. в Петергофском парке Александрия, следует иметь в виду, что сантехнические коммуникации в нем запланировали еще на стадии строительства. В нескольких комнатах Коттежа поместили медные ванны. Первоначально в них воду носили. Специально для императрицы Александры Федоровны изготовили ванну, высеченную из цельного блока каррарского мрамора. Ее изготовили в 1829 г. в мастерской Трискорни – выходцев из Италии, выполнявших заказы для Петербурга. Стоимость ванны была определена весьма высокой – 2500 руб.⁵⁴

Во второй четверти XIX в. начался активный процесс разграничения парадных и личных покоев во дворцах. Если ванная комната в Зимнем дворце демонстрировалась и описывалась в путеводителях, то на личной даче Николая I – Коттедже в Петергофском парке Александрия, ванну, вырубленную из куска каррарского мрамора, установили в Туалетной комнате, рядом со спальней, *в нише под диваном*. То есть для ванны не выделили специального помещения, поэтому ее тщательно прятали и декорировали. Это бы-

ло проявлением того, что буржуазный быт, ориентированный на максимальную комфортность и удобства в повседневной жизни, постепенно проникал и во дворцы⁵⁵.

Об этой же тенденции свидетельствовало и расположение ванной в Зимнем дворце жены Александра II – императрицы Марии Александровны. Ванную (зал № 345) оборудовали в комплексе личных покоев – между Уборной (зал № 168) и Спальной комнатой императрицы (зал № 307). Эти помещения были закончены к моменту ее свадьбы с цесаревичем Александром Николаевичем в апреле 1841 г. Обращает на себя внимание, что ванная из элемента парадного интерьера превращается уже в сугубо личное помещение, ежедневно востребованное, о чем свидетельствует ее расположение между Спальной и Уборной. Во многом это связано с изменившимися представлениями о гигиенических нормах. Ванная комната представляла собой небольшое помещение, где наряду с диваном и камином находилась белая мраморная ванна⁵⁶. Тогда же для будущего императора Александра II устроили собственную баню на его жилой половине. Как и любая сантехника, она периодически приходила в негодность, и у дворцовых мастеров периодически бывало много работы. В 1854 г. они ремонтировали ванную на половине императрицы. В 1856 г.

роскошная ванна, установленная в 1841 г., лопнула и ее пришлось заменять на новую, попутно обновляя все трубы для подводки воды.

Ванными комнатами оборудовались помещения не только первых лиц, но и обслуживающего их персонала. Во Фрейлинском коридоре Зимнего дворца были сооружены две ванные комнаты – большая и малая. Согласно описям, в большой ванной стены обиты ситцем, на полу лежал веревочный мат, там имелись мягкий диван, обитый ситцем, стенное зеркало и четырехугольный стол⁵⁷.

Наряду с ванными в императорских резиденциях оборудовались и *бани*. Фактически, начиная с первой хозяйки Зимнего дворца, у всех российских императоров были *свои бани*.

Очень любил баню император Александр III. Во дворцах, где он жил, всегда была баня. Когда в 1866 г. наследник Александр Александрович женился на датской принцессе Дагмар, и для них ремонтировали Аничков дворец, то в его подвале для наследника была устроена баня⁵⁸. В 1879 г. в Зимнем дворце для цесаревича Александра Александровича также оборудовали собственную баню, хотя во дворце он оставался крайне редко. Царь очень по-русски любил париться в компании лично приятных ему людей. Он хорошо понимал, что можно «угостить баней» и

любил о ней говорить, прекрасно разбираясь во всех тонкостях этого «угощения».

Примечательно, что один из мемуаристов упоминает, что в Аничковом дворце у императрицы Марии Федоровны «не было особой ванной комнаты, приходилось, как передавали, ванну вносить в спальню»⁵⁹. Однако позже ванную комнату для императрицы оборудовали, и она значится в дворцовой описи.

Оборудовались банями и пригородные дворцы. Еще в 1795 г. в Александровском дворце Царского Села для будущего императора Александра I сооружена баня. По традиции ее разместили в подвале. Для этого приказано «позади опочивальни свод разобрать и сделать деревянную, спокойную лестницу к бане»⁶⁰.

В 1895 г., когда в Зимнем дворце начались работы по оборудованию личных покоев Николая II и его семьи, в них было предусмотрено сооружение *бассейна*, который находился в западной части дворца между северо-западным ризалитом и Салтыковской лестницей, на антресолях первого этажа.

1 января 1896 г. он записал в дневнике: «Пополоскался с наслаждением в моей ванне и после кофе зашел за несносные телеграммы»⁶¹. В это время ванная, как часть парадного дворцового интерьера, окончательно уходит в прошлое. Как писал историк Петер-

бурга П.Н. Столпянский: «Если при Николае I ванна представляла собой действительно произведение архитектора-художника, то при Николае II эта ванна превратилась в обычную, свойственную хорошему тону ванную комнату»⁶².

Однако уже в 1898 г. царский бассейн Зимнего дворца капитально перестроили. В мае 1898 г. составляется смета на «переустройство мраморного бассейна» на сумму в 13 083 руб. Смету подписал дворцовый архитектор Н.И. Крамской. Она предполагала увеличение размеров бассейна. Длина сторон нового квадратного бассейна составляла около 4 м (5 аршин 8 вершков) и глубина 165,5 см (2 аршина 5 вершков). Соответственно увеличивались объемы баков для холодной и горячей воды. Кроме этого усовершенствовали систему вентиляции бассейна. Поскольку бассейн располагался на антресолях первого этажа северо-западного ризалита, то после демонтажа старого бассейна в капитальных стенах укрепили новые металлические балки перекрытий. Затем соорудили непроницаемый железобетонный чехол и облицевали его мрамором⁶³. Таким образом, ванны и бани были важной и необходимой частью повседневной жизни императорских дворцов.

В Гатчинский дворец семья Александра III переехала в конце марта 1881 г. на постоянное жительство.

По мере того как царская семья обживалась на антресольном этаже Арсенального каре дворца, там была установлена вся необходимая сантехника. Следует отметить, что до 1881 г. семьи Николая I и Александра II жили на первом этаже Арсенального каре и там к 1880 г. сохранились три ванные комнаты: императриц Александры Федоровны (комната № 10, рядом с «Дубовым кабинетом»), Марии Александровны (комната № 22) и Александра II (комната № 19), располагавшиеся рядом с их кабинетами. На антресольном этаже для детей оборудовали еще три ванные комнаты: Ксении (№ 14), Георгия (№ 30) и Михаила (№ 25).

Иногда эти ванные комнаты, отделанные как роскошные гостиные, использовали не по назначению. Великая княгиня Ольга Александровна упоминает, что семья «без гостей» обедала на первом этаже Арсенального корпуса в «просторной ванной комнате на первом этаже, выходящей окнами в розовый сад». Это была ванная комната императрицы Александры Федоровны. У одной из стен стояла огромная мраморная ванна, позади нее были укреплены большие зеркала. Императрица Мария Федоровна приказала поставить в ванную горшки с разноцветными азалиями⁶⁴.

Решение облика ваннных комнат Гатчинского дворца проделало ту же эстетическую эволюцию, что и

оформление ваннных комнат в Зимнем дворце. Если ванная комната императрицы Александры Федоровны на первом этаже Гатчинского дворца была отделана в стиле рококо: с трех сторон окружена зеркалами с богатыми портьерами, затянутыми материей стенами и портретами на них, то ваннные комнаты семьи Александра III – утилитарные помещения «со всеми удобствами».

Ванная комната императрицы Марии Александровны носит переходный характер, соединяя две эпохи: с одной стороны – это обычная светская гостиная с комфортными диванами и креслами, изящными столиками, а с другой – сама ванная была скрыта под диваном, не нарушая общего изящества гостиной.

Судя по акварели Гау (1860-е гг.), ванная комната Александра II находилась в одной из проходных комнат дворца, но собственно помещение ванной отделялось от остальной части комнаты декоративной, застекленной стеной, за которой и скрывалась вся сантехника.

В Гатчинском дворце вплоть до 1941 г. сохранялась ванная комната младшего брата Николая II великого князя Михаила Александровича.

Гатчина. Ванная комната имп. Александра II

Гатчина. Ванная комната имп. Александры Федоровны

Гатчина. Ванная комната имп. Марии Александровны

Сама ванна сделана из обычного цинка с двумя медными кранами и помещена в футляр, изготовленный из простого дерева. В этой же комнате был установлен простой умывальник с двумя медными кранами, на которых было указано «холодная» и «горячая»⁶⁵. Ванна Ксении Александровны также была цинковой в деревянном футляре с крышкой и двумя кранами. Там же находилось биде красного дерева с фарфоровой ванночкой⁶⁶. Эта были уже совершенно

обычные ванные комнаты, не имевшие ничего общего с роскошными, парадными ванными комнатами времен Николая I.

Надо отметить, что о ваннных комнатах и бассейнах начала XX в., сугубо утилитарных помещениях, сохранилось очень мало сведений, фотографий и описаний. Тем ценнее описание бассейна Александровского дворца Царского Села, сделанное в конце 1920-х гг. Кроме этого сохранились фотографии этого помещения. Весь этот комплекс источников дает нам достаточно полное представление об этом помещении.

В Александровском дворце Царского Села ремонтные работы для оборудования жилых комнат молодой императорской четы велись практически в одно и то же время с ремонтными работами в Зимнем дворце – в 1896 г. Тогда одновременно с сооружением бассейна Зимнего дворца сооружался бассейн и в Александровском дворце Царского Села. Это было особое желание Николая II, видимо, навеянное его европейскими поездками. Впервые царь купался в бассейне Александровского дворца 19 октября 1896 г. Именно в этот день Николай II и императрица Александра Федоровна приехали рано утром в Царское Село из Германии и «прямо со станции в наш дом. Радовался своей великолепной новой ванне, еще обширнее, чем в Зимнем». Через день он вновь упомянул о своем бас-

сейне: «С великим удовольствием купаюсь, полощусь и плаваю в своей новой громадной ванне».

Через некоторое время новизна ощущений стерлась, но, тем не менее, царь периодически продолжал упоминать о своем Царскосельском бассейне. В дневнике в декабре 1896 г., будучи в Царском Селе, он записал: «По вечерам радуюсь в своей писсине⁶⁷ и катаюсь в пробковой лодке, которую получил на именины от Алике». Таким образом, в январе 1896 г. царь «обновил» бассейн в Зимнем дворце, а осенью этого же года он испытал бассейн («писсина») в Александровском дворце Царского Села.

Бассейн в Александровском дворце Царского Села располагался в помещении, которое в перечне дворцовых помещений назывался «Уборной» (№ 65). Уборная располагалась на первом этаже «императорской половины» в левом корпусе Александровского дворца. Ее интерьер разработал архитектор Мельцер в мавританском стиле. Стены были обшиты панелями из кленового дерева. Мельцер предусмотрел в интерьере много интересных деталей, включая стеклянные электрические фонари, стилизованные под старинные мавританские масляные лампы. Поскольку они находились в помещении с повышенной влажностью, то предусматривалась их усиленная электроизоляция. Мельцер также установил великолепные

старинные турецкие кафельные плитки по верхнему облицовочному поясу бассейна. Помещение делилось на две части деревянной решеткой, украшенной сложным орнаментом в арабском стиле. Кроме этого имелаь плотная занавеска, отделявшая бассейн от остальной части Уборной.

Сам бассейн представлял собой огромную емкость, вмещавшую в себя до 7000 ведер, расположенную на возвышении. Из помещения бассейна деревянная дверь со стеклянными филенками вела в царский WC. Толстый шнур ограждения предотвращал от случайного падения в бассейн. Для наполнения бассейна водой в подвале дворца установили мощный гидравлический насос, он быстро заполнял бассейн водой из котла, расположенного в подвале дворца. Обслуживали бассейн царя два человека. Один в подвале нагревал и подавал горячую воду, а второй обеспечивал безупречное санитарное состояние бассейна.

Николай II очень любил этот бассейн. И не только он. Дети тоже очень радовались, когда отец позволял им поплескаться в бассейне. В феврале 1907 г. ночью в бассейне лопнули изразцы и царь отметил в дневнике, что «на несколько дней я буду лишен удовольствия купаться».

Рядом с бассейном располагался мягкий диван,

обитый лосиной замшей. Поблизости от него – умывальник. Поскольку император большое значение придавал своей физической форме, то в этой же комнате находился турник (фотография 1916 г.).

Царское Село. Александровский дворец. Зал с бассейном (угол бассейна виден справа)

Царское Село. Александровский дворец. Зал с бассейном

Поскольку обязательной составляющей всех интерьеров Александровского дворца были иконы, то и в Уборной с левой стороны от двери располагался иконостас. Рядом с ним были развешаны пасхальные яйца. У тех же дверей, справа, размещались стойка для двух тульских винтовок. С правой стороны находилась вышитая ткань с двуглавым орлом, вероятно, работа императрицы или одной из девочек. На специальной витрине перед окном в ванной комнате Николай II хранил свою коллекцию портсигаров работы мастеров фирмы К. Фаберже. Вся мебель в помещении была выполнена из дуба и березы. На столике в Уборной находилась бытовая новинка того времени – электрический фонарь цилиндрической формы. Рядом электрический звонок для вызова слуг. Найденные царем подковы были прикреплены одна над дверью, другая над стойкой для тросточек. На стенах Уборной находились работы дочерей: рисунок Анастасии «Цветы» с надписью «Моему золотому папе от Анастасии», подаренный отцу на Пасху 1917 г., и зимний пейзаж Марии «Ели в снегу», также датированный 1917 г. В этой комнате царь совершал туалет, занимался гимнастикой и пил чай.

У императрицы Александры Федоровны была своя

ванна, не серебряная и не мраморная, а самая обыкновенная, старинная ванна, помещенная в нишу. В дневное время ванна драпировалась занавеской из кретона⁶⁸.

На втором этаже Александровского дворца, где находились комнаты детей Николая II, также было несколько ванн. Для четырех великих княжон была устроена одна *Уборная* (комната № 9), в которой у стены стояла посеребренная ванная. Когда девочки принимали ванную, то их поливали из обыкновенной лейки. Ванную отделяла от комнаты занавеска из ситца, подвешенной на кольцах на никелированный стержень.

Няня-англичанка в воспоминаниях упоминает, что кроме этой ванны из «чеканного серебра» была и другая, маленькая серебряная ванная. Ее использовали для купания грудных детей. Примечательно, что на этой ванной гравировались имена всех детей Императорской фамилии, которых купали в ней. Няня упоминает, что, вероятно, эта ванна появилась при Николае I и она видела на ней имена Александра II и его сестры Марии

Александровны, впоследствии герцогини Эдинбургской. Последнего в этой ванночке купали цесаревича Алексея.

Таким образом, можно отметить, что совершен-

ствование санитарно-технической инфраструктуры императорских дворцов способствовало изменению представлений в обществе об уровне повседневной санитарии и делало жизнь его обитателей более комфортной.

Дворцовая канализация

Поскольку в императорских дворцах жили и работали тысячи людей, то у них возникали и сугубо бытовые потребности. В том числе и такие интимные, как «туалетные». Ни в дореволюционной, ни в советской литературе, посвященной истории строительства *Зимнего дворца*, не упоминается о развитии его *канализационной системы*. Последнее время эти вопросы, как часть повседневной бытовой истории, также начали затрагиваться исследователями.

Специальных туалетных комнат в сегодняшнем понимании в XVIII в. не было. То, что в перечне дворцовых покоев называется «уборными», или «туалетными» комнатами, предназначалось для «убора» лица, прически и пр. Это было место, где после сна приводили себя в порядок перед выходом к посторонним. Жена императора Павла I императрица Мария Федоровна описала свою Туалетную комнату в Большом *Павловском дворце* следующим образом: «Туа-

летная комната очень красивой формы; углы закруглены, стены отделаны стюком, плафон сводом, расписанный в виде беседки из роз; стены побелены с видами и рамами из роз; очень красивые рисунки двери; ...мебель белая лакированная, туалет из стали, тульской работы; два красивых комода»⁶⁹. В Туалетной комнате императрицы Марии Федоровны также находился стол для умывания со стеклянным тазом, в котором стоял изящный кувшин для воды.

Во второй половине XVIII в. в Англии начали разрабатываться комбинированные бытовые предметы мебели, снабженные раковиной с краном и выдвигающимся снизу биде. До нас дошел один литературный анекдот, связанный с проникновением в повседневную жизнь аристократии биде. Состоятельная провинциальная семья приобрела комплект мебели, изготовленный в Англии. Он был укомплектован, в том числе и биде.

Рукомойный прибор. Франция. 1764–1765 гг.

Дамы долго обсуждали, для чего нужен столь странный предмет мебели. В конце концов, биде использовали для того, чтобы в нем подать уху на одном из приемов.

В дошедшем до нас описании уборной комнаты Александра II в Большом *Екатерининском дворце* Царского Села упоминается маленький комод, близ дивана, «с откидной верхней крышкой, закрывающей скромный фарфоровый умывальный прибор»⁷⁰.

В *Зимнем дворце* в кабинете Александра II также было «биде красного дерева с крышкой»⁷¹. В конце 1880-х гг. в уборной комнате Александра III в *Зимнем дворце*, наряду с туалетным столиком с тремя ящиками, находился и большой умывальный стол красного дерева с доскою из белого мрамора, с двумя ящиками и «станок» для полотенец. В перечне предметов зафиксировано и большое четырехугольное биде на роликах, с фаянсовой ванною и губницей⁷².

Во время коронации Николая II в Москве в мае 1896 г. значительные средства выделили на реконструкцию помещений, которые были включены в программу коронационных торжеств. В основном работы выполнял поставщик Императорского двора завод Сан-Галли. В числе прочего в Большом театре установили 35 ватерклозетов, 7 писсуаров и 15 желобов (писсуаров), 7 электрических вентиляторов, 7 мраморных умывальников. Всего на 14 764 руб.⁷³

Рукомойный прибор. Франция. 1850-е и.

Для интимных надобностей предназначались судна и ночные горшки. Обычное место их расположения – спальня или маленькие служебные комнаты. «Судном» описи называют различные предметы в виде «комода» или «шкафчика», в них ставились стеклянные или фаянсовые «горшки или стаканы уринальные» мужские и женские⁷⁴.

В качестве «мобильных» ночных ваз в аристократической среде использовались так называемые бурдалю. Так называлось фарфоровое подкладное судно,

получившее название по имени знаменитого французского проповедника Бурдалю. Поскольку от его пламенных проповедей было трудно оторваться, то дамы носили с собой эти фарфоровые сосуды. В царскосельском и петергофских музеях сохранилось несколько редких экспонатов этого «прибора». Как правило, на доньшке бурдалю помещались игривые рисунки и надписи, соответствовавшие нравам галантного XVIII столетия. На петергофском бурдалю был изображен глаз и рядом на французском языке надпись: «Он тебя видит, шалунишка!»⁷⁵.

Бурдалю

Ночные горшки, естественно, были у детей. В ию-

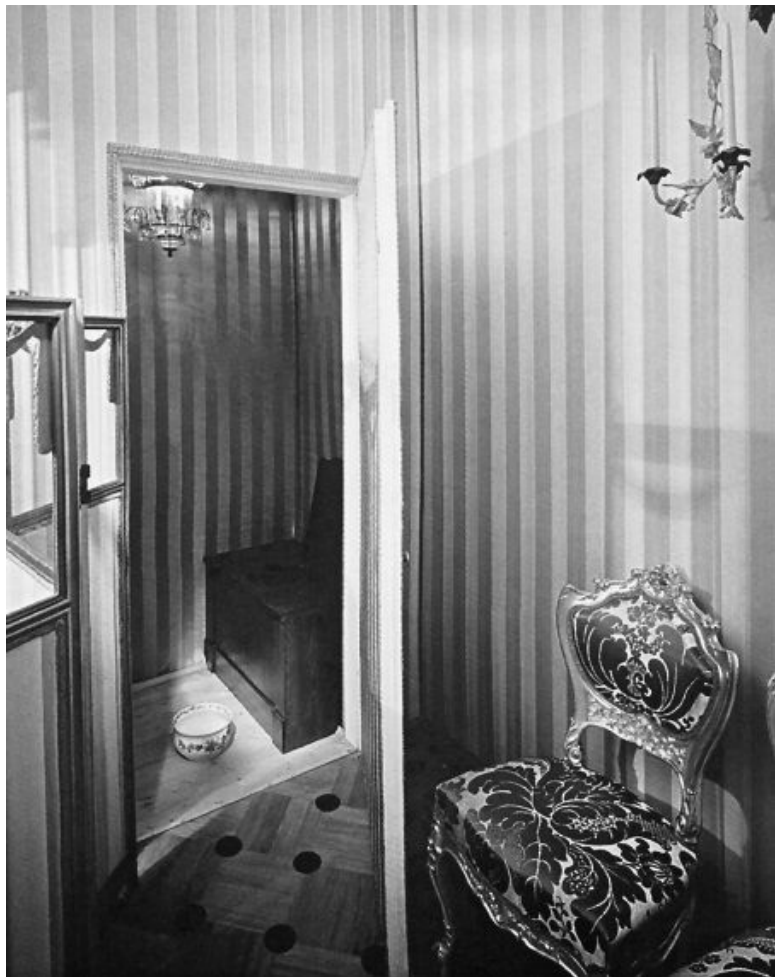
ле 1810 г. столярный мастер Иван Шилинг «за сделанную работу – один ночной стул с принадлежностями к оному прибором и две подушки замшевые» получил 90 руб. Еще 36 руб. ему уплатили за три медных вылуженных горшка⁷⁶. Ночные горшки, стоявшие под кроватями, широко использовались и взрослыми. Например, из документов «Гардеробной суммы» Николая I известно, что в 1840 г. столяр Бобков изготовил «дорожное судно» за 18 руб., а жестянщику Рикену «за починку и лужение ночных горшков» уплачено 5 руб. 90 коп.⁷⁷

«Мобильными» туалетами разных конструкций пользовались вплоть до конца XIX в. В Гатчинском дворце вплоть до 1941 г. хранилось «походное судно» императрицы Марии Александровны, оно представляло из себя: «Складное кресло с зеленой кожаной подушкой, луженый медный горшок с крышкой и обтянутым замшей съемным сиденьем. Чехол для вьюка кожаный с монограммой «М.А.» под короной»⁷⁸.

Сундук с ночным судном. Первая четверть XVIII в.

При Екатерине II в жилой части Зимнего дворца никакой системы канализации не было. В покоях самой императрицы был устроен специальный «чуланчик». По устойчивой легенде, привезенный А.В. Суворовым из Варшавы, трон польских королей – национальная святыня Польши – по распоряжению императрицы превратили в стульчак с пробитой в центре трона дырой⁷⁹.

Чуланчик. Петергоф. Банный корпус

Такие же чуланчики имелись на всех жилых поло-

винах. Император Николай I, вспоминая свое детство, упомянул, что в его спальне «рядом со шкафом, стоящим с правой стороны, находилась узкая, одностворчатая дверь, которая вела к известному месту»⁸⁰.

Можно с уверенностью утверждать, что впервые канализационная система была сооружена в кухонном комплексе дворца.

Видимо, сточные воды сбрасывались непосредственно в Неву, ниже по течению от дворцового водозабора. Из документов известно, что на кухне находились «деревянные машины с чугунными барабанами и гирями для очищения воздуха... *машина для спуску нечистой воды* ...ящички-холодильники с медными кранами для хранения льда»⁸¹. К началу XIX в. сточная канализация стала уже обязательной частью дворцовых кухонь.

Создание локальных канализационных систем в жилых покоях в императорских дворцах началось, вероятно, после 1826 г. В *Александровском дворце* Царского Села в 1826 г. машинист Клейворт, по-видимому, впервые сделал два ватерклозета с двумя медными насосами, установил две ручнойные фаянсовые чаши и четыре соснового дерева водохранилища, обложенные внутри свинцом⁸².

Единая канализационная система в *Зимнем двор-*

це была устроена в ходе его восстановления после пожара 1837 г. В смету, выделенную на восстановление дворца, заложили специальные средства на «устройство водопроводов и ватерклозетов» в сумме 80 000 руб.⁸³, это – очень крупная сумма. Но поскольку еще до пожара 1837 г. в подвале находилась машина для накачивания воды в деревянный резервуар, можно предположить, что эти запасы использовались для нужд локальной канализации, которая могла быть устроена в жилом, северо-западном ризалите дворца. Подобные «местные» усовершенствования вполне вписывались в историю дворца, с его бесконечными перестройками. Для обслуживания новых инженерных сетей при дворце с 1840 г. создали специальную «мастеровую роту», в составе которой для обслуживания водопроводной и *ватерклозетной машины* числились «мастер, подмастерье, двое мастеровых и два ученика»⁸⁴. Решение этой проблемы было жизненно необходимо, поскольку в обычае русские монархи устраивали многочисленные приемы и балы, а свободные нравы XVIII в. уже остались в прошлом. Барон А.И. Дельвиг вспоминал, что в новогоднем балу в 1832 г. участвовало около 2,5 тысяч приглашенных⁸⁵. Можно с уверенностью утверждать, что уже в 1840-х гг. эта деликатная проблема успешно ре-

шалась ватерклозетной машиной и дворцовыми сантехниками.

Надо заметить, что в Зимнем дворце были установлены серийные фаянсовые унитазы. Фаянсовые, а не золотые, хотя в Букингемском дворце в 1850-х гг. для королевы Виктории действительно установили золотой унитаз⁸⁶.

Вместе с тем в жилых комнатах императорских дворцов долго существовали привычные ночные «шкафики». В 1840 г. купец Василий Бобков поставил в Александровский дворец «судновое кресло» на колесах, обитое алым сафьяном с замшевою подушкой и фаянсовым горшком⁸⁷. В Зимнем дворце на «антресолях над камердинерской комнатой» в личных покоях Александра II значится «шкафик ночной ясеневоего дерева об одной дверце с одним ящиком»⁸⁸. Там же император мог помыть руки в «умывальном шкафу красного дерева о двух дверцах с одним ящиком с верхнею подъемную крышкой, без задней стенки»⁸⁹. В спальне императрицы Марии Александровны также был «шкафик ночной» палисандрового дерева с одною дверцею, со вставленными железными листами в верхней части и филенках, которые были окрашены под черепаху во вкусе Буль⁹⁰. В поезде императрицы для заграничных путешествий, несмотря на наличие

ватерклозетов, также, по традиции, в перечне заказанных предметов упоминается и о «белых с позолотой ночных фарфоровых сосудах»⁹¹. В описи комнатного имущества Зимнего дворца на половине Александра III в 1888 г. значился «шкафик ночной красного дерева с одним ящиком с дверцею и с доскою белого мрамора за 175 руб.»⁹². Любопытно, что эти предметы повседневного обихода покупались партиями и размещались по различным дворцовым помещениям. При швейцарской «в подъезде Его Величества» в Зимнем дворце также значился «шкафик ночной с доскою белого мрамора, обделанный внутри мрамором» за те же 175 руб.

В начале 1860-х гг. ватерклозетами оборудовались и дома придворных служителей⁹³. Соблюдались санитарные нормы по обслуживанию ватерклозетов. Дворцовое ведомство даже закупало крупные партии ароматических жидкостей «для устранения дурного запаха в отхожих местах»⁹⁴.

К 1894 г., существовавшая в Зимнем дворце, канализация, отводившая грязную воду в Неву, пришла в такое состояние, что вода из Невы стала беспрепятственно проникать в подвалы Зимнего дворца. Поэтому для избежания заражения воды в водоприемных трубах, питающих дворец, было признано необ-

ходимым перестроить канализацию и направить стоки грязной воды в реку Мойка через фильтрационные колодцы⁹⁵.

В Аничковом дворце после его перестройки в 1866 г. для цесаревича Александра Александровича и его жены Марии Федоровны на первом этаже, на половине великого князя, был устроен ватерклозет, который находился рядом с его рабочим кабинетом. Также в районе покоев наследника на втором этаже Аничкова дворца находились уборная, ванная, ватерклозет и собственная кухня⁹⁶. Самое большое число ватерклозетов в Аничковом дворце располагалось в наиболее населенных частях дворца в подвале и на третьем этаже во Фрейлинском коридоре. В марте 1881 г. Александр III перенес свою резиденцию в Гатчинский дворец. Поэтому в 1882 г. там началось устройство канализации и водопровода. Эти работы закончили к началу 1884 г. Они обошлись казне в 98 052 руб.⁹⁷

В Екатерининском дворце Царского Села на половине Александра II в Зубовском флигеле также предусматривались «удобства». В 1848 г. в Туалетной (Уборной) и Камердинерской установили ватерклозеты. Архитектору Монигетти было предписано сделать потайную дверь, ведущую в Камердинерскую из ка-

бинета царя, «заподлицо с обоями». В Камердинерской установили перегородку в виде трех ясеневых шкафов, верхняя часть которой была застеклена матовым стеклом. Узкая дверь в перегородке позволяла незаметно проскользнуть в ватерклозет.

В Уборной поставили две печи: одну в восточном, другую – в западном углу рядом с маленькой дверью в Камердинерскую. Внешне обе печи не отличались друг от друга, однако печь в западном углу была ложной, так как за ней размещался ватерклозет, который со стороны Уборной приказали «окрасить оные под изразцы подобно печи...»⁹⁸.

В Александровском дворце Царского Села туалет Николая II размещался в Уборной, там где находился бассейн. Он был оборудован по последнему слову достижений сантехники своего времени. В WC императора на стенах висели рисунки и фотографии – карикатура на Николая II, сидящего в автомобиле; портрет Александры Федоровны, его в 1897 г. в технике акварели написала старшая сестра императрицы великая княгиня Елизавета Федоровна.

Таким образом, совершенствование санитарно-технической инфраструктуры императорских дворцов способствовало изменению представлений в обществе об уровне повседневной санитарии и делало жизнь его обитателей более комфортной.

Дворцовые лифты

В Зимнем дворце большое значение придавалось повседневным удобствам. Парадная Иорданская (Посольская) лестница была незаменима для пышных дворцовых приемов, но в повседневной жизни подъем даже на второй этаж дворца для немолодых и подчас не очень здоровых людей, требовал значительных усилий. Поэтому в Зимнем дворце достаточно рано появились «подъемные машины», или лифты.

В XVIII в. в Петергофском павильоне Марли и Царскосельском павильоне Эрмитаж смонтировали подъемные столы. Эти столы накрывались прислугой на первом этаже и по сигналу хозяев, уже сервированными, поднимались на второй этаж, где «хозяева жизни» могли отдыхать, не стесняясь слуг. В 1793 г. механик И.П. Кулибин спроектировал и установил в Зимнем дворце подъемную машину для Екатерины II, у которой были больные ноги.

Во второй половине 1820-х гг. в центре северо-западного ризалита Зимнего дворца, где жила императорская семья, рядом с лестницей установили «подъемную машину», связавшую все три этажа дворца. Она действовала вплоть до пожара 1837 г. Открытая шахта лифта начиналась на первом этаже, проходи-

ла мимо второго этажа, где находились покои императрицы Александры Федоровны, и заканчивалась в кабинете императора Николая I на третьем этаже дворца. Дверь с тамбуром в «лифт» в кабинете императора была сделана в виде обычного шкафа. Это было очень характерное для того времени интерьерное решение. Аналогично в шкаф убирался и «купальный снаряд», или ванная императора. Правящие особы не пренебрегали удобствами, но поскольку вид технических и бытовых новинок, дисгармонировал со сложившимся обликом классицистических интерьеров императорского кабинета, поэтому их стремились убрать в «шкафы». Механизм лифта изготовили на Колпинском заводе. Он приводился в действие вручную, специально приставленными к лифту рабочими.

После пожара в 1838 г. установили новый лифт, разработанный инженером-полковником А.А. Фуллоном. В лифте его конструкции подъемный винт крепился снизу к открытой платформе, и усовершенствованная конструкция действовала по принципу вертикального поршня. Сама «люлька» была сделана из красного дерева с медной решеткой, дверцей и поручнями. Внутри находилось кресло красного дерева, обитое красным сафьяном. Машина также приводилась в действие вручную рабочими. Специальная зубчатая передача передавала движение на винт подъем-

ной машины, который снизу «подталкивал» платформу «с люлькой». По проекту 1838 г. «подъемная машина» связывала уже не три, а только два нижних этажа жилой половины императорской семьи и предназначалась в первую очередь для императрицы и других женщин».

К 1853 г. «подъемные машины» были установлены в трех помещениях Зимнего дворца. Первый лифт вел «в комнаты Ее Величества», его обслуживало 6 человек рабочих. Второй находился «в подъезде Ее Величества», его обслуживало 4 человека. Третий – в подъезде министра Императорского двора – 4 человека¹⁰⁰. Эти лифты просуществовали в Зимнем дворце вплоть до начала 1860-х гг. Устанавливались лифты и в пригородных дворцах. В Гатчинском дворце первый лифт появился в 1854 г.

По мере износа и морального старения механизмы периодически заменялись. В 1860 г. разобрали старый лифт в подъезде министра Императорского двора. В 1861 г. началось массовая установка новых лифтов в главных подъездах дворца. Всего было сооружено четыре новых лифта: в Собственном Их Величеств подъезде, на половине покойной Императрицы Александры Федоровны, половине наследника и подъезде министра Императорского двора. Эти конструкции были сравнительно дешевы и обошлись каз-

не всего в 500 руб. За лифтами внимательно следили и периодически ремонтировали. В 1868 г. механику «за ремонт и управление четырех подъемных машин» уплатили 700 руб.¹⁰¹

В 1860-х гг. в Зимнем дворце использовались две основные конструкции «подъемных машин». Более вместительные «подъемные машины» по-прежнему приводились в движение за счет мускульной силы рабочих-лифтеров. Эта схема устройства лифтов действовала на протяжении 60 лет, вплоть до середины 1880-х гг. Еще в 1882–1883 гг. при установке новых лифтов в здании Старого Эрмитажа и Комендантском подъезде использовались именно такие лифты. В документах упоминается, что в ходе работ установлены две «подъемные машины, приводимые в движение рабочими»¹⁰². Известно и то, сколько требовалось рабочих для обслуживания каждого из лифтов. Например, при подъемной машине «в комнаты Ее Величества» работало 6 человек в три смены, в «подъезде Ее Величества» – 4 человека в две смены и в «подъезде министра Императорского двора» – 4 человека, также в две смены.

Сама подъемная кабина размещалась на «винте подъемной машины». Эти работы, да и все остальные механические работы, заказывались дворцовой администрацией заводу Сан-Галли. Они обошлись

Дворцовому ведомству в 9000 руб., причем завод предоставил на установленные «подъемные машины» гарантию в два года. На такой подъемной машине в декабре 1877 г. поднимались на половину императрицы Александр II и великий князь Сергей Александрович: «Мы дома и поднимаемся по машине с Папа к Мама»¹⁰³.

Единственный лифт с подобной схемой подъема сохранился до наших дней в Фермерском дворце в Александровском парке Петергофа. Плетеная подъемная кабина, прикрепленная к «винту подъемной машины» и приводимая в движение рабочим, плавно поднимала императора на второй этаж дворца. В настоящее время в Петергофе ведутся реставрационные работы по восстановлению механических столов-лифтов в павильоне Марли.

Наряду с вместительными «подъемными машинами» использовались и более компактные «подъемные стулья», приводимые в действие уже гидроприводом. Для этого механизма в 1862 г. специально проложили особый водопровод – «для подъемного стула Государя императора». Эти работы обошлись в 1400 руб. Аналогичное устройство – «машинно-подъемный стул» – установили в 1871 г. в подъезде министра Императорского двора. При подъеме в них требовалась известная осторожность, поскольку «подъ-

емный стул» не был защищен от направляющих, по которым он поднимался. Поэтому можно было наблюдать, как «люлька» поднимала вверх своих пассажиров. Одна из воспитанниц Смольного института, вспоминая свой визит в Зимний дворец, оставила описание такого «вознесения»: «Великие княжны предупредительно посадили ее¹⁰⁴ в кресло императрицы, поднимающееся посредством машины на самый верх. Наследник стал позади нее.

«Бабушка» казалась восходящею на небеса, а наследник был как бы ее ангелом-хранителем. Мы бежали по лестнице, и я старалась идти наравне с «восходящими», – нам так весело было на них смотреть».

Иногда такая «открытая» конструкция становилась причиной несчастных случаев. В феврале 1904 г. в Зимнем дворце подъемною машиною был задавлен до смерти «несчастный машинист по собственной неосторожности!».

Случались и тригикомические эпизоды. Когда в феврале 1880 г. народоволец Степан Халтурин взорвал фугас в подвале Зимнего дворца, то комендант дворца генерал-майор Дельсаль застрял в лифте, поскольку во время паники, вызванной взрывом, одного служителя, который его поднимал, контузило, а другой с испугу убежал.

Несчастные случаи, связанные с лифтами, затра-

гивали даже царственных персон. 13 апреля 1895 г. вдовствующая императрица Мария Федоровна, поднимаясь «на машине» в Аничковом дворце, попала каблуком в зазор стены и порвала связки сустава. Нога немедленно отекала. Врачи прописали императрице постельный режим и массаж ступни и подъема ноги.

В середине 1880-х гг. «подъемные машины» на ручном приводе начали заменяться на лифты, оснащенные гидравлическим приводом. Весной 1886 г. такую машину установили «на лестнице Его Величества». В скупом описании конструкции указывалось, что «верхняя часть цилиндра машины укреплена на паре железных рельс». В «подъезде Ее Величества» цилиндр машины углубили в грунт и «перестановки его не было сделано за последние 20 лет... для более правильного движения люльки и переделан пол люльки из деревянного в металлический»¹⁰⁵. Внутри подъемной люльки установили откидную скамейку красного дерева, на бронзовых петлях и кронштейнах. Двери подъемной машины изготовили из двух позолоченных бронзовых решеток. Изнутри люлька подъемной машины была затянута чехлом из небеленого холста. Снаружи рама люльки покрывал чехол из клеенки¹⁰⁶.

В конце XIX в. лифты стали привычной частью повседневного быта не только обитателей дворцов, но и зажиточной буржуазии Петербурга.

В 1904 г. тягу лифтов на гидравлическом приводе в подъездах императрицы и Малого Эрмитажа пытались увеличить за счет устройства добавочной напорной трубы к водяному баку подъемной машины в «подъезде Ее Величества». Но работы в связи с войной перенесли на 1905 г.¹⁰⁷

Во время коронации Николая II в Москве в мае 1896 г. фирма Сан-Галли занималась установкой лифта в Большом Кремлевском дворце. В качестве привода подъемника использовался электромотор. Работы в соответствии с контрактом выполнялись с 8 февраля по 15 апреля 1896 г. и обошлись казне в 4840 руб.¹⁰⁸

После Русско-японской войны и первой русской революции 1905–1907 гг. началось постепенно обновление лифтового хозяйства Зимнего дворца. Гидравлические лифты начали заменять лифтами на электрической тяге от аккумуляторных батарей. В 1913 г. по проекту инженера А. Штиглера (техническая контролера инженера Р.Э. Эриксона) на Советском⁴ подъезде Эрмитажа сооружен лифт с электроподъемной ма-

⁴ Советский подъезд Зимнего дворца – все подъезды Зимнего дворца имели свои названия: Салтыковский, Иорданский, Комендантский и т. д. Советским подъезд был назван, поскольку к этому подъезду съезжались члены Государственного совета Российской империи. Далее по Советской лестнице они поднимались в зал заседаний.

шиной, установленной на чердаке дворца. Лифтовая шахта проходила через три этажа, высота подъема составляла 16 м.¹⁰⁹

Пожалуй, самым большим технологическим прорывом в уровне комфорта императорских резиденций стало строительство Ливадийского дворца в Крыму. Новый дворец в Ливадии заложили 23 апреля 1910 г., а закончил его строительство 14 сентября 1911 г. архитектор Н.П. Краснов. Дворец построили с невероятной скоростью за полтора года. При этом архитектору предоставили полную самостоятельность в ведении хозяйственной деятельности. Десятки столичных фирм работали по заказам архитектора. Если говорить только о технических приспособлениях, то они оказались беспрецедентны даже для уровня императорских резиденций. Сделали подводку не только горячей и холодной воды, но и морской. Во дворце устроили несколько лифтов: кроме обычных внутридомовых лифтов, в кухонном корпусе дворца оборудовали три лифта. Лифт-транспортёр для подачи блюд в саму резиденцию, лифты для дров и для угля. Ежегодно выделялись значительные ассигнования на освещение (23 135 руб.), на выделку льда (5250 руб.), на отопление (38 374 руб.).

Когда в 1905 г. Николай II переехал из Зимнего дворца в Александровский дворец Царского Се-

ла на постоянное жительство, там уже установили один лифт. Поскольку у императрицы Александры Федоровны были больные ноги, то для нее еще в ходе ремонта Александровского дворца в 1895–1896 гг. на Собственной половине был сооружен гидравлический лифт, который связывал апартаменты императорской четы на первом этаже с комнатами дочерей на втором этаже. После окончательного переезда в 1905 г. императорской семьи во дворец на Свитской половине сделали электрический лифт. Оба лифта связывали только первый и второй этажи дворца. Лифты во дворце, как и все электричество и воду, отключили 13 марта 1917 г.¹¹⁰

Освещение дворцов

Наряду с другими инженерными коммуникациями менялись и *системы освещения* Зимнего дворца. На протяжении всей дореволюционной истории Зимний дворец освещался свечами. Чаще всего использовались свечи двух видов – сальные и восковые. Сальные свечи были не ароматны, поэтому их использовали в хозяйственных помещениях дворца или для дежурного ночного освещения парадных залов. После окончания роскошных балов в них расставляли через

одну комнату сальные свечи «в жестяных, длинных, наполненных водою подсвечниках»¹¹¹. Восковые свечи использовались во время балов и других торжественных церемоний, но они были недолговечны, поскольку быстро оплывали, и их приходилось часто менять.

При Дворе сложились определенные нормы расходования свечей, зависящие от положения того или иного лица при Дворе. Во времена Николая I фрейлине полагалось на сутки четыре ординарных белых свечи, одна желтая ночная свеча и три сальных¹¹². Свечные «нормы» устанавливались даже для детей Николая I. Одна из дочерей Николая I вспоминала, что «для освещения наших рабочих комнат полагалось каждой по две лампы и шесть свечей, две на рабочий стол, две воспитательнице и две на рояль»¹¹³.

Подсвечник. Гатчина

По мемуарным свидетельствам, в XVIII в. во время дворцовых праздников, для того чтобы осветить огромные залы, дополнительно сооружались специальные пирамиды, на которые устанавливалось «до трех тысяч свечей белого воску»¹¹⁴. В ходе ремонт-

ных работ в Зимнем дворце после пожара 1837 г., предусмотрели увеличение количества свечей в люстрах¹¹⁵. В Николаевском зале Зимнего дворца могло гореть одновременно до 4000 свечей. Естественно это поднимало температуру в зале, на стенах оседала копоть. Для того чтобы ускорить в люстрах процедуру замены сотен восковых свечей, использовались специальные жестяные трубки с подпружиненными донышками для облегчения извлечения огарков. Как основное средство освещения свечи использовались в Зимнем дворце до начала 1860-х гг. Французский писатель Теофил Готье, описывая бал в Зимнем дворце в 1860 г., оставил одно из последних описаний их использования: «Бесчисленное множество свечей стояло в канделябрах на карнизах... Целые потоки света наполняли будто волшебством громадную залу»¹¹⁶.

Поскольку огромный дворец ежедневно расходовал огромное количество свечей, то в его хозяйственных структурах была специальная Свечная кладовая. В ней хранились самые разные свечи: восковые, стеариновые, сальные, белого воска (фунтовые), французские, московские, английские ночные свечи (восковые и сальные). Судя по годовой ведомости расходов Свечной кладовой, больше всего использовались

стеариновые¹¹⁷ и сальные свечи¹¹⁸. Всего за 1868 г. на покупку всех видов свечей для Зимнего дворца было израсходовано 34 442 руб.¹¹⁹

Всего же на освещение Зимнего дворца в 1868 г. было потрачено 122 993 руб. (по смете – 107 382 руб., т. е. расходы были значительно превышены)¹²⁰.

Миракль. 1825 г.

Дворцовая администрация пыталась экономить на освещении. Эта политика получила название «экономия на свечных огарках». Такая экономия периодически порождала скандалы. Дело в том, что по давней дворцовой традиции свечи, прогоревшие более

чем на половину доставались лакеям, они продавая «огарки», зарабатывали неплохие деньги. Поэтому лакеи сознательно подолгу не гасили свечи в помещениях, даже если там никого не было. Министр Императорского двора П.М. Волконский, заметив это, попробовал бороться с данной традицией и поручил гасить свечи арапам, поскольку «они были гораздо честнее. Обязательнее всех был красивый арап Кайтан, он всегда стоял у ручки государыни. Он гасил свечи, за это ему отомстили: обвинили его сына Ивана, что он что-то украл, его послали в Кронштадт, где он был барабанщиком»¹²¹.

Экономили на свечных огарках не только лакеи, но и другие чины Двора. Широко известен пример, когда во времена Екатерины II одна из камер-фрейлин на протяжении своей двенадцатилетней службы собирала и продавала огарки и сэкономленные свечи. В результате набралась сумма достаточная, для того, чтобы «ко времени свадьбы с генералом Турчаниновым, секретарем кабинета Ее Величества», заказать себе серебряный сервиз.

Периодически «бунтовали» даже фрейлины, когда им пытались вместо «белых» свечей навязать «желтые». Как вспоминала одна из фрейлин, «вся молодежь поднялась из-за свечей – отцы поднялись на нас. Графиня Сухтелен пришла ко мне и сказала:

«Пусть, наконец, молодежь потребует хороших свечей, пусть, наконец»....Я думаю, что такой войны не было во всем свете»¹²².

Карсельская лампа в виде вазы

Позже, несмотря на переход к газовому освещению, а затем и к электрическому, во дворце продолжа-

ли широко использоваться свечи. Согласно описи казенных вещей, находившихся на половине Александра II, в каждой из комнат были канделябры и люстры со свечами. Как правило, это были парные канделябры, в каждом из которых насчитывалось от 4 до 7 рожков. Непосредственно в кабинете императора находились пара канделябров на 7 рожков. Если канделябры были во всех комнатах, то люстры со свечами только в некоторых из них. Из восьми помещений¹²³ жилой половины императора люстры, оборудованные под восковые свечи, висели только в четырех¹²⁴. Самым освещенным помещением являлась приемная, в ней могло гореть 72 свечи. Далее шла библиотека – 48 свечей, кабинет – 38 свечей и учебная – 36 свечей. Одновременно со свечами использовались «карсельские» масляные лампы с часовым механизмом. Керосин во дворце, из-за его пожароопасности, использовать категорически запрещалось. Поэтому в лампы заливали ароматизированное растительное масло. Один из друзей детства Николая II писал, что в Аничковом дворце «лампы были необычайно занятные и затейливые, с каким-то механизмом, похожим на часовой. Масло наливалось душистое, и в комнатах всегда стояло «амбре»».¹²⁵

В начале 1860-х гг. на смену свечам пришли газо-

вые рожки. Впервые вопрос об их монтаже в Зимнем дворце встал в 1850-х гг. при сооружении Нового Эрмитажа. Но предложение архитектора Людвиг Кленце об установке газовых фонарей в музейных залах отвергнул Николай I из-за возможности пожара. 31 января 1851 г. царь утвердил план освещения Нового Эрмитажа, состоящий из 9949 люстр со свечами¹²⁶. Это было огромное «хозяйство», поэтому для содержания его в надлежащем порядке и обслуживания в «мастерской роте» Зимнего дворца работало 12 человек «по кровельному, фонарному и ламповому делу»¹²⁷.

С весны 1861 г. началась организационная подготовка к оснащению Зимнего дворца газовым освещением. 25 мая 1861 г. обер-гофмаршал граф Шувалов направил предписание заведующему Зимним дворцом инженеру генерал-майору Кубе разработать проект освещения дворца газовыми «иллюминаторами». Уже 18 июня 1861 г. Кубе сообщил графу Шувалову о проведенном тендере, в котором приняли участие два подрядчика – прусский подданный инженер-механик Луи Запс и некий г-н Шишко. Дворцовые «генералы от котлет»⁵ старались считать деньги, поэтому ге-

⁵ «Генералы (полковники) от котлет» – так в императорском дворце, почти на официальном уровне, называли руководителей хозяйственных подразделений Министерства Императорского двора. Пренебрежи-

нерал Кубе обращал внимание обер-гофмаршала на то, что проект Запса более выгоден, поскольку должен был обойтись Дворцовому ведомству в 4960 руб., против 6200 руб. Шишко. Из проекта Запса следовало, что он обязуется «произвести... хорошее освещение со всевозможной экономией», подчеркивая, что надзор, контроль и все работы он будет производить из своего жалованья, которое он просил установить в 170 руб. серебром в месяц. Кроме этого он просил казенную квартиру вблизи Зимнего дворца, с казенным отоплением и освещением. Он предлагал заключить контракт сроком на 5 лет. В штат своей новой службы Запс предлагал набрать 11 человек, из них только 6 должны были следить за газовыми горелками в Зимнем дворце. Остальным вменялось в обязанности контролировать другие дворцовые помещения. Всего он предполагал установить во дворце 1670 горелок, из которых ежедневно предполагалось задействовать 554 горелки. Все предложения Запса приняли в ноябре 1861 г. и контракт с ним подписали на три года.

Учитывая потенциальную возможность взрыва газа, Запс разработал жесткие правила пользования газовым оборудованием в Зимнем дворце. Согласно им, на смену ламповщикам приходили фонарщики. Ключи, которыми открывались краны газовых горелок,

были изготовлены, как часовые, чтобы «никто не мог без ключа открыть краны горелок». При этом для каждой «дистанции» газовых труб имелся свой особый ключ. Ключ от главного распределительного газового крана находился только у Запса. Газ для освещения поставлялся во дворец Петербургским газовым обществом. Показания об израсходованном газе снимались один раз в месяц, а оплата за него производилась раз в три месяца. В подвалах установили 38 газометров. Но при иллюминации города давление газа в трубах падало и газовые рожки потухали.

Однако после того как Запс начал работать во дворце, в его проекты вносятся некоторые коррективы. Вместо планировавшихся 1670 газовых рожков установлено 1640. Из них в ежедневном употреблении, вместо планируемых 554 горелок, обычно использовалось – 410. Примечательно, что за Запсом приглядывали. В ноябре 1861 г. «для постоянного надзора» за газовым освещением назначен поручик служительской команды Зимнего дворца Ефимов¹²⁸.

В газетах упоминалось, что газовые рожки «особого усовершенствования» производили чрезвычайный эффект, освещая парадные комнаты дворца. Но наряду с газовыми рожками продолжали использоваться свечи. На фотографии кабинета императрицы Марии Федоровны, сделанной в середине 1870-х гг., на

ее столе видны два канделябра на две свечи. В мемуарной литературе упоминается, что после взрыва в Зимнем дворце в феврале 1880 г., организованного С. Халтуриным, умирающей императрице Марии Александровне сказали, что это был взрыв газа. В первые дни после взрыва в официальной прессе также сообщалось, что главной причиной взрыва был газ и в результате «было попорчено несколько газовых труб».

Лампа настольная. Франция. Начало XX в.

Содержать газовое хозяйство в порядке было довольно хлопотным делом. Кроме этого возникали проблемы и гигиенического характера. В личных комнатах страдавшего астмой императора Александра II газовое освещение не использовалось вообще, и в опи-

си предметов значатся только люстры и канделябры под свечи.

После 1881 г. Зимний дворец превращается только в официальную резиденцию русских монархов, поскольку император Александр III предпочитал жить либо в Гатчинском дворце, либо в Аничковом. Но личные комнаты монарха содержались в постоянной готовности принять его и всю его большую семью.

С 1883 по 1892 г. при Александре III в Зимнем дворце под руководством дворцового архитектора Н.А. Горностаева начались широкомасштабные строительные работы. Сделали ремонт металлических стропил здания, усовершенствовали отопительную и вентиляционную систему, провели электрическое освещение¹²⁹. Тем не менее это новшество не привело к полной ликвидации старых осветительных приборов. Ликвидировали только газовые рожки. Поэтому электрический свет и свет свечей соседствовали в Зимнем дворце вплоть до 1917 г.

Первым императорским дворцом, в котором начали использовать электрическое освещение, был Гатчинский дворец, с конца марта 1881 г. он превратился в главную императорскую резиденцию. Необходимо отметить, что одним из инициаторов электрификации Гатчинского дворца еще летом 1881 г. был Александр III.

Электрификацией Гатчинского дворца занимался лейтенант Смирнов, он командовал отрядом моряков-минеров, присланных во дворец для предотвращения возможных подкопов и взрывов. Александр III лично интересовался проведением работ, неоднократно выслушивая доклады моряка¹³⁰. Сначала было установлено электрическое освещение вокруг дворца и по периметру гатчинского парка, что было связано с организацией охраны императора.

Торшер. Австрия. Начало XX в.

История электрификации Гатчинского дворца имела довольно необычное продолжение. Охрана, всячески демонстрируя свое рвение, и, видимо, опасаясь каких-либо нежелательных воздействий нового освещения на здоровье императора, сначала установи-

ла электрические лампочки (25 штук) на квартире начальника царской охраны генерал-майора П. А. Черевина в октябре 1883 г. 29 декабря 1883 г. его квартиру посетил Александр III. Найдя освещение комфортным, а здоровье своего телохранителя не пошатнувшимся, император распорядился установить электрические лампочки в своем рабочем кабинете Гатчинского дворца. В результате осенью 1884 г. в кабинете Александра III появилось электрическое освещение – две электрические лампы на рабочем столе. Поначалу они запитывались от аккумуляторов. Параллельно с этими работами с 15 ноября 1884 г. проводилась прокладка электрического освещения и в других комнатах Гатчинского дворца комнатах цесаревича Николая и его младшего брата Георгия.

После завершения этих работ Александр III распорядился, чтобы лейтенант Смирнов представил соображения по поводу электрификации всего дворца. Пояснительная записка была представлена царю 16 апреля 1885 г. После ее одобрения Александром III началась прокладка электрической сети внутри Гатчинского дворца и начато строительство электростанции.

14 ноября 1885 г. состоялось открытие электрического внутриворцового освещения. В ходе проделанных работ в Гатчинском дворце установили 1050 ламп

накаливания, для одновременного горения которых требовалось до 50 кВт электроэнергии. Дворцовая электрическая сеть соединялась с электростанцией тремя магистральными проводами, уложенными в землю.

По принятому издавна порядку новые детали дворцовых интерьеров утверждались лично Александром III. Все образцы новой бронзы для электрического освещения (стенники, подвесы, столовые лампы, люстры, фонари и др.) выполнялись по рисункам рисовальной школы Общества поощрения художников. Поначалу все лампы накаливания закупались на отечественных предприятиях¹³¹, но скоро их пришлось заменить лампами иностранных поставщиков, поскольку русские лампочки быстро перегорали.

Все это время лейтенант Смирнов, прижившийся во дворце, лично докладывал Александру III о новинках электрического освещения и планировал новые работы. В результате постоянных работ по расширению электрической сети к 1890 г. в Гатчинском дворце установлено 1910 ламп и 20 фонарей с вольтовой дугой, к 1894 г. – 2236 ламп и 29 фонарей¹³².

Впоследствии в Гатчинском дворце, как и в других императорских дворцах, вплоть до 1917 г. соседствовали различные осветительные приборы. Наряду с традиционными осветительными приборами, в

том числе и карсельскими лампами, в перечне утраченных ценностей Гатчинского дворца упоминаются и «лампа настольная электрическая», «лампочка спиртовая», «фонарь масляный 4 шт.», подсвечники, «фонарь электрический на потолке».

Впервые в Зимнем дворце систему электрического освещения, смонтированную инженером дворцового управления В.Л. Поповым, опробовали 22 декабря 1884 г. Работы начались в сентябре 1884 г. Был составлен проект освещения и смета необходимых затрат. Предполагалось устроить электрическое освещение в Помпеевской галерее (72 лампы накаливания) и в садике Эрмитажного павильона. Работы по монтажу лампочек и проводки поручили фирме «Сименса». Предполагалось питать лампочки от двух локомотивов, каждый из которых был рассчитан на 40 лампочек. Садик Эрмитажного павильона предполагалось освещать десятью хрустальными матовыми фонарями, доставленными со Стекланного завода.

Ночник «Амур с лягушкой»

Во время Рождественского бала 10 января 1885 г. в Зимнем дворце новое освещение впервые продемонстрировали широкой публике. Поскольку все прошло удачно, то немедленно начались работы по монтажу проводки в Николаевском зале и Аванзале.

Электричество показали уже на балах 17,27 и 31 января 1885 г. 3 февраля 1885 г. аналогичный проект осуществили в Елагиноостровском дворце. На проведение всех работ затратили чуть более 11 000 руб. Новшество произвело впечатление на столичный бомонд и было решено для сокращения затрат приобрести для Зимнего дворца собственный локомобиль¹³³.

В октябре 1886 г. министр Императорского двора И.И. Воронцов-Дашков направил записку Александру III, в которой предлагал продолжить работы по внутреннему и внешнему освещению Зимнего дворца. В результате в 1886 г. осветили Салтыковскую лестницу, Собственный вестибюль, Темный коридор, Ротонду, Арапский зал, покои покойной императрицы Александры Федоровны, Аванзал, Концертный и Николаевский залы, верхнюю часть Иорданской лестницы, Помпеевский зал¹³⁴. На огромных бронзовых люстрах в парадных залах установили лампочки, стилизованные под свечи. На одной из фотографий Георгиевского зала, сделанной с хоров, хорошо видны эти «электрические свечи».

Электрическое освещение в дворцовых интерьерах производило на всех потрясающее впечатление. Граф С.Д. Шереметев, описывая Эрмитажный бал, состоявшийся 12 февраля 1887 г., упоминал, что «новое освещение эдиссоновскими лампочками ослепи-

тельно и хорошо тем, что не греет»¹³⁵. В прессе, описывавшей бал в Зимнем дворце в 1890 г., упоминается, что кроме «люстр и канделябров освещает залы бордюр из 1000 лампочек, которыми обведены карнизы хор вверху... Тропический сад освещается сверху точно лунным светом большим электрическим матовым фонарем»¹³⁶.

В личных покоях Александра III в Зимнем дворце все «низовое освещение» (лампы на столах и канделябры) были выведены в совершенно особую цепь, для питания которой на электрической станции в особом помещении были установлены два аккумулятора. При монтаже электропроводки старались привлекать русских специалистов и использовать отечественные материалы.

Но при этом наряду с электрическим освещением во дворце продолжали использоваться и привычные свечи. Причем электрические люстры выполняли функцию общего освещения, а канделябры со свечами – интимного, местного. Все четырнадцать личных комнат Александра III в Зимнем дворце¹³⁷ оборудовали электрическими люстрами. Но количество лампочек в них – разное. В большинстве помещений были подвешены люстры на 6–8 лампочек. Самая большая люстра – на 30 лампочек находилась в кабинете

Александра III. При этом канделябры под свечи стали не такими громоздкими, число рожков на них уменьшилось 3–4. В сугубо личных помещениях – в уборной и ванной была небольшая люстра на 6 лампочек и скромные медные бра на 2 рожка¹³⁸.

Работы закончили к началу 1887 г., к очередным дворцовым балам. 1 января 1887 г. завершили уличное освещение вокруг дворца. Опыт оказался удачным, и летом 1887 г. газовые фонари вокруг дворца убрали. Летом 1887–1888 гг. электрическое освещение в Зимнем дворце сделали и в служебных помещениях, а газовое освещение в Зимнем дворце полностью демонтировали. Для того чтобы обеспечить дворец электричеством, в начале 1888 г. по проекту инженера В.Л. Попова построили в малом дворе здания Нового Эрмитажа стационарную электрическую станцию постоянного тока. Через шесть лет архитектор А.Ф. Красовский построил малую электростанцию уже на переменном токе во дворе здания Эрмитажного театра, она обеспечивала освещение зрительного зала и фойе театра. Эта электростанция просуществовала вплоть до 1945 г., а затем ее разобрали.

В конце 1894 г., в связи с предполагавшимся переездом в Зимний дворец Николая II, там произвели модернизацию электрического освещения. Новые электрические люстры и бра, часть которых изготавли-

лась по чертежам архитектора Р.Ф. Мельцера, обильно украшены хрустальными подвесками. В личных покоях царской семьи преобладало местное, интимное освещение. На стенах находились многочисленные бра со стеклянными и матерчатыми колпаками, выполненными в стиле модерн. На столах установлены массивные электрические лампы. Однако свечи по-прежнему использовались в повседневном быту (свидетельство тому фотографии, на которых электрические лампы соседствуют с канделябрами).

Вслед за Гатчинским и Зимним дворцами началась электрификация и других императорских резиденций. Зимой 1887 г. провели временное электрическое освещение в Александровском дворце Царского Села. Там установили 500 ламп накаливания, запитываемые от локомотива. Постоянная электропроводка в Большом Царскосельском и Александровских дворцах Царского Села закончилась к 1890 г.

Осенью 1886 г. началось электрическое освещение в Аничковом дворце. В Уборной царя и прилегающих коридорах установили пять электрических ламп. Затем в 1888 г. для балов в Аничковом дворце установили 700 ламп. Для их запитывания близ дворца была построена электростанция. 26 марта 1890 г. был утвержден комплексный проект освещения Аничкова дворца на 5000 ламп. Проект предусматривал

строительство собственной электростанции. Примечательно, что для того чтобы не беспокоить обитателей дворца, электрическое освещение ночью работало от огромной батареи аккумуляторов, дававшей ток в 110 Вт, которые были расположены в подвале под машинным залом. 24 мая 1890 г. начались подготовительные работы, и уже с 21 ноября 1890 г. электрическое освещение Аничкова дворца стало действовать постоянно. В июле 1887 г. началась электрификация Петергофского дворца.

К 1920-м гг. электрическое хозяйство Зимнего дворца обветшало, поэтому началась замена электропроводки. К 1936 г. переоборудовали электропроводку Большого Эрмитажа, но общее состояние электрохозяйства музея, согласно акту межведомственной комиссии от 23 марта 1936 г., «было чрезвычайно неблагоприятно» и требовало «полной реконструкции». Однако этим работам помешала война, и они были закончены только во второй половине 1960-х гг., после издания в 1966 г. специального Постановления Совмина СССР «О проведении реконструкции энергохозяйства музея», на что Эрмитажу выделялось 6 млн руб.

Отопление императорских резиденций

Одно из центральных мест в инженерной инфраструктуре Зимнего дворца занимала *отопительная система*. Долгое время единственным видом отопления дворца были печи, камины и небольшие таганки. При начале строительства дворца составили чертежи 17 каминов. Их заказали в Италии из каррарского мрамора и в 1758 г. доставили в Зимний дворец¹³⁹.

Как известно, эффективность каминов как источников тепла невысока. Поначалу в Зимнем дворце в морозные дни было весьма неуютно. Печей не хватало и в огромных парадных залах было просто холодно. 27 декабря 1779 г. отменен бал во дворце «по случаю великой стужи»¹⁴⁰. Поэтому отопительная система, способная обогреть огромный дворец, использовалась весьма интенсивно и периодически обновлялась. В 1827 г. круглые печи Кваренги из-за их ветхости заменили новыми. Однако, спустя год, во время очередного ремонта комнат наследника, великого князя Александра Николаевича О. Монферрану приказали разобрать только что установленные новые печи и воссоздать круглые печи Кваренги¹⁴¹. Видимо, это диктовалось лишь привычкой к определенному облику двор-

цовых залов.

Интенсивное использование многочисленных печей в царских дворцах в суровые зимы и беспорядочные перестройки дворцовых залов приводили к катастрофическим пожарам. Вечером 17 декабря 1837 г. в Зимнем дворце начался пожар, который удалось окончательно потушить только к 20 декабря.

По воспоминаниям очевидцев, зарево было видно за 50–70 верст от Петербурга. После катастрофического пожара от дворца остались только наружные стены, часть внутренних капитальных стен, сводчатые перекрытия подвалов и некоторое количество сводчатых перекрытий на первом этаже¹⁴². Уже 29 декабря 1837 г. создается комиссия по возобновлению разрушенного дворца. Ее возглавил гофмаршал двора князь Волконский. Несмотря на страшные разрушения, 25 марта 1839 г. состоялось освящение Большой дворцовой церкви и всего возобновленного дворца. Необходимо отметить, что Николай I лично наблюдал за ходом работ, задавая невероятно высокие темпы восстановительных работ. Причем все проектные чертежи просматривались и утверждались самим Николаем I, тот не раз вмешивался в уже готовые проектные решения. С учетом произошедшей трагедии в ходе восстановления дворца печное отопление было заменено на воздушное отопление, разработанное

инженером Н.А. Аммосовым. На «устройство пневматического отопления» в смету заложили 258 000 руб.¹⁴³ Впервые печи его конструкции установили в казармах лейб-гвардии Павловского полка в 1835 г. Здесь эти печи хорошо себя зарекомендовали, да и традиционное печное отопление после страшного пожара вызывало недоверие. По поручению Комиссии по возобновлению Зимнего дворца, знаменитый химик Г.И. Гесс, преподававший в Технологическом институте, провел всестороннюю экспертизу пневматических печей конструкции Н.А. Аммосова. По словам конструктора, экспертиза проводилась крайне тщательно и придирчиво. В результате было подготовлено заключение, что его печи безвредны для здоровья¹⁴⁴. В подвалах дворца установили 86 пневматических печей. В самом Зимнем дворце размещалось 55 больших и 29 малых печей. Еще две большие печи находились в Эрмитаже под Рафаэлевыми лоджиями и две малые печи в Придворном манеже. Нагреваемый печами воздух поднимался по «жаровым» каналам в парадные залы и жилые комнаты. Места выхода отопительных каналов завершались медными решетками на душниках, выполненных по рисункам архитектора В.П. Стасова. У инженера Аммосова сохранились чертежи отопительной системы, на которых стояла «виза» министра Императорского двора – «Высо-

чайше утверждено 10 апреля 1838 г.»¹⁴⁵. Любопытно, что Аммосов по настоянию В.П. Стасова пытался внести изменения в конструкцию печей в 1839 г. Металлические трубы заменили на глиняные, но, убедившись, что они очень медленно нагревают воздух и при усиленной топке трескаются и пропускают дым, он вновь вернулся к металлическим трубам¹⁴⁶. С весны 1839 г. печи и камины сохранялись в Зимнем дворце в основном как привычный элемент парадных интерьеров¹⁴⁷. За устройство пневматических печей в Зимнем дворце Н. Аммосова наградили золотой медалью и он получил 1500 десятин земли наряду с личным одобрением Николая I качеством работы печей его конструкции. В дворцовой Мастерской роте самой большой штат специалистов занимался именно обслуживанием системы отопления. Печным и каменным делом во дворце занимались «мастер, два подмастерья, восемь печников и шесть учеников». Трубочным делом занимались «мастер, подмастерье, три трубника и два ученика». Занимались чисткой труб «мастер, два подмастерья, двенадцать трубочистов и семь учеников»¹⁴⁸.

Несмотря на огромные затраты, у «аммосовской» системы отопления выявили ряд недостатков. Уже в начале 1840-х гг. бытовало мнение, что печи пере-

сушивают воздух, что это вредит здоровью. Причем вредит здоровью царских детей. Об этом упоминает дочь Николая I Ольга Николаевна. Она пишет, что в Зимнем дворце «устроили новое отопление, подобие центрального, которое совершенно высушило воздух. Чтобы устранить этот недостаток, к нам в комнаты внесли лоханки со снегом и водой, и я думаю, что это произвело очень неблагоприятное действие на наши легкие»¹⁴⁹.

Дело в том, что в декабре 1840 г. Ольга Николаевна заболела «сильным кашлем», и поэтому по настоянию врачей Маркуса и Рауха ее в феврале 1841 г. перевели в Аничков дворец ввиду того, что сухой воздух Зимнего дворца ей вреден. Николай I согласился с предложениями медиков, и «вся семья с восторгом переселилась в любимое гнездышко. По прошествии одной недели мой кашель исчез. После этого призвали специалистов, чтобы исследовать свойства воздуха в Зимнем дворце, и выяснилось, что содержание влажности в нем слишком недостаточно как для людей, так и для растений. Построили всюду камин, но и в Аничковом приделали к печам сосуды с водой»¹⁵⁰.

Действительно, конструктора печей Н. Аммосова пригласили в Зимний дворец в марте 1841 г., где он измерял влажность воздуха во всех дворцовых помещениях. При этом отклонений от нормы выявлено не бы-

ло, а таблицы измерений влажности были опубликованы. Тем не менее, эти слухи были необычайно живучи, поскольку чиновник Министерства Императорского двора В.С. Кривенко в записках упоминал, что величавый Зимний дворец «совершенно не подходил для частной жизни. Александр II, больной эмфиземой легких, страдал от аммосовского отопления, от сухого нагретого сильно воздуха, от плохой вентиляции; в спальне его форточки плохо затворялись, по ночам комната выстывала»¹⁵¹. Поэтому с 1863 г. в Зимнем дворце начинает создаваться новая, локальная система отопления. В ее основу были положены «огневоздушные печи» конструкции И.К. Кроля и Смирнова. Эту систему отопления смонтировали в северном крыле Зимнего дворца на протяжении лета 1876 г. Великий князь Сергей Александрович в дневнике отметил, что, несмотря на холодную весну, семья готовилась к переезду «на дачу» в Царское Село, поскольку «будут весь этот фасад дворца переделывать для нового отопления». А когда семья в конце октября вернулась в Зимний дворец, то все комнаты уже были «с новым отоплением»¹⁵².

Средства, ежегодно затрачиваемые на отопление, составляли значительную часть ежегодного бюджета Министерства Императорского двора. В 1868 г. на отопление Зимнего дворца потратили 173 567 руб. (по

смете 173 650 руб.)¹⁵³.

В результате к началу 1880-м гг. в Зимнем дворце функционировали две системы отопления: аммосовская и «Кроля» (чугуннореберные печи). Александр III был недоволен обеими. По его мнению, обогревание производилось неравномерно, воздух очень пересушивался, при топке был сильный шум. Поэтому принято решение о монтаже новой локальной системы водяного отопления. Одновременно установили водяные калориферы для введения свежего воздуха с соответствующей вентиляцией и увлажнением и прочищены жаровые каналы. В одном из внутренних световых дворишков западной части Зимнего дворца построили котельную. А на крыше дворца, за башенкой оптического телеграфа над Собственным подъездом, соорудили вентиляционную башню, которая внесла заметный диссонанс в привычный архитектурный облик дворца. Эти работы обошлись в 189 511 руб.¹⁵⁴

Таким образом, к 1917 г. в Зимнем дворце параллельно действовали три технически различных системы отопления, не объединенные в единую сеть. С 1840-х гг. в Зимнем дворце работали пневматические печи Н.А. Аммосова, обогревавшие большую часть дворца. В 1860—1870-х гг. создается локальная система «огневоздушных печей» для личных покоев императора Александра II, страдавшего астмой, и его

жены императрицы Марии Александровны, болевшей туберкулезом. С конца 1880-х гг. северо-западный ризалит Зимнего дворца и здание Нового Эрмитажа обогревались системой центрального водяного отопления, созданной инженером Войницким.

В 1920-х гг. в Зимнем дворце начинаются работы, должны превратить его в музейное здание. Благодаря этому, искажавшая пропорции дворца, вентиляционная башня над Собственным подъездом, установленная в 1880-х гг., и трубы котельных во внутренних световых двориках были разобраны¹⁵⁵. Также удалено до 100 отопительных приборов (печей, плит, очагов и каминов). Во время катастрофического наводнения 1924 г. затопило все подвалы дворца. Наводнение фактически разрушило действовавшие отопительную и вентиляционную системы. Воздуховоды наполнились водой, изоляция труб размокла. Во дворце появилась устойчивая сырость. Поэтому началась немедленная реконструкция отопительной и вентиляционной систем. К зиме 1925 г. аммосовские печи наскоро отремонтировали. Старую систему воздушного отопления, устроенную в 1860—1870-х гг. в покоях императора Александра II, и центральное водяное отопление бывших комнат Николая II также восстановили к концу 1924 г. В ходе реконструкции инженерных коммуникаций дворца в 1933—1939 гг. водо-воздуш-

ную систему отопления подключили к городской сети. В нее входили две системы: зданий Эрмитажа и комнат половины Николая II. После 1945 г. в ходе ремонта Зимнего дворца разобрали железные дымовые трубы и конструкции котельной, обеспечивавшие теплом половину Николая II. Разобрали и кирпичную трубу, оставшуюся от отопительной системы, устроенной в 1860—1870-х гг.

В Александровском дворце Царского Села система отопления развивалась «своим путем». Она формировалась в несколько этапов, это проявилось в том, что в небольшом дворце вплоть до 1917 г. не было создано единой системы отопления. В 1842 г. в Александровском дворце появилось отопление Аммосова, которое просуществовало до конца 1890-х гг. Печное отопление во дворце начали заменять на паровое на императорской половине в ходе ремонта 1896 г. В результате в подвале дворца соорудили три котельных: для отопления личных апартаментов Николая II и Александры Федоровны и Детской половины, для подогрева воды для бассейна Николая II и водогрейный котел ванного помещения Детской половины.

В 1901 г. фирма «Сан-Галли» провела центральное отопление парадных залах Александровского дворца. Это была довольно совершенная для своего времени система, по крайней мере, температуру в парад-

ных залах меняли, позвонив по телефону в котельную.

В силу того, что рядом с дворцом большую котельную располагать было неэстетично, то специалисты «Сан-Галли» пошли по пути сооружения миниатюрных котельных в маленьких подвальных помещениях дворца. Смонтировали котел водяного отопления для Угловой гостиной Александры Федоровны и двух Библиотечных зал; котел водяного отопления «зала Горы», Библиотеки и кладовых под Открытым залом; котел водяного отопления Полукруглого и Портретного залов и котел водяного отопления Большого бильярдного зала с Гостиной (в которой находилась походная церковь) и Третьего подъезда. Всего в 1901 г. сооружено четыре котла водяного отопления. В результате для размещения семи отопительных котлов, установленных в 1896 и 1901 гг., занято девять помещений, которые занимали 8 % площади подвалов дворца, но и при такой локальной отопительной системе некоторые из важных дворцовых помещений продолжали отапливаться печами и электрическими грелками. Спальня наследника на Детской половине (2-й этаж) отапливалась именно таким способом. Жаровыми печами, расположенными в подвале, отапливались парадные подъезды дворца. Печами отапливались все помещения правой части подвала. Кроме

этого, в подвале было расположено еще несколько водогрейных котлов, обслуживавших кухни Александровского дворца.

Дворцовые средства связи

Связи во все времена уделялось большое внимание. Особенно во дворцах. На протяжении веков скорость распространения информации определялась выносливостью фельдъегерей и их лошадей. В XIX в. начался быстрый процесс обновления средств связи, и почти все новшества в числе первых появлялись именно во дворцах.

Николай I, как человек с инженерным образованием, интересовался техническими новинками. Фактически одновременно в Зимнем дворце император лично опробовал две новаторские для того времени системы связи.

Во-первых, в 1832 г. подземная телеграфная линия связи соединила Зимний дворец и Министерство путей сообщения. Идея проволочного телеграфа принадлежала чрезвычайно одаренному человеку – П.Л. Шиллингу. После первых удачных опытов Николай I поручил Шиллингу провести линию связи между Зимним дворцом и Кронштадтом. Однако Шиллинг умер в 1837 г., не осуществив этого проекта. Но у него на-

шлись последователи, которые в 1841 г. установили телеграфную связь между Зимним дворцом и зданием Главного штаба. После этого телеграф на долгие годы стал основным средством связи в Российской империи. На протяжении 1840-х гг. Зимний дворец связывали телеграфные линии не только со всеми пригородами, но и с крупнейшими городами России.

Во-вторых, в 1833 г. в Зимнем дворце на башне северозападного ризалита начал действовать оптический телеграф (ге-леотелеграф), обеспечивавший связь между Санкт-Петербургом и Варшавой. В хорошую солнечную погоду информация через сеть вышек, проходила из конца в конец сети за 1–1,5 часа. В начале 1840-х гг. оптический телеграф заменили обычной телеграфной связью. Аппаратура телеграфной связи размещалась в той же башенке на крыше Зимнего дворца. Согласно «Положению об управлении Императорским Зимним дворцом», все входы на чердак охранялись и телеграфисты проходили в свою башенку «по особым пропускам»¹⁵⁶.

В-третьих, в 1855 г. в Кремлевском дворце устроили «особую станцию действия по телеграфу». В высочайшем решении подчеркивалось, что существующая телеграфная станция находится в «6 верстах 160 сажнях от Кремлевского дворца, что вызывает за-

труднения с оперативной передачей телеграфных сообщений во время высочайшего пребывания в Москве»¹⁵⁷.

Настольный звонок

Следует подчеркнуть, что телеграфные станции развернули во всех императорских резиденциях, решая вопросы оперативной связи, необходимой российским монархам. Например, по штатам 1869 г. в Аничковом дворце телеграфную станцию обслуживали начальник и два сигналиста. Поскольку пункт связи был режимным объектом, то, несмотря на существовавшую охрану императорского дворца, в шта-

ты включена отдельная штатная единица сторожа при телеграфной станции¹⁵⁸.

Настольный звонок

С 1850-х гг. в Зимнем дворце были сделаны первые попытки усовершенствовать внутриворцовую связь. Обычные колокольчики как главный способ сигнализации внутри дворца сохранялись, но в 1853 г. мастер Риккерт проложил «гуттаперчивую слуховую трубу для передачи переговоров с верхнего этажа в подвал на половине Ее Величества»¹⁵⁹. Видимо, эту «гуттаперчивую слуховую трубу» провели по схеме корабельных слуховых труб, соединявших капитанский мостик и машинное отделение. Сейчас трудно ска-

зять, какие причины побудили соединять такой «связью» жилые помещения императрицы Александры Федоровны и дворцовый подвал. Такой же «слуховой трубой», или «воздушным телефоном», оборудовали и рабочий кабинет Николая I на первом этаже Зимнего дворца.

Настольный звонок

С начала 1860-х гг. проблема оперативной связи внутри дворца приобретает новое качество. Это связано с тем, что в правительственных кругах всерьез рассматривался вариант «революционного возмущения» и попытки захвата «толпой» Зимнего дворца¹⁶⁰. Не исключалась и попытка дворцового переворота,

накануне готовящейся отмены крепостного права в России. Поэтому в 1860 г. принято решение оборудовать Зимний дворец электрзвонками – «гальваническими колокольчиками», которые должны были связать подъезды дворца с Главной гауптвахтой, где находился дворцовый караул¹⁶¹.

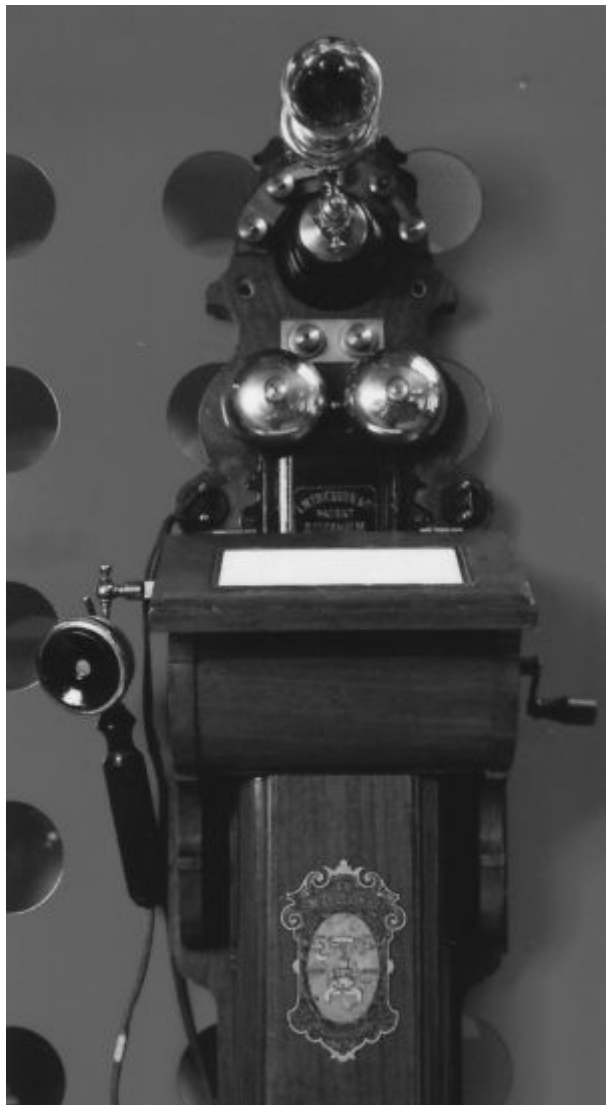
Параллельно с прокладкой линий «гальванических колокольчиков» начали прокладываться телеграфные линии внутри дворца. Эти работы также связаны с обеспечением личной безопасности императора. В 1860 г. во дворец допустили представителей фирмы «Сименс и Гальске» для устройства телеграфного сообщения между кабинетом Александра II и дежурной комнатой, в которой находился гвардейский караул¹⁶². В результате этих работ в кабинете Александра II на одном из столов установили буквенный телеграфный аппарат¹⁶³. Для оперативной связи использовался также телеграф Царскосельского дворца.

Настольный звонок

К телеграфной связи привыкли настолько, что ее использовали и для повседневных нужд. В 1868 г. внутриворцовую телеграфную сеть расширили¹⁶⁴. В 1870 г. электрические звонки связали подъезд императрицы и Комендантский подъезд с Главной гауптвахтой¹⁶⁵. За этой сетью внимательно следили и поддерживали ее в работоспособном состоянии, проводя профилактические работы¹⁶⁶. В конце 1876 г. в комнатах Александра II для лечения астмы соорудили барокамеру – «колокол для сгущения воздуха». Для связи с императором во время процедур в герметичном

колоколе, также установили буквенный телеграфный аппарат¹⁶⁷.

Телефонный аппарат. 1880-е гг.

Телеграфную сеть, проложенную в Зимнем дворце, начали постепенно демонтировать в первой половине 1880-х гг. К этому времени Зимний дворец перестал быть постоянной жилой резиденцией русских монархов. В конце марта 1881 г. Александр III с семьей переехал в Гатчинский дворец. Именно там, в конце 1881 г. протянули первые телефонные линии. Эти технические новшества, как и в начале 1860-х гг., использовались, прежде всего, охраной дворца.

В первой половине 1880-х гг. начался процесс телефонизации страны. Телефоны в России впервые появились в 1881 г. Для сравнения – первая городская телефонная станция была введена в эксплуатацию в США в 1878 г., в Париже – в 1879 г., в Берлине – в 1881 г.¹⁶⁸ Первоначально в Петербурге провода прокладывались стоечно-воздушной сетью. Все телефонное оборудование производилось в Петербурге на заводах «Эриксон» (ныне «Красная заря»), «Гейслер» и «Сименс и Гальске».

Телефонный аппарат. 1880-е гг.

С 1882 г. началась телефонизация помещений Зимнего дворца, которой занималась фирма «Сименс и Гальске». При этом вплоть до 1917 г. электрические звонки, как средство сигнализации, продолжали сохраняться. В спальне Николая II в Александровском дворце на столике у кровати находилась тревожная кнопка звонка в караульную комнату. Другие, не столь важные кнопки электрических звонков оформлялись «по-царски» – например, бриллиантовая кнопка связывала с детской, жемчужная – с прислугой, рубиновая – с лакейской¹⁶⁹. При строительстве нового Ливадийского дворца в Крыму в нем также была устроена электрическая «тревожная» сигнализация. В спальне императорской четы установили «тревожную» кнопку, которая связывала спальню с караульным помещением и дежурным офицером. По «тревожному» сигналу они должны были немедленно прибыть в императорскую спальню.

Телефонные линии прокладывались и в других императорских резиденциях. Николай II, будучи цесаревичем, упоминает в дневнике (25 января 1890 г.): «Велел сделать у себя на письменном столе телефон, говорил через него с Сергеем»¹⁷⁰. (Сергей – великий князь Сергей Александрович, сын Александра II).

В конце XIX – начале XX вв. телефонная связь ста-

новится привычной и необходимой. Как это ни удивительно, один из чиновников Министерства двора, писавший свои мемуары в начале XX в., упомянул в них вполне современный термин «висеть на телефоне». По его словам, чиновники при Александре III «писали мало, но зато им приходилось, что называется висеть на телефоне»¹⁷¹.

Телефонный аппарат

Во время коронации Николая II в 1896 г. появи-

лось много новшеств, в том числе в Москве развернули временную телефонную станцию. Всего установили 166 телефонных аппаратов фирмы «Белла». О реальной степени влияния первых лиц страны наглядно свидетельствуют «Список телефонных аппаратов». Телефон за № 1 был установлен Николаю II, № 5 – Дворцовому коменданту П.П. Гессе, № 6 – начальнику Дворцовой полиции генералу Е.Н. Ширинкину. Развертывала и контролировала эту телефонную сеть Дворцовая полиция. Решение о возложении на Дворцовую полицию обязанностей по обеспечению первых лиц страны телефонной спецсвязью принял лично генерал П.А. Черевин¹⁷².

С этого времени периодически выпускались телефонные справочники с номерами первых лиц страны. Как правило, их номера были очень короткими и определялись либо степенью влияния этих лиц, либо их влиянием в Дворцовом ведомстве. В 1915 г. руководство коммутатора Зимнего дворца издало под грифом «секретно» «Список абонентов дворцовой телефонной сети на 1915 г.». В этом списке было всего 100 номеров. В нем указывались как домашние, так и служебные номера. В первую десятку входили: председатель Совета министров (№ 1), министр внутренних дел (№ 2), министр Императорского двора (№ 3, домашний номер), военный министр (№ 4, домашний

номер), морской министр (№ 5), министр иностранных дел (№ 6), великий князь Николай Николаевич (№ 7), дворцовый комендант (№ 8, домашний адрес), начальник Дворцовой полиции (№ 9), инспектор императорских поездов (№ 10)¹⁷³.

В Александровском дворце Царского Села телефонная станция находилась в дворцовом подвале. Там постоянно дежурили два чиновника Дворцовой полиции, которые прослушивали все телефонные разговоры. Кроме этого, в подвале установили две телефонные будки для желающих позвонить. Летом 1915 г. по представлению начальника Дворцовой полиции Б.А. Герарди на три человека увеличили состав дежурных полицейских надзирателей на дворцовой телефонной станции, поскольку действующие дежурные не успевали «контролировать некоторые разговоры»¹⁷⁴.

В самом Александровском дворце, судя по описям и фотографиям, телефонов было мало. По крайней мере, в двух кабинетах Николая II (в старом и новом) телефонов не имелось. Видимо, в деловой практике первых лиц тогда было принято выслушивать только личные доклады. Единственный телефон на половине царя находился в камердинерской, расположенной на антресолях над личными комнатами царя.

Однако жизнь брала свое, и Николай II, несмотря

на свою нелюбовь к телефонной связи (Вырубова пишет, что царь телефон «ненавидел и никогда не употреблял сам»), все чаще им пользовался. По крайней мере, в 1914 г. Вырубова «часто заставляла государя у телефона», по которому он «вызывал министров и приближенных». Тем не менее в кабинетах царя телефон так и не появился и он продолжал говорить по телефону из дежурной комнаты камердинера¹⁷⁵.

В покоях императрицы телефонных аппаратов было больше. В Палисандровой гостиной Александры Федоровны на полушкафу у задней стены установили два телефонных аппарата. Один из них соединял со Ставкой Верховного главнокомандующего русской армии в 1914 г. В Сиреневом кабинете, где большую часть дня проводила императрица, стоял стол с другим телефоном. Фрейлина, близкая к императрице, упоминала, что «она всегда предпочитала писать и не любила общение по телефону. Друзья и придворные получали записки»¹⁷⁶. На втором этаже Александровского дворца на детской половине находился только один телефонный аппарат, расположенный в проходной комнате, рядом с буфетом. Этот телефон был убран в шкаф¹⁷⁷.

В конце февраля 1917 г. Александровский дворец стал отрезанным от внешнего мира. Организаторы

Февральской революции 1917 г. прекрасно понимали значение средств связи. Однако и у них случались «проколы». Дело в том, что отключили только «городские» телефоны. А прямая телефонная спецсвязь, соединявшая Александровский и Зимний дворцы, продолжала работать. Мемуаристка упоминает, что «с обитателями Зимнего дворца мы все еще могли беседовать по частной телефонной линии, хотя обычные телефоны уже давно отключили»¹⁷⁸.

Начиная с конца 1880-х гг. все императорские резиденции были оборудованы спецсвязью. По инструкциям охраны, после прохода кого-либо из Императорской фамилии дворцовые городовые немедленно звонили дежурному офицеру охраны. Телефоны находились в специальных будках, в которых дежурили дворцовые городовые. Эта охрана страшно раздражала императрицу Александру Федоровну. В конце

1913 г. после того как новым дворцовым комендантом стал В.Н. Воейков, она просила его убрать будки с телефонами. Тот выполнил ее просьбу, но только на половину. Весной 1914 г. часть будок городовых (всего 11 будок) в Ливадийском парке убрали. Александра Федоровна сочла необходимым поблагодарить дворцового коменданта В.Н. Воейкова за это, но вскоре великая княжна Анастасия увидела, что после прохода императрицы городской подошел к одному из де-

ревьев, на котором оказался телефон, и сделал очередной доклад. Императрица была крайне недовольна: «Я вас просила убрать будки с телефонами, а вы убрали только будки». Надо заметить, что кроме деревьев телефоны размещались и в специальных нишах, выдолбленных в стенах, которые закрывались деревянными створками под цвет стены¹⁷⁹.

С начала Первой мировой война, система дворцовой телефонной связи получила дальнейшее развитие. Во-первых, в 1914 г. была проложена прямая телефонная линия, соединившая Александровский дворец Царского Села со Ставкой Верховного главнокомандования в г. Могилеве. Приемная станция этой линии располагалась в лицейском флигеле. Этой телефонной линией постоянно пользовалась императрица Александра Федоровна в годы войны. Возможно, именно этот телефонный аппарат стал источником слухов, что императрица-шпионка и по прямому телефонному проводу разговаривает с Берлином. После Февральской революции 1917 г. в Александровский дворец даже приезжала специальная комиссия для проверки этих слухов. Конечно, они не подтвердились. Во-вторых, для предотвращения обрыва линий связи в случае авиационной атаки Александровского дворца все телефонные провода уложили под землей в бронированном кабеле. Там, где

они тянулись по стенам, выдолбили каналы и в них замуровывались провода. В-третьих, для дворцового коменданта В.Н. Воейкова была проложена личная, дублирующая, телефонная сеть с коммутатором на 50 номеров.

В 1905 г. в распоряжении императорской семьи появляются средства радиосвязи. Радиостанциями оборудовались, прежде всего, императорские яхты. Однако к этой новинке поначалу относились без особого доверия, предпочитая привычные, проводные средства связи. Радиостанцию использовали крайне редко и иногда «не по назначению». В 1907 г., когда императорская семья находилась на отдыхе в шхерах, в Петербург была отправлена радиограмма с поздравлениями Карлу и Лили Ден в день свадьбы: «Эта радиограмма, как мы впоследствии узнали, вызвала множество разговоров и завистливых взглядов, поскольку связь по радио тогда еще находилась в зачаточном состоянии, как все полагали, должна применяться лишь для важных официальных сообщений»¹⁸⁰.

Тогда руководители Дворцового ведомства не могли знать знаменитого афоризма Уинстона Черчилля: «Кто владеет информацией, владеет властью», но фактически, все прекрасно понимали важность средств связи и постоянно ее совершенствовали.

От статс-дам до фрейлин

Судьба женщин при Дворе всегда привлекала внимание общества, поскольку именно женщины были олицетворением повседневной, непарадной стороны жизни Императорского двора. Многие из них оказывались свидетелями важнейших исторических событий, оставив после себя мемуары, письма и записки. Первые публикации воспоминаний фрейлин появились в последней трети XIX в. в журналах «Русский архив» и «Исторический вестник». Именно женский взгляд на события, происходившие в жизни Императорского двора, зафиксировал то, что мужчины-мемуаристы сочли малозначащим и не стоящим внимания. Поэтому одним из безусловных достоинств «женской» мемуаристики является *пристальное внимание к деталям повседневной жизни*. Особенно важным было то, что бывшие фрейлины трепетно сохраняли памятные для них вещи, как правило, связанные с императорской семьей.

Женщины всегда играли заметную роль на «сцене» российского Императорского двора. При этом наряду с *любителями* на сцене блистали и *профессионалы*, то есть те женщины, которые занимали при Дворе *штатные должности*. Следует отметить, что

в России для женщин-аристократок *работа на должности* в императорской резиденции всегда считалась завидной карьерой. Здесь было и довольно приличное жалованье, здесь была и возможность получить приданное «от императора», здесь были и завидные женихи. Все это заставляло родителей молодых дочерей всеми правдами и неправдами искать возможность пристроить свою дочь к Императорскому двору. За эти придворные должности держались поколениями буквально «мертвой хваткой».

Женские чины и должности при Императорском дворе

Как известно, придворные *женские чины* были введены Петром I в «Табели о рангах» 24 января 1722 г. С этого времени при Императорском дворе постепенно начинает складываться иерархия женских придворных званий. В их число входили *обер-гофмейстрины, гоф-фрейлины, статс-дамы и фрейлины*. Все они указаны не в основной части «Табели», а в одном из объяснительных к ней пунктов. Затем следовали *действительные статс-дамы*. Их ранг шел «за женами действительных тайных советников» (II класс). *Действительные камер-девицы* имели ранг, равный рангу жен президентов коллегий (IV класс). Наконец, на-

зывались *гоф-дамы* (приравнивались в ранге к женам бригадиров – V класс), *гоф-девицы* (приравнивались в ранге к женам полковников – VI класс) и *камер-девицы*. Однако на практике уже во второй четверти XVIII в. получила применение несколько дополненная и измененная номенклатура дамских придворных званий: *обер-гофмейстерина*, *гофмейстерина*, *статс-дама*, *камер-фрейлина* и *фрейлина*. Окончательно иерархия придворных женских чинов принимает устойчивый характер при Павле I.

Конкуренция на замещение вакантных должностей с жалованьем была очень жесткой, поэтому на предполагаемые вакантные места существовала негласная «очередь». Всего при Императорском дворе существовало *пять уровней штатных женских должностей*.

Во-первых, должность (звание) *обер-гофмейстрины*. Это звание считалось вершиной женской аристократической карьеры при Императорском дворе, поскольку обер-гофмейстрина являлась *старшей по званию придворной дамой*. В петровской «Табели о рангах» подчеркивалось, что обер-гофмейстрина имеет «ранг над всеми дамами». Обычно это звание получали придворные дамы, занимавшие *одноименные должности*, заведовавшие придворным женским штатом и Канцелярией императриц или великих кня-

Гинь.

Во-вторых, должность (звание) *гофмейстрины*. Это звание вводится в придворную иерархию чинов с 1748 г. Как правило, в гофмейстрины выходили после нескольких лет работы в звании статс-дам. Звание считалось весьма почетным. Кроме «почетности» гофмейстрина «по должности» должна была ежедневно решать множество текущих проблем на женской половине императорских резиденций. Одной из ее обязанностей было представление императрице дам, явившихся на аудиенцию. Как правило, для приобретения этого звания необходимо было не только принадлежать к сливкам российской аристократии, но требовалась и многолетняя близость с монархами, и работа при Императорском дворе. Например, гофмейстрина графиня Юлия Федоровна Баранова была не только подругой детских игр Николая I, но и многолетней воспитательницей его детей и внуков.

В качестве эпизода можно упомянуть о том, что мать декабриста Волконского после подавления восстания 14 декабря 1825 г. не только сохранила за собой должность гофмейстрины, но и продолжила безукоризненно исполнять свои придворные обязанности¹⁸¹.

Практика назначений на должности обер-гофмейстрины и гофмейстрины прекращается в период цар-

ствования Александра III. Надо заметить, что император крайне скупой давал любые придворные должности. Поэтому с 1880-х гг. званий (должностей) обергофмейстрины и гофмейстрины *никто не получал*, а соответствующие должности исполняли лица из числа статс-дам, а при дворах великих княгинь служили дамы, вообще не имевшие придворных званий.

В-третьих, должность *статс-дамы*. Статс-дамы составляли вторую по численности группу придворных дам. Как правило, звание статс-дамы получали супруги крупных гражданских, военных и придворных чинов. Большинство их принадлежало к родовитым фамилиям, и многие из них являлись кавалерственными дамами, то есть имели дамский орден Св. Екатерины – *портрет императрицы* с короной, украшенный бриллиантами. Портрет императрицы с короной в бриллиантовой оправе был самым заметным атрибутом статс-дам. При назначении на должность статс-дамы, как правило, орден даровался, для ношения на груди.

Еще одно зримое свидетельство высокого статуса статс-дам – при крещении царских детей именно они несли царственных младенцев на специальных подушечках.

А. И. Брюллов. Гр. Е.А. Воронцова и кн. Е.М. Голи-

цына. 1824–1825 гг.

При Екатерине I состояло четыре статс-дамы, при Елизавете – 18, при императрице Александре Федоровне (жене Николая I) 38, при императрице Александре Федоровне (жене Николая II в 1898 г.) 17 статс-дам. Всего за имперский период, то есть за 200 лет, звание статс-дамы было пожаловано более чем 170 женщинам. При этом в списке часто встречаются одни и те же фамилии: 18 статс-дам были представительницами рода князей Голицыных, 11 – Нарышкиных, 8 – князей Долгоруковых, 6 – князей Трубецких и т. д. В отдельных случаях это высокое придворное звание жаловалось матерям крупных сановников, лиц, занимавших исключительное положение при Дворе.

П.Н. Орлов. Портрет А.А. Окулоевой. 1837 г.

Следует подчеркнуть, что далеко не все «портретные» статс-дамы получали жалованье «по званию». Большинство из них числилось в отпуску и появля-

лись при Дворе только в торжественных случаях. Также следует иметь в виду что звания обер-гофмейстрины, гофмейстрины и статс-дамы могли получить только замужние или вдовствующие дамы¹⁸².

В-четвертых, должность камер-фрейлины. Это была старшая придворная должность для девиц. Должность (звание) появляется в придворной иерархии с 1730 г. Первые четыре звания в течение XVIII в. имели всего 82 лица, в 1881 – 14, а в 1914 – 18. Примечательно, что в придворном штате 1796 г. камер-фрейлины не предусматривались. В законоположениях по Придворному ведомству они вновь упоминаются лишь в 1834 г. Как правило, камер-фрейлинами становились «засидевшиеся» во фрейлинах девицы, так и не вышедшие замуж. Но при этом камер-фрейлинами назначались, как правило, самые доверенные и опытные фрейлины, занимавшиеся обслуживанием разнообразных *личных потребностей* императриц. Их число было не постоянным, но обычно не превышало 4 человек.

В придворной иерархии они приравнивались к статс-дамам.

Н.В. Оболенская

Еще одним вариантом получения штатной должности камер-фрейлины была практика «сопровождения невест». Немецкая невеста, приезжавшая в Россию, привозила с собой очень ограниченный женский штат особо доверенных лиц, которые жили буквально до смерти «при своих девочках» – императрицах. Дочь Николая I упоминает, что «особенно убита была Мама смертью своей камер-фрау Клюгель; последняя была дана ей вместе с приданым из Берлина; в нашем доме вообще было традицией почитать старых слуг, но к ней Мама относилась особенно сердечно»¹⁸³.

Поскольку из фрейлин отчисляли только из-за замужества или по прошению, некоторые из незамужних фрейлин достигали весьма преклонного, по дворцовым меркам, возраста. Фрейлина императрицы Марии Александровны графиня Антонина Дмитриевна Блудова была пожалована в камер-фрейлины в 50 лет, Екатерина Петровна Валуева – в 52 года, Александра Гавриловна Дивова – в 54 года, княжна Варвара Михайловна Волконская в 60 лет, Анна Алексеевна Окулова в 62 года, а Екатерина Петровна Ермолова в 70 лет. Возраст и заслуги некоторых из камер-фрейлин вполне позволяли приравнять их к статс-дамам.

В-пятых, младшей придворной должностью (званием) для девиц было звание фрейлины. Этот придворный чин-звание начинает использоваться со вре-

мен Елизаветы Петровны – с 1744 г. Фрейлины составляли самый многочисленный разряд женской дворцовой прислуги. В 1881 г. из 203 дам, имевших придворные звания, 189 являлись фрейлинами. В начале царствования Николая II у императрицы Александры Федоровны списочный состав фрейлин составлял 190 человек¹⁸⁴. К 1914 г. их число возросло до 261. Примерно треть их принадлежала к титулованным фамилиям: Голицыны, Гагарины, Щербатовы, Трубецкие, Оболенские, Долгоруковы, Волконские, Барятинские, Хилковы и др., а около половины были дочерьми лиц, имевших придворные чины и звания.

Как правило, фрейлинами становились совсем молоденькие девушки. Звание фрейлины было самым распространенным в придворном мире, поскольку «пристраивало» и давало «старт» в жизни множеству признанных красавиц. В XVIII в. некоторые из девиц становились фрейлинами в весьма юном возрасте. Нередки упоминания о 5-, 11-, 12-летних фрейлинах, взятых ко Двору «за заслуги» их отцов. В XIX в. установили негласный возрастной ценз, ориентированный на 15–18 лет, то есть тот возраст, когда девушки выходили «в жизнь» из закрытых учебных заведений. Однако даже в середине XIX в. известны случаи пожалования звания фрейлины малолетним де-

вочкам.

Если фрейлины не выходили замуж, то они постепенно превращались в старых дев, оставаясь при этом фрейлинами. Среди этих старых дев-фрейлин были весьма незаурядные личности – такие известные мемуаристки, как Анна Тютчева и Антонина Блудова.

Выбор фрейлин

Конечно, выбор фрейлин всецело зависел от императриц. Однако при этом учитывалось множество нюансов, которые принимались во внимание при назначении на должность фрейлины. В целом выбор определялся существовавшими традициями. Пути во фрейлины Императорского двора были, с одной стороны, весьма причудливы, а с другой – закономерны. Как правило, главными аргументами были заслуги и связи родителей девушки. Но и девушки должны обладать определенными качествами. Принимались во внимание внешность, способности к музыке и языкам, а также особенности характера.

От претенденток требовалось безукоризненное знание придворного этикета. Как правило, эти знания «нарабатывались» в институтах благородных девиц. Главным «поставщиком» фрейлин являлся, конечно,

столичный Смольный институт, учрежденный в 1764 г. повелением Екатерины II. В Смольном учили танцам, поведению при Дворе и множеству нюансов, которые могли передаваться только «из рук в руки». Директрисы Смольного института традиционно пользовались влиянием в столичном свете. Многолетней руководительницей Смольного института являлась баронесса Шарлотта Карловна фон Ливен, которая была воспитательницей детей Павла I.

Кроме этого, девушки и их семья должны были обладать безупречной репутацией. Надо подчеркнуть, что само присвоение фрейлинского звания считалось высокой монаршей милостью, которая оказывалась отличившимся на службе родителям или в силу их знатности.

Следует иметь в виду, что по статусу *звание* и *должность* для фрейлин значительно различались. Звание фрейлины давалось относительно легко, поскольку особых «лимитов» на его получение не было. Звание носило почетный характер, обязывая фрейлину только в обязательном порядке присутствовать на придворных церемониях. Звание фрейлины также не предполагало никакого жалованья. Те же девушки, которые вместе со званием фрейлины получали и *должность* фрейлины, переезжали на жительство в Зимний дворец. Последний вариант, *сочетавший звание*

и должность фрейлины, получить было весьма сложно, поскольку существовало штатное расписание и число должностей фрейлин было весьма ограничено.

Тем не менее жизнь всегда оставляла место *Его Величеству Случаю*, когда фрейлиной «на должности» становилась девушка, которая не могла на это рассчитывать. Например, Прасковью Арсеньевну Бартеневу случайно «увидала императрица Александра Федоровна, и не только увидела, но услышала ее голос, а голос ее был необыкновенный, и пела она как истинная артистка. Судьба ее была решена: с согласия императора Николая она назначена была фрейлиною к императрице и переехала в Зимний дворец. С этого дня она сделалась добрым гением семьи»¹⁸⁵.

Действительно, П.А. Бартенева родилась в бедной дворянской семье, но при этом она получила разносторонне музыкальное образование. С 1824 г. она начала выступать на светских балах, радуя гостей великолепным сопрано. Бартенева обладала редким по красоте и силе голосом «металлического» тембра и обширного диапазона. Ее репертуар включал романсы русских композиторов, русские народные песни, а также арии из опер итальянских композиторов. Современники называли Бартеневу «русская Зонтаг». В результате в 1835 г. ее произвели в камер-фрейлину и придворную певицу.

Конечно, случались и протекции «старых» фрейлин. Особенно если они пользовались влиянием на императрицу. Например, та же П.А. Бартенева со временем пристроила ко Двору всех своих сестер: Веру, Надежду, Марию и Наталию. А фрейлина Анна Федоровна Тютчева – двух своих сестер Екатерину и Дарью.

Иногда накладывалось несколько причин, благодаря чему девушка могла получить штатное место фрейлины. Например, знаменитая мемуаристка фрейлина А.Ф. Тютчева получила штатную должность в 1853 г., во-первых, благодаря ходатайству отца – знаменитого поэта Федора Тютчева, к поэзии которого цесаревна Мария Александровна была равнодушна. Во-вторых, ходатайство поэта поддержала дочь царя, великая княгиня Мария Николаевна. В-третьих, цесаревна желала видеть рядом с собой не красавицу, а воспитанную дурнушку, поскольку цесаревна тяжело переживала любовные «приключения» своих фрейлин. Только в последнюю очередь было принято во внимание то, что А.Ф. Тютчева получила прекрасное воспитание в одном из германских пансионатов и блестяще знала языки¹⁸⁶.

Для многих девушек и женщин-аристократок занятие штатной должности в окружении императрицы или ее детей считалось самым оптимальным выхо-

дом в решении жизненных проблем. При этом бывали случаи, когда штатные фрейлины, состарившиеся на своей должности, переходили на престижную штатную должность воспитательницы царских детей. Например, в мае 1866 г. должность воспитательницы дочери

Александра II великой княжны Марии Александровны заняла графиня Александра Андреевна Толстая. Ее рекомендовала императрице «уходящая» воспитательница великой княжны А.Ф. Тютчева. Графиня А.А. Толстая была давней фрейлиной великой княгини Марии Николаевны, то есть состояла при Дворе, который фактически уже не существовал. Поэтому для графини назначение на должность воспитательницы стало выходом из сложной жизненной ситуации¹⁸⁷. Фрейлина императрицы Марии Александровны Александра Сергеевна Долгорукова была взята императрицей во дворец, чтобы «избавить ее от домашнего гнета». Конечно, об этом «гнете» императрице доложили доброхоты¹⁸⁸.

Молодые девушки буквально жаждали занять штатную должность фрейлины. И были счастливы, когда им удавалось получить заветный шифр. Однако некоторые из них, столкнувшись с повседневными реалиями придворной жизни, испытывали разочарование. Блестящая со стороны жизнь Императорско-

го двора казалась чередой бесконечных придворных праздников. Однако вскоре выяснялось, что часто за блеском скрывается пустота будней, а блеск оборачивался мишурой.

Фрейлина А.Ф. Тютчева записала в дневнике: «Одиночество во дворце, среди толпы и среди придворных интересов, одиночество несчастной фрейлины, которая проводит двенадцать часов в стенах своей комнаты или же одиноко шагает по правильным и усыпанным песком аллеям, для того чтобы на час появиться за императорским чайным столом, с любезной улыбкой, остроумной шуткой, не проявляя ничем ту смертную скуку, которая тяготеет над ней целый день, – такого рода одиночество имеет на нравственное состояние очень вредное влияние»¹⁸⁹.

Видимо, разочарование фрейлины было настолько сильным, что, спустя несколько дней, А.Ф. Тютчева вновь возвращается к этой теме: «Мое сердце еще очень плохо дрессировано в смысле официальной чувствительности и не умеет еще отвечать созвучием всем августейшим радостям и горестям. Ремесло придворных вовсе не так легко, как это думают, и, чтобы его хорошо выполнять, нужен талант, которым не все обладают. Нужно найти исходную точку опоры, чтобы с охотой добровольно и с достоинством играть роль друга и холопа, чтобы легко и весело перехо-

дить из гостиной в лакейскую, всегда быть готовым выслушивать самые интимные поверенности владыки и носить за ним его пальто и галоши....Государи вообще любят быть объектами любви, любят поклонение, с чрезмерной наивностью верят в тот культ, который они внушают. Поэтому их доверие легче приобрести лестью, притворной привязанностью, чем привязанностью подлинной, которая исходит из искреннего чувства»¹⁹⁰. Надо заметить, что фрейлина А. Тютчева со временем нашла силы и характер для того, чтобы не только адаптироваться при Императорском дворе, но и начать «играть роль» в окружении императрицы Марии Александровны.

Для цесаревен и великих княжон, приехавших из Германии, фрейлин подбирали, не спрашивая их мнения, поскольку его поначалу и быть не могло. Только прожив в России достаточное время и вполне постигнув все придворные хитросплетения, цесаревны и великие княгини начинали самостоятельно подбирать себе фрейлин.

Гессенская принцесса Алике приехала в Россию 10 октября 1894 г., а уже 14 ноября 1894 г. она стала императрицей. Фрейлин ей, конечно, подбирала вдовствующая императрица Мария Федоровна. Всего к ней определили двух фрейлин, старшей из которых была М.М. Голицына, типичная представитель-

ница «прежнего поколения», принадлежавшая к знатнейшим фамилиям России¹⁹¹.

Александра Федоровна в первых письмах из России к своей старшей сестре Виктории Баттенбергской упоминает о своих фрейлинах: «Две мои новые фрейлины кажутся весьма симпатичными. Молодая – это сестра графа Ламсдорфа (княгиня М.М. Голицына и графиня М.Н. Ламсдорф)»¹⁹². Примечательно, что фрейлины не докучали своим обществом молодежи (4 февраля 1895 г.): «В настоящее время у меня две фрейлины: княгиня Голицына, сестра госпожи Озеровой из Франкфурта... Я их вижу достаточно редко, живут они в Зимнем дворце»¹⁹³.

Фрейлины быстро менялись, выходя замуж, однако с некоторыми из молодых фрейлин-ровесниц у императрицы сложились, если не дружеские, то довольно теплые отношения. Ее подругой стала княгиня Мария Барятинская, занимавшая пост штатной фрейлины с ноября 1896 г. до 1898 г. Другой ее подругой была фрейлина графиня Юлия Ранцау (прозвище Юю), которая умерла в 1901 г.¹⁹⁴

Репутация фрейлин

Репутация фрейлин носила весьма своеобразный

характер. Большинство из них не считали себя оскорбленными, если с кем-нибудь из них завязывал флирт император или кто-то из великих князей. Конечно, это немедленно становилось предметом самых горячих сплетен, но все смотрели на эти «приключения», достаточно традиционные в придворной среде, легко. Таких фрейлин называли дамами для особых услуг. Среди фрейлинского штата было немало девушек, которые были мимолетными или многолетними увлечениями императоров и великих князей.

История сохранила достаточно много имен этих фрейлин. Фрейлина Екатерина Ивановна Нелидова была многолетней фавориткой Павла I. А ее племянница Варвара Аркадьевна Нелидова – фавориткой императора Николая I. Фрейлина императрицы Александры Федоровны (жена Николая I) графиня Е.Ф. Тизенгаузен родила внебрачного сына (графа Феликса Николаевича Эльстон) от прусского короля Фридриха-Вильгельма IV. Фрейлина Калиновская стала первой юношеской любовью Александра II. Брат цесаревны Марии Александровны принц Александр Гессенский был вынужден жениться на фрейлине цесаревны Юлии Гауке. Распоряжением Николая I принц был немедленно уволен с русской службы и вынужден покинуть Россию. Фрейлину Юлию Боду удалили от Двора за ее любовные интриги с итальянским

певцом Марио и за другие истории¹⁹⁵. Большая часть «историй» произошла в период правления Николая I, когда дисциплина во Фрейлинском коридоре была достаточно жесткой. Фрейлина Екатерина Михайловна Долгорукова стала морганатической женой императора Александра II. Александр III, будучи цесаревичем, пережил сильное любовное увлечение фрейлиной Мещерской и даже заявил отцу, что отказывается от трона, ради брака с ней.

Другими словами, «историй» во Фрейлинском коридоре Зимнего дворца было немало. Однако все, в конечном счете, зависит от человека. Одна из фрейлин императрицы Александры Федоровны позволяла себе афишировать «безумную» страсть к императору Николаю I, при его появлении падая в обморок.

Кн. Мещерская. 1865 г.

А с другой стороны, у Александры Федоровны была и другая фрейлина – Варвара Аркадьевна Нелидова, которая действительно была многолетней любовницей Николая I, но при этом, по свидетельству А.Ф. Тютчевой, для нее была характерна скромная и почти суровая манера держать себя, по сравнению с другими придворными. «Она тщательно скрывала милость, которую обыкновенно выставляют напоказ женщины, пользующиеся положением, подобным ей... Она была увлечена чувством искренним, хотя и греховным, и никто даже из тех, кто осуждал ее, не мог отказать ей в уважении, когда на другой день после смерти императора Николая она отослала в инвалидный капитал те 200 000 руб., которые он ей оставил по завещанию, и окончательно удалилась от света»¹⁹⁶.

Фрейлины были очень разными, и «женский коллектив» Фрейлинского коридора мало отличался от «женского коллектива» какой-нибудь современной бухгалтерии. Фрейлины действительно были очень разными, поскольку протекционизм приводил к тому, что многие жительницы Фрейлинского коридора не отличались особым благонравием. Анна Тютчева в дневнике оставила запись (30 июля 1853 г.): «Можно было думать, что находимся не среди русского двора, а скорей, в мастерской гризеток; я была поражена дурным воспитанием этих дам»¹⁹⁷.

Жизнь – сложная вещь и хотя та, и другая сторона прекрасно понимали бесперспективность подобных связей, тем не менее, любовь не выбирает своих жертв. Поэтому стены Фрейлинского коридора Зимнего дворца были свидетелями множества человеческих драм. Учитывая эти «риски» фрейлинской службы, императрицы подчас предпочитали видеть в своем непосредственном окружении фрейлин, не блиставших ни красотой, ни свежестью, ни очарованием молодости. Анна Тютчева объясняла, почему ее предпочли множеству других претенденток, следующим образом: «Другие фрейлины императрицы, вышедшие из Санкт-Петербургских учебных заведений, давали повод для сплетен скандального характера... Меня выбрали как девушку благоразумную, серьезную и не особенно красивую»¹⁹⁸.

Фрейлинский коридор

Со временем в каждой из императорских резиденций сформировались места «компактного проживания» фрейлин. Самым известным из них стал знаменитый Фрейлинский коридор Зимнего дворца. В этот коридор выходили двери маленьких комнаток, в которых и жили фрейлины. К 1917 г. во Фрейлинском коридоре Зимнего дворца насчитывалось 64 жилые и слу-

жебные комнаты.

При Екатерине II дисциплина во Фрейлинском коридоре была довольно жесткой. Молодые девушки не имели права выезжать ни в свет, ни в театр без разрешения императрицы. Непослушание девушек строго наказывалось, но физических наказаний не было.

Во Фрейлинском коридоре бывали многие известные люди. Например, А.С. Пушкин до женитьбы часто бывал в Зимнем дворце как частное лицо и не в парадных залах, а в скромных фрейлинских комнатах своей приятельницы А.О. Россет. Александра Осиповна Россет окончила Смольный институт в 1826 г. Осенью того же года ее назначили фрейлиной к императрице Александры Федоровны¹⁹⁹.

«Топографически» Фрейлинский коридор располагался на третьем этаже Зимнего дворца. Часть комнат окнами выходила во внутренне дворы дворца, другая половина комнат была обращена окнами на Дворцовую площадь. Свою «половину», расположенную на третьем этаже южной половины дворца, фрейлины часто называли чердаком. Мемуаристки часто упоминали то количество ступенек, которое им по нескольку раз за день приходилось пересчитывать, поднимаясь и спускаясь

по лестницам. Одна из фрейлин вспоминала: <<14 октября меня и Эйлер сделали фрейлинами, и мы, на-

конец, переехали в Зимний дворец: 96 ступенек приходилось высчитывать два и три раза....Окна были во двор»²⁰⁰. Фрейлина А.Ф. Тютчева упоминала, что она получила комнату, обращенную на Александровскую площадь, к которой вела лестница в 80 ступенек.

П.Ф. Соколов. Фрейлина А.О. Россет

В этом же Фрейлинском коридоре жила Екатерина Ивановна Загряжская, которая была фрейлиной более двух десятков лет (с 1808 г. по конец 1830-х гг.). Она была теткой жены А.С. Пушкина. Фрейлина жила в Зимнем дворце во Фрейлинском коридоре, и окна ее комнаты выходили во двор, к востоку от Александровской колонны²⁰¹.

Что касается убранства комнат, то, судя по воспоминаниям, оно было довольно скромным. Комнаты были разделены деревянной перегородкой, за которой размещались слуги. Одна из фрейлин упоминает (1830-е гг.), что в ее комнате, с окнами во двор, «за перегородкой спали мои девушки»²⁰². В 1850-х гг. картина была той же: «Мы занимали на этой большой высоте очень скромное помещение: большая комната, разделенная на две части деревянной перегородкой, окрашенной в серый цвет, служила нам спальней и гостиной, в другой комнате поменьше, рядом с первой, помещались, с одной стороны, наши горничные, а с другой наш – мужик, неизменный Меркурий всех фрейлин и довольно комическая принадлежность этих девических хозяйств, похожих на хозяйства старых холостяков»²⁰³.

Как правило, комнаты обставлялись старой мебелью, набранной из различных гарнитуров: «Я нашла в

своей комнате диван стиля ампир, покрытый старым желтым штофом, и несколько мягких кресел, обитых ярко-зеленым ситцем, что составляло далеко не гармоничное целое.

А.П. Брюллов. Е.И. Загряжская. 1820-е гг.

На окне ни намек на занавески. Я останавливаюсь на этих деталях, мало интересных самих по се-

бе, потому что они свидетельствуют, при сравнении с тем, что мы теперь видим при дворе, об огромном возрастании роскоши за промежуток времени в четверть века. Дворцовая прислуга теперь живет более просторно и лучше обставлена, чем в наше время жили статс-дамы, а между тем наш образ жизни казался роскошным тем, кто помнил нравы эпохи Александра I и Марии Федоровны»²⁰⁴.

Тем не менее фрейлины, каждый день видевшие «царей», считались весьма влиятельными персонами. Впрочем, отчасти, так и было. Поэтому перед влиятельными фрейлинами заискивали. Однако далеко не все фрейлины имели влияние, но посторонним людям было сложно разобраться в хитросплетениях дворцовой «политики». Одна из фрейлин николаевских времен упоминала: «В наш Фрейлинский коридор ходили всякие люди просить помощи и подавать прошения, вероятно, полагая, что мы богаты и могущественны. Но ни того, ни другого в сущности не было»²⁰⁵.

Некоторые из фрейлин, не вышедшие замуж, так и доживали свой век во Фрейлинском коридоре. Российские монархи им покровительствовали. Это вписывалось в старую русскую традицию помещичьих приживалок. То, что некоторые из фрейлин доживали «на покое» свой век во Фрейлинском коридоре, дела-

ло его весьма населенным. Анна Тютчева, описывая Императорский двор конца 1850-х гг., упоминала, что «в то время Фрейлинский коридор был очень населен. При императрице Александре Федоровне состояло 12 фрейлин, что значительно превышало штатное число их... Фрейлинский коридор походил на благотворительное учреждение для нуждающихся бедных и благородных девиц, родители которых переложили свое попечение о дочерях на Императорский двор»²⁰⁶.

Многих старушек-фрейлин монархи знали с детства, от них они узнавали многие детали «неофициальной» истории императорских резиденций подчас скандальных и весьма далеких от официальных версий тех или иных событий. Эти старые фрейлины, «осколки» прежних царствований, были живой историей Зимнего дворца. Когда они умирали, правящие монархи считали своим долгом присутствовать на их похоронах. Это также была одна из неофициальных дворцовых традиций. Когда в 1872 г. скончалась камер-фрейлина Прасковья Арсеньевна Бартенева, то отпевали ее в придворной Конюшенной церкви и на похоронах «была царская фамилия, государь, великий князь Константин»²⁰⁷.

Николай II записал в дневнике 17 сентября 1895 г.: «В 11 час. поехали во дворец к обедне, после чего

немного обласкали старых фрейлин». К числу этих «старых фрейлин» относилась и А.А. Толстая (1817–1904), фактически прожившая всю жизнь во Фрейлинском коридоре Зимнего дворца. Когда она скончалась в 1904 г., император Николай II счел необходимым отметить этот факт в своем дневнике.

Иногда дворцовых старушек, живших во Фрейлинском коридоре, тактично лишали их штатных должностей, но при этом ни кто не покушался на их право спокойно доживать свой век в родном для них Фрейлинском коридоре. Это делалось для того, что бы штат императорских фрейлин постепенно обновлялся и там появлялись молодые лица. Граф С.Д. Шереметев упоминает, что в 1860-е гг. в Зимнем дворце «доживала свой тревожный век в почетном покое и без значения» камер-фрейлина графиня Тизенгаузен, внучка Кутузова-Смоленского, «когда-то приближенная императрицы Александры Федоровны»²⁰⁸.

Штат фрейлин

Начало жесткой регламентации женского штата при Императорском дворе было положено Павлом I. Согласно Высочайше утвержденному придворному штату от 30 декабря 1796 г., при Императорском дворе должны были состоять одна обер-гофмейстрина;

одна гофмейстрина; 12 статс-дам и 12 фрейлин. Всего 26 штатных единиц²⁰⁹.

В 1826 г. число женских «штатных единиц» при Высочайшем дворе значительно увеличилось. Император Николай I повелел: «Назначить комплект фрейлин Их Величеств государынь императриц из 36 старших по пожалованию в сие звание, повелеваю и приданное из Кабинета выдавать только тем из них, кои будут состоять в сем комплекте»²¹⁰. Следовательно, число фрейлин «на жалованье» увеличилось с 12 до 36, то есть в три раза. Видимо, фрейлин было больше 36, поскольку в штатные фрейлины включили только 36 фрейлин «старших по пожалованию в сие звание». Это была своеобразная фрейлинская «дедовщина».

Только фрейлины, входившие в комплект, могли рассчитывать на жалованье и приданое. Остальные фрейлины оставались на положении *почетных*. При этом следует иметь в виду, что эти 36 фрейлин распределялись между двумя императрицами, многочисленными великими княгинями и великими княжнами. Всех этих фрейлин называли *свитскими*.

Из 36 фрейлин только 12 штатных фрейлин несли службу при императрице Александре Федоровне. Дочь императрицы, описывая события 1832 г., писала: «В тот год у Мама было 12 фрейлин, включая тех, которых она получила от бабушки. В деревню нас со-

проводили только молодые, старшие оставались в Зимнем дворце. Дежурная фрейлина должна была в обеденное время быть у Мама, чтобы принять приказания на день»²¹¹.

Примечательно, что почти в обязательном порядке часть фрейлин молодые императрицы получали от прежних императриц «по наследству». Так было у императрицы Александры Федоровны, так было и у императрицы Марии Александровны, когда она «унаследовала» фрейлину императрицы Александры Федоровны Надежду Бартеневу²¹². В начале 1850-х гг. во Фрейлинском коридоре доживали свой век «обломки» фрейлинского штата еще Елизаветы Алексеевны, жены Александра I.

С середины XIX в. число штатных фрейлин становится незначительным и колебалось в пределах 10–14 человек. В архивных делах сохранился «Список статс-дам, фрейлин, камер-фрейлин», который охватывает период с 1869 по 1907 г.

В карьере штатных фрейлин большое значение придавалось стажу службы. Первой в списке шла самая «старослужащая». Из документа видно, что состав штатных фрейлин обновлялся крайне неравномерно, и это зависело от множества факторов. Некоторые из числа «штатных» быстро выходили замуж и исчезали из списков, некоторые задерживались на

десятилетия.

Например, в 1869 г. при императрице Марии Александровне состояли 13 «штатных» фрейлин. Их список отчасти свидетельствует, что в эту среду попадали весьма «непростые» девушки. Под № 9 проходила дочь министра Императорского двора Мария Васильевна Адлерберг. Во фрейлинах служила и «старо-служащая» фрейлина княгиня Дадиани, которая прослужила в «штатных» фрейлинах с 1856 по 1882 г., то есть 26 лет.

Кроме фрейлин в окружение императорской семьи входили *три камер-фрейлины*, в числе которых была и Антонина Дмитриевна Блудова, и *три гофмейстрины*. Гофмейстриной императрицы Марии Александровны была графиня Наталия Дмитриевна Протасова, а гофмейстриной цесаревны Марии Федоровны – княгиня Юлия Федоровна Куракина.

В последующие годы и вплоть до 1879 г. число фрейлин оставалось неизменным (15 фрейлин). После смерти императрицы Марии Александровны в мае 1880 г. и гибели Александра II в марте 1881 г. в среде фрейлин произошли неизбежные «кадровые» перемещения. В 1881 г. княгиня Ю.Ф. Куракина становится статс-дамой молодой императрицы Марии Федоровны. Гофмейстриной Марии Федоровны княгиня Е.П. Кочубей, которая вошла в число фрейлин еще в

1876 г. и к 1884 г. уже проходила в списке фрейлин под № 1. К этому времени из «старослужащих» в списке «штатных» фрейлин оставалась княгиня А.Н. Горчакова, которая служила с 1856 г., то есть 28 лет.

Надо заметить, что при Александре III число «штатных» фрейлин постепенно сокращалось. Это было связано с тем, что с 1881 г. в России существовал только один Императорский двор. Костяк штатных фрейлин императрицы Марии Федоровны составили ее «старые» фрейлины, входившие в штат Двора цесаревны с 1866 и по 1881 г. Поэтому к 1893 г. число фрейлин уменьшается до 10 человек.

В октябре 1894 г. умер император Александр III, а в ноябре 1894 г. молодой император женился. С этого времени число фрейлин вновь начинает постепенно увеличиваться. В 1894 г. «штатными» фрейлинами Императорского двора были: графиня Н.П. Панина (с 1871 г.), графиня Е.Н. Адлерберг (с 1872 г.), княгиня Е.Д. Барятинская (с 1874 г.), графиня Е.Д. Коцебу, графиня С.Д. Толстая, баронесса М.Д. Будберг, княгиня Е.А. Барятинская, графиня А.Д. Строганова, она же являлась гофмейстриной вдовствующей императрицы Марии Федоровны, Е.А. Нарышкина, графиня Е.Н. Гейден и княгиня М.М. Голицына, которая являлась гофмейстриной императрицы Александры Федоровны. Всего 11 человек. Дополняли этот список

камер-фрейлины Н.П. Бартенева, Д.Ф. Тютчева, графиня А.А. Толстая и Е.П. Ермолова. В 1898 г. в списке значилось 16 фрейлин, 2 гофмейстрины и 4 камер-фрейлины²¹³. В целом их число не менялось до 1907 г.

Однако позже у императрицы Александры Федоровны осталось только четыре личных фрейлины²¹⁴. По свидетельству фрейлины С.К. Буксгевден, в их число входили: княжна С. Орбелиани (1898–1915 гг.); О.Е. Буцова (до лета 1915 г.); графиня А.В. Гендрикова и С.К. Буксгевден. Причем С. Орбелиани была глубоким инвалидом и продолжала занимать штатную «ставку» фрейлины только в силу личной расположенности императрицы. Фактически к весне 1917 г. при императрице остались только две «действующие» штатные фрейлины – баронесса С.К. Буксгевден и графиня А.В. Гендрикова. Во главе штата придворных императрицы Александры Федоровны стояла госпожа Нарышкина, урожденная княжна Куракина²¹⁵.

Несмотря на столь ограниченный штат фрейлин, особенно по сравнению с предшествующими царствованиями, и оставшихся двух фрейлин вполне хватало. Дело в том, что царская семья, замкнувшаяся в Александровском дворце Царского Села, созна-

тельно сужала круг своих представительских обязанностей. И даже столь ограниченное окружение императрицы Александры Федоровны не в полной мере загружалось «работой».

Буквально в последние месяцы существования Российской империи (31 октября 1916 г.) состоялся ужин в Министерстве иностранных дел. Посол Франции записал в дневнике: «Я занимаю место между госпожой Нарышкиной, обер-гофмейстриной, и леди Джорджиной Бьюкенен. Изящная и симпатичная вдова, госпожа Нарышкина рассказывает мне о своей жизни в Царском Селе. Статс-дама, «дама ордена Св. Екатерины», «высокопревосходительство», она, несмотря на свои семьдесят четыре года, сохранила снисходительную и приветливую грацию и любит делиться воспоминаниями... «Моя должность гофмейстрины совсем не отнимает у меня времени. Время от времени личная аудиенция, какая-нибудь интимная церемония – вот и все. Их Величества живут все более и более уединенно»»²¹⁶.

Должностные обязанности фрейлин

Каждая из женщин, имевшая тот или иной придворный чин, имела и соответствующие ему должностные обязанности. Например, *обер-гофмейстрина* отвеча-

ла за весь штат придворной женской прислуги и заведовала Канцелярией императрицы.

Следует отметить, что ни камер-фрейлины, ни статс-дамы никаких определенных обязанностей при Императорском дворе не несли. Они даже не обязаны были принимать участие в придворных церемониях. Гофмейстрины, статс-дамы и камер-фрейлины имели общий титул – Ваше Высокопревосходительство.

Вся тяжесть повседневной службы ложилась на плечи фрейлин. Но и их служебные обязанности не определялись никакими должностными инструкциями. Их главной задачей было повсеместное сопровождение императрицы и выполнение всех ее приказаний. Фрейлины сопровождали императриц во время прогулки, фрейлины развлекали ее гостей, а при случае могли и вынести ночной горшок за императрицей. И это не считалось зазорным.

Во взаимоотношениях штатных фрейлин существовало множество нюансов. Фрейлины императрицы считались старше фрейлин, состоявших при великих княгинях, а те, в свою очередь, старше фрейлин великих княжон. Даже «новенькие» штатные фрейлины должны сразу же быть в курсе всех нюансов придворного этикета. Скидок на молодость, на отсутствие «фрейлинского опыта» никто не делал. Соответственно, в борьбе за штатное место фрейлины при Импе-

раторском дворе не только боролись и интриговали, но и всерьез готовились. По воспоминаниям мемуариста: «В то время при представлении во дворце к их императорским величествам фрейлины соблюдали придворный этикет: следовало знать, сколько шагов надо было сделать, чтоб подойти к их императорским величествам, как держать при этом голову, глаза и руки, как низко сделать реверанс и как отойти от их императорских величеств; этому этикету прежде обучали балетмейстеры или танцевальные учителя»²¹⁷.

Главной должностной обязанностью штатной фрейлины являлось суточное дежурство при «своей» хозяйке. Это было довольно тяжело – 24-часовое безотлучное дежурство, при котором подчас приходилось выполнять множество неожиданных поручений. «Действительная» служба фрейлин при Дворе, вопреки распространенному мнению, оказывалась достаточно тяжелой. Они несли посменно суточные (или недельные) дежурства и должны были в любое время являться по первому звонку императрицы. На втором этаже Свитской половины Александровского дворца (правое крыло) в Царском Селе выделялась «квартира» из трех комнат (№ 68 – комната фрейлин, № 69 – спальня и № 70 – гостиная) для дежурных фрейлин. В комнате № 68 длительное время жила княгиня Е.Н. Оболенская, а затем графиня А.В. Гендрикова.

Известная Анна Вырубова, которая очень недолго выполняла обязанности «штатной» фрейлины, вспоминала, что дежурство фрейлин в Александровском дворце Царского Села длилось неделю. На дежурство заступали по три фрейлины «в смену», делившие между собой эти «сутки». Во время дежурства фрейлина не могла отлучаться и в любую минуту должна была быть готова явиться по вызову императрицы. Она должна была присутствовать при утреннем приеме, должна с государыней во время прогулок и поездок. Фрейлина отвечала на письма и поздравительные телеграммы по указанию или под диктовку императрицы, развлекала гостей светской беседой, читала императрице. А.А. Вырубова писала: «Можно подумать, что все это было просто – и работа была легкой, но в действительности это было совсем не так. Надо было быть полностью в курсе дел Двора. Надо было знать дни рождения важных особ, дни именин, титулы, ранги и т. п. и надо было уметь ответить на тысячу вопросов, которые государыня могла задать ... Рабочий день был долгий, и даже недели, свободные от дежурств, фрейлина должна была выполнять обязанности, которые не успевала выполнить дежурная»²¹⁸.

Естественно, фрейлины «по должности» принимали участие практически во всех дворцовых церемо-

ниях. Это правило распространялось как на штатных, так и на почетных фрейлин. Примечательно, что многие статс-дамы и почетные фрейлины часто манкировали своими должностными обязанностями. Причем делалось это даже при грозном Николае Павловиче. Барон М.А. Корф упоминает, что в 1843 г. «в Вербное воскресенье наши придворные как-то заленились, и к дворцовому выходу явилось очень мало не только статс-дам, но и фрейлин. Государь сильно на это разгневался и тотчас после обедни послал спросить у каждой о причине неявки». А поскольку многие из дам отговаривались нездоровьем, то император распорядился, чтобы к ним «ежедневно стали являться придворные ездовые. Чтобы наведываться о здоровье...». При этом к фрейлинам наведывались по одному разу в день, а к статс-дамам по два раза в день. В результате «эти бедные дамочки поневоле принуждены были засесть дома...»²¹⁹.

Штатные фрейлины участвовали и в коронационных торжествах. У них было свое «штатное» место в коронационном кортеже. Во время коронации 1826 г. штатные фрейлины шествовали на 25-й позиции, позади императрицы Александры Федоровны и великих князей Константина и Михаила. Придворные дамы и фрейлины шли «по 2 в ряд, старшие наперед»²²⁰.

Жалованье фрейлин

Все женские «штатные единицы» при Императорском дворе соответствующим образом оплачивались. По придворному штату, утвержденному Павлом I в декабре 1796 г., обер-гофмейстрина получала жалованье в 4000 руб. в год. Такое же жалованье получали и 12 статс-дам (по 4000 руб.), 12 фрейлин получали жалованье по 1000 руб. в год²²¹.

Для многих бедных аристократок оказаться на должности фрейлины «за жалованье» было просто подарком судьбы.

При этом фрейлины не только получали довольно высокое жалованье, но и имели оплачиваемые «больничные» и отпуска «с дорогой». Если какая-либо из фрейлин заболела, то императрица из своих средств оплачивала не только лечение, но и реабилитационный отдых со всеми издержками.

Как вспоминала бывшая фрейлина А.О. Смирнова-Россет: «Арендт²²² мне советовал ехать в Ревель купаться в море. Я сказала об этом императрице. Она велела мне дать четверо-местную дорожную карету, подорожную на шесть лошадей, и все было уплачено. Мне выдали жалованье за три месяца, что составляло пятьсот рублей асс., и я отправилась с Карамзины-

ми в Ревель»²²³.

Кроме этого важным преимуществом фрейлин была возможность, выходя замуж, составить блестящую партию. Согласно правил, фрейлина подавала прошение на высочайшее имя, испрашивая разрешение на замужество. После разрешения фрейлина получала от казны соответствующее приданое. Размеры «приданной суммы» менялись. В конце XVIII в. приданое фрейлины составляло 12 тыс. руб. ассигнациями. В мемуарной литературе описаны эпизоды, когда для свадебной церемонии фрейлин-невест украшали бриллиантами. Конечно, этой чести удостаивались только «любимые» фрейлины.

Поскольку фрейлины находились в «ближнем кругу» императорской семьи, то они не обделялись высочайшим вниманием. В случае необходимости им помогали. В 1859 г. Александр II приказал обеспечить деньгами фрейлину Дарью Тютчеву «2-ю» для поездки за границу на лечение. Поскольку она служила при Дворе, то это было соответствующим образом обставлено. В поездке до Берлина ее сопровождал лейб-хирург Ф.Ф. Жуковский-Волынский со своим сыном, камер-юнгфера фрейлины, аптекарский помощник и лакей при фрейлине. Всего сопровождающих набралось 5 человек и на эту поездку Тютчевой выделили «заимообразно» 3776 руб.

Поскольку фрейлине деньги давались в долг, то принималось во внимание, что Тютчева расплатится со своего жалованья. Это жалованье складывалось из: штатного жалованья в 187 руб. 25 коп.; «столовых» – 409 руб. 9 коп. и денежных выплат «на стол с припасами» – 2354 руб. Следовательно, годовое жалованье фрейлины в 1859 г. составляло 2950 руб. 34 коп.²²⁴ Для сравнения – в 1850-х гг. профессорам ведущего медицинского факультета Московского университета выплачивалось казенного жалованья по 1429 руб. 60 коп. серебром в год. Кроме этого им выплачивались «квартирные» деньги в размере 142 руб. 95 коп. серебром, то есть всего 1572 руб. 55 коп. серебром. В начале XX в. фрейлинское жалованье составляло – 4000 руб. в год. Для сравнения – жалованье ординарного профессора Императорского университета составляло 3000 руб. в год, жалованье заместителя начальника Дворцовой полиции – 6800 руб., жалованье начальника аналитического отдела Дворцовой полиции в чине полковника – 5000 руб.

Жалованье фрейлин не менялось с конца XIX в. и до 1917 г. составляло 4000 руб. в год. Надо заметить, что, несмотря на инфляцию, жалованье оставалось весьма значительным, с учетом того, что фрейлины жили «на всем готовом». Вместе с тем у фрейлин были немалые расходы. Основная часть расхо-

дов приходилась на туалеты: «Их надо было менять три раза в день. Даже дома фрейлина не могла одеваться, как хотела. Ее туалет всегда должен был соответствовать ее рангу, и к обеду декольтированное платье было обязательным. То же самое платье не надевалось, конечно, много раз. Должны были быть в гардеробе и дорогие платья не для балов, а, скажем, для посещения церковных служб, свадеб, похорон, дней рождения, именин и т. п.»²²⁵.

В последние годы существования империи, когда царская семья перебралась на жительство в Александровский дворец Царского Села, штатным фрейлинам Александры Федоровны обеспечивалась квартира во дворце, которая состояла из гостиной, спальни, ванной и комнаты для горничной. Каждой из фрейлин полагался лакей, который прислуживал за столом, коляска с парой лошадей и кучер. Ни повар, ни кухня были не нужны, так как еду приносили с царской кухни. В свободное время фрейлина могла принимать гостей, все угощение предоставлялось за счет Двора.

По свидетельству А.А. Вырубовой, некоторое время занимавшей положение штатной фрейлины: «Ежедневная пища была превосходна. Утром приходил лакей с бланком заказа; туда вписывались вина – обычно три сорта, – фрукты и сладости. Я никогда не выпивала больше бокала вина за столом, но каждый

раз открывалась новая бутылка»²²⁶.

Несмотря на множество обязанностей, в положении фрейлин были и неоспоримые преимущества. Кроме таких «мелочей», как полное обеспечение при Дворе – квартира, прислуга, питание, это была самая престижная работа для девушек-аристократок, за которую платили жалованье.

Замужество фрейлин

Едва ли не основным преимуществом фрейлин была возможность, выходя замуж, составить «блестящую партию». Если фрейлина собиралась выйти замуж, то она писала прошение на высочайшее имя. Естественно прошение удовлетворялось. При этом из средств Министерства Императорского двора «штатным» фрейлинам выплачивалось приданое.

Обычная сумма приданого в первой половине XIX в. определялась в 12 тыс. руб. ассигнациями. Иногда эту сумму значительно увеличивали. Обычно это происходило, если императорская семья знала о бедности фрейлины и при этом была к ней расположена. Одна из фрейлин, описывая свадьбу своей подруги, упоминает, что «Государь выдал ей двойной оклад невест, т. е. 24 т. вместо 12-ти»²²⁷.

В некоторых случаях сама свадьба праздновалась

во дворце: так, фрейлина цесаревны и адъютант цесаревича в 1880 г. праздновали свадьбу в Аничковом дворце. Анна Вырубова в 1907 г. выходила замуж в церкви Большого Царскосельского дворца.

Лишь немногим из них после замужества удавалось продолжить придворную карьеру. После выхода замуж фрейлины отчислялись. Однако, согласно нормативным документам, они сохраняли право быть представленными императрице и приглашались на торжественные балы в Большом (Николаевском) зале Зимнего дворца вместе с мужьями, независимо от чина последних.

Некоторые из фрейлин выходили замуж очень поздно. Влиятельная Анна Федоровна Тютчева вышла замуж за писателя И.С. Аксакова будучи уже весьма зрелой женщиной.

Несмотря на все издержки и хлопоты, повторим, что эта служба считалась престижной, поскольку позволяла быть в непосредственной близости к императорской семье, обрасти связями в высших придворных и государственных кругах, поймать «случай» с императором и обеспечить свое будущее выгодным браком. Полный список фрейлин ежегодно печатался в «Росписи высших государственных должностей».

Взаимоотношения фрейлин и членов Императорской фамилии

Как правило, жесткие нормы этикета не позволяли устанавливать неслужебные отношения между императрицами и их фрейлинами. Однако жизнь есть жизнь, и вопреки нормам этикета между царской семьей и фрейлиной могли возникнуть и теплые человеческие отношения. Это бывало нечасто, но периодически случалось. В этих случаях, многодетные императрицы включали фрейлину в круг близких им людей, о которых они всегда помнили и заботились. Иногда возникали форс-мажорные обстоятельства, которые и раскрывали особенности взаимоотношений фрейлин и их высочайших «шефов». Например, когда в мае 1837 г. фрейлина О.О. Калиновская, или как ее называл Николай I Бедная Осиповна²²⁸, захворала, «во время ужина с ней сделался столь сильный обморок, что я на руках ее положил на кушетку в прихожей внизу у Мама, и до часу с ней провозились»²²⁹.

Следует отметить, что степень близости фрейлин к императорской семье проявлялась и «топографически». То есть наиболее близкие к императорской семье фрейлины жили вне Фрейлинского коридора с его

традиционными склоками и скандалами. Например, в начале 1850-х гг. *на нижнем этаже* Зимнего дворца жили следующие фрейлины: графиня Тизенгаузен (камер-фрау императрицы Александры Федоровны) со своей племянницей, графиня Ю. Баранова (воспитательница детей и внуков Николая I, подруга его детства), две сестры Бартеневы, Элиза Раух (любимые фрейлины императрицы Александры Федоровны) и В.А. Нелидова (любовница Николая I). Другие же фрейлины должны были по многу раз в день подниматься и спускаться по лестнице в 80 ступенек с третьего этажа Зимнего дворца, где находился Фрейлинский коридор.

Во второй половине 1850-х гг. фрейлины, которые, как правило, ранее были только обслуживающим персоналом и в лучшем случае собеседницами императриц, начинают играть совершенно новую роль. Постепенно фрейлины императрицы Марии Александровны формируют вокруг нее салонный политический, славянофильский кружок. Блистали в кружке две незаурядные фрейлины: Анна Тютчева²³⁰ и Антонина Блудова. На вторых ролях к ним примыкала фрейлина Анна Карловна Пиллар. Отличительной чертой этих новых фрейлин была «прикосновенность к политическим течениям»²³¹.

Лидировала в придворном «триумvirате» фрейли-

на Анна Федоровна Тютчева. Граф С.Д. Шереметев вспоминал: «Я помню ее худенькою, с узкою талиею, с кисловатым лицом; она играла роль, изрекала, критиковала, направляла, и всего больше надоедала всем и каждому. Ее поверстали в воспитательницу великой княжне Марии Александровне. В этом звании она еще более расходилась. Недоброжелатели называли ее Ave Tutcheff (святая Тютчева)»²³².

Примерно в том же ключе писал известный публицист К.Д. Кавелин о фрейлине А.Ф. Тютчевой: «Меня встретила маленькая особа, с голосом искусственно тихим, с тою привычкою внешней сдержанности, за которую придворная жизнь скрывает все – и хорошее, и худое. Я извинился. Мне убийственно-спокойно дали извиниться до конца... После первых вопросов, довольно равнодушных и незначительных... разговор начал принимать понемногу более и более откровенный характер, так что наконец он сделался необыкновенно интересным...»²³³.

Серьезную «роль» при императрице играла и камер-фрейлина графиня Антонина Дмитриевна Блудова. Она получила прекрасное домашнее образование, и у нее рано проснулся интерес к литературе. По воспоминаниям графа С.Д. Шереметева: «Она водворилась в Зимнем дворце по смерти своего отца и жила у Салтыковского подъезда... образованная и

умная она отличалась и деятельностью. Разговор ее был содержательный и разнообразный. Она прекрасно писала, и писала по-русски»²³⁴. У Блудовой была репутация «докладчицы» императрицы по патриотическим и православным делам²³⁵.

К «новым» фрейлинам принадлежала и Елизавета Дмитриевна Милютина, дочь всесильного военного министра Дмитрия

Алексеевича. Судя по воспоминаниям, она была «из молодых, да ранних... она была дурна, но бойка и сметлива. Худая, бледная, востроносая, она не прочь была пококетничать и имела влюбчивое сердце. Предметом ее (чувств) был С.П. Боткин».

Но политикой при императрице Марии Александровне фрейлины занимались недолго. По мере того как императрица погружалась в семейные, очень непростые дела, по мере того, как ухудшалось ее здоровье, при ней появились новые наперсницы, мало интересовавшиеся политикой. Кроме этого цесаревич Александр Александрович мало сочувствовал политическим игрищам при своей матери. По словам мемуариста, «Тютчеву он не выносил, как и Блудову ... Он слишком русский человек, чтобы быть славянофилом»²³⁶.

Последний раз фрейлины из окружения императри-

цы «играли политическую роль» в ноябре 1900 г., когда Николай II, заболев брюшным тифом, балансировал на грани жизни и смерти. В этой ситуации императрица Александра Федоровна впервые вышла за привычный для нее круг домашних забот. Впервые она примерила на себя «одежды» отправительницы.

По свидетельству «правой руки» министра Императорского двора А.А. Мосолова, императрица отдавала приказания непосредственно В.Б. Фредериксу и другим должностным лицам, «которые уже затем докладывали о полученных указаниях, причем добавляли, что государыня приказывала о своих распоряжениях не говорить. Все эти приказания передавались фрейлинами А.А. Олениной и С. Орбелиани княгине Е.Н. Оболенской.

Скоро, однако, этих фрейлин оказалось недостаточно, и императрица вызвала из Рима бывшую свою фрейлину княжну Марию Викторовну Барятинскую, с которой государыня, за три года перед этим, поссорилась. Княжна Барятинская, весьма умная и толковая барышня, тогда лет около тридцати, заняла при государыне место ее начальника штаба и всем управляла с большой энергией. Она устранила ненормальность положения, переговаривая с министром и со мной о всех желаниях государыни до отдачи приказаний. При ней эти желания незаметно стали пере-

ходить от вопросов, касающихся только так называемых «полковников от котлет», к вопросам, касающимся министров, чем граф Фредерике ставился иногда в затруднительное положение»²³⁷. Однако крепкий организм Николая II переборол болезнь и «штаб императрицы», состоящий из фрейлин, был расформирован. После этого кратковременного опыта к «политической» помощи фрейлин Александра Федоровна уже не прибегала, никогда.

Скандалы Фрейлинского коридора

Периодически во Фрейлинском коридоре вспыхивали скандалы. Как правило, они были связаны с тем, что к той или иной фрейлине начинал проявлять повышенное внимание кто-либо из подраставших великих князей. Это было совершенно естественно, поскольку мальчики выросли, а молодые женские лица они могли регулярно видеть только среди фрейлин. Естественно, они влюблялись. Для фрейлин поощрение подобных чувств со стороны великих князей было абсолютно запрещено. Однако некоторые из фрейлин, в силу тех или иных причин, шли на сближение с молодыми великими князьями. Юношеские увлечения бывали настолько сильными, что Александр II и Александр III, будучи цесаревичами, все-

рьез заявляли о своей готовности отказаться от трона ради своей возлюбленной-фрейлины. Александр II испытал сильное увлечение фрейлиной О.О. Калиновской, а Александр III – М.Э. Мещерской. Как правило, эти чувства ограничивались платоническими ухаживаниями и вскоре «проштрафившихся» фрейлин удаляли из дворца, выдав их замуж. Повзрослев, императоры не обходили своим вниманием «цветник» Фрейлинского коридора, периодически завязывая там непродолжительные интрижки. Для фрейлин пребывание в роли «дамы для особых услуг» не считалось особенно предосудительным и не мешало замужеству.

Придворные платья

Дата появления придворных мундиров неизвестна. Н.Е. Волков, специально изучавший в конце XIX в. историю придворных мундиров, констатирует в своей книге²³⁸, что самое раннее упоминание в источниках о существовании «мундира придворного кавалера» относится к 1802 г. Однако известен указ от 30 декабря 1796 г., озаглавленный «Описание мундиров придворным чинам и служителям». К сожалению, в нем ничего не сообщалось о том, как выглядели эти мундиры. Изображения придворных мундиров дошли

до нас лишь с начала XIX в. На портретах придворных того времени мы видим мундиры почти в точности такие, какие известны на основании законов от 11 марта 1831 г. и 27 февраля 1834 г.

Не были обойдены вниманием императора и женщины. 27 февраля 1834 г. Николай Павлович утвердил описание эталонного дамского придворного туалета. После его смерти и вплоть до 1917 г. в форме этих туалетов никаких принципиальных перемен с того времени не последовало. Наряд состоял из бархатного «верхнего платья» с откидными рукавами и со шлейфом, имевшего «разрез спереди, к низу от талии», который открывал юбку из белой материи, «какой кто пожелает». По «хвосту и борту» платья шло золотое шитье, «одинаковое с шитьем парадных мундиров придворных чинов». Такое же шитье полагалось «вокруг и на переду юбки».

Выбор такого кроя женского придворного платья, видимо, обусловлен несколькими причинами. Во-первых, традиционализмом русского Императорского двора. Такие платья были в ходу при Дворе со времен Екатерины II. Во-вторых, отчетливым стремлением Николая I усилить национальную составляющую при Императорском дворе, будь то в языке или одежде. В-третьих, для формы, особенно для изменчивой женской, требовалось нечто прочно-устойчивое,

чем по мысли Николая I и был «русский» традиционный крой женских платьев.

Дочь императора, описывая события 1834 г., упоминает, что «по обычаю в 11 лет я получила русское придворное платье из розового бархата, вышитого лебедями, без трена»²³⁹. В последующие годы парадные придворные платья в семье называли «императорскими доспехами», поскольку эти платья шили и из серебряной парчи, дополняя наряд бриллиантами и жемчугами²⁴⁰.

Согласно императорскому указу, все должностные нюансы должны были легко «читаться» по цветам. *Статс-дамы и камер-фрейлины* получали бархатное зеленое платье с белой юбкой. *Наставница* великих княжон была одета «по форме» в бархатное платье синего цвета с белой юбкой. *Фрейлины Ее Величества*, в бархатное платье пунцового цвета с белой юбкой.

Фрейлины великой княгини имели платье также пунцового цвета, как и у императрицы, только шитье было серебряным. *Фрейлины великих княжон* были одеты в бархатные платья светло-синего цвета с золотым шитьем и белой юбкой. *Гофмейстрина* при фрейлинах носила бархатное платье малинового цвета, украшенное золотым шитьем, соответствующим шитью первых чинов Двора и украшенное пор-

третом императрицы с бриллиантами. Дополняла наряд белая юбка. Часто в повседневной жизни их называли «малиновыми фрейлинами».

Была определена и форма головного убора для придворных дам. Замужним дамам предписывалось носить «повойник или кокошник произвольного цвета, с белым вуалем, а девицам повязку произвольного цвета с вуалем»²⁴¹. Фрейлинский бриллиантовый шифр императрицы носился на голубом банте на левой стороне форменного платья. Описанный наряд получил в официальных документах название «русское платье».

Малейшие отступления от установленной формы одежды, как придворными кавалерами, так и дамами, жестко пресекались Николаем I. Барон М.А. Корф упоминает, что когда на большом придворном бале 6 декабря 1840 г. «некоторые дамы позволили себе отступить от этой формы и явились в кокошниках, которые, вместо бархата и золота, сделаны были из цветов. Государь тотчас это заметил и приказал министру Императорского двора князю Волконскому строго подтвердить, чтобы впредь не было допускаяемо подобных отступлений». Князь П.М. Волконский передал повеление царя Санкт-Петербургскому военному генерал-губернатору графу Эссену, после чего последовал «набег квартальных с письменными объявле-

ниями помянутой высочайшей воли и с требованием расписаться на этом листе». Когда об этом непомерном усердии губернатора доложили царю, тот только посмеялся, но распоряжение свое оставил в силе²⁴².

Орденские дамы и знаки отличия

История «орденских дам» начинается при Петре I, когда тот учредил орден Св. Екатерины с девизом «За любовь и Отечество». Появление этого ордена связано с неудачным Прутским походом 1711 г., когда русскую армию окружили турецкие войска.

Орден Св. Екатерины

В.Л. Боровиковский. С.А. Раевская. 1813 г.

Орден Св. Екатерины

Имп. Мария Федоровна

При этом возникла реальная угроза того, что в плену у турок окажется сам император Петр I, который возглавлял армию. Екатерина Алексеевна сопрово-

ждала мужа в этом походе и, согласно легенде, отдала все свои драгоценности на подкуп турецкого визиря, который и позволил русской армии уйти из окружения.

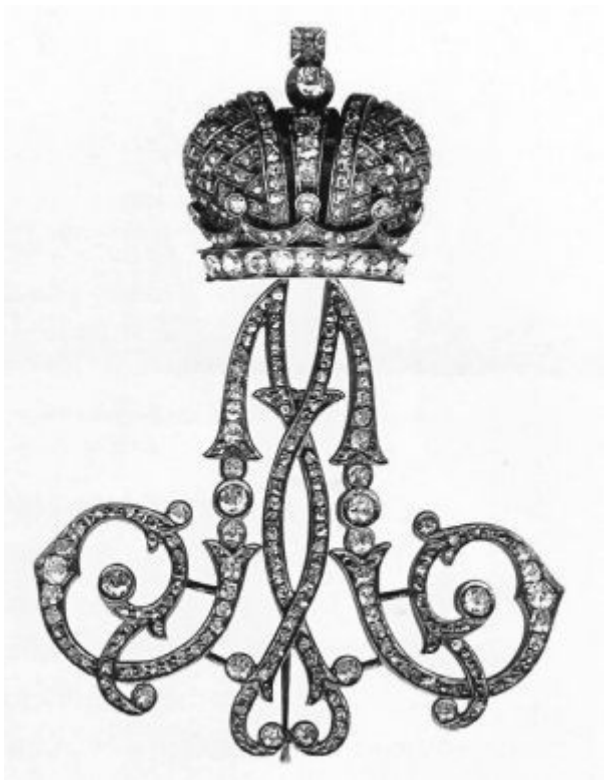
Первоначально орден назывался «Орденом освобождения». Однако вскоре его переименовали – и он стал называться орденом святой великомученицы Екатерины. Знаком ордена был белый эмалевый крест оригинальной формы с четырьмя латинскими буквами на нем, обозначающими начало слов: «Господи, спаси царя!». Крест носился *на левой стороне груди* на банте из белой ленты с девизом «За любовь и Отечество». Орден имел *две степени*: большой и малый кресты (с разным количеством украшений). Затем большой крест стал носиться *на красной ленте с серебряной каймой через правое плечо*. Его дополнила серебряная звезда с изображением серебряного креста на красном поле в центре. Число «кавалерственных дам» *большого креста* не могло быть более 12, а *малого* — более 94. Со временем число кавалерственных дам постепенно увеличилось. Орденом могло быть награждено одновременно не более 200 дам. С 1856 г. кресты первой степени стали украшаться бриллиантами, а второй – алмазами. Это был единственный женский орден в Российской империи. После смерти «орденской дамы» орденский знак

возвращался в Капитул орденов и только после этого могло состояться следующее награждение. Большая часть женщин, награжденных орденом Св. Екатерины, являлись придворными дамами.

Портретные дамы и фрейлинские шифры

Придворные дамы имели особые знаки отличия: гофмейстрины, статс-дамы, камер-фрейлины – портреты императриц, украшенные бриллиантами, которые носились на правой стороне груди. По традиции, таких дам называли портретными.

Знаком отличия штатных фрейлин были золотые, украшенные бриллиантами *шифры* (вензеля императриц или великих княгинь, при которых они состояли), носившиеся на банте из андреевской голубой ленты на левой стороне груди. Знаки эти могли надеваться и не на парадное платье. Шифр для фрейлин считался большим отличием, дающим чин, равный чину супруги генерал-майора.

Фрейлинский шифр с инициалами имп. Марии Федоровны

Конечно, для любой институтки получение заветного фрейлинского шифра было зримым воплощением мечты каждой девушки-аристократки. Такое событие не забывалось. Когда 13 марта 1855 г. А.Ф. Тютчева

получила свой фрейлинский шифр, она немедленно записала в дневнике: «Сегодня вечером, когда я пришла на вечер, императрица подала мне маленький футляр со своим шифром из бриллиантов, на который я имею право как фрейлина царствующей императрицы»²⁴³. Следовательно, шифры могли вручаться и *после* обретения официального статуса фрейлины, шифр вручался *лично* императрицей и происходило это в неофициальной обстановке.

Следует подчеркнуть, что традиция вручения фрейлинского шифра лично правящими и вдовствующими императрицами жестко соблюдалась вплоть до начала 1900-х гг. Только последняя императрица «смело» нарушила эту традицию, отказавшись от права раздавать молодым девушкам царский шифр. Это глубоко оскорбило русскую аристократию и лишило Александру Федоровну последних крох популярности. Подобное решение императрицы еще раз продемонстрировало и то, насколько она не понимала и не желала понимать психологию российской аристократии, и то, что мнение этой аристократии ей было безразлично. Неудивительно, что ей платили тем же. Следует заметить, что вдовствующая императрица Мария Федоровна вплоть до начала 1917 г. добросовестно выполняла эту обязанность, от которой столь легкомысленно отказалась ее невестка²⁴⁴.

Дворцовая терминология

Со времен Петра I в основу придворной терминологии были положены немецкие названия придворных чинов и званий. Что не только вписывалось в контекст преобразований императора, но и было вполне привычно для уха многочисленных немецких принцесс, которые приезжали в качестве невест к российскому Императорскому двору. На эту терминологию никто не покушался на протяжении 200 лет. Только после начала Первой мировой войны Николай II перевел в практическую плоскость свое давнее увлечение допетровской Русью. В августе 1914 г. Санкт-Петербург переименовали в Петроград. Более того, русификация предполагала затронуть и традиционные наименования придворных чинов. Посол Франции в России упоминает в дневнике, что Николай II много раз «высказывал неудовольствие по поводу немецких слов, которые в изобилии встречаются в перечне официальных титулов и званий: обер-гофмаршал, статс-секретарь, камергер, шталмейстер, флигель-адъютант, фрейлина и так далее. Теперь император решил изъять все эти неблагозвучные наименования из иерархических списков и заменить их нацио-

нальными идиомами. Выполнение этой лингвистической задачи было поручено князю Михаилу Сергеевичу Путятину, маршалу Императорского двора и шефу административных служб Царскосельских дворцов. Это был отличный выбор»²⁴⁵. Однако идея не была реализована. Николай II опоздал, и опоздал очень во многом, поскольку эта запись появилась в дневнике посла 24 декабря 1916 г., за два месяца до начала Февральской революции 1917 г., уничтожившей самодержавную монархию в России.

Судьбы фрейлин

Судьбы фрейлин подчас складывались весьма причудливо, и эта непредсказуемость, отчасти, была связана с их близостью к императорской семье. Весьма примечательна в этом отношении биография фрейлины последней императрицы Александры Федоровны – Софьи Орбелиани.

Особенностью императрицы Александры Федоровны было четкое разделение окружавших ее людей на «своих» и «чужих».

«Свои» входили в число ее личных друзей, насколько это возможно при ее положении. Надо отдать императрице должное, своим друзьям она была верна до конца. В буквальном смысле. Весьма показа-

тельна в этом отношении судьба фрейлины Сони Орбелиани.

Фрейлина С. И. Орбелиани

Соня Орбелиани родилась в 1875 г. Она была единственной дочерью князя Ивана Орбелиани и княгини Марии Святополк-Мирской. О степени влияния этого семейства говорит тот факт, что брат матери служил министром внутренних дел Империи в 1904–1905 гг., то есть занимал один из самых влиятельных министерских постов в бюрократической структуре Российской империи. Отец Софьи происходил из древней кавказской аристократической семьи.

Соня Орбелиани унаследовала от своих кавказских предков независимость и бесстрашие характера. Это проявлялось в различных полуспортивных развлечениях при Дворе молодой императрицы, прежде всего, она была прекрасной наездницей, она отличалась веселым и открытым характером. Подобно многим молодым аристократкам, Соня прекрасно владела иностранными языками, хорошо рисовала, отлично танцевала и была богато одарена в музыке: отлично играла на пианино, хорошо пела.

В 1898 г. фрейлина княгиня М. Барятинская вышла замуж. В окружении императрицы Александры Федо-

ровны появилось вакантное место «штатной» фрейлины. Новое назначение состоялось в результате подспудной борьбы влияний при Дворе. Близкий тогда к императорской семье великий князь Александр Михайлович, друг детства Николая II, женатый на его младшей сестре Ксении, предложил на вакантное место двадцатитрехлетнюю Соню Орбелиани. Он считал, что веселая и независимая девушка, не вовлеченная в придворные интриги, будет идеальной компаньонкой для болезненно замкнутой императрицы. В результате сложных, многоходовых комбинаций Соня Орбелиани заняла место штатной фрейлины в 1898 г.

Новая фрейлина, маленького роста, белокурая с правильными чертами лица, отличалась незаурядным умом. Баронесса Софья Буксгевден отмечала в мемуарах, что Орбелиани, при этом, обладала прекрасным чувством юмора и была способна вызывать любовь к себе, всех, кто соприкасался с ней²⁴⁶.

Один из современников вспоминал, что Орбелиани «была большой спортсменкой, она чудно ездила верхом и великолепно играла в теннис. Это был настоящий живчик, веселый, вечно в движении, всегда готовый на все, где можно было показать свою ловкость и лихость»²⁴⁷.

После «смотрин» Соня назначается в число фрейлин Александры Федоровны. Сложившееся окруже-

ние императрицы весьма ревниво отнеслось «к новенькой». Руководитель одного из подразделений императорской охраны А.И. Спиридович назвал ее «некультурной девочкой с Кавказа», но при этом отмечал ее жизнерадостность, разбавлявшую постную придворную атмосферу. Императрица Александра Федоровна быстро привязалась к новой фрейлине, чему в немалой степени способствовала «восточная преданность» Сони своей новой хозяйке. А императрица весьма чутко и, как правило, безошибочно угадывала эту искреннюю преданность, столь редкую в среде придворной аристократии, и тем более ценившая ее. По воспоминаниям графини Буксгевден, Соня позволяла себе говорить императрице правду в глаза, как бы она горька не была.

Молодые женщины часто вместе проводили время, по полдня, играя в четыре руки на фортепиано. Очень быстро Соня стала ближайшей наперсницей императрицы. С подачи великого князя Александра Михайловича, Соня пыталась традиционными способами преодолеть трагическую замкнутость императрицы. Она устраивала музыкальные вечера на половине императрицы, приглашая на них женский бомонд столицы. Иногда императрица сама играла на этих импровизированных концертах.

В октябре 1903 г. фрейлина Соня Орбелиани сопро-

вождала императорскую семью в Дармштадт, где они присутствовали на свадьбе племянницы Александры Федоровны – Алисы Баттенбергской и Георга Греческого, с которым Николай II был близко знаком еще со времен путешествия 1891 г.

Во время этого визита Соня заболела. У нее поднялась температура и императрица, несмотря на обилие официальных и неофициальных мероприятий, по два-три раза на день посещала свою подругу, которую лечили придворные врачи ее брата – герцога Гессен Дармштадтского. Такое внимание императрицы к своей фрейлине многими в ее окружении воспринималось как нарушение придворного этикета.

Именно немецкие медики пришли к заключению, что Соня Орбелиани неизлечимо больна. В перспективе ее ожидало постепенное ограничение подвижности, инвалидное кресло, а затем полный паралич и смерть. Зная эти перспективы, императрица Александра Федоровна, тем не менее, не оставила при себе больную фрейлину. Соню Орбелиани поселили в Александровском дворце, который с 1905 г. стал постоянной императорской резиденцией. На втором этаже Свитской половины (правое крыло) Александровского дворца ей отвели «квартиру» из трех комнат (№ 65, 66 и 67).

Все расходы по ее лечению и содержанию Алек-

сандра Федоровна взяла на себя. Для императрицы, довольно скупой женщины, это значило много. Естественно, по состоянию здоровья Соня была не в состоянии выполнять обязанности фрейлины, но Александра Федоровна отказалась принять ее отставку. Образно говоря, за Орбелиани сохранялась ее «штатная ставка». Для заболевшей фрейлины «были сконструированы специальные экипажи и прочие приспособления, так что она могла вести обычную жизнь, как если бы была здорова и всюду могла сопровождать императрицу в ее поездках»²⁴⁸.

Императрица посещала Соню в Александровском дворце ежедневно. Строгий к императрице высший свет осуждал это проявление человеческих чувств. По свидетельству А.И. Спиридовича, упреки сводились к тому, что для императорских дочерей совершенно не полезно жить рядом с умирающей женщиной. Но Александра Федоровна в свойственной ей выскомерной манере холодно игнорировала все упреки.

Вместе с тем не стоит преувеличивать привязанность императрицы к своей фрейлине. Конечно, как человек и уж тем более, как императрица, она вела себя очень достойно. Но жизнь продолжалась и рядом с императрицей появилась новая подруга – Аня Вырубова. Как происходила «смена караулов», видно из

опубликованных дневниковых записей Николая II.

За весь 1904 г. Соню Орбелиани только дважды приглашали к императорскому столу (23 марта к завтраку и 28 апреля к обеду). Надо заметить, что очень немногие «штатные» фрейлины удостоивались подобной чести. Тогда же в конце ноября 1904 г. при Александре Федоровне появилась новая «штатная» фрейлина – баронесса София Карловна Буксгевден, которой Соня Орбелиани начала «сдавать дела».

22 сентября 1905 г. к императорскому столу впервые была приглашена «А.А. Танеева», как записал в дневнике Николай II. Но в эту осень 1905 г. Соню Орбелиани еще по-прежнему приглашали к столу (к обеду – 9 октября, 15 ноября, 27 ноября). В начале 1906 г. все оставалось по-прежнему, Орбелиани приглашали на обеды (7 февраля, 14 марта, 3 июля, 28 августа). 21 октября 1906 г. новая и старая подруги почти пересеклись. В этот день «А.А. Танеева» завтракала, а «Соня Орбелиани» с княгиней Оболенской – обедали. После этого дня Соню Орбелиани к столу больше не приглашали. Ее место с 23 ноября 1906 г. прочно занимает «Аня Вырубова», как ее начинает называть в дневниках император.

Тем не менее Соня, как могла, старалась быть полезной императрице. Пока была в состоянии, она выполняла фрейлинские обязанности. После того как

окончательно слегла – разбирала многочисленную корреспонденцию императрицы. Со временем она передала свои обязанности Соне Буксгевден и посвятила ее во все нюансы отношений придворного мира Царского Села. Они подружились, и С. Буксгевден много времени проводила в ее комнатах.

Девять долгих лет императрица делала все, чтобы облегчить жизнь умиравшей фрейлины. За это время в жизни императрицы изменилось многое. Появилась новая задушевная подруга – Анна Вырубова, но и старую подругу, раз и навсегда причисленную к «своим», императрица не забывала. Примечательно, что об этих отношениях знали немногие. Распутин и Вырубова в глазах досужего света совершенно заслонили Орбелиани. Для столичного высшего света она уже давно умерла. Когда в декабре 1915 г. врачи сообщили, что конец близок, Александра Федоровна не отходила от своей умирающей подруги. Соня Орбелиани скончалась буквально на руках императрицы Александры Федоровны.

Все заботы о похоронах фрейлины императрица взяла на себя. На отпевании Александра Федоровна присутствовала в форме сестры милосердия. Фрейлина С.К. Буксгевден свидетельствовала, что видела, как императрица, сидя у гроба своей подруги, гладила ее волосы в последние минуты, перед тем как гроб

закрыли.

Фрейлина С.К. Буксгевден

Еще одной фрейлиной, ставшей достаточно близкой императорской семье, стала София Карловна Буксгевден. Впервые она появилась в Александровском дворце 28 ноября 1904 г. Но только с 1913 г. она вошла в так называемый «ближний круг» императрицы Александры Федоровны. Свидетельством этого стало ее прозвище Иза. Фрейлина упоминает, что она прожила в Александровском дворце Царского Села с 1913 по 1917 г., причем ее «комната соединялась коридором с апартаментами великих княжон»²⁴⁹.

Это была высокая, довольно плотная, темноволосая, не очень привлекательная женщина. Она имела свою слабость – София Карловна много курила. Но при этом она разделяла увлечение Николая II большим теннисом и ходила на байдарке.

С.К. Буксгевден могла расположить к себе и, что особенно важно, была искренне преданна императорской семье, преданна «без лести». Она была, пожалуй, единственной из фрейлин, посвященной в семейные тайны царской семьи. Надо заметить, что Александра Федоровна была достаточно осторож-

на в отношениях со своими фрейлинами, поскольку понимала, что они, прежде всего, *служат* во дворце. С.К. Буксгевден упоминает, что Александра Федоровна «считала недопустимым вступать в дружеские отношения со своими фрейлинами, поскольку ей казалось, что особая симпатия, высказанная какой-либо одной, может вызвать чувство ревности другой....Между нами и императрицей всегда существовала определенная дистанция, которую никому не было дозволено переходить. Лишь когда ее фрейлины прекращали свою службу при Дворе (так было с княгиней Барятинской или с Соней Орбелиани, которая стала инвалидом) императрица могла позволить себе высказать им то расположение, которое она всегда к ним чувствовала»²⁵⁰.

А. Вырубова и С. Буксгевден

«Своим» императрица позволяла и некоторую «оппозиционность». Иза Буксгевден отрицательно относилась к Распутину. Для императрицы это не являлось секретом. Но она знала, что Иза ее не предаст, и от нее не будут исходить никакие слухи.

Императрица не ошиблась в своей фрейлине. Иза Буксгевден последовала за царской семьей в Сибирь и только чудом уцелела. Заняв денег у Сиднея Гиббса, она сумела пересечь Сибирь и через Китай вы-

браться в Англию, которая стала для нее вторым домом. В 1920-х гг. она написала две книги, посвященные своей жизни в Царском Селе. Еще одну книгу она посвятила своей царственной подруге – императрице Александре Федоровне, в которой опровергла множество легенд, насыщавшим общественное сознание того времени. Вместе с тем она не впала в простое восхваление императрицы. Ей, пожалуй, первой удалось создать объективный и честный портрет последней русской императрицы, сложной и противоречивой женщины.

Фрейлина А.А. Вырубова

Анна Александровна Вырубова, в девичестве Танеева, родилась в 1884 г. во влиятельной семье чиновников-аристократов. Ее дед (Танеев Сергей Александрович) и отец (Танеев Александр Сергеевич) на протяжении 44 лет возглавляли Собственную Его Императорского Величества Канцелярию и имели право личного доклада императору.

Первый раз А.А. Танеева увидела императрицу в 1896 г. в двенадцать лет, когда царская семья гостила в селе Ильинском – подмосковном имении великого князя Сергея Александровича, который был женат на старшей сестре Александры Федоровны – Елизавете

Федоровне. В 17 лет она была официально представлена вдовствующей императрице Марии Федоровне. С этого времени началась ее светская жизнь. Надо заметить, что Аня не была красавицей. Это была полненькая девушка с добрыми глазами, которая прекрасно пела и играла на фортепиано. В восемнадцать лет, в январе 1903 г., она получила усыпанный алмазами фрейлинский шифр императрицы Александры Федоровны – мечту многих девиц-аристократок. Тогда же, в феврале 1903 г. Аня Вырубова приняла участие в легендарном костюмированном балу в Зимнем дворце. Николай II и Александра Федоровна были в одеждах русских царей XVII в. Аристократия, в соответствии с занимаемым положением, блистала боярскими одеждами. Тогда еще никто не знал, что этот бал станет последним пышным балом в Зимнем дворце. И это был первый выход в большой свет «дебютантки» Ани Танеевой.

Обширные связи и прочное положение семьи Танеевых при Дворе позволили Анне в феврале 1905 г. оказаться в Александровском дворце Царского Села среди «штатных» фрейлин Александры Федоровны. Ей тогда было 20 лет, а императрице 32 года. Танеева тогда «подменила» одну из заболевших фрейлин²⁵¹.

Во время дежурства во дворце, по желанию Александры Федоровны, Аня Танеева проводила время

с фрейлиной С. Орбелиани. Вырубова вспоминала, что у Орбелиани развивался прогрессирующий паралич и характер у нее стал очень тяжелый. Она часто зло подшучивала над молодой и цветущей фрейлиной.

За время своего первого дежурства А. Танеева видела императрицу только один раз, когда каталась с ней на санях по аллеям Александровского парка. В память о первом дежурстве императрица подарила фрейлине медальон: серый камень в виде сердца, окруженный бриллиантами²⁵².

Имп. Александра Федоровна и А. Вырубова. 1910 г.

Сначала Аню Танееву назначили только «временной» фрейлиной, заменив одну из заболевших штатных фрейлин, но за короткое время она успела понравиться императрице. Понравиться настолько, что в августе 1905 г. ее пригласили в плавание в финские шхеры на императорской яхте «Полярная звезда». А. Танеева за это плаванье сблизилась со всеми членами царской семьи: «Каждый день мы съезжали на берег, гуляли по лесу с Государыней и детьми, лазили на скалы, собирали бруснику и чернику, искали грибы, исследовали тропинки»²⁵³. Эта поездка решила судьбу фрейлины. По словам Вырубовой: «Государь сказал мне, прощаясь в конце плавания: «Теперь вы абонированы ездить с нами», а императрица Александра Федоровна произнесла: «Благодарю Бога, что Он послал мне друга»».²⁵⁴ В результате этой поездки «началась моя дружба с государыней, дружба, которая длилась двенадцать лет»²⁵⁵.

Александра Федоровна страстно увлекалась музыкой, хорошо пела. У императрицы было контральто²⁵⁶, у Ани Танеевой – высокое сопрано. Они стали петь дуэтом, играть на фортепиано «в четыре руки». Но главное – характер Ани Танеевой. Она постоянно демонстрировала императрице свое бесконечное обожание и преданность. В этом нуждается каждый

человек. Нуждалась в этом и Александра Федоровна.

Имп. Александра Федоровна и А. Вырубова на берегу Днепра

Жизнь Александры Федоровны не была безоблачной. Застенчивой до болезненной замкнутости, ей по роду своей «профессии» приходилось постоянно встречаться со множеством незнакомых людей и общаться с ними. Она страстно любила мужа и не желала делить его ни с матерью – вдовствующей императрицей Марией Федоровной, ни с влиятельными сановниками. Воспитанная в Англии, где положение монарха определялось формулой – «Царствую, но не

управляю», – она была страстной поборницей идеи самодержавной власти. Будучи до 22 лет протестанткой, она прониклась крайними, мистическими идеями православия. Только после шестой беременности она смогла, наконец, родить наследника, но сразу же выяснилось, что он неизлечимо болен и в любой момент может умереть. Она бесконечно нуждалась в искренней дружбе, которую очень тяжело было найти в той лицемерной среде, в которой проходила ее жизнь. Александра Федоровна поверила и приняла искреннюю привязанность Ани Танеевой.

Служба Ани «временной фрейлиной» продолжалась очень недолго²⁵⁷, но императрица запомнила молодую, бесхитростную, искреннюю девушку. Это было то, в чем она так нуждалась.

Поэтому следующим летом 1906 г. Аню Танееву вновь пригласили принять участие в плавание по финским шхерам на императорской яхте «Штандарт». Столичный бомонд, крайне ревниво следивший за появлением новых фаворитов, сразу же отметил это повторное приглашение, поскольку на «Штандарте» царскую семью окружали только самые близкие к ней люди.

Совместный отдых сближает, так же как и совместные дела. Именно тогда Аня Танеева окончательно стала «своей» в замкнутом мире царской семьи. Она

подружилась со старшими дочерьми – Ольгой и Татьяной, которые росли без подруг. Она забавлялась с младшими – Марией и Анастасией. Она узнала о неизлечимом заболевании наследника. Она получила, как и многие из «своих», незатейливое прозвище Корова. Она не обижалась, поскольку сама императрица называла себя Старой курицей. Вырубова была полной и, конечно, не вписывалась в существовавшие каноны красоты. Это тоже – плюс. Позже ее познакомили с Григорием Распутиным, к которому она прониклась благоговением. Это также сработало в ее пользу.

В свою очередь царская семья приняла участие в жизни Ани Танеевой. Для 22-летней девушки, не без участия Александры Федоровны, выбрали соответствующую партию. Женихом Ани Танеевой стал флотский лейтенант Александр Васильевич Вырубов. К этому времени в его жизни произошли значительные события. Он был среди четырех, чудом спасшихся офицеров, с броненосца «Петропавловск». Этот броненосец, на капитанском мостике которого находился командующий Тихоокеанским флотом адмирал Степан Осипович Макаров, подорвался на mine и затонул в несколько минут при попытке прорыва из блокированной гавани Порт-Артура в 1904 г. во время Русско-японской войны. Естественно, молодой моряк хо-

дил в героях.

Молодых сосватали. В декабре 1906 г. Вырубов сделал предложение письмом из деревни. Аня Танеева проконсультировалась с императрицей и та одобрила «партию». В феврале 1907 г. объявили о свадьбе. Бракосочетание фрейлины Анны Александровны Танеевой с лейтенантом Александром Васильевичем Вырубовым состоялось 30 апреля 1907 г. в высочайшем присутствии в церкви Большого Царскосельского дворца²⁵⁸.

Amr.

Amr.

А. Вырубова и члены императорской семьи.
1914 г.

С этого момента Анна Вырубова уже не могла быть фрейлиной, поскольку фрейлинами могли быть только незамужние девушки. Аня Танеева превратилась в Анну Александровну Вырубову и именно под этой фамилией она вошла в историю России начала XX в.

Присутствие императорской четы на свадьбе было очень высокой честью для новобрачных. Более того, Николай II и Александра Федоровна лично благословили молодых иконой. После бракосочетания молодые «пили чай у Их Величеств», в очень узком кругу, поскольку гостей на свадьбу пригласили очень немного и все они прошли одобрение Их Величеств²⁵⁹.

Аристократический бомонд немедленно отреагировал на это первой сплетней. В светских салонах удивлялись не только самому факту присутствия на свадьбе императорской четы, сколько тому, какое деятельное участие принимала в ней сама Александра Федоровна. Утверждали, что во время свадьбы императрица рыдала так, как будто она выдавала замуж свою дочь. Но тогда, в апреле 1907 г., это отнесли к издержкам эмоционального характера императрицы.

Однако семейная жизнь молодых не заладилась с самого начала, и брак оказался непродолжительным. Тут было и мрачное предсказание Распутина,

которое, естественно, сбылось, и обнаружившиеся вдруг садистические, противоестественные склонности молодого лейтенанта, и даже его безумие. Сама Вырубова коротко писала об этом, спустя много лет: «Брак, ничего, кроме горя, мне не принес. На состоянии нервов моего мужа, вероятно, отразились все ужасы пережитого, когда тонул «Петропавловск», и вскоре после свадьбы у него появились признаки тяжелого психического заболевания. Сначала я думала, что это только временное состояние, и тщательно скрывала болезнь мужа от моей матери. Но, в конце концов, мой муж был признан ненормальным, был помещен в лечебное заведение в Швейцарии, и я получила развод»²⁶⁰.

Эта семейная драма послужила толчком к началу многих событий. Поэтому необходимо уточнить ряд моментов. Во-первых, личная драма не помешала Ане Вырубовой в сентябре 1907 г. принять приглашение отправиться в очередное плавание на «Штандарте» в финские шхеры вместе с царской семьей. Именно тогда в свете впервые начали настойчиво циркулировать слухи о «противоестественной» связи императрицы и Вырубовой.

А. Вырубова рядом с ими. Николаем II

Дело в том, что во время этого плавания «Штандарт» наскочил на подводный камень и едва не затонул, получив две пробоины в корпусе. Царскую семью и ее окружение срочно переправили на один из кораблей конвоя. Спустя несколько месяцев, 2 февраля 1908 г., весьма осведомленная генеральша А.В. Богданович, записала в своем дневнике²⁶¹: «Всех поражает странная дружба молодой царицы с ее бывшей фрейлиной Танеевой, которая вышла замуж за Вырубова. Когда во время поездки в шхеры лодка наткнулась на камень, эту ночь царская семья проводила на

яхте «Александрия»²⁶². Царь спал в рубке, а в свою каюту царица взяла Вырубову, на одной с ней постели спала...»²⁶³. При этом Богданович называет и свой «источник» – капитана 1-го ранга, помощника начальника Главного морского штаба при морском министре Сергея Ильича Зилотти.

Видимо, Вырубова была прекрасно осведомлена об этих слухах и в мемуарах она сочла необходимым специально остановиться на том, «кто и где спал». По ее словам, «императрица спала с наследником», Николай II и свита в каютах наверху. Позже императорская семья перешла на подошедшую яхту

«Александрия». Но и там было очень тесно, поэтому Николай II спал в рубке на диване, дети в большой каюте, кроме наследника. Потом шла каюта императрицы. Рядом располагалась каюта наследника, в которой он спал с няней М. Вишняковой. Вырубова туманно уточняет: «Я спала рядом в ванной»²⁶⁴.

Во-вторых, уже после развода, осенью 1908 г.,²⁶⁵ Вырубова немедленно получила приглашение от царственной подруги поселиться близ Александровского дворца Царского Села. В качестве личной подруги. По словам Вырубовой, они уже жили с мужем к этому времени в Царском Селе, поскольку влиятельный отец Вырубовой пристроил зятя в Дворцовое ведом-

ство. Вряд ли молодому мужу могли понравиться слухи о близости жены с императрицей. Возможно, именно тогда и проявились «садистические» наклонности молодого лейтенанта. Вырубова писала: «Официальной должности у меня не было. Я жила при царице как неофициальная фрейлина и была ее близким личным другом. Она сказала: «Хоть один человек есть, который служит мне для меня, а не за вознаграждение»». ²⁶⁶ Надо заметить, что таких прецедентов в богатой скандалами истории Императорской фамилии не было. И такое решение императрицы только способствовало распространению «лесбийской» сплетни, пик которой пришелся на вторую половину 1908–1910 гг.

В-третьих, несколько слов надо сказать и о неудавшемся браке. О «садизме» и «извращениях» Александра Вырубова мы знаем только из воспоминаний самой Вырубовой. В исторической литературе об Александре Вырубове сведений практически нет. Упоминается только, что с 1913 по 1917 г. «извращенец» и «сумасшедший» Вырубов состоял уездным предводителем полтавского дворянства. Надо заметить, что это была выборная должность и вряд ли полтавские дворяне выбрали бы своим предводителем извращенца и садиста. Они выбрали офицера российского флота, участвовавшего в обороне Порт-Артура.

Сейчас, конечно, трудно сказать, о каких «извращениях» писала Вырубова. Но точно известно, что супружеских отношений между молодыми не было, и Вырубова после 18 месяцев брака осталась девицей. Вполне возможно, что «садистские извращения» свелись к тому, что лейтенант просто пытался выполнить свой супружеский долг? Или он не мог его выполнить? Или Вырубова была категорически против супружеских отношений?

Ливадия. Чаепитие на ферме. 1914 г.

В-четвертых, на 1907–1910 гг. пришлось время наибольшего влияния председателя Совета министров П.А. Столыпина на внутреннюю политику России. Это был властный человек, не желавший делиться вли-

нением. Поэтому слухи, клубившиеся вокруг императрицы и Вырубовой, дискредитировали один из центров власти, противостоящий Столыпину. Об этом в 1911 г. писал в дневнике А. А. Бобринский: «Не так императрица Александра Федоровна больна, как говорят. Столыпину выгодно раздувать ее неспособность и болезни, благо неприятна ему. Правые теперь будут демонстративно выставлять императрицу, а то, в угоду, как оказывается, Столыпину, ее бойкотировали и замалчивали, и заменяли Марией Федоровной. Говорят, что лесбийская связь ее с Вырубовой преувеличена»²⁶⁷.

Весной 1917 г. Временным правительством с целью сбора компромата на царскую семью и ее окружение создается Чрезвычайная следственная комиссия. В этой Комиссии образовали специальную подкомиссию, которая специализировалась на расследовании деятельности так называемых «темных сил», окружавших царскую семью. К числу этих «темных сил», безусловно, отнесли и Анну Вырубову. В марте 1917 г. ее арестовали

и поместили в одну из камер Петропавловской крепости. Летом 1917 т. Вырубова настояла на том, чтобы было проведено ее гинекологическое освидетельствование. Столь необычная просьба заключенной связана с расхожими обвинениями в том, что она со-

жительствовала с Григорием Распутиным. Обследование установило, что Вырубова девственница²⁶⁸.

В «Заключении доктора Манухина, данном на основании результатов медицинского освидетельствования, произведенного в Трубецком бастионе Петропавловской крепости», сказано, что «22-х лет она вышла замуж... с мужем жила всего один год. По ее словам, муж страдал половым бессилием с склонностью к садизму; после одной из сцен, когда муж бросил ее обнаженную на пол и бил, они расстались; с тех пор свидетельствуемая половой жизнью не жила.

В конце прошлого года, вследствие бывших у нее болей в нижней части живота и для уяснения причины заболевания ее правой ноги, ей предложили произвести исследование половых органов; неожиданно для производства исследования *per vaginam* оказалось нужным надрезать ее девственную плеву, так как она не была вполне нарушена слабосильным мужем; свидетельницей изложенного может быть, по ее словам, старшая фельдшерица Дворцового госпиталя в Петергофе Карасева. Петроград 6 июня 1917 г.»²⁶⁹.

Тогда это поразило многих. Но не ближайшее царское окружение, поскольку о девственности Вырубовой Свита знала с января 1915 г. После того как в январе 1915 г. Вырубова попала в железнодорожную катастрофу, ее осматривал профессор С.П. Фе-

доров. Впоследствии начальник подвижной охраны царя полковник А.И. Спиридович писал, что был «поражен, когда лейб-хирург Федоров сказал мне, что делая медицинское исследование госпожи Вырубовой еще с одним профессором вследствие перелома бедра, они неожиданно убедились, что она девственница. Больная подтвердила им это и дала кое-какие разъяснения относительно своей супружеской жизни с Вырубовым»²⁷⁰.

Этот факт сегодня интерпретируют по-разному. Э. Радзинский утверждает, что, по его мнению, Вырубова, безусловно, являлась скрытой лесбиянкой. Он предполагает, что императрице не было дела до сексуальной ориентации подруги, ей была важна только ее искренняя привязанность. Для Александры Федоровны неважно, чем диктовалась эта привязанность. Важно было то, что эта привязанность-любовь жизненно требовались неврастеничной императрице, окруженной всеобщим недоброжелательством.

С этим утверждением, на наш взгляд, можно согласиться. Александра Федоровна, со свойственным ей максимализмом, делила весь мир на «своих» и «чужих». «Своих» было очень немного, и она их весьма высоко ценила. Женщине, замкнутой в очень непростых семейных проблемах, тщательно скрываемых от глаз посторонних, была очень нужна такая подруга. А

уж какой она «ориентации» – дело десятое.

Конец 1907 г. для Александры Федоровны сложился тяжелым. Она болела. Характер заболевания в медицинских документах не указывается, но, судя по количеству визитов, медицинские проблемы оказались серьезными. С 11 по 30 ноября 1907 г. врач Дворцового госпиталя Придворной медицинской части доктор Фишер нанес императрице 29 визитов. С 1 по 21 декабря он же посетил императрицу 13 раз²⁷¹. То есть всего 42 визита. Видимо, эти визиты продолжались и далее, поскольку сама императрица писала своей дочери Татьяне 30 декабря 1907 г.: «Доктор сейчас опять сделал укол – сегодня в правую ногу. Сегодня 49 день моей болезни, завтра пойдет 8-я неделя»²⁷². Поскольку императрица писала записки дочери, то можно предположить, что она была изолирована от детей. По ее счету болезнь начинается в первых числах ноября 1907 г. Опираясь на мемуары и дневниковые записи, можно предположить, что с 1906–1907 гг. у императрицы начинаются серьезные проблемы с сердцем. Но поскольку эти проблемы не афишировались, на них начинают накладываться слухи о психической неуравновешенности императрицы, проявляющейся в «порочной связи» с Вырубовой.

Слух о «лесбийской связи» императрицы продолжал распространяться во второй половине 1908 г.

Его «подогрел» развод с лейтенантом Вырубовым. Именно тогда начал циркулировать очередной слух, что скоротечный брак должен был просто «прикрыть» «порочную связь» Вырубовой и императрицы.

Цитирование этих слухов также нуждается в комментариях. В июне 1908 г. А.В. Богданович записала, со ссылкой на «источник» – княгиню Д.В. Кочубей²⁷³, что причиной развода Вырубовой с мужем было то, что «муж этой Танеевой, Вырубов, нашел у нее письма от царицы, которые наводят на печальные размышления»²⁷⁴. Теперь известно, что императрица действительно писала огромные и крайне эмоциональные письма. Что она была в них достаточно откровенна и с точки зрения обывателя неосторожна. И письма, которые нашел Вырубов, вполне могли иметь место. И содержание их он мог истолковать превратно. Позже случалось подобное. В 1912 г. в руки думской оппозиции попали письма Александры Федоровны к Распутину. Там тоже имелись двусмысленные фразы, позволившие оппозиции немедленно запустить сплетню о том, что императрица неверна мужу – императору Николаю II. Видимо, императрица сделала выводы из этих историй и в марте 1917 г., по словам Вырубовой: «императрица уничтожила все дорогие ей письма и дневники и собственноручно сожгла у меня в комнате *шесть ящичков своих писем ко*

мне (выделение мое. – И. З.)»²⁷⁵.

В сентябре 1908 г. Вырубова вновь путешествовала на «Штандарте». Именно с этого времени ей начинают приписывать политическое влияние на царскую семью. Ближайшее окружение вынуждено с ней считаться. У А.В. Богданович имелись очень надежные «источники», которые могли наблюдать не только официальную, но и неофициальную сторону жизни императорской семьи. Это были личные камердинеры царя – Н.А. Радциг²⁷⁶ и Н.Ф. Шалберов²⁷⁷, они регулярно посещали салон А.В. Богданович и делились с гостеприимной хозяйкой последними дворцовыми новостями. Шалберов «удивлялся тому, что такую «мерзавку», как Вырубова, царица так любит, что она у царицы и днюет, и ночует» (запись от 3 ноября 1908 г.)²⁷⁸. Через несколько дней Н.А. Радциг сообщил, что видел фотографию Вырубовой, где она снята «рядом с мужиком», у которого «зверские глаза, самая противная, нахальная наружность» (запись от 5 ноября 1908 г.)²⁷⁹. Мужиком, конечно, был Григорий Распутин.

Но окончательный «диагноз» во взаимоотношениях Вырубовой и Александрой Федоровной А. Богданович поставила в конце ноября 1908 г. Надо вновь признать, что у нее были первоклассные «источники».

21 ноября 1908 г. она писала со ссылкой на Зилотти, что «царь очень нервен, что причиной этому царица, ее ненормальные вкусы, ее непонятная любовь к Вырубовой»²⁸⁰. Надо отдать генеральше должное – она перепроверила эту информацию и со ссылкой на дворцового коменданта генерал-лейтенанта Владимира Александровича Дедюлина²⁸¹ привела его слова, о том что «в Царском Селе «прелюбодеяние»»²⁸².

Надо отметить еще одно важное событие в царском окружении, произошедшее в 1908 г. В 1907 г. умер семейный доктор императорской семьи, лейб-хирург Густав Иванович Гирш²⁸³. В результате сложных подковерных интриг новым семейным врачом стал Евгений Сергеевич Боткин²⁸⁴. Этот эпизод важен для нас, поскольку он показывает действие механизма по проведению на близкие к «семье» должности «своих» людей. Одним из важных рычагов этого механизма была «глуповатая», по мнению досужего светского общества, Аня Вырубова.

Окончательный выбор врача сделала лично императрица Александра Федоровна, но «с подачи» Вырубовой. А.А. Вырубова писала об этом в мемуарах: «Выбор ее остановился на Е.С. Боткине, враче Георгиевской общины, которого она знала с Японской

войны, – о знаменитости²⁸⁵ она и слышать не хотела. Императрица приказала мне позвать его к себе и передать ее волю. Доктор Боткин был очень скромный врач и не без смущения выслушал мои слова. Он начал с того, что положил Государыню на три месяца в постель, а потом совсем запретил ходить, так, что ее возили в кресле по саду. Доктор говорил, что она надорвала сердце, скрывая свое плохое самочувствие»²⁸⁶.

Кандидатуру Е.С. Боткина поддерживали весьма влиятельные силы. В числе прочих протезировала Е.С. Боткина его родственница, фрейлина императрицы О.Е. Бюцова. А.В. Богданович, со слов камердинера Шевича, записала в дневнике о причинах появления нового врача: «Бывший придворный доктор Фишер, лечивший царицу, прямо письменно заявил царю, что царицу вылечить не может, пока ее не разлучат с Вырубовой. Но это письмо воздействия не имело: Вырубова осталась, а Фишер был уволен, а на его место назначен Боткин, ставленник Танеева»²⁸⁷. Думается, что версия Богданович наиболее полно показывает истинные причины появления нового врача, а смерть старого Гирша была только предлогом для этого.

4 апреля 1908 г. обер-гофмаршал П.К. Бенкендорф

направил министру Императорского двора Владимиру Борисовичу Фредериксу извещение, в котором сообщал, что императрица «желает чтобы, ко дню Св. Пасхи почетный лейб-медик Е.С. Боткин был бы назначен лейб-медиком, на место покойного Г. И. Гирша»²⁸⁸. 8 апреля 1908 г. Фредерике наложил резолюцию «Высочайшее повеление исполнить».

После назначения Е.С. Боткина на должность лейб-медика изменился сам характер оказания императрице медицинской помощи. Если до этого Александра Федоровна много и охотно лечилась у ведущих профессоров Военно-медицинской академии, то с 1908 г. она ограничивалась услугами одного Е.С. Боткина. Это тоже не осталось незамеченным. В мае 1910 г. А.В. Богданович записала: «Был Рейн²⁸⁹. Про молодую царицу сказал, что неоднократно ей предлагали позвать его, но она все отклоняет, не хочет показываться специалисту. Надо думать, что у нее есть что-то секретное, что она не решается доверить, и, зная, что опытный врач поймет, в чем дело, отклоняет помощь специалистов»²⁹⁰.

Известно, что мемуары и дневниковые записи, как правило, субъективны, поэтому приведенные материалы необходимо подкрепить архивными, официальными документами. Наиболее информативными

в контексте нашей темы являются поденные отчеты Дворцовой полиции, в которых подробно фиксировались все перемещения царственных особ и все их контакты. Официально они назывались «Дневники выездов Их Императорских Величеств». Поскольку Дворцовая полиция в то время выполняла функции личной охраны императорской четы, то к этим документам можно относиться с безусловным доверием. Анализ документов позволяет восстановить документально подтвержденную канву повседневной жизни царя и его семьи. Мы воспользуемся записями за 1910 г.

К этому времени у императрицы сложился свой распорядок дня. Утром – занятия с детьми и общая молитва. Завтракать Александра Федоровна предпочитала одна. В этот год она вообще старалась не бывать на людях, что связано и с ее «болячками», и с особенностями ее характера. Например, 22 января 1910 г. на завтрак (в 13 ч.) из Петербурга приехали вдовствующая императрица Мария Федоровна, младший брат царя великий князь Михаил и принц Петр Ольденбургский с женой, младшей сестрой царя, великой княгиней Ольгой Александровной. Собралась только семья, но императрица предпочла завтракать отдельно. Гости долго не задержались и уже в 14.28 уехали.

Такая «нелюбимость» императрицы связана с обострением ее заболеваний. О проблемах с сердцем упоминается в дневнике великой княгини Ксении Александровны: «Бедный Ники озабочен и расстроен здоровьем Алике. У нее опять были сильные боли в сердце, и она очень ослабела. Говорят, что это на нервной подкладке, нервы сердечной сумки. По-видимому, это гораздо серьезнее, чем думают»²⁹¹. Великий князь Константин Константинович тогда же в 1910 г. записал в дневнике: «Между завтраком и приемом Царь провел меня к Императрице, все не поправляющейся. Уже больше года у нее боли в сердце, слабость, невращения»²⁹². Для лечения императрицы активно применяли успокаивающий массаж. Тем не менее заболевание не мешало ей ежедневно встречаться с Вырубовой.

Такая ситуация в семье, вероятно, не устраивала вдовствующую императрицу Марию Федоровну. За весь год она виделась с невесткой только 4 раза: три раза в апреле 1910 г. во время приезда в Петербург старшей сестры Александры Федоровны – Ирэны Прусской и один раз в мае 1910 г. на официальных мероприятиях, связанных с панихидой по умершему английскому королю. Дважды во время визитов Марии Федоровны в Царское Село, 22 января и 14 мая (торжественный завтрак по случаю очеред-

ной годовщины коронации, на котором присутствовало 360 чел.), Александра Федоровна предпочитала оставаться в своих апартаментах. Объяснялось это ее болезнью. Сама Александра Федоровна за 1910 г. посетила Петербург только 4 раза. Причем один раз (8 апреля) она с мужем заехала на 45 минут в Зимний дворец и тут же уехала в Царское Село. Остальные посещения столицы носили вынужденный характер и были связаны с официальными мероприятиями и визитами.

В этот год круг общения Александры Федоровны очень ограничен. 21 марта ее посетила старшая сестра – великая княгиня Елизавета Федоровна, 23 апреля, на день рождения императрицы приехала Ирена Прусская, она гостила до 9 мая.

Накануне дня рождения Николая II (с 3 по 6 мая) все три сестры последний раз собирались вместе.

Но в первой половине 1910 г. в отчетах Дворцовой полиции имя Вырубовой упоминается практически каждый день. Весь январь императрица и Вырубова встречаются почти ежедневно, проводя по полчаса на «Новой террасе» близ Александровского дворца в Царском Селе, как правило, с 15 до 15.30. В феврале императрица катается по парку на санках и Вырубова сопровождает ее пешком, они катаются в санях по городу. Начиная с конца февраля 1910 г. в распорядок

дня, кроме дневных встреч, входят и ежевечерние, а скорее ночные визиты императрицы к своей подруге. Обычно Александра Федоровна выезжала из дворца в 23 ч. и возвращалась обратно уже за полночь. Этому распорядка она придерживалась и в очень загруженные дни. 24 апреля императрица после утренней молитвы (11 ч.) уезжает на короткое время к Вырубовой (с 11 ч. 12 м. до 11 ч. 50 м.), затем вместе с сестрой едет в Петербург, где наносит светские визиты, поздно вечером возвращается обратно в Царское Село и вновь посещает Вырубову (с 23 ч. 35 м. до 24 ч. 25 м.). И так изо дня в день. Такая, почти судорожная, привязанность Александры Федоровны к Вырубовой на фоне игнорирования даже обязательных официальных мероприятий, безусловно, прождала нелестные для императрицы толки. Все они были связаны со слухами о «болезненном» увлечении императрицы и о ее «лесбийской связи» с Вырубовой.

Можно, конечно, предположить, что частые поездки императрицы к Вырубовой связаны с ее регулярными встречами с Распутиным. Но в данных наружной охраны имя старца за этот год вообще не упоминается, хотя все контакты царской семьи на личном и официальном уровне тщательно отслеживались. Но из других источников известно, что в 1910 г. и Александра Федоровна, и Николай II неоднократно виде-

лись с Распутиным. В дневнике царя за январь и первую половину февраля 1910 г. упоминается о 10 таких встречах. Николай II в своих дневниковых записях, как правило, был очень лаконичен, поэтому просто фиксировал сам факт встречи, иногда указывая и время. 3 января 1910 г. среди упоминаний о домашних делах этого дня царь зафиксировал, что «видели Григория между 7 и 8 часами»²⁹³. Иногда он упоминал, что долго беседовал с ним.

Дом А. Выурбовой в Царском Селе. 1910 г.

По характеру записей, можно утверждать, что большая часть этих встреч происходила в Александровском дворце. Видимо, император запретил официально фиксировать эти встречи. Но надо отметить, что императрица ездила к Выурбовой только одна. Поли-

ция в 1910 г. не зафиксировала ни одной совместной поездки Николая II и Александры Федоровны в дом Вырубовой.

Несколько слов о доме Вырубовой. В 1908 г. Анна Вырубова поселилась в Царском Селе в небольшом дачном доме, буквально в нескольких шагах от императорской резиденции. Эту желто-белую дачу построил архитектор П.В. Нилов в 1805 г. Поскольку то был дачный дом, то зимой в нем было очень холодно. После 1917 г. эту дачу предоставили в аренду художнику И. Ершову, работавшему в Ленинградской консерватории. С 1936 г. и до немецкой оккупации в 1941 г. дом использовался консерваторией. В настоящее время в этом доме находится ЗАГС г. Пушкина.

Говоря о взаимоотношениях Александры Федоровны и Вырубовой, следует коснуться и «денежного вопроса». А.А. Вырубова, будучи фрейлиной, получала 4000 руб. в год. Утратив статус после замужества, она стала «просто» подругой императрицы. Однако эта «должность» не оплачивалась. Поэтому А.А. Вырубова оказалась в сложном материальном положении. Родители ее, конечно, «кормили», однако, жизнь при монархах была достаточно затратной. Министр Императорского двора

В.Б. Фредерике тактично дал понять Александре Федоровне, что у ее подруги проблемы с деньгами. В

результате Александра Федоровна стала дарить подруге платья и материю к праздникам. Денег Вырубовой это не прибавило. Наконец, между императрицей и ее подругой состоялся предметный разговор. По словам А.А. Вырубовой, «она спросила, сколько я трачу в месяц, но точной цифры я сказать не могла; тогда, взяв карандаш и бумагу, она стала со мной высчитывать: жалованье, кухня, керосин и т. д. Вышло 270 руб. в месяц. Ее Величество написала графу Фредериксу, чтобы ей посылали из Министерства Двора эту сумму, которую и передавала мне каждое первое число». В последние годы императрица оплачивала дачу (2000 руб.) Вырубовой²⁹⁴.

26 мая 1910 г. царская семья по традиции переехала в Петергоф. Однако распорядок жизни семьи практически не изменился. Вырубова также переезжает в Петергоф вслед за царской семьей. 21 июня 1910 г. царская семья на яхте «Александрия» отбывает на традиционный отдых в финские шхеры. Неспешное плавание продолжалось достаточно долго, и в Петергоф они вернулись только 19 июля. Царскую семью сопровождала непременно Вырубова. 15 августа 1910 г. царская семья отбыла за границу. Целью поездки было лечение Александры Федоровны на курорте в Наугейме. По свидетельству А.А. Вырубовой, эта поездка предпринималась в надежде,

что «пребывание там восстановит здоровье государыни». Лечение оказалось не особенно эффективным и А.А. Вырубова пишет, что по ее приезде в Наугейм она «нашла Императрицу похудевшей и утомленной лечением». Сам Николай Александрович в сентябре 1910 г. писал П.А. Столыпину из замка Фридберг: «Лечение Ее Величество переносит хорошо, но оно еще далеко не кончено»²⁹⁵. В ноябре 1910 г. царская семья отправилась домой. По словам А.А. Вырубовой, ситуация несколько стабилизировалась: «Лечение принесло пользу и она чувствовала себя недурно». Однако как следует из письма царя к матери в ноябре 1910 г.: «Алике устала от дороги и снова страдает от болей в спине и в ногах, а по временам и в сердце»²⁹⁶. Царская семья прибыла в Царское Село утром 3 ноября 1910 г.

Эта поездка вновь подогрела старые слухи. Отражением этих слухов служит дневниковая запись за ноябрь 1910 г. одного из мемуаристов, который отметил, что императрицы «не было на выходе. Ее психическая болезнь – факт»²⁹⁷. В декабре 1910 г. А.В. Богданович, со слов камердинера Николая II – Радцига, вновь упомянула о Вырубовой: «Более чем когда-либо она близка с Вырубовой, которой все говорит, что ей говорит царь, царь же царице все постоянно выска-

зывает. Вырубову во дворце все презирают, но никто против нее идти не решается, – она бывает постоянно у царицы: утром от 11 до часу, затем от двух часов до пяти и каждый вечер до 11 ⁴/₂ часов. Прежде бывало, что во время прихода царя Вырубова сокращалась, а теперь сидит все время. В 11 ⁴/₂ царь идет заниматься, а Вырубова с царицей идут в спальню. Печальная, постыдная картина!»²⁹⁸.

Возникает немаловажный вопрос: Как царская семья относилась к этим слухам, которые, несомненно, до нее доходили? Внешне никак. Николай II очень ревниво относился к попыткам вмешательства в его частную жизнь. Он немедленно пресекал все поползновения «открыть ему глаза», даже на «шалости» Распутина или «отношения» жены с Вырубовой. Фактом остается то, что все попытки опорочить в глазах царской семьи как Вырубову, так и Распутина, были безрезультатны. Вместе с тем нежелание следовать сложившимся стандартам и традициям в отношениях царской семьи с ее окружением, безусловно, подрывало престиж самодержавной власти в России.

Таким образом, можно сделать несколько выводов. Во-первых, 1905–1906 гг. рядом с императрицей появляется настоящая подруга. Однако особенности психоэмоционального склада Александры Федоров-

ны выводят эту дружбу за рамки сложившихся стереотипов, что создает почву для появления порочащих ее слухов.

Во-вторых, в это же время у императрицы возникают серьезные проблемы со здоровьем. И это проблемы не столько больного сердца, сколько проблемы, лежащие в сфере психиатрии. Поэтому с 1908 г. Александра Федоровна фактически отказывается от услуг квалифицированных медиков и ограничивается услугами только домашнего врача, принимавшего тот диагноз, который ставила себе сама императрица.

В-третьих, о лесбийских слухах мы можем говорить только как о версии. Причем эта версия, естественно, носила политизированный характер. В кризисный для нее период

Александра Федоровна судорожно цеплялась за эмоциональную поддержку своей единственной подруги – Вырубовой. Говорить о конкретном характере этой эмоциональной поддержке бессмысленно.

К 1912 г. «лесбийский слух» постепенно угас, и новым «хитом» сезона 1912 г. стал слух о «близости» Александры Федоровны с Распутиным. Фактически эти слухи лежали в одной плоскости. Главной их целью было опорочить репутацию не только императрицы Александры Федоровны, но всей Императорской фамилии, дискредитировать идею самодержавия в

глазах народа. Это была уже политическая линия, которую последовательно проводили лидеры буржуазных партий, борясь за власть. О достоверности самих слухов не было и речи. Главная задача – вбросить в народ компромат на царскую семью.

После Февральской революции 1917 г. близкие к императорской чете люди попытались восстановить доброе имя императрицы. Лили Ден впоследствии категорически заявляла, «что это утверждение просто чудовищно»²⁹⁹. Говоря об отношениях А.А. Вырубовой с Распутиным, она писала: «Я уверена, что Анна не любила его как мужчину»³⁰⁰ и что «ни о каком плотском влечении не могло быть и речи»³⁰¹. Об этом же заявлял близкий друг императорской семьи, офицер яхты «Штандарт» Н.П. Саблин в показаниях Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства: «Я совершенно отрицаю возможность физической близости Распутина к Государыне и к Вырубовой»³⁰². Мы приводили мнение Э. Радзинского о том, что Вырубова была скрытой лесбиянкой. С другой стороны, можно привести мнение современного биографа Николая II доктора исторических наук, профессора А. Боханова, который утверждает, что «разговоры о «противоестественной любви» не имели под собой ни малейшей почвы»³⁰³.

Особо хотелось бы обратить внимание на слова весьма авторитетного для царицы о. Феофана, который во время допроса в той же Следственной комиссии Временного правительства показал: «У меня никогда не было и нет никаких сомнений относительно нравственной чистоты и безукоризненности этих отношений. Я официально об этом заявляю, как бывший духовник Государыни... И если в революционной толпе распространяются иные толки, то это ложь, говорящая только о толпе и о тех, кто ее распространяет, но отнюдь не об Александре Федоровне»³⁰⁴.

В.И. Гедройц и имп. Александра Федоровна

К сказанному выше можно добавить, что если Вырубова скрывала свои «увлечения», то в ближайшем окружении Александры Федоровны была еще одна откровенно «розовая» дама. В августе 1909 г. по категорическому настоянию императрицы женщина-врач

княжна Вера Игнатъевна Гедройц³⁰⁵ назначается на должность старшего врача Царскосельского придворного госпиталя. Именно В.И. Гедройц преподавала в августе 1914 г. медицину императрице и ее дочерям. Именно ей ассистировала Александра Федоровна на хирургических операциях в 1914–1916 гг. Именно Гедройц и Вырубова

оспаривали дружбу императрицы. По воспоминаниям, Гедройц «о себе говорила в мужском роде: «Я пошел, я оперировал, я сказал». Она много курила, имела низкий голос. Ее называли «Жорж Санд Царского Села». Гедройц открыто жила с фрейлиной М.Д. Нирод³⁰⁶, которая работала хирургической сестрой в том же Царскосельском госпитале³⁰⁷.

Монахиня Мария (Танеева)

На первый взгляд знакомство с представленным материалом рождает ощущение, что «грех был». Слишком добротные источники информации из Александровского дворца – камердинеры Радциг и Шалберов, дворцовый комендант Дедюлин, поденные отчеты Дворцовой полиции...

С другой стороны, жизнь иногда сложнее, а иногда

проще шаблонных схем. Сама Вырубова писала: «В течение первых двух лет моих дружеских отношений с императрицей она пыталась так же тайно, как контрабанду, проводить меня в свой кабинет через комнату для прислуги, чтобы я не встретилась с ее фрейлинами. Императрица опасалась возбудить в них чувство ревности. Мы проводили время за рукоделием или чтением, и секретность встреч только *создавала почву для ненужных слухов* (курсив мой. – И. З.)»³⁰⁸.

Позже во взаимоотношениях Александры Федоровны и Вырубовой возникали периоды охлаждения, почти семейных ссор, но свою дружбу они сохранили до самого конца. Когда во время Февральской революции 1917 г. больная Анна Вырубова лежала в одной из комнат Свитской половины Александровского дворца, доброжелатели посоветовали императрице удалить ее из резиденции, поскольку Вырубова была слишком одиозной фигурой.

6

Свидѣтельство.

декабри 23

№ 701.

Дано настоящее свидѣтельство на надлежащими подписями и приложеніемъ монастырской печати дочери Рос-сійскаго Статсъ-Секретаря и Осеръ-Гофмейстера Аннѣ Александровнѣ Таиѣевоѣ / Вирубовой / въ томъ что по благословеніи Архіепископа Финляндскаго Серафима, 14-го ноября сего тысяча девятьсотъ двадцать третьяго / 1923 / года въ Валаамскомъ монастырѣ въ храмѣ Смоленскаго епископа Настоятелемъ Валаамской обители, Игуменомъ Павлиномъ, Анна Александровна Таиѣева / Вирубова / пострижена въ монашество и при постриженіи наречена К а р і е ю, во имя Святой Живоначальной Маріи Магдалины, празднуемой Святою Церковію 22-го іюля.

главамоного монастыря

Настоятель,

Игуменъ Павлинъ

Духовникъ

*Сергей Ивановичъ
Сергей*

Свидетельство о постриге в монахини

Надгробие АЛ. Танеевой в Хельсинки

На это предложение Александра Федоровна ответила: «Я не предаю друзей»³⁰⁹. Затем в марте 1917 г. Вырубову арестовали и увезли в Петроград. Фактически свою дружбу с императрицей Вырубова пронесла через всю свою жизнь.

А.А. Вырубова сумела сохранить дружбу императрицы, находясь около трона на протяжении 12 лет, несмотря на то, что имя ее стало одиозным. Она фактически стала главной помощницей императрицы, которая с 1915 г. начала плотно втягиваться в полити-

ческую жизнь России. Она сумела сохранить образ глуповатой, малосведущей и малопонимающей женщины летом 1917 г. во время допросов в Петропавловской крепости (март – июль 1917 г.). В августе 1917 г. революционные матросы повторно ее арестовали и заключили в Свеаборгскую крепость. В сентябре 1917 г., благодаря вмешательству Петросовета, который возглавлял Л.Д. Троцкий, ее освободили и доставили в Петроград, в Смольный. 8 октября 1918 г. по доносу Вырубову вновь арестовала ЧК, однако она вскоре бежала из-под стражи при переезде из одной тюрьмы в другую, с Гороховой ул., 2, на Шпалерную.

Конечно, Анна Вырубова не была такой глуповатой простушкой, какой ее подчас рисуют современники. Последний министр внутренних дел царской России А.Д. Протопопов утверждал, что Вырубова является «фонографом слов и внушений... Государственной мысли своей нет, механически передавала слышанное»³¹⁰. Но «умного» Протопопова расстреляли большевики, а «глуповатая» Вырубова после нескольких арестов сумела уцелеть и выжить в мясорубке Гражданской войны. Она сумела бежать из Петрограда в Финляндию в 1920 г., где прожила всю оставшуюся жизнь.

В 1923 г. в Париже А.А. Вырубова выпустила в свет на русском языке свои воспоминания «Страницы мо-

ей жизни». В этом же году в Нью-Йорке вышло издание этой книги на английском языке. В 1937 г. Вырубова закончила работать над второй книгой воспоминаний, повторив в ней частично, написанное в 1923 г. Рукопись этой книги пролежала без движения до 1984 г., когда ее издали под названием «Неопубликованные воспоминания А.А. Вырубовой».

После начала Советско-финляндской войны в ноябре 1939 г. Анна Вырубова бежала из-под Выборга, где она жила, вглубь Финляндии и тоже уцелела. В Финляндии она приняла тайный постриг в инокини под именем Марии и вела крайне замкнутую жизнь. Умерла Анна Александровна Вырубова в 1964 г., прожив 80 лет.

Придворная челядь

Зимний дворец был своеобразным айсбергом. Грандиозный хозяйственный механизм, включил в себя все необходимое для обеспечения жизни. Хозяйственные подразделения Императорского двора обслуживались многочисленным штатом чиновников и служителей. Причем большая часть из них проживала в непарадных помещениях императорских резиденций. Только в Зимнем дворце к моменту пожара 1837 г. проживало около 3500 человек³¹¹, главным образом прислуги.

В результате неоднократных изменений придворных штатов на рубеже XIX – начале XX вв. общее число должностей придворнослужителей в Петербурге с дворцовыми пригородами и в Москве составило около *трех тысяч человек*. В Придворной Петербургской конторе числилось 104 чиновника и 800 человек прислуги в Зимнем и Аничковых дворцах. В Царскосельском дворцовом правлении – 52 чиновника и 300 человек прислуги в Екатерининском и Александровском дворцах. В Петергофском дворцовом правлении – 40 чиновников и 245 человек прислуги в Большом Петергофском дворце, Коттедже, Ферме и Нижнем дворце. В Гатчинском дворцовом правлении 30 чиновников и

175 человек прислуги в Гатчинском дворце. В Придворно-конюшенной конторе – 57 чиновников и 656 кучеров, конюхов при 97 лошадях. В Московской дворовой конторе числилось 80 чиновников и 180 человек прислуги в Большом Кремлевском дворце. Общее число чиновников составило 363 человек, прислуги – 2356 человек³¹². Всего 2719 человек.

Великий князь Александр Михайлович упоминает в воспоминаниях цифры этого же порядка: Зимний дворец обслуживал персонал в 120 человек придворных служителей и лакеев. Александровский и Екатерининский дворцы содержал персонал

Царскосельского дворцового управления, достигавший 600 человек. Петергоф и Крымские имения также требовали большого персонала, а главное, значительного количества садовников. Все императорские резиденции обслуживало около 3000 дворцовых служащих³¹³.

На вершине этого людского айсберга находилась императорская семья, которую обслуживало множество людей. Значительную часть населения дворца составляла *придворная челядь*, или, по терминологии того времени, «*придворнослужители*». Состав придворной челяди был разнообразным. Как правило, слуги имели *специальности* или *специализации*, так или иначе связанные с обслуживанием либо само-

го дворца, либо императорской семьи. При этом степень влияния любого человека в Зимнем дворце прямо определялась степенью его близости к императорской семье.

Примечательно, что у дворцовых слуг было достаточно четкое представление о своих служебных перспективах. Поскольку в николаевской России все было жестко регламентировано, то и для придворных слуг был определен порядок выслуги чинов. В 1827 г. для них был выработан «Установление классов чинов для придворных официантов и порядок производства в оные». Под «придворными официантами» в документе имелись в виду гоф-фурьеры, мундшенки (виночерпии), кофешенки (придворнослужитель, отвечающий за приготовление не только кофе, но и всего необходимого к «кофейному столу»), тафельдекери и прочие мундкохи. В документе отмечалось, что классные чины дворцовым слугам давались еще в XVIII в., но в «Придворном штате», изданном 18 декабря 1801 г., ни кому из них «никаких классов не назначено». Николай I считал возможным вновь дать возможность дворцовым слугам выслуживать чины. Получение классного чина становилось возможным только после 10 лет беспорочной службы при императорских дворцах. Карьерным «потолком» для гоф-фурьеров и мундшенков стал 9 класс, для всех прочих – 12

класс³¹⁴.

В силу тех или иных причин законодательные нормы менялись. В декабре 1839 г. введен в оборот новый «Порядок производства в чины камердинеров, гоф-фурьеров, мундшенков, камер-фурьеров и прочих официантов»³¹⁵. Общий смысл этого документа сводился к дальнейшему ужесточению норм, связанных как с выслугой лет, так и классами чинов. Однако в России даже при Николае I, если законы принимались, то в них тут же начинали вноситься поправки. Уже в сентябре 1840 г. в Закон было внесено дополнение «О порядке производства в чины камердинеров». В дополнении к правилу о производстве камердинеров (7 декабря 1839 г. № 12954), «постановить, чтобы камердинеры по выслуге в 7 лет или вообще в официантском звании 10-ти лет производимы были в чин X класса, следующие же не далее 8 класса, награждались на общем основании с гражданскими чиновниками 3 разряда». Видимо, поводом к этой поправке стало ходатайство младшего брата царя, великого князя Михаила Павловича, по которому его камердинер Иван Павлов, пребывавший в XII классе, был произведен в X класс³¹⁶.

К началу 1850-х гг. окончательно сложился порядок карьерного роста придворнослужителей. Соглас-

но «Правил о производстве в классные чины официантов, певчих и других лиц Министерства Императорского Двора», утвержденных в декабре 1852 г. после 10 лет безупречной службы гоф-фурьерам жаловался чин IX класса. Прочие слуги могли быть удостоены чина XII класса, но это был их служебный потолок, если только они не переходили на должности камердинеров или камер-фурьеров. Камердинеры при высочайших особах при безупречной выслуге в 7 лет (и еще в официантских чинах 10 лет) производились в XII класс и могли быть производимы в следующие чины до VIII класса в установленные календарные сроки. Если слуга назначался на должность камер-фурьера из камердинеров или гоф-фурьеров, уже имея классный чин, то вместе с назначением на должность он получал чин 6 класса, но далее не производился. Примечательно, что в этих «Правилах» закреплялся кастовый, наследственный характер придворной службы. Придворнослужителям категорически запрещался переход из дворцовой на гражданскую службу. Их дети должны были служить по Придворному ведомству. Переход в другие ведомства был возможен только с разрешения министра Императорского двора³¹⁷.

Следует заметить, что некоторые из детей придворной челяди делали себе карьеру совсем по другому ведомству. «Старт» карьере давали члены Им-

ператорской фамилии, которые на свои средства давали возможность этим детям получить добротное образование. Один из мемуаристов упоминает, что во время пребывания в Москве эрцгерцога Альбрехта Александр II, обращаясь к эрцгерцогу, заметил, что «дежурными при нем в этот день были флигель-адъютант Ильинский, сын горничной сестры государя, и генерал свиты Эллис, сын горничной матери императора». При этом исполнявший обязанности походного гофмаршала, генерал Воейков, «имевший в то время звание генерала Свиты, не знал, куда деваться»³¹⁸.

Дворцовые слуги могли получать различные награды. В марте 1828 г. на «придворных официантов», выслуживших классные чины, распространено право на получение знака отличия «беспорочной службы»³¹⁹. Однако уже через два месяца против подобной практики с категорическим протестом выступил Канцлер Капитула российских орденов. Николай I принял сторону Капитула и запретил награждать «официантов» по выслуге лет орденами, но при этом разрешил носить орденские знаки тем, кто их уже имел³²⁰. Во второй половине XIX в. «официантов» вновь стали награждать медалями и, судя по фотографиям, лакеев с «иконостасами» медалей, делалось это нередко.

Императорские резиденции были своеобразными

общежитиями, жестко разделенными на зоны обитания. От императорских половин до кухонных помещений. Поэтому и дворцовые слуги, обслуживающие разные половины занимали разное положение. Безусловно, главенствующее положение занимали те придворнослужители, которые *непосредственно обслуживали императорскую семью*. Те, кто обслуживал *окружение* императорской семьи, стояли в придворной иерархии несколько ниже. Но у них имелась своя высокая цель – стремление «выбиться в люди», то есть войти в круг тех, кто топил печи на императорской половине, подавал кофе, мгновенно появлялся на звон колокольчика и выносил ночной горшок. «Ближний круг» российских императоров формировали не только слуги-аристократы, но и многочисленные простолюдины, они выкармливали их детей, накрывали на столы, готовили еду, убирали и протапливали комнаты, служили кучерами и выполняли множество других работ. Одни из них были ближе к царственной особе, другие видели царя только изредка, но все они служили при императорских резиденциях и, так или иначе, входили в «ближний круг» императорской семьи. Царские дети знали их с детства, иногда по именам. Императоры из своих «Гардеробных сумм» выплачивали им награды на дни рождения, Рождество и Пасху. Эти люди, своей работой обеспе-

чивали комфорт повседневной жизни российских императоров.

Характерной особенностью дворцовой челяди было то, что достаточно быстро, уже к началу XIX в. их работа превратилась в наследственное дело, переходившее от отцов к сыновьям. В результате сообщество придворнослужителей превратилось в почти замкнутую касту со своей этикой и жизненными ценностями. Для хозяев дворцов это было, безусловно, выгодно и удобно. Дети росли во дворцах, с малолетства впитывая все писанные и не писанные правила и обязанности. Начальство проявляло своеобразную заботу об этих детях, обучая их грамоте в придворнослужительской школе, давая им ту профессию, в которой нуждался дворец.

Штатные должности

На протяжении XIX в. штаты личной прислуги несколько раз пересматривались. Как правило, это происходило при «смене» императоров. При Николае I последний раз штаты дворцовой прислуги пересматривались 16 апреля 1851 г. В результате в *штат личной прислуги Николая I* входили 14 человек, в том числе пять камердинеров, старший камердинерский помощник, два младших камердинерских помощника, два рейнкнехта в звании камер-лакеев, два рейнкнехта в звании лакеев и два лакея.

Штат, обслуживавший жену Николая I, императрицу Александру Федоровну, был многочисленнее и сложнее по составу. Он доходил почти до 20 человек. В их число входили камер-фрау, старшая камер-юнгфера, младшая камер-юнгфера, две камер-медхен, четыре камердинера, парикмахер, камер-лакей, четыре лакея, портниха при гардеробе, гладильщица и гардеробский помощник.

При Александре II и Александре III был взят курс на уменьшение затрат для содержания Двора. Поэтому даже число личных слуг императоров несколько уменьшили. По штатам 1881 г. при комнатах императора Александра III состояли пять камердинеров (с

окладом 144 руб. в год), один старший камердинерский помощник (258 руб.), два младших камердинерских помощника (201 руб.), три истопника (по 144 руб.) и лейб-кучер (258 руб. в год)³²¹. *Всего 12 человек.*

Наряду с личными слугами императорскую семью на ее половине, так или иначе, обслуживали и *другие многочисленные слуги*. Например, по штату 1851 г. в их число входили: *два камер-фурьера, два гоф-фурьера, десять камер-лакеев, десять швейцаров, четыре камер-казака, четыре скорохода, восемь арапов* (четыре старших и четыре младших), *семьдесят пять лакеев, девяносто истопников, три фельдшера* с двумя учениками и *три парикмахера* с двумя учениками. *Всего 215 человек.* Таким образом, общий штат прислуги, обслуживавший только Николая I, императрицу Александру Федоровну и потребности императорских «половин», *составлял 249 человек.*

Штаты Придворной конторы 1881 г. в целом сохранили число *личных слуг* императорской семьи. В этом штате было уточнено число работающих на *императорской кухне*. При кухне числились *семь метрдотелей* (по 715 руб. в год), *двадцать четыре повара* (116 руб.), *сто шестнадцать кухонных работников* (116 руб. в год), *пять скороходов* (258 руб.), *восемь арапов* (четыре старших (258 руб.) и четыре младших (201 руб.)), *восемьдесят три лакея* (201 руб.), *девять*

носто *истопников* (по 116 руб.), *двадцать четыре ламповщика* (по 116 руб.). Была введена должность старшего *архитектора* с жалованьем 715 руб. в год (VIII класс по должности). В результате штат прислуги, обслуживавший императорскую половину, увеличился до 358 человек.

Следует подчеркнуть, что, поступая на службу в императорские резиденции, слуги давали «Клятвенное обещание», форма которого сложилась еще в 1730 г.: «Понеже Ее Императорское Величество всемилостивейше соизволила меня в придворную службу в <....> принять и определить, того ради обещать и клянусь всемогущим богом во всем и всегда следовать моей должности... живота своего не щадить. Такожде все что мне и в моем надзирание поведено со всякою молчаливостью тайно содержать и, кроме того, кому необходимо потребно не объявлять и о том, что при дворе происходит и я слышу и вижу, токмо тому, кто об оном ведать должен, никогда ничего не сказывать и не открывать ...В чем я целую Евангелие и Крест спасителя моего; к вящему же моего обещания подтверждению сию присягу своеручно подписную»³²².

Старшие придворные чины: обер-гофмаршал, гофмаршал, камер-фурьеры и гоф-фурьеры

История формирования многих придворных чинов весьма причудлива и имеет свою историю. На протяжении XVIII в. многие придворные чины со временем изменили свой класс. К концу XVIII в. завершается процесс «блуждания» придворных чинов по классам «Табели о рангах». Они были закреплены придворным штатом от 30 декабря 1796 г.

Иерархия придворных чинов, отвечавших за ведение огромного хозяйства Императорского двора, начиналась с должности *обер-гофмаршала*. Этот придворный чин соответствовал II классу «Табели о рангах». Это была ключевая фигура, принимавшая стратегические решения, связанные с содержанием и развитием дворцового хозяйства. По должности обер-гофмаршал ведал и придворными служителями. Последними сановниками, занимавшими эту должность, были князь А.С. Долгорукий (1899–1912 гг.) и граф П.К. Бенкендорф (1912–1917 гг.).

Не всегда, однако, обладатели придворных чинов назначались на «профильные» придворные должно-

сти. Известны случаи, когда на эти должности назначались не придворные, а военные чины (даже не имевшие дополнительно придворных чинов). При вступлении Александра III на престол гофмаршалом назначается полковник и флигель-адъютант князь В.С. Оболенский. После его внезапной кончины на эту должность пригласили Свиты Его Величества генерал-майора графа А.В. Голенищева-Кутузова (ранее занимавшего пост военного агента в Берлине), сестры которого давно состояли фрейлинами при жене Александра III Марии Федоровне. На место умершего Голенищева-Кутузова назначили графа П.К. Бенкендорфа, имевшего на то время лишь чин капитана. В результате придворная должность гофмаршала со временем принесла ему звание генерал-адъютанта.

Должность *гофмаршала*, соответствовавшая придворному чину *III класса*, существовала при Императорском дворе относительно недолго: с 1891 по 1912 г. С 1891 по 1899 г. гофмаршалы возглавляли Гофмаршальскую часть Министерства Императорского двора, затем с 1899 г. руководство этой структурой перешло в руки обер-гофмаршалов.

Важнейшим преимуществом придворных чинов считалось то обстоятельство что их обладатели имели возможность постоянно и тесно общаться с представителями царствующего дома. Хорошо зная ситуа-

цию, государственный секретарь А.А. Половцов в разговоре с Александром III имел все основания сказать: «У нас в России всегда будет сильно слово того человека, который имеет к Вам личный доступ».

Непосредственным и повседневным руководством хозяйственными структурами Императорского двора занимались *камер-фурьеры*. Именно они были «рабочими лошадками», делавшими всю черновую работу. В обязанности камер-фурьеров входило ведение особых камер-фурьерских журналов, в которых изо дня в день отмечались все события при Императорском дворе. Камер-фурьеры награждались *чином V класса* без права дальнейшего производства.

Далее в придворной иерархии чинов шли *гоф-фурьеры*, они непосредственно руководили всем штатом прислуги. Гоф-фурьеры получали *чин IX класса* через 10 лет службы и далее в чины не производились. Чины *камер-фурьера* и *гоф-фурьера* считались не придворными, а при Высочайшем дворе. Именно на гоф-фурьеров, кроме прочего, возлагалась ответственность за «целость и чистоту мебели и убранства в Зимнем дворце»³²³.

Некоторые из гоф-фурьеров в силу близости к императорам пользовались влиянием, несмотря на свое относительно скромное положение в дворцовой иерархии. Например, в период правления Александра III

обязанности гоф-фурьера выполнял РН. Ингано. На множестве хозяйственных документов, хранящихся в архиве (РГИА), остались его подписи на многочисленных хозяйственных счетах. В Александровском дворце Царского Села в мемориальном кабинете Александра III вплоть до начала 1930-х гг. на одной из стен висела картина с подписью «Столовая наследника в Берестовце с портретом буфетчика Романа Николаевича Ингано. 1877/78 гг.». Как свидетельствует из подписи, Ингано сопровождал цесаревича на Русско-турецкой войне, а это не забывается.

Во время войны буфетчика еще попросту звали Remond'ом и в Руцукском отряде он проявлял чудеса энергии. В августе 1877 г. великий князь Сергей Александрович отметил «великолепный завтрак», при организации которого «Remond отличился, нас было за столом около 80 человек»³²⁴. О нем упоминает в «Письмах с Руцукского отряда» и граф С.Д. Шереметев: «14 июля 1877 г. Вчера приехал сюда флигель-адъютант Чингиз-хан и аничковский Remond Ingano»³²⁵. В сентябре 1877 г. Remond кормил великих князей за ужином шампиньонами, которых «замечательно приготовил»³²⁶.

Колоритное описание Ингано оставил чиновник Министерства Двора В.С. Кривенко. Тогда обер-гофмар-

шалом был Э.Д. Нарышкин, сын многолетней любовницы Александра I, и камер-фурьер по хозяйственной части Ингано «всегда юлил и неумолчимо тараторил по-французски с заметным итальянским произношением ... Небольшого роста, черный как жук, с длинными бакенбардами и бритыми усами, кругленький, в синем вице-фраке итальянец. Подкарауливал Нарышкина, старался не оставлять его одного и на правах не то прислуги, не то не то знатного иностранца, не признававший для себя закрытых дверей. Ингано когда-то служил метрдотелем у гр. Воронцова-Дашкова и обошелся ему дорого, затем переходя от одного вельможи к другому до Аничковского дворца ко двору наследника и здесь сумел укрепиться. Со вступлением на престол Александра III он перешел к Большому Двору, где быстро акклиматизировался, постиг все уловки придворнослужителей и познал все возможности благополучия, открывавшиеся для сметливого, находчивого камер-фурьера по хозяйственной части с неограниченными точно обязанностями и правами. Он не справлялся, уполномочен ли на такую-то бумагу или на такой-то заказ, а действовал, свершал. В случае запроса слышалось его авторитетное, смело-решительное объяснение необходимости поступить именно так, как сделал он. Ингано забежал со своими докладами не только к Нарышкину и Ворон-

цову, но и в царские комнаты. Ходили слухи, что камер-фурьер стал загибать большие деньги не только на кухонных доходах, но и на разного рода суточных, кухонных, свечных и других выдачах из имевшегося у него аванса, для удовлетворения, так сказать, неотложных запросов дня. Разные мелкие чины, командированные в Гатчину или Петергоф, ... а также придворнослужители строили свое временное благополучие на добавочных придворных суточных. Более проворные, не стеснявшиеся, шли на поклон к Ингано, который снисходил к просьбам, устраивал им денежные отпуска по своему усмотрению. Наиболее предприимчивые получали порционные и деньгами и натурой, смотря по благоволению Ингано.

У нас, у русских, легко накладывается клеймо казнокрадов на людей, стоящих близко к хозяйственным операциям. Зная эту национальную повадку, я с особой осторожностью отношусь к подобным слухам. Мне сдавалось, что Ингано руководило не коростылюбие, а жажда власти. Он наслаждался возможностью оказывать покровительство офицерам, чиновникам; горделиво, с высоко поднятой характерной головой, этот не вполне удавшийся Рюи Блаз, скользил по дворцовому паркету, величаво принимая низкие поклоны придворнослужителей, казаков, фельдъегерей и как свой человек входил к министру, появлял-

ся перед царем. Сколько я мог понять честолюбивого итальянца, все это его тешило, но далеко не удовлетворяло; по некоторым намекам можно было думать, что у него роятся планы о расширении поля своей деятельности, связанной пока лакейским в сущности официальным его положением. Его подрезала хроническая болезнь, он должен был покинуть службу и вскоре умер»³²⁷.

В результате Ингано сделал довольно успешную служительскую карьеру – лакей, буфетчик, рейнкнехт, гоф-фурьер. После смерти Александра III некоторое время служил камердинером Николая II. Как мы видим, главным «трамплином» для карьерного «рывка» честолюбивого Ингано стала должность царского буфетчика, максимально приблизившая его «к телу» будущего императора.

Камердинеры

К числу придворных служителей-специалистов относились *камердинеры* и *официанты*: *мундшенки* (виночерпии), *кофешенки*, *кондитеры*, *тафельдеке-ры* (накрывающие стол) и пр. Обычно им присваивали чин XII класса.

Наряду с гоф-фурьерами наиболее близко в повседневной жизни с российскими императорами были связаны их *личные камердинеры*. Для мемуаристов это достаточно безликие фигуры и в документах упоминаются, в лучшем случае, только их имена. Однако при жизни монархов они были довольно хорошо известны ближайшему окружению, поскольку все они жили буквально рядом с царем и вольно или невольно посвящались в самые интимные стороны жизни императорской семьи. Это были весьма осведомленные люди, и при этом они пользовались расположением и полным доверием правящей семьи. Как правило, служба их носила пожизненный характер, в том смысле, что служили они или пока были живы сами, или пока был жив их господин. После смерти монарха они, как правило, уходили на покой или переходили «по наследству» к преемникам умершего монарха.

Российские императрицы, как правило, немки по

происхождению, привозили камердинеров со своей родины. Число «привозных» слуг было очень ограниченным, но поскольку они все оставались при дворцах, то со временем в дворцовом штате появилось много слуг с немецкими фамилиями. Это были обрусевшие дети немецких слуг, вывезенных в Россию с немецкими невестами. Например, в числе камердинеров императрицы Марии Александровны (жены Александра II) упоминается некто Грюнберг.

Камердинеры российских императоров подбирались по иному принципу. Как правило, камердинерами российских монархов становились слуги, ухаживавшие с детства за будущими царями. Это был традиционный тип «дядьки» при ребенке, подростке, юноше, а затем и царе. Между царем и камердинером устанавливался особый род «полусемейных» отношений, когда камердинер наедине мог и «ругнуть» или «поворчать» на своего подопечного. Если такой старый слуга умирал, это становилось мимолетным, но, тем не менее, семейным событием.

Камердинеры появлялись в штате великих князей по достижении ими семи лет. Например, в 1853 г., когда формировался штат семилетнего великого князя Сергея Александровича (пятого сына Александра II), то его камердинером стал старый унтер-офицер Тимофей Хренов, служивший при императорских детях

с 1848 г. Одно из последних упоминаний о Тимофее Хренове относится к 1877 г., когда «старик Хренов» сопровождал на Дунайских фронт 17-летнего великого князя Павла Александровича³²⁸. К этому времени дворцовый «стаж» военного дядьки составлял как минимум 30 лет.

Вторым камердинером великого князя стал некто Датский, о котором один из воспитателей великого князя писал, что он «был сначала хорош, умел слушать, смотрел за имуществом, но потом он загордился, зазнался и был всегда несносен и к великим князьям, и ко мне»³²⁹.

Когда наследник-цесаревич Николай Александрович в 1891 г. отправился в кругосветное плавание, то Александр III в письмах регулярно сообщал сыну семейные новости. В апреле 1891 г. он упомянул в письме к сыну, что «умер мой бедный гардеробщик Брылов!»³³⁰. А ранее, в одном из писем, Александр III просил сына кланяться «от меня Радцигу и Шалберову»³³¹. Радциг и Шалберов были камердинерами Николая II с его детских лет.

Когда в октябре 1913 г. Радциг умер, Николай II записал в дневнике (3 октября 1913 г.): «Вчера в Петербурге скончался мой старый верный друг – Радцих, прослуживший у меня лично с 5 мая 1877 года!». Из

текста следует, что Радциг был одним из дворцовых слуг «со стажем», поскольку он служил царю «лично» только с 1877 г., то есть на протяжении 36 лет! У Николая II имелись все основания назвать камердинера «старым верным другом», поскольку он «ходил» за Николаем II с 9-летнего возраста и умер, когда его «воспитаннику» исполнилось уже 45 лет.

С конца 1840-х гг. у старшего сына Александра II, великого князя Николая Александровича, служил камердинером некто Костин. Он оставался на службе буквально до последнего дня жизни цесаревича – до апреля 1865 г. После смерти цесаревича Костин стал камердинером Александра II.

Граф С.Д. Шереметев в своих воспоминаниях несколько страниц посвятил камердинерам Александра III, что достаточно редко встречается в мемуарной литературе, поскольку «на фоне» царя фигура камердинера, по мнению многих, достойна в лучшем случае только мимолетного упоминания. Мемуарист пишет, что он «остановился на камердинерах потому, что это вовсе не ничтожно. Характер человека познается всего лучше людьми, занимающими такие должности»³³². Граф пишет, что он застал в 1860-х гг. при Александре III старого камердинера его детства Кошева: «Толстый, неповоротливый старик, вечно не в духе он отличался враждебностью ко всем адъютан-

А.Е. Трупп

После смерти камердинера Кошева его место занял Миллер, «добродушнейший человек и добрейший». Он уже при Кошове считался вторым камердинером, на его же место поступил Вельцын. Оба они все-

го более оставались при Александре Александровиче. Последний в особенности хорошо изучил его привычки и был чрезвычайно сметлив, ловок, энергичен и догадлив. Совершенная противоположность ему был Миллер. Камердинер – лицо очень значительное для адъютанта. Через него иное докладывается, через него передаются иного вещи или письма и сметливый камердинер всегда удобен. Он знает, когда и в какое время доложить, чего никак не соображал добрейший Миллер. К нему Цесаревич и Цесаревна относились всегда чрезвычайно ласково, ценя в нем действительное радушие. Когда у него сделался рак в носу, он еще больным долго продолжал свою службу. На носу у него висела тряпочка и впечатление было тяжкое, но, не желая его огорчить, его не отдаляли до последней возможности. Цесаревич искренне был огорчен его кончиною. Бывало, спросишь Миллера: «Доложите, нужно видеть Его Величество». «Теперь нельзя, – мягко отвечает он. – Они заняты, они в wassercloset». Он иначе не говорил, как «васерклозет». Вельцин был всегда со мною очень вежлив и никогда не позволял себе никаких выходок, свойственных иногда царским камердинерам. Вообще, должен сказать, что общий характер прислуги цесаревича всегда был вежливый. Наоборот, прислуга цесаревны склонна к грубости.

Т.Н. Чемодурое

Между последними первое место по значению и нахальству занимал Дине. Женившись на ее девуш-

ке (привезенной из Дании), известной Nitmann, он занял присущую позицию. Вельцин сопровождал цесаревича в поход 1877 г. и там был безукоризнен. Последним камердинером был Гемпель (после смерти Вельцина), который ухаживал за цесаревичем в последнюю болезнь. Простой и добрый человек, я видел его в роковую минуту; на нем лица не было.... Я остановился на камердинерах потому, что это вовсе не ничтожно. Характер человека познается всего лучше людьми, занимающими такие должности. В данном случае должность эта трудная, даже ответственная. Та же ровность отличала цесаревича и по отношению к прислуге, так и звучит у меня в ушах громкий, отчетливый голос, раздающийся из походной кибитки: «Вельцин!». Последний являлся с неумолимою точностью и невозмутимым спокойствием»³³⁴.

О камердинере Александра III Вельцине было достаточно широко известно в Петербурге. Более того, камердинер, как фигура близкая к царственному «телу», воспринимался как человек «с влиянием». Одна из мемуаристок упоминает в дневнике (30 ноября 1889 г.): «Камердинер государя Вельцин пользуется царским большим доверием, творит много добра, но государь ему всегда говорит: «Чтобы Воронцов не знал»»³³⁵. Под «Воронцовым» имеется в виду ближайший соратник Александра III, министр Импе-

раторского двора граф И.И. Воронцов-Дашков. И ме-
муаристка, конечно, преувеличивая, ставит влияние
царского камердинера на одну доску с всесильным
министром Императорского двора. Возможно, имен-
но Вельцина имел в виду Государственный секретарь
Половцев, приводя следующий эпизод (1891 г.): «Ка-
ково мое удивление, когда в конце одного из таких
вдоль по комнате хождений я вижу, как Воейков (ге-
нерал-адъютант, приехавший с всеподданнейшим до-
кладом вместо больного Рихтера, коего он исполняет
обязанности) нежно обнимает и целует какого-то че-
ловека, который оказывается камердинером госуда-
ря»³³⁶.

Камердинеры занимали свои должности практиче-
ски до смерти. На их немощность закрывали глаза за
их верную многолетнюю службу. Фактически за них
работало «подрастающее поколение», которое, на-
до заметить, молодым назвать было трудно. Еще до
смерти Радцига в 1913 г. у Николая II появились но-
вые камердинеры: Никита Кузьмич Тетерятников; Те-
рентий Иванович Чемодуров (1849–1919) и Алексей
Егорович Трупп (1856–1918). Как известно, камерди-
нер А. Е. Трупп был расстрелян вместе с царской се-
мьей в подвале Дома Ипатьева в Екатеринбурге в ию-
ле 1918 г. и в настоящее время он покоится вместе со
своими хозяевами в усыпальнице Петропавловского

собора.

Придворные арапы

Одной из самых экзотических должностей при Императорском дворе была должность придворного арапа. Традиция включение арапов в число дворцовой челяди европейских монархических дворов восходит ко временам Крестовых походов. Именно с того времени, мощные темнокожие телохранители в роскошных одеждах стали неотъемлемым атрибутом торжественных дворцовых приемов. В России при царском дворе арапы, видимо, появились еще во второй половине XVII в. К началу XVIII в. их присутствие при Дворе стало уже традицией. «Арапов» дарили русским царям восточные владыки, их вывозили из Европы русские вельможи.

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля указывается, что арап – это «по природе, по племени чернокожий, чернотелый человек жарких стран, особенно Африки», и подчеркивалось, что «арапа нельзя смешивать с арабом». Одновременно В.И. Даль приводил второе значение этого термина: «При дворе – это должность, занимаемая иногда и белым служителем; придверник, припорожник». Это очень примечательное уточнение. Дело в том, что содержание дворцовых арапов было весьма высоким

и поэтому многие белые придворнослужители стремились стать «черными» и занять должность арапа. Вероятно, в этом случае вопрос решался с помощью банальной сажи или каких-либо красителей. Весьма примечательным и то, что при Петре I для толковых арапов открывались и карьерные возможности. Всем известна судьба «арапа Петра Великого» – Ганибалла, тот стал генерал-аншефом, инженером и дворянином.

Надо подчеркнуть, что вплоть до 1917 г. арапы оставались диковиной, которую можно было увидеть во всем блеске только при Императорском дворе. Мемуаристы, описывавшие последние годы и дни существования Императорского двора, почти в обязательном порядке упоминали о дворцовых арапах. Причем, следует иметь в виду, что это были люди, не раз бывавшие или постоянно жившие при Императорском дворе. Фрейлина императрицы Александры Федоровны баронесса С.К. Буксгевден упоминает, что «чернокожие слуги, одетые по восточному образцу, придавали всему особый экзотический блеск»³³⁷. А.А. Вырубова упоминает «арапа Jimmy», который стоял за стулом императрицы «в белой чалме и шитом платье», когда она работала на санитарном складе во время Русско-японской войны: «Арап этот был одним из четырех абиссинцев, которые дежурили у дверей поко-

ев Их Величеств. Вся их обязанность состояла в том, чтобы открывать двери»³³⁸.

Депутат Государственной думы, монархист В.В. Шульгин, описывая свой визит в Александровский дворец Царского Села, упоминает, как «отворилась дверь, арап, сверкнув белой чалмой над черным лицом, колыхнул широкими шароварами... Он сказал негромко, но картаво: Государь император...»³³⁹.

Таким образом, арапы придавали Императорскому двору неповторимый блеск. Поэтому, как диковине, арапам создали весьма льготные условия для несения дворцовой службы. С XVIII в. и до 1917 г. у арапов была самая роскошная придворная форма. Например, весной 1722 г. Петр I «указал сделать... арапу Петру Сундукову кафтан, камзол и штаны суконные красные с позументом – за 28 руб.». В конце XIX в. при Александре III стоимость парадного обмундирования арапов была самой высокой из стоимости форменной одежды всей придворной челяди. Их платье обходилось казне в 543 руб. (башмет верхний, нижний, жилет, шаровары, шапочка, кушак и штиблеты). По стоимости к этому набору приближался только парадный мундир камер-фурьера (408 руб.) и камер-казака Его Величества (418 руб.). Надо отметить, что камер-фурьеры и камер-казаки занимали высокое положение среди придворной челяди. Первые командовали всей

придворной прислугой, а вторые были телохранителями монархов, повсюду сопровождая их.

«Арапы» – одна из немногих категорий дворцовой челяди, получавшая жалованье в денежной форме. Жалованье традиционно было достаточно высоким. Для остальных категорий дворцовых слуг, многие из которых являлись потомственными придворнослужителями, жалованье ввели только в 1859 г. При Екатерине II: «Арапы: Иозиф Мартынов, Аджи Семенов, Канбар Иванов, Абрам Петров, Петр Петров» получали по 30 руб. в год. При Александре III «старшие арапы» получали жалованье в 258 руб. в год, а «младшие арапы» – 201 руб. в год³⁴⁰. Для сравнения, такое же жалованье получал старший камердинерский помощник Александра III и его лейб-кучер³⁴¹. В Министерстве Императорского двора жалованье служащих высоким не было. В 1881 г. в штатах Министерства упоминались и такие оклады: чиновнику – 115 руб. в год, придворному служителю – 43 руб.³⁴²

Служба у арапов носила «представительский» характер и не требовала особой квалификации. Хотя, вероятно, и у них имелись свои сложности. Во время церемонии коронации Екатерины I «при дверях каретных были по обеим сторонам по одному пажу и по одному арапу». Во время торжественных дворцо-

вых церемоний именно арапы открывали двери перед российскими монархами. Маленькие «арапчата» были своеобразными «игрушками» женской половины дворца. Именно поэтому в обиход вошли статуэтки, изображавшие русских императриц в сопровождении «арапчонков». Самой известной из них является работа Карло Бартоломео Растрелли «Анна Иоанновна с арапчонком». Известны картины, на которых Елизавета Петровна и Екатерина II изображены с «арапчатами». Можно отметить, что в XVIII в. арапы стали неотъемлемой частью жизни императорских резиденций. Это проявилось и в том, что один из залов Зимнего дворца был назван Арапским.

Неизвестный художник. Портрет Елизаветы Петровны. 1740-е и.

При Екатерине II арапов включили в штатное расписание придворных чинов. Двадцать человек арапов – достаточно значительное число. При заполнении вакансий были трудности, поскольку не все кандидаты удовлетворяли предъявляемым требованиям. Поскольку служба арапов носила представительский характер, то при найме на службу, прежде всего, обращалось внимание на рост и цвет кожи. Рост – чем больше,

тем лучше, цвет – чем чернее, тем лучше. Поскольку арапы несли службу в непосредственной близости от монархов, они должны были отказаться от «языческих» верований и принять христианское исповедание. Конечно, приветствовалось принятие православия, но не возбранялась и католическая вера. Кроме этого, кандидатов внимательно проверяли на вредные привычки, проверяли медики, проверяли дворцовые спецслужбы. В 1855 г. отказано персидскому подданному в поступлении в число арапов³⁴³.

С принятием штатного расписания неизбежно возникала проблема «текучки кадров». Вакантные места арапов требовалось постоянно пополнять, что в свою очередь, создавало определенные трудности. Для сохранения «породы» на службу, конечно, принимались «природные» арапы. В 1786 г. в Зимний дворец было приняты на службу «араб Яну и арапчонок Алмаз»³⁴⁴.

А в 1837 г. умер дворцовый арап с экзотическим именем Жан Луи Робинзон³⁴⁵. Их имена свидетельствуют о причудливом жизненном пути, на котором они обрели эти имена. Можно предположить, что «араб» Яну был выходцем из стран Ближнего Востока, а Жан Луи Робинзон либо родился во Франции, либо вывезен из французских колоний.

Но самым надежным и традиционным путем решения этой проблемы было наличие постоянного «кадрового резерва». Поэтому дети природных арапов, родившиеся и выросшие при Дворе, естественным образом вписывались в «придворную среду» дворцов. Они хорошо знали язык и требования службы, входили в среду «детей придворнослужителей», из которой черпались новые и новые поколения дворцовой челяди. При Николае I на службу во дворец был взят арап Александр Алексеев³⁴⁶. Поскольку «сословие» придворнослужителей к этому времени превратилось в замкнутую касту, можно с уверенностью предположить, что это сын или внук настоящего природного арапа, долгое время прожившего в России, женившегося и принявшего православие.

Брали на службу в арапы и «со стороны». Преимущественно это были негры, которые оказывались в Петербурге, приплыв на кораблях из США. Первым таким арапом стал камердинер посланника США при

Российском императорском дворе в 1810 г.

М. Зичи. Передняя в Екатерининском дворце Царского Села. 1865 г.

Видимо, новость о выгодных вакансиях при Императорском дворе стала быстро известна в портовых городах США. Вслед за камердинером в Россию устремились другие искатели приключений. Как правило, негры нанимались на редкие корабли, следовавшие с грузами в Санкт-Петербург. По прибытии в северную столицу они бежали с кораблей в поисках лучшей доли. Вероятно, новые арапы были столь «качественными», что капитанам американских кораблей дворцовые службы даже компенсировали убытки от потери членов экипажа. Заинтересованность Российского императорского двора в новых арапах была столь велика, что арапам даже позволялось вывозить из США свои семьи и посещать свою родину во время отпусков. В результате арапы, выходцы из США, заняли прочное место в дворцовой иерархии придворнослужителей.

Со временем штатное расписание арапов резко сократили. По штатам «Придворной Его Императорского Величества конторы и подведомственной ей части», утвержденным 16 апреля 1851 г. Николаем I, при Дворе полагалось иметь только четырех старших и четырех младших арапов³⁴⁷. Всего восемь человек. Под «младшими» арапами имелось в виду должност-

ное положение, а не возраст. «Арапчонков», которых так любили изображать придворные живописцы на своих полотнах в XVIII в., в XIX в. при Дворе уже не было. В дворцовом делопроизводстве их называли по-разному; если для документации XVIII в. характерно традиционное написание – арап, то уже в XIX в. их называют «арабами». Штаты Придворной конторы, утвержденные в 1881 г., сохранили должности арапов, в том же количестве (8 «штатных единиц»).

На рубеже XIX – начала XX вв. во время торжественных церемоний огромные арапы продолжали восхищать приглашенных. Когда в начале 1905 г. Николай II превратил Александровский дворец Царского Села в свою постоянную резиденцию, то туда перенесли и все дворцовые службы, в том числе и арапы. Поскольку после 1904 г. все дворцовые церемонии были сведены к минимуму, то в Александровском дворце осталось только четыре арапа. Там они дежурили по две недели, по два человека. Для двух дежурных арапов в подвале дворца выделили специальную жилую комнату (№ 35).

Упоминал об арапах и Морис Палеолог, бывший в 1914–1917 г. послом Франции в России. Описание им этих «причудливо разодетых» арапов или, как он их именует, «эфиопов», обряженных «в мешковатые красные штаны, черные куртки, белые тюрбаны и жел-

тые туфли», полностью соответствует воспоминаниям великой княгини Ольги Александровны, в памяти которой сохранилась еще одна дополнительная деталь – «золотая тесьма на черных куртках». Именно в таких одеяниях изображены арапы в интерьерах Зимнего дворца на картине: «Ротонда» (1834 г.), акварелях К.А. Ухтомского «Большая Арапская столовая» (1860-е гг.) и Л. Премацци «Белый зал» (1865 г.).

К арапам проявляли неподдельный интерес и взрослые люди. 27 августа 1914 г. впервые Александровский дворец Царского Села посетила женщина-хирург Вера Игнатьевна Гедройц. Она была приглашена во дворец для чтения лекций императрице Александре Федоровне и ее дочерям, которые проходили ускоренный курс сестер милосердия. Естественно она волновалась. В своем дневнике отметила, что «перед началом первой лекции меня интересовал вопрос совсем отвлеченный, а именно – увижу ли я арапа. Арапа, занимавшего очень мое воображение в детстве. Дело в том, что матушка моя, окончив Смольный институт, часто рассказывала нам, детям, о посещении ею дворца, где большое впечатление на нее произвели прислуживавшие там арапы в красных одеждах. И в наших детских беседах эти арапы играли большую роль, каждый представлял их себе по-своему, даже ссорились мы, помню, из-за них». Ожидания не обма-

нули взрослую, много повидавшую женщину: «Его самого я увидела, как только вошла в обширную переднюю с камином, стены которой были убраны рогами убитых на охоте лосей. И арап был как раз соответствовавший моему детскому представлению, очень черный, с темными губами, в яркой алой куртке и таких же панталонах, с длинным ятаганом у пояса. Я бы долго смотрела на этого героя моей детской сказки, но он заговорил, и хорошим русским языком, и этим нарушил очарование».

Для М. Палеолога арапы, после Февральской революции 1917 г., стали одним из символов уходящей императорской России. В дневнике он писал: «У Летнего сада я встречаю одного из эфиопов, который караулил у двери императоров и который столько раз вводил меня в кабинет к императору. Милый негр тоже надел цивильное платье, и вид у него жалкий. Мы проходим вместе шагов двадцать; у него слезы на глазах. Я говорю ему несколько слов утешения ижимаю ему руку. В то время как он удаляется, я следую за ним опечаленным взглядом. В этом падении целой политической и социальной системы он представляет для меня былую царскую пышность, живописный и великолепный церемониал, установленный некогда Елизаветой и Екатериной Великой, все обаяние, которое вызывали эти слова, отныне ничего не означаю-

щие – «русский двор»».

Камер-казаки

Первых лиц Российской империи «по должности» окружали телохранители. При этом плотность кольца личной охраны менялась в зависимости от сложности внутривластной ситуации в стране. Охраной царя занимались разные подразделения государственной охраны, но, пожалуй, ближе всего «к телу» охраняемой особы находились так называемые «камер-казаки», которым по должностным инструкциям, необходимо было неотлучно находиться рядом с охраняемым лицом.

Упоминания о камер-казаках, состоявших при царственных особах, встречаются еще в документах второй половины XVIII в. В 1826 г. во время коронации Николая I в коронационном кортеже следовали камер-казаки. Однако в штат дворцовой прислуги их внесли только при Николае I. Появление казаков в ближайшем окружении Николая I было связано с Польским восстанием 1831 г., после разгрома которого в среде польских инсургентов (мятежников) вызревают идеи цареубийства. Судя по документам, идею завести казаков-телохранителей подсказал царю один из его ближайших сподвижников – граф И.Ф. Паскевич-Эриванский, который с 1828 г. командовал

Отдельным Кавказским корпусом. Граф Паскевич за время своей недолгой службы на Кавказе неоднократно лично убеждался в высочайшей боеспособности и личной преданности терских и кубанских казаков. В результате 12 октября 1832 г. в составе Собственного Е.И.В. конвоя образовали команду

Кавказских Линейных казаков. Команда набиралась из состава Сборного Линейного казачьего полка, который воевал в Польше и находился в ведении Главнокомандующего армией графа Паскевича-Эриванского³⁴⁸.

По штату в команде (эскадроне) было два офицера, четыре урядника и 24 терских казака. Осенью 1832 г. эскадрон Терских казаков Собственного конвоя уже патрулировал петергофские парки, где располагалась летняя резиденция Николая I. К 1833 г. сложился определенный порядок службы, появились четко фиксированные посты. Во время охраны петергофского парка один пост располагался «у домика» на берегу Финского залива по пути в Александрию, другой – у Монплезира, третий – у павильона Марли, четвертый нес суточный наряд в Александрии. Во время прогулок императора казаки заранее расставлялись по маршруту с целью его охраны.

Некоторое время спустя, из состава Терского эскадрона, начали выбирать так называемых «комнатных

казаков, или камер-казаков»³⁴⁹. Начало этой практике положено в мае 1835 г., когда Николай I, отправляясь за границу, повелел командировать вслед за собой урядника Подсвиорова и казака Рубцова, которые все время пребывания царя в Богемии находились при нем. В 1836 г. урядника Подсвиорова определили к Высочайшему двору камер-казаком. Именно с него началась традиция нахождения «личников» – телохранителей при особе царя. По свидетельству А.Х. Бенкендорфа, Подсвиоров выделялся «отличным поведением, трезвостью, а в повиновении начальству всегда служил примером своим товарищам, а с тем вместе росту очень большого и наружности самой удовлетворительной»³⁵⁰.

После того как в составе Собственного конвоя появился Кубанский эскадрон, камер-казаков стали выбирать и из него, попеременно меняя эскадроны. Со временем сложился жесткий порядок, согласно которому, императору, цесаревичу, «действующей» и вдовствующим императрицам полагалось по два камер-казака, которые жили и дежурили при дворце в режиме «неделя – через неделю».

Выбирали их весьма тщательно. Поскольку служба при Дворе, как правило, сводилась к представительским задачам, то в первую очередь отбирали казаков красивых, высокого роста с окладистыми бородами.

Именно такие громадные бородатые казаки запомнились Европе в ходе заграничных походов русской армии в 1813–1814 гг.

А.К. Зауреев. Ахметка, карлик Николая I. Конец 1830-х гг.

Поскольку казаки служили при Дворе, то для них завели роскошную парадную и повседневную форму. Парадная форма, как и у всего Собственного конвоя, алого цвета. Повседневные черкески – синего цвета. Кроме этого имелись и другие варианты униформ. Как вспоминал камер-казак Т. Ящик: «У нас было много очень красивых униформ и большие серые военные шинели, подбитые медвежьей шкурой, что делало их настолько похожими на генеральскую форму, что офицеры и солдаты часто отдавали нам честь, когда встречали на улице»³⁵¹.

В условиях политической стабильности в период правления Николая I камер-казаки постепенно превратились в «служителей для выезда на запятках». Но при этом они прочно вошли в «ближний круг» императорской семьи, постоянно «по должности», находясь рядом со своими «хозяевами». По штатам 1851 г. в личную службу императорской семьи (всего 215 чел.) входили и четыре камер-казака. Однако даже в период правления Николая I для них периодически находилась «работа». Одна из дочерей Николая I Ольга Николаевна упоминает, что когда они с матерью, императрицей Александрой Федоровной, находились на отдыхе в Палермо, ее напугали православ-

ные бурсаки, перелезшие через забор царской виллы. На крик великой княжны немедленно примчались камер-казаки и быстро «разобрались» с недисциплинированными подданными.

Функции камер-казаков как телохранителей в полной мере восстанавливаются в конце 1870-х гг., в условиях политического террора, навязанного правительству «Народной волей».

Медаль за службу в Собственном конвое имп. Александра III

После разгрома «Народной воли» в начале 1880-х гг. при Александре III должность камер-казака отнесли к так называемому «подвижному составу» Гофмаршальской части. Другими словами, камер-казakov уравнили с камердинером, гардеробским помощником и лакеем I разряда. Это связано с тем, что из трагических событий 1 марта 1881 г. извлекли уроки. В

1880-х гг. вокруг Александра III создается квалифицированная многослойная система охраны, в которую камер-казаки «не вписывались», поскольку они были только пышной частью царской свиты. В штатных расписаниях 1891 г. и 1902 г. при комнатах вдовствующей императрицы Марии Федоровны и императрицы Александры Федоровны числились по три камер-казака. Годовое жалованье каждого их камер-казачков составляло 418 руб. 14 коп. в год. Но при этом делались дополнительные выплаты и подарки на Пасху и Рождество, дни рождения и т. п.³⁵²

Некоторые мемуаристы только машинально отмечали присутствие камер-казачков поблизости от российских императоров. С.Ю. Витте, описывая в мемуарах одну из встреч Александра III с будущим германским императором Вильгельмом II, писал: «Когда поезд принца Вильгельма подходил к платформе, где стоял император, то Александр III снял шинель и отдал ее своему лейб-казаку, *все время находившемуся недалеко от государя* (выделение мое. – И. З.)»³⁵³. Во время коронации 1896 г. камер-казаки в алой парадной форме ехали на запятках царских карет. Вдовствующую и действующую императриц сопровождали их личные камер-казаки³⁵⁴.

Фигурка А. А. Кудинова

Биографии некоторых из камер-казаков известны. Связано это с разными обстоятельствами. Так, в 1912 г. образ одного из камер-казаков Марии Федоровны стал темой камнерезной фигурки, изготовленной Генрихом Вигстремом, одним из ювелиров торгового дома Карла Фаберже. По личному заказу Николая II Генрих Вигстрем вырезал из камня фигурку камер-казака А.А. Кудинова в подарок для вдовствующей императрицы. Эта фигурка, высотой 19 см, обошлась Николаю II очень дорого – в 2300 руб. Поводом для ее изготовления стал юбилей камер-казака, который занимал свою должность при императрице Марии Федоровне 35 лет, с 1878 по 1912 г. В настоящее время эта драгоценная вещица «от Фаберже» храниться в Павловском дворце-музее. В память о юбилее на правой подошве фигурки камер-казака вырезана его фамилия, имя и дата «1912», а на левой подошве надпись «камер-казак с 1878 г.»³⁵⁵. Важно отметить, что в процессе работы казаки позировали в студии и мастеру Г. Вигстрему удалось достичь портретного сходства. Форма казака также отражает мельчайшие нюансы придворного обмундирования камер-казаков. Камер-казак императрицы изображен в выездной праздничной форме: в шубе из темно-зеленого нефрита (имитирующего сукно), с опушкой из

коричневого обсидиана (имитация меха выдры) и гербовым басоном из накладного золота. На казачьем поясе из лазурита, шаровары из темно-зеленого нефрита с галуном из накладного золота; кивер из черного обсидиана со шлыком из лазурита с галуном, кутасом, кистью и щитом накладного золота; сапоги из черного обсидиана. На груди, согласно послужному списку, укреплены серебряный знак лейб-гвардии Атаманского Е.И.В. наследника цесаревича полка; золотая медаль «За усердие» для ношения на шее на Владимирской ленте (1906 г.); серебряная медаль «За усердие» для ношения на шее на Аннинской ленте (1893 г.). На груди, на колодке искусно выполнены 10 различных медалей. Среди них почетное первое место занимает солдатский «Егорий» – серебряный крест Знака отличия Военного ордена IV степени (1878 г.)³⁵⁶.

Биография казака достаточно типична для верных слуг российского трона. Андрей Алексеевич Кудинов родился 30 ноября 1852 г. в селе Медведицы Раздорской станицы IV военного отдела Области войска Донского. 1 января 1871 г. он призван на службу казаком, через два года зачислен в лейб-гвардии Атаманский Е.И.В. наследника-цесаревича полк. В 1874 г. казака командировали в Петербург. В 1875–1876 гг. он находился в учебной полковой команде. В 1876 г. А. Ку-

динов произведен в унтер-офицеры. В 1877 г. принял участие в Русско-турецкой войне в составе Дунайской армии. В августе 1877 г. Кудинов вытащил счастливый билет, получив назначение на должность ординарца к великому князю Александру Александровичу, будущему Александру III.

24 мая 1878 г. за мужество и храбрость он получил солдатский Георгиевский крест IV степени. В декабре 1878 г. по возвращении в Петербург А.А. Кудинов назначается на должность камер-казака к *цесаревне* Марии Федоровне. Наступило тревожное время и 26-летний казак с боевым опытом был совсем не лишним как телохранитель для цесаревны.

В 1881 г. Кудинов стал камер-казаком уже *императрицы* Марии Федоровны. В 1880 г. завидный жених, камер-казак женился и со временем у него родилось трое детей. Камер-казак жил с семьей в Аничковом дворце. На своей должности А.А. Кудинов числился до самой смерти – 14 июня 1915 г.³⁵⁷

Тогда же, в 1912 г. по личному заказу Николая II мастер Г. Вигстрем, работавший в фирме Карла Фаберже, вырезал из полудрагоценного камня еще одну портретную фигурку. Это был телохранитель императрицы Александры Федоровны камер-казак Н.Н. Пустынников. В настоящее время камнерезная фигурка камер-казака Н.Н. Пустынникова находится в США в

коллекции Арманда Хаммера.

А.А. Кудиное и Н.Н. Пустынников

Из числа казаков-телохранителей Собственного конвоя более всего известна биография казака Тимофея Ящика, который с 3 декабря 1915 по 13 октября

1928 г., то есть на протяжении почти 13 лет являлся телохранителем вдовствующей императрицы Марии Федоровны.

Тимофей Ящик родился 20 апреля 1878 г. на Кубани в станице Новоминской Ейского отдела. Тимофей Ящик был рослым, статным, голубоглазым казаком, с черной бородой. В 1900 г. он был призван в Первый Ейский полк, расквартированный в Тифлисе. Видного казака и меткого стрелка сразу назначили в Конвой командующего войсками Кавказского военного округа генерал-адъютанта князя Е.С. Голицына. В 1904 г. князь взял Т. Ящика с собой в Санкт-Петербург. В Тифлис Т. Ящик больше не вернулся, поскольку его зачислили в императорский Собственный конвой во Вторую Кубанскую сотню. Три года спустя, в 1907 г., Т. Ящик уволился со службы с мундиром и значком за службу в Конвое. Пять лет, до 1912 г., Т. Ящик жил в родной станице Новоминской. В 1912 г. Т. Ящика вновь призвали на службу в Собственный конвой.

В апреле 1914 г. срок службы казака в Конвое оканчивался. Но на его долю выпал счастливый случай. Николаю II понадобился новый камер-казак, поскольку по традиции, служба камер-казков при императоре продолжалась два года. Очередность выпала на Кубанскую сотню. Командир Конвоя князь Г.И. Трубецкой вызвал добровольцев. По словам Ящика, «вы-

звались многие». Претендентов выстроили перед Николаем II, и он «сам должен был выбрать счастливица»³⁵⁸. После нескольких коротких вопросов царь выбрал Тимофея Ящика, которому тогда было 36 лет.

Надо заметить, что за время службы в Конвое казаки занимались не только караульной службой. Джигитовка и стрельба также входили в их повседневную подготовку. Кроме того, по словам Ящика: «Мы прошли основательный курс ориентирования на местности, так что я знал каждый уголок и каждый клочок земли в окрестностях дворца»³⁵⁹.

Свои обязанности телохранителя Ящик считал, по большей части, формальными, поскольку, по его мнению, «совершить покушение на царя было невыполнимой задачей, если человек, задумавший покушение, не нашел доступа в самый приближенный к царю круг людей. Парк кишел сыщиками, одетыми в гражданское платье, за которыми, в свою очередь, наблюдали жандармские чины, также в гражданской одежде»³⁶⁰.

Т. Ящик назначается вторым камер-казакom Николая II, выполняя обязанности его личного телохранителя. Жил он в подвале Александровского дворца, очень плотно заселенном. Там же в комнате № 84 жил и камер-казак императрицы Александры Федоровны.

Естественно, как камер-казаку ему пришлось изучить топографию Александровского дворца, чтобы «свободно передвигаться по дворцу, нужно было очень хорошо знать расположение его 300 комнат и залов»³⁶¹.

По словам Ящика, его обязанности не отличались особенной сложностью. Он должен был круглосуточно находиться в распоряжении Николая II. Когда царь утром отправлялся гулять в парк, камер-казак следовал за ним на некотором расстоянии. Во время аудиенций Т. Ящик стоял в зале для гостей, ожидающих приема. Когда Николай II выезжал или совершал верховую прогулку, камер-казак следовал за ним верхом. Если царская семья отправлялась в театр, камер-казак стоял в передней перед царской ложей³⁶².

Имели камер-казаки и нетипичные обязанности, обусловленные особенностями частной жизни царской семьи. Цесаревич Алексей болел гемофилией и на официальных мероприятиях он не мог долго стоять. Поэтому камер-казаки, дюжие молодые мужчины, должны были часами держать наследника на руках.

Имп. Николай II и телохранитель

Ящик вспоминал, что когда он в первый раз носил наследника, он вспотел так, что его одежду можно было бы выжимать.

Служба Т. Ящика при Николае II продолжалась 9 месяцев, но за это время он быстро понял, что наряду со своими прямыми обязанностями необходимо обладать умением быть постоянно готовым к любым неожиданностям, но при этом оставаться незаметным для тех, кого он охранял: «Я пробовал научиться тому искусству, которое было важнейшим для лейб-казака: полностью уйти в тень, чтобы никто не замечал твоего присутствия, и все же быть настолько близко, чтобы в любой нужный момент вновь появиться»³⁶³. Николай II телохранитель очень высоко оценивал и как че-

ловека, и как «охраняемое лицо»: «Царь был спокойным и простым человеком. Нужно было только знать свои обязанности, а он никогда не предъявлял непомерных требований»³⁶⁴.

Видимо, Николай II не приближал к себе своих камер-казаков сверх обычного срока их службы, и как положено, раз в два года они менялись. Пожалуй, единственным исключением стал вахмистр Собственного конвоя Пилипенко. Судя по фотографиям, он охранял Николая II, по крайней мере, с августа 1912 и до марта 1917 г. На кадрах кинохроники, посвященной торжествам по поводу столетнего юбилея Бородинской битвы в августе 1912 г., можно увидеть следующего сразу за Николаем II бритого рослого казака с черной окладистой бородой в форме

Собственного конвоя, бережно несущего на руках больного цесаревича Алексея (см. стр. 36). Это и есть вахмистр Пилипенко. После отречения царя 2 марта 1917 г. из всего личного состава Конвоя с царем в Царское Село позволили ехать только его ординарцу-телохранителю вахмистру Пилипенко.

С начала 1916 г. Т. Ящик стал вторым личным телохранителем вдовствующей императрицы Марии Федоровны. Т. Ящик подчеркивает, что это решение обусловлено личным выбором царя. Связано оно с тем, что в начале 1916 г. вдовствующая императрица Ма-

рия Федоровна предполагала уехать из Петрограда в Киев, и сын считал необходимым усилить личную охрану матери.

Дело в том, что в отличие от Николая II у Марии Федоровны было свое отношение к телохранителям. В 1916 г. в Аничковом дворце камер-казаком числился 85-летний старец, который, будучи почти слепым, конечно, не мог нести службу. По словам Ящика, он просто «жил во дворце и был счастлив»³⁶⁵. Поскольку А.А. Кудинов умер летом 1915 г., то это, видимо, был напарник умершего камер-казака, такой же ветхий старец. Следуя дворцовым традициям, старый слуга занимал штатную должность в буквальном смысле «до смерти», а реальную службу несли два более молодых камер-казака – Тимофей Ксенофонтович Ящик и Кирилл Иванович Поляков. Но они не обижались на старца, поскольку «объем работы был таков, что мы с ним легко справлялись»³⁶⁶.

После свержения монархии в России Т. Ящик остался рядом с императрицей, продолжая охранять ее в Крыму. В ноябре 1917 г. Мария Федоровна писала своему сыну из имения Ай-Тодор в Крыму: «У меня только остались Ящик и Поляков, которыми я не могу достаточно нахвалиться, такие чудные верные люди»³⁶⁷.

В условиях политической неразберихи на юге России в 1918 г., Т. Ящик вывез в родную станицу дочь императрицы, младшую сестру Николая II великую княгиню Ольгу Александровну. В хате камер-казака дочь Александра III родила своего второго сына Гурия. После того как Мария Федоровна в

1919 г. на английском крейсере «Мальборо» покинула Россию, Т. Ящик сопровождал свою хозяйку и продолжал охранять императрицу в Англии и Дании. Вскоре, по распоряжению Марии Федоровны, камер-казак Т. Ящик вернулся в Россию, для того чтобы организовать вывоз в Данию семьи великой княгини Ольги Александровны. Свою императрицу верные камер-казаки Ящик и Поляков охраняли вплоть до ее смерти в 1928 г.

Камер-казаки К.И. Поляков и Т.К. Ящик

После смерти Марии Федоровны казак Тимофей Ящик навсегда остался жить в Дании. Он женился на датчанке. По завещанию императрицы, он полу-

чил небольшие деньги, на которые открыл магазин. Его напарник Поляков жил вместе с семьей Т. Ящика, до своей смерти. Умер Тимофей Ящик в 1946 г. и похоронен на Русском кладбище вместе со второй женой-датчанкой.

Т.К. Ящик и имп. Мария Федоровна. Копенгаген. 1924 г.

Во время Февральской революции 1917 г. казаки Собственного конвоя остались подразделением, до последнего момента сохранявшем верность династии. В числе охраны рядом с императрицей Александрой Федоровной до конца находилась «личная охрана Государыни и детей», то есть камер-казаки Конвоя.

Дворцовая прислуга императорской семьи

При каждом из российских императоров постепенно складывался круг «своей» дворцовой прислуги. Слуг во дворце было немало, но «своих» было, как правило, не особенно много. «Своими» слуги, как правило, становились после многих лет, а то и десятилетий работы в императорских дворцах. Однако те или иные жизненные ситуации довольно четко выявляли этот узкий круг доверенных слуг, имевших разные специальности и специализации.

Во-первых, это были *штатные* или *комнатные* слуги. Их назначали к будущим монархам, когда те еще были детьми, позднее они сами отбирали тех слуг, которым, безусловно, доверяли. Дочь Николая I в записках упоминает, что каждая из великих княжон «имела камердинера, двух лакеев и двух истопников. Общий гофмейстер следил за служащими, к которым причислялись два верховых для поручений. У мадам Барановой, кроме того, был еще писарь для бухгалтерии. К тому же у каждой из нас был свой кучер»³⁶⁸.

Когда дочери Николая I подросли и выходили замуж, то часть их штатной прислуги отправилась вме-

сте с ними за пределы России. Русские принцессы, как правило, не забывали своих верных слуг. Великая княгиня Ольга Николаевна упоминает, что, когда она вышла замуж, ее кучер Шамшин отправился вместе с ней в Штутгарт. Он прослужил своей хозяйке 37 лет и умер в 1873 г.: «Я посещала его во время болезни. Единственное, что ему ставилось в Штутгарте в минус, было то, что он давал слишком много овса своим русским лошадям»³⁶⁹, – писала Ольга Николаевна.

При последней императрице Александре Федоровне состояло шесть горничных. Старшая из них, Мадлена Занотти, итальянка по происхождению, принадлежала к семье, издавна состоявшей на службе у великих герцогов Гессенских. Луиза Тутельберг, которую все звали Тутель, стояла на втором месте, она была родом из Прибалтийского края. Эти две горничные жили на втором этаже Александровского дворца, их комнаты располагались через коридор от комнат великих княжон. Им подчинялись еще четыре помощницы-камеристки, в обязанности которых входило одевать и раздевать императрицу, они служили при Дворце посменно, по три дня в неделю³⁷⁰. Несмотря на статус камеристок, это были девушки из небогатых, но дворянских семей. Имена их известны. Самой любимой была Александра Тегелева, которую все звали Шурой. Двух других звали Елизавета и Нью-

ра³⁷¹.

Во-вторых, ограниченное число слуг сопровождало своих хозяев во время *путешествий*. Их было немного, но они должны были обеспечить царю необходимый комфорт.

М.Ф. Занотти

Например, в последнюю поездку Александра I на юг России осенью 1825 г. императора вез его кучер Илья Байков³⁷², который прослужил императору почти четверть века, сопровождая его в многочисленных поездках. Николая I в поездках сопровождали гоффурьер Д.Г. Бабкин, метрдотель Ф.И. Миллер, ка-

мердинеры Анисимов и Федоров и четыре лакея³⁷³. Когда в 1844 г. Николай I посетил Англию с официальным визитом, то вся прислуга, обслуживавшая как самого императора, так и его свиту, не превышала двадцати человек³⁷⁴.

Появление поездов и больших яхт позволило увеличить число сопровождающей прислуги, однако, и в этих случаях были определенные лимиты. В 1861 г. императрицу Марию Александровну, впервые отправившуюся в новую императорскую резиденцию на крымском побережье – Ливадию, сопровождали две камер-юнгферы (в том числе Макушина), камердинер Кадыков, парикмахер Греф, лакей, гардеробский помощник Волков, лакей Остапенко, гладильщица Захарова³⁷⁵. Всего 8 человек.

В 1888 г. во время путешествия Александра III по финским шхерам на яхту «Александрия» было взято всего 10 человек

прислуги: гоф-фурьер Максим Михайлов, два лакея I разряда (Иван Ивушкин и Иван Линдгольм), лакей II разряда (Иван Долгов), чернорабочий при буфете (Сергей Михайлов), старший повар (Михаил Мудров), французский пирожник (Луи Басселе), повар I разряда (Никандр Семенов), повар II разряда (Матвей Федоров), чернорабочий при кухне (Зиновий Егоров)³⁷⁶.

Когда в 1890 г. в распоряжении царской семьи появилась первая яхта океанского класса «Полярная звезда», то кроме прислуги на яхту стали брать и музыкантов (50 человек музыкантов и 5 человек певчих). Для императорской прислуги на яхте предусматривались специальные помещения: на второй палубе устроили общую каюту «для Императорской прислуги II класса на 16 человек». Примечательно, что именно из этой каюты устроен вход «в Императорское багажное отделение». Таким образом совершенно закрывался доступ к царским вещам посторонним. Были устроены отдельные каюты для мужской и женской «императорской прислуги слуги I класса». Более того, у мужской части императорской прислуги I класса была даже своя кают-компания³⁷⁷.

Аналогичные условия создавались для прислуги и на императорской яхте «Штандарт». На эту яхту для обслуживания императорской семьи и примерно десяти человек ближайшей свиты брали около 50 лакеев I-, II-и III-го класса. Следует подчеркнуть, что *лакеи 1-го класса обслуживали только императорскую семью, лакеи II-го класса — их ближайшую свиту и лакеи III-го класса обслуживали «прочих сопровождающих»*. Более того, поскольку «Штандарт» была крупнее «Полярной звезды», то на борт брали больше прислуги, а число музыкантов и хора доходило до 100

человек.

Примечательно, что дворцовая прислуга была представлена и на *коронационных торжествах*. Это – официальное действо, поэтому число прислуги, участвовавшей в коронационных мероприятиях, было велико. Причем слуги участвовали и в самом главном действе – торжественном шествии в Успенский собор Московского Кремля. Их место в общем «строю» жестко определялось, как придворными церемониймейстерами, так и «примером прежних лет».

В «Высочайше утвержденном церемониале торжественного восшествия в Первопрестольный град Москву и Священнейшего коронования Е.И.В. государя императора Николая Павловича, самодержца Всероссийского» упоминались следующие категории слуг: камер-фурьер, придворные лакеи, камер-лакеи, скороходы и камер-казаки.

В парадном шествии камер-фурьер ехал верхом, а за ним пешими следовали 60 придворных лакеев, 6 камер-лакеев и 6 скороходов; все по два в ряд в парадных ливреях. Императриц сопровождали их телохранители – камер-казаки в парадном одеянии³⁷⁸. Следует также отметить, что именно Николай I положил начало традиции тоекратно кланяться народу с Красного крыльца Грановитой палаты. Потом этот царский поклон стал традицией, зримо демонстрируя

связь династии с народом.

Кроме прислуги, участвовавшей в церемониальных торжествах, с членами императорской семьи ехала и их ближняя прислуга. Дел наваливалось очень много. Здесь и ответственнейшее мероприятие государственного уровня, и новое временное жилье, и множество других проблем, которые надо было решать «здесь и сейчас». Николай II на коронацию 1896 г. взял с собой в Москву *10 человек* ближней прислуги: трех камердинеров, шестерых рейнкнехтов и одного работника. Императрицу Александру Федоровну сопровождало *18 человек*: камер-фрау, две камер-юнгферы, камер-медхен, гладильщица, три комнатные женщины, два камердинера, гардеробский помощник, три камер-казака, три лакея I разряда и один работник. У вдовствующей императрицы Марии Федоровны в ближней прислуге было *19 человек*³⁷⁹.

Как простолюдины «устраивались» на столь престижную работу? Варианты были очень разные, как это всегда происходит в жизни. Но вплоть до 1880-х гг. служба при Дворе по большей части носила, как уже говорилось, наследственный характер. Дети дворцовой челяди рождались и вырастали в императорских резиденциях, со временем замещая своих постаревших родителей. В последней четверти XIX в. этот порядок постепенно уходит в прошлое. Во дворцы при-

ходило все больше людей «со стороны». Среди них были определенные категории, представителей которых охотно брали в императорские дворцы. Как правило – отставники гвардейских полков. Бывших унтеров, прошедших гвардейскую школу жесткой дисциплины, чиновничества и воспитанных в верноподданнических традициях охотно брали на руководящие должности низового звена. Некоторые из этих служаков делали себе карьеру при царской семье.

Один из мемуаристов описывает свою карьеру следующим образом: ему, гвардейскому унтеру, накануне окончания службы предложили перейти на службу к великому князю Павлу Александровичу. Он согласился и несколько лет безупречно служил своему хозяину. Однако, после того как Павла Александровича выслали из России, лишив всех должностей за морганатический брак, унтер оказался не у дел. Но бравого унтера не забыли. Вскоре его вызвал к себе старший брат великого князя Павла Александровича, великий князь Сергей Александрович. Он обещал верному слуге при первой возможности определить его снова на место в Придворное ведомство. Более того, в 1903 г. во время Саровских торжеств великий князь доложил о судьбе унтера Николаю II: «Император Николай II выразил свое изумление по поводу моего неустройства и посетовал на то, что никто не ска-

зал ему об этом раньше. Тотчас же состоялось распоряжение принять меня на службу ко Двору. После соответствующих переговоров со стоявшим во главе Гофмаршальской части графом Бенкендорфом и его помощником Аничковым я принят был на службу вице-гоффурьером»³⁸⁰.

Еще одной из особенностей взаимоотношений слуг и хозяев было то, что слуги считали своим долгом и правом «принимать участие» в важных событиях в жизни их хозяев. Когда в 1830 г. Николай I посетил Москву, то к обеденному столу пригласили не только высших сановников, но и «старых слуг царских, доживавших свой век в отставке»³⁸¹. Когда в 1845 г. стало известно, что дочь Николая I великая княжна Ольга Николаевна выходит замуж, то со всех сторон посыпались поздравления, в том числе и от слуг. Спустя десятилетия жизни в Германии, Ольга Николаевна благодарно упомянула, что «в России слуги принимают участие в семейных событиях, как нигде в другой стране, – я была тронута их радостью, они целовали мне руку, а моему жениху плечо»³⁸².

При Дворе у членов Императорской фамилии бытовало обобщенное название всех дворцовых слуг – их называли «люди». Именно так слуг называли в дневниках и мемуарах и царственные хозяева. При

этом слово не несло особой эмоциональной или словесной окраски. Это было просто обозначение «своей» прислуги. В первый день рождения императрицы Александры Федоровны в России в апреле 1895 г. Николай II записал в дневнике: «После кофе принимали всех садовников с фруктами и цветами, а также большую депутацию *от людей* (выделение мое. — И. З.) Двора, кот. поднесли каждому из нас по иконе. Камер-фурьер Герасимов сказал очень трогательное приветствие». В декабре 1904 г. царя на именины поздравили «*люди* и садовники». Когда царская семья уезжала в Германию осенью 1910 г. для лечения больной императрицы Александры Федоровны, то все слуги «разделяли беспокойство о ее здоровье; они стояли на лестнице, и Их Величества, проходя, с ними прощались: все целовали Государя в плечо, а Государыне руку»³⁸³. Во время празднования 300-летия династии в феврале 1913 г. «на пути в церковь, все *наши люди* конюшенной части и загородных дворцовых управлений поднесли нам иконы и хлеб-соль». В октябре 1915 г., когда Николай II получил орден Св. Георгия IV степени, то он отметил в дневнике, что «все наши люди трогательно радовались и целовали в плечо».

Еще раз надо отметить, что «ближние» слуги работали рядом со своими хозяевами десятилетиями,

и причем многие из них так и не обзаводились собственными семьями. Особенно это было характерно для женской прислуги. Камер-юнгфера последней императрицы Александры Федоровны Меделайн Занотти прослужила у нее целых 25 лет, так и не выйдя замуж³⁸⁴.

Случалось и так, что слуги в ближайшем окружении царя внезапно по императорской воле резко меняли свою судьбу. В ноябре 1848 г. Николай I «высочайше повелеть соизволил»: «Уволить от дежурства на три месяца» истопника комнат Его Величества Павлова, изъявившего желание обучаться морской живописи у профессора Айвазовского, а вместо него выбрать на сие время из находящихся при передних комнатах надежного и исправного истопника, без причисления к комнатам Государя императора». Вместо Павлова подобрали истопника Чернышева, которого «снабдили нужным платьем». Он был представлен «на смотр Его Светлости г. Министру императорского двора». Павлову сообщили, что он должен явиться к Айвазовскому 15 ноября 1848 г. через три месяца 6 февраля 1849 г. Министр распорядился продлить Павлову отпуск еще на три месяца³⁸⁵.

Несколько замечаний, связанных с этим фактом. Во-первых, то, что царского истопника высочайшим повелением определяют в ученики к Айвазовскому,

беспрецедентно. Видимо, истопник сумел убедить Николая Павловича в своих талантах. Во-вторых, то, что новый истопник, прежде чем приступить к обязанностям, был лично «отсмотрен» министром Императорского двора князем П.М. Волконским весьма характерно, поскольку наглядно показывает, как тщательно подбиралась прислуга в «Собственные комнаты». И, в-третьих, за истопником было сохранено его штатное место.

Определенным «моментом истины» становилась смерть императора. Смерть уравнивает всех, и умирающие императоры, если была такая возможность, прощались одинаково и с сановниками, и со слугами. Когда в феврале 1855 г. умирал Николай I, то он счел своим долгом проститься «с министрами, слугами, дворцовыми гренадерами»³⁸⁶. А в завещании, составленном еще в 1844 г., царь отдельным пунктом упомянул своих «ближних» слуг: «Ст. 12...желаю, чтоб всей Моей комнатной прислуге, верно и усердно Мне служившей, обращены были их содержания в пансионы. К сей же прислуге причитаю лейб-рейнкнехтов и кучера моего Якова»³⁸⁷.

Следует также отметить и то, что дворцовая прислуга «по должности» была очень хорошо информирована обо всем, что происходило во дворце. Слуги владели не какими-то сиюминутными фактами и

слухами, а фактически вели многолетний «мониторинг» информации, касающейся первых лиц империи. Особенно тщательно собиралась информация, связанная с жизнью императорской семьи. Князь П.А. Кропоткин, служивший во дворце камер-пажом, был поражен тем, что «придворные лакеи тогда рассказывали нам – желали мы их слушать или нет – скандальную придворную хронику. Они знали решительно все, что происходило во дворцах. То была их среда....Система шпионства, практикующаяся во дворце, а в особенности вокруг самого императора, покажется совершенно невероятной непосвященным...»³⁸⁸.

Об осведомленности слуг было прекрасно известно и чиновникам III Отделения, одному из которых принадлежит следующая фраза: «Слова и мнения Его Величества должны быть известны нашему отделению. Разве иначе можно было бы вести такое важное учреждение, как государственная полиция? Могу вас уверить, что ни за кем так внимательно не следят в Петербурге, как за Его Величеством»³⁸⁹. Дворцовая прислуга была надежнейшим источником такой информации.

Примеры того приводят мемуаристы. После гибели Александра II в 1881 г. от рук революционеров-террористов в Петербурге была создана антитеррори-

стическая организация «Священная дружина». Эта «подпольная» организация аристократов была дилетантской и активно привлекала прислугу в качестве осведомителей. Например, недалекий лакей обергофмаршала А. фон Гроте пытался даже шантажировать хозяина: «Ему давали бы определенную сумму ежемесячно, если бы он подслушивал и давал сведения обо всех разговорах, ведущихся у Гроте»³⁹⁰.

Наследственный характер службы

Уже к началу XIX в. служба челяди во дворце превратилась в наследственное дело, переходившее от отцов к сыновьям. Эта практика закрепились на законодательном уровне. В 1826 г. принят Закон «О не замещении никаких по дворцам вакансий крестьянами и об определении на оныя придворнослужительских детей»³⁹¹.

Начальство проявляло заботу о детях дворцовых слуг, обучая их грамоте в придворнослужительской школе, давая затем им ту профессию, в которой нуждался дворец. Начало этой образовательной деятельности положено в 1827 г., когда Николай I утвердил «Положение и штат школы при мастеровом дворе гоф-интендантского ведомства». В документе констатировалось, что школа создается для «обучения детей мастеровых Наукам и мастерствам». В эту школу принимались исключительно дети мастеровых Придворного ведомства. Отметим, что увольнение детей или их перевод в другое ведомство категорически запрещались. Этот «кадровый резерв» высоко ценился, и «смотрителям над мастеровыми» жестко предписывалось отслеживать все рождения и смерти дворцовых младенцев, донося в контору «без упущения во

времени». Со времен Екатерины II детей забирали от родителей в 6-летнем возрасте. До наступления этого возраста родителям выплачивалось пособие «на пропитание» по 30 руб. в год на каждого мальчика. Примечательно, что никаких лимитов на прием не существовало. Следует напомнить, что и родители, и дети были крепостными и возможность выбора у них отсутствовала. Дети обучались в школе на протяжении 10 лет (с 6 до 16 лет). В числе изучаемых предметов были: начальное познание русского языка, чтение, письмо, арифметика, чистописание, геометрия, рисование и Закон Божий. Занятия длились по 6 часов в день. С 8 лет детей начинали разбирать «по мастерствам». При этом старались, чтобы дети унаследовали профессию своего отца. Постоянная «производственная практика» начиналась для детей с 10 лет (по 2 часа). Примечательно, что «Правила» предусматривали возможность командирования самых талантливых учеников в Императорскую Академию художеств, откуда они выходили (оставаясь крепостными) со званием «художника». Теоретически у них имелась возможность по достижении 45 лет получить вольную при условии беспорочной службы. Бесталанных направляли в дворцовые канцелярии на должности писцов. Тупых, ленивых и неспособных к наукам, определяли в рабочие по садам и дворцовым зданиям³⁹².

В 1839 г. наряду со школой для подготовки мастеровых создана школа для придворнослужительских детей. В «Положении» декларировалось, что «цель сей школы состоит в образовании детей мужского пола придворных официантов и ливрейных служителей ведомства Придворной Е.И.В. Конторы, как состоящих на службе, так и отставных или умерших». В школе был установлен комплект в 100 «бюджетных» мест, на которые принимались мальчики не моложе 9 и не старше 15 лет. Обучение продолжалось 4 года. Примечательно, что в числе изучаемых предметов был даже немецкий язык. В школе использовалась передовая на то время «ланкастерская метода взаимного обучения». Выпускники-отличники распределялись в канцеляристы Министерства Императорского двора. Не имеющие «чистого почерка» зачислялись на различные служительские должности. Те, кто был «видной наружности», шли «прямо в лакеи»³⁹³.

В 1854 г. при школе придворнослужительских детей учреждается и женское отделение³⁹⁴. По «Положению» на это отделение принимались 20 девочек на полное казенное содержание и 20 приходящих девочек. Приходящим обеспечивался обед, одежда и обувь. На обучение принимали 10-летних девочек, которые учились в школе до 17 лет. Занятия продолжались с 8 утра и до 5 вечера. По окончании учебы де-

вочки получали распределение. Основная часть получала при дворцах места белошвей, сортировщиц белья и прачек по ведомству Придворной конторы. Отличницы назначались помощницами кастелянш или могли остаться преподавать в самой школе. Всем выпускницам выдавались деньги от продажи их рукоделий за все годы учебы³⁹⁵.

После отмены крепостного права в 1861 г. и перехода к новым принципам набора дворцовой прислуги, школу «для сыновей слугителей и мастеровых придворного ведомства с особым при ней отделением для дочерей придворнослужителей» закрыли. Учившихся в школе детей распределяли по частным учебным заведениям, а родителям выплачивались деньги из сумм Придворного ведомства на доучивание детей³⁹⁶.

Дети дворцовой челяди, как правило, продолжали дело своих отцов. Особенно если те смогли сделать «карьеру» при Дворе. Однако даже для детей придворнослужителей было достаточно сложно попасть на работу во дворец. Дело в том, что при императорских резиденциях в николаевскую эпоху были введены жесткие штаты, и желающих занять вакантные места оказывалось значительно больше, чем самих вакантных мест.

При «трудоустройстве» учитывались не только за-

слуги родителей, но и внешний вид, сообразительность и «придворная ловкость». Неудачники выбрасывались из дворцов «в жизнь», причем по своему происхождению они выламывались из той сословной системы, которую настойчиво пытался выстроить император Николай I. Это беспокоило императора Николая I и министра Императорского двора князя М.П. Волконского. В середине 1830-х гг. именно для детей придворнослужителей, которые не сумели или не захотели остаться во дворце, на законодательном уровне было введено понятие «разночинец». В 1846 г. император приказал князю М.П. Волконскому доложить о результатах проведенного «эксперимента». Из собранных министром сведений выяснилось, что в Москве и Петербурге проживает более 1800 человек отставных не классовых придворнослужителей с детьми, а также еще работающих не классовых придворнослужителей с детьми. При этом выявилась тенденция их увеличения. В результате министр констатировал, что в столичных городах появился «класс людей, ни к одному из поименованных в законах состояний не принадлежащий»³⁹⁷.

Министр указывал на одно из обстоятельств, мешавшее многим из детей начать карьеру при Дворе. Дело в том, что в декабре 1827 г. высочайшим повелением предписывалось определять на работу к Им-

ператорскому двору «людей только видной наружности». Небольшое число вакансий связано с тем, что было другое высочайшее распоряжение, которое запрещало отправлять слуг в отставку только «за старостью лет, по увечьям и неизлечимым болезням». В результате недееспособные слуги занимали штатные места буквально «до гробовой доски», а молодые и здоровые дети придворнослужителей оставались без службы, не имея средств к существованию. Это было связано с тем, что работать «на стороне» они не имели права, поскольку, на основании 76 ст. «Свода Законов», они не могли поступать ни в какое податное сословие и ни в какое другое ведомство, так как никто не имел права брать их на службу кроме Министерства Императорского двора.

Ситуация была сложная. Но, тем не менее, принимается ряд решений, сохранявших кастовость при комплектовании корпуса придворных слуг. *Во-первых, сохранено постановление по Министерству Императорского двора, предписывавшее замещать открывавшиеся вакансии только сыновьями придворнослужителей.* Число придворных вакансий было увеличено за счет того, что «детьми» стали замещать вакансии канцелярских служителей, но при этом оговаривалось, «если они окажутся к тому способными». *Во-вторых, детей придворнослужителей, «невид-*

ной наружности», начали включать в «податное состояние по собственному их избранию». При этом им давалась льгота не платить податей лично за себя. Их дети платили уже все положенные подати.

В-третьих, детям придворнослужителей дозволялось поступать на службу в другие министерства, но каждый раз с разрешения министра Императорского двора. Это разрешение обставлялось рядом условий. При поступлении на службу их относили к III разряду канцелярских служителей с обязанностью прослужить 10 лет в ведомстве, в котором они получали первый классный чин.

В-четвертых, детям неклассных придворнослужителей запрещалось поступать в высшие и средние учебные заведения. Им разрешалось получать образование только в уездных и приходских училищах, в которых давались знания, достаточные для поступления на службу, но не предоставляющее особенных прав.

Почему для придворнослужительских детей существовали такие ограничения? Видимо, дело в том, что дворцовые слуги были свидетелями повседневной жизни императорской семьи и их ближайшего окружения. Естественно, они знали многое из того, что не должно было выходить за стены императорских резиденций. Именно поэтому среди дворцовых слуг со-

знательно поддерживали кастовую замкнутость.

Слуги-специалисты

Важное место среди дворцовой челяди занимали специалисты, содержавшие Зимний и другие дворцы в должном порядке. Страшный пожар, уничтоживший в декабре 1837 г. Зимний дворец, заставил упорядочить номенклатуру специалистов, обслуживавших дворцовую инженерную инфраструктуру. Для обслуживания инженерных сетей в восстановленном Зимнем дворце в 1840 г. образовали новые придворные подразделения.

При Николае I возглавлял все технические и охранные подразделения в Зимнем дворце «*майор от ворот*». Выражаясь сегодняшней терминологией, это – комендант и завхоз в одном лице, заведовавший таким гигантским общежитием, как Зимний дворец. Его функции были очень широки: полицейский надзор за дворцом, наблюдение за внешним порядком вокруг и внутри дворца (чистота тротуара и посыпка его песком, содержание в порядке мостовой вокруг дворца, очистка кровель и дворов от снега и грязи, наружное освещение дворов и подъездов), контроль за всеми инженерными коммуникациями.

В его обязанности входило также запираание ворот и подъездов дворца на ночь. Он должен был иметь

сведения обо всех живущих во дворце.

По штатам 1840 г. «майор от ворот» получил двух заместителей – *бау-адъютантов*, их назначали из опытных инженеров. *Первый* из них наблюдал за металлическими деталями дворца. В его обязанности входил еженедельный осмотр стропил, листового железа, войлочных покрышек металлических потолков, устройств шпренгелей и цепей, на которых подвешивались люстры. Для этого в его подчинении была особая команда, состоящая из 4 унтер-офицеров, 12 мастеровых (кузнецов, слесарей и кровельщиков) и 12 инвалидов, охранявших выходы на крышу Зимнего дворца. *Второй* бау-адъютант отвечал за строительную часть. Он должен был ежедневно осматривать огромное здание и исправлять все возникающие неисправности.

Основным подразделением, находившимся в подчинении «майора от ворот», была *Мастеровая рота*, непосредственное руководство которой осуществляли бау-адъютанты. По штатам 1840 г. Мастерская рота насчитывала 207 человек специалистов, обслуживавших все инженерные системы Зимнего дворца.

Наряду с Мастерской ротой «майору от ворот» также подчинялись две инвалидные роты – *Пожарная* и *Рабочая*, которые укомплектовали к январю 1831 г. В Штат Пожарной роты насчитывал 196 человек, из них

180 рядовых. Штат Рабочей инвалидной роты включал 216 человек, из них рядовых 200 человек. В документах эти роты назвались «Подвижные инвалидные роты министерства императорского двора»³⁹⁸. Следует пояснить, что до 1917 г. термин «инвалид» означал не человека «с ограниченными возможностями», а просто ветерана-отставника. Физически здорового.

В составе Мастерской роты было 15 *специализированных команд*:

1. «По скульптурному, лепному и мраморному художествам» в составе мастера, подмастерья, шести скульпторов и двух учеников. Всего 10 человек (4,8 % от общего числа).

2. «По живописному художеству» в составе мастера, двух подмастерьев, восьми живописцев и трех учеников. Всего 14 человек (6,7 %).

3. «По лакерному, малярному и оконному делу» в составе мастера, двух подмастерьев, шестнадцати мастеровых и шести учеников. Всего 25 человек (12 %).

4 «По резному и золотарному делу» в составе мастера, двух подмастерьев, восьми рабочих и двух учеников. Всего 13 человек (6,3 %).

5. «По мебельному, паркетному, столярному и бочарному мастерствам» в составе мастера, четырех подмастерьев, шестнадцати мастеровых и восьми

учеников. Всего 29 человек (14 %).

6. «По токарному делу» в составе мастера, подмастерья, трех токарей и ученика. Всего 6 человек (2,9 %).

7. «По плотницкому делу» в составе подмастерья, двух плотников и ученика. Всего 4 человека.

8. «По бронзовому, медному, чеканному делу» в составе мастера, двух подмастерьев, шести мастеровых и трех учеников. Всего 12 человек (5,8 %).

9. «По слесарному делу» в составе мастера, двух подмастерьев, десяти слесарей и четырех учеников. Всего 17 человек (8,2 %).

10. «По кузнечному делу» в составе мастера, двух подмастерьев, шести кузнецов и трех учеников. Всего 12 человек (5,8 %).

11. «По кровельному, фонарному и ламповому делу» в составе мастера, двух подмастерьев, шести мастеровых и трех учеников. Всего 12 человек (5,8 %).

12. «При водопроводной и ватерклозетной машине» в составе мастера, подмастерья, двух мастеровых и двух учеников. Всего 7 человек (3,4 %).

13. «По печному и каменному делу» в составе мастера, двух подмастерьев, восьми печников и шести учеников. Всего 17 человек (8,25 %).

14. «По трубному делу» в составе мастера, подмастерья, трех трубников и двух учеников. Всего 7 чело-

век (3,4 %).

15. «По трубочистному делу» в составе мастера, двух подмастерьев, двенадцати трубочистов и семи учеников. Всего 22 человека (10,6 %).

Таким образом, инженерную инфраструктуру Зимнего дворца по штатам 1840 г. обслуживали 15 специализированных команд, в состав которых входило 14 мастеров, 28 подмастерьев, 112 мастеровых и 53 ученика. Всего 207 человека³⁹⁹.

Эти команды можно разбить на группы, которые выполняли значительный повседневный объем ремонтных и профилактических работ. Команды, связанные с *отоплением* Зимнего дворца, – *трубочисты* (10,6 %), *трубники* (3,6 %) и *печники* (8,25 %). Всего 22,45 %. Еще одним крупным подразделением были *мебельщики – отделочники* (12 %), *резчики* (6,3 %) и *мебельщики* (14 %). Всего 32,3 %. Надо отметить, что подобная штатная структура мастеровых команд реализовывала принцип возможности кадрового роста и подготовки квалифицированной кадровой смены.

Комплектование Мастерской роты Зимнего дворца входило в круг обязанностей «майора от ворот» инженер-полковника Кубе. Сохранилось штатное расписание Мастерской роты на 1848 г., из которого следует, что при 206 штатных единицах в роте числился 201

человек.

Для подготовки кадров в Петербурге действовала особая школа «команда мастеровых военного поселения», где обучались мастерству будущие мастера Зимнего дворца. Как правило, это были солдатские дети – кантонисты. Наряду с петербургской школой действовала и московская команда мастеровых военных поселений. Судя по формулярам, школу оканчивали в 22–25 лет. При переводе во дворец все новобранцы давали клятвенное обещание, фактически это была подписка «о неразглашении».

При обучении в школе по некоторым редким специальностям (слесарное мастерство) мальчиков отдавали по контракту на обучение к вольным мастерам. Например, двух мальчиков из школы отправили на обучение слесарному делу на 6 лет (с 1844 по 1851 г.) к одному из таких вольных мастеров. В ходе обучения мальчики проходили практику в Дворцовом ведомстве. Будущим слесарям доверили обслуживание паровой машины на придворном пароходе «Самолет». В заключении по итогам практики сказано, что должность свою они исполняли с «отличным усердием» и что на опыте оказались совершенно знающими слесарное дело. Вскоре молодых людей зачислили в Мастерскую роту подмастерьями⁴⁰⁰.

Кроме *Мастеровой, Пожарной и Рабочей* рот еще

одним крупным подразделением при Зимнем дворце была *Служительская команда*. До 1858 г. ее возглавлял старший надзиратель, получавший 144 руб. в год. В его подчинении находилось шестнадцать младших надзирателей (120 руб.), которые командовали 204 служителями, получавшими по 90 руб. в год. Всего 221 человек. Чины этой команды несли круглосуточную караульную службу на многочисленных дворцовых внутренних постах. Большая часть этих постов находилась на первом этаже дворца и в подвале – 19 постов из 21. Службу они несли в режиме «сутки через трое». Кроме того, в состав Служительской команды входили рабочие (всего 14 чел.), обслуживавшие три дворцовых лифта на ручной тяге (в комнаты Ее Величества, в подъезде Ее Величества и в подъезде министра Императорского двора). Таким образом, Служительская команда по штатам 1840 г. насчитывала 235 человек. Следовательно, весь техническо-охранный персонал Зимнего дворца насчитывал как минимум 445 человек. А если учесть персонал Придворно-экипажного заведения, то его можно увеличить еще на 250–300 человек, то есть как минимум до 700 человек.

На все дворцовые должности существовали списки «резерва». При открывшейся вакансии она заполнялась строго в порядке очереди этого «резерва». Но,

естественно, были и обходные варианты, когда кандидаты на должности использовали различные связи. На разных уровнях. Вплоть до высших. В сентябре 1903 г. Николай II лично повелел зачислить вахмистра 2 эскадрона лейб-гвардии Гусарского Е.В. полка Клейменова кандидатом на дворцовую должность⁴⁰¹. Вмешательство царя, видимо, было связано с тем, что Николай II, будучи цесаревичем, проходил военную практику в Гусарском полку. Там, возможно, он и познакомился с вахмистром. Но даже *прямые распоряжения* царя не могли быть выполнены немедленно. Гусарский вахмистр хотел устроиться смотрителем Сервизной кладовой или комнатного имущества, но поскольку не было свободной должности, распоряжение царя не выполнили. Поэтому царь вторично интересовался этим делом в конце февраля 1904 г.

Упомянув о Сервизной кладовой, следует отметить, что в подобных кладовых работали только проверенные многими годами службы люди. Это было связано с тем, что служителям при Кладовых доверялись огромные материальные ценности. В литературе не упоминается ни одного случая скандальной недостачи вверенного имущества. В Сервизной части работало два смотрителя, три помощника смотрителей, два писца, восемь присланных работников и два штатных работника. Всего 17 человек. Следовательно-

но, вахмистр Клейменов желал сразу стать одним из двух смотрителей этой кладовой, минуя многолетнюю службу.

В Зимнем дворце были и другие кладовые. Например, в Кладовой для приема и сортировки белья работала кастелянша, ее помощница, три прачки, смотритель, помощник и десять присланных рабочих. Всего 17 человек. В «Ливрейной части» работали смотритель, писец и работник. Всего 3 человека.

От крепостной к вольнонаемной прислуге

Важнейшим событием в дворцовой жизни стало изменение статуса дворцовых слуг. После отмены крепостного права в 1861 г. все они приобрели статус лично свободных людей. До отмены крепостного права в 1861 г. во дворцах «де-юре» служили крепостные. Накануне отмены крепостного права, когда различные проекты этой грандиозной реформы еще обсуждались в секретных комитетах, Министерство Императорского двора уже начало подготовку к отмене крепостного права в императорских дворцах. Во второй половине 1858 г. разработаны «Правила о замене вольнонаемными людьми нижних чинов инвалидных рот, мастеровых и других команд». Этот документ подписал министр Императорского двора граф В.Ф. Адлерберг и 28 ноября 1858 г. высочайше утвердил Александр II.

Суть этого обширного документа сводилась к следующим положениям: *во-первых, сокращалась общая численность придворной челяди, не связанной напрямую с обслуживанием Двора. Полностью упразднялась дворцовая Пожарная рота. Мастеровая рота Зимнего дворца сокращалась до 84 чело-*

век. Из Мастерской роты Придворного экипажного заведения оставлялось «только 150 человек лучших мастеровых»⁴⁰². Кроме этого по штату предполагалось нанимать 35 чернорабочих (по 54 руб. в год с едой). На зиму дополнительно набиралось еще 25 человек чернорабочих, которым платили по 25 руб. в год с едой. Всего 294 человека⁴⁰³.

Рядовой состав *Служительской команды*, охранявшей Зимний дворец, оставлен без изменений, но ее *командный состав сокращался* с 17 до 6 человек (начальник Служительской команды в чине майора или капитана (520 руб. в год), его заместитель в чине штаб-капитана (460 руб.), два поручика (по 370 руб.) и два подпоручика (по 333 руб.). Таким образом, сокращение численности штатного охранно-технического персонала Зимнего дворца в 1858 г. (535 чел.) по сравнению со штатами 1840 г. (700 чел.), вероятно, составило порядка 150–165 человек. Эти меры связаны, прежде всего, с соображениями экономии, поскольку с 1858 г. все штатные служители начали постепенно переводиться на положение оплачиваемых вольнонаемных мастеров.

Во-вторых, разработан механизм постепенной замены крепостной придворной челяди на вольнонаемную. Этот механизм предполагал, что специалистов переставали запрашивать из Военного ведомства, а

открывавшиеся вакансии заполняли вольнонаемными мастерами. Вместе с тем предусматривалось, что мастеравые из различных команд после выслуги узаконенных лет могли остаться при дворце в качестве вольнонаемных «даже сверх штата». *В-третьих*, на время переходного периода допускалось параллельное существование рабочих команд, укомплектованных по старым правилам и вольнонаемных. *В-четвертых*, все вольнонаемные фактически переходили на казарменное положение при дворцах, и несли ту же ответственность, что и состоящие на действительной службе. Это означало, что вечером «за четверть часа до зари» проводилась переключка, «дабы удостовериться, что все нижние чины, не занятые служебными обязанностями, находятся на лицо, или кто из них отлучился»⁴⁰⁴. *В-пятых*, всех слуг, работающих во дворце, переводили на жалованье.

В результате, в дворцовую прислугу начался приток новых людей «со стороны». Однако это был только небольшой ручеек. «Потомственная» дворцовая прислуга ревниво относилась к «чужакам», у нее были возможности «подставить» и удалить из дворца неугодного им человека. Поэтому закрытый и наследственный характер дворцовой прислуги в целом сохранялся на протяжении всего царствования Александра II.

Александр III в начале 1880-х гг., меняя структуру Министерства Императорского двора, предпринял очередную попытку разрушить «сословную касту» придворнослужителей. В 1882 г. министр Императорского двора И.И. Воронцов-Дашков провел очередной пересмотр штатов. В результате на законодательном уровне ликвидирован институт «придворно-служительского сословия». Кроме этого, сокращено число служащих в императорских дворцах. С 1882 г. придворнослужители нанимались только по вольному найму.

Эти шаги были связаны с тем, что несмотря на значительные ежегодные затраты, Александр III «оставлять прежний крепостной порядок... не желал»⁴⁰⁵. Однако следует признать, что все усилия носителей верховной власти наталкивались на совершенно непробиваемую традицию «по примеру прежних лет» и мощное «лакейско-камердинерское лобби». Кроме этого, дворцовые службы безопасности были также заинтересованы в замещении вакантных мест лицами из числа очередного поколения дворцовой прислуги, из-за того, что в начале XX в. состоялось несколько попыток внедрения террористов в число дворцовой прислуги. Печальный опыт мастерового Степана Халтурина, отработавшего в Зимнем дворце с сентября 1879 г. по февраль 1880 г., охрана не забыла. По-

этому наследственный характер дворцовой прислуги в целом сохранялся вплоть до 1917 г.

С «лакейско-камердинерским лобби» крупным чиновникам Министерства Императорского двора приходилось сталкиваться и в начале XX в. Начальник Канцелярии Министерства Императорского двора А.А. Мосолов, проработавший в этой должности с 1900 по 1917 г., в воспоминаниях отмечал, что «прислуга блюла традиции, еще от крепостных. Почти все придворные слуги происходили из потомков этих крепостных и представляли весьма сплоченную среду, как бы касту. Было почти немыслимо противодействовать традиционности»⁴⁰⁶. Тем не менее генерал начал борьбу с этой кастой. Несмотря на то, что его чиновники были детьми камердинеров («без высшего образования и воспитания») великих князей и потому «неуязвимы», генерал начал постепенно заменять их правоведами из Александровского лицея⁴⁰⁷. Однако, несмотря на все усилия А.А. Мосолова, его успехи в этом деле носили частный характер.

Поэтому, как это ни удивительно, но еще в начале 1930-х гг. многие лакеи и другие служители продолжали работать в бывших императорских дворцах, но уже музейными зрителями⁴⁰⁸.

Жалованье прислуги

Вольнонаемные слуги, работавшие по контракту за жалованье, были в Зимнем дворце и до 1861 г. Например, арапы, которые, как правило, являлись иностранными подданными. Но это – исключения из правила. *Впервые жалованье для всех слуг* ввели в Зимнем дворце в начале 1859 г., после того как в ноябре 1858 г. утвердили «Правила о замене вольнонаемными людьми нижних чинов Инвалидных рот, мастеровых и других команд».

Жалованье не было высоким, но дворцовая челядь традиционно получала «премиальные» на Пасху и Рождество, питание – бесплатное, Министерство Двора обеспечивало придворную челядь дворцовыми ливреями или другой «спецодеждой». Кроме этого, у дворцовой прислуги имелось много побочных источников доходов, требовавших, правда, определенной «ловкости».

Уровень жалованья был прямым свидетельством места слуги в дворцовой иерархии. Ключевое положение среди слуг царя занимали два человека – старший камердинерский помощник и лейб-кучер с окладом в 258 руб. в год. В Мастерской команде, численность которой в 1858 г. сократили с 207 человек до 84

человек, три мастера получали по 300 руб. в год, старшие мастеровые (40 чел.) – по 180 руб. в год, младшие мастеровые – по 150 руб. в год.

Тем не менее, несмотря на попытки всемерной экономии, обозначившейся в период правления Александра II, на содержание *личного состава* по ведомству Придворной конторы продолжали затрачиваться значительные суммы – до 274 682 руб. в год⁴⁰⁹. Что было связано с совершенно очевидными вещами: должный и привычный уровень дворцового комфорта требовал большого числа слуг, и вопросы престижа Императорского двора также требовали наличия привычного числа придворной челяди. Экономия достигалась не за счет подчас эфемерного сокращения штатов, а за счет минимальных окладов придворных слуг и чиновников. Например, в 1881 г. в штатах Министерства Императорского двора были такие оклады: чиновнику – 115 руб. в год, придворному служителю – 43 руб.⁴¹⁰ Даже лакеи, служившие на царской половине, получали по 201 руб. в год.

Пять камердинеров императора имели жалованье по 144 руб. в год. Только старший камердинер, как и лейб-кучер, получали по 258 руб.⁴¹¹ Естественно, низкий уровень жалованья приводил к злоупотреблениям.

Маленькое жалование придворной челяди отчасти компенсировалось регулярными выплатами «по случаю». Однако эти выплаты шли только той части дворцовой прислуги, которая находилась рядом «с телом» монарха. Постепенно сложился перечень памятных дат и праздников, когда можно было получить довольно крупную «прибавку» к жалованью. Эта «прибавка» подчас равнялась годовому жалованью. Размеры выплачиваемой суммы прямо зависели как от степени близости слуги к императору, так и от его должностного положения в дворцовой иерархии. Например, в 1833 г. унтер-офицеру Арсенала Царскосельского дворца Ивану Федорову «именинные» выплатили в сумме 100 руб., а остальным унтер-офицерам в сумме 50 руб. Это было связано с тем, что Федоров параллельно со своими обязанностями по Арсеналу периодически занимался чисткой (также получая за это деньги) музыкальных инструментов (труб), на которых играл Николай I.⁴¹²

Выплаты слугам шли из так называемой «Гардеробной суммы» императора, то есть средств, предназначенных на личные нужды российских императоров.

Если взять период царствования Николая I, то денежные выплаты слугам выстраиваются в следующем порядке. *Во-первых*, 1 января императора с на-

ступившим Новым годом поздравляли дежурные унтер-офицеры Царскосельского арсенала. *Во-вторых*, в течение года слугам выплачивались именные. Суммы были разные. В 1833 г. подкамердинер Павел Гримм получил именные в сумме 50 руб. Такую же сумму выплатили «камер-лакею комнат Его Величества в Зимнем дворце Василию Потапову». Истопникам и ездovým «комнат Его Величества в Зимнем дворце» именные платили по 25 руб. *В-третьих*, выплачивались деньги на Пасху. *В-четвертых*, на день рождения императора. *В-пятых*, на именины императора. *В-шестых*, на тезоименитство. *В-седьмых*, на Рождество.

Иногда в списке выдач возникали имена, появление которых трудно объяснить. Например, с 1846 г. к Новому году Николай I стал выплачивать по 5 руб. «вольноотпущенному

Сергею Титову». В этом же году в списке выплат появился безымянный «солдат при ванной комнате», ежегодно к Пасхе ему стали выплачивать по 3 руб. А с 1851 г. «солдату при ванной комнате» стали выплачивать по 3 руб. и на Рождество.

Следует заметить, что и в начале XIX в. Придворное ведомство не отличалось особой щедростью. Поэтому архитектор И. Монигетти получает разрешение министра Императорского двора П.М. Волконско-

го параллельно с работой в дворцовом управлении
заняться постройкой домов по заказам петербуржцев.

Форма дворцовых слуг

Дворцовые слуги обеспечивались казенной формой. Слуги, работавшие «на людях», кроме *повседневного* платья обеспечивались *праздничными* и *парадными* ливреями. Стоимость дворцовой униформы, естественно, зависела от положения слуги в дворцовой иерархии и степени близости к императорской половине. *Повседневные ливреи* менялись *ежегодно*. *Праздничные ливреи* были рассчитаны на *три года*. Как ни странно, стоимость повседневных ливрей была выше, чем стоимость праздничных. Например, стоимость повседневной ливреи *камер-фурьера* при Александре II (в 1858 г.) составляла 100 руб. 96 коп., а праздничная ливрея обходилась казне всего в 64 руб. 93 коп. *Парадные ливреи* менялись *по мере необходимости*. Их стоимость (кафтан вышитый, камзол и исподница) для камер-фурьера составляла 408 руб. 87 коп., то есть весь комплект формы обходился казне в 574 руб. 76 коп., крупную сумму по тем временам.

Примерно такое же ценовое соотношение было и для других слуг. Повседневная ливрея *гоф-фурьера* стоила 83 руб. 9 коп., праздничная – 54 руб. 60 коп., парадная – 128 руб. 34 коп. Весь комплект обходился

в 266 руб. 3 коп.

Форма *официантов* — повседневная — 74 руб. 9 коп., праздничная — 54 руб. 60 коп. и парадная — 128 руб. 34. коп. *Камердинеров* — 47 руб. 72 коп. (повседневная), 31 руб. 82 коп. (праздничный фрак) и 145 руб. 73 коп. (парадная). *Рейнкнехты* императора были одеты в форму гвардейских полков. *Парадная* ливрея *камер-лакеев* и *лакеев* обходилась в 245 руб., *скороходов* (кафтан, камзол, юбка и кушак) в 346 руб. 66 коп., *швейцара* — в 354 руб. 24 коп., *камер-казаков* — в 418 руб. 14 коп.⁴¹³

Костюм придворного арапа. Конец XIX в.

С одной стороны, эта блестящая, расшитая золотом форма дворцовых слуг производила впечатление и свидетельствовала о роскоши российского Императорского двора. Как писала одна из мемуаристок:

«Слуги при дворе носили золотые и алые ливреи; у живописных «скороходов» были экстравагантные, украшенные перьями головные уборы, чем-то напоминающие балетные «Короля-Солнце»». ⁴¹⁴ Великий князь Александр Михайлович также отмечал, что «их блестящие формы, шитые серебром и золотом, являлись великолепным фоном для придворных нарядов и драгоценностей дам. Кавалергарды и конногвардейцы в касках с императорскими двуглавыми орлами и казаки Собственного Его Величества конвоя в красных черкесках стояли вдоль лестницы и при входе в Николаевский зал» ⁴¹⁵.

С другой стороны, повседневная жизнь, конечно, накладывала свой отпечаток и на форму слуг. Один из дипломатов, посетивший Аничков дворец в апреле 1881 г., отметил: «У двери, через который вошли Их Величества, стоял камердинер в галстукe весьма сомнительной чистоты и лакей в гамашах и заношенной ливрее без малейшего намека на траур...» ⁴¹⁶.

Чины Мастерской и Служительской команд обеспечивались казенной формой, но она не становилась их собственностью.

Вне службы они носили собственное платье. Чины Служительской команды носили форменный двубортный полукафтан темно-зеленого цвета, гвардей-

ского сукна, зимой шаровары серого сукна, летом – шаровары фламандского белого полотна, галстук, фуражку и шинель.

Костюм придворного арапа. Конец XIX в.

Была своя форма и у специалистов Мастерской роты. Согласно «Табели мундирным и прочим вещам Мастерской роты», *повседневная форма* включала: фуражную шапку «из серого сукна, с светло синим околышем, подкладкою и кожаным прибором, по образцу нестроевых»; шинель «серого сукна со светло-синим воротником»; мундир однобортный «по образцу фураштатских батальонов, темно-серого сук-

на»; сюртук «однобортный писарям, темно-серый»; серебряный галун «на воротники и обшлага у мундиров и сюртуков, у подмастерьев только по воротнику»; рейтузы «всем чинам из темно-серого сукна»; галстуки «черные, суконные с манишками, всем чинам»; холста на две рубахи «на третью рубашку деньгами»; сапоги «каждому по 2 пары, на портянки и шерстяные носки, на шитье и смазку сапог».

Рабочая одежда специалистов Мастеровой роты включала: куртку «из фламандского полотна по 2 шт. на каждого»; брюки из фламандского полотна; на зиму полушубок овчинный по колено и рукавицы замшевые с варежками⁴¹⁷.

К середине XIX в. форма слуг уже «устоялась». Однако в начале XX в. при Императорском дворе возникло новое подразделение – Императорский гараж, служителей которого требовалось «одеть». Примечательно, что при разработке новой придворной формы в качестве «модельера-дизайнера» активно работала императрица Александра Федоровна.

Парадная форма камер-казака. Конец XIX в.

Осенью 1906 г. князь В.М. Орлов представил вариант образца униформы для водителей на рассмотрение императрице Александре Федоровне. В свою

очередь, императрица сочла возможным лично вмешаться в процесс «строительства» формы для шоферов и служащих Императорского гаража. Прежде всего, она выразила желание, чтобы эта униформа была скромной и не привлекала лишнего внимания. Императрица Александра Федоровна, которая хорошо рисовала, предложила эскизы своего варианта униформы. В основу униформы «варианта императрицы» была положена обычная лакейская ливрея с позолотой, высоким воротником, серебряными и золотыми шнурами. Такая униформа придавала водителям гаража вид обычной дворцовой прислуги. Видимо, императрица имела свои представления о «скромности» шоферской униформы.

Водители и механики сочли себя обиженными, поскольку считали себя рабочей аристократией и не желали уподобляться прислуге. Они гордились своей квалификацией, высокой ответственностью и редкой по тем временам профессией. Водители хотели иметь форму в военном стиле, которая, как они считали, больше подходила для их профессии. В результате руководители механического и экономического отдела гаража, а также водители (6 чел.), механики (7 чел.), мойщики (9 чел.) не одобрили предлагаемой им униформы. Но эту «фронду» не приняли во внимание, и в 1906 г. на «постройку» обмундирования для

персонала гаража затратили весьма крупные средства – 30 707 руб. 99 коп. Эти деньги перевели на счет фирмы «Лидваль». В сумму входило изготовление парадного и «вседневного» обмундирования. В октябре 1907 г. эту униформу утвердили для работников «Личного Гаража Его Императорского Величества»⁴¹⁸.

Парадная форма камер-казака. Конец XIX в.

Когда в 1909 г. строили форму «образца императрицы», то самым дорогим по стоимости стал комплект униформы личного шофера Николая II (248 руб.), которая была сопоставима со стоимостью мундира камер-казака императора. Комплект обмундирования

царского шофера включал в себя: два мундира (защитного цвета с золоченым жгутом и серебряными коронками) по 42 руб.; две пары шаровар (защитного цвета) по 16 руб.; две фуражки (защитного цвета с золочеными коронками) на 8 руб.; пальто (защитного цвета на вате и фланелевой подкладке) за 70 руб.; одна пара лакированных сапог за 18 руб.; три пары перчаток (зимние на меху по 5 руб. и две пары летних по 2 руб. 75 коп.); два рабочих костюма по 12 руб. и рабочая фуражка за 1 руб. 50 коп.

Остальные шоферы получили форму гораздо более скромную (по 54 руб.). Комплект униформы простого шофера включал: пару лакированных сапог за 18 руб.; три пары перчаток, два рабочих костюма и рабочую фуражку. При этом в финансовых документах не оговорены затраты на собственно форму.

Видимо, это была стандартная дворцовая форма, а затраты в 54 руб. шли сверх обычного комплекта.

Парадная форма камер-фуръера. Конец XIX в.

Форма машиниста и его помощника на поезде «Ренар» обошлась в 110 руб. Форма шофера при фургоне и омнибусе была еще дороже – в ИОи 180 руб., соответственно. Эти затраты шли на приобретение «кожаного мундира с золочеными жгутами и серебряными коронками» за 42 руб.; кожаных шаровар за 16 руб.; кожаной фуражки с золоченой коронкой за 4 руб. и пары сапог за 12 руб. Это была «настоящая» шоферская форма – «весь в коже».

Получил свою форму и персонал мастерской гаража. Форма мастера-столяра обошлась в 156 руб.

50 коп. Форма рядовых мастеров была значительно дешевле – 37 руб. 50 коп. (пара сапог, два рабочих костюма и рабочая фуражка). Форма шести младших мыльщиков обошлась в 72 руб. 75 коп. (мундир защитного цвета с галуном, шаровары, фуражка защитного цвета с коронкою, пара сапог, два рабочих костюма и рабочая фуражка). Форма шести старших мыльщиков стоила в два раза дороже – 140 руб. 75 коп. (все то же самое только добавлялось пальто защитного цвета за 68 руб.)⁴¹⁹.

Однако сама жизнь показала недолговечность униформы, разработанной Александрой Федоровной, да и влияние князя В.М. Орлова нельзя не учитывать. В 1910 г., когда составлялось «Положение» об Императорском гараже, утверждается и новый вариант униформы для работников гаража. Министр Императорского двора В.Б. Фредерике лично подписал записку об «Униформе Рабочих Личного Гаража Его Величества».

Записка была высочайше утверждена. Николай II унаследовал от своих предков любовь к внешней, парадной стороне армейской жизни. Все, даже ничтожные вопросы, связанные с введением или изменением форменной одежды, решались лично царем. В соответствии с канцеляризмами того времени император высочайше «повелел соизволить, чтобы Заведу-

ющему Технической частью Гаража, шоферам и служащим при автомобилях присвоены были, для выездов в холодное время, серые мерлушковые папахи несколько остроконечные, но по образцу прежних папах Собственного Его Величества Конвоя, с кокардой для техника и золоченую коронкою для остальных служащих и верхушками по цвету фуражек»⁴²⁰.

Форма камер-лакея. Конец XIX в.

Как и хотели водители, за основу новой униформы взяли форму военного чиновника. *Шоферы*, возившие *императора* и его ближайшее окружение, имели повседневную униформу из шерстяной диагонали *цвета хаки*. Парадная униформа отличалась от повседневной золотым шнуром вокруг отложного воротника с гербом на петлицах. Из той же диагонали шили брюки и форменное кепи с императорской короной. Униформу дополняли высокие кожаные ботинки на шнуровке, черные парадные ботинки, длинные перчатки-краги и рукавицы на меховой подкладке. Зимнее и осеннее пальто также шили из диагонали *цвета хаки* с золотыми петлицами на бобровом воротнике. В комплект формы входил водонепроницаемый летний плащ *цвета хаки*, кашемировый жакет *цвета хаки* с золотым шнуром, с гербом и красной подкладкой, галифе из кашемировой ткани *цвета хаки*, кашемировое кепи с короной.

Парадная форма скорохода. 1912–1913 гг.

На зимнем пальто диагоналевая ткань была подбита овчиной с воротником из овчины. *Водители грузовиков* имели свою форму. Их униформа была *серого цвета*, галифе и кепи, черные высокие ботинки; перчатки-краги, рукавицы на меховой подкладке. На пальто с меховой подкладкой пристегивался бобрый воротник, на голову надевалась черная овчинная папаха. Серая тужурка была отделана красным шнуром. Для *рабочих гаража* форма шилась из ткани *си-*

него цвета. «Окончательно» вопросы, связанные с организацией, управлением и формой, разрешились к 1914 г., когда было принято последнее «Положение об управлении Собственного Его Величества гаражами и штат управления»⁴²¹. К этому времени по штату в гараже работало всего 80 человек⁴²².

Крестники и крестницы

Традиция крестить монархами детей своих слуг и ближайшего окружения очень древняя. Она восходит к Петру I и Елизавете Петровне. Для царей это демонстрация неразрывной связи с народом, для простолюдинов не только высокая честь, но и прямая материальная выгода. Материальная выгода сводилась к весомым подаркам со стороны царей. Кроме того, крестников царская семья фактически принимала на свое содержание. Министерство Двора вело строгий учет крестников и крестниц высочайших особ. Подрастающим детям оплачивалось обучение за счет царской семьи и обеспечивался благоприятный карьерный старт.

Существовало несколько вариантов «царского крещения». Первый был связан с рассмотрением прошения родителей ребенка о возможности крещения их сына (дочери) особой Императорской фамилии. Если чиновники Министерства Двора после соответствующей проверки считали возможным допустить процедуру крещения, следовал доклад царю. Второй заключался в личной просьбе близких к царю дворцовых служителей, непосредственно обслуживавших царскую семью. Как правило, использовался именно

этот вариант.

Примечательно, что возраст царственной особы большого значения для крестившего младенца не имел. Имел значение статус. Например, в 1798 г. двухлетний великий князь Николай Павлович, будущий Николай I, стал крестным отцом двух младенцев. Конечно, крестил младенцев не двухлетний мальчик, в кто-то из его окружения «по доверенности». В документах значится, что в 1798 г. из его средств было выдано 100 руб. надворному советнику «российско-го языка учителю за крещение у него Его Императорским Высочеством младенца». А через некоторое время шталмейстер получил от имени великого князя 400 руб. в подарок за крещение ребенка⁴²³.

В последующие годы число крестников Николая I постепенно увеличивалось. В 1801 г. мундкох Фридрих Друбновский получил стандартные 100 руб. в подарок за крещение у него младенца⁴²⁴. В апреле 1807 г. ювелиру Дювалю выплатили 350 руб. «за золотую гребенку, пожалованную коллежскому асессору Баранову за крещение у него младенца»⁴²⁵. В 1810 г. вновь последовали выплаты ювелиру Дювалю за бриллиантовые перстни, которые дарили родителям крестников⁴²⁶. В январе 1845 г. дворцовому гренадеру Данилову «на крестины» выдали 50 руб.⁴²⁷

Выгоды от «царского крещения» оказывались настолько очевидны, что самые разные люди стремились сделать правящего императора крестным своего ребенка. Поток подобных прошений был настолько значительным, что вынудил Николая I принять решения на законодательном уровне. Поводом для принятия подобного решения стала просьба титулярного советника Щукина, работавшего старшим экспедитором одного из департаментов Государственного контроля. Просьба титулярного советника рассматривалась в октябре 1825 г. Комитетом министров, который принял решение – отказать, но довести просьбу чиновника до сведения императора (перестраховались!). В январе 1826 г. (в разгар следствия по делу декабристов!!!) Николай I принимает решение «впредь подобных просьб в Комитет не вносить; ибо Его Величество предоставляет себе изъяслять соизволение на восприятие от купели детей таких только лиц, кои лично известны Его Величеству»⁴²⁸. С этого времени члены императорской семьи крестили только младенцев «лично известных им лиц».

Однако даже в принятый закон пришлось через короткое время вносить изменения. Это связано с тем, что императора по должности окружало множеством людей, у которых, естественно, рождались дети и они, как лица «лично известные императору», считали се-

бя вправе пригласить Николая I на крестины своего ребенка в качестве крестного отца. Поэтому в 1836 г. принят закон, в котором предлагалось «представления о Всемилостивейшем восприятии от купели детей штаб и обер офицеров, делать сколь можно реже»⁴²⁹.

Иногда члены императорской семьи крестили целые семьи. Например, крестным отцом старшего сына официанта Дмитрия Пруссакова был Александр III, дочери – императрица Мария Федоровна, младшего сына – великий князь Михаил Александрович. Все трое детей лакея I разряда Егора Комарова также были крещены императорской четой.

На 1900 г. по спискам Министерства Двора на учете состояли 21 крестник и крестниц высочайших особ. В основном это были дети служащих при дворце. Большая часть крещений была связана с именами Александра III (10 чел.) и императрицы Марии Федоровны (6 чел.), но среди крестных упоминается и великая княжна Ольга Александровна (2 чел.) и великий князь Михаил Александрович (3 чел.). Среди родителей преобладали лакеи I разряда (5 чел.), которые непосредственно обслуживали царскую семью. Но были и официант, фейерверкер, канцелярские чиновники, казенный десятник, младший надзиратель, присяжный при церкви⁴³⁰.

ГОДА, ЧАСТЬ ПЕРВАЯ, Ш РОДИВШИХСЯ.		
Имя, имя, отчество и фамилия крестимого.	Вся церковь или часть прихода.	Крестимый или крестимая.
<p>Великимъ великимъ государемъ императоромъ Николаемъ Александровичемъ сыномъ великаго государя Александра Александровича императора Всероссийскаго и великой государыни Александры Федоровны императрицы Всероссийской и великой княгини Александры Федоровны императрицы Всероссийской и великой княгини Марии Федоровны императрицы Всероссийской</p>		

МЕТРИЧЕСКОЙ КНИГИ НА 1916				
Въ какомъ году.	Въ какомъ мѣсяцѣ.	Въ какомъ числѣ.	Въ какой приходѣ.	Имя, имя, отчество и фамилия крестимого.
1915	августъ	25	Св. Николаевскій приходъ	Александръ Владимировичъ сынъ великаго государя Александра Александровича императора Всероссийскаго и великой государыни Александры Федоровны императрицы Всероссийской и великой княгини Александры Федоровны императрицы Всероссийской и великой княгини Марии Федоровны императрицы Всероссийской
<p>Св. Николаевскій приходъ</p>				

Страницы из Метрической книги церкви Дворцового ведомства с записью о крещении Александры Невдаховой

При Николае II эту традицию продолжили. Император крестил детей кормилиц своих дочерей и ближайшей прислуги. Крестили детей и «лично известных» им людей из ближайшего окружения. Когда в 1908 г. жена одного из офицеров охраны царя родила ребенка, то Анна Вырубова сообщала счастливой матери, что «Ее Величество благоволит стать крестной матерью моему малышу». Поскольку отец ребенка был лютеранином, то младенца крестили по православному и лютеранскому обрядам. При первом крещении Александра Федоровна сама держала младенца и по

традиции подарила матери брошь, украшенную сапфиром и бриллиантами⁴³¹.

Последней крестницей императрицы стала дочь начальника Дворцовой полиции Невдахова, окрещенная 16 февраля 1916 г. В свидетельстве, выданном родителям, было указано, что «Ея Императорское Величество Государыня Императрица Александра Федоровна Всемилостивейше соизволила на восприятие от купели при Св. Крещении Августейшим Ея Императорского Величества Именем родившейся 26 декабря 1915 г. дочери состоящего в распоряжении Дворцового Коменданта полковника Отдельного Корпуса Жандармов Невдахова – Александры...».

Свидетельство о крещении Александры Невдаховой

Дисциплина, кражи, наказания

Одной из сторон жизни имперской резиденции, населенной сотнями людей, были периодические скандалы, связанные с кражами. Кражи, как таковые исключались в парадной императорской резиденции, обслуживающий персонал которой тщательно подбирался, но люди оставались людьми даже в императорской резиденции, и за 150-летнюю историю дворца в нем происходило всякое. Безусловно, скандалы не афишировались, но администрация дворца, как правило, использовала их для примерного, публично-го наказания виновных и дальнейшего совершенствования правил повседневной жизни придворнослужителей.

Из архивных дел следует, что за дисциплинарные и прочие прегрешения дворцовую прислугу наказывали, как правило, отдаванием в солдаты, а это – тяжелое наказание. Для слуги, выросшего при Императорском дворе, оказаться в солдатской казарме было очень тяжело. В 1794 г. рассматривалось дело 19-летнего золотарного ученика Шмелева. Причиной было пьянство и прогулы. Золотарному ученику грозило отдавание в солдаты, однако его пожалели, так как «он еще лет молодых»⁴³².

Как отмечал М.И. Пыляев, в царствование императрицы Екатерины II придворная прислуга «наживалась и тащила все; государыня смотрела на эту поживу глазами доброй хозяйки. Например, при ней показывали на один обед караульного офицера во дворце 70 рублей; дворцовое серебро чистили таким порошком, что значительная часть серебра оставалась чистильщикам. Великому князю Александру Павловичу раз потребовалась ложка рому, и с тех пор в расход записывалась бутылка рому. Эта бутылка рому показывалась на ежедневный расход даже в царствование Николая: ее открыла императрица Александра Федоровна».

При Николае I ни один из таких скандалов не проходил мимо внимания императора. Более того, суть дела докладывалась императору в тот же день, пусть даже обстоятельства той или иной кражи еще не расследовали. После расследования Николай Павлович все вопросы о наказании дворцовой прислуги решал сам. При этом грозный император, обладавший «взглядом василиска», от которого некоторые наиболее сообразительные сановники падали в обморок, был безжалостен к своим слугам. Он справедливо считал, что огромное хозяйство дворца будет разворовываться, если не будет регулярно и публично демонстрироваться неотвратимость наказания даже за

самые незначительные проступки. За серьезные проступки прислуга карались Николаем I безжалостно.

Еще в начале правления Николая I на законодательном уровне принят ряд решений, связанных с ужесточением наказаний персонала дворцов. В декабре 1826 г. состоялось решение по Гофинтендантскому ведомству о перемещении «истопников развратного поведения в рабочие команды мастеровых»⁴³³.

Тем не менее криминальные истории в императорских дворцах случались. Одной из первых серьезных криминальных историй царствования Николая I стало «дело о медалях» конца 1820-х гг. Несколько лакеев, «по предварительному сговору и с применением технических средств», вскрыли одну из музейных витрин, в которой хранились различные нумизматические ценности. На протяжении нескольких лет они вынесли из Зимнего дворца десятки ценнейших предметов⁴³⁴.

В 1839 г. было крайне неприятное дело о краже вещей в Аничковом дворце из комнат императрицы Александры Федоровны. Надо заметить, что при Николае I, несмотря на достаточно частые факты воровства, преступников, как правило, находили. В ходе следствия выяснилось, что ворами были истопник Михайлов и полотер Чукасов⁴³⁵. Надо отметить,

что в «личные комнаты» императорской четы вообще допускался самый ограниченный и тщательно проверенный дворцовый персонал. Но, видимо, подчас искушение оказывалось сильнее страха наказания.

Случались и откровенные вооруженные грабежи. В 1844 г., перед самым праздником Рождества, в комнату к камер-юнгферы Карповой, спавшей возле опочивальни императрицы, ночью прокрался вор с ножом в руках и стал требовать у нее денег. Камер-юнгфера, несмотря на весь ужас происходящего, не потеряла присутствия духа и, изъявив готовность дать грабителю денег, сказала, что они хранятся в соседней комнате. Выйдя, она закрыла свою спальню на ключ, находившийся в замке, и бросилась за дежурной прислугой. Люди сбежались, однако, они опоздали, поскольку вор, почувствовав неладное, выломал дверь и скрылся. Надо подчеркнуть, что описанное происходило не на постоялом дворе и не в гостинице, а в главной императорской резиденции – Зимнем дворце.

Немедленно организовали расследование. Решающую роль вновь сыграла камер-юнгфера, поскольку у грабителя она узнала одного из придворных лакеев. Тот был немедленно арестован и допрошен гофмаршалом Шуваловым. Допрос закончился безрезультатно и лакей отказался признавать свою вину. Только после личного вмешательства в эту скандальную

историю Николая I, лично допросившего лакея, удалось добиться от него признания. Как выяснилось, при Дворе он прослужил уже пять лет, но при этом постепенно превратился в горького пьяницу. К 1844 г. он все пропил и опустился настолько, что покусился на «святое» – на парадные лакейские штаны с галуном, которые он заложил за 3 рубля. Поскольку приближался праздник, на которых лакей должен был служить в этих парадных штанах, а денег для их выкупа из ломбарда не было, он и решился на разбой. При этом он подчеркивал, что нож «на дело» он взял, чтобы только «попугать» камер-юнгферу. По высочайшей воле лакея-разбойника предали военному суду, который приговорил к прогнанию сквозь строй через 2000 человек и обращению потом в арестантские роты. Николай I смягчил наказание отменой телесного наказания⁴³⁶.

В ноябре 1851 г. во второй запасной половине похитили 12 шелковых штор с окон. Как только пропажа обнаружилась, немедленно последовал рапорт «майора от ворот» инженер-полковника Кубе на имя министра Императорского двора князя Волконского. Расследование заняло только два дня и быстро установило круг подозреваемых. После ряда допросов выявили всех участников кражи. Выяснилось, что дворцовый работник Бубнов сорвал шторы с окон, вынес

их из дворца и продал неизвестным лицам по 2–3 руб. за каждую штору. Прибыль он поделил с «подельником», лакеем Абросимовым, тот сорвал две шторы. Дело доложили императору, он собственноручно написал на докладе «Судить всех военным судом».

Кем были преступники? Как следует из формулярных списков, Дмитрий Бубнов являлся работником Высочайшего двора, православным, холостым, с жалованьем в 116 руб. в год, сын мелкого таможенного чиновника. Его служба при

Дворе началась в 1841 г., куда он был определен фельдшерским учеником. В 1843 г. – произведен в фельдшера. В 1845 г. из фельдшера Бубнова перевели в истопники. Надо заметить, что в придворно-служительской иерархии превращение фельдшера в истопники было безусловным повышением, поскольку истопник вхож во внутренние помещения дворца и становился ближе «к телу» императора, чем фельдшер. Однако в 1849 г. его карьера дала трещину: Дмитрия Бубнов разжаловали за пьянство из истопников в простые работники.

Надо заметить, что за всеми придворнослужителями, подвергшимся дисциплинарным наказаниям, следил полицмейстер Боуэрского, Прачечного и Придворнослужительского домов. Он следил за холостыми, разжалованными работниками, жившими в двор-

цовом общежитии. Они категорически не допускались на дежурство в комнаты императорской семьи. При расследовании полицмейстер донес по команде, что Бубнов вел себя хорошо и поэтому переведен из штрафного в общее отделение холостых придворно-служителей.

Примечательно, что пострадали не только воры, но и лица, связанные с ними. Николай I лично приказал посадить под арест гоффурьера Петрова, отвечавшего за обслуживавший персонал дворца, и камердинеров Панкова и Иванова, в чье дежурство совершалась кража. Они просидели на гауптвахте две недели, пока их не освободили по личному распоряжению царя⁴³⁷.

Бубнова и Абросимова судил военный суд. Это был военный, но, тем не менее, суд. Он начал выяснять обстоятельства дела и задавать вопросы, поскольку не был осведомлен о нюансах придворной службы. Прежде всего, очертили круг обязанностей виновных. Как следует из ответа Придворного ведомства, обязанности лакеев, истопников и работников заключались в соблюдении чистоты комнат, в дежурстве на определенных местах с ответственностью за сохранность залов и «продовольствовании Особ и лиц». Как следует из документов, служба их оказалась достаточно тяжелой, поскольку придворнослужительские вакансии часто были не заполнены, и дежурных некому

сменить, поэтому они находились на постах «весьма продолжительное время». Также суд установил, что шторы провисели на окнах не менее пяти лет, поэтому были уже выгоревшие и ветхие. Хотя изначально украденные шторы обошлись казне в 398 руб., их можно было продать только за 2–3 руб. серебром за штуку.

Тем не менее воров ожидало суровое наказание, и прецеденты тому уже были. По высочайшему повелению, в декабре 1844 г. придворного лакея Алексея Тормахина предали военному суду и по его решению приговорили к телесному наказанию. 30 декабря 1844 г. в 5 часов утра в манеже Инженерного замка собрали камер-лакеев, лакеев и нижних служителей всех придворных ведомств для присутствия при исполнении приговора над лакеем Алексеем Тормахиным. В 1850 г. истопника Придворного ведомства Николая Великанова за кражу наказали шпицрутенами (три раза через 100 чел.), а потом отдали в арестантские роты.

Но в 1851 г. выяснилось совершенно неожиданное обстоятельство. Из министерских архивов извлекли два указа Екатерины II, которыми категорически запрещалось подвергать телесным наказаниям «ливрейных служителей при высочайшем Дворе». В указе от 12 марта 1765 г. приказывалось «телесного на-

казания не чинить, а чинить штраф, смотря по вине содержанием под арестом... на хлебе и воде... или отсылать в военную коллегию для направления на военную службу». Но, как следует из следующего указа от 6 мая 1771 г., этот указ не соблюдали. Екатерина II с возмущением пишет: «Как уведомились мы, к не малому удивлению нашему, что несмотря на сие наше повеление воля наша не исполняется, и также при дворе нашем возобновилась злая привычка ливрейных служителей бить... Все суровости от невежества, рожденные и выдуманые, через сие накрепко запрещаем под опасением нашего гнева... отнюдь никогда и ничем не бить». Нерадивых служителей она предлагала наказывать: «1. Кроткостью, если не поможет. 2. Держанием под арестом. 3. Двухсуточное сажание на хлеб и воду. Потеряв надежду... снять ливрею... и отпустить от двора или отослать в военные команды, смотря по вине его»⁴³⁸.

Все были озадачены, поскольку знали, что Николай I с уважением относится к своей царственной бабушке. С другой стороны, всем известно, что прислугу безжалостно наказывали. Поэтому суд немедленно начал выяснять официальный статус «ливрейных служителей», надеясь, что истопники и работники не входят в эту категорию. Однако было установлено, что «придворными служителями, именуются все ли-

ца, служащие при высочайшем дворе, которые по должности их не пользуются правом на получение за выслугу лет классного чина, а именно: камер-лакеи, лакеи, скороходы, поваренные помощники, истопники, работники и вообще поваренные служители».

Юридическую коллизию разрешил лично император. Обер-гофмейстер Шувалов доложил о проблеме государю, который лично прочел тексты екатерининских указов и «высочайше изволил собственноручно отметить»: «Отменить нельзя, но как служба считаться может только с 16-летнего возраста, то провинившуюся молодежь сих лет, подвергать детским наказаниям, для исправления, весьма можно и должно»⁴³⁹.

В результате по приговору суда Бубнова и Абросимова исключили из Придворного ведомства и приговорили к службе в армии рядовыми. Всех причастных к делу косвенно передавали непосредственному начальству для наказания по его усмотрению. Однако Николай I счел этот приговор слишком мягким, и 17 июля 1852 г. «Государь император собственноручно изволил написать «первых – в арестантские роты на три года, а последних – в рядовые»».

Столь суровая реакция царя, видимо, была связана с тем, что кражи во дворце в это время приняли систематический характер, и царь жестокими мерами хотел пресечь их. Тем не менее кражи продолжались, да-

же косвенно затрагивая самого императора. Известно, что когда однажды Император Николай Павлович потребовал сальную свечу, чтобы смазать нос по случаю насморка, то с тех пор в счетах выводилась ежедневно одна сальная свеча, якобы по требованию Государя⁴⁴⁰.

Очень любопытно «дело» истопника Киселева. Само по себе это дело граничит с безумием. Собственно история сводится к тому, что 18 декабря 1851 г. истопник Киселев, придя за жалованьем в казначейство Придворной конторы, занял очередь. Потом он взял висевшую на стуле шинель эрмитажного истопника Новикова и отправился в Апраксин двор, где тут же продал эту шинель за 5 руб. серебром. Затем Киселев спокойно возвратился в очередь. К этому времени истопник Новиков, получив жалованье, хватилась шинели, и стоявшие в очереди указали на истопника Киселева. Киселев не стал отпираться и во всем тут же сознался. Оба истопника отправились в Апраксин двор, где Киселев выкупил шинель и тут же вернул ее хозяину. Несмотря на благополучное завершение этой истории, она тут же стала известна руководству Министерства Императорского двора. По традиции суть дела немедленно доложили императору, тот без всякого суда распорядился отдать истопника Киселева на 10 лет в крепостные арестанты⁴⁴¹.

Конечно, не следует думать, что дворцовая челядь поголовно состояла из воров. Были эпизоды, когда можно было «взять» совершенно спокойно, без всяких последствий. Например, после Высочайшего выхода, который состоялся 1 января 1840 г., при уборке парадных залов слуги нашли потерянную бриллиантовую пуговицу. О находке немедленно доложили по инстанции, и выяснилось, что драгоценная пуговица была с парадного платья великой княжны Марии Михайловны. Слуг наградили «за честность»⁴⁴².

Следует сказать, что это был, пожалуй, единственный случай проявления подобной честности. Во время балов украшений терялось много, поскольку не только дамы, но и мужчины были буквально усыпаны драгоценностями, однако эти потери традиционно «не находили», поскольку так же традиционно дворцовая прислуга считала эти потери своей «добычей». О том, насколько велика могла быть эта «добыча», свидетельствует французский художник О. Берне (18 мая 1843 г.): «Вчерашний бал был великолепен, – и кавалеры, и дамы являли собой нечто, усыпанное бриллиантами, не говоря уже о жемчуге и рубинах. Во время танцев или просто из-за тесноты в толпе украшения ломались, и приходилось все время наступать на жемчуг и рубины. Чтобы поверить этому, надо видеть собственными глазами»⁴⁴³.

На балах терялись иногда и уникальные вещи. В феврале 1903 г. во время знаменитого «исторического бала» младший брат царя великий князь Михаил Александрович потерял драгоценную большую алмазную застёжку, которую он прикрепил в качестве украшения к своей меховой шапке. Застёжка была «баснословно дорогой; некогда она принадлежала императору Павлу I, и вдовствующая императрица надевала ее крайне редко... Должно быть украшение упало у него с шапки во время танцев. Оба они – Мама и Михаил – были вне себя от отчаяния: ведь застёжка принадлежала к числу сокровищ короны. В этот же вечер были внимательно осмотрены все залы дворца. Утром пришли сыщики и обшарили дворец от подвала до чердака, но бриллиантовую застёжку так и не нашли. Нужно сказать, что на этих балах теряли множество драгоценных украшений, но я ни разу не слышала, чтобы хоть одно из них удалось отыскать!»⁴⁴⁴ – вспоминала сестра Николая II великая княгиня Ольга Александровна.

Иногда император мог простить проштрафившегося слугу. Лето 1847 г. царская семья проводила в Петергофе. Там произошел эпизод, который характеризует дворцовые нравы. В один из дней лакей Андреев, служивший при детях цесаревича Александра Николаевича, упал на балконе «в припадке падучей болез-

ни». Естественно, его немедленно удалили из детских комнат, а взамен прислали нового лакея. Инцидент был исчерпан. Тем не менее неизвестные «доброжелатели» решили дать этому делу ход. Императору Николаю I донесли о случившемся, представив лакея пьяным. Император немедленно выговорил воспитателю Юрьевичу: «Это недосмотр и этого не должно быть ни где... что такого человека надо строго наказывать: отдать в солдаты»⁴⁴⁵. Воспитатель сумел убедить императора, что его неверно информировали. Николай Павлович объяснения принял.

Однако через некоторое время, действительно, заметили пьяного лакея. Воспитатель Юрьевич в письме к цесаревичу описал это следующим образом: «После вечернего собрания, когда фрейлина графиня Гауке садилась в карету, Его Величество, вышел на крыльцо, заметил, что находящийся при ней лакей (Двора Вашего Высочества Перон) был в весьма нетрезвом виде, так, что едва держался на ногах». Император, увидев такое из ряда вон нарушение правил, «обратился ко мне с крайне недовольным видом, сказав: «Вот еще новое доказательство, в каком беспорядке прислуга Двора Его Высочества; это стыд, непростительно»». Затем Николай Павлович распорядился направить Перона в Кронштадтский линейный батальон в рядовые, и «ежели впредь узнает или

услышит о таких беспорядках, то виновный так же будет отдан в солдаты»⁴⁴⁶. За слугу пытались заступиться, мотивируя заступничество тем, что у лакея Перона жена и семеро детей. Император внял просьбам и помиловал. Лакея вернули на прежнее место. Тем не менее Николай I выговорил Юрьевичу: «Мне крайне неприятно, что я должен употреблять такие меры. Ты возьми на себя, чтобы все было в порядке; сам наказывай виновных, как знаешь, лишь бы до меня не доходили подобные дразги»⁴⁴⁷. Очевидно, что императору не доставляло удовольствия принимать столь жесткие решения, однако он был убежден, что «держат в руках» прислугу необходимо.

Наказывали и за непрофессионализм. Сохранился рапорт камер-фурьера Р. Инганио от 14 января 1884 г. Суть документа в том, что камер-фурьер неоднократно замечал небрежное исполнение «службы во время дежурства в Аничковом дворце у г. флигель-адъютантов лакея II-го разряда подвижного состава Евлампия Тимофеева». В результате рапорта лакея наказали «рублем», заменив лакейское жалованье на жалованье работника⁴⁴⁸.

Несмотря на все «показательные процессы», даже при Николае I в императорских резиденциях воровали. При либеральном Александре II эти факты только

участились. Причем иногда утраты дворцовых интерьеров не всегда были связаны с банальным воровством. Например, в начале 1860-х гг. много старинной мебели вынесли из Зимнего, Таврического и других дворцов как хлам в кладовые и даже на склад императорского Александрийского театра. Это было связано с изменением приоритетов в представлениях о прекрасном. На смену пышным дворцовым интерьерам, в создании которых принимали участие ведущие художники и архитекторы своего времени, пришел буржуазный потоковый стандарт. К слову, очень удобный и комфортный. Вместо произведений мастеров-художников появилась, по распоряжению обер-гофмаршала графа Шувалова, немецкая, солидно-буржуазная обстановка из магазинов Гамбса и Тура.

Все эти «утраты» привели к тому, что когда в начале 1880-х гг. при Александре III министр Императорского двора граф И.И. Воронцов-Дашков пригласил Д.В. Григоровича сделать опись внутреннего дворцового убранства, тот со свойственной писателю выразительностью заклеил порядок, при котором допущено было кричащее безобразие – в некоторых даже парадных комнатах рядом с восхитительными вещами стояли рыночные поделки⁴⁴⁹.

Воровали и напрямую. В 1858 г. на половине великой княгини Екатерины Михайловны были похищены

бронзовые часы. Вещь была достаточно объемная, но, тем не менее, ее сумели вынести из дворца⁴⁵⁰. Явно «взяли» свои. Но при этом надо учитывать, что, несмотря на почетность и ответственность службы придворной челяди, их жалованье было очень маленьким и не менялось десятилетиями. По штатам, принятым в конце царствования Александра II, лакеи получали по 201 руб. в год. Пять личных камердинеров императора Александра III имели жалованье по 144 руб. в год. Старший камердинер, как и лейб-кучер, получали по 258 руб.⁴⁵¹ Правда, прислуге, близкой к императору, приплачивали из «комнатных сумм»: к Пасхе, Рождеству, больничные, к отпуску и пр. Но было и множество других слуг, которые этих прибавок не получали.

Возникла парадоксальная ситуация. Служащие императорских резиденций, на руках которых в фактическом распоряжении находились драгоценное имущество на многие десятки миллионов рублей, оплачивались «до смешного ничтожными окладами... Людей как бы наталкивали на злоупотребления»⁴⁵².

Злоупотребления, о которых мало известно, периодически выливались в громкие уголовные дела. Одно из очередных «уголовных дел» случилось летом 1868 г., когда из молельной комнаты Большого при-

дворного собора Зимнего дворца украли 972 руб., принадлежавших «общественной сумме» Придворного духовенства. Преступников не нашли⁴⁵³.

Вскоре история повторилась, только в еще больших масштабах. В октябре 1869 г. граф обер-гофмейстер Шувалов донес министру Императорского двора В.Ф. Адлербергу, что в Малой церкви Зимнего дворца из алтаря с жертвенника похищен церковный инвентарь: дискос, лжица, звезда. Все вещи серебряные, вызолоченные общим весом в 3 фунта 92 золотника. Также украдены две лампы серебряные, местами вызолоченные, общим весом 12 фунтов 17 золотников, которые значились по описи под № 4 и № 46. Все украденные вещи весили более 6 кг.⁴⁵⁴ Совершенно очевидно, что кроме веса металла, это была высокохудожественная работа. Но и это – не главное. Главное то, что кража произошла в церкви главной императорской резиденции. Причем ключ от церкви находился у истопника, который был лично известен Шувалову своей благонадежностью. Сразу же было принято решение заменить все украденные вещи до прибытия императорской семьи. Сам факт кражи негласно расследовался обер-полицмейстером и заведующим Зимним дворцом Дельсалем.

Поскольку преступника опять не нашли, то приняли только «профилактические» меры. Во-первых, по-

ставили засовы, окрашенные под цвет дверей. Во-вторых, при отсутствии Императорской фамилии выставлялся военный пост на площадке у Малой церкви Зимнего дворца при входе на Ротонду, при приезде императорской семьи во дворец на этом посту по-прежнему стояли два часовых⁴⁵⁵.

В 1882 г. было заведено дело о краже вина из погреба Александровского дворца. В результате обыска и следствия у виноторговцев в Царском Селе и Павловске выяснилось, что из винного погреба Александровского дворца похищены 324 бутылки. Опознавал вино в ходе обыска буфетчик Бергман, «которому вполне известно, какие вина находились в Царскосельском погребе». Например, шампанское «Цесаревич» (22 бутылки) оценивалось в 4 руб. 22 коп. за бутылку, херес «Дюшеко» по 2 руб. 1 коп.⁴⁵⁶ То есть суммы, вырученные в результате кражи, превосходили уровень годового жалованья.

«Конечно, нелегко было вести дворцовое хозяйство, обширное и сложное, – писал генерал Н.А. Епанчин, – но многое в нем нуждалось в улучшении... в придворном хозяйстве... была не только небрежность, но и недобросовестность, а попытки честных людей искоренять злоупотребления встречали упорное противодействие и иногда кончались им во вред». Кроме этого решительно прекращено «заимствова-

ние» мебели и других вещей из императорских резиденций царственной «родней». Видный чиновник Министерства Императорского двора В.С. Кривенко описывает ситуацию, когда во дворце великого князя Михаила Николаевича готовился большой прием, то «обнаружили» нехватку стульев. Управляющий великокняжеским двором Муханов послал заведующему Зимним дворцом полковнику Гернету запрос с просьбой выделить стулья. Полковник запросил по телефону решения министра Императорского двора. Последовал короткий ответ – «Не давать!» Через час по телефону была передана эта же просьба от лица самого великого князя. Министр, зная отношение к подобным фактам Александра III, ответил: «Государь повелел без его личного ведома никому дворцовой мебели не выдавать. Угодно Его Высочеству, что бы я доложил?». Немедленно послышался быстрый ответ: «Нет! Нет! Ничего, пожалуйста, не говорите». Другой великий князь Владимир Александрович использовал Большой зал Александровского дворца в Царском Селе для игры в теннис. Когда Александр III узнал об этом, то младший брат царя немедленно получил нагоняй от старшего брата⁴⁵⁷.

Дворцовые слуги, сопровождавшие своих господ в поездках за границу, не упускали возможности «поработать» контрабандой, иногда в довольно крупных

размерах. Для этого имелись большие возможности, поскольку императорский поезд или яхта проходили границу империи без всякого таможенного досмотра. Сведения об этом устойчивом контрабандном канале не были секретом для руководства Министерства Императорского двора. Поскольку ближняя прислуга императорской семьи пользовалась своеобразным «иммунитетом», то решения о пресечении контрабандного канала принимались «на высшем уровне». Для решения «вопроса» требовалось личное вмешательство министра Императорского двора В.Б. Фредерикса. Министр «вышел» на вдовствующую императрицу Марию Федоровну, желая доказать ей «ненадежность прислуги, как-то упросил ее при возвращении из-за границы разрешить таможенным властям осмотреть багаж сопровождающих ее лиц». Императрица согласилась, и таможенный досмотр состоялся в Кронштадте. Осмотр показал, что прислуга вдовствующей императрицы «везла много сигар, игральные карты и разные материи для продажи. Пошлин оказалось на большую сумму», однако императрица так и не уволила «ни одного контрабандиста»⁴⁵⁸.

Воровали в императорских резиденциях и при Николае II. Иногда происходили совершенно необъяснимые истории. И с точки зрения фактографии, и с точки зрения организации охраны императорских резиден-

ций. В качестве характерного примера можно привести эпизод лета 1904 г. К этому времени Боевая организация партии эсеров уже заявила о себе. 15 июля 1904 г. эсеры убили министра внутренних дел В.К. Плеве.

В этой ситуации нараставшего революционного террора крестьянин Архипов, 21 года, без определенного места жительства, около двух часов июльской белой ночи подошел со стороны Дворцовой площади к ограде сада Зимнего дворца, выждал пока городской удалится в сторону Дворцового моста и лихо перемахнул через двухметровую решетку сада. В этом охраняемом саду он незамеченным провел два дня и две ночи. Днем он отлеживался в кустах, ночью гулял по дорожкам царского сада, а затем, оголодав, пролез через открытую форточку во дворец в квартиру княгини Голицыной, пробыл там около часа, и взяв кое-что «по мелочи» из вещей, вылез обратно в сад. Архипов дождался, пока городской отойдет от ограды, и тем же путем благополучно удалился из охраняемого сада. Самое удивительное то, что через три дня он добровольно явился обратно и сдался дворцовой охране. Когда Архипов дал свои показания, все были в шоке и сначала не поверили ему, считая, что «трудно допустить возможность укрыться человеку в негустых сравнительно кустах, при таком большом числе

работавших в саду людей (в саду работало 9 человек. – И. З.)»⁴⁵⁹. Однако Архипов показал место, где он перелез через ограду, и место, где отлеживался в кустах, пока садовники работали в саду. Мотивировал он свое проникновение в царский дворец тем, что собирался якобы лично просить царя «об отправлении его добровольцем в действующую армию». Случай был из ряда вон, но дело замяли и ограничились тем, что добавили еще один пост охраны около Иорданского подъезда.

Воровали и у гостей императора. В 1898 г. в Зимнем дворце у японского принца Фусими были похищены коронационные медали, подаренные принцу Николаем II. Чтобы замять позорный эпизод принцу, немедленно выдали новый комплект коронационных медалей⁴⁶⁰.

Воровали и в личных комнатах Николая II. Даже из его кабинета. Сделать это было довольно сложно, поскольку именно царские кабинеты охранялись службами государственной охраны особо тщательно. По инструкции после отбытия императора из резиденции его кабинет опечатывался и находился опечатанным вплоть до его возвращения. Накануне возвращения царя кабинет вскрывали и под присмотром чинов Дворцовой полиции прислуга, многократно проверенная, приводила кабинет в порядок. Тем не менее

в декабре 1909 г. из кабинета Николая II в Зимнем дворце исчез маленький серебряный складень. С ведома Николая II, министр Императорского двора В.Б. Фредерике распорядился оставить это «без последствий»⁴⁶¹.

Воровали во всех резиденциях. Даже в тех, в которых члены императорской семьи жили почти постоянно. В 1910 г. были украдены серебряные предметы в Гатчинском дворце⁴⁶².

Самые серьезные материальные потери императорские резиденции понесли в 1917 г. Надо подчеркнуть, что растаскивание ценностей Зимнего дворца начало приобретать масштабный характер еще с лета 1917 г., когда в него переселился А.Ф. Керенский. Для его охраны в Зимнем дворце разместили караул от частей Петроградского гарнизона. Это уже не были отборные части, охранявшие Николая II. Это – революционная вольница, которая считала, что царские резиденции должны понести «материальные потери». Поначалу совершали мелкие кражи, которым по инерции придавался характер событий. Но расследование, как правило, велось формально (да и велось ли вообще) и дела заканчивались безрезультатно. 17 мая 1917 г. в коридоре Четвертой запасной половины срезали ткань с 5 секций ширм и с дивана. При расследовании справедливо предположили, что это сде-

лали караульные солдаты. В августе 1917 г. пропало белье (простыни, наволочки, полотенца) у офицеров, квартировавших в Зимнем дворце. Тогда же срезали кожу с кресел и дивана в квартире статс-дамы Нарышкиной. 24 августа 1917 г. в помещении, отведенном для гвардейского Петроградского полка, сбили замки и похитили наволочки для матрацев и одеяла (34 шт.). Выявить виновных естественно не удалось⁴⁶³. 29 сентября 1917 г. из квартиры № 15 Фрейлинского коридора пропали две пары оконных занавесей. Но личные вещи фрейлины похитители не тронули. 2 октября 1917 г. унесли две полузанавески из проходных комнат бывшей половины императрицы Александры Федоровны.

Но все это мелочи по сравнению с материальными потерями в ходе штурма дворца в октябре 1917 г. Сведения об ущербе были установлены к концу декабря 1917 г., специально было сделано 66 снимков разрушений в комнатах, особо пострадавших во время штурма в ночь с 25 на 26 октября 1917 г. Смотрители подчеркивали, что «в продолжении целого дня 26 октября и до полудня 27 октября 1917 г. почти во всех комнатах Зимнего дворца за весьма редким исключением произведен грабеж разного рода имущества, комнатной обстановки. А также много поломано из мебели и прочего, как просто из озорства, так и от

орудийных снарядов, пулеметных и винтовочных выстрелов». Смотрителей возмущал бессмысленный и беспощадный «народный гнев». Например, упоминается, что подчас «были налицо механизмы от часов, но не было корпусов, или были корпуса, но не находились механизмы... Мелкие кусочки разбитых ваз, части бронзовых канделябров валялись в кучах мусора и разного хлама в разных комнатах дворца.... В целом ряде комнат была составлена мебель у окон и балконов для устройства баррикад. Похищены шторы, подзавески, занавеси, драпировки... украдены даже с карнизами, шнурами, грузами и медными подвесами»⁴⁶⁴. Уносили из Зимнего дворца не только «сувениры», но и вещи «для дома, для семьи». Смотрителей дворца возмущало, что были срезаны шнуры со штепсельными вилками от настольных ламп, у некоторых канделябров разобрана проводка.

Из бильярдной комнаты Николая II украли бильярдные шары, «разгромлена кладовая, где хранились письменные приборы, умывальные, фарфоровые и др. приборы, каминные украшения. Пасхальные яйца. В № 8 камер-юнгферского коридора, где хранятся вещи, лично принадлежавшие Их Величествам... подверглись хищению... Снаряд разорвался внутри секретарских комнат в помещении Александра III.... Разгромлены квартиры фрейлин... Всякого рода частич-

ные хищения в Зимнем дворце начались с момента, когда во дворец были допущены различные общественные организации... кражи особенно усилились, когда значительное число помещений Зимнего дворца обслуживало потребности членов Временного правительства и когда во дворец на жительство переехал бывший председатель Совета министров А.Ф. Керенский, и когда с его переездом во внутренние помещения дворца были допущены войска»⁴⁶⁵.

Придворные слуги занимали важное место в дворцовой инфраструктуре. Их число определялось периодически менявшимися штатными расписаниями, первое из которых было введено при Николае I. Персонал для Мастерской роты набирался либо из Военного ведомства, либо готовился в специальных школах из числа детей придворнослужителей. При Александре II произошла замена крепостных слуг на вольнонаемных. Характерной особенностью придворных слуг был весьма стабильный персональный состав. Во многом это связано с тем, что к будущим слугам присматривались с детства. Другим традиционным источником пополнения дворцового персонала был перевод на положение слуг отставников гвардейских полков, которые несли караульную службу в императорских резиденциях. Надо отметить, что попытки разрушить закрытую кастовую систему придвор-

нослужителей весьма кратковременными, поскольку проникновение в столярную команду Мастеровой роты С. Халтурина показало, что из соображений безопасности, кастовость и закрытость дворцового персонала следует не только сохранить, но и поощрять.

В дни Февральской революции 1917 г., когда весь привычный мир в одночасье изменился, прислуга в Александровском дворце Царского Села повела себя по-разному. Люди есть люди. Непосредственный свидетель событий баронесса С.К. Буксгевден упоминает, что «все слуги, заботившиеся о хозяйстве, сбежали», но при этом «во дворце остались лишь члены личной свиты Александры Федоровны»⁴⁶⁶. Однако уже 16 марта «во дворец пешком вернулись несколько наших слуг, находившихся в Петрограде»⁴⁶⁷. Члены Петроградского совета, бывавшие во дворце с инспекционными визитами, пытались оказывать давление на вернувшихся слуг, всячески ругая тех «за то, что те продолжают работать на «тиранов»»⁴⁶⁸. Однако немногочисленные слуги остались на своих местах в Александровском дворце Царского Села и продолжали служить императорской семье вплоть до августа 1917 г. Однако это была только небольшая часть многочисленной касты придворнослужителей.

Требовалось решать судьбы многочисленной двор-

цовой челяди, рассеянной по всем императорским резиденциям, поскольку император Николай II подписал отречение 2 марта 1917 г. В Гофмаршальской части Министерства Императорского двора, отвечавшей за персонал дворцов, составили вопросы, которые уже 16 марта 1917 г. адресовали «г. Комиссару исполнительного Комитета Государственной думы». На эти вопросы достаточно быстро последовали ответы новой власти: «Должна ли Гофмаршальская часть переименовать свои официальные бланки? – Ответ последовал. – Нет. – Должна ли Гофмаршальская часть сменить печать? – Нет, только следует убрать двуглавого орла, как символ самодержавия. – Надлежит ли производить содержание гофмейстрин, фрейлинам и гофлектриссе супруги отрекшегося от престола императора Николая II? – Выплату содержания приостановить. – Надлежит ли производить содержание камер-фрейлинам и фрейлинам вдовствующей императрицы Марии Федоровны? – Выплаты производить по-прежнему. – Надлежит ли производить содержание мужской и женской комнатной прислуги Николая II и его супруги? – Содержание не выплачивать. – Надлежит ли производить содержание мужской и женской комнатной прислуги Марии Федоровны? – Производить по-прежнему»⁴⁶⁹.

Как следует из этого документа, «репрессии» со

стороны новой власти коснулись только окружения Николая II. Прислугу же императрицы Марии Федоровны никто не тронул и не ущемил.

Животные в императорской семье

Люди любят животных. Нормальные люди. Причем иногда больше, чем людей. Хотя бывает по-всякому. Собаки и кошки – традиционно самые близкие человеку домашние животные. Среди них, как и среди людей, есть бомжи, простолюдины, средний класс и богачи. Есть и аристократы. Некоторые из них вне зависимости от своей породы вместе со своими хозяевами вошли в историю, которая сохранила их имена. Речь пойдет о собаках русских монархов.

Надо заметить, что хотя у каждого из русских монархов были собаки, но имен многих из них история не сохранила. Это и понятно: что собаки, когда подчас утрачивалась память о многих достойных людях. При этом, как правило, собак в окружении монархов имелось множество, что связано с древними традициями псовой охоты на Руси. Безусловно, среди этих собак были и любимцы, которых особенно выделяли монархи. Но фиксировать это не принято, поскольку «собачья служба» считалась не заслуживающей особого внимания. История имен домашних животных, как и многое, пожалуй, начинается с собак Петра I.

Первой документально зафиксированной собакой Петра I был пес догообразной породы Тигран. Царь всегда обращал внимание на необычные вещи и поэтому, будучи поражен внушительными габаритами собаки, купил Тиграна уже взрослым кобелем. Императора всегда отличал прагматизм, поэтому Тиграна после смерти забальзамировали и поместили в экспозицию Кунсткамеры. Сейчас его чучело экспонируется в Зоологическом музее Санкт-Петербурга.

Но если Тиграном царь только удивлял, то другую собаку – Лизетту – он любил. Небольшая собачка, видимо, относилась к породе левреток – очень древней породе. Как указывается в справочниках, изображения левреток встречаются еще на греческих амфорах. Согласно легенде, египетская царица Клеопатра подарила двух щенков этой породы Цезарю. Вскоре эти собачки появились на виллах римских аристократов.

Петр I приобрел Лизетту в Лондоне и подарил своей второй жене Екатерине Алексеевне. Собака жила в доме царя. По воспоминаниям современников, присутствие собачки успокаивало вспыльчивого монарха. Так Лизетта оказалась в немногочисленном кругу тех, кого император любил. Просто любил. Собачка умерла в 1721 г. Петр I был весьма удручен этой потерей, но, тем не менее, Лизетту так же, как Тиграна, забальзамировали и ее чучело по сей день хранится в му-

зее Петра I при Государственном Эрмитаже, наряду с другими предметами, окружавшими монарха.

После смерти Петра I среди монархов было немало страстных охотников. Например, Петр II и Анна Иоанновна. Но история не сохранила имен их собак-любимцев, хотя они, безусловно, имелись.

Более подробно зафиксированы «собачьи следы» в окружении Екатерины II. Собаки занимали достаточно большое место в ее жизни. Галантный XVIII в. ввел во дворцах моду на крохотных собачек, повсюду сопровождавших своих хозяек. Это были именно женские собачки. На множестве женских портретов того времени хозяйки держат их на своих руках. А поскольку XVIII в. вошел в историю России как «бабий век», так как большую его часть на российском троне были женщины, то европейская мода на левреток и болонок прижилась и в России. Были, конечно, и другие собаки. Например, в коллекции Эрмитажа хранится табакерка в виде мопса, изготовленная в 1760-х гг. По легенде, мужья аристократок всячески поощряли эту моду. Объяснялось это тем, что маленькие собачки четко различали «своих» и «чужих», трепетно оберегая своих хозяек. Собачки гавкали на «чужих» и ласкались к «своим». По этому признаку мужья могли четко определить, кто из мужчин-гостей «свой» для их жен, а кто «чужой».

Надо заметить, что маленькие собачки выполняли и утилитарную функцию живых блохоловок. За блеском и шармом XVIII в. подчас скрывались немытые тела, несвежее белье и обилие насекомых. Поэтому, обычным делом было ношение на шее специальных блохоловок. Они представляли собой небольшие цилиндрики, наполненные изнутри медом. Края блохоловок обмазывались кровью, привлекавшей насекомых. Собаки только дополняли эту почти обязательную деталь туалета. Слуги периодически вылавливали блох, перепрыгнувших на них с хозяек.

Ежегодно, в мае, Императорский двор перебирался на лето в Царское Село. Вместе с придворными на лето за город выезжали и собаки в специальных колясках. Для них шили мягкие подстилки из старых собольих шуб императрицы. Собакам разрешалось находиться в личных комнатах хозяйки, сопровождать ее на прогулках в парке. Екатерина II сама заказывала ошейники для своих собак.

Собаки появились у императрицы достаточно поздно – в 1770 г., когда доктор Димсдэль преподнес Екатерине II пару левреток. Они дали громадное потомство, которое охотно разбирали аристократы. У императрицы были свои любимцы, целое собачье семейство, во главе которого стоял пес, которого императрица называла «сэр Том Андерсон». Екатерина II по-

дробно писала о своих собаках в письмах к барону Гримму: «Я всегда любила зверей... животные гораздо умнее, чем мы думаем, и если было когда-нибудь на свете существо, имевшее право на речь, то это, без сомнения, Том Андерсон. Общество ему приятно, особенно общество его собственной семьи. Из каждого поколения он выбирает самых умных и играет с ними. Он их воспитывает, прививает им свои нравы и привычки: в дурную погоду, когда всякая собака склонна спать, он сам не ест и мешает есть менее опытным. Если же, несмотря на его предостережения, они расстроят себе желудки и он увидит, что у них началась рвота, то он ворчит и бранит их. Если он найдет что-нибудь, что может их позабавить, то предупреждает их; если найдет какую-нибудь траву, полезную для их здоровья, то ведет их туда. Эти же явления я наблюдала сто раз собственными глазами»⁴⁷⁰.

Из «семьи» Тома Андерсона происходила еще одна любимица императрицы – левретка Земира. Ее называли в честь героини популярной тогда оперы «Земира и Анзор». Не случайно именно ее запечатлел художник В.Л. Боровиковский на картине «Екатерина II на прогулке в Царскосельском парке». В Петергофском дворце сохранилась фарфоровая статуэтка Земиры. В описи, составленной в 1880-х гг., значилось: «Петергоф. Английский дворец. Левретка императри-

цы Екатерины II, лежащая на подушке, фарфоровая, в натуральную величину. Писано красками: подушка зеленого цвета, окаймленная шнуром, писанным золотом. Франция. Работа XVIII в.»⁴⁷¹.

Собаки постоянно сопровождали императрицу во время ее прогулок, и художники, писавшие императрицу, неоднократно подмечали эту особенность частной жизни Екатерины II. Суровая к своим подданным Екатерина II многое прощала своим любимцам, очеловечивая их. В одном из писем она писала: «Вы простите меня за то, что вся предыдущая страница очень дурно написана: я чрезвычайно стеснена в настоящую минуту некой молодой и прекрасной Земирой, которая из всех Томассенов садиться всегда как можно ближе ко мне и доводит свои претензии до того, что кладет лапы на мою бумагу»⁴⁷².

Екатерина II, вслед за Петром I, следовала практике бальзамирования своих любимцев. Подчас, это приводило к недоразумениям. Посол Франции в России Сегюр описывает следующий курьезный эпизод. Как-то раз к придворному банкиру Сутерланду явился петербургский обер-полицмейстер и «с прискорбием» сообщил, что «получил поручение от императрицы исполнить приказание ее, строгость которого меня пугает; не знаю за какой поступок, за какое преступление вы подверглись гневу Ее Величества». Пере-

пуганный Сутерланд стал допытываться о причинах гнева царицы. «Императрица, – отвечал уныло полицмейстер, – приказала мне сделать из вас чучелу... – Чучелу?! Вскричал пораженный Сутерланд. – Да вы с ума сошли! И как же вы могли согласиться исполнить такое приказание. Не представив ей всю его жестокость и нелепость?» К счастью, через третьих лиц удалось выяснить, что у Екатерины II умерла собачка (ранее подаренная банкиром), носившая имя Сутерланд. Безутешная императрица потребовала от полицмейстера «сделать чучело из Сутерланда», что и было принято им к исполнению. Примечательно, что полицмейстер, готовый выполнить приказ, дал банкиру только «четверть часа сроку, чтоб привести в порядок его дела!»⁴⁷³.

В.Л. Боровиковский. Портрет Екатерины II на прогулке в Царскосельском парке

Левретка Земира. Фарфоровая фигурка. Петергоф

Но чаще собак хоронили. А поскольку царственная хозяйка их очеловечивала, то в ее летней резиденции – Царском Селе появилось *первое кладбище домашних животных* с мраморными досками и эпитафиями на могилах любимых собак. Несколько таких надгробий дошло до нашего времени. В Екатерининском парке позади павильона «Турецкая баня» находятся мраморные плиты с посвящениями Земире, Сэру Томасу Андерсону и Дюшессе. На одной из могил на мраморной доске был вырезан текст, составленный самой Екатериной II: «Под Камнем сим лежит Дю-

шесса Андерсон, которою укушен искусный Роджерсон»⁴⁷⁴.

Одно из посвящений было составлено французским послом при дворе Екатерины II – графом Сегюром. Он в записках поведал историю одного из надгробий: «Однажды, помню я, императрица сказала мне, что у нее околела маленькая левретка Земира, которую очень любила и для которой желала бы иметь эпитафию. Я отвечал ей, что мне невозможно воспеть Земиру, не зная ее происхождения, свойств и недостатков. «Я полагаю, что вам достаточно будет знать, – возразила мне императрица, – что она родилась от двух английских собак Тома и Леди, что она имела множество достоинств, только иногда бывала немножко зла». Этому мне было довольно, и я исполнил желание императрицы и написал следующие стихи, которые она чрезвычайно расхваливала:

«Здесь пала Земира, и опечаленные Грации должны набросать цветов на ее могилу. Как Том, ее предок, как Леди, ее мать, она была постоянна в своих склонностях, легка на бегу и имела один только недостаток – была немножко сердита: но сердце ее было доброе. Когда любишь, всего опасешься, а Земира так любила ту, которую весь свет любит, как она. Можно ли быть спокойною при соперничестве такого множества народов? Боги, свидетели ее нежности, долж-

ны были бы наградить ее за верность бессмертием, чтобы она могла находиться неотлучно при своей повелительнице»»⁴⁷⁵.

Свои собаки были у Павла I. Павел Петрович до 42 лет прожил в Гатчинском дворце, вокруг которого простирался прекрасно ухоженный парк. В нем был «Зверинец», где содержалась большая псарня. Царская фаворитка Нелидова вспоминала, что Павел I «соглашался держать лишь маленьких собачек, которые никогда не затравят оленя. Все удовольствие от охоты – заставить оленя бежать». Но собаки, жившие на псарне, «работали». А у императора была «своя», личная собака – беспородный шпиц. По свидетельству М.М. Пыляева: «Павел всегда спал в белом полотняном камзоле с рукавами, в ногах его лежала любимая его собака «Шпицъ»; император особенно любил собак, не разбирая род, и иногда простая дворняжка была его фаворитом... В Павловске, во дворце, во время вечерних отдохновений императора на половине императрицы, простая дворная собака лежала всегда на шлейфе платья государыни. Павел очень любил этого пса, брал его на парады и в театр, где он сидел в партере на задних лапках и смотрел на игру актеров. В день смерти императора, собака эта, никуда прежде не отлучавшаяся, вдруг пропала»⁴⁷⁶. Бытописатель старого Петербурга очень точно подме-

тил общечеловеческое свойство – важна не порода, а привязанность собаки.

В XIX в. традиция наличия «личных» собак императоров и «комнатных» собачек императриц продолжилась. Однако их «значение» уже напрямую связано с увлечением охотой русских монархов. Александр I охоту не любил, хотя, без сомнения, собаки были и при его Дворе. Николай I не был страстным охотником и участвовал в ней по мере необходимости. Но, тем не менее, у него был свой «личный» пес. А. Дюма упоминал в своих заметках о России, что «захотев как-то вознаградить одного из своих сыновей, Николай I уложил его рядом со своей кроватью на расстеленную на полу самую старую шинель, на которой спал его пес Гусар. Гусар, старый и грязный спаниель с серой шерстью, был любимчиком императора Николая; он никогда не отлучался от хозяина и пользовался всеми привилегиями избалованной собаки»⁴⁷⁷. На одной из картин суровый император изображен художником вместе с Гусаром.

Е.И. Ботман. Николай I с Гусаром

Как следует из архивных документов, первые птицы и животные появились у будущего Николая I еще в раннем детстве. В апреле 1801 г. кофишенку Эрмитажа Матвею Добрынину выдано 50 руб. за «поднесение им снегиря». Несколько позже «за снегиря ученого» уплачено 25 руб. комнатному лакею. В июле 1801 г. Шарлотта Карловна Ливен за 100 руб. купила

попугая для пятилетнего Николая. В декабре 1801 г. для попугая куплена клетка⁴⁷⁸. В 1803 г. у английского купца для Николая был куплен за 100 руб. еще один попугай⁴⁷⁹. Можно с уверенностью утверждать, что появление рядом с будущим императором двух попугаев и двух снегирей было частью педагогического процесса.

Видимо, эти педагогические приемы оказались успешными и, став императором, Николай I сохранил рядом с собой не только, положенных «по должности» собак, но и попугаев. Об этом известно из платежей по императорской «Гардеробной сумме». При Дворе была даже должность «птичника», которому в марте 1833 г. уплатили 15 руб. «на корм для попугая за три месяца». Однако с 1834 г. деньги на корм попугаям стали выплачиваться камердинерам царя, братьям Сафоновым. Последний раз за корм попугаев уплачено в 1838 г.

По счетам «Гардеробной суммы» восстанавливается и история собак Николая I. Первая сумма «за стрижку собаки Гусара» в 10 руб. была выплачена ездovому Иванову 5 марта 1833 г. Видимо, собака только-только появилась рядом с царем и была ему очень дорога. В буквальном смысле, поскольку уже в апреле 1833 г. бестолковый Гусар сбежал, и когда его поймали, то флигель-адъютанту князю Трубецкому выпла-

тили 500 руб. «для выдачи его человеку за поимку собаки Его Величества Гусара»⁴⁸⁰. 500 руб. за пропавшую собаку значительная сумма. В ноябре 1833 г. Гусар заболел, и лекарскому ученику Хмелеву выплатили 20 руб. за «израсходованные им деньги на покупку шприца и лекарства для лечения собаки Гусара». В декабре 1833 г. Гусара продолжали лечить и лекарскому ученику Степану Юдину, «лечившему собаку Его Величества Гусара», уплачено 50 руб.

Конечно, Николай I за собакой сам не ухаживал. Лечили, стригли и кормили собаку специалисты. Степана Юдина в счетах называют то лекарским учеником, то егерем. Он же не только лечил Гусара, но и кормил его. В январе 1834 г. Семену Юдину «на корм собаки Гусар» выплатили за два месяца 15 руб.⁴⁸¹ Были еще довольно большие счета «за содержание» собаки.

Стригли Гусара самые разные люди. В 1834 г. этим занимался камердинер царя Малышев. В 1835 г. стриг собаку ездовой Зимнего дворца Иванов. Примечательно, что если Гусара стригли камердинеры, ездовые и пр., то Драгуна стриг «парикмахер Слепкин». Одна стрижка собаки обходилась в 10 руб. Надо заметить, что сначала Гусара стригли один-два раза в год. Начиная с 1840 г. в счетах появляется новый термин «за бритье» собаки Гусара. В 1840 г. Гусара 9 раз «брили» и один раз «стригли». В основном этим зани-

мался ездовой Иванов.

В 1835 г. у Николая I появилась вторая собака – Драгун, для которой сразу купили ошейник за 22 руб. Естественно, собака болела и камердинер Увалышев начал лечить Драгуна. В 1836 г. Драгун убежал, но царскую собаку, конечно, нашли. Правда «гатчинским служителям» выдали только 140 руб. «за поимание собаки Драгуна». В этом году бестолковый Драгун убежал дважды. В декабре «человеку барона Кистера за привод собаки Драгуна» заплатили 100 руб. Вероятно, Драгун прожил недолго, поскольку из счетов его имя исчезает уже в 1838 г. Однако в 1850 г. у царя появляются новые собаки, одну из которых называли Муфта, а другую старой кличкой Драгун. В 1852 г. появляется еще одна собака по кличке Мадам. Больше всего из собак Николая I прожил Гусар. Первый раз его имя упомянуто в счетах в 1833 г., а последний в 1851 г., следовательно, собака прожила рядом с Николаем 118 лет, возраст для собаки весьма почтенный. Поэтому неудивительно, что на портрете Николая I кисти Е. Ботмана рядом с царем изображен именно пудель Гусар. Следует особо подчеркнуть, что это единственный портрет, на котором Николай I изображен с собакой.

Царское Село. Пенсионерское кладбище

У жены императора Николая I императрицы Александры Федоровны также имелись свои любимцы. В 1853 г. специально для нее из Англии выписаны три собачки. В документах их порода не указана, но можно предположить, что это комнатные собачки, модные в ту пору. Они были очень дорогими. Посланник России в Лондоне барон Брунов заплатил за них значительную сумму – 112 фунтов 15 шиллингов. Кроме этого, доставка их в Россию обошлась еще в 20 червонцев, уплаченных англичанину Бретту⁴⁸².

Во второй четверти XIX в. в Царском Селе появилось еще *два кладбища домашних животных*. В янва-

ре 1826 г. Николай I приказал перевести восемь верховых лошадей Собственного седла своего умершего старшего брата Александра I в Царское Село и отвести им особое помещение на конюшне. В 1827–1829 гг. по проекту архитектора А. Менеласа для царских лошадей построили особое здание, получившее название «Пенсионерская конюшня». Рядом с Пенсионерской конюшней в 1830-х гг. образовалось второе «кладбище домашних животных», на котором хоронились умершие от старости лошади Собственного императорского седла. По сложившейся традиции, вплоть до 1917 г. над могилами лошадей устанавливались массивные гранитные плиты, на которых указывалась кличка и время службы лошадей императору. Всего на этом кладбище погребено более 120 лошадей «царского седла».

Плита на могиле Абаза, коня Александра III

Такое значительно число захоронений лошадей
Собственного седла связано с тем, что каждый из чле-

нов императорской семьи обслуживался значительным «лошадиным штатом». Когда в 1859 г. сформировали штат цесаревича Николая Александровича, то его обслуживал по Конюшенному ведомству штат из 32 лошадей. Из них верховые собственного седла 8 лошадей: для гусарского строя – 2; для казачьего строя – 2; для гулянья и охоты – 4 лошади⁴⁸³.

Некоторые из лошадей Собственно седла увековечены и в мелкой декоративной пластике. В Петергофе в одной из гостиных Коттеджа хранилась отлитая из темной бронзы фигурка лошади императора Николая I по кличке Надежда. Эту небольшую вещицу подарил императрице Александре Федоровне в 1845 г. на день рождения шталмейстер О.И. Юшков⁴⁸⁴.

Для собачек императрицы Александры Федоровны в Царском Селе закладывается *третье* кладбище домашних животных, оно находилось в Александровском парке, недалеко от летней резиденции императорской четы – Александровского дворца, на Детском острове, посреди пруда Собственного садика. Над могилами любимых собак устанавливались гранитные пирамидки, изготовленные по проекту одного из ведущих архитекторов николаевской эпохи – А. Менеласа. Форма и размеры пирамидок сохранялись вплоть до 1917 г.

*Гатчина. Вид на Собственный садик. Могилки по-
пугаев и собак*

Там хоронили и собачек детей Николая I и Александры Федоровны. Великая княгиня Ольга Николаевна упоминает, что в 1835 г. «Мама подарила мне собаку Дэнди, неразлучного со мной вплоть до моего замужества»⁴⁸⁵. В середине 1830-х гг. у цесаревича Александра Николаевича были собаки по кличке Дилон и Нептун. А в 1839 г., когда цесаревич путешествовал по России, его собаку выгуливал сам Николай I. Он считал нужным в письме упомянуть, что «твой Нептун так меня полюбил, что не отходит и даже бегаёт на учёные... гуляет со мной и ест и сделался преласко-

вый и с Драгуном мирен»⁴⁸⁶.

При Александре II увлечение собаками охватывает всю царскую семью, приобретает черты государственного «увлечения». Дело в том, что Александр II, в отличие от своего отца Николая I, был страстным охотником. В соответствии с дворянскими традициями, именно псовая охота занимала одно из главных мест в его увлечениях. В 1857 г. по распоряжению Александра II Придворную охоту перевели из Петергофа в Гатчину Ее основой стала псовая «охота», в которой смешались породы русских и английских охотничьих собак.

Для того чтобы «поставить» псовую охоту императора, Егермейстерская контора периодически закупала чистокровных породистых собак у помещиков, которые десятилетиями культивировали именно этот вид охоты. В конце 1850-х гг. у калужского помещика Мясоедова приобрели целую «охоту» из 34 борзых и 55 гончих собак. Для пополнения царской охоты собаки приобретались и за границей. Например, для царской парфорсной охоты куплены 33 английские собаки – рослые, красивые и злобные. В 1857 г. по инициативе герцога Мекленбург-Стрелицкого за границей приобрели 7 собак для охоты на кабанов.

Зная об увлечении императора Александра II псовой охотой, ему периодически дарили породистых со-

бак. Во время коронации императора в 1856 г. полковник Афросимов подарил царю пару английских собак. Помещик Протопопов из г. Владимира подарил царю четырех борзых собак. В 1865 г. помещик Курской губернии Я.Я. Воронов – шесть борзых собак. В 1866 г. отставной полковник Березников – десять борзых собак. Испанский посланник герцог де Осупа в 1857 г. и 1860 г. – четырех собак, специально выведенных в Испании для охоты. В 1867 г. принц Уэльский подарил Александру II сеттера. Этого сеттера потом два года специально дрессировали егеря Егермейстерской конторы, для того чтобы он «достойно» вел себя в Зимнем дворце⁴⁸⁷. В 1873 г. калужский помещик П.А. Березников, несколько десятилетий занимавшийся выведением новой породы гончих, перестав охотиться, подарил свою стаю императору Александру II в Гатчинскую придворную охоту.

Поскольку охота являлась обязательной частью жизни светского общества, то и ответные подарки Александра II принимались с благодарностью. В 1867 г. он подарил принцу Уэльскому трех борзых собак. В 1851, 1855 и 1868 гг. принцу Карлу Прусскому также достались борзые.

Увлечение императора Александра II псовой охотой в немалой степени способствовало развитию собаководства в России. Императорская охота регуляр-

но принимала участие в различных выставках в России и за границей. В 1863 г. Императорская псовая охота участвовала в Московской выставке животных и растений, на которой две своры борзых, породы густопсовых русских собак из породы «волкогонов» и два «смычка» «породы бурдастых собак» получили серебряную медаль.

В 1867 г. на Всемирной промышленной выставке в Париже «свора Его Величества борзых собак» получила большой приз, а борзые собаки Славный и Завида – золотую медаль⁴⁸⁸. В 1875 г. свора борзых Императорской охоты (Чародей, Лебедь, Любезный) получила на выставке «Императорского общества размножения охотничьих и промысловых животных и правильной охоты» золотую медаль. В 1878 г. на «Охотничьей выставке гончих и борзых собак из Императорской псовой охоты и промысловых животных, и правильной охоты» 47 собак гончих и борзых собак из Императорской псовой охоты удостоились двух золотых, трех серебряных и одной бронзовой медали. В 1881 г. на 7-й выставке «Императорского общества псовой охоты» собаки Императорской охоты вновь получили высшие награды⁴⁸⁹.

Императору Александру II, как охотнику, нравились «серьезные» собаки. Именно с его подачи в России появились первые доги, которые были выставоч-

ной новинкой того времени. Первая выставка догов состоялась в 1863 г. в Гамбурге. На ней выставялось восемь «очень представительных догов», названных датскими. Два выставочных дога приобретаются для Александра II⁴⁹⁰. По тем временам это была очень редкая порода собак, культивировавшаяся только очень состоятельными людьми. Как впоследствии писал поэт Н. Заболоцкий:

Шагают огромные доги,
И в тонком дыму сигарет
Живые богини и боги
За догами движутся вслед.

Наряду с многочисленными медалистами у императора имелись и «свои» собаки. А поскольку их век относительно недолог, то у Александра Николаевича их было достаточно много. Но самому императору и современникам больше всего запомнился черный английский сеттер Милорд, который прожил у Александра II семь лет. Эта собака стала буквально тенью Александра II.

Мемуаристы оставили многочисленные упоминания о Милорде. А.П. Бологовская, дочь офицера Кирасирского полка, гулявшая по аллеям Царскосельского парка, была однажды испугана «большой чер-

ной собакой», которая «выскочила на меня с громким лаем», но «в ту же минуту около меня очутился военный, который начал меня ласкать и успокаивать. Когда я пришла в себя, то узнала цесаревича Александра Николаевича... После этого много раз встречала в тенистых аллеях парка цесаревича, всегда с его собакой Милордом, с которым после первого моего неудачного знакомства завязалась у меня самая теплая дружба»⁴⁹¹.

Александр II с Милордом

Известный писатель Л. Сабанеев вспоминал: «Императорского черного кобеля я видел в Ильинском после обеда, на который государь пригласил членов правления Московского общества охоты. Это была крупная и весьма красивая комнатная собака, с прекрасной головой, хорошо одетая, но сеттериного типа в ней было мало, к тому же ноги были слишком длинные и одна из ног совершенно белая. Говорят, сеттер этот был подарен покойному императору каким-то польским паном, и слух ходил, что кобель был не совсем кровный»⁴⁹². Тем не менее окружение императора охотно разбирало щенков, отцом которых считался Милорд. Одного из таких щенков вырастил у себя в деревне Л.Н. Толстой.

Придворные живописцы изобразили любимца императора: на акварели «Кабинет императора Александра II в Гатчинском дворце», написанной придворным живописцем Э.П. Гау в 1862 г., рядом с пустым креслом царя на полу лежит Милорд (см. стр. 498).

Академик живописи А. Швабе неоднократно писал картины на «собачьи» темы для цесаревича Александра Николаевича. На полотне «Собака» (1845 г.), как сказано в описи «белая длинношерстная собака с черными пятнами стоит на зеленом ковре». Эта картина вплоть до 1941 г. хранилась в Передней импера-

тора Александра II в Зубовском флигеле Екатерининского дворца. На другом полотне А. Швабе изобразил собаку императора, лежащую на ковре у горящего камина.

Н. Сверчков. Портрет Александра II

Это живописное полотно впоследствии вставили в раму экранного камина (экран хорошо виден на одной из акварелей придворного живописца Э. Гау с изображением Башенного кабинета Александра II). Другой художник – Рандель написал пастель «Собаки Александра II» (1849). В кабинете императора на письменном столе стояла фотография «Александр II в казачьей форме с собакой» и скульптура «Александр II, в рост, в шинели, с собакой, лежащей у ног». Эту скульптуру создали известные мастера М.А. Чижов и И. Подрезов в 1870 г. К сожалению, все эти вещи погибли в огне Великой Отечественной войны.

Портрет «Александр II на коне с собакой» кисти известного художника Н.Е. Сверчкова написан в 1880 г., за год до смерти императора. Это едва ли не единственный портрет императора на коне с собакой. 19 февраля 1880 г., «в день 25-летия царствования Александра II», ему преподнесли портфель, в котором среди прочего было изображение Милорда, написанное художником Бернардом.

Милорд умер в 1867 г., когда Александр II уехал в Париж на Всемирную выставку. Впервые за много лет император не взял с собой свою собаку. И вскоре Милорд умер. На *четвертом кладбище домашних животных* у Зубовского флигеля появилась очередная

«собачья» мраморная плита с надписью «Добрейший и милейший Верный Милорд. 1860–1867». Плита Милорда была утрачена в 1934 г.

«Собачья тема» вообще была одной из традиционных и любимых в живописи и мелкой декоративной пластике дворцовых интерьеров. Украшением государевой Приемной в Царскосельском дворце являлась бронзовая скульптура «Две собаки на стойке» работы П. Мэна. На одной из акварелей, показывающих интерьер Зеркального кабинета императрицы Марии Александровны в Царскосельском дворце, собачки разделяют досуг царственных хозяев. У камина в Туалетной Александра Николаевича палевого цвета борзые играют друг с другом. Рядом, в Кабинете императора, в большом кресле примостилась еще одна той же масти. На экране камина, на другой стороне комнаты, изображена в натуральную величину «Собака у дерева, смотрящая на птичку». Две собаки – живая и на экране акцентируют значимость их присутствия в повседневной жизни императорской четы.

Поскольку у цесаревича Александра Николаевича в Царском Селе была своя половина в Зубовском флигеле, то именно поблизости от него постепенно сформировалось *четвертое кладбище домашних животных*. Оно располагалось в так называемом «Собственном садике», разбитом напротив Зубовско-

го флигеля, где были апартаменты Александра II. Иногда этот участок Екатерининского парка называли садиком Александра I⁴⁹³, или Фрейлинским садиком. Согласно описи 1918 г., там находились четыре надгробные плиты белого мрамора. На всех плитах были высечены надписи, явно составленные царственными хозяевами умерших собак. Почти все надписи начинались со слова «верный». Например, «Верный Муля» с 1833 по 1846 г. был неразлучен с цесаревичем Александром Николаевичем и сопровождал его в поездке по России, Германии, Голландии, Италии и Англии. «Верный Моксик» был с цесаревичем с 1849 по 1858 г. Именно о нем писала в дневнике в 1855 г. фрейлина А. Тютчева: «Я приготовила суп для Мока, любимой левретки императора. Когда я брала сухарь, чтобы помочить его в молоке, император подал мне другое печенье, говоря: «Нет, вы всегда вот это брали для Мока, ради Бога, не меняйте ничего в наших добрых привычках»». ⁴⁹⁴ Еще об одной собаке просто сказано «Верный Пенч. 1867–1875». Одна из мемуаристок упоминает, что летом 1865 г. «Государь всегда приезжал верхом в сопровождении одного берейтора, обыкновенно с черным сеттером Милордом или рыжим пойнтером Punch em» ⁴⁹⁵. Кроме мраморных надгробий этот садик украшала скульптурная группа

«Монито» – собака, играющая с щенком.

Е. Швабе. Собаки. 1867 г.

Академик А. Швабе эксплуатировал «собачью» тему достаточно долго. Сохранилось одно из его полотен «Собаки» (1867 г.), на котором он по высочайшему заказу изобразил композицию из собак десяти различных пород. Эта разнопородная компания расположилась в гостях у великого князя Константина Николаевича в кабинете (Белой столовой) Павловского дворца. Все собаки принадлежали членам императорской семьи. Главной фигурой на этом полотне стал именно ньюфаундленд. Не только потому, что он самый боль-

шой и представительный из всех собак, изображенных на картине. Дело в том, что после смерти Милорда в 1867 г. именно он стал новым фаворитом Александра II. Ньюфа тоже звали Милорд и мемуаристы их часто путали.

Эта собака запечатлена на множестве фотографий. Император брал с собой ньюфаундленда даже на Русско-турецкую войну в 1877–1878 гг. С этим большим псом связано немало историй. Во время концерта в Мраморном дворце, когда играл известный скрипач Г. Венявский, пес оставил свое обычное место у ног Александра II и подошел к виртуозу. Встав на задние лапы, ньюфаундленд положил передние лапы на плечи скрипачу.

Э.П. Гау. Кабинет императора Александра II в Арсенальном каре Гатчинского дворца. 1862 г.

Стараясь сохранить хладнокровие, Венявский продолжал играть, но собака не оставила его в покое, а ее огромная морда следовала за движениями руки скрипача. Наконец, Александр II, смотревший с улыбкой на эту сцену, сжалился над артистом и спросил его: «Венявский, не мешает ли тебе собака? – Ваше Императорское Величество, – пробормотал выбившийся из сил артист, – боюсь, что я ей мешаю. Государь рассмеялся и отозвал собаку»⁴⁹⁶. Судя по воспоминаниям, этот ньюфаундленд прожил рядом с императором

более 10 лет. На фотографии, сделанной в Царском Селе, ньюф Милорд лежит у ног Александра II и императрицы Марии Александровны.

Удивительно, но царские дети могли завести себе собаку только с разрешения родителей. Даже взрослые, имевшие собственный штат слуг. Когда в июле 1877 г. 17-летнему младшему сыну Александра II – Павлу Александровичу мать позволила завести пуделя, он был в таком восторге, что даже немного покурил⁴⁹⁷.

После смерти Марии Александровны (1880) и Александра II (1881) их собаки остались доживать свой век в

Егермейстерской конторе. За их личными собаками продолжали ухаживать. Так же как и при жизни хозяев. До 1880 г. собак Александра II лечил ветеринар Конюшенного ведомства Лукин. Медикаменты для собак отпускались из Придворной аптеки бесплатно. Если собака заболела, то она содержалась до выздоровления на квартире ветеринара. При этом ее содержание оплачивалось из так называемых «комнатных денег» императора, так, в 1879 г. ветеринару заплатили 12 руб. 80 коп.

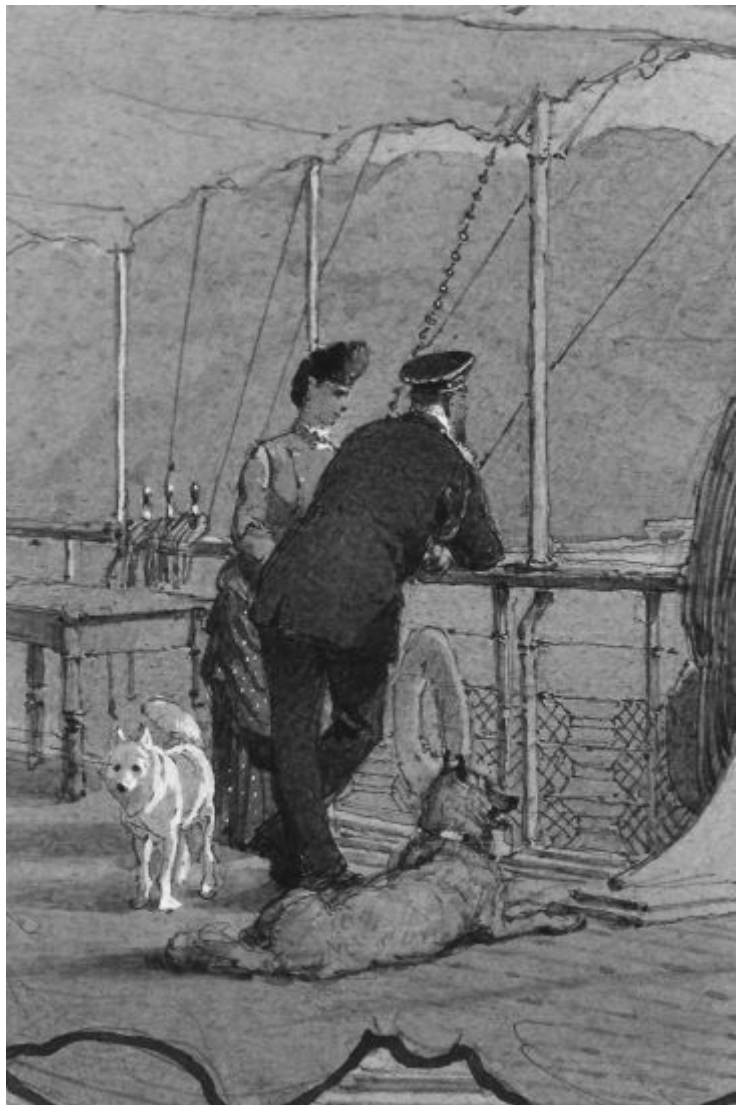
После смерти Александра II некоторые слуги из дворцовой челяди попытались «заработать» на собаках погибшего царя. В 1882 г. ветеринар Кривцов

представил счет из частной аптеки Царского Села на лекарства для собак Александра II на сумму в 40 руб. 92 коп. А егерь XIV класса Сухопаров представил счет «на прокорм собак» с января по май 1882 г. на сумму в 148 руб. 50 коп. По тем временам это были достаточно большие деньги. Министр Императорского двора И.И. Воронцов-Дашков, которому доложили об этом скандально-щекотливом деле, распорядился оплатить счета, а затем забрать у егеря собак и «передать, на общем основании, на руки егерям, за плату 5 руб. в месяц»⁴⁹⁸.

Александр III унаследовал страсть отца к охоте, и псовую императорскую охоту сохранили. Придворная охота, с 1857 г. базировавшаяся в Гатчине, только выиграла, после того как в марте 1881 г. Александр III сделал Гатчинский дворец своей постоянной резиденцией. Близ дворца в Мариенбурге отстроили Егерскую слободу с образцовой псарней.

У Александра III, как и у Александра II, была своя «личная» собака. В июле 1883 г. матросы крейсера «Африка», вернувшегося с Тихого океана, подарили царю Александру III камчатскую лайку, ставшую любимой собакой в семье, которую так и называли Камчатка. О ней сохранилось множество записей в детских дневниках великих князей и княжон. Белая с подпалинами лайка Камчатка на годы стала верным спут-

ником царя. На одной из семейных фотографий императрица Мария Федоровна снята с молодой Камчаткой.

М.А. Зичи. Лист из серии «Путешествие императора Александра III и императрицы Марии Федоровны на Кавказ. 1888 г.». 1892 г.

Камчатка сопровождала царя везде. Собака ночевала в императорской спальне в Аничковом дворце, вызывая недовольство врачей, сопровождала царя в его плаваниях на императорских яхтах. Своя собака была и у его жены, императрицы Марии Федоровны, звали ее Типа.

Ксения Александровна с Камчаткой

В переписке Александра III довольно часто встречаются упоминания о собаках, которых он так любил. В марте 1885 г. император писал своему старшему сыну из Аничкова дворца: «После этого я уныло гулял с Камчаткой и Типом в нашем саду и ковырял, от скуки, снег палкой»⁴⁹⁹. Особенно блаженствовала Камчатка в пригородных резиденциях, где были огромные парки. Но настоящий праздник для породистой камчатской лайки наступал, когда хозяин выезжал на охоту. В сентябре 1886 г. Александр III писал сыну из Спалы: «Камчатка наслаждается, когда привозят дичь после охоты и накидывается в особенности на зайцев, потому что легче с ними справиться, но и оленям тоже достается от нее и, несмотря на то, что они выпотрошены, она все-таки ухитряется вытаскивать что-то из нутра и немедленно проглатывает»⁵⁰⁰. На содержание и лечение «личных» императорских собак ежегодно отпускались казенные средства⁵⁰¹.

В октябре 1888 г. царская семья, возвращавшаяся из Крыма по железной дороге, едва не погибла в железнодорожной катастрофе. Александр III и его близкие чудом остались живы под обломками вагона-столовой. Они были с ног до головы залиты кровью погибших лакеев, искренне считая спасение чудом. Но в этой катастрофе погибла любимая собака

императора Камчатка. Ее тело привезли в императорскую резиденцию в Гатчинском дворце и похоронили в Собственном Его Императорского Величества саду, под окнами комнат Александра III. Пирамидка над могилой собаки повторяла обликobelisks, созданных еще в 1840-х гг. архитектором Менеласом в Царском Селе.

На пирамидке по традиции выбита кличка собаки и годы ее жизни рядом с императором. Когда в 1891 г. умерла Типа императрицы Марии Федоровны, ее похоронили поблизости от Камчатки.

Александр III очень горевал по любимой собаке. В память о Камчатке он сохранил ее ошейник. В описи вещей в Уборной Александра III в Гатчинском дворце под № 2533 значился «Ошейник собачий. Кожа, медь. Длина 0,51, с кольцом и медной дощечкой – Камчатка»⁵⁰². На стене находилась акварель придворного художника М. Зичи с надписью: «Камчатка. Раздавлена при крушении Царского поезда 17 октября 1888 года».

Пирамидки Камчатки и Тила

Спустя несколько лет, в апреле 1892 г., Александр III писал жене: «Сегодня я воздержался кого-либо приглашать. Была закуска у меня в кабинете, и я ел один. В подобных случаях страшно недостает хотя бы

собаки; все же не так одиноко себя чувствуешь, и я с таким отчаянием вспоминаю моего верного, милого Камчатку, который никогда меня не оставлял и повсюду был со мною; никогда не забуду эту чудную и единственную собаку! У меня опять слезы на глазах, вспоминаю про Камчатку, ведь это глупо, малодушие, но что же делать – оно все-таки так! Разве из людей у меня есть хоть один бескорыстный друг; нет и быть не может, и Камчатка был такой!»⁵⁰³. Этот незамысловатый человеческий документ показывает, что значила для Александра III его собака.

На кладбище домашних животных в Собственном садике Гатчинского дворца есть несколько «могил» попугаев. Об одном из них упоминает младшая сестра Николая II: «Зеленый попугай Попка не любил Хиса, попугай злился и передразнивал учителя. В конце концов мистер Хис до того рассердился, что перестал давать Джоржи уроки до тех пор, пока Попку не унесли в другое место из классной комнаты»⁵⁰⁴.

Надо заметить, что в семье Александра III, считавшей своим домом Гатчинский дворец, было много животных. Об этом многие знали и детям дарили самых разных зверей. Сестра Николая II упоминает в числе таких подарков собак, медвежат, кроликов, волчат, зайцев, даже лосей и рысей. Как правило, их всех отдавали, кроме собак, в зоологические сады Петербур-

га и Москвы. У великой княгини Ольги Александровны в детском возрасте были свои любимцы – белая ворона, подаренная отцом, волчонок, которого держали на выгоне, и заяц Куку⁵⁰⁵.

Николай II в своей семье полностью сохранил патриархальные семейные традиции своего детства. Это имело отношение и к собакам. В многодетной семье императора держали много собак. Когда Николай Александрович был еще цесаревичем, его личными собаками последовательно были Ворон и Иман, собаки его юности.

Первой собственной собакой цесаревича Николая Александровича был Ворон. Его подарили цесаревичу в 1899 г., когда ему исполнилось 17 лет. После того как Александр III отправил своих сыновей в кругосветное путешествие осенью 1890 г., он регулярно в письмах отчитывался о состоянии здоровья Ворона, с которым сам гулял по аллеям сада Аничкова дворца. В январе 1891 г. Александр III писал старшему сыну: «Ворон все толстеет, и глупые люди его целый день кормят так, что это не собака, а бочка какая-то»⁵⁰⁶. Естественно, забалованный пес болел, и цесаревич в дневнике в октябре 1891 г. упоминал, что к нему «привели Ворона – совершенно здорового и чистого»⁵⁰⁷. Но эти заболевания для Ворона не прошли даром, он

окошел 27 сентября 1895 г.

Как выглядел Ворон, точно неизвестно. На фотографии, запечатлевшей царскую семью в последнюю осень Александра III (в 1894 г.), можно увидеть пушистого белого шпица, которого держит на руках великий князь Александр Михайлович. Вряд ли это Ворон, поскольку тот был породы колли.

Императорская чета, имп. Мария Федоровна, король Дании Христиан IX и вел. кн. Ольга Александровна в Петергофе. 1896 г.

Николай II продолжил традицию своих предшественников, сделавших Детский остров Царского Села семейным кладбищем домашних животных. Следуя традиции, над могилой Ворона установили гра-

нитный обелиск, на котором выбиты даты его рождения и смерти.

Вторая собака императора – Иман была подарена Николаю II через два месяца после смерти Ворона. Причина такого подарка вполне очевидна. У Николая II с юности выработалась привычка к длительным прогулкам. Его постоянным спутником был Ворон. 1 октября 1895 г. он вновь вспомнил свою первую собаку: «Сделал большую прогулку в одиночестве, ужасно грустно ходить без бедного Ворона». Все это было совершенно очевидно для близких родственников, и 6 декабря 1895 г., в день ангела Николая II, великая княгиня Елизавета Федоровна, которая приходилась царю золовкой⁵⁰⁸, подарила императору щенка колли. Николай II немедленно записал в дневнике: «Элла подарила чудного collie, похожего на Ворона». На следующий день 7 декабря 1895 г. царь уже гулял со своим новым спутником: «Утром погулял с новым моим псом, которого я думаю назвать – Иман». Собака пришлась царю по сердцу, и 9 декабря он вновь отметил: «Иман меня очень забавляет на прогулках, замечательно подвижный, много скачет и гоняется за воронами». Поскольку Николай II физически был очень крепким человеком и хорошо переносил мороз, то с собакой он гулял при любой погоде: «Мороз усилился до 16°. Тем не менее погулял с

Иманом». Периодически у них бывали свои приключения. 28 декабря 1895 г., как писал царь, «дурак Иман провалился сквозь прорубь, но сам сейчас же вылез и стал похож на большую сосульку, т. к. шерсть немедленно замерзла. Было 12° морозу с солнцем».

Пес прижился, и Николай II периодически упоминал о нем. 16 февраля 1896 г. он писал в дневнике: «Играли на катке. Мой Иман обрезал себе лапу довольно сильно». Этот каток был устроен для 28-летнего царя в саду Аничкова дворца. Всю зиму 1896 г. практически ежедневно Николай II со своими друзьями играл в русский вариант хоккея – с мячом, с гнутыми клюшками. На одной из фотографий Иман запечатлен в одной компании с друзьями и подругами царя. На этой фотографии видны две собаки. Белого пса держит на руках младший брат Николая II – великий князь Михаил Александрович. Возможно, это и есть Иман. Справа одна из девушек держит за ошейник взрослого пса-колли, темного окраса. Вряд ли это Иман, который тогда был щенком.

Молодой пес поддерживал хорошую форму и был в состоянии сопровождать Николая II и в его велосипедных прогулках: «После чтения сделал хорошую прогулку на велосипеде, с Иманом». Это приволье продолжалось, пока царь жил весну и осень в Александровском дворце Царского Села, а лето – в Петер-

гофе с их огромными парками. На зиму царская семья возвращалась в Зимний дворец, который с 1896 по 1904 г. стал жилой императорской резиденцией. Собаки по традиции сопровождали во всех переездах своего хозяина. Но в Зимнем дворце возможности для прогулок были очень ограничены. Собак, видимо, держали в подвале. Для организации безопасных прогулок царя у жилого, северо-западного ризалита Зимнего дворца разбили Собственный садик, обнесенный гранитной двухметровой стеной с решеткой. Николай II практически ежедневно выгуливал собак в своем маленьком садике⁵⁰⁹. 11 ноября 1896 г. он записал: «Гуляли вдвоем со всеми собаками». «Вдвоем» это с женой – императрицей Александрой Федоровной.

Николай II и Джой. Финляндские шхеры

Любопытно, что и эти прогулки царя с собаками стали темой для слухов и «глобальных» выводов. Одна из мемуаристок в феврале 1898 г. упомянула в дневнике, что «Романченко говорил, что проходивший возле сада Зимнего дворца мальчик рассказал ему, что, посмотрев в щелку забора, он увидел в саду царя с двумя собаками; царь бросал палку, которую собаки ловили, при этом царь тоже бегал с собаками. По всему видно, что царь еще молод, что подобные развлечения ему интереснее, чем все доклады министров, которые ему приходится выслушивать»⁵¹⁰.

Когда Иман подростом, ему подобрали спутницу. 6 ноября 1896 г. Николай II записал: «Гуляли вдвоем с новой собакой – тоже «collie» – впоследствии супруга Имана». Примечательно, что новую собаку он называет просто обезличенно «собакой». Настоящей собакой для него был только его собственный Иман.

Пирамидки Ворона и Имана

У императрицы Александры Федоровны тоже была своя собака. Скорее всего, это была маленькая собачка из породы болонок. По крайней мере, на некоторых фотографиях, Александра Федоровна снята именно с такой собачкой. Видимо, ту звали Шилкой. Поэтому на прогулках императорскую чету сопровождали три собаки. 16 декабря 1896 г. Николай II отме-

тил в дневнике: «Сделал большую прогулку один, с тремя собаками – Шилка отлично следует». Три собаки, это, видимо, Иман, Шилка и безымянная подруга Имана.

Но все когда-либо кончается. В октябре 1902 г. Иман внезапно умер. Царь в дневнике назвал его «верным псом», а его смерть «чувствительным горем». Пес умер внезапно, ночью. Ветеринар объяснил царю, что смерть наступила от порока сердца. Николаю II сильно не доставало пса во время прогулок⁵¹¹. В письме к матери, императрице Марии Федоровне, Николай II писал из Ливадии: «Другое мое горе, совсем уже личное горе, потеря милого Имана, случилось в самом начале октября почти в тот же день, что и бедный Ворон... Это была такая умная, верная и добрая собака»⁵¹².

После этого он уже не «приближал» к себе ни одну из собак. Имана также, как и Ворона, похоронили на Детском острове в Александровском парке Царского Села. Над могилой Имана соорудили такую же гранитную пирамиду, как и над могилой Ворона. Вскоре к могилам на Детском острове добавились маленькие гранитные пирамидки, под которыми захоронили Шилку и Эйру – собачек императрицы. Эйра, как и Шилка, была декоративной комнатной собачкой породы скотч-терьер, которую «безумно любила» импера-

трица Александра Федоровна. Когда Эйра умерла, то императрица плакала. Однако Вырубова эту собачку не любила, поскольку она имела обыкновение бросаться неожиданно из-под кресла или кушетки⁵¹³.

Все эти, казалось бы, малозначительные эпизоды весьма полно характеризуют особенности личности Николая II, о которых по сей день спорят историки. Если для Александра III его пес Камчатка был настоящим другом, о гибели которого он искренне горевал долгие годы, то для Николая II его собаки были только некой собственностью, к которой он привык и о потере которой горевал не особенно долго. Констатировал, но не горевал. Так же он относился и к людям. Поэтому неудивительно то, с какой легкостью в феврале 1917 г. пала монархия, а императорская семья моментально оказалась в трагическом одиночестве. Это было платой за многолетнее пренебрежение верными людьми.

После Имана у Николая II появлялись новые собаки. Правда, уже безымянные. В своем дневнике он их называл их просто «собаками». Эти собаки продолжали сопровождать царскую семью во время сезонных переездов по пригородным дворцам. В январе 1904 г. царская семья задержалась в Царском Селе, и Николай II отметил в дневнике: «Сделал длинную прогулку без собак, т. к. их уже перевезли в город». А в марте

1904 г. он писал: «Днем долго гулял с собаками». Летом 1904 г. семья, как обычно, проводила в Петергофе и вновь упоминание: «Возился с собаками у моря».

В 1905 г. царская семья перебралась на постоянное жительство из Зимнего дворца в Петербурге в Александровский дворец Царского Села. Этот дворец окружал прекрасный, ухоженный парк, где для собак создали прекрасные условия. «Личных» собак царской семьи по традиции содержали на средства Министерства Императорского двора⁵¹⁴. Поскольку собак было достаточно много, то для них непосредственно в подвале Александровского дворца устроили так называемая «Собачью кухню».

Самого Николая II на прогулках сопровождали его шотландские овчарки – колли. По воспоминаниям А.А. Вырубовой, их было одиннадцать. Для них рядом с Александровским дворцом, построили специальный «Собачий» домик. Как писала фрейлина С.К. Буксгевден: «Выпив стакан чаю, выкурив папиросу, он выходил в парк на короткую прогулку со своими любимыми «колибри» (породистые собачки), которые жили в конурах в саду, им не разрешалось входить внутрь дворца»⁵¹⁵.

Рядом с царской семьей были и другие собаки. В 1906 г. распоряжением дворцового коменданта Д.Ф. Трепова, отвечавшего за охрану и безопасность цар-

ской семьи, близ Александровского дворца, в селе Александровка устроили питомник для сторожевых собак. Позже такой же питомник организовали и в Петергофе. Собак питомников использовали для охраны периметра Александровского парка в Царском Селе и других пригородных императорских резиденций.

Сообщенные факты достаточно известны. Вместе с тем в отношениях последней царской семьи и собак есть и малоизвестные страницы. Николай II, как и его дед, и отец был страстным охотником. По принятому в Министерстве Императорского двора порядку в конце каждого охотничьего сезона составлялся итоговый список царских охотничьих трофеев. Так вот, в этом списке у Николая II наряду с традиционными медведями, зубрами, оленями, волками постоянно присутствовали и другие «хищники». Причем в огромных количествах, например вороны. Их царь отстреливал из винтовки, гуляя по аллеям Александровского парка. Об этом он упоминал в своем дневнике. За шесть лет он застрелил 20 547 ворон. Цифра велика, но не потрясает. Но, наряду с воронами, он, видимо, периодически, отстреливал и других «хищников»: «бродячих» кошек и собак.

По подсчетам автора, с 1884 г. по 1911 г., то есть за 27 лет Николаем II были застрелены 11 582 «бродячих» собак, 18 679 «бродячих» кошек⁵¹⁶.

Николай II отстреливал в среднем по 429 собак ежегодно и по 36 собак ежемесячно. Причем начал он заниматься отстрелами собак с 1884 г., когда ему исполнилось 16 лет, начав с 12 собак в год, и самым «успешным» для него годом стал 1909 г., когда ему удалось установить личный «рекорд», застрелив 903 собаки.

Вел. кн. Ольга Николаевна, цесаревич Алексей, вел. кн. Анастасия и Татьяна Николаевны после работы на огороде Александровского парка. Апрель 1917 г.

Трудно понять, зачем требовались эти несчастные

собаки и кошки царю, где и как он их отстреливал. Вряд ли это было возможно в Зимнем дворце. Скорее всего, это происходило в Царском Селе и Петергофе и только несколько месяцев в течение года. Возможно, ему это нравилось? Возможно, он оттачивал свое мастерство стрелка? Не было ли это своеобразным выходом для глубоко скрытой агрессивности внешне кроткого царя? На эти вопросы трудно ответить. В любом случае этот факт добавляет новый важный штрих к противоречивому образу последнего русского императора.

Больше всего с собаками в семье Николая II возились дети. Поскольку они росли без общества сверстников, то именно собаки становились единственными настоящими друзьями.

Очень много внимания уделялось в семье Николая II наследнику-цесаревичу Алексею. Чаще всего у цесаревича были собаки, поскольку котята могли оцарапать цесаревича Алексея, больного гемофилией. Хотя водились и котята. Котенка цесаревича звали без затей – Васькой, другого – Зубровкой, тот дрался с бульдогом Татьяны – Ортино. У Марии был свой сиамский кот⁵¹⁷.

Цесаревич Алексей с собакой на «Штандарте»

Когда цесаревич был маленьким, то щенки оказывались «разовыми». На фотографии видна одна из таких собак, которую доставили для наследника на борт императорской яхты «Штандарт». Причем порода в

этом щенке явно не угадывается.

Наряду со случайными собаками у цесаревича были и собаки, подаренные царственными родственниками. В 1908 г. английский король, посетив яхту «Штандарт», подарил четырехлетнему цесаревичу шпица. За нелегкий нрав и характер собачку назвали Бойкой, но она не пришлась по сердцу мальчику, и он не привязался к этой собаке⁵¹⁸.

Когда цесаревич подрос, ему подарили спаниеля, которого назвали Джой. Видимо, это произошло летом 1914 г., когда цесаревичу исполнилось 10 лет. На множестве фотографий он запечатлен именно с этой собакой.

С Джоем охотно играла вся семья. Джой сопровождал цесаревича Алексея в ссылку в Тобольск и Екатеринбург в 1917–1918 гг. После расстрела царской семьи летом 1918 г. собака уцелела. Ее подобрали и через Дальний Восток вывезли в Англию. Там Джой доживал свой век в Букингемском дворце.

Свои собаки были и у императорских дочерей. Младшая Анастасия имела японского пекинеса Джемми, которого ей подарила А. Вырубова. Свою вторую собаку, она появилась около 1916 г., – королевского спаниеля, она тоже назвала Джемми.

Вел. кн Татьяна Николаевна с Ортино

Вторая дочь Николая II Татьяна воспитывала французского бульдога по кличке Ортино. На фотографии он сидит у нее на коленях. Ортино спал в ногах на кровати Татьяны, однако он слишком громко храпел и его пришлось удалить из спальни, поскольку он мешал старшей дочери Николая II Ольге, которая делила спальню со своей младшей сестрой. Татьяна имела коллекцию фигурок любимой собаки, вырезанных из горного хрусталя. На глаза собачек пошли синие сапфиры, а ошейник изготовили из золота. Татьяна хранила эти фигурки в своей спальне. Последний раз

Ортино видели, когда императорское семейство прибыло в Екатеринбург. Татьяна несла тяжелый чемодан в одной руке и Ортино в другой. В настоящее время эти фигурки рассеяны по различным коллекциям. На фотографии представлена одна из них, хранящаяся в музее г. Кливленда. Кроме Ортино у Татьяны был кинг-чалс Джимми, которого ей подарила А. Вырубова.

Надо заметить, что кроме вышеперечисленных собак, допущенных в Собственные комнаты при Александровском дворце, жило еще довольно много собак, которые сопровождали детей на прогулках. После отречения Николая II этим собакам по инерции выписывали привычный рацион (овсянка, молоко, мясо), но уже в апреле 1917 г. этих собак «отправили на корма на Ферму»⁵¹⁹.

Таким образом, можно констатировать, что каждое из поколений семьи Романовых имело свою «собачью» историю. И отношение к собакам со стороны монархов было своеобразной калькой их отношений к людям, которые окружали трон.

Фигурка Ортино

Заключение

С возрастом все отчетливее возникает ощущение стремительно утекающей сквозь пальцы жизни. Бесконечный летний день детства и суетливый «взрослый» день это, конечно, «две большие разницы». Со временем происходит и переоценка «сделанного» в жизни. И то, что когда-то казалось очень важным и значимым, подчас утрачивает свое значение, а то, что когда-то воспринималось, как пустяк и проходной жизненный эпизод, иногда становится главным. И среди «главного» оказывается очень много из того, что называется *повседневной жизнью*, с ее пустяками, сломанными игрушками, старыми письмами, привязанностями.

Как правило, это личное «повседневное» исчезает вместе с каждым человеком, когда он уходит из жизни. Очень быстро забываются значения слов и предметов и только очень немногое из постоянно уходящей в прошлое *повседневной жизни*, цепляясь за настоящее, переходит в жизнь следующих поколений. Это касается всех, и «великих», и «малых» мира сего. Поэтому так трудны и вместе с тем интересны попытки «вытащить» ушедшую *повседневность* в наше настоящее. Возможно, и эта попытка, представленная

на ваш суд, уважаемый читатель, удалась хотя бы от-
части.

Примечания

«Детский мир» императорских резиденций

1 ПСЗРИ. 2-е изд. Т. 2 (1827). № 1368. 9 сентября.

2 Великий князь Сергей Александрович: биографические материалы. Кн. 1:1857–1877. М., 2006. С. 13.

3 ПСЗРИ. 2-е изд. Т. 20 (1854). № 18791.1 марта.

4 *Мосолов А.* При Дворе императора. Рига, 1936. С. 91.

5 ОР РНБ. Ф. 601. Д. 28. Л. 27.

6 Воспоминания императрицы Александры Федоровны // Александр Второй: Воспоминания. Дневники. СПб., 1995. С. 50.

7 *Мейлунас А., Мироненко С.* Николай и Александра. М., 1998. С. 130.

8 Дневник Николая II. М., 1991. С. 114.

9 Там же. С. 115.

10 Во время коронационных торжеств в Москве в 1896 г. парадное платье для Александры Федоровны специально было изготовлено в «облегченном варианте», поскольку процедура коронации была очень

длительной и императрице с ее большими ногами она далась очень тяжело.

11 *Мейлунас А., Мироненко С.* Николай и Александра. М., 1998. С.169.

12 Там же.

13 Там же. С. 172.

14 *Обнинский В Л.* Последний самодержец. М., 1992. С. 61.

15 *Шуленбург В.Э.* Воспоминания об императрице Александре Федоровне. Париж, 1928. С. 8.

16 *Мейлунас А., Мироненко С.* Николай и Александра. С. 142.

17 Там же. С. 144.

18 Там же. С. 209.

19 РГИА. Ф. 468. Он. 14. Д. 968. Л. 12.

20 Там же. Л. 5.

21 *Мейлунас А., Мироненко С.* Николай и Александра. С. 211.

22 Там же.

23 *Богданович А.* Три последних самодержца. М., 1990. С. 269.

24 *Брокгауз Ф.А., Эфрон И.А.* Энциклопедический словарь. Т. 77. СПб., 1903. С. 472, 473.

25 РГИА. Ф. 472. Оп. 66. Д. 686. Л. 197.

26 Там же. Л. 166.

27 Там же. Л. 68.

28 Там же. Л. 203, 204.

29 *Витте С.Ю.* Воспоминания. Т. 2. М., 1960. С. 263–269.

30 Там же.

31 Александр Михайлович. Книга воспоминаний. М., 1991. С. 151.

32 *Мейлунас А., Мироненко С.* Николай и Александра. С. 219.

33 *Витте С.Ю.* Воспоминания. Т. 2. С. 474.

34 *Мейлунас А., Мироненко С.* Николай и Александра. С. 222.

35 Там же. С. 223.

36 Дневник А.А. Половцева // Красный архив. Т. III. 1923.

37 *Гарденин Ю. (Чернов В.М.)* Юбилей Николая Последнего. 1894–1904. Б. м., 1904.

38 *Мейлунас А., Мироненко С.* Николай и Александра. С. 223.

39 Александр Михайлович. Книга воспоминаний. С. 151.

40 *Витте С.Ю.* Воспоминания. Т. 2. С. 474.

41 РГИА. Ф. 468. Оп. 46. Д. 94. Л. 20, 21.

42 РГИА. Ф. 472. Оп. 40 (194/2682). Д. 3. Л. 130.

43 *Мейлунас А., Мироненко С.* Николай и Александра. С. 223.

44 *Шеманский А.В.* Александрия. Петергоф. Л.,

1936. С. 192.

45 *К. Р.* Воспоминания. Дневники. Письма. Стихи. СПб., 1998. С. 89.

46 *Берберова Н.* Люди и ложи. Русские масоны XIX столетия. М., 1997. С. 26; *Боханов А.* «Черные сестры». Черногорские княжны при царском дворе // Родина. 2003. № 2. С. 79.

47 *Милюков П.И.* Воспоминания. М., 1990. Т. 2. С. 75.

48 *Извольский А.П.* Воспоминания. М., 1989. С. 171.

49 *Багдасарян В.Э.* «Теория заговора» в отечественной историографии второй половины XIX–XX вв. М., 1999. С. 69.

50 Неизвестные фрагменты «Воспоминаний А. Вырубовой» // Родина. № 2. 1998. С. 66.

51 *Шеманский А.В.* Александрия. Петергоф. Л., 1936. С. 193.

52 Цесаревич. Документы. Воспоминания. Фотографии. М., 1998. С. 7.

53 *Ольденбург С.С.* Царствование императора Николая II. М., 1991. Т. I. С. 245.

54 Дневник Николая II. М., 1991. С. 228.

55 *Шеманский А.В.* Александрия. Петергоф. Л., 1936. С. 194.

56 РГИА. Ф. 525. Оп. 1 (205/2693). Д. 138. Л. 2.

57 *Мейлунас А., Мироненко С.* Николай и Александра. С. 251.

58 Там же. С. 314.

59 *Бобринский АЛ.* Дневник. 1910–1911 гг. // Красный архив. Т. 1. М., 1928. С. 144.

60 *Богданович А.В.* Дневник. Три последних самодержца. М., 1924. С. 311.

61 *Масси Р.* Николай и Александра. М., 1996. С. 186.

62 *Танеева А. (Вырубова).* Страницы из моей жизни. Берлин, 1923. С. 10.

63 Имеется в виду императрица Александра Федоровна.

64 *Мейлунас А., Мироненко С.* Николай и Александра. М., 1998. С. 346.

65 *Воррес Й.* Последняя великая княгиня. М., 1998.

66 *Алферьев Е.Е.* Император Николай II как человек сильной воли. М., 1991. С. 42.

67 *Ольденбург С.С.* Царствование Императора Николая II. Т. 1. М., 1991. С. 245.

68 *Юсупов Ф.Ф.* Воспоминания. М., 1990. С. 6.

69 *Ден Л.* Подлинная царица. М., 1998. С. 49.

70 *Жильяр П.* Император Николай II и его семья. М., 1991. С. 8.

71 *Клейнмихель М.* Из потонувшего мира. Пг., 1923. С. 62.

72 *Родзянко М.В.* Крушение империи. Л., 1929. С. 35.

73 Р. Маси пишет о том, что цесаревичу было три с

половиной года, Й. Воррес упоминает, что на момент кризиса цесаревичу «едва исполнилось три года».

74 Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний. М., 1991. С. 151.

75 *Воррес Й.* Последняя великая княгиня. М., 1998. С. 297.

76 *Танеева А. (Вырубоза).* Страницы из моей жизни. Берлин, 1923. С. 22.

77 РГИА. Ф. 476. Оп. 1. Д. 312 // О распоряжениях и расходах по случаю пребывания профессора ортопедии Берлинского университета доктора Альберта Гоффа. 1907.

78 Масси Р. Николай и Александра. М., 1996. С. 156.

79 Из переписки Николая и Марии Романовых в 1907–1910 гг. // Красный архив. М., 1932. Т. 1–2. С. 183.

80 РГИА. Ф. 525. Оп. 1 (205/2693). Д. 138. Л. 9.

81 *Джунковский В.Ф.* Воспоминания. М., 1997. Т. 1. С. 672.

82 *Тютчева А.Ф.* Воспоминания // Александр Второй: Воспоминания. Дневники. СПб., 1995. С. 123, 124.

83 Великий князь Сергей Александрович: Биографические материалы. Кн. 1:1857–1877. М., 2006. С. 264.

84 *Шильдер Н.К.* Император Николай Первый: Его жизнь и царствование // Николай Первый и его время.

Т. 1. М., 2000. С. 197.

85 *Буксгевден С.* Венценосная мученица. Жизнь и трагедия Александры Федоровны Императрицы все-российской. М., 2006. С. 175.

86 Двоюродная сестра Александра II.

87 Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны.

1825–1846 // Николай I. М., 2000. С. 180.

88 *Яковлева А.И.* Воспоминания бывшей камер-юнгферы императрицы Марии Александровны // Александр Второй: Воспоминания. Дневники. СПб., 1995. С. 98.

89 Воспоминания о младенческих годах Императора Николая Павловича, записанные Им собственноручно // Николай Первый и его время. М., 2000. Т. 1. С. 72.

90 *Тютчева А.Ф.* При дворе двух императоров. Воспоминания. Дневник. 1853–1855. М., 1990. С. 126.

91 *Татищев С.С.* Детство и юность великого князя Александра Александровича // Великий князь Александр Александрович. Сборник документов. М., 2002. С. 35.

92 *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1868–1873. М., 2006. С. 51.

93 *Богданович А.В.* Три последних самодержца. М., 1990. С. 267.

- 94 *Смирнова-Россет А.О.* Дневник. Воспоминания. М., 1989. С. 181.
- 95 В Готском альманахе династия Романовых именовалась Голштейн-Готторпской и, по существу, составители альманаха были правы.
- 96 ОР РНБ. Ф. 650. Д. 1046. Л.3 // Книга прихода и расхода денежной суммы в. к. Николая Павловича 1797 года.
- 97 Там же. Л. 13.
- 98 ОР РНБ. Ф. 650. Д. 1050. Л. 8 // Книга прихода и расхода денежной суммы в. к. Николая Павловича 1801 года.
- 99 ОР РНБ. Ф. 650. Д. 1069. Л. 8. // Гардеробные суммы за 1833–1845 г.
- 100 ОР РНБ. Ф. 650 д Ю72. Л. 55 // Гардеробные суммы. 1844 г.
- 101 Александр III // Мемуары графа С.Д. Шереметева. М., 2001. С. 602.
- 102 ОР РНБ. Ф. 650. Д. 1277. Л. 12 // Письма об августейших сыновьях императора Александра II, писанные С.А. Юрьевичем в 1846 г. к Его Величеству в бытность Его Наследником цесаревичем.
- 103 ОР РНБ. Ф. 650. Д. 1277. Л. 18 // Письма об августейших сыновьях императора Александра II...
- 104 РГИА. Ф. 525. Оп. 1 (197/2685). Д. 126. Л. 33.
- 105 Там же. Л. 44.

106 *Яковлева А.И.* Воспоминания бывшей камер-юнгферы императрицы Марии Александровны // Александр Второй. Воспоминания. Дневники. СПб., 1995. С. 98.

107 Великий князь Сергей Александрович: Биографические материалы. Кн. 1:1857–1877. М.,2006. С. 268.

108 РГИА... Ф. 525. Оп. 1 (205/2653). Д. 88. Л. 17.

109 Русско-японская война 1904–1905 гг.

110 РГИА. Ф. 525. Оп. 1 (205/2653). Д. 88. Л. 20.

111 РГИА. Ф. 525. Оп. 1 (205/2653). Д. 88. Л. 24.

113 РГИА. Ф. 525. Оп. 1 (197/2685). Д. 137. Лл. 1, 2.

114 *Мосолов А.* При Дворе императора. Рига, 1936. С. 89.

115 Цесаревич. Документы. Воспоминания. Фотографии. М., 1998. С. 17.

116 РГИА. Ф. 525. Оп. 1 (205/2653). Д. 88. Л. 52.

117 Александр I. «Сфинкс, не разгаданный до гроба». СПб., 2005. С. 145.

118 Например, для пятого сына Александра II, великого князя Сергея Александровича, который прожил три месяца в Москве осенью 1865 г., в парке было выбрано место для садика, в котором восьмилетний Сергей Александрович сам работал. См.: Великий князь Сергей Александрович: Биографические материалы. Кн. 1: 1857–1877. М.,2006. С. 61.

119 Воспоминания о младенческих годах Императора Николая Павловича, записанные Им собственноручно // Николай Первый и его время. М., 2000. Т. 1. С. 70.

120 *Смирнова-Россет А.О.* Автобиографические записки (вариант 3) // А.О. Смирнова-Россет. Дневники. Воспоминания. С. 139.

121 В платежных ведомостях она значится как Ульяна Адлерберг.

122 Воспоминания о младенческих годах Императора Николая Павловича, записанные Им собственноручно // Николай Первый и его время. М., 2000. Т. 1. С. 70.

123 Цит. по: *Высочков Л.В.* Император Николай I: человек и государь. СПб., 2001. С. 356.

124 200-летние Кабинета Е.И.В. 1704–1904. Историческое исследование. СПб., 1911. С. 457.

125 Воспоминания о младенческим годах Императора Николая Павловича, записанные Им собственноручно // Николай Первый и его время. М., 2000. Т. 1. С. 72.

126 Умерла няня в 1842 г.

127 Воспоминания о младенческим годах Императора Николая Павловича, записанные Им собственноручно // Николай Первый и его время. М., 2000. Т. 1. С. 70.

128 Согласно бухгалтерским документам, в 1797 г. деньга за уход и воспитание получали: Ея Высокопревосходительству Шарлотта Карловна Ливен 500 руб.; Полковника Ульяна Адлерберг 300 руб.; Полковница Екатерина Сеницына 300 руб.; Надворная советница Екатерина Панаева 250 руб.; Англичанка Евгения Лайон 200 руб.; Кормилица Ефросинья Ершова 200 руб.; Камер-юнгферы Ольга Никитина и Аграфена Черкасова по 80 руб.; Камердинеры Андрей Валуев и Борис Томпсон по 100 руб.; Камермедхены Пелагея Винокурова и Мария Пермякова по 50 руб. См.: ОР РНБ. Ф. 650. Д. 1046. Л. 4. // Книга прихода и расхода денежной суммы в.к. Николая Павловича 1797 года.

129 Воспоминания о младенческих годах Императора Николая Павловича, записанные Им собственноручно // Николай Первый и его время. М., 2000. Т. 1. С. 72.

130 Там же. С. 73.

131 Там же. С. 76.

132 Письма Николая Павловича И.Ф. Паскевичу. 1832–1847 // Николай I. Муж. Отец. Император. М., 2000. С. 496.

133 *Смирнова-Россет А.О.* Дневник. Воспоминания. М., 1989. С. 195.

134 Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846 // Николай I. Муж.

Отец. Император. М., 2000. С. 182.

135 Там же. С. 220.

136 *Смирнова-Россет А.О.* Дневник. Воспоминания. М., 1989. С. 181.

137 Там же.

138 Там же. С. 220.

139 Там же. С. 221.

140 Фрейлинское «русское платье» синего цвета было форменным цветом фрейлин-воспитательниц великих княжон.

141 Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846 // Николай I. Муж. Отец. Император. М., 2000. С. 222.

142 Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846 // Николай I. Муж. Отец. Император. М., 2000. С. 258.

143 *Корф У.* Записки. М., 2003. С. 569.

144 Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846 // Николай I. Муж. Отец. Император. М., 2000. С. 197.

145 Там же. С. 239.

146 Там же.

147 Письма А.Ф. Тютчевой к m-lle Граней // Николай I. Муж. Отец. Император. М., 2000. С. 558.

148 Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846 // Николай I. Муж.

Отец. Император. М., 2000. С. 199.

149 *Татищев С.С.* Детство и юность великого князя Александра Александровича // великий князь Александр Александрович. Сборник документов. М., 2002. С. 38.

150 Дневник великого князя Сергея Александровича. 1877 г. // Великий князь Сергей Александрович романов: биографические материалы. Кн. 2:1877–1880. М., 2007. С. 53.

151 Александр III // Мемуары графа С.Д. Шереметева. С. 602.

152 Письма императора Александра III к наследнику цесаревичу великому князю Николаю Александровичу // Российский архив. История отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Т. IX. М., 1999. С. 229.

153 *Татищев С.С.* Детство и юность великого князя Александра Александровича // Великий князь Александр Александрович. Сборник документов. М., 2002. С. 60.

154 ПСЗРИ. 2-е изд. Т. XLIII (1868). № 46366. 17 октября // Штаты Его Императорского Высочества, Государя великого князя Николая Александровича от рождения 6 мая 1868 г. до семилетнего возраста, по гофмаршальской и шталмейстерской части.

155 Великий князь Сергей Александрович: Биогра-

фические материалы. Кн. 1:1857–1877. М., 2006. С. 266.

156 *Воррес Й.* Последняя великая княгиня. СПб., 2003. С. 184.

157 Александр III // Мемуары графа С.Д. Шереметева. М., 2001. С. 559.

158 *Воррес Й.* Последняя великая княгиня. СПб., 2003. С. 277.

159 *Буксгевден С.* Венценосная мученица. Жизнь и трагедия Александры Федоровны Императрицы все-российской. М., 2006. С. 99.

160 Там же. С. 235.

161 *Воррес Й.* Последняя великая княгиня. СПб., 2003. С. 277.

162 *Танеева АЛ.* Страницы моей жизни // Верная Богу, Царю и Отечеству. Анна Александровна Танеева (Вырубова) – монахиня Мария. Авт. сост. Ю.Ю. Рассулин. СПб., 2005. С. 103.

163 *Мейлунас А., Мироненко С.* Николай и Александра. М., 1998. С. 315.

164 *Гурко В.И.* Царь и царица // Николай II: Воспоминания. Дневники. СПб., 1994. С. 385.

165 *Мейлунас А., Мироненко С.* Николай и Александра. М., 1998. С. 323.

166 *родзянко М.В.* Крушение империи. Л., 1929. С. 33.

167 РГИА. Ф. 525. Оп. 1. Д. 83. Л. 110.

168 *Шавельский Г.* Из «Воспоминаний последнего протопресвитера русской армии и флота» // Николай II: Воспоминания. Дневники. СПб., 1994. С. 132.

169 *Ден Л.* Подлинная царица. СПб., 2003. С. 51.

170 *Гурко В.И.* Царь и царица // Николай II: Воспоминания. Дневники. СПб., 1994. С. 374.

171 *Богданович А.* Три последних самодержца. М., 1990. С. 507.

172 Там же. С. 511.

173 *Богданович А.* Три последних самодержца. М., 1990. С. 511.

174 РГИА. Ф. 472. Оп. 45 (1906). Д. 38. Л. 15.

175 РГИА. Ф. 525. Оп. 1 (209/2707). Д. 213. Л. 8.

176 Там. Л. 12.

177 *Джунковский В.Ф.* Воспоминания. М., 1997. Т. 1. С. 236.

178 Николай II: Воспоминания. Дневники. СПб., 1994. С. 186, 187.

179 *Лемке М.* 250 дней в Царской ставке. Пг., 1920. С. 96.

180 *Пикуль В.С.* Нечистая сила. Л., 1990. С. 257.

181 РГИА. Ф. 525. Оп. 1 (209/2707). Д. 213. Л. 46.

182 Там же. Л. 27.

183 Там же. Л. 55.

184 Там же. Л. 38.

- 185 *Лемке М.* 250 дней в Царской ставке. Пг., 1920. С. 96.
- 186 Там же. С. 273.
- 187 Николай II: Воспоминания. Дневники. СПб., 1994. С. 468.
- 188 *Пикуль В.С.* Нечистая сила. Л., 1990. С. 257.
- 189 Цесаревич. Документы. Воспоминания. Фотографии. М., 1998. С. 46.
- 190 Николай II: Воспоминания. Дневники. СПб., 1994. С. 226.
- 191 *Танеева А.* (Вырубова). Страницы из моей жизни. Берлин, 1923. С. 39.
- 192 РГИА. Ф. 525. Оп. 1 (209/2707). Д. 213. Лл. 1, 1 об.
- 193 *Панкратов В.С.* С царем в Тобольске // Былое. Л., 1924. № 25–26. С. 128.
- 194 Расстрелян в 1918 г. Канонизирован в 1981 г. зарубежной Русской православной церковью.
- 195 РГИА. Ф. 525. Оп. 1 (209/2707). Д. 213. Л. 82, 86, 89.
- 196 *Лалаев М.С.* Император Николай I, зиждитель русской школы: Исторический очерк. СПб., 1896. С. 4.
- 197 Николай I: личность и эпоха. Новые материалы. СПб., 2007. С. 25.
- 198 Там же. С. 28.
- 199 Сон юности. Воспоминания великой княжны

Ольги Николаевны. 1825–1846 // Николай I. Муж. Отец. Император. М., 2000. С. 185.

200 Пушкин и Зимний дворец: Каталог выставки. СПб., 1999. С. 10.

201 Цит. по: *Высочков Л.В.* Император Николай I. человек и государь. СПб., 2001. С. 492.

202 Письма императора Николая I к цесаревичу Александру Николаевичу // Николай Первый и его время. Т. 1. М., 2000. С. 154.

203 *Корф М.* Записки. М., 2003. С. 388.

204 Николай I: личность и эпоха. Новые материалы. СПб., 2007. С. 462.

205 *Татищев С. С.* Детство и юность великого князя Александра Александровича // Великий князь Александр Александрович. Сборник документов. М., 2002. С. 52.

206 Там же. С. 49.

207 Там же. С. 55.

208 Там же. С. 38.

209 Там же. С. 60.

210 *Татищев С.С.* Детство и юность великого князя Александра Александровича // Великий князь Александр Александрович. Сборник документов. М., 2002. С. 66.

211 Там же. С. 66.

212 Великий князь Сергей Александрович: Биогра-

фические материалы. Кн. 1:1857–1877. М.,2006. С. 118.

213 Царское Село. 19 мая 1858 г. Письмо императора Александра II к кн. И.А. Барятинскому // Вопросы истории. 2006. № 12. С. 125.

214 *Татищев С.С.* Детство и юность великого князя Александра Александровича // Великий князь Александр Александрович. Сборник документов. М.,2002. С. 182.

215 ПСЗРИ. 2-е изд. Т. 34. (1859). № 34888 // Штат Двора Его Императорского Высочества Государя наследника Цесаревича великого князя Николая Александровича.

216 Секретарь, доктор, два камердинера, старший и младший камердинерские помощники, тафельдекер⁶ и его помощник, работник, два камер-лакея, два рейнкнехта⁷ лакейского звания, два истопника, два лакея при парадных комнатах, фельдшер, парикмахер и еще 10 истопников. При кухне цесаревича работали метрдотель, мунд-кох, кох, хлебник и три ученика.

⁶ Тафельдекер (от нем. *tafel* – стол и *decken* – покрывать), придворный служитель, накрывающий и убирающий стол; служитель при Дворе, в обязанности которого входит сервировка царского стола и заведование всеми принадлежностями столового убранства.

⁷ Рейнкнехт – придворнослужитель, выполняющий обязанности личного вестового (посыльного в пределах дворца) императора.

217 ПСЗРИ. 2-е изд. Т. 34 (1859). № 34889. 8 сентября // Высочайше утвержденный штат Конюшенного отделения Его Императорского

Высочества Государя Наследника цесаревича великого князя Николая Александровича.

218 *Татищев С.С.* Детство и юность великого князя Александра Александровича // Великий князь Александр Александрович. Сборник документов. М., 2002. С. 218.

219 *Оом Ф.А.* Воспоминания // Александр Второй: Воспоминания. Дневники. СПб., 1995. С. 238.

220 Великий князь Сергей Александрович: биографические материалы. Кн. 1:1857–1877. М., 2006. С. 18.

221 Из дневника Н.П. Литвинова. 1861–1862 // Великий князь Александр Александрович. Сборник документов. М., 2002. С. 498.

222 Из дневника Н.Л. Литвинова. 1861–1862. Великий князь Александр Александрович. Сборник документов. М., 2000. С. 504.

223 Там же. С. 533.

224 *Половцев А.А.* Дневник 1877–1878 гг. // Александр Второй: Воспоминания. Дневники. СПб., 1995. С. 304.

225 Там же.

226 Александр III // Мемуары графа С.Д. Шереметева. М., 2001. С. 423.

227 Великий князь Сергей Александрович: биографические материалы. Кн. 1:1857–1877. М., 2006. С. 153.

228 *Бенуа А.Н.* Мои воспоминания // Александр Третий. Воспоминания. Дневники. Письма. СПб., 2001. С. 228.

229 *Богданович А.В.* Три последних самодержца. М., 1990. С. 247, 248.

230 *Витте С.Ю.* Воспоминания // Александр Третий: Воспоминания. Дневники. Письма. СПб., 2001. С. 271.

231 *Епанчин Н.А.* На службе трех императоров. М., 1996. С. 198.

232 *Извольский А.П.* Воспоминания. М., 1989. С. 158.

233 Последний самодержец // Голос минувшего. 1917. № 4. С. 41.

234 ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 919. Л. 45 // Письма великого князя Николая Александровича к Александру III.

235 *Гуль Р.* Я унес Россию. Нью-Йорк, 1984. Т. 2. С. 202.

236 Qp р_{НБ} ф 650 д 1277. Л. 19 // Письма об августейших сыновьях императора Александра II, писанные С.А. Юрьевичем в 1847 г. к его Величеству в бытность его Наследником Цесаревичем.

237 *Татищев С.С.* Детство и юность великого князя Александра Александровича // Великий князь Александр Александрович. Сборник документов. М., 2002. С. 60.

238 Воскресные собрания у Великих Князей в Петербурге. СПб., март 1867 г. // Мемуары графа С.Д. Шереметева. М., 2001. С. 19.

239 Александр III // Мемуары графа С.Д. Шереметева. М., 2001. С. 414.

240 Великий князь Владимир Александрович // Мемуары графа С.Д. Шереметева. М., 2001. С. 400.

241 Петербургское общество 60-х годов (1863–1868) // Мемуары графа С.Д. Шереметева. М., 2001. С. 195.

242 *Татищев С. С.* Детство и юность великого князя Александра Александровича // Великий князь Александр Александрович. Сборник документов. М., 2002. С. 369.

243 *Высочков Л.В.* Император Николай I: человек и государь. СПб., 2001. С. 144.

244 Там же. С. 144.

245 Записки Николая I // Николай I. Муж. Отец. Император. М., 2000. С. 38.

246 Воспитатель великого князя Д.С. Арсеньев упоминает: «Боже мой, Боже мой, – говорил Сергей Александрович в отчаянии, напоминавшем его отчаяние

после розог в Дармштадте, – что мне делать, что скажут Па и Ма?» См.: Великий князь Сергей Александрович: биографические материалы. Кн. 1: 1857–1877. М., 2006. С. 78.

247 *Мердер К.К.* Записки воспитателя. 1826–1832 // Александр Второй: Воспоминания. Дневники. СПб., 1995. С. 64.

248 Там же. С. 71.

249 Там же. С. 72.

250 Там же. С. 76.

251 *Пушкин А.С.* Дневник. 1834 год // Александр Второй: Воспоминания. Дневники. СПб., 1995. С. 79.

252 *Молин Ю.В.* Романовы... Забвение отменяется. СПб., 2005. С. 244.

253 *Тютчева А.Ф.* Воспоминания // Александр Второй: Воспоминания. Дневники. СПб., 1995. С. 115.

254 Из дневника Н.П. Литвинова. 1861–1862 // Великий князь Александр Александрович. Сборник документов. М., 2002. С. 535.

255 Там же. С. 494.

256 Великий князь Сергей Александрович: Биографические материалы. Кн. 1. 1857–1877. М., 2006. С. 61.

257 Там же. С. 185.

258 Там же. С. 194.

259 Там же. С. 199.

260 *Татищев С. С.* Детство и юность великого кня-

зя Александра Александровича // Великий князь Александр Александрович. Сборник документов. М., 2002. С. 57.

261 Из дневника Н.П. Литвинова. 1861–1862 // Великий князь Александр Александрович. Сборник документов. М., 2002. С. 495.

262 Там же. М., 2002. С. 527.

263 *Татищев С. С.* Детство и юность великого князя Александра Александровича // Великий князь Александр Александрович. Сборник документов. М., 2002. С. 88.

264 Из дневника Н.П. Литвинова. 1861–1862 // Великий князь Александр Александрович. Сборник документов. М., 2002. С. 462.

265 Там же. С. 471.

266 Там же. С. 474.

267 Там же. С. 475.

268 Там же. С. 488.

269 Там же. С. 534.

270 Великий князь Сергей Александрович: биографические материалы. Кн. 1. 1857–1877. М., 2006. С. 340.

271 *Воррес Й.* Последняя великая княгиня. СПб., 2003. С. 279.

272 *Танеева А.А.* Страницы моей жизни // Верная Богу, Царю и Отечеству. Анна Александровна Танее-

ва (Вырубова) – монахиня Мария. Авт. – сост. Ю.Ю. Рассулин. СПб., 2005. С. 59.

273 Корнева Т.Н., Чебоксарова Т.Н. Любимые резиденции Императрицы Марии Федоровны в России и Дании. СПб., 2006. С. 88.

274 Бабель Н.Э. Избранное. С. 222, 223.

275 Царскосельский арсенал. 100 предметов из собрания российских императоров. СПб., 2000. С. 7.

276 Воспоминания о младенческих годах Императора Николая Павловича, записанные Им собственноручно // Николай Первый и его время. Т. 1. М., 2000. С. 73.

277 Там же. С. 72.

278 Qp рнБ. Ф. 650. Д. 1052. Л. 6 // Книга расхода и прихода денежной суммы великого князя Николая Павловича 1803 года.

279 ОР РНБ. Ф. 650. Д. 1067. Л. 6 об. // Приходно-расходная книга карманных сумм. 1824–1825 гг.

280 QR РНБ. Ф. 650. Д. 1069. Л. 28 // Гардеробные суммы за 1833–1835 гг.

281 ОР РНБ. Ф. 650. Д. 1073. Л. 43 // Книга о Собственной Е.И.В. гардеробной сумме с 30 октября 1847 по 1 января 1853 г.

282 Татищев С.С. Детство и юность великого князя Александра Александровича // Великий князь Александр Александрович. Сборник документов. М., 2002.

С. 45.

283 Там же. С. 53.

284 Из дневника Н.П. Литвинова. 1861–1862: Великий князь Александр Александрович. Сборник документов. М., 2002. С. 472.

285 Великий князь Сергей Александрович: библиографические материалы. Кн. 1. 1857–1877. М., 2006. С. 41.

286 Там же. С. 189.

287 *Воррес Й.* Последняя великая княгиня. СПб., 2003. С. 190.

288 Цит. по: *Аксельрод В.И., Буланкова Л.П.* Аничков дворец – легенды и были. СПб., 1996. С. 99.

289 РГИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 996. Л. 120 // Денежные документы за 1881 г.

290 Гатчинский арсенал. Сто предметов из собрания российских императоров. СПб., 2001. № 94.

291 Там же. № 95.

292 На детской половине. Детство в царском доме. ОТМА и Алексей. Каталог выставки. М., 2000. С. 33.

293 Там же.

294 *Шильдер Н.К.* Император Николай Первый: Его жизнь и царствование // Николай Первый и его время. Т. 1. М., 2000. С. 174.

295 Древнегреческий и латинский языки вел отец Самуил.

296 Немецкий язык – Ф.П. Аделунг, английский язык – англичанин К.И. Седжер, впоследствии директор библиотеки Николая I.

297 ПСЗРИ. 1-е изд. 1811 г. № 24325. «Постановление о Лицее».

298 Николай I: личность и эпоха. Новые материалы. СПб., 2007. С. 27.

299 *Корф М.* Записки. М., 2003. С. 389.

300 Великий князь Сергей Александрович: Биографические материалы. Кн. 1. 1857–1877. М., 2006. С. 147.

301 Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846 // Николай I. Муж. Отец. Император. М., 2000. С. 193.

302 Там же. С. 186.

303 Письма Александры Федоровны к В.А. Жуковскому // Николай I. Муж. Отец. Император. М., 2000. С. 168.

304 Там же. С. 170.

305 Там же. С. 171.

306 Это были А. Паткуль и В. Вильегорский.

307 *Смирнова-Россет А.О.* Дневник. Воспоминания. М., 1989. С. 169.

308 *Аксельрод В.И., Буланкова Л.П.* Аничков дворец – легенды и были. СПб., 1996. С. 76.

309 Александр Второй: Воспоминания. Дневники.

СПб., 1995 // К.К. Мердер. Записки воспитателя. 1826–1832. С. 62.

310 Жилль Флориан Антонович (18? – 1865) – действительный статский советник, учитель французского языка императора Александра II, директор Императорского Эрмитажа.

311 Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846 // Николай I. Муж. Отец. Император. М., 2000. С. 230.

312 Шамбо Иван Павлович (1783–1848) тайный советник, секретарь принцессы прусской Шарлотты с декабря 1814 по 1848 г. Прибыл в Россию в 1817 г.

313 Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846 // Николай I. Муж. Отец. Император. М., 2000. С. 232.

314 Там же. С. 230.

315 Там же. С. 232.

316 Там же. С. 244.

317 *Корф У.* Записки. М., 2003. С. 256.

318 Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846 // Николай I. Муж. Отец. Император. М., 2000. С. 219.

319 Там же. С. 229.

320 Письма Николая Павловича И.Ф. Паскевичу. 1832–1847 // Николай I. Муж. Отец. Император. М., 2000. С. 479.

321 По проекту архитектора А. Штакеншнейдера.

322 По проекту архитектора Э. Гана.

323 *Татищев С.С.* Детство и юность великого князя Александра Александровича. С. 46.

324 У каждого поколения Романовых был свой «военный дядька», обучавших их «фронту». Например, младших сыновей Александра II Сергея и Павла обучал унтер-офицер Стрелкового батальона Константин Андреев. По традиции, он позже перешел на должность камердинера при великом князе Сергее Александровиче. См.: Великий князь Сергей Александрович: Биографические материалы. Кн. 1.1857–1877. М., 2006. С. 53.

325 *Татищев С.С.* Детство и юность великого князя Александра Александровича. С. 186. Осенью 1858 г. было отпраздновано 10-летие службы «при детях» дядьки Хренова. Унтер-офицер получил пожизненную пенсию в 200 руб.

326 В 1864 г., когда был определен штат прислуги для пятого сына Александра II – Сергея, «камердинер Хренов, бывший дядькой (старший офицер Семеновского полка) при всех старших братьях великих князей и при нем самом, прекрасный, верный, преданный до самоотвержения царской семье старик, немного им надоедавший. Старшие князья отдавали справедливость Хренову но не особенно его любили. Великий

князь Сергей Александрович сначала любил Хренова, но потом переходил через те же фазы, что и его братья... стал называть его «Маврой», что Хренову очень не нравилось». См. Великий князь Сергей Александрович: биографические материалы. Кн. 1. 1857–1877. М., 2006. С. 34.

327 *Татищев С.С.* Детство и юность великого князя Александра Александровича // Великий князь Александр Александрович. Сборник документов. М., 2002. С. 59.

328 Там же. С. 63.

329 *Татищев С.С.* Детство и юность великого князя Александра Александровича // Великий князь Александр Александрович. Сборник документов. М., 2002. С. 70.

330 Там же. С. 82.

331 Там же. С. 80.

332 Там же С. 93.

333 *Шереметев С.Д.* Мемуары // Александр Третий: Воспоминания. Дневники. Письма. СПб., 2001. С. 312.

334 *Татищев С.С.* Детство и юность великого князя Александра Александровича // Великий князь Александр Александрович. Сборник документов. М., 2002. С. 146.

335 Там же. С. 162.

336 Имеется ввиду Александр III.

337 *Татищев С. С.* Детство и юность великого князя Александра Александровича // Великий князь Александр Александрович. Сборник документов. М., 2002. С. Из.

338 Там же. С. 162.

339 Там же. С. 266.

340 Из дневника И.П. Литвинова. 1861–1862 // Великий князь Александр Александрович. Сборник документов. М., 2002. С. 463, 476, 496, 502.

341 Там же. С. 526.

342 Великий князь Сергей Александрович: Биографические материалы. Кн. 1. 1857–1877. М., 2006. С. 222.

343 Из дневника И.П. Литвинова. 1861–1862 // Великий князь Александр Александрович. Сборник документов. М., 2002. С. 525.

344 Великий князь Сергей Александрович: биографические материалы. Кн. 1. 1857–1877. М., 2006. С. 58.

345 *Татищев С. С.* Детство и юность великого князя Александра Александровича // Великий князь Александр Александрович. Сборник документов. М., 2002. С. 350.

346 ОР РНБ ф 650. Д. 1503. Л. 1 // Письмо великого князя Александра Александровича кн. В. П. Мешерскому. 12 апреля / 23 февраля 1865 г. Ницца.

347 *Богданович А.В.* Три последних самодержца. М., 1990. С. 197.

348 Великий князь Сергей Александрович записал в дневнике 21 октября 1875 г.: «утром у меня была первая лекция с Победоносцевым». Великий князь Сергей Александрович: Биографические материалы. Кн. 1.1857–1877. М., 2006. С. 271.

349 У великого князя Сергея Александровича изучение блока среднего образования заняло 8 лет. В этот блок был включен 21 предмет: Закон Божий, русский язык и словесность, латинский язык, языки французский и немецкий, английский, география, история, арифметика, алгебра, геометрия, тригонометрия, физика. Из искусств: чистописание, рисование, музыка, гимнастика, танцы, фронт и верховая езда.

350 Великий князь Сергей Александрович: Биографические материалы. Кн. 1.1857–1877. С. 119.

351 Письма императора Александра III к наследнику цесаревичу великому князю Николаю Александровичу // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Т. IX. М., 1999. С. 214.

352 Александр III // Мемуары графа С.Д. Шереметева. М., 2001. С. 585.

353 *Воррес Й.* Последняя великая княгиня. СПб., 2003. С. 197.

354 Там же.

355 *Головин Ф.* Николай II // Николай II: Воспоминания. Дневники. СПб., 1994. С. 82.

356 *Витте С.Ю.* Из воспоминаний // Николай II: Воспоминания. Дневники. СПб., 1994. С. 260.

357 *Буксгевден С.* Венценосная мученица. Жизнь и трагедия Александры Федоровны, Императрицы все-российской. М., 2006. С. 165.

358 Там же. С. 165.

359 На детской половине. Детство в царском доме. ОТМА и Алексей: Каталог выставки. М., 2000. С. 85.

360 *Волков А.А.* Около царской семьи. М., 1993. С. 56.

361 На детской половине. Детство в царском доме. ОТМА и Алексей. Каталог выставки. М., 2000. С. 97.

362 РГИА. Ф. 525. Оп. 1. Д. 213. Л. 1.

363 По 17 руб. в месяц за поездки в Петергоф и 12 руб. за поездки в Царское Село.

364 *Шуленбург В.Э.* Воспоминания об императрице Александре Федоровне. Париж, 1928. С. 6.

365 РГИА. Ф. 525. Оп. 1. Д. 213. Л. 29.

366 Цит. по: Николай II: Воспоминания. Дневники. СПб., 1994. С. 227.

367 *Мельник Т.* Воспоминания о царской семье и ее жизни до и после революции. М., 1993. С. 114.

368 РГИА. Ф. 525. Оп. 1. д. 213. Л. 46.

369 *Буксгевден С.* Венценосная мученица. Жизнь и трагедия Александры Федоровны Императрицы все-российской. М., 2006. С. 457.

370 Великий князь Сергей Александрович: биографические материалы. Кн. 1:1857–1877. М., 2006. С. 57.

371 Мемуаристка путает и упоминает, что этот остров находился в Петергофе. На самом деле Детский остров находится в Александровском парке Царского Села.

372 Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846 // Николай I. Муж. Отец. Император. М., 2000. С. 186.

373 Там же.

374 *Татищев С.С.* Детство и юность великого князя Александра Александровича // Великий князь Александр Александрович. Сборник документов. М., 2002. С. 54.

375 Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846 // Николай I. Муж. Отец. Император. М., 2000. С. 191.

376 *Первушина Е.В.* Загородные императорские резиденции. Будни. Праздники. Трагедии. СПб., 2007. С. 252.

377 Из дневника Н.П. Литвинова. 1861–1862 // Великий князь Александр Александрович. Сборник документов. М., 2002. С. 483.

378 *Вильчковский С.Н.* Царское Село. СПб., 1911. С. 171, 172.

379 *Татищев С. С.* Детство и юность великого князя Александра Александровича // Великий князь Александр Александрович. Сборник документов. М., 2002. С. 349.

380 Великий князь Сергей Александрович: Биографические материалы. Кн. 1. 1857–1877. М., 2006. С. 36.

381 Из воспоминаний адмирала Д.С. Арсеньева. 1877 г. // Великий князь Сергей Александрович Романов: Биографические материалы. Кн. 2. 1877–1880. М., 2007. С. 29.

382 Из дневника Н.П. Литвинова. 1861–1862 // Великий князь Александр Александрович. Сборник документов. М., 2002. С. 486.

383 *Вильчковский С.Н.* Указ. соч. С. 188.

384 ОР РНБ. Ф. 650. Д. 1518. Л. 1–3 // Сочинение великого князя Николая Александровича «Царское Село». 19 октября 1854 г.

385 Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846 // Николай I. Муж. Отец. Император. М., 2000. С. 191.

386 ОР РНБ. Ф. 650. Д. 1277. Л. 16 // Письма об августейших сыновьях императора Александра II, писанные С. А. Юрьевичем в 1847 г. к Его Величеству в бытность его Наследником Цесаревичем.

387 ОР РНБ. Ф. 650. Д. 1277. Л. 23 // Письма об августейших сыновьях императора Александра...

388 ОР РНБ. Ф. 650. Д. 1277. Л. 55. Там же.

389 *Каргопольцев С.Ю., Каргопольцев М.Ю., Седых В.Н.* Археологические раскопки в Петергофе (итоги работы 2001–2004 гг.) // Археологическое изучение Санкт-Петербурга в 1996–2004 гг. СПб., 2005. С. 177.

390 *Каргопольцев С.Ю., Каргопольцев М.Ю., Седых В.Н.* Указ. соч.

391 *Корнева Т.Н., Чебоксарова Т.Н.* Любимые резиденции Императрицы Марии Федоровны в России и Дании. СПб., 2006. С. 181.

392 *Каргопольцев С.Ю., Каргопольцев М.Ю., Седых В.Н.* Указ. соч.

393 Там же. С. 183.

394 Екатерина Петровна Принцесса Ольденбургская (1847–1866) // Мемуары графа С.Д. Шереметева. М., 2001. С. 29.

395 Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846 // Николай I. Муж. Отец. Император. М., 2000. С. 204.

396 Там же. С. 205.

397 ОР РНБ. Ф. 650. Д. 1434. Л. 1 // Тарачек Степан. Письмо Федору Петровичу Литке. 30 апреля 1839 г.

398 Воскресные собрания у Великих князей в Петербурге. СПб., март 1867 г. // Мемуары графа С.Д.

Шереметева. М., 2001. С. 20.

399 дети Николая I: великая княжна Александра Николаевна и великий князь Константин Николаевич.

40 ° Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846 // Николай I. Муж. Отец. Император. М., 2000. С. 211.

401 *Мещерский В.П.* Мои воспоминания // Александр Третий. Воспоминания. Дневники. Письма. СПб., 2001. С. 62.

402 Из дневника Н.П. Литвинова. 1861–1862 // Великий князь Александр Александрович. Сборник документов. М., 2002. С. 522.

403 Великий князь Сергей Александрович: Биографические материалы. Кн. 1. 1857–1877. М., 2006. С. 97.

404 Там же. С. 117.

405 Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний // Николай II: Воспоминания. Дневники. СПб., 1994. С. 328.

406 *Семенов В.А.* Гатчина в царствование императора Александра III // Император Александр III. Императрица Мария Федоровна. Каталог выставки. СПб., 2006. С. 89.

407 Александр III // Мемуары графа С.Д. Шереметева. М., 2001. С. 476.

408 Великий князь Сергей Александрович: Биографические материалы. Кн. 1. 1857–1877. М., 2006. С.

259.

409 Там же. С. 239, 240.

410 РГИА Ф. 536. Оп. 1. Д. 441. Л. 2–4 // Список кому выданы билеты на каток Таврического дворца в 1887/88 гг.

411 *Буксгевден С.* Венценосная мученица. Жизнь и трагедия Александры Федоровны, Императрицы все-российской. М., 2006. С. 47.

412 *Шереметев С.Д.* Мемуары // Александр Третий. Воспоминания. Дневники. Письма. СПб., 2001. С. 335.

413 Qp рнб. Ф. 650. Д. 1050. Л. 1 // Книга прихода и расхода денежной суммы великому князю Николаю Павловичу 1801 года.

414 *Мердер К.К.* Записки воспитателя. 1862–1832 // Александр Второй: Воспоминания. Дневники. СПб., 1995. С. 59.

415 *Татищев С.С.* Детство и юность великого князя Александра Александровича // Великий князь Александр Александрович. Сборник документов. М., 2002. С. 41.

416 Там же. С. 74.

417 Там же. С. 134.

418 Там же. С. 136.

419 Там же. С. 417.

420 Великий князь Сергей Александрович: Биогра-

фические материалы. Кн. 1.1857–1877. М.,2006. С. 197.

421 Там же. С. 265.

422 Там же. С. 283.

423 РГИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 996. Л. 200 // Денежные документы за 1881 г.

424 РГИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 996. Л. 393, 395 // Денежные документы за 1881 г.

425 Анастасии тогда шел четвертый год, а Алексею не было еще и года, поэтому на литургию их не взяли.

426 Дневники императрицы Марии Федоровны (1914–1920, 1923 годы). М.,2005. С. 50.

427 Там же. С. 63, 64.

428 *Маркелов ИМ.* Первая встреча императора Александра II с императрицей Марией Александровной // Александр Второй: Воспоминания. Дневники. СПб., 1995. С. 84.

429 Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846 // Николай I. Муж. Отец. Император. М.,2000. С. 296.

430 Великий князь Сергей Александрович: биографические материалы. Кн. 1.1857–1877. М.,2006. С. 39.

431 Там же. С. 227.

432 Екатерина Петровна Принцесса Ольденбургская (1847–1866) // Мемуары графа С.Д. Шереметева. М., 2001.

433 *Маркелов ИМ.* Первая встреча императора Александра II с императрицей Марией Александровной // Александр Второй: Воспоминания. Дневники. СПб., 1995. С. 84.

434 Николай I: личность и эпоха. Новые материалы. СПб., 2007. С. 351.

435 *Яковлева АМ.* Воспоминания бывшей камер-юнгферы императрицы Марии Александровны // Александр Второй: Воспоминания. Дневники. СПб., 1995. С. 87.

436 Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846 // Николай I. Муж. Отец. Император. М., 2000. С. 262.

437 *Пахомова-Грейс В.* Адини и ее приданое // Наше наследие. 2000. № 5. С. 41.

438 Там же. С. 42.

439 Там же. С. 43.

440 Там же. С. 45.

441 Там же.

442 *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1865–1867. М., 2005. С. 307.

443 Высочайше утвержденный церемониал святого миропомазания Ея Королевского Высочества Марии-Софии-Фредерики-Дагмар, принцессы Датской. СПб., 1866.

444 Из альбома императрицы Александры Федо-

ровны // Николай I. Муж. Отец. Император. М., 2000. С. 41.

445 *Дараган П.М.* Из воспоминаний камер-пажа. 1817–1819 // Николай Первый и его время. Т. 2. М., 2000. С. 7.

446 Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846 // Николай I. Муж. Отец. Император. М., 2000. С. 254.

447 Там же. С. 328.

448 Церемониал обручения Его Императорского Величества Государя Наследника Цесаревича Великого Князя Александра Александровича с Ея Королевским Высочеством, благоверною княжной. СПб., 1866.

449 *Милютин ДА.* Воспоминания. 1865–1867. М., 2005. С. 307.

450 русское народное название литургии, происшедшее от слова обед, на то основании, что литургия совершается *перед* обедом или *до* обеда.

451 *Яковлева А.И.* Воспоминания бывшей камер-юнгферы императрицы Марии Александровны // Александр Второй: Воспоминания. Дневники. СПб., 1995. С. 86.

452 Из альбомов императрицы Александры Федоровны // Николай I. Муж. Отец. Император. М., 2000. С. 144.

453 Там же.

454 *Яковлева А.И.* Воспоминания бывшей камер-юнгферы императрицы Марии Александровны // Александр Второй: Воспоминания. Дневники. СПб., 1995. С. 86.

455 Великий князь Сергей Александрович: Биографические материалы. Кн. 1.1857–1877. М.,2006. С. 209.

456 Там же. С. 236.

457 *Корф М.* Записки. М.,2003. С. 245.

458 За здравие их величеств – 51 выстрел; высокобрученных – 31 выстрел; всего Императорского дома – 31 выстрел; датского короля и королевы – 31 выстрел; духовных и всех верноподданных – 31 выстрел.

459 *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1865–1867. М.,2005. С. 307.

460 Великий князь Сергей Александрович: Биографические материалы. Кн. 1.1857–1877. М.,2006. С. 236.

461 *Яковлева А.И.* Воспоминания бывшей камер-юнгферы императрицы Марии Александровны // Александр Второй: Воспоминания. Дневники. СПб., 1995. С. 91.

462 В 1859 г. после взятия аула Гниб Шамиль сдался в плен. Вплоть до 1870 г. жил в Калуге, в 1870 г. выехал в Мекку, где в 1871 г. скончался.

463 РГИА. Ф. 475. Оп. 1. Д. 601. Л. 54 // О расхо-

дах по приготовлению в императорском Зимнем дворце комнат и других расходах. Вызываемых бракосочетанием наследника цесаревича с принцессою Алисою и великого князя Александра Михайловича с великою княжною Ксениею Александровной. 13 апреля 1894 – 15 февраля 1896 гг.

464 *Яковлева А.И.* Воспоминания бывшей камер-юнгферы императрицы Марии Александровны // Александр Второй: Воспоминания. Дневники. СПб., 1995. С. 91.

465 Великий князь Сергей Александрович: Биографические материалы. Кн. 1.1857–1877. 2006. С. 209.

466 Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846 // Николай I. Муж. Отец. Император. М., 2000. С. 279.

467 Там же. С. 304.

468 Там же. С. 279.

469 Там же. С. 274.

470 *Кони А.Ф.* Николай II // Николай II: Воспоминания. Дневники. СПб., 1994. С. 167.

471 Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846 // Николай I. Муж. Отец. Император. М., 2000. С. 288.

Быт монархов, их окружение

1 Письма Николая Павловича И.Ф. Паскевичу. 1832–1847 // Николай I. Муж. Отец. Император. М., 2000. С. 490.

2 *Пашкова Т.Н.* Зимний дворец конца 1830-х – начала 1840-х годов и образ жизни императорской семьи // Архитектура Петербурга. Материалы исследований. Ч. 2. СПб., 1992. С. 122.

3 Великая княгиня Ольга Николаевна описывала Кабинет императрицы Александры Федоровны в 1833 г. следующим образом: «Это была красивая угловая комната с видом на Неву, обтянутая зеленым с амарантом штофом, всегда наполненная цветами. Мама любила одеваться в светлое». См. Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846 // Николай I. Муж. Отец. Император. М., 2000. С. 198.

4 Великий князь Сергей Александрович: Биографические материалы. Кн. 1. 1857–1877. М., 2006. С. 116.

5 РГИА. Ф. 475. Оп. 1. Д. 472. Л. 13 // Описание казенным вещам, находившимся на половине покойного императора Александра II. 1894.

6 *Яковлева А.И.* Воспоминания бывшей камер-юнгферы императрицы Марии Александровны //

Александр Второй: Воспоминания. Дневники. СПб., 1995. С. 88.

7 РГИА. Ф. 475. Оп. 1. Д. 77. Л. 3. // Справка о комнатах, которые занимали высочайшие особы в первой половине XIX столетия. 1900.

8 *Яковлева А.И.* Воспоминания бывшей камер-юнгферы императрицы Марии Александровны // Александр Второй: Воспоминания. Дневники. СПб., 1995.

9 *Татищев С. С.* Детство и юность великого князя Александра Александровича // Великий князь Александр Александрович: Сборник документов. М., 2002. С. 186.

10 Великий князь Сергей Александрович: Биографические материалы. Кн. 1. 1857–1877. М., 2006. С. 34.

11 Там же. С. 116.

12 РГИА. Ф. 536. Оп. 1. Д. 760. Л. 5 // Опись по комнатам Государя императора. 1888.

13 Обзор деятельности министра Императорского двора за время царствования в Бозе почившего государя императора Александра III. 1881–1894. Ч. 1. СПб., 1901. С. 34.

14 *Пашкова Т.Н.* Интерьеры А.П. Брюллова во втором этаже северозападного ризалита Зимнего дворца // Культура и искусство России XIX в. Новые материалы и исследования: Сборник статей. Л., 1985. С.

15 Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний // Николай II: Воспоминания. Дневники. СПб., 1994. С. 325.

16 *Несин В.Н.* Зимний дворец в царствование Императора Николая II. СПб., 1999. С. 78.

17 *Витте С.Ю.* Из «Воспоминаний» // Николай II: Воспоминания. Дневники. СПб., 1994. С. 245.

18 ОР РНБ. Ф. 650. Д. 1967. С. 8 // Приходно-расходная книга карманных сумм. 1824–1825 гг.

19 ОР РНБ. Ф. 650. Д. 1071. Л. 72 // Книга гардеробной суммы 1838–1842 гг.

20 ОР РНБ. Ф. 650. Д. 1072. С. 18 об. // Гардеробные суммы. 1944 г.

21 Январь 1847 г.: «На покрытие расходов по ремонтному сбережению езжалых дорог в парке дачи Александрии в 1846 г.» – 1410 руб. 27 коп.; февраль 1847 г.: «Для покрытия расходов по работам в Александрии и в Знаменском» – 1589 руб. 73 коп.; ноябрь 1847 г.: «По вырубке и посадке деревьев в Александрии» – 2000 руб.; декабрь 1849 г.: «на расходы по парку Александрии и Знаменке» – 2057 руб.

22 *Мосолов АЛ.* При Дворе последнего императора. СПб., 1992. С. 222.

23 РГИА. Ф. 475. Оп. 1. Д. 601. Л. 79 // О расходах по приготовлению в императорском Зимнем дворце ком-

нат и других расходах. Вызываемых бракосочетанием наследника цесаревича с принцессой Алисой и великого князя Александра Михайловича с великою княжною Ксенией Александровной. 13 апреля 1894 – 15 февраля 1896 гг.

24 ОР РНБ. Ф. 650. Д. 1071. Л. 9 об. // Книга гардеробной суммы 1838–1842 гг.

25 ОР РНБ. Ф. 650. Д. 1071. Л. 26 об. Там же.

26 1. Котельная для отопления личных апартаментов и детской половины. 2. Котел для бассейна Николая II. 3. Водогрейный котел ванного помещения детской половины. 4. Котел водяного отопления для Угловой гостиной Александры Федоровны и двух библиотечных залов. 5. Котел водяного отопления «зала Горы», библиотеки и кладовых под открытым залом. 6. Котел водяного отопления Полукруглого и Портретного залов. 7. Котел водяного отопления

Большого билльярдного зала, Гостиной (в которой находилась походная церковь) и третьего подъезда.

27. Собственный буфет Их Величеств. Здесь варили кофе, кипятили молоко, сливки и шоколад. 2. Буфет камер-юнгфер и комнатных девушек. 3. Буфет офицеров Сводного полка. 4. Собачья кухня. 5. Собственная «приспешная» кухня с очагом, пирожной духовой печью, в которой на масленицу пекли блины, котлом для нагревания воды, вертелом и рошпором для

приготовления шашлыков на березовых углях. 6. Расхожий буфет или кафешенская. 7. Гофмаршальская кухня. 8. Столовая. 9. Помещение для отпуска вина.

28 ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 672. Ч. 2. Л. 57 // *Кривенко В.С.* В Министерстве Двора. 1876–1896 гг.

29 *Девятова С.* Для какого декольте шею мыть? // *Родина.* 2003. № 7. С. 101.

30 Эрмитаж. История строительства и архитектура зданий. Строительство. 1989. С. 191.

31 РГИА. Ф. 469. Оп. 9. Д. 340. Л. 33 об. // О расходах по сопровождению фрейлины Тютчевой 2-й за границу. 1859.

32 РГИА. Ф. 472. Оп. 66. Д. 588. Л. 55.

33 РГИА. Ф. 479. Оп. 1. Д. 355. Лл. 1–9.

34 РГИА. Ф. 469. Оп. 9. Д. 340. Л. 33 об.

35 РГИА. Ф. 479. Оп. 1. Д. 2093. Л. 4.

36 Там же. Л. 31.

37 Обзор деятельности Министерства Императорского двора за время царствования в Бозе почившего государя императора Александра III. 1881–1894. Ч. 1. СПб., 1901. С. 90.

38 Там же. С. 39.

39 РГИА. Ф. 472. Оп. 66. Д. 500. Л. 2.

40 *Богданович А.* Три последних самодержца. М., 1990. С. 258.

41 *Яковлев В.И.* Александровский дворец-музей в

Детском Селе. Л., 1927. С. 138.

42 РГИА. Ф. 475. Оп. 2. Д. 1. Л. 106.

43 Эрмитаж. История строительства и архитектура зданий. Строительство. 1989. С. 142.

44 *Комелова Г.Н.* Апартаменты Екатерины II в Зимнем дворце // Зимний дворец. Очерки жизни императорской резиденции. Т. 1. XVIII – первая треть XIX вв. СПб., 2000. С. 52.

45 Там же. С. 125.

46 Там же. С. 149.

47 *Башуцкий А.* Возобновление Зимнего дворца в Санкт-Петербурге. СПб., 1839. С. 34.

48 РГИА. Ф. 475. Оп. 2. Д. 186. Л. 202.

49 Из записок Елисаветы Николаевны Львовой // Николай Первый и его время. М., 2000. Т. 2. С. 317.

50 ОР РНБ. Ф. 650. Д. 1069 // Гардеробные суммы за 1833–1835 гг.

51 ОР РНБ. Ф. 650. Д. 1070 // Гардеробные суммы Николая I за 1836–1837 гг.

52 ОР РНБ. Ф. 650. Д. 1071. Л. 72 об. // Книга гардеробной суммы 1838–1842 гг.

53 ОР РНБ. Ф. 650. Д. 1072 // Гардеробные суммы. 1844–1847 гг.

54 *Знаменов В.В.* Коттедж. Л., 1980.

55 *Шеманский А., Гейченко С.* Коттедж. Дача Николая I в Петергофе. Л., 1930. С. 22.

- 56 Эрмитаж. История строительства и архитектура зданий. Строительство. 1989. С. 256.
- 57 РГИА. Ф. 536. Оп. 1. Д. 728. Л. 1.
- 58 РГИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 538. Л. 8 // Права и обязанности охранной команды Аничкова дворца и переписка о здании. 1879–1917.
- 59 ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 672. Ч. 2. Л. 58 // *Кривенко В.С.* В Министерстве Двора. 1876–1896 гг.
- 60 *Яковлев В.И.* Александровский дворец-музей в Детском Селе. Л., 1927. С. 139.
- 61 Там же. С. 149.
- 62 ОР РНБ. Ф. 741. Оп. 2. Д. 148. Л. 60.
- 63 РГИА. Ф. 475. Оп. 1. Д. 381. Лл. 1–5.
- 64 *Воррес Й.* Последняя великая княгиня. СПб., 2003. С. 198.
- 65 Сводный каталог культурных ценностей, похищенных и утраченных в период Второй мировой войны. Т. 5. Гатчинский дворец. Кн. 2. М., 2004. С. 56.
- 66 Сводный каталог культурных ценностей, похищенных и утраченных в период Второй мировой войны. Т. 5. Государственный музей-заповедник «Гатчина». Кн. 3. Гатчинский дворец. М., 2006.
- 67 Писсина (от фр. piscine) – бассейн.
- 68 *Ден Л.* Подлинная царица. СПб., 2003. С. 42.
69. *Успенский А.И.* Павловский дворец // Записки императорского Московского Археологического об-

щества. М., 1913. Т. 24. С. 446.

70. *Вильчковский С.Н.* Царское Село. СПб., 1911. С. 140.

71. РГИА. Ф. 475. Оп. 1. Д. 472. Л. 14.

72. РГИА. Ф. 536. Оп. 1. Д. 760. Л. 12.

73. *Погожее В.П.* Очерк деятельности Министерства Императорского двора по приготовлениям и устройству торжеств священного коронования в 1896 г. СПб., 1896 г. Т. 3. С. 9.

74. *Девятова С.* Для какого декольте шею мыть? // Родина. 2003. № 7. С. 102.

75. Петергоф. Новые поступления. 2003–2005. Петергоф. 2005. № 646.

76. ОР РНБ. Ф. 650. Д. 1059. Л. 25 // Книга прихода и расхода денежной суммы великого князя Николая Павловича.

77. ОР РНБ. Ф. 650. Д. 1071. Л. 45 об. // Книга гардеробной суммы 1838–1842 гг.

78. Сводный каталог культурных ценностей, похищенных и утраченных в период Второй мировой войны. Т. 5. Государственный музей-заповедник «Гатчина». Кн. 3. Гатчинский дворец. М., 2006. № 5245.

79. *Молин Ю.А.* Романовы. Путь на Голгофу. Взгляд судебно-медицинского эксперта. СПб., 2002. С. 248.

80. Воспоминания о младенческих годах Императора Николая Павловича, записанные Им собственноручно.

ручно // Николай Первый и его время. Т. 1. М., 2000. С. 74.

81. Эрмитаж. История строительства и архитектура зданий. Строительство. 1989. С. 159.

82. *Яковлев В.И.* Александровский дворец-музей в Детском Селе. Л., 1927. С. 134.

83. РГИА. Ф. 475. Оп. 2. Д. 186. Л. 201. Ч. 1.

84. ОР РНБ. Ф. 741. Оп. 2. Д. 148. Л. 109.

85. *Суслов В.А.* Николай I и Эрмитаж // Клио. 2003. № 2. С. 218.

86. *Мейер-Стабли Б.* Повседневная жизнь Букингемского дворца при Елизавете II. М., 2007. С. 89.

87. *Яковлев В.И.* Александровский дворец-музей в Детском Селе. Л., 1927. С. 134.

88. РГИА. Ф. 475. Оп. 1. Д. 472. Л. 14.

89. Там же.

90. РГИА. Ф. 475. Оп. 1. Д. 743. Л. 12.

91. Для спальни Его Величества – 2 шт., для Свиты – 6 шт.

92. РГИА. Ф. 536. Оп. 1. Д. 880. Л. 12.

93. РГИА. Ф. 469. Оп. 12. Ч. 1. Д. х. // Об устройстве в певческом доме вместо обыкновенных ретирадных мест ватерклазетов. 1864. 28 л.; Ф. 469. Оп. 12. Ч. 1. Д. х. // По контракту, заключенному с машинистом Алексеевым, на содержание в Конюшенном доме насосов, водопроводных труб, ватерклазетов и проч. 1866, 169

л.; Ф. 469. Оп. 12. Ч. 1. Д. х. // О расходах на содержание водоподъемной машины в придворнослужительском доме и ватерклозетах.

94. РГИА. Ф. 469. Оп. 12. Ч. 1. Д. х. // По подряду на поставку жидкости для устранения дурного запаха в отхожих местах по зданиям придворной конторы. 1865.184 л.

95. Обзор деятельности Министерства Императорского двора за время царствования в Бозе почившего государя императора Александра III. 1881–1894. Ч. 1. СПб., 1901. С. 38.

96. РГИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 538 // Права и обязанности охранной команды Аничкова дворца и переписка о здании. 1879–1917 гг.

97. Обзор деятельности Министерства Императорского двора за время царствования в Бозе почившего государя императора Александра III. 1881–1894. Ч. 1. СПб., 1901. С. 50.

98. Александр II и Царское Село: Каталог выставки. М., 2000. С. 72.

99. *Пашкова Т.Н.* Главная лестница северо-западного ризалита Зимнего дворца // Архитектурные традиции. Вып. 1. СПб., 1994. С. 35–43.

100. РГИА. Ф. 469. Оп. И. Д. 19. Л. 3 // Высочайше утвержденные 28 ноября 1858 г. Правила о замене вольнонаемными людьми нижних чинов Инвалидных

рот, мастеровых и других команд. 1858–1859.

101. РГИА. Ф. 469. Оп. 12 (738/1854). Д. 293. Л. 26 // Краткий отчет о суммах ассигнованных на содержание императорского Зимнего дворца и прикосновенных к оному зданий. 1868.

102. РГИА. Ф. 469. Оп. И. Д. 217. Л. 1 // О работах на устройство подъемных машин в Старом Эрмитаже и на Комендантском подъезде. 1882–1886.

103. Дневник великого князя Сергея Александровича. 1877 г. // Великий князь Сергей Александрович Романов: Биографические материалы. Кн. 2. 1877–1880. М., 2007. С. 163.

104. Директрису Смольного Ю.Ф. Адлерберг.

105 РГИА. Ф. 536. Оп. 1. Д. 175. Л. 6 // По заявлению мещанина Воловича о неправильно произведенных работах техником Пашковым по устройству подъемных машин на подъездах Его и Ее Величеств в Зимнем дворце. 1886.

106 РГИА. Ф. 536. Оп. 1. Д. 880. Л. 4.

107 Отчет о деятельности Санкт-Петербургского дворцового управления за 1904 г. // Библиотека РГИА. Б. м., Б. д. Л. 94.

108 *Погожее В.П.* Очерк деятельности Министерства Императорского двора по приготовлениям и устройству торжественного священного коронования в 1896 г. СПб., 1896. Т. 3. С. 9.

109 РГИА. Ф. 475. Оп. 2. Д. 177. Л. 1–2.

110 *Буксгевден С.* Венценосная мученица. Жизнь и трагедия Александры Федоровны Императрицы все-российской. М., 2006.

111 *Успенский А.И.* Павловский дворец // Записки императорского Московского Археологического общества. М., 1913. Т. 24. С. 444.

112 РГИА. Ф. 469. Оп. 10. Д. 153. Л. 18 об. // Положение по кухне в какую именно сумму приготовить столы для Их Императорских Величеств и Их Императорских высочеств со свитою. 1826.

113 Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846 // Николай I. Муж. Отец. Император. М., 2000. С. 243.

114 ОР РНБ. Ф. 741. Оп. 2. Д. 148. Л. 153.

115 РГИА. Ф. 475. Оп. 2. Д. 186. Л. 202 // Выписки из разных фондов о Зимнем дворце и Эрмитаже, сделанные по распоряжению начальника Петроградского дворцового управления для издания «Истории Зимнего дворца». 1903. Ч. 1.

116 ОР РНБ. Ф. 471. Оп. 2. Д. 148. Л. 120.

117 Обыкновенных стеариновых свечей за год было закуплено на 5598 руб. Отборных стеариновых на 8079 руб.

118 Закуплено на 7859 руб.

119 РГИА. Ф. 469. Оп. 12 (738/1854). Д. 293. Л. 36 //

Расходы на свечи в 1868 г.

120 РГИА. Ф. 469. Оп. 12 (738/1854). Д. 293. Л. 38 // Отчет о приходах и расходах сумм припасов и материалов по Придворной конторе за 1868 г.

121 *Смирнова-Россет А.О.* Дневник. Воспоминания. М., 1989. С. 179.

122 Там же. С. 180.

123 Билльярдная, Приемная, Учебная, Кабинет, Камердинерская, Библиотека, Антресоль над Камердинерской комнатой, Буфет.

124 Приемная – 2 люстры на 24 свечи и там же две пары канделябров на 7 и 5 рожков (всего 72 свечи); Учебная – 24 свечи и пара канделябров на 6 рожков (всего 36 свечей); Кабинет – люстра и пара канделябров на 7 рожков (38 свечей); Библиотека – одна люстра на 42 свечи пара канделябров на 3 свечи – всего 48 свечей. Помещение над антресолью и Буфет, видимо освещались отдельными свечами. См. РГИА. Ф. 475. Оп. 1. Д. 472. Л. 1-14 // Опись казенным вещам, находившимся на половине покойного императора Александра II, 1894.

125 *Аксельрод В.И., Буланкова Л.П.* Аничков дворец – легенды и были. СПб., 1996. С. 98, 99.

126 *Суслов В.А.* Николай I и Эрмитаж // Клио. 2003. № 2. С. 217.

127 В команду входили мастер, два подмастерья,

шесть мастеровых и три ученика. См.: ОР РНБ. Ф. 741. Оп. 2. Д. 148. Л. 109 // Рукописи П.Н. Столпянского по истории Зимнего дворца.

128 РГИА. Ф. 469. Оп. И. Д. 137. Лл. 1-29 // О составлении проекта Положения и Штата по управлению газовым освещением в Императорском Зимнем дворце. 1861–1863.

129 *Несин В.* Зимний дворец в царствование последнего императора Николая II. 1894–1917. СПб., 1998. С. 19.

130 ОР РНБ1000 Оп. 2. Д. 672 // *Кривенко В.С.* В Министерстве Двора. 1876–1896 гг. Л. 22.

131 «Товарищество Яблочков-изобретатель и К^о».

132 Обзор деятельности Министерства Императорского Двора за время царствования в Бозе почившего государя императора Александра III. 1881–1894. Ч. 1. СПб., 1901. С. 85.

133 РГИА. Ф. 536. Оп. 1. Д. 210. Лл. 3, 4 // Об устройстве электрического освещения к предстоящим в 1885 г. высочайшим балам в Зимнем дворце. 1884–1885.

134 Обзор деятельности Министерства Императорского Двора за время царствования в Бозе почившего государя императора Александра III. 1881–1894. Ч. 1. СПб., 1901. С. 90.

135 *Шереметев С.Д.* Указ. соч. С. 550.

136 ОР РНБ 741 Q_n 2. Д. 148. Л. 171.

137 Передняя, три проходных, Уборная императора, уборная и ванная, Кабинет, две гостиных, Библиотека, гардероб, две проходные комнаты за Гардеробом, Дежурная и Буфет.

138 РГИА. Ф. 536. Оп. 1. Д. 760. Лл. 1-14 // Описание комнаты Государя Императора. 1888.

139 Эрмитаж. История строительства и архитектура зданий. Строительство. 1989. С. 88.

140 *Комелова Г.Н.* Апартаменты Екатерины II в Зимнем дворце // Зимний дворец: Очерки жизни императорской резиденции. Т. 1. XVIII – первая треть XIX вв. СПб., 2000. С. 59.

141 Там же. С. 117.

142 *Сивков А. В.П.* Стасов и его работы по восстановлению Зимнего дворца после пожара 1837 г. Л., 1948. С. 1.

143 РГИА. Ф. 475. Оп. 2. Д. 186. Л. 202 // Выписки из разных фондов о Зимнем дворце и Эрмитаже, сделанные по распоряжению начальника Петроградского дворцового управления для издания «Истории Зимнего дворца». 1903. Ч. 1.

144 *Аммосов Н.* Краткое описание о пневматическом отоплении и о качествах воздуха относительно к здоровью. М., 1844. С. 31.

145 *Аммосов Н.* Заметки на счет испытания пнев-

матических печей. СПб., 1863. С. И.

146 Аммосов Н. Замечания на статью г. Ходнева о пневматических печах. СПб., 1861. С. 2.

147 Эрмитаж. История строительства и архитектура зданий / Строительство 1989. С. 178.

148 ОР РНБ. Ф. 741. Оп. 2. Д. 148. Л. 109.

149 Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846 // Николай I. Муж. Отец. Император. М., 2000. С. 266.

150 Там же. С. 276.

151 ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 672 // Кривенко В.С. В Министерстве Двора. 1876–1896 гг. Л. 45.

152 Великий князь Сергей Александрович: Биографические материалы. Кн. 1. 1857–1877. М., 2006. С. 284, 324.

153 РГИА. Ф. 469. Оп. 12 (738/1854). Д. 293. Л. 38 // Отчет о приходах и расходах сумм припасов и материалов по Придворной конторе за 1868 г.

154 Обзор деятельности Министерства Императорского Двора... 1901. С. 39.

155 Эрмитаж. История строительства и архитектура зданий / Строительство. 1989. С. 460.

156 ПСЗРИ. 2-е изд. Т. 15 (1840). № 13354. 7 апреля.

157 ПСЗРИ. 2-е изд. Т. 30 (1855). № 29742. 22 октября.

158 ПСЗРИ. 2-е изд. Т. XLII. (1867). № 45263. 9 декабря // Новый штат по содержанию здания Собственного Его Величества дворца и принадлежавших к нему домов.

159 РГИА. Ф. 469. Оп. И. Д. 123 // О выдаче 75 руб. мастеру Риккету за устройство из гуттаперчи слуховой трубы для передачи переговоров с верхнего этажа в подвал на половине Ея Величества. 1853.

160 ргиа ф 508. Оп. 1. Д. 1. Л. 3 // О принятии мер предосторожности по Зимнему дворцу и о командировании воинских чинов для охраны Императорских особ в местах их пребывания. 1861–1881 гг.

161 РГИА. Ф. 469. Оп. 12. Ч. 1. Д. 34 // Об устройстве по Зимнему дворцу в разных местах электровзвонков. 1860.

162 РГИА. Ф. 469. Оп. И. Д. 67 // О допущении Сименса и Глинке к устройству телеграфного сообщения между кабинетом Его Величества и дежурного комнатой. 1860.

163 РГИА. Ф. 475. Оп. 1. Д. 472. Л. 13 // Описание казенным вещам, находившимся на половине покойного императора Александра II. 1894.

164 РГИА. Ф. 469. Оп. И. Д. 98 // Об устройстве добавочных по Зимнему дворцу телеграфов. 1868.

165 рри д ф 459 оп 11 д 135 // Об устройстве электрических звонков от подъездов Ее величества и Ко-

мендатского на Главную гауптвахту. 1870.

166 рриА. Ф. 469. Оп. И. Д. 189 // О ремонте всех электрических звонков. 1871.

167 РГИА. Ф. 469. Оп. 11. Д. 225. Л. 1 // По устройству в Зимнем дворце пневматического аппарата (колокола) для лечения сгущенным воздухом. 1876–1881.

168 *Заворыкин А.А., Осьмова Н.И., Чернышов В.И., Шухардин С.В.* История техники. М., 1962. С. 318.

169 Николай II. Воспоминания. Дневники. СПб., 1994. С. 180.

170 Дневник Императора Николая II. 1890–1906 гг. Париж, 1980. С. 15.

171 ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 672. Л. 105 // *Кривенко В.С.* В Министерстве Двора. Мемуары. 1876–1896.

172 *Погожее В.П.* Очерк деятельности Министерства Императорского двора по приготовлениям и устройству торжеств священного коронования в 1896 г. СПб., 1896. Т. 1. С. 236.

173 РГИА. Ф. 475. Оп. 2. Д. 206 // Список абонентов дворцовой телефонной сети на 1915 г.

174 РГИА. Ф. 508. Оп. 1. Д. 2522. Л. 1 // Докладная записка чиновника для поручений о необходимости увеличения состава дежурных полицейских надзирателей на дворцовой телефонной станции. 1915.

175 *Танеева АЛ.* Страницы моей жизни // Верная

Богу, Царю и Отечеству. Анна Александровна Танеева (Вырубова) – монахиня Мария. СПб., 2005. С. 73.

176 *Буксгевден С.* Венценосная мученица. Жизнь и трагедия Александры Федоровны Императрицы все-российской. М., 2006. С. 400.

177 *Яковлев В.И.* Александровский дворец-музей в Детском Селе. Л., 1928. С. 45.

178 *Буксгевден С.* Венценосная мученица. Жизнь и трагедия Александры Федоровны Императрицы все-российской. М., 2006. С. 415.

179 *Попов А.В.* Романовы на южном берегу Крыма. Симферополь, 1903. С. 62.

180 *Ден Л.* Подлинная царица. СПб., 2003. С. 23.

181 Исчезнувшая Россия: Воспоминания княгини Лидии Леонидовны Васильчиковой (1886–1919). СПб., 1995. С. 198.

182 В 1742 г. был единственный случай пожалования в статс-дамы девицы – графини Марии Симоновны Гендриковой, двоюродной сестры императрицы Елизаветы Петровны.

183 Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846 // Николай I. Муж. Отец. Император. М., 2000. С. 257.

184 Фрейлины и кавалерственные дамы XVIII – начала XX вв.: Каталог выставки. М., 2005. С. 32.

185 Петербургское общество 60-х годов (1863–

1868) // Мемуары графа С.Д. Шереметева. М., 2001. С. 260.

186 *Тютчева А.Ф.* При дворе двух императоров. Воспоминания. Дневник. 1853–1855. М., 1990. С. 66.

187 Великий князь Сергей Александрович: Биографические материалы. Кн. 1. 1857–1877. М., 2006. С. 165.

188 *Феоктистов Е.М.* За кулисами политики. 1848–1914. М., 2001. С. 187.

189 *Тютчева А.Ф.* Воспоминания // Александр Второй: Воспоминания. Дневники. СПб., 1995. С. Из.

190 Там же. С. 119.

191 *Буксгевден С.* Указ. соч. С. 85.

192 Там же. С. 79.

193 Там же. С. 96.

194 Там же. С. 264.

195 *Тютчева А.Ф.* При дворе двух императоров. Воспоминания. Дневник. 1853–1855. М., 1990. С. 67.

196 Там же. С. 88.

197 *Анна Тютчева* // Тайны царского двора (из записок фрейлин). Сборник. М., 1997. С. 219.

198 Там же. С. 173.

199 РГИА. Ф. 466. Оп. 1. Д. 273. Л. 91.

200 *Смирнова-Россет А.О.* Дневник. Воспоминания. М., 1989. С. 167.

201 Сейчас это залы №№ 314, 332 – французское

искусство второй половины XIX, см. Пушкин и Зимний дворец: Каталог выставки. СПб., 1999.

202 *Смирнова-Россет А.О.* Дневник. Воспоминания. М., 1989. С. 168.

203 *Тютчева А.Ф.* При дворе двух императоров. Воспоминания. Дневник. 1853–1855. М., 1990. С. 90.

204 Там же. С. 91.

205 *Смирнова-Россет А.О.* Дневник. Воспоминания. М., 1989. С. 21.

206 *Анна Тютчева* // Тайны царского двора (из записок фрейлин): Сборник. М., 1997. С. 194.

207 Александр III // Мемуары графа С.Д. Шереметева. М., 2001. С. 453.

208 Петербургское общество 60-х годов (1863–1868) // Мемуары графа С.Д. Шереметева. М., 2001. С. 114.

209 ПСЗРИ. Высочайше утвержденный придворный штат 30 декабря 1796 г. № 17700.

210 ПСЗРИ. О назначении комплектного числа фрейлин их величеств государынь императрицы. 16 февраля 1826 г. № 152.

211 Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846 // Николай I. Муж. Отец. Император. М., 2000. С. 195.

212 Петербургское общество 60-х годов (1863–1868) // Мемуары графа С.Д. Шереметева. М., 2001. С.

263.

213 См.: РГИА. Ф. 919. Оп. 2. Д. 2964. Л. 28 // Списки статс-дам, фрейлин, камер-фрейлин. 1869–1907.

214 *Буксгевден С.* Венценосная мученица. Жизнь и трагедия Александры Федоровны Императрицы все-российской. М., 2006. С. 97.

215 Там же. С. 363.

216 *Палеолог М.* Дневник посла. М., 2003. С. 613.

217 Цит. по: *Лаврентьева Е.В.* Повседневная жизнь дворянства пушкинской поры. Этикет. М., 2005. С. 36.

218 *Вырубова А.А.* Неопубликованные воспоминания // Николай Второй: Воспоминания. Дневники. СПб., 1994. С. 174.

219 *Корф М.А.* Записки. М., 2003. С. 227.

220 Николай I: личность и эпоха. Новые материалы. СПб., 2007. С. 309.

221 ПСЗРИ. Высочайше утвержденный придворный штат 30 декабря 1796 г. № 17700.

222 Арендт Николай Федорович – лейб-медик Николая I.

223 *Смирнова-Россет А.О.* Дневник. Воспоминания. М., 1989. С. 168.

224 РГИА. Ф. 469. Оп. 9. Д. 340. Л. 29 // О расходах по сопровождению фрейлины Тютчевой 2-й за границу. 1859.

225 *Вырубова А.А.* Неопубликованные воспомина-

ния // Николай II: Воспоминания. Дневники. СПб., 1994. С. 174.

226 Там же.

227 *Смирнова-Россет А.О.* Дневник. Воспоминания. М., 1989. С. 200.

228 Фрейлина О. Калиновская.

229 Письма императора Николая I к цесаревичу Александру Николаевичу // Николай Первый и его время. Т. 1. М., 2000. С. 155.

230 А.Ф. Тютчева прожила в Зимнем дворце с 1853 по 1866 г. Сначала в роли фрейлины цесаревны, затем императрицы Марии Александровны. В 1860-х гг. она стала воспитательницей единственной дочери Александра II великой княжны Марии Александровны. В конце 1865 г. А.Ф. Тютчева уехала в Москву, где 12 января 1866 г. состоялась ее свадьба.

231 Петербургское общество 60-х годов (1863–1868) // Мемуары графа С.Д. Шереметева. М., 2001. С. 452.

232 Там же. С. 116–117.

233 Александр Второй: Воспоминания. Дневники. СПб., 1995. С. 388.

234 Петербургское общество 60-х годов (1863–1868) // Мемуары графа С.Д. Шереметева. М., 2001.

235 Великий князь Сергей Александрович. С. 164.

236 Александр III // Мемуары графа С.Д. Шереме-

тева. М., 2001. С. 452.

237 *Мослов А.А.* Из записок «При дворе императора» // Николай II: Воспоминания. Дневники. СПб., 1994. С. 69.

238 *Волков Н.Е.* Двор русских императоров в его прошлом и настоящем. М., 2001.

239 Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846 // Николай I. Муж. Отец. Император. М., 2000. С. 205.

240 *Воррес Й.* Последняя великая княгиня. СПб., 2003. С. 221.

241 ПСЗРИ. 2-е изд. Описание дамских нарядов для приезда в торжественные дни к Высочайшему двору. № 6861. 27 февраля 1834 г.

242 *Корф М.А.* Записки. М., 2003. С. 137.

243 *Тютчева А.Ф.* Воспоминания // Александр Второй: Воспоминания. Дневники. СПб., 1995. С. 111.

244 *Клейнмихель М.Э.* Из потонувшего мира // За кулисами политики. 1848–1914. М., 2001. С. 484.

245 *Палеолог М.* Дневник посла. М., 2003. С. 654.

246 *Буксгевден С.* Венценосная мученица. Жизнь и трагедия Александры Федоровны Императрицы все-российской. М., 2006. С. 269.

247 *Мамонтов В.И.* На государевой службе. Воспоминания. Таллин, 1926. С. 147.

248 *Буксгевден С.* Венценосная мученица. Жизнь и

трагедия Александры Федоровны Императрицы все-
российской. М., 2006. С. 270.

249 Там же. С. 229.

250 Там же. С. 263.

251 *Танеева АЛ.* Страницы моей жизни // Верная Богу, Царю и Отечеству. Анна Александровна Танеева (Вырубова) – монахиня Мария. Авт. – сост. Ю.Ю. Рассулин. СПб., 2005. С. 24.

252 Там же. С. 25.

253 Там же. С. 27.

254 Там же. С. 30.

255 *Вырубова АЛ.* Неопубликованные воспоминания // Николай Второй: Воспоминания. Дневники. СПб., 1994. С. 184.

256 К императрице Александре Федоровне в Александровский дворец приглашали профессора Консерватории Н.А. Ирецкую, которая «ставила голос» императрице. Надо заметить, что, по словам Вырубовой, Николай II с большим скепсисом относился к музыкальным талантам своей жены. По крайней мере, он не особенно любил слушать пение супруги.

257 Она дежурила в Александровском дворце по средам и пятницам.

258 РГИА. Ф. 476. Оп. 1. Д. 1596 // О бракосочетании фрейлины А.А. Танеевой с лейтенантом Вырубовым в высочайшем присутствии в Большом Царско-

сельском дворце 30 апреля 1907 г. 32 л.

259 *Танеева АЛ.* Страницы моей жизни // Верная Богу, Царю и Отечеству. Анна Александровна Танеева (Вырубова) – монахиня Мария. СПб., 2005. С. 33.

260 *Вырубова АЛ.* Неопубликованные воспоминания // Николай Второй: Воспоминания. Дневники. СПб., 1994. С. 175.

261 Александра Васильевна Богданович вела свой дневник с 11 февраля 1879 г. по 20 июня 1912 г.

262 Царская семья перешла на судно конвоя «Азия», на котором находилась охрана, а затем на яхту «Александрия».

263 *Богданович А.* Три последних самодержца. М., 1990. С. 456.

264 *Танеева АЛ.* Страницы моей жизни // Верная Богу, Царю и Отечеству. Анна Александровна Танеева (Вырубова) – монахиня Мария. СПб., 2005. С. 36.

265 Видимо, это произошло в сентябре 1908 г., поскольку и в июне 1908 г. А. В. Богданович упомянула в дневнике, что в столице «много говорят о разводе Танеевой с мужем, Вырубовым, то есть «семейная жизнь» Анны Вырубовой продолжалась полтора года. На допросе в Чрезвычайной следственной, учрежденной Временным правительством, комиссии, Вырубова указала, что ее супружество продолжалось 18 месяцев.

266 *Вырубова АЛ.* Неопубликованные воспоминания // Николай Второй: Воспоминания. Дневники. СПб., 1994. С. 175.

267 *Бобринский АЛ.* Дневник. 1910–1911 // Красный архив. М., 1928. Т. 1. С. 144.

268 *Руднев ВМ.* Правда о царской семье и «темных силах». Берлин, 1920.

269 *Танеева АЛ.* Страницы моей жизни // Верная Богу, Царю и Отечеству. Анна Александровна Танеева (Вырубова) – монахиня Мария. СПб., 2005. С. 358.

270 *Спиридович А.И.* Великая война и Февральская революция. 1914–1917. Нью-Йорк, 1960. Т. 1. С. 86.

271 РГИА. Ф. 525. Оп. 1 (211/2709). Д. 58. Л. 1.

272 *Мейлунас А., Мироненко С.* Николай и Александра. М., 1998. С. 304.

273 Кочубей Дарья Евгеньевна (Долли) – урожденная герцогиня Лейхтенбергская, во втором браке – баронесса Гревениц.

274 *Богданович А.В.* Указ. соч. С. 459.

275 *Танеева А. (Вырубова).* Страницы из моей жизни. Берлин, 1923. С. 99.

276 Радциг Николай Александрович – камердинер Николая II с 1875 г.

277 Шалберов Николай Филиппович – камердинер Николая II.

278 *Богданович А.В.* Указ. соч. С. 465.

279 Там же. С. 466.

280 *Богданович А.В.* Указ. соч. С. 453.

281 Дедюлин Владимир Александрович (1858–1913) – генерал от кавалерии, генерал-адъютант, петербургский градоначальник (1905 г.), дворцовый комендант (1906–1913 гг.).

282 *Богданович А.В.* Указ. соч. С. 467.

283 Гирш Густав Иванович (1829–1907) – с 1866 г. доктор наследника цесаревича Александра Александровича, с 1868 г. – почетный лейб-хирург, с 1875 г. – лейб-хирург, в 1883 г. был назначен лейб-хирургом Александра III с зачислением на службу при Императорской Главной квартире.

284 Боткин Евгений Сергеевич (1865–1918) – приват-доцент Военно-Медицинской академии (1897 г.), участник Русско-японской войны (1904–1905 гг.), с 1908 г. лейб-медик Николая II.

285 Знаменитость – это старший брат Е.С. Боткина – хирург С.С. Боткин.

286 *Танеева А. (Вырубова).* Страницы из моей жизни. Берлин, 1923. С. 21.

287 *Богданович А.В.* Три последних самодержца. М., 1990. С. 483.

288 РГИА. Ф. 472. Оп. 66. Д. 74. Л. 2.

289 Редн Георгий Ермолаевич (род. 1854—?) – академик, почетный лейб-хирург, председатель Меди-

цинского совета МВД, в 1917 г. министр здравоохранения.

290 *Богданович А.В.* Три последних самодержца. М., 1990. С. 478.

291 *Мейлунас А., Мироненко С.* Николай и Александра. М., 1998. С. 323.

292 Великий князь Константин Константинович Романов. Дневники. Воспоминания. М., 1998. С. 323.

293 *Мейлунас А., Мироненко С.* Николай и Александра. М., 1998. С. 323.

294 *Танеева А.А.* Страницы моей жизни. С. 57.

295 *Боханов А.* Российский императорский дом. М., 1992. С. 81.

296 Из переписки Николая и Марии Романовых в 1907–1910 гг. // Красный архив. М., 1932. Т. 1–2. С. 193.

297 *Бобринский А.А.* Дневник. 1910–1911 // Красный архив. М., 1928. Т. 1. С. 140.

298 *Богданович А.В.* Указ. соч. С. 493.

299 *Ден Л.* Подлинная царица. М., 1998. С. 46.

300 Там же. С. 61.

301 Там же. С. 64.

302 *Мейлунас А., Мироненко С.* Указ. соч. С. 311.

303 *Боханов А.* Император Николай II. М., 1998. С. 292.

304 Духовник царской семьи Святитель Феофан Полтавский. М., 1994. С. 46.

305 Гедройц Вера Игнатъевна (1870–1931) – княжна, хирург, с 1908 г. – старший врач Царскосельского госпиталя, в августе 1914 г. обучала императрицу Александру Федоровну медицине, которая впоследствии ассистировала ей на операциях, зав. кафедрой факультетской хирургии Киевского университета (1929 г.).

306 Фрейлина М.Д. Нирод родилась 24 мая 1879 г. (урожд. Муханова). В 1903 г. она вышла замуж за поручика лейб-гвардии Конного полка графа Ф.М. Нирода.

307 Воспоминания И.Д. Авдиевой // Лица. Биографический альманах. М.; СПб., 1992. Т. 1.

308 *Вырубова А.А.* Неопубликованные воспоминания // Николай Второй: Воспоминания. Дневники. СПб., 1994. С. 216.

309 *Спиридович А.И.* Война и Февральская революция. Нью-Йорк, 1960. Т. 3. С. 54.

310 Падение царского режима: Стенографические отчеты. Л., 1925. С. 8.

311 Николай I: личность и эпоха. Новые материалы. СПб., 2007. С. 406. В литературе встречаются упоминания, что в конце XVIII в. число обитателей Зимнего дворца достигало трех тысяч человек. См.: *Кудрявцева Т.В.* Приемы в Зимнем дворце // Зимний дворец. Очерки жизни императорской резиденции. Т. 1. XVIII –

первая треть XIX в. СПб., 2000. С. 76.

312 ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 672. Ч. 2. Л. 55 // *Кривенко В.С.* В Министерстве Двора. 1876–1896 гг.

313 Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний // Николай II: Воспоминания. Дневники. СПб., 1994. С. 297.

314 ПСЗРИ. 2-е изд. Т. 2 (1827). № 834. 21 января.

315 ПСЗРИ. 2-е изд. Т. 14 (1839). № 12954. 7 декабря.

316 ПСЗРИ. 2-е изд. Т. 15 (1840). № 13762. 7 сентября.

317 ПСЗРИ. 2 изд. Т. 27 (1852) № 26860. 15 декабря.

318 Дневник Государственного секретаря А.А. Половцева. 1887–1892. М., 1966. Т. 2. С. 297.

319 ПСЗРИ. 2-е изд. Т. 3 (1828). № 1839. 2 марта.

320 ПСЗРИ. 2-е изд. Т. 3 (1828). № 2078. 5 июня.

321 ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 672. Л. 60 // *Кривенко В.С.* В Министерстве Двора. 1876–1896 гг.

322 *Волков Н.Е.* Двор русских императоров в его прошлом и настоящем. М., 2001 С. 69.

323 ПСЗРИ. 2-е изд. Т. 1 (1825–1826). № 728. 5 декабря.

324 Дневник великого князя Сергея Александрович. 1977 г. // Великий князь Сергей Александрович Романов. Биографические материалы. Кн. 2: 1877–1880. М., 2007. С. 105.

325 *Шереметев С.Д.* Письма с Руцукского отряда 1877 г. СПб., 1898. С. 7.

326 Дневник великого князя Сергея Александровича. 1877 г. // Великий князь Сергей Александрович Романов. С. 117.

327 ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 672. Ч. 1. Л. 72, 73 // *Кривенко В.С.* В Министерстве Двора. 1876–1896 гг.

328 Дневник великого князя Сергея Александровича. 1877 г. // Великий князь Сергей Александрович Романов. С. 122.

329 Великий князь Сергей Александрович. С. 34.

330 Письма императора Александра III к наследнику цесаревичу великому князю Николаю Александровичу // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. М., 1999. Т. IX. С. 233.

331 Там же. С. 227.

332 Александр III // Мемуары графа С.Д. Шереметева. М., 2001. С. 450.

333 Там же. С. 426.

334 Там же. С. 450.

335 *Богданович А.* Три последних самодержца. М., 1990. С. 125.

336 Дневник Государственного секретаря А.А. Половцева. 1887–1892. М., 1996. Т. 2. С. 401.

³³¹ *Буксгевден С.* Венценосная мученица. С. 102.

338 *Танеева А.А.* Указ. соч. С. 22.

339 *Шульгин В.В.* Из книги «Дни» // Николай II. Воспоминания. Дневники. СПб., 1994. С. 466.

340 ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 672. Л. 60 // *Кривенко В.С.* В Министерстве Двора. 1876–1896 гг.

341 ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 672. Л. 60. Там же.

342 Обзор деятельности Министерства Императорского двора за время царствования в Бозе почившего государя императора Александра III. 1881–1894. Ч. 1. СПб., 1901. С. 7.

343 РГИА. Ф. 469. Оп. 6. Д. 1279 // Об отказе персидскому подданному в определении в число арапов. 1855.

344 ргиа ф 469. Оп. 4. Д. 52 // Об определении вновь ко двору араба Яну и арапчонка Алмаза. 1786.

345 РГИА. Ф. 469. Оп. 5. Д. 823 // Об исключении из списка умершего араба Жан Лу Робинзон. 1837.

346 ргиа ф 469. Оп. 4. Д. 56 // Об определении араба Александра Алексеева.

347 ОР РНБ. Ф. 741. Оп. 2. Д. 148. Л. 111 // Рукописи П.М. Столпянского.

348 *Галушкин Н.В.* Собственный Его Императорского Величества конвой. М., 2004. С. 38.

349 Иногда их называли ординарцами царя.

350 *Галушкин Н.В.* Указ. соч. С. 41.

351 *Ящик Т.К.* Рядом с императрицей. Воспомина-

ния лейб-казака. СПб., 2004. С. 67.

352 *Кривенко В.С.* Л. 110.

353 *Витте СБ.* Воспоминания // Александр Третий. С. 273.

354 *Погожее В.П.* Очерк деятельности Министерства Императорского двора по приготовлениям и устройству торжеств священного коронования в 1896 г. Т. 1. СПб., 1896. С. 88.

355 *Скурлов В.В.* Человеческие фигурки. Карл Фаберже и его продолжатели // Антикварное обозрение. 2005. № 3. С. 52.

356 Остальные награды: серебряная медаль «За усердие» на Станиславской ленте (1883 г.); серебряная медаль в память Александра III (1896 г.); серебряная медаль «В память Святого коронования императора Николая II» (1896 г.); золотая медаль «За усердие» на Станиславской ленте (1896 г.); золотая медаль «За усердие» на Аннинской ленте (1901 г.); датская золотая медаль (1895 г.); французская золотая медаль (1902 г.); бухарская малая золотая медаль (1898 г.); Мекленбург-Шверинская серебряная медаль «За заслуги» (1908 г.).

357 Фаберже. Ювелир Романовых. М., 2005. С. 177.

358 *Яшик Т.К.* Указ. соч. С. 45.

359 Там же. С. 47.

360 Там же.

361 Там же.

362 Там же.

363 Там же.

364 Там же.

365 Там же. С. 65.

366 Там же.

367 Там же. С. 89.

368 Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846 // Николай I. Муж. Отец. Император. М., 2000. С. 243.

369 Там же.

370 *Ден Л.* Подлинная императрица. СПб., 2003. С. 41.

371 Там же. С. 51.

372 Александр I. «Сфинкс, неразгаданный до гроба»: Каталог выставки. СПб., 2002. С. 64.

373 Николай I: личность и эпоха. Новые материалы. СПб., 2007. С. 67.

374 *Сэр Чарльз Муррей.* Королева Виктория и Николай I // Николай Первый и его время. Т. 2. М., 2000. С. 328.

375 РГИА. Ф. 469. Оп. 10. Ч. 1. Д. 449. Л. 1 // О пребывании Государыни императрицы в Ливадии и по возвращению оттуда в Санкт-Петербурге в 1863 г. 1863–1864.

376 РГИА. Ф. 536. Оп. 1. Д. 449. Л. 3 // О распоряже-

ниях и расходах по путешествию Их Императорских Величеств в финляндские шхеры. 1888.

377 *Лат А.И.* Императорская яхта «Полярная звезда» в санитарном отношении. СПб., 1892. С. 21.

378 Николай I: личность и эпоха. Новые материалы. СПб., 2007. С. 286.

379 *Погожее В.П.* Очерк деятельности Министерства Императорского двора по приготовлениям и устройству торжеств священного коронования в 1896 г. СПб., 1896. Т. 1. С. 88.

380 *Волков А.А.* Около царской семьи. М., 1993. С. 49.

381 Портфель графа А.Х. Бенкендорфа. Мемуары шефа жандармов // Николай I. Муж. Отец. Император. М., 2000. С. 337.

382 Сон юности. С. 317.

383 *Танеева А.А.* Страницы моей жизни. С. 45.

384 *Буксгевден С.* Венценосная мученица. С. 263.

385 РГИА. Ф. 469. Оп. 6. Д. 173. Лл. 1–4 // Об увольнении на время от дежурства истопника комнат Его Величества Павлова, изъявившего желание обучаться морской живописи у профессора Айвазовского. 1848–1849.

386 Письма А.Ф. Тютчевой к m-lle Граней // Николай I. С. 539.

387 *Блудов Д.Н.* Завещание и последние дни жизни

императора Николая I // Николай Первый и его время. М., 2000. Т. 2. С. 412.

388 *Кропоткин П.А.* Записки революционера // Александр Второй: Воспоминания. Дневники. СПб., 1995. С. 135.

389 Там же. С. 136.

390 *Клейнмихель М.Э.* Из потонувшего мира // За кулисами политики. 1848–1914. М., 2001. С. 450.

391 ПСЗРИ. 2-е изд. Т. 2 (1827). № 1596. 6 декабря.

392 ПСЗРИ. 2-е изд. Т. 2 (1827). № 1073. 4 мая.

393 ПСЗРИ. 2-е изд. Т. 14 (1839) № 12052. 25 февраля.

394 РГИА. Ф. 469. Оп. 6. Д. 1085. Л. 1, 2 // Об учреждении женского отделения при школе Придворное-служительских детей. 1854.

395 ПСЗРИ. 2-е изд. Т. 29 (1854). № 28018. 12 марта.

396 ПСЗРИ. 2-е изд. Т. 38 (1863). № 39883. 16 июля // Упразднение школы для сыновей служителей и мастеровых Придворного ведомства с особым при ней отделением для дочерей придворнослужителей.

397 О придворнослужительских детях // Библиотека РГИА Б. м. С. 3.

398 ПСЗРИ. 2-е изд. Т. 5 (1830). № 4189. 13 декабря.

399 Qp РНБ ф 741 оп. 2. Д. 148. Л. 109 // Рукописи П.Н. Столпянского по истории Зимнего дворца.

400 РГИА. Ф. 469. Оп. И. Д. 82. Л. 79 // Об укомплектовании мастерской роты. 1851.

401 РГИА. Ф. 475. Оп. 2. Д. 1. Л. 38 // Переписка об охране дворцов. 1892–1916.

402 РГИА. Ф. 469. Оп. И. Д. 19. Л. 3 // Высочайше утвержденные 28 ноября 1858 г. Правила о замене вольнонаемными людьми нижних чинов Инвалидных рот, мастерских и других команд. 1858–1859.

403 Там же. Л. 8.

404 Там же. Л. 7.

405 Обзор деятельности Министерства Императорского двора за время царствования в Бозе почившего государя императора Александра III. 1881–1894. Ч. 1. СПб., 1901. С. 16.

406 *Мосолов А.* При Дворе императора. Рига, 1936. С. 198.

407 Там же. С. 87.

408 *Кучумов А.М.* Статьи. Воспоминания. Письма. СПб., 2004. С. 36.

409 РГИА. Ф. 469. Оп. 12 (738/1854). Д. 293. Л. 38 // Отчет о приходах и расходах сумм припасов и материалов по Придворной конторе за 1868 г.

410 Обзор деятельности Министерства Императорского двора за время царствования в Бозе почившего государя императора Александра III. 1881–1894. Ч. 1. СПб., 1901. С. 7.

- 411 ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 672. Л. 60 // Кривенко В.С. В Министерстве Двора. 1876–1896 гг.
- 412 ОР РНБ. Ф. 650. Д. 1069. Л. 37 об. // Гардеробные суммы за 1833–1835 гг.
- 413 ОР РНБ. Ф. 741. Оп. 2. Д. 148. Л. 110 // Рукописи П.Н. Столпянского по истории Зимнего дворца.
- 414 *Буксгевден С.* Венценосная мученица. Жизнь и трагедия Александры Федоровны Императрицы все-российской. М., 2006. С. 102.
- 415 Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний // Николай II. С. 299.
- 416 *Швейниц Г. – Л. фон.* Дневник // Александр Третий. С. 173.
- 417 Положение об управлении Императорским Зимним дворцом. СПб., 1840. С. 30–32.
- 418 РГИА. Ф. 472. Оп. 42. (497/2724). Д. 97. Л. 2-27 // О форме одежды служащими при гараже. 1908.
- 419 РГИА. Ф. 468. Оп. 17. Т. 1. Д. 1145. Л. 12 // Смета расходов по Собственному Его Величества гаражу на 1909 г.
- 420 РГИА. Ф. 482. Оп. 10. Д. 803. Л. 2.
- 421 РГИА. Ф. 472. Оп. 41 (509/274). Д. 100 // Положение об управлении собственного Его Величества гаражами и штат управления. 1914.
- 422 В 1908 г. штат гаража составлял 26 человек.
- 423 ор РНБ. Ф. 650. Д. 1047. Лл. 8 об., 13 об. // Книга

прихода и расхода денежной суммы в.к. Николая Павловича 1798 года.

424 ОР РНБ. Ф. 650. Д. 1050. Л. И // Книга прихода и расхода суммы в.к. Николая Павловича 1801 года.

425 ОР РНБ. Ф. 650. Д. 1056. Л. 12 об. // Книга прихода и расхода денежной суммы великого князя Николая Павловича 1807 года.

426 ор РНБ. Ф. 650. Д. 1059. Л. 42 // Книга прихода и расхода денежной суммы великого князя Николая Павловича 1810 года.

427 ОР РНБ. Ф. 650. Д. 1072 // Гардеробные суммы. 1844–1847 гг.

428 ПСЗРИ. 2-е изд. Т. 1 (1825–1827). № 45. 12 января.

429 ПСЗРИ. 2-е изд. Т. И. (1836). № 8917.

430 РГИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 183. Лл. 2–5.

431 *Ден Л.* Подлинная царица. С. 31.

432 РГИА. Ф. 470. Оп. 83/517. Д. 461. Л. 1 // О наказании золотарного ученика. 1794.

433 ПСЗРИ. 2-е изд. Т. 1 (1825–1827) № 757.15 декабря.

434 РГИА. Ф. 472. Оп. 39 (223/2732). Д. 13. Л. 5 // О похищенных из Эрмитажа медалях. 1828–1833.

435 РГИА. Ф. 1338. Оп. 3 (54/117). Д. 19. Л. 3 // О покраже вещей из комнат императрицы в собственном дворце истопником Михайловым и полотером Чукасе-

вым. 1839–1840.

436 *Корф М.* Записки. М., 2003. С. 285.

437 РГИА. Ф. 470. Оп. 83/517. Д. 461. Л. 30 // О предании военному суду работников Бубнова, Абросимова, Селверстова и истопника Иванова за похищение 12 штор. 1851–1852.

438 Там же. Л. 51–53.

439 Там же. Л. 58.

440 *Епанчин Н.А.* На службе трех императоров // Александр Третий. СПб., 2001. С. 204.

441 РГИА. Ф. 469. Оп. 6. Д. 567. Лл. 1–5 // Об отдаче истопника Киселева за кражу шинели в крепостные арестанты на 10 лет. 1851–1852.

442 РГИА. Ф. 469. Оп. 5. Д. 1882. Лл. 2, 3 // О потерянном бриллианте, выпавшем во время выхода при высочайшем Дворе 1 января 1840 г., у одной из пуговиц, украшавших платье Государыни Великой Княжны Марии Михайловны.

443 *Берне О.* При дворе Николая I. Письма из Петербурга. 1842–1843. М., 2008. С. 70.

444 *Воррес Й.* Последняя великая княгиня. СПб., 2003. С. 272.

445 ОР РНБ. Ф. 650. Д. 1277. Л. 18 // Письма об августейших сыновьях императора Александра II, писанные С. А. Юрьевичем в 1847 г. к Его Величеству в бытность Его Наследником Цесаревичем.

446 Там же.

447 Там же.

448 РГИА. Ф. 336. Оп. 1. Д. 93. Л. 13 // Об отпуске и назначении разным особам и лицам высочайшего двора содержания. 1884–1885.

449 Qp p_{НБ} ф₁₀₀₀ Оп. 2. Д. 672. Л. 55 // *Крженко В.С.* В Министерстве Двора. 1876–1896 гг.

450 Ф. 548. Оп. 1. Д. 1326. Л. 2 // О похищении с половины великой княгини Екатерины Михайловны бронзовых часов. 1858.

451 ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 672. Л. 60 // *Крженко В.С.* В Министерстве Двора. 1876–1896 гг.

452 ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 672. Л. 65. Там же.

453 РГИА. Ф. 469. Оп. 9. Д. 354. Л. 4 // О пропаже 972 руб. из молельной комнаты Придворного собора. 1868.

454 РГИА. Ф. 469. Оп. 9. Д. 216. Л. 21 // О похищении из Малой Церкви Зимнего Дворца серебряных церковных вещей. 1868–1869.

455 РГИА. Ф. 469. Оп. 9. Д. 216. Л. 6 // Там же.

456 РГИА. Ф. 536. Оп. 1. Д. 281. Л. 9 // О похищении вина из погреба Александровского дворца. 1882.

457 ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 672. Ч. 1. Л. 53 // Указ. соч.

458 *Мосолов А.* При Дворе императора. Рига, 1936. С. 40.

459 РГИА. Ф. 475. Оп. 1. Д. 139. Л. 2–4 // О краже, совершенной крестьянином Архиповым в квартире светлейшей княгини Голицыной, в Зимнем дворце, а также по вопросу об охране Зимнего дворца. 1904 г.

460 РГИА. Ф. 472. Оп. 41 (443/2375). Д. 79. Л. 4 // О пожаловании японскому принцу Фусими второй коллекции коронационных медалей взамен похищенной у его высочества. 1898.

461 РГИА. Ф. 475. Оп. 2. Д. 1. Л. 101 // Переписка об охране дворцов. 1892–1916.

462 РГИА. Ф. 472. Оп. 42 (510/2742). Д. 58. Л. 5 // О краже серебряных предметов из Императорского гатчинского дворца. 1910.

463 РГИА. Ф. 475. Оп. 2. Д. 67. Л. 15 // Рапорта смотрителей Зимнего дворца и комнатного имущества и переписка о краже имущества. Сведения о повреждении имущества во время Октябрьского штурма Зимнего дворца. 1917–1918.

464 РГИА. Ф. 475. Оп. 2. Д. 67. Л. 45 // Рапорта смотрителей Зимнего дворца о кражах имущества, о повреждении во время Октябрьского штурма Зимнего дворца. 1917–1918.

465 РГИА. Ф. 475 оп 2. Д. 67. Л. 3 // Рапорта смотрителей Зимнего дворца о кражах имущества, о повреждении во время Октябрьского штурма Зимнего дворца. 1917–1918.

466 *Буксгевден С.* Венценосная мученица. С. 404.

467 Там же. С. 411.

468 Там же. С. 436.

469 рриА. Ф. 476. Оп. 1. Д. 473. Л. 1 // По выяснению некоторых вопросов, связанных с отречением Императора Николая II от Престола. 1917.

470 *Грот Я.К.* Екатерина II в переписке с Гриммом. СПб., 1879. С. 39.

471 *Григорович В.Д.* Петергоф. Описание предметов, имеющим преимущественно художественное значение. СПб., 1885. С. 138.

472 Там же.

473 *Сезюр Л. – Ф.* Записки о пребывании в России в царствование Екатерины II // Россия XVIII века глазами иностранцев. Л., 1989. С. 335, 336.

474 Английский врач Роджерсон был личным лейб-хирургом императрицы Екатерины II.

475 *Первушина Е.В.* Загородные императорские резиденции. Будни. Праздники. Трагедии. СПб., 2007. С. 314, 315.

476 *Пыляев М.М.* Старый Петербург. М., 1990. С. 396, 397.

477 Цит. по: *Булгакова Т.* Любимцы императорской семьи // Наше наследие. 2005. № 53. С. 45.

478 ОР РНБ. Ф. 650. Д. 1050. Лл. 8, 12, 12 об., 21 // Книга прихода и расхода денежной суммы в.к. Нико-

лая Павловича 1801 года.

479 ОР РНБ. Ф. 650. Д. 1052. Л. 15 // Книга расхода и прихода денежной суммы великого князя Николая Павловича 1803 года.

480 ор РНБ. Ф. 650. Д. 1069. Л. 9 об. // Гардеробные суммы за 1833–1835 гг.

481 ОР РНБ. Ф. 650. Д. 1069. Л. 25 // Гардеробные суммы за 1833–1835 гг.

482 РГИА. Ф. 469. Оп. 9. Д. 324. Л. 1 // О выписанных из Англии трех собачках, по повелению Государыни императрицы. 1853.

483 ПСЗРИ. 2-е изд. Т. 34. (1859). № 34889. 1859. 8 сентября // Высочайше утвержденный штат Конюшенному отделению Его

Императорского Высочества Государя Наследника цесаревича великого князя Николая Александровича.

484 *Григорович В.Д.* Петергоф. Описание предметам, имеющим преимущественно художественное значение. СПб., 1885. С. 31.

485 Сон юности. С. 221.

486 Письма императора Николая I к цесаревичу Александру Николаевичу // Николай Первый и его время. Т. 1. М., 2001. С. 155.

487 РГИА. Ф. 478. Оп. 3. Д. 200 // Об уплате егерю Петру Васильеву денег за нахождение у него на корму для дрессировки собаки из породы сеттер, принадле-

жащей государю императору. 1867–1869.

488 ргиА. Ф. 478. Оп. 3. Д. 1962 // Об отправлении по высочайшему повелению на всемирную выставку в Париже своры его величества борзых собак. 1868.

489 Придворная охота. М., 2002. С. 258, 259.

490 Большой датский дог: Библиотека американского клуба собаководства. М., 1998. С. 26, 29.

491 Александр II. Воспоминания. Дневники. СПб., 1998. С. 89.

492 *Сабанеев Л.* Собаки охотничьи. Кн. 1. М., 1992. С. 139.

493 В 1850 г. в этом садике был установлен бюст императора Александра I (арх. А. Тербенев), по имени которого и было названо это место. В 1925 г. в путеводителе В. Курбатова этот садик был назван «Собачим садом».

494 *Тютчева А.* При Дворе двух императоров. М., 1990. С. 104.

495 *Оглоблина Л.И.* Император Александр II среди детей // Александр Второй: Воспоминания. Дневники. СПб., 1995. С. 241.

496 Легенды, Мифы, Предания. М., 1992. С. 37.

497 Дневник великого князя Сергея Александровича. 1877 г. // Великий князь Сергей Александрович Романов: Биографические материалы. Кн. 2. 1877–1880. М., 2007. С. 88.

498 РГИА. Ф. 536. Оп. 2. Д. 29. Л. 4 // Переписка об уплате расходов за прокормление императорских собак и об отпуске для них медикаментов. 1882.

499 Письма императора Александра III к наследнику цесаревичу великому князю Николаю Александровичу // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. М., 1999. Т. IX. С. 218.

500 Там же. С. 220.

501 РГИА. Ф. 536. Оп. 2. Д. 29 // Об уплате расходов за прокорм собак и отпуск для них медикаментов. 1882.

502 Сводный каталог культурных ценностей, похищенных и утраченных в период Второй мировой войны. Т. 5. Гатчинский дворец. Кн. 2. М., 2004. С. 19.

503 *Боханов А.* Судьба императрицы. М., 2004. С. 242.

504 *Воррес Й.* Последняя великая княгиня. СПб., 2003. С. 196.

505 Там же. С. 205.

506 Письма императора Александра III к наследнику цесаревичу великому князю Николаю Александровичу // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. М., 1999. Т. IX. С. 227.

507 ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2227. Тетрадь № 12. Л.

50 // Дневник великого князя Николая Александровича.

508 Великая княгиня Елизавета Федоровна была старшей сестрой императрицы Александры Федоровны, жены Николая II.

509 Сейчас это сквер с фонтаном около северо-западного ризалита Зимнего дворца, обращенный в сторону Адмиралтейства и Дворцового моста. От двухметровой ограды с решеткой остался невысокий гранитный поребрик.

510 *Богданович А.* Три последних самодержца. М., 1990. С. 224.

511 Из переписки Николая Романова с В.А. Романовым // Красный архив. М., 1926. Т. 4 (17). С. 221.

512 Российский императорский дом. М., 1992. С. 69.

513 *Танеева А.А.* Страницы моей жизни... С. 62.

514 РГИА. Ф. 476. Оп. 1. Д. 743 // Об уплате денег за прокорм и содержание собак, принадлежащих императорской семье. 1901.

515 *Буксгевден С.К.* Император Николай II, каким я его знала. Отрывки воспоминаний // Возрождение. Литературно-политические тетради. Париж, 1957. М. 67. С. 29.

516 ОР РНБ. Ф. 650. Д. 1653. Журнал Императорской охоты № 9, составленный ловчим Владимиром Романовичем Дицем. 1906–1910 гг.

517 *Ден Л.* Подлинная царица. СПб., 2003. С. 55.

518 *Светлани Г., Капков С.* Товарищ Его Высочества. СПб., 2002. С. 87.

519 РГИА. Ф. 525. Оп. 3. Д. 535. Л. 76 // Денежные документы по суммам Государя Императора. Январь 1917 – март 1918 гг.

Литература

Законодательные акты

Полный свод законов Российской империи (ПСЗРИ) ПСЗРИ. 1-е изд. 1811 г. № 24325. ПСЗРИ. 2-е изд. Т. 2 (1827). № 1368. 9 сентября. ПСЗРИ. 2-е изд. Т. 3 (1828). № 2050. 24 мая. ПСЗРИ. 2-е изд. Т. 8 (1833). № 6153. 27 апреля. ПСЗРИ. 2-е изд. Т. 9 (1834). № 6728. 17 января. ПСЗРИ. 2-е изд. Т. 9 (1834). № 7019. 22 апреля. ПСЗРИ. 2-е изд. Т. 15 (1840). № 13354. 7 апреля. ПСЗРИ. 2-е изд. Т. 20 (1845). № 18791. 1 марта. ПСЗРИ. 2-е изд. Т. 34 (1859). № 34889. 8 сентября. ПСЗРИ. 2-е изд. **Т. XLII** (1867). № 45263. 9 декабря. ПСЗРИ. 2-е изд. **Т. XLIII** (1868). № 46366. 17 октября.

Архивные источники

Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ) ОР РНБ. Ф. 601. Фонд Половцевых. ОР РНБ. Ф. 650. Фонд Романовых.

ОР РНБ. Ф. 741. // Рукописи П.Н. Столпянского по истории Зимнего дворца.

ОР РНБ. Ф. 1000. Фонд разнородных материалов // *Кривенко В.С.* В Министерстве Двора. 1876–1896 гг.

Государственный архив Российской Федерации

ГАРФ. Ф. 470. Фонд Е.С. Боткина

ГАРФ. Ф. 601. Фонд Николая II.

ГАРФ. Ф. 677. Фонд Александра III.

Российский государственный исторический архив

РГИА. Ф. 237. Фонд Инспекции Императорских поездов.

* В названиях источников и литературы сохранено написание оригиналов.

РГИА. Ф. 468. Фонд Кабинета Его Императорского Величества Николая II.

РГИА. Ф. 469. Фонд Придворной Его Императорского Величества конторы.

РГИА. Ф. 472. Фонд канцелярии Министерства Императорского двора.

РГИА. Ф. 474. Фонд Управления Собственным Его

Величества дворцом.

РГИА. Ф. 475. Фонд Петербургского дворцового управления.

РГИА. Ф. 476. Гофмаршальская часть Министерства Императорского двора.

РГИА. Ф. 479. Фонд управления придворно-медицинской части.

РГИА. Ф. 525. Фонд Канцелярии императрицы Александры Федоровны.

РГИА. Ф. 536. Фонд Главного дворцового управления.

РГИА. Ф. 548. Контора Двора великой княгини Елены Павловны.

РГИА. Ф. 1338. Собственная Его Императорского Величества Контора.

РГИА. Ф. 1614. Фонд графов Адлербергов.

Эпистолярные источники

Берне О. При дворе Николая I. Письма из Петербурга. 1842–1843. М., 2008.

Из переписки Николая и Марии Романовых в 1907–1910 гг. // Красный архив. М., 1932. Т. 1–2.

Мейлунас А., Мироненко С. Николай и Александра. М., 1998.

Плетнев П.А. Сочинения и переписка. СПб., 1885. Т. III.

Письма императора Александра III к наследнику цесаревичу великому князю Николаю Александровичу // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. М., 1999. Т. IX.

Царское Село. 19 мая 1858 г. Письмо императора Александра II к кн. И.А. Барятинскому // Вопросы истории. 2006. № 12.

Шереметев С.Д. Письма с Руцукского отряда 1877 года. СПб., 1898.

Документы и справочники

Барышников М.Н. Деловой мир Санкт-Петербурга: Исторический справочник. СПб., 2000.

Брокгауз Ф.А., Эфрон И.А. Энциклопедический словарь. СПб., 1903. Т. 77.

Великий князь Александр Александрович: Сборник документов. М., 2002.

Высочайше утвержденный церемониал святого миропомазания Ея Королевского Высочества Марии-Софии-Фредерики-Дагмар, принцессы Датской. СПб., 1866.

Высочайше утвержденный порядок Торжественного выхода в Зимнем дворце, 26 ноября 1884 года, в день Орденского праздника Св. Великомученика и Победоносца Георгия. СПб., 1884.

Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917. СПб., 2002. Т. 3.

Обзор деятельности Министерства Императорского двора за время царствования в Бозе почившего государя императора Александра III. 1881–1894. СПб., 1901. Ч. 1.

Отчет о деятельности Санкт-Петербургского дворцового управления за 1904 г. // Библиотека РГИА. Б.м., Б.д.

Отчет о приходе и расходе денежных сумм, поступивших в распоряжение Ея Императорского Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны на нужды войны за 1914 г. Пг., 1915.

Падение царского режима: Стенографические отчеты. Л., 1925. Т. IV.

Падение царского режима: Стенографические отчеты. М., 1927. Т. VII.

Петергоф. Новые поступления. 2003–2005. Петергоф, 2005.

Погожее В.П. Очерк деятельности Министерства Императорского двора по приготовлениям и устройству торжеств священного коронования в 1896 г. Т. 3. СПб., 1896.

Положение об управлении Императорским Зимним дворцом. СПб., 1840.

Сводный каталог культурных ценностей, похищенных и утраченных в период Второй мировой войны. Т. 5. Гатчинский дворец. Кн. 2. М., 2004.

Сводный каталог культурных ценностей, похищенных и утраченных в период Второй мировой войны. Т. 5. Государственный музей-заповедник «Гатчина». Кн. 3. Гатчинский дворец. М., 2006.

Список лицам, получившим подарки из Кабинета Его Величества. 1891–1916 гг. СПб., 2003.

Сборники воспоминаний

Александр Второй: Воспоминания. Дневники. СПб., 1995.

Александр Третий: Воспоминания. Дневники. Письма. СПб., 2001.

Александр III в Гатчине. СПб., 2001.

Великий князь Александр Александрович: Сборник документов. М., 2002.

Великий князь Сергей Александрович: Биографические материалы. Кн. 1. 1857–1877. М., 2006.

Великий князь Сергей Александрович Романов: Биографические материалы. Кн. 2. 1877–1880. М., 2007.

Верная Богу, Царю и Отечеству. Анна Александровна Танеева (Вырубова) – монахиня Мария. СПб., 2005.

Материалы к житию преподобномученицы великой княгини Елизаветы. М., 1996. Николай I. Муж. Отец. Император. М., 2000. Николай Первый и его время. М., 2000. Т. 1–2. Николай I: личность и эпоха: Новые материалы. СПб., 2007. Николай II: Воспоминания. Дневники. СПб., 1994. Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах

XVIII–XX вв. М., 1999. Т. IX. Россия XVIII века глазами

иностранцев. JL, 1989. Тайны царского двора (из записок фрейлин): Сборник. М., 1997. Царственные мученики в воспоминаниях верноподданных. М., 1999.

Дневники и мемуарная литература

Баронесса Крюденер. Неизданные автобиографические тексты. М., 1998.

Блок А. Последние дни старого режима // Былое. 1919. № 15. *Бобринский А.А.* Дневник. 1910–1911 гг. // Красный архив. М., 1928. Т. 1.

Богданович А. Три последних самодержца. М., 1990. *Богданович А.В.* Дневник. Три последних самодержца. М., 1924. *Бризак Р.* Река жизни // День и ночь. Литературный журнал для семейного чтения. 2006. № 9—10. *Буксгевден С.* Венценосная мученица. Жизнь и трагедия Александры

Федоровны Императрицы всероссийской. М., 2006. *Буксгевден С.К.* Император Николай II, каким я его знала. Отрывки воспоминаний // Возрождение. Литературно-исторические тетради. Париж, 1957. Т. 67. *Бьюкенен Дж.* Мемуары дипломата. М., 1991.

Вельяминов Н.А. Воспоминания о Александре III // Российский архив.

Вып. 5. М., 1994. *Витте С.Ю.* Воспоминания. М., 1960. Т. 1–2.

Воейков В.Н. С царем и без царя. Воспоминания последнего дворцового коменданта государя-императора Николая II. Гельсингфорс, 1936. *Волков А.А.* Око-

ло царской семьи. М., 1993. *Воррес Й.* Последняя великая княгиня. СПб., 2003. Воспоминания И.Д. Авдиевой // Лица: Биографический альманах.

М.; СПб., 1992. Т. 1. *Герасимов А.В.* На лезвии с террористами. Париж, 1985. *Гуль Р.* Я унес Россию. Нью-Йорк, 1984. Т. 2. *Ден Л.* Подлинная царица. СПб., 2003. *Джунковский В. Ф.* Воспоминания. М., 1997. Т. 1. Дневник А.А. Половцева // Красный архив. 1923. Т. III. Дневник императора Николая II. 1890–1906 гг. Париж, 1980.

Дневник Николая II. М., 1991.

Дневники императрицы Марии Федоровны (1914–1920, 1923 годы). М., 2005.

Епанчин Н.А. На службе трех императоров. М., 1996.

Жильяр П. Император Николай II и его семья. М., 1991.

Записки Ксенофонта Алексеевича Полевого // Исторический вестник.

1887. Т. 30. № 10. Из дневника кн. В. Орлова // Былое. 1919. № 14. *Извольский А.П.* Воспоминания. М., 1989.

К.Р. Великий князь Константин Романов. Дневники. Воспоминания.

Стихи. Письма. М., 1998. *Клейнмихель М.* Из потонувшего мира. Пг., 1923. *Клейнмихель М.Э.* Из пото-

нувшего мира // За кулисами политики.

1848–1914. М., 2001. *Коковцов В.Н.* Из моего прошлого (1903–1919). Воспоминания. Мемуары. Минск, 2004. *Кони А.Ф.* На жизненном пути. Л., 1929. Т. 5. *Корф М.А.* Записки. М., 2003. *Кропоткин П.А.* Записки революционера. М., 1990. *Куропаткин А.Н.* Дневник. Н. Новгород, 1923. *Кучумов А.М.* Статьи. Воспоминания. Письма. СПб., 2004. *Кюстин де А.* Николаевская Россия. М., 1910. *Лаферте В.* Александр II. М., 2004. *Лемке М.* 250 дней в Царской ставке. Пг., 1920.

Мамонтов В.И. На государевой службе. Воспоминания. Таллин, 1926.

Масолов А. При Дворе императора. Рига, 1936.

Мельник Т. Воспоминания о царской семье и ее жизни до и после

революции. М., 1993. Мемуары графа С.Д. Шереметева. М., 2001. *Милюков П.Н.* Воспоминания. М., 1990. Т. 2. *Михайлович Александр.* Книга воспоминаний. М., 1991. *Мосолов А.А.* При Дворе последнего императора. СПб., 1992. Неизвестные фрагменты «Воспоминаний» А. Вырубовой // Родина. 1998. № 2.

Николай II: Воспоминания. Дневники. СПб., 1994. *Палеолог М.* Дневник посла. М., 2003.

Панкратов В.С. С царем в Тобольске // Былое. Л., 1924. № 25–26. *Половцев А.А.* Дневник государственного секретаря: В 2-х тт. Т. 2.

(1887–1892). М., 2005. *Пурталес*. Между миром и войной. Воспоминания бывшего германского посла в России. М., 1923.

Редигер А. История моей жизни. Воспоминания военного министра.

М., 1999. Т. 1. *Родзянко М.В.* Крушение империи. Л., 1929. *Светланы Г., Капков С.* Товарищ Его Высочества. СПб., 2002. *Смирнова-Россет А.О.* Дневник. Воспоминания. М., 1989. *Спиридович А.И.* Великая война и Февральская революция. 1914–1917.

Нью-Йорк, 1960. Т. 1–3. *Танеева А.* (Вырубцова). Страницы из моей жизни. Берлин, 1923. *Тихменев Н.М.* Из воспоминаний о последних днях пребывания императора Николая II в Ставке. Ницца, 1925. *Тютчева А.Ф.* При дворе двух императоров. Воспоминания. Дневник.

1853–1855. М., 1990. *Феоктистов Е.М.* За кулисами политики. 1848–1914. М., 2001. *Шварц А.Н.* Мои воспоминания о Государе. М., 1994. *Шереметев С.Д.* Полковые воспоминания. СПб., 1898. *Шуленбург В.Э.* Воспоминания об императрице Александре Федоровне. Париж, 1928. *Юсупов Ф.Ф.* Воспоминания. М., 1990.

Ящик Т.К. Рядом с императрицей. Воспоминания лейб-казака. СПб., 2004.

Периодика

Бологовская Н.П. Моя Ливадия // Русская мысль. Париж, 1989. 30 июня.

Вечерний Челябинск. 10.09.2002. Размещено на сервере <http://www.chelpress.ru/> Всемирная иллюстрация. 1883. № 737.

Киселев С. Императорские поезда в России // Антик. Инфо. 2004. № 9. *Ковалевский ИМ.* Аничков дворец. Из воспоминаний о своей семье //

Русская мысль (Париж). 1974. № 3025. Крымские известия. 2005. № 65 (3295). 9 апреля. Московский журнал. 1998. № 7.

Новосельский Ю. Императорские поезда // Пресса Царского Села.

№ 87. 9 ноября 2002 г. Последний самодержец // Голос минувшего. 1917. № 4. *Шугуров Л.* Гараж Его Императорского Величества // Обозреватель. 1994. № 3.

Публицистика

Алферьев В.В. Император Николай II как человек сильной воли. М., 1991.

Аксельрод В.И., Буланкова Л.П. Аничков дворец – легенды и были. СПб., 1996.

Башуцкий А. Возобновление Зимнего дворца в Санкт-Петербурге. СПб., 1839.

Берберова Н. Люди и ложи. Русские масоны XX столетия. М., 1997.

Боганов И. Лекарство от скуки или история мороженого. М., 2007.

Богданов И. Дым отечества, или Краткая история табакокурения. М., 2007.

Гарденин Ю. (Чернов В.М.) Юбилей Николая Последнего. 1894–1904. Б. м. 1904.

Духовник царской семьи Святитель Феофан Полтавский. М., 1994.

Молин Ю.А. Романовы. Путь на Голгофу. Взгляд судебно-медицинского эксперта. СПб., 2002.

Молин Ю.А. Романовы... Забвение отменяется! Взгляд судебно-медицинского эксперта. СПб., 2005.

Обнинский В.П. Последний самодержец. М., 1992.

Первушина Е.В. Загородные императорские резиденции. Будни. Праздники. Трагедии. СПб., 2007.

Пыляев М.М. Старый Петербург. М., 1990.

Романов П.В. Застольная история государства Российского. М., 2002.

Руднев В.М. Правда о царской семье и «темных силах». Берлин, 1920.

Чулков Г. Императоры. М., 2001.

Щеголев П.Е. Последний рейс Николая II. М., 1928.

Научные статьи

Аничков дворец – памятник российской истории: Материалы конференции. СПб., 1997.

Ботт И. Царское – «гнездышко» императрицы Марии Александровны // Наше наследие. 2003. № 3.

Боханов А. «Черные сестры». Черногорские княжны при царском дворе // Родина. 2003. № 2.

Боханов А. Романовы и английский королевский дом: династические узы и политические интересы // Отечественная история. 2000. № 3.

Высочков Л.В. Пиво при Императорском дворе // Мир пива. 1997. Альманах. № 2. СПб., 1997.

Девятова С. Для какого декольте шею мыть? // Родина. 2003. № 7.

Коршунова Т. Придворный костюм в России // Наше наследие. 2000. № 53.

Ланг А.И. Императорская яхта «Полярная звезда» в санитарном отношении. СПб., 1892.

Малевинская М. Августейшая яхта // Родина. 2000. № 11.

Огарева Н.В. Художник А. П. Боголюбов при Дворе цесаревича Александра Александровича // Аничков дворец – памятник российской истории: Материалы конференции. СПб., 1997.

Папсуева С. «Мундирное» платье фрейлины // Уральский следопыт. 1996. № 11–12.

Пахомова-Грейс В. Адини и ее приданное // Наше наследие. 2000. № 5.

Пашкова Т.Л. Главная лестница северо-западного ризалита Зимнего дворца // Архитектурные тетради. Вып. 1. СПб., 1994.

Пашкова Т.Л. Зимний дворец конца 1830-х – начала 1840-х годов и образ жизни императорской семьи // Архитектура Петербурга. Материалы исследований. Ч. 2. СПб., 1992.

Пашкова Т.Л. Интерьеры А.П. Брюллова во втором этаже северозападного ризалита Зимнего дворца // Культура и искусство России XIX в. Новые материалы и исследования. Сборник статей. Л., 1985.

Сидорова М.В. Два альбома с рисунками А.Б. Перовского // Хранители. Материалы XI Царскосельской научной конференции. СПб., 2005.

Скурлов В.В. Человеческие фигурки. Карл Фаберже и его продолжатели // Антикварное обозрение. 2005. № 3.

Страницы русской истории. СПб., 2004.

Суслов В.А. Николай I и Эрмитаж // Клио. 2003. № 2.

Тоесева А. Ипполит Монигетти – архитектор Высочайшего двора // Наше наследие. 2003. № 3.

Успенский А.И. Павловский дворец // Записки импе-

раторского Московского Археологического общества.
М., 1913. Т. 24.

Шепелёв Л. Императорский двор // Родина. 2003.
№ 1.

Монографии

Аммосов Н. Краткое описание о пневматическом отапливании и о качествах воздуха относительно к здоровью. М., 1844.

Аммосов Н. Заметки на счет испытания пневматических печей. СПб., 1863.

Аммосов Н. Замечания на статью г. Ходнева о пневматических печах. СПб., 1861.

Археологическое изучение Санкт-Петербурга в 1996–2004 гг. СПб., 2005.

Багдарасян В.Э. «Теория заговора» в отечественной историографии второй половины XIX–XX вв. М., 1999.

Большой датский дог: Библиотека американского клуба собаководства. М., 1998.

Боханов А. Российский императорский дом. М., 1992.

Боханов А. Судьба императрицы. М., 2004.

Боханов А.И. Святая царица. М., 2006.

Введенский Г.Э. Пять веков русского военного мундира. СПб., 2005.

Вильчковский С.Н. Царское Село. СПб., 1911.

Высочков Л.В. Император Николай I: человек и государь. СПб., 2001.

Волков Н.Е. Двор русских императоров в его прошлом и настоящем. М., 2001.

Гагсбург фон Г. Фаберже: придворный ювелир. СПб., 1993.

Гатчинский арсенал. Сто предметов из собрания российских императоров. СПб., 2001.

Галушкин Н.В. Собственный Его Императорского Величества Конвой. М., 2004.

Григорович В.Д. Петергоф. Описание предметам, имеющим преимущественно художественное значение. СПб., 1885.

Заворыкин А.А., Осьмова Н.И., Чернышов В.И., Шухардин С.В. История техники. М., 1962.

Захарова О.Ю. Власть церемониалов и церемониалы власти в Российской империи XVIII – начала XX веков. М., 2003.

Захарова О.Ю. История русских балов. М., 1998.

Зимний дворец: Очерки жизни императорской резиденции. Т. 1. XVIII – первая треть XIX вв. СПб., 2000.

Знаменов В.В. Коттедж. Л., 1980.

Корнева Г.Н., Чебоксарова Т.Н. Любимые резиденции императрицы Марии Федоровны в России и Дании. СПб., 2006.

Лалаев М.С. Император Николай I, зиждитель русской школы: Исторический очерк. СПб., 1896.

Лаврентьева Е.В. Повседневная жизнь дворянства

пушкинской поры. Этикет. М., 2005.

Легенды, Мифы, Предания. М., 1992.

Линдер И.Б., Чуркин С.А. История специальных служб России X-XX веков. М., 2004.

Масси Р. Николай и Александра. М., 1996.

Мейер-Стабли Б. Повседневная жизнь Букингемского дворца при Елизавете II. М., 2007.

Несин В. Зимний дворец в царствование последнего императора Николая II. 1894–1917. СПб., 1998.

Несин В.Н. Зимний дворец в царствование Императора Николая II. СПб., 1999.

Ольденбург С.С. Царствование Императора Николая II. М., 1991. Т. 1.

Первушина Е.В. Загородные императорские резиденции. Будни. Праздники. Трагедии. СПб., 2007.

Погожее В.П. Очерк деятельности Министерства Императорского двора по приготовлениям и устройству торжеств священного коронования в 1896 г. СПб., 1896. Т. 1–4.

Погожее В.П. Работы Министерства Императорского двора по приготовлениям и устройству торжеств священного коронования Их Императорских Величеств в 1896 г. СПб., 1897.

Попов А.В. Романовы на южном берегу Крыма. Симферополь, 1930.

Российские императоры и Оружейная палата. М.,

2006.

Русские императорские яхты. Конец XVII – начало XX вв. СПб., 1997.

Сабанеев Л. Собаки охотничьи. Кн. 1. М., 1992.

Сивков А. В.П. Стасов и его работы по восстановлению Зимнего дворца после пожара 1837 г. Л., 1948.

Смирнов Г., Янченко И. Арсенальное каре Гатчинского дворца. Л., 1935.

Старцев В.И. Штурм Зимнего: Документальный очерк. Л., 1987.

Татищев С.С. Император Николай и иностранные дворы. Исторические очерки. СПб., 1889.

Чистович И.А. Руководящие деятели духовного просвещения в России. СПб., 1894.

Шевелева Е.Н. Ордена Александра I. СПб., 1993.

Шеманский А., Гейченко С. Коттедж. Дача Николая I в Петергофе. Л., 1930.

Шеманский А.В. Александрия. Петергоф. Л., 1936.

Эрмитаж. История строительства и архитектура зданий. Строительство. 1989.

Яковлев В.И. Александровский дворец-музей в Детском Селе. Л., 1927.

Яковлев В.И. Александровский дворец Царского Села. Л., 1926.

200-летие Кабинета Е.И.В. 1704–1904: Историческое исследование. СПб., 1911.

Каталоги выставок

Александр I. «Сфинкс, не разгаданный до гроба»: Каталог выставки. СПб., 2005.

Александр II и Царское Село: Каталог выставки. М., 2000.

Бреге в Эрмитаже: Каталог выставки. СПб., 2004.

Гатчинский арсенал. 100 предметов из собрания российских императоров. СПб., 2001.

Император Александр III. Императрица Мария Федоровна: Каталог выставки. СПб., 2006.

Императорские яхты. Петергоф, 2005.

На детской половине. Детство в царском доме. ОТ-МА и Алексей: Каталог выставки. М., 2000.

Придворная охота. М., 2002.

Петергоф. Новые поступления. 2003–2005. Петергоф, 2005. При Дворе русских императоров. Произведения Михая Зичи из собрания Эрмитажа: Каталог выставки. СПб., 2005. Пушкин и Зимний дворец: Каталог выставки. СПб., 1999. Солнечный лучик. К столетию со дня рождения цесаревича Алексея.

1904–2004. Петергоф, 2004. Фаберже. Ювелир Романовых. М., 2005.

Фрейлины и кавалерственные дамы XVIII – начала XX вв. М., 2004.

Царскосельский арсенал. 100 предметов из собрания российских императоров. СПб., 2000. Цесаревич. Документы. Воспоминания. Фотографии. М., 1998.

Интернет

www.AlexanderPalace.com.